

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

3(37)'2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(37)'2011

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journal.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2011

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Заведующий отделом перевода: И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2011. Вып. 3(37). – 272 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (государственный контракт № 14.740.11.0990).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 3 (37)

Подписано в печать 01.09.2011. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 31,0. Тираж 500 экз. Заказ 3671.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2011

© Политическая лингвистика, 2011

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(37)'2011

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
-------------	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Гноселогический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса	11
Волкова Т. А. Челябинск, Россия	Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов	17
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Когнитивная модель идеологии КПРФ	25
Карасик В. И. Волгоград, Россия	Концептуализация социального действия: «Мероприятие»	32
Лалетина А. О. Нижний Новгород, Россия	Глобализация как объект лингвистических исследований	39
Седых А. П. Белгород, Россия	Шарль де Голль и идиополитический дискурс	46
Солопова О. А. Челябинск, Россия	Исследование моделей будущего России в политическом дискурсе	51
Ян Кэ Гуанчжоу, Китай	Исследования политической коммуникации в Китае	58

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Асташова О. И. Екатеринбург, Россия	Речевой портрет Н. Ю. Белых: динамический аспект	64
Быкова Т. Ю. Челябинск, Россия	Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в советской прессе довоенного времени. (1930—1939 гг.)	69
Князев Н. А. Пятигорск, Россия	Лексические инновации в англоязычном политическом дискурсе	74
Ковалёва Т. С. Томск, Россия	Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов ИноСМИ, посвященных Южноосетинскому/Грузинскому конфликту 2008 г.)	78
Кошкарлова Н. Н. Челябинск, Россия	Пресс-конференция президента России (18 мая 2011 г.): стилистика и риторика текста	87
Култышева И. В. Нижний Тагил, Россия	Особенности аргументации в предвыборных теледебатах (на примере теледебатов агитационной кампании в Областную думу Законодательного собрания Свердловской области 2010 года)	93
Лату М. Н. Пятигорск, Россия	Военная терминология в современном политическом дискурсе	98
Малюкова Д. С. Томск, Россия	Манипулятивный потенциал метафорических моделей «Бизнес — война» и «Бизнес — игра»	105
Мартьянов В. С. Екатеринбург, Россия	Знак и символ как конкурирующие структуры политического дискурса	110

Медведева Е. А., Спицына Н. А. Владивосток, Россия	Использование технологий спичрайтинга в политической лингвистике (на примере речи президента США Барака Обамы «О новой странице в отношениях»)	117
Моргун О. М. Москва, Россия	Критический дискурс-анализ в методологии политической науки	122
Онищенко М. С. Ульяновск, Россия	<i>Медведев — Путин</i> в современной русской концептосфере: концептуальное единство или оппозиция?	129
Рябкова И. П. Ижевск, Россия	Межкультурная коммуникация в сфере политики и вопросы перевода	143
Садуов Р. Т. Уфа, Россия	Политический дискурс Барака Х. Обамы в преломлении лингвокультурного и семиотического аспектов	147
Салатова Л. М. Челябинск, Россия	Отражение образов кризиса российскими СМИ	162
Семкин М. А. Рязань, Россия	Манипулятивный потенциал количественных аргументов в дискурсе политического комментария	167
Степанова М. А. Нижневартовск, Россия	Ушла ли советская угроза? (О трансформации идеологемы «Soviet threat»)	172

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Вагенляйтнер Н. В. Омск, Россия	Языковой образ женщины-политика в аспекте характеристики внешности (на материале печатных СМИ)	180
Гуляева Е. В. Волгоград, Россия	Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе	184
Денисов Ю. П. Омск, Россия	Смерть Б. Н. Ельцина в дискурсе российской национально-патриотической оппозиции (на основе анализа газет «Советская Россия», «Правда», «Завтра»)	188
Дзюба Е. В. Екатеринбург, Россия	Концепт и исторический контекст	194
Добров А. В. Санкт-Петербург, Россия	Комплексный лингвистический подход к автоматической рубрикации новостных сообщений	202
Злоказов К. В. Екатеринбург, Россия	Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности	210
Золотарёва Ю. А. Ульяновск, Россия	О дефиниции термина «языковое преступление»	217
Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия	Метафорическое моделирование внутреннего мира как способ создания образа политического противника (образ Ивана Грозного в интерпретации Андрея Курбского)	220
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Макроструктуры дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы	226
Михайловский И. О. Екатеринбург, Россия	«Арцыбашевщина» и социально-культурный контекст	236

Мохова Е. К. Сургут, Россия	Метафорическое осмысление ислама в дискурсе Барака Обамы и Николая Саркози	241
Терских М. В. Омск, Россия	Речевой жанр угрозы в дискурсе политической и торговой рекламы	245
Шумская Э. Н. Екатеринбург, Россия	Мамбёт: становление прецедентности	254

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лассвелл Г. Д. Нью-Хейвен, США <i>Пер. Е. Б. Матыгиной</i>	Применение данных контент-анализа при изучении социальных перемен	258
---	--	-----

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Волгоград, Россия	Прецедентные онимы в СМИ <i>Рецензия на монографию Е. А. Нахимовой «Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования»</i>	266
Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия	Вопросы лингвоконцептологии <i>Рецензия на монографию Е. В. Дзюбы «Концепт „ум“ в русской лингвокультуре»</i>	269
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		272

CONTENTS

EDITORIAL		10
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Budaev E. V. Nizhny Tagil, Russia	The gnoseological potential of the method of combined fragmentation of political discourse	11
Volkova T. A. Chelyabinsk, Russia	Discourse analysis methods in diplomatic texts translation modeling	17
Gavrilova M. V. St. Petersburg, Russia	Cognitive model of ideology of the Communist Party of the Russian Federation	25
Karasik V. I. Volgograd, Russia	Conceptualization of a social action: “An official event”	32
Laletina A. O. Nizhny Novgorod, Russia	Globalization as an object of linguistic research	39
Sedykh A. P. Belgorod, Russia	Charles De Gaulle and idiopolitical discourse	46
Solopova O. A. Chelyabinsk, Russia	Researching models of Russian future in political discourse	51
Yan Ke Guanchzhou, China	Research on political communication in China	58
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Astashova O. I. Ekaterinburg, Russia	Speech portrait of N.Yu. Belykh: dynamic aspect	64
Bykova T. Yu. Chelyabinsk, Russia	Preparation for war or a great building? Metaphorical image of the Soviet Union in the pre-war Soviet press (1930—1939)	69
Knyazev N. A. Pyatigorsk, Russia	Lexical innovations in political discourse in English	74
Kovalyova T. S. Tomsk, Russia	Strategy of manipulation in the informational war (based on texts of foreign media dedicated to the South Ossetian / Georgian conflict, 2008)	78
Koshkarova N. N. Chelyabinsk, Russia	Press conference of Russia’s President (May, 18 2011): text-oriented stylistics and rhetoric	87
Kultysheva I. V. Nizhny Tagil, Russia	Peculiarities of argumentation in election campaign TV debates (on the basis of the TV debates of the 2010 election campaign to the regional Duma Legislative Assembly of Sverdlovsk Region)	93
Latu M. N. Pyatigorsk, Russia	Military terminology in modern political discourse	98
Maliukova D. S. Tomsk, Russia	Manipulative potential of metaphorical models «Business is war» and «Business is game»	105
Martyanov V. S. Ekaterinburg, Russia	The sign and the symbol as competing structures of political discourse	110

Spitsyna N. A., Medvedeva E. A. Vladivostok, Russia	Speech writing techniques usage in political linguistics (On the example of “A new beginning” Barack Obama’s speech)	117
Morgoon O. M. Moscow, Russia	Critical discourse analysis within political science research methods	122
Onishchenko M. S. Ulianovsk, Russia	<i>Medvedev—Putin</i> in the contemporary system of concepts: concept unity or opposition?	129
Ryabkova I. P. Izhevsk, Russia	Intercultural communication in the sphere of politics and questions of translation	143
Saduov R. T. Ufa, Russia	Linguistic, cultural and semiotic aspects of Barack H. Obama’s political discourse	147
Salatova L. M. Chelyabinsk, Russia	The reflection of crisis images by Russian media	162
Siomkin M. A. Ryazan, Russia	Manipulative potential of quantitative arguments in discourse of political comment	167
Stepanova M. A. Nizhnevartovsk, Russia	Has Soviet threat disappeared? The transformation of the ideologeme “Soviet threat”	172

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Vagenlyaytner N. V. Omsk, Russia	Language image of the woman-politician in aspect of the description of appearance (according to printing mass-media)	180
Gulyaeva E. V. Volgograd, Russia	Lingo-cultural type “Russian politician”	184
Denisov Yu. P. Omsk, Russia	Death of B. N.Yeltsin in the discourse of the Russian national-patriotic opposition (on the basis of the analysis of newspapers “Sovietskaya Rossiya”, “Pravda”, “Zavtra”)	188
Dziuba E. V. Ekaterinburg, Russia	Concept and historical contest	194
Dobrov A. V. St. Petersburg, Russia	A complex linguistic approach to automatic classification of news reports	202
Злоказов К. В. Екатеринбург, Россия	Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности	210
Zolotareva Yu. A. Ulianovsk, Russia	On the definition of the term «Language crime»	217
Kondratyeva O. N. Kemerovo, Russia	Metaphorical modelling of the inner world as the way of creation of the image of political opponent (an image of Ivan Groznyi in Andrey Kurbskiy’s interpretation)	220
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Macro-structures of discursive worlds of the Russian and English advertisements	226
Mikhailovsky I. O. Ekaterinburg, Russia	«Artsybashevshina» and socio-cultural context	236

Mokhova E. K. Surgut, Russia	Metaphorical interpretation of Islam in Barack Obama and Nicolas Sarkozy discourse	241
Terskikh M. V. Omsk, Russia	Speech genre of threat in a discourse of political and trading advertising	245
Shumskaya E. N. Ekaterinburg, Russia	Mambet: process of making precedent	254

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Lasswell H. D. New Haven, the USA <i>Transl. by Matygina E. B.</i>	The uses of content analysis data in studying social change	258
---	---	-----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Karasik V. I., Slyshkin G. G. Volgograd, Russia	Precedent onyms in Mass Media <i>The review of the monograph by E .A. Nakhimova «Precedent onyms in the contemporary Russian mass communication: theory and methods of cognitive-discursive research»</i>	266
Kondratyeva O. N. Kemerovo, Russia	Вопросы лингвоконцептологии <i>Рецензия на монографию Е. В. Дзюбы «Концепт „ум“ в русской лингвокультуре»</i>	269
Manuscripts requirements		272

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцать седьмой номер журнала «Политическая лингвистика».

Как и прежде, мы стремимся к узкой специализации с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Как и прежде, в журнале пять основных разделов.

Раздел «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои материалы доктор наук, профессора М. В. Гаврилова (Санкт-Петербург), В. И. Карасик (Волгоград), А. П. Седых (Белгород), а также профессор Ян Кэ (Гуанчжоу, Китай).

Раздел «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

В разделе «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, написанные много десятилетий назад, но сохраняющие свою значимость для теории и истории науки.

Особую благодарность выражаем авторам раздела «Рецензии. Хроника».

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы соответствующих публикаций.

Мы не располагаем средствами для оплаты труда профессиональных переводчиков. Поэтому вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета — uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Данный номер журнала подготовлен при поддержке Министерства образования и науки РФ. В нем представлены результаты научно-исследовательских проектов молодых ученых России, выполненных в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 г.» (ГК № 14.740.11.0990).

Также в этом номере опубликованы работы участников Международного конкурса публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика». Благодарим всех за живой отклик и интересные работы. Надеемся, что данный конкурс станет ежегодным. Приглашаем молодых ученых, интересующихся проблемами политической лингвистики, к сотрудничеству. Победителями конкурса 2011 г. признаны следующие авторы: в 1 номинации («Теория политической лингвистики»): Э. В. Будаев (1 место), О. А. Солопова (2 место), Т. А. Волкова (3 место); во 2 номинации («Политическая коммуникация»): М. А. Степанова (1 место), И. В. Култышева (2 место), Т. С. Ковалёва (Трифонова) (3 место); в 3 номинации («Язык — политика — культура»): М. В. Терских (1 место), Ю. П. Денисов (2 место), О. Н. Кондратьева (3 место).

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов, доцент Эдуард Владимирович Будаев, доцент Мария Борисовна Ворошилова, редактор Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.07

Kod BAK 10.02.19

Э. В. Будаев

Нижний Тагил, Россия

E. V. Budaev

Nizhny Tagil, Russia

ГНОСЕЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДА КОМБИНИРОВАННОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

THE GNOSEOLOGICAL POTENTIAL OF THE METHOD OF COMBINED FRAGMENTATION OF POLITICAL DISCOURSE

Аннотация. Демонстрируется гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса. На примере анализа морбальной метафоры российских СМИ периода президентства В. В. Путина показано, что данный метод повышает эвристичность анализа политического дискурса и позволяет получать новое знание, недоступное при использовании других методов.

Abstract. The article deals with the gnoseological potential of the method of combined fragmentation of political discourse. The paper reveals the heuristics of this method on the basis of research into metaphors of disease in the Russian mass media during the presidency of V. Putin. The combined fragmentation of discourse permits the researcher to acquire new knowledge inaccessible to him or her while using other methods of political discourse analysis.

Ключевые слова: фрагментация дискурса; курс-анализ; политическая метафора; лингвистические методы.

Key words: fragmentation of discourse; discourse analysis; political metaphor; methods of linguistics.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: aedw@rambler.ru.

Статья заняла 1 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Теория политической лингвистики»

На современном этапе развития лингвистики наблюдается повышенный интерес ученых к изучению, с одной стороны, политического дискурса, а с другой — когнитивных метафор. Интерес этот настолько велик, а количество публикаций столь многочисленно, что исследователи все чаще выделяют политическую метафорологию в отдельную область лингвистических изысканий. Вместе с тем подавляющее большинство публикаций в этой области ориентировано на синхроническое изучение политических метафор [Будаев, Чудинов 2006]. В связи с этим недостаточно изученными остаются диахронические аспекты функционирования политической метафоры, в том числе вопрос о динамике метафорических моделей.

На наш взгляд, большой гносеологический потенциал для изучения динамики политической метафоры содержит метод *фрагментации дискурса*, суть которого заключается в разделении анализируемого периода времени на определенные сегменты, параметры которых планируется сопоставлять.

Фрагментация дискурса бывает *фокусной* и *равномерной*. При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в ас-

tronomическом понимании. При таком подходе исследователь сравнивает особенности дискурса, хронологически предшествующего определенному политическому событию, а затем сопоставляет эти данные с данными, полученными при анализе дискурса, актуализированного после рассматриваемого события (примером может служить исследование А. Н. Баранова [Баранов 2003]).

При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые *шагом фрагментации*. Шаг фрагментации может быть различным. Он может быть равен году, месяцу, неделе и другим периодам времени. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о темпоральных изменениях метафоры. Особенно любопытны сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации (*комбинированная фрагментация*).

На первый взгляд, фокусная фрагментация выглядит более «дискурсивным» подходом, а равномерная — более «структуралистским». При фокусной фрагментации детальнее анализируются взаимосвязи метафоры и конкретных политических событий. Вместе с тем равномерная фрагментация дает представление

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Будаев Э. В., 2011

о наиболее общих закономерностях функционирования политических метафор.

Фрагментация политического дискурса направлена на изучение динамических свойств метафорических систем. Диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй показатель связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафоричности). Подробный анализ этих двух аспектов политической метафоричности представлен в ряде специальных исследований [Будаев 2009: 92—101; Будаев, Чудинов 2007: 107—118].

Какой же гносеологический потенциал содержит в себе метод равномерной фрагментации дискурса с комбинированным шагом для анализа динамики политической метафоричности? Использование равномерной фрагментации само по себе обладает гносеологической ценностью, однако более показательным будет применение различных вариантов метода на одном и том же материале: это позволит показать как плюсы одного из вариантов метода (т. е. его способность приводить к новому знанию), так и недостатки, высвечиваемые на фоне использования другого варианта этого метода.

Рассмотрим гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации на примере анализа российской морбиальной политической метафоричности периода президентства В. В. Путина. Для этого применим разный шаг фрагментации (шф) к одному и тому же текстовому материалу, а затем сопоставим результаты исследований.

Прежде всего необходимо четко обозначить критерии, в соответствии с которыми будут вычисляться показатели для сегментов. Можно учитывать количество метафор в определенном сегменте в абсолютном исчислении или количество метафор из определенной сферы-источника в относительном исчислении, т. е. в процентном показателе от общего числа метафор. При анализе метафоричности из определенной сферы-источника долевым подсчет малоприменим. Вместе с тем использование абсолютного показателя применимо с некоторыми оговорками. Абсолютный количественный показатель не отражает динамику метафоричности, если распределение анализируемого материала не сбалансировано по сегментам по критерию количества слов или текстов. При сбалансированном подходе отношение устанавливается не к метафорам других сфер-источников, а к количеству других единиц (слов, предложений, текстов).

Отметим, что от сегмента к сегменту варьируется не только количество метафор определенной сферы-источника метафорической экс-

пансии, но и общее количество метафор. Следовательно, увеличение количества метафор определенной сферы-источника может быть связано с общим увеличением метафоричности. Отсюда может последовать ошибочный вывод о том, что рассмотренное обстоятельство способно снизить уровень достоверности подсчетов по абсолютному показателю. Важно учитывать, что общее увеличение метафоричности происходит не за счет пропорционального увеличения всех сфер-источников метафорической экспансии, а только за счет некоторых из них, прагматический потенциал и концептуальные векторы которых востребованы на определенном этапе политической жизни общества. Следовательно, увеличение метафоричности политического дискурса, произошедшее за счет сфер-источников, не принимаемых во внимание, не отразится на анализируемых показателях, а увеличение метафоричности, связанное с ростом метафор из рассматриваемой понятийной области, разумеется, будет зафиксировано в абсолютном показателе количества метафор.

В качестве источника материалов для исследования послужил электронный корпус российской прессы (*Корпус А*), включающий в себя тексты статей из 314 периодических изданий за 8 лет общим числом ок. 1 500 000 статей (список использованных источников представлен в Приложении). Единицей корпусного анализа является газетная статья, тематика которой связана с политической, экономической и общественной жизнью современной России. Нижняя граница выборки датируется 1.01.2000 г., верхняя — 31.12.2007 г. (данные границы приблизительно совпадают с периодом президентства В. В. Путина).

При отборе использовались как общероссийские, так и региональные периодические издания (в число региональной прессы включались как собственно региональные издания, так и региональные варианты общероссийских газет). На наш взгляд, привлечение региональной прессы необходимо по целому ряду причин. С одной стороны, общероссийские издания характеризуются многотиражностью и потенциально способны оказывать влияние на большую аудиторию. В условиях современной экономики многотиражность свидетельствует о том, что издание пользуется спросом большого числа людей, и значит, содержательно издание выражает взгляды, схожие со взглядами своих читателей. Вместе с тем важно учитывать, что набор общероссийских источников не очень велик, а штат работающих в них журналистов ограничен. Включение в корпус региональных СМИ не устраняет, но отчасти нивелирует влияние данных факторов. Немаловажно и то, что при таком подходе учитывается метафоричность именно российской, а не только столичной (по преимуществу) прессы.

Для исследования с шагом фрагментации, равным одному году, первичный корпус текстов

был распределен на восемь групп в соответствии с годом публикации («2000», «2001», «2002», «2003», «2004», «2005», «2006», «2007»). Из каждой группы методом случайной выборки отбиралось по 8 400 текстов, при этом выборка осуществлялась с учетом задач комбинированной фрагментации, т. е. учитывалось равномерное распределение текстов по сезонам (шаг фрагментации равен трем месяцам, количество текстов на сезон равно 2100 текстам). Отметим, что при распределении текстов (по принципу 2100 текстов на 1 сезон, 8400 текстов на 1 год) учитывалось, что в начале 2000 г. в корпус включены два зимних месяца, а в конце 2007 г. — один месяц. Количество отбираемых текстов, не кратное трем, не позволило бы при делении получить целые числа, поэтому, к примеру, число 8000 текстов на 1 год и 2000 текстов на 1 сезон менее предпочтительно, чем 8400 и 2100 соответственно. Таким образом, на январь и февраль 2000 г. и декабрь 2007 г. пришлось по 700 текстов.

В результате выборка из первичного корпуса составила 67 200 текстов (*Корпус Б*), которые и послужили материалом для анализа.

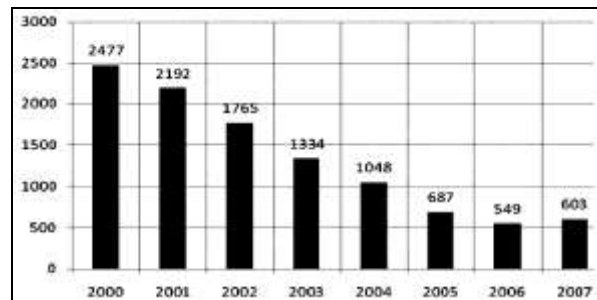
В данных текстах на основе сплошной выборки фиксировались метафорические контексты, объединяемые сферой-источником БОЛЕЗНЬ, которую исследователи традиционно относят к одной из наиболее «чувствительных» к дискурсивным условиям сфер-источников [Телешева 2006; Чудинов 2001, 2003; Шмелева 2001; De Landtsheer 1991; De Leonardis 2008; Kelly-Holmes 2004; Luoma-aho 2002; Moreno Lara 2004; Musolf 2004a, 2004b; Rash 2005 и др.]. При подсчетах не учитывалась та незначительная группа морбиальных метафор, которая актуализирует мелиоративные смыслы (напр., *выздоровление, избавление от недуга, исцеление, залечивание ран, идти на поправку* и т. п.) в этой преимущественно пейоративной сфере-источнике. Полученные для каждого сегмента показатели сопоставлялись между собой.

Данные о количестве метафор в каждом сегменте при использовании шага фрагментации (шф), равного календарному году, представлены на гистограмме 1.

Как показывают результаты анализа, уровень морбиальной метафоры плановмерно снижается от 2000 г. к 2006 г., а в 2007 г. отмечается незначительный рост. Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы президентства В. В. Путина. Если в 90-е гг. метафорическая модель СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — ЭТО БОЛЬНОЕ ОРГАНИЗМ относилась к доминантным метафорическим моделям [Феденева 1998; Чудинов 2001], то в начале XXI в. наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

По метафорическому замечанию А. П. Чудинова, «каждая историческая эпоха приносит

новую систему концептуальных политических метафор. Периоды метафорических „бурь“ сменяются метафорическими „затишьями“, после которых начинается „извержение“ новых метафорических „вулканов“» [Чудинов 2008: 86]. Начало XXI в. стало временем «метафорического затишья», совпавшего с периодом политической стабильности. Из наметившейся тенденции выпадают данные группы «2007», что может быть связано с предвосхищением мирового кризиса, разразившегося в 2008 г. В 2007 г. в прессе все чаще раздаются «тревожные звонки», предупреждающие об экономических трудностях, которые могут быть инициированы мировым экономическим кризисом. С другой стороны, расхождения данных групп «2006» и «2007» не столь велики, чтобы можно было однозначно судить о формировании новой метафорической тенденции или приближении «метафорической бури». Подобные данные вполне могут свидетельствовать о стабилизации уровня метафоры, демонстрирующего колебания малой амплитуды.

Гистограмма 1.

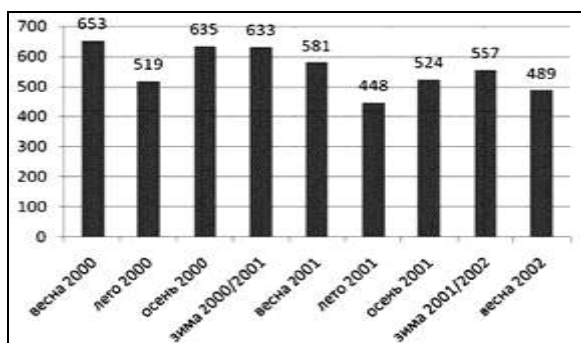
Распределение метафор болезни при шаге сегментации, равном одному году, за период 2000—2007 гг.

Обратимся теперь ко второму варианту рассматриваемой методики — равномерной фрагментации политического дискурса с сезонным шагом. При использовании шага фрагментации, равного сезону (трем месяцам), использовался тот же материал, но с небольшими изменениями.

Учитывая, что календарный год начинается 1 января, в целях сохранения целостности сопоставляемых сегментов (сезонов) хронологические рамки выборки были уменьшены на два месяца в начале корпуса и на один месяц в конце. В результате удалось сохранить целостность сопоставляемых сегментов и избежать привлечения нового материала, что неизбежно пришлось бы сделать при учете трех зимних месяцев 1999—2000 гг. и зимних месяцев 2007—2008 гг. Таким образом, хронологические рамки первого сегмента получились следующими: с 1.03.2000 до 31.05.2000, а последнего — с 1.09.2007 до 31.11.2007. В результате корпус анализируемого материала почти идентичен корпусу, использованному в первом исследовании, за небольшим сокращением (65 100 текстов).

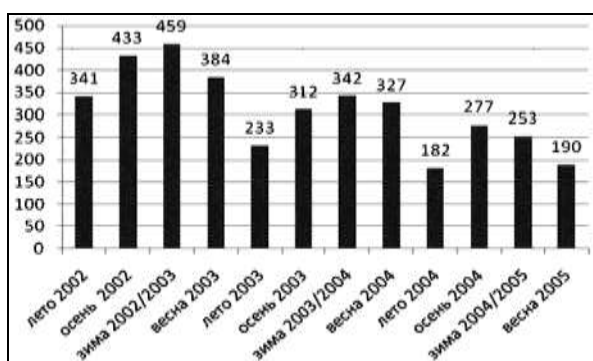
Данные хронологического сопоставления с шагом фрагментации, равным сезону (трем месяцам), представлены на гистограммах 2, 3, 4.

При использовании такого шага фрагментации тенденция к «метафорическому затишью» схематически менее заметна, однако полученные данные обнаруживают другую закономерность. Колебание уровня метафоры имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний, как правило, приходится на летние месяцы, а верхняя точка колебаний в зависимости от года — на зимние, весенние или осенние периоды.

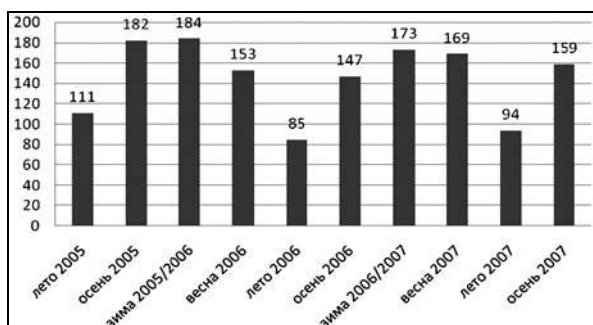
Гистограмма 2.

Распределение метафор болезни при шаге фрагментации, равном одному сезону, за период 1.03.2000—31.05.2002.

Гистограмма 3.

Распределение метафор болезни при шаге фрагментации, равном сезону, за период 1.06.2002—31.05.2005.

Гистограмма 4.

Распределение метафор болезни при шаге фрагментации, равном сезону, за период 1.06.2005—31.11.2007.

Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса. В данном случае прослеживается закономерность, суть которой была сформулирована А. П. Чудиновым следующим образом: «...источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес» [2001: 92—93].

Важно учитывать, что объединение результатов исследований, в которых применяется различный шаг фрагментации, повышает эвристичность анализа только при соблюдении единых правил проведения исследовательских процедур. Различие в методологических и методических деталях значительно ограничивает достоверность сопоставлений как с применением методики фрагментации политического дискурса, так и без нее.

Рассмотрим пример, показывающий, что получение данных о диахронической динамике политических метафор при сопоставлении результатов различных исследований сталкивается с большими трудностями. В словаре А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов, Караулов 1994], посвященном инвентаризации метафор перестройки, указано, что на долю военных метафор приходится 6,16 % от общего числа метафор. В исследовании Ю. Б. Феденевой [1998], направленном на анализ политической метафоры 90-х гг., указано, что метафоры со сферой-источником ВОЙНА составляют 10 %. На основе этих данных едва ли можно делать вывод о том, что количество военных метафор уменьшилось в 90-е гг. по сравнению с периодом перестройки. Связано это как с различиями в классификации метафорических моделей и в ограничении рассматриваемого круга сфер метафорической экспансии, так и с принципами отбора и анализа материала.

Использование равномерной фрагментации с применением одного шага обладает большой гносеологической ценностью для анализа дискурса. Вместе с тем комбинированная методика равномерной фрагментации, применяемая в рамках одного исследования, в котором обеспечено единство принципов отбора и анализа материала, позволяет повысить эвристичность анализа и продемонстрировать, что динамика метафорических систем — сложный процесс, суммирующий закономерности многочисленных когнитивно и дискурсивно зависимых факторов.

С помощью комбинированной методики равномерной фрагментации удалось просле-

дить динамические закономерности корреляции когнитивных структур и ряда экстралингвистических факторов. Комбинированный анализ показал, что частотность метафор из сферы источника БОЛЕЗНЬ находится в квантитативно фиксируемой зависимости, с одной стороны, от тенденции развития политической и социально-экономической ситуации, с другой — от геоклиматических условий проживания определенного лингвокультурного сообщества.

Применение комбинированной фрагментации дискурса позволяет продемонстрировать не только гносеологическую ценность рассматриваемого метода, но и показывает, что в развитии когнитивно-дискурсивных изысканий заключается большой эвристический потенциал для методологической эволюции политической метафорологии.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык средств массовой информации / А. Н. Баранов ; МГУ. — М., 2003. С. 134—140.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнеры, 1994.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М.: Флинта ; Наука, 2007.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2006.

Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире. — М.: Флинта ; Наука, 2009.

Телешева И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2006.

Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1998.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2003.

Чудинов А. П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 24.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2001.

Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2001. Т. 7. С. 134—138.

De Landsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatun and Cognition. 1991. Vol. 24 (3/4). P. 299—342.

De Leonardis F. War as a Medicine: The Medical Metaphor in Contemporary Italian Political Language // Social Semiotics. 2008. Vol. 18. No. 1. P. 33—45.

Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty

referenda in Ireland // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3. № 1. P. 81—116.

Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // Geopolitics. 2002. Vol. 7(3). P. 117—142.

Moreno Lara M. A. La metáfora conceptual y el lengua político periodístico: configuración, interacciones y niveles de descripción. — Logrono: Universidad de la Rioja, 2004.

Musolff A. Metaphor and Conceptual Evolution // Metaphorik.de. 2004a. № 7. P. 55—75.

Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b.

Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's Mein Kampf // metaphorik.de. 2005. № 9. P. 74—111.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ «КОРПУСА А»

АиФ в Восточной Сибири, АиФ-Иркутск, АиФ-Москва, АиФ на Дону, АиФ на Кубани, АиФ-Нижний Новгород, АиФ-Приморье, АиФ-Санкт-Петербург, АиФ-Северо-Запад, АиФ Удмуртии, АиФ-Югра, Анапа, Аргументы и факты, Арсеньевские вести, Банковская газета, Бизнес-класс, Бийский рабочий, Биржа, Брюховецкие Новости, Ведомости, Ведомости Ставрополье, Ведомости Чувашия, Версия, Вестник Предгорья, Вечерние Челны, Вечерний Екатеринбург, Вечерний Краснодар, Вечерний Новороссийск, Вечерний Новосибирск, Вечерний Ростов, Вечерний Северодвинск, Вечерний Ставрополь, Вечерний Сыктывкар, Вечерний Челябинск, Вечерняя Казань, Вечерняя Москва, Волжская коммуна, Вольная Кубань, Восточно-Сибирская правда, Время, Время и деньги, Время новостей, Вятский наблюдатель, Газета Дона, Газета.ru, Голос правды, Грани.ру, Карельская губерния, Деловая Панорама, Деловая Пенза, Деловое Поволжье, Деловой Петербург, Деловой Урал, Деловые люди, День Дона, Дни.ру, Домашняя газета, Единство, Жизнь Правобережья, Завтра, Заполярье, Заря Кубани, Златоустовский рабочий, Золотая Провинция, ИА КОМИИНФОРМ, ИА Росбалт, ИАСибВест, Известия, Известия (г. Москва), Известия (СПб.), Известия Удмуртия, Известия Юг, Итоги, Йошкар-Ола, Капитал-Weekly, Карелия, Коммерсант-DAILY, Коммерсант, Коммерсант-Власть, Коммерсант-Екатеринбург, Коммерсант-Сибирь, Коммерсантъ — Западная Сибирь, Коммерсантъ — Омск, Коммерсантъ — Юг России, Коммерсантъ-СПб, Коммерческие Вести, Комсомольская правда, Комсомольская правда-Екатеринбург, Комсомольская правда в Самаре, Комсомольская правда в СПб, Комсомольская правда на Дону, Комсомолец Кубани, Комсомолец Кузбасса, Континент Сибирь, Краевые новости, Красная звезда, Краснодарские Известия, Красное знамя, Красносулинский вестник, Красноярский рабочий, Красный Север, Кубанские Ведомости, Кубанские Новости, Кузбасс, Кузнецкий край, Кузнецкий рабочий, Курс-Н, Ленинградская правда, Литературная газета, Марийская Правда, Мир политики и бизнеса, МК в Кузбассе, МК в Марий Эл, МК

в Питере, МК в Чебоксарах, МК на Дону, МК на Кубани, МК-Урал, Молодежь Севера, Молот, Монитор-неделя, Монитор-сегодня, Московская правда, Московские новости, Московский комсомолец, Наш вариант, Наше время, Наше слово, НГ-Политика, НГ-Регионы, Невское время, Неделя Волгодонская, Независимая газета, Нижегородская правда, Нижегородские новости, Новая газета, Новая Сибирь, Новое обозрение, Новороссийские Вести, Новороссийский рабочий, Новости Югры, Новости Ямало-Ненецкого АО, Новые Известия, Новый город, Новый компаньон, Общая газета, Огни Кавказа, Официальный Ростов, Парламентская газета, Пермские новости, Петербургский Час пик, Правда, Правда Севера, Православная Москва, Прайм-ТАСС, Премьер, Приазовский край, Приазовье, Прибой, Проспект, Профиль, Республика (г. Сыктывкар), Республика Татарстан, РИА Новости, Российская бизнес-газета, Российская газета (РГ) (Башкортостан), РГ (Волга-Кама), РГ (Восточная Сибирь), РГ (Дальний Восток), РГ (Кубань. Северный Кавказ), РГ

(Москва), РГ (Пермский край), РГ (Приволжье), РГ (Северо-Запад), РГ (Сибирь), РГ (Средняя Волга), РГ (Урал и Западная Сибирь), РГ (Центральная Россия), РГ (Юг России), Российские вести, Русский курьер, Русский фокус, Рязанские ведомости, Самарская газета, Самарское обозрение, Санкт-Петербургские ведомости, Северный Кавказ, Северный Курьер, Сегодняшняя газета, Секрет фирмы, Сельская газета, Сельская жизнь, Сибирский посад, Смена, Совершенно секретно, Советская Чувашия, Ставропольская правда, Степные зори, Сургутская трибуна, Тагильский рабочий, Тверская 13, Тверская газета, Тверская жизнь, Тихорецкие вести, Тольяттинское обозрение, Трибуна, Труд, Туапсинские вести, Тюменская правда, Тюменские известия, Тюменский курьер, Уральский рабочий, Финансовая неделя, Финансовые известия, Фонтанка.ру, Чебоксарские новости, Челны, Человек труда, Челябинский Рабочий, Экономика и время, Эксперт, Эксперт Северо-Запад, Эксперт-Сибирь, Эксперт-Урал, Экспресс-репортер, Южноуральская панорама, Gzt.ru.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Т. А. Волкова

Челябинск, Россия

Т. А. Volkova

Chelyabinsk, Russia

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ДИСКУРСА В МОДЕЛИРОВАНИИ ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

DISCOURSE ANALYSIS METHODS IN DIPLOMATIC TEXTS TRANSLATION MODELING

Аннотация. Охарактеризован язык дипломатии на уровнях текста, дискурса и коммуникации. Предлагается анализ основных текстовых, дискурсивных и коммуникативных параметров и принимаемых в рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода переводческих решений, формирующих стратегии перевода дипломатических текстов.

Abstract. The paper offers a description of the language of diplomacy on textual, discursive and communicative levels. Basic textual, discursive and communicative parameters are analyzed, as well as decisions made by the translator in the framework of discourse and communication translation model, outlining strategies of diplomatic texts translation.

Ключевые слова: дипломатический дискурс; дискурсивно-коммуникативная модель перевода; стратегия перевода; коммуникативная стратегия; дипломатический документ; интердискурсивность.

Key words: diplomatic discourse; discourse and communication translation model; translation strategy; communicative strategy; diplomatic document; interdiscursivity.

Сведения об авторе: Волкова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

About the author: Volkova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: Faculty of Linguistics and Translation, the Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, каб. 349 (1).
e-mail: tatia.volkova@gmail.com.

Статья заняла 3 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Теория политической лингвистики»

С позиций дипломатического права под институтом дипломатии, определяющим характеристики дипломатического дискурса, понимается совокупность норм, направленных на регламентацию внешних сношений государств, форм их представительства за границей, вопросов дипломатического этикета, подготовки и создания дипломатических актов [Соловьев 2005: 5]. Институт дипломатии можно определить как комплексную структуру, которая включает: 1) процедуры и аппарат, призванные решать вопросы внешней политики и взаимоотношений между государствами в соответствии с концепцией внешней политики государства и нормами международного права; 2) ведомства и персонал внутри и за пределами государства, осуществляющие цели и задачи внешней политики государства.

К институциональным характеристикам дипломатического дискурса можно отнести стремление к сотрудничеству, интеграции, многосторонний, многовекторный характер взаимодействия и широкое информационное влияние. В зависимости от субъектно-адресатного вектора общения участников дипломатического дискурса можно разделить на две группы: 1) агенты — представители института дипломатии (профессиональные дипломаты) либо представители политических кругов государства (главы государств и правительств, специальных органов), вовлеченные в процесс уре-

гулирования внешней политики государства, защиты прав и интересов государства за границей; 2) клиенты — адресаты, выступающие в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института; наиболее четко эту схему взаимоотношений внутри института дипломатии можно проследить на примере работы консульской службы, призванной защищать за границей права и интересы граждан государства, содействовать развитию дружественных отношений со страной пребывания, расширению торгово-экономических, научных и культурных связей и туризма [Лапин 2002]. Такая же схема справедлива для контактов дипломата с бизнесменами, СМИ, научно-технической интеллигенцией, деятелями высшей школы, культуры и искусства как представителями соответствующих институтов и дискурсов.

Отметим, что с позиций авторства текста представляется возможным различать собственно авторские тексты, тексты без формального автора, тексты со смещенным авторством [Чудинов 2006: 75]. Многие дипломатические документы формально не имеют автора и обнародуются министерством иностранных дел от имени государства либо международной организацией. Собственно авторские тексты представлены в дипломатической переписке; тексты со смещенным авторством (с указанием нескольких участников подготовки документа, кроме статусного автора) представлены в ма-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Волкова Т. А., 2011

териалах, содержащих интервью официальных лиц по внешнеполитическим вопросам, во внутриведомственной дипломатической документации.

Анализ международных документов, раскрывающих цели деятельности международных организаций, анализ концепций внешней политики ведущих государств, а также тенденции современной дипломатии (многогранность дипломатии, многополярность мира, стремление к сотрудничеству, глобализация и информатизация международных отношений) позволяют, на наш взгляд, свести цели дипломатического дискурса к следующим: надежное обеспечение безопасности государства, сохранение и укрепление его суверенитета и территориальной целостности; воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка; сотрудничество, поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями, определяемых национальными приоритетами государства. К целям дипломатического дискурса можно также отнести всестороннюю защиту прав и интересов соотечественников за рубежом и содействие позитивному восприятию государства в мире.

Определение пространственно-временных координат дипломатического дискурса представляет достаточно сложную задачу. Очевидно, что взаимодействие участников дипломатического дискурса может протекать как в формальной, так и в неформальной обстановке, в зависимости от характера и целей коммуникации. Общение может осуществляться лично, в письменной форме, через телекоммуникационные средства связи в режиме реального времени и т. д. Хронотоп неформальных личных встреч однозначно определить становится невозможным; что касается открытых официальных встреч, место и время их проведения обычно фиксируется. Если общение осуществляется с помощью средств связи либо в письменной форме, определение пространственно-временных координат дипломатического дискурса также технически возможно.

Поскольку материалом для настоящего исследования служат официальные дипломатические документы, уместно предположить, что номинально хронотоп исследуемого дипломатического дискурса определяется однозначно (в тексте каждого дипломатического документа указывается время и место его составления). Отметим, что для дипломатии время составления документа, своевременность приобретения особого значения. Своевременность дипломатических документов особенно важна в случае так называемых «упредительных действий», когда необходимо предвосхитить шаги партнера (оппонента). С другой стороны, *вовремя* в дипломатии не обязательно значит «немедленно»; иногда пауза имеет свой смысл [Попов

2004: 413]. Подготовка того или иного документа, обсуждение вопросов внешней политики и сложившейся обстановки представляют собой процесс, который не ограничивается моментом подписания документа, поэтому определение хронотопа дипломатического дискурса мы будем считать исследовательским приемом.

Тип общественного института в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института [Карасик 2000]. Общественный институт представляет собой сложный феномен культуры в его духовном и материальном выражении; в настоящем исследовании мы будем придерживаться термина «узловые точки» дискурса, понимая под ними привилегированные знаки, частичной фиксацией значений вокруг которых сформирован соответствующий дискурс [Laclau, Mouffe 1985].

Базовой понятийной основой института дипломатии на протяжении достаточно долгого времени можно было считать антиномию «мир — война» (peace — war), при этом преобладающим элементом в данной антиномии выступает элемент «мир» (peace) [Иванов 2004]. Приоритет мирного разрешения международных противоречий лежит в основе дипломатической деятельности и предопределяет направления деятельности института дипломатии. Современные тенденции развития дипломатии, исследования в области международных отношений [Иванов 2004; Громыко 2003; Торкунов 2003; Кашлев 2004] свидетельствуют о расширении базовой понятийной основы института дипломатии, трансформации узловых точек дипломатического дискурса. На современном этапе развития дипломатии и урегулирования международных отношений узловые точки дипломатического дискурса представляются нам трехмерной интерреляцией понятий «мир» (peace), «война» (war), «сотрудничество» (cooperation) [Волкова 2007].

Особенность ценностей дипломатического дискурса, на наш взгляд, состоит, с одной стороны, в их кодификации нормами международного права, с другой — в особой роли традиции и протокола. Ценности, закрепленные в международных правовых актах, зафиксированы в частности в Уставе ООН. Субъектами в документе выступают государства; учитывая институциональный характер дипломатического дискурса, мы можем заключить, что принципы действия государств определяют базовые ценности дипломатического дискурса, а именно: суверенное равенство; добросовестное выполнение принятых на себя обязательств; разрешение международных споров мирными средствами; невмешательство во внутренние дела субъекта. Из определения понятия «дипломатия» (деятельность, направленная на упрочение и развитие международных отношений) и целей дипломатического дискурса (формирование стабильного, справедливого и демокра-

тического миропорядка) вытекает вывод о возможности отнесения к ценностям дипломатического дискурса концепта «динамика, устойчивое развитие».

Многовековые традиции дипломатии, своеобразный «неписанный кодекс» дипломатов позволяет также отнести к ценностям дипломатического дискурса честность, лояльность, некапитулянтность, тактичность, корректность, сдержанность. Честность в дипломатии подразумевает, что дипломат должен говорить только правду, но не всю правду [Попов 2004: 26]; в связи с этим можно говорить о неискреннем дискурсе [Плотникова 2000]. Лояльность в дипломатии означает отстаивание не своих личных взглядов, а интересов своего правительства [Попов 2004: 29], что полностью соответствует институциональному характеру дипломатического дискурса.

Вслед за А. П. Чудиновым [Чудинов 2006] укажем следующие лексико-семантические критерии для выявления системы ценностей: высокая частотность в текстах слов, обозначающих соответствующие узловые точки и ценности; представление узловых точек и ценностей в качестве объекта взаимодействия; конкретизация и толкование представлений о ценностях и узловых точках дискурса. В качестве объекта взаимодействия узловые точки и ценности дипломатического дискурса представлены, например, в следующих фрагментах:

– «сотрудничество»: *to enhance international cooperation; This should... include effective mechanisms for international cooperation; to strengthen international cooperation on global Earth observations; we will work together with other concerned states to realize this plan* и т. д.;

– «мир»: *to maintain international peace and security; to assume joint responsibility for ... peace and stability; to achieve and consolidate peace; the international effort underway to restore calm to the Middle East and provide a basis for progress towards a sustainable peace* и т. д.;

– «динамика, устойчивое развитие»: *took a first step ... to enshrining a shared vision of peace, security and development; to take increasing leadership and responsibility for policy development; to enhance private sector development through joint programmes; enabling environment and the development of the financial sector; this will be a dynamic process based on mutual respect; to promote freedom of investment and the dynamics of innovation; address not only climate change but also ... economic growth, and sustainable development objectives in an integrated approach* и т. д.

Тематика дипломатического дискурса охватывает широкий круг проблем, затрагивающих двусторонние и многосторонние отношения государств, сотрудничество государств в различных областях, вопросы деятельности международных организаций, представительств государств за рубежом и т. д. Для каждого государства пред-

ставляется возможным выделение круга вопросов, составляющих приоритетные направления дипломатической деятельности государства в общей структуре международных отношений.

Принимая во внимание специфику перевода в международных организациях и в рамках настоящего исследования определяя уровень профессионализма переводчиков, работающих с официальными дипломатическими документами, как заведомо высокий, рассмотрим один из возможных подходов к определению переводческой стратегии перевода дипломатического документа. Основу применения переводческих стратегий составляет, на наш взгляд, ряд взаимосвязанных компонентов: уровень текста, уровень дискурса, уровень коммуникации. Лингвистические (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) особенности исходного текста, его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив), узловые точки дискурса, его конститутивные признаки (цели, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность), функции, типовые свойства и стратегии коммуникации определяют переводческие решения, формируют микростратегии перевода на уровне текста и макростратегии перевода на уровне дискурса и коммуникации [Волкова 2010].

Положение о том, что в процессе перевода деятельность переводчика в целом проходит три стадии (подготовка, осуществление и анализ результатов), обозначено в работах ряда исследователей. В. Н. Комиссаров относит озвучивание со всем текстом оригинала до начала перевода, использование чернового (дословного) перевода либо выбор окончательного варианта перевода, преобладание предпереводческого анализа или постпереводческого редактирования к элементам переводческой стратегии [Комиссаров 2002: 337]. Ж. Делил подчеркивает коммуникативный характер переводческого процесса, направленность перевода на решение реальных коммуникативных задач и в русле интерпретативной теории перевода выделяет в процессе перевода три основных этапа: понимание, перевыражение и подтверждающий анализ [Delisle 1984]. И. С. Алексеева разбивает процесс перевода на следующие этапы: 1) предпереводческий анализ; 2) аналитический вариативный поиск; 3) анализ результатов перевода [Алексеева 2001: 144].

Типология переводческих стратегий находит отражение в разработанной дискурсивно-коммуникативной модели перевода [Волкова 2010] и включает следующие элементы: общую стратегию перевода (стремление переводчика как можно полнее понять переводимый текст и найти ему наиболее точное соответствие в языке перевода); этапы процесса перевода; макростратегии перевода (уровень дискурса и коммуникации); микростратегии перевода (уровень текста).

Схема. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода

Элементы дискурсивно-коммуникативной модели перевода соотносятся с отдельными компонентами предпереводческого анализа, обозначенными И. С. Алексеевой: сбор внешних сведений о тексте (автор, реципиент, время создания и публикации, отношения интертекстуальности, представление об источнике), состав информации и ее плотность (компрессивность), коммуникативное задание, доминанты перевода, жанр текста [Алексеева 2001]. Отметим также компоненты предпереводческого анализа, обозначенные О. В. Петровой: тематическая отнесенность текста, цель создания оригинала (коммуникативное назначение исходного текста), цель создания перевода, адресат, композиция текста, жанрово-стилистические характеристики текста [Петрова 2007].

Анализ лингвистических особенностей текста и функций коммуникации позволяет определить состав и плотность информации, жанровую принадлежность текста, функцию текста. Коммуникативное задание переводчик получает от заказчика и/или выявляет на этапе анализа лексико-семантических, прагматических и иных особенностей текста и его дискурсивных характеристик, узловых точек и конститутивных признаков дискурса, типовых свойств, функций и стратегий коммуникации, что позволяет переводчику составить представление о цели создания оригинала и цели создания перевода.

Выявление функций коммуникации и коммуникативных стратегий, выраженных в исходном тексте, лингвистических особенностей исходного текста и особенностей соответствующего дискурса возможно на любом этапе процесса перевода. Последовательность и характер стратегических действий переводчика формируются, но не ограничиваются приведенной

моделью. Отметим, что разделение переводческих решений на микростратегии и макростратегии представляет собой исследовательский прием, позволяющий переводчику провести комплексный анализ исходного текстового материала, выявить в нем переводческие трудности, определить соответствующие переводческие решения.

Важным элементом анализа соответствующего переводческой ситуации дискурса является функциональный анализ дискурса с точки зрения взаимодействия различных его видов. Интердискурсивность в рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода представляется возможным характеризовать по следующим параметрам: поле (тематика) и направление (участники) дискурса, цели и ценности дискурса, узловые точки дискурса, лингвистические особенности и дискурсивные характеристики отражаемого дискурсом текста (форма дискурса), типовые свойства и функции коммуникации, применяемые коммуникативные стратегии.

Определив основные характеристики дипломатического дискурса в соответствии с положениями дискурсивно-коммуникативной модели перевода, рассмотрим функции и типовые свойства дипломатической коммуникации. Функции дипломатической коммуникации адекватно представляются в традиционных категориях: когнитивная, коммуникативная, побудительная, эмотивная, метаязыковая, фатическая, эстетическая функции [подробнее см. Волкова 2007].

Типовые свойства коммуникации представляются в виде своего рода антиномий: ритуальность и информативность; институциональность и личностный характер; эзотеричность и общедоступность; редукционизм и полнота информации; стандартность и экспрессив-

ность; явная и скрытая оценочность; агрессивность и толерантность; диалогичность и монологичность [Чудинов 2006]. Охарактеризуем отдельные оппозиции подробнее как ориентиры в определении стратегии перевода дипломатического текста.

Ритуальность и информативность дипломатической коммуникации. Для реализации коммуникативной функции дипломатические тексты должны быть максимально информативными, при этом дипломатическая коммуникация носит ритуальный характер и отличается фиксированностью формы (хотя ритуальность может проявляться в различной степени).

Эзотеричность и общедоступность дипломатической коммуникации. Отдельные дипломатические тексты являются в некоторой степени эзотеричными, доступными только для специалистов, способных распознать в них скрытый смысл, полностью извлечь из текста всю заложенную в нем информацию. Следует различать эзотеричность и смысловую неопределенность высказывания [Чудинов 2006: 57]: при эзотеричности смысл понятен хотя бы специалистам, при неопределенном ответе запрашиваемая информация не предоставляется или предоставляется в неполном виде.

Редукционизм и полнота информации в дипломатической коммуникации. Степень редукционизма (бинарности ценностных оппозиций или схематизации коммуникации) в значительной мере зависит от разновидности текста, от автора, адресата и коммуникативной ситуации. Степень редукционизма выше в текстах, ориентированных на массового адресата, и ниже в текстах, предназначенных для специалистов [Чудинов 2006: 59]. Отметим, что однозначные, радикальные характеристики без оттенков и нюансов, как правило, не характерны для дипломатической коммуникации, но могут проявляться в смежных с дипломатическим дискурсом.

Явная и скрытая оценочность в дипломатической коммуникации. Оценка в дипломатической коммуникации может проявляться эксплицитно или имплицитно, иметь множество нюансов. Особенностью дипломатического дискурса является, на наш взгляд, недопустимость крайних безапелляционных оценок; возможно использование знаков атональности (маркеров «чуждости», показателей умаления значимости, сомнения в способности оппонента к продуктивной деятельности, недоверия к искренности других участников коммуникации и достоверности их суждений).

Можно выделить ряд стратегий дипломатической коммуникации [Волкова 2007]: общая семантическая стратегия совместности (коммуникативные действия в конфликтных ситуациях); семантическая стратегия дискредитации; прагматическая стратегия самопрезентации; прагматические эмоционально настраивающие стратегии; риторическая стратегия убеждения;

конверсационная стратегия контроля над распределением инициативы; конверсационная стратегия неискренности. Отметим, что данные коммуникативные стратегии характерны для различных видов институционального дискурса; список, безусловно, не является исчерпывающим.

Отметим основные стилистические характеристики дипломатического текста, определяющие стратегию перевода: объективность; обобщенность; информативность; логическая организованность изложения; смысловая ясность, определенность; строгое соблюдение дипломатической этики. Словоупотребление в дипломатическом тексте характеризуется следующими особенностями: использование речевых клише и штампов; специфические семантические поля знаменательных частей речи (определяются, наряду с узловыми точками и ценностями дипломатического дискурса, характером и тематикой документа); терминологическая (дипломатическая) лексика; заимствования; эвфемизмы; аббревиатуры, сокращения, специальные символы и обозначения.

Целесообразно объединять понятия *клише* и *штампа* в рамках понятия «дискурсивная формула». Под дискурсивными формулами понимаются своеобразные функционально обусловленные обороты речи, свойственные обществу в соответствующем социальном институте. Это коммуникативные клише, которые в рамках институционального дискурса являются своеобразными ключами для понимания всей системы отношений в соответствующем институте [Карасик 2000].

Базовой номинацией в дипломатическом тексте выступают клишированные термины или номенклатурные наименования из области международного права, делопроизводства, экономики и финансов и т. д. Обычно данные номинации представляют собой развернутые атрибутивно-именные словосочетания: *правовое обеспечение внешнеполитической деятельности — legal support for foreign policy activities; гуманитарное направление внешней политики — humanitarian foreign-policy orientation; правозащитная проблематика — human rights issues; защита интересов соотечественников за рубежом — protecting the interests of overseas compatriots; межрегиональное и приграничное сотрудничество — interregional and cross-border cooperation; информационное обеспечение внешней политики — information support for foreign policy.*

Категория номенклатурных номинаций включает названия титулов коронованных особ и наименования духовных званий, наименования должностей и дипломатических рангов; названия международных организаций и учреждений, иных организаций, учреждений, союзов и объединений, конференций, совещаний и других международных форумов, договоров, конвенций, протоколов, соглашений, деклара-

ций, законов, уставов, указов, важнейших национальных и международных планов, программ и других аналогичных документов. Отметим, что при последующем упоминании наименований в тексте используется прием свертывания номинации, который при переводе сохраняется: *Treaty on Open Skies* — *Treaty, Договор по открытому небу* — *Договор; Protocol on Claims, Legal Proceedings and Indemnification* — *Protocol, Протокол по вопросам претензий, судебных разбирательств и освобождения от материальной ответственности* — *Протокол*. При переводе с английского на русский язык наименования высших государственных и правительственных должностей, высших дипломатических рангов при их упоминании в тексте официального документа, наименования высших должностей в системе ООН и на международных конференциях под эгидой ООН пишутся с прописной буквы в первом слове.

К характерным особенностям дипломатического текста относятся дискурсивные формулы (клише) введения тезиса, начальные словосочетания в проектах резолюций, стандартные формулировки по процедурным вопросам, прямо информирующие определения, словесные комплексы, используемые в основной части дипломатического документа, в его заключительной части, приложениях, комментариях, обязательных комплиментах. Дискурсивные формулы выступают как фразеоматические либо рекуррентные сочетания, используются в своей прескриптивной форме либо подвергаются определенным модификациям под воздействием прагматической установки текста. Нормативное расширение обычно сводится к включению прилагательного, уточняющего именную компонент и акцентирующего его актуализацию в контексте, например: *views were exchanged (there was an exchange of views) on a number of questions concerning...* — '*состоялся обмен мнениями по ряду вопросов, касающихся...*'; *useful exchange of views took place on...* — '*состоялся полезный обмен мнениями по вопросу о...*'; *the sides had a fruitful (constructive) exchange of views (opinions)* — '*между сторонами имел место плодотворный (конструктивный) обмен мнениями*'.

Дипломатический документ характеризуется использованием узкотематических терминов, определяемых тематикой документа, дипломатических терминов (*convention, negotiation, accession, ratification, diplomatic agent, effective date* и т. д.), требующих от переводчика обращения к специализированным словарям, терминологическим базам, справочным ресурсам (например, United Nations Multilingual Terminology Database, терминологические словари на официальном сайте МИД России). Отметим, что при переводе в дипломатическом тексте частотны образованные по аналогии и калькированные лексические единицы, нарушения норм словоупотребления литературного русско-

го языка. Статус терминов позволяет использовать в отношении подобных лексических единиц однозначный перевод, что позволяет в условиях единообразия перевода терминологии добиться оптимальной эквивалентности текста перевода, способствует когерентности дипломатического текста, последовательности в рамках дипломатического нарратива, обеспечивает условия для интертекстуальности (ссылки на ту или иную формулировку в последующих документах).

Примерами дипломатических нарративов могут служить комплексы документов об экономическом развитии отдельных регионов мира, об урегулировании конфликтов в том или ином регионе. В масштабе отдельно взятого государства принципиально важными нарративами являются, например, комплексы документов о развитии взаимоотношений одного государства с другим, комплексы текстов, эксплицитно и имплицитно направленных на создание позитивного образа государства.

Стремление к достижению лексической эквивалентности сопряжено с решением ряда переводческих проблем: наличие реалий и лингвокультурных концептов в тексте на исходном языке; концепты исходного языка, не лексикализованные в языке перевода; семантически сложные лексические единицы исходного языка; различия в оттенках значения слова в исходном языке и языке перевода; отсутствие гиперонима в языке перевода; отсутствие гипонима в языке перевода; различия в физических или межличностных характеристиках концепта; различия в экспрессивных значениях; формальные различия; различия в частотности и цели употребления единиц; заимствования в тексте исходного языка. Стратегия перевода может включать следующие переводческие решения: перевод методом культурной замены, перевод с использованием заимствования или заимствования с пояснением, перевод-парафраз с использованием связующих (в том числе сравнение) и не связанных с перефразируемой единицей лексем, опущение лексем исходного языка в переводе, компенсация. При переводе номинаций может применяться калькирование, модификация гиперонима, разворачивание значения лексемы исходного языка. К средствам обеспечения когезии текста перевода следует отнести лексические повторы, в том числе повтор гиперонима (норма каждого языка определяет допустимый уровень повторов в тексте в зависимости от типа последнего), интерреляции лексем (гипероним, гипоним, когипоним), отношения синонимии и антонимии, последовательности лексем, образующие семантические поля, союзы, средства референции, замены.

Отдельную лексико-семантическую группу в дипломатических документах составляют заимствования (для современных дипломатических текстов наиболее характерны заимствования из

латинского и французского языков). Заимствования в большинстве своем ассимилировались в общем потоке лексики. В редких случаях они сохранили свое первоначальное написание (*demarche, hors de combat, bloc, consul, addendum, memorandum* и т. д.), многие из них являются реалиями или историческими лексемами. Отметим, что малоизвестные латинские слова и выражения, заимствования из французского и других языков переводятся на русский язык. С учетом особенностей каждого конкретного случая возможны следующие варианты: иноязычные лексемы транскрибируются и заключаются в кавычки; иноязычные лексемы переводятся и заключаются в кавычки; закрепившиеся в русском языке иноязычные лексемы (в частности, латинские) пишутся без кавычек; в тех случаях, когда иноязычные слова и выражения специально обыгрываются в тексте либо необходимы для точного отражения нюансов значения, они не переводятся и заключаются в кавычки. Если в тексте оригинала употребляется иноязычное слово, которое было заимствовано русским языком, в переводе используется это заимствование.

Ценности дипломатического дискурса (некатегоричность, тактичность, корректность, сдержанность), типовые свойства дипломатической коммуникации (эзотеричность, толерантность), ряд ограничений правового характера позволяют говорить об эвфемизации дипломатического текста как возможности сохранить в ходе взаимодействия атмосферу спокойствия, начать переговоры с относительно благоприятных стартовых позиций, «сохранить лицо», избежать обострения обстановки.

Для дипломатического текста характерны следующие синтаксические конструкции: инфинитивные конструкции для выражения цели действия, сообщения дополнительной информации, однородные члены предложения, конструкции с ключевыми словами, несущие основную смысловую нагрузку фрагмента текста и отвечающие за его структурную организацию. Параметры композиции дипломатического текста можно представить следующим образом: текст делится на основные содержательные части — статьи (организационные лексические элементы) и преамбулу, где определяются и обосновываются те причины, поводы, обстоятельства, которые послужили основанием для дипломатического документа. Статьи обычно подразделяются на части, выделенные при помощи рубрикации текста (арабскими либо римскими цифрами, при помощи абзацного отступа); каждая значимая часть текста имеет подзаголовок. Используются активные и пассивные конструкции, рамочные конструкции с последующим синтаксическим развертыванием, «цепочки» предлогов, логически оформляющие предложение (в русском языке часть предлогов передается через падежные окончания), стандартизированные конструкции (переводятся с ис-

пользованием дискурсивных формул). Можно выделить два основных типа предложений: простые распространенные двусоставные предложения, сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными с различными типами подчинительной связи.

В дипломатическом подстиле активно используется период (как правило, в преамбулах дипломатических документов). Для преамбулы — синтаксического периода характерна четкая структура, указание на составителя текста; обязательно формулируются мотивы составления документа, определяются намерения членов организации и/или принимаемое решение; приводятся юридические формулировки резолютивно-директивного характера относительно составления документа. К характерным чертам периода можно отнести четкие политические и юридические формулировки, торжественно-публицистическую тональность изложения. Для дипломатического документа характерна редупликация (*law and order, deleted and replaced, to protect and assist*), возможно употребление плеонастических словосочетаний (*sole and exclusive authority*).

Синтаксические модели дипломатического текста весьма разнообразны, для них характерны развернутые структуры, многоуровневая организация, стандартизация и повторяемость синтаксических средств, эксплицитные и имплицитные способы выражения коммуникативной интенции через синтаксические связи, что позволяет более точно и лаконично выразить мысль, добиться высокой информативности текста. Достаточно часто при переводе дипломатических текстов с английского языка на русский для этих целей воспроизводится структура предложений оригинала, что не всегда вполне соответствует стандартным синтаксическим конструкциям русского языка, но обеспечивает последовательность дипломатического нарратива, возможность повторного обращения к тексту.

Отметим, что при переводе дипломатических документов внимания переводчика требуют также следующие аспекты: передача личных имен собственных; топонимы (отметим, что при переводе текста с включениями списков стран используется список, составленный в русском алфавитном порядке с использованием последних изданий атласов и карт); названия валют, экстралингвистическая информация в отношении различных стран; дискурсивные формулы для отдельных видов документов (например, для преамбулы и постановляющей части проектов резолюций); дискурсивные формулы (стандартные формулировки) по процедурным вопросам и иная процедурная терминология; предисловия, оговорки, примечания в документах.

Комплексная характеристика дипломатического текста, дискурса, коммуникации с точки зрения дискурсивно-коммуникативной модели перевода иллюстрирует предлагаемую авторскую методику анализа текста для определения

переводческих решений, составляющих стратегию перевода. Отметим, что сфера применения дискурсивно-коммуникативной модели перевода охватывает практическую деятельность переводчика (работа со специальными текстами в различных языковых комбинациях, подготовка к устному переводу), обучение переводу (практический курс письменного и устного перевода, курс специального перевода в вузах), теоретические и прикладные лингвистические исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей — СПб.: Союз, 2001. (Сер. «Библиотека переводчика»).
- Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2007.
- Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода : моногр. — М.: Флинта ; Наука, 2010.
- Громыко А. А. Десять лет внешней политики России // Материалы Первого Конвента Российской ассоциации междунар. исследований / под ред. А. В. Торкунова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — С. 136—144.
- Иванов И. С. Россия в современном мире. Ответы на вызовы XXI века : статьи и выступления. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004 (Сер. «XXI век. Политика и общество»).
- Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5—20.
- Кашлев Ю. Б. Многоликая дипломатия: исповедь посла — М.: Известия, 2004.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие — М.: ЭТС, 2002.
- Лапин Г. Э. Консульская служба: учеб. пособие — М.: Междунар. отношения, 2002.
- Петрова О. В. Модель предпереводного анализа текста // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт : моногр. / под общ. ред. В. В. Сдобникова ; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. — Н. Новгород, 2007. — С. 38—42.
- Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2000.
- Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия — наука и искусство : курс лекций. 2-е изд., доп. — М.: Междунар. отношения, 2004.
- Соловьев Э. Я. Основы дипломатического права : учеб. пособие. — М.: Ось-89, 2005 (Сер. «Juris prudentia»).
- Терминологические словари на официальном сайте МИД России. URL: <http://www.mid.ru/termin.nsf> (дата обращения: 30.07.2011).
- Торкунов А. В. Приветственное слово Президента РАМИ // Десять лет внешней политики России : материалы Первого Конвента Российской ассоциации междунар. исследований / под ред. А. В. Торкунова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — С. 11—18.
- Устав ООН. URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm> (дата обращения: 30.07.2011).
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие — М.: Флинта ; Наука, 2006.
- Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction. — Ottawa, 1984.
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — L.: Verso, 1985.
- United Nations Multilingual Terminology Database. URL: <http://unterm.un.org/> (дата обращения: 30.07.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. А. Нефедова

М. В. Гаврилова

Санкт-Петербург, Россия

**КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ
ИДЕОЛОГИИ КПРФ**

Аннотация. Выявляется идеология КПРФ, представленная в предвыборной программе 2007 г. При помощи лингвокогнитивного анализа эксплицирована когнитивная модель идеологии КПРФ.

Ключевые слова: программа политической партии; идеология; русский политический дискурс; лингвокогнитивный анализ.

Сведения об авторе: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью.

Место работы: Невский институт языка и культуры, НИУ — ВШЭ СПб (Санкт-Петербург).

Контактная информация: 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Разночинная, д. 27.
e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

M. V. GavriloVA

St. Petersburg, Russia

**COGNITIVE MODEL OF IDEOLOGY
OF THE COMMUNIST PARTY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. Ideology of the Communist Party, presented in the election campaign 2007 is revealed. With the help of lingo-cognitive analysis the cognitive model of the ideology of the Party is described.

Key words: political party program; ideology; Russian political discourse; lingo-cognitive analysis.

About the author: GavriloVA Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Communicative Technologies and PR.

Place of employment: the Nevsky Institute of Language and Culture (St. Petersburg).

Программы политических партий представляют собой идеологические документы (под идеологией мы понимаем совокупность связанных между собой идей и требований, выступающих как основа конкретных действий, решений и т. п.), в которых представлены основные цели, желаемый образ будущего, тактические задачи партии, т. е. те темы, которые разворачиваются в политическом дискурсе, наполняя его содержание смыслом.

В системе политической коммуникации партийная программа играет значительную роль. Во-первых, программа функционирует на различном уровне выборах: от парламентских до выборов в органы местного самоуправления, — когда партия поддерживает кандидата. Во-вторых, программа партии используется в период между выборами, поскольку это основной документ, в котором формулируются идеологические установки партии. В-третьих, в российской партийной системе законодательно закреплено обязательное наличие партийных программ. В соответствии с новым Федеральным законом «О политических партиях» партийные программы приобрели статус необходимых документов, которые должна иметь политическая партия для прохождения государственной регистрации. В-четвертых, партийные программы являются важнейшими идентификационными признаками политических партий, позволяющими отличать их друг от друга и формировать политические предпочтения избирателей.

Главной функцией любой политической партии в демократическом обществе является выражение интересов различных социальных групп населения. Именно поэтому с помощью программы политические партии не только определяют себя как политическую организацию с оп-

ределенной позицией, но и выражают интересы тех или иных социальных групп. Таким образом, программа может воплощать основные идеи социума в конкретный исторический период.

Программа политической партии является материалом исследования в политологии (Н. В. Анохина, А. А. Галкин, Г. В. Голосов, В. Я. Гельман, О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина, Л. В. Сморгун и др.), истории (В. И. Быстренко, Н. Г. Думова и др.), теории связей с общественностью (Т. Э. Гринберг, С. Ф. Лисовский, А. Д. Кривоносов и др.), политической социологии (С. М. Елисеев, В. Н. Якимец и др.), политической психологии (А. И. Юрьев, Е. Б. Шестопал и др.). Методические рекомендации по разработке программы даны в книгах об эффективной организации избирательных кампаний (Н. В. Гришин, К. С. Жуков, А. Д. Карнышев, Ж. Б. Скрипкина и др.). Лингвистические аспекты изучения программ российских партий были рассмотрены в статьях Е. В. Бабаевой, М. В. Гавриловой и др. Работы И. Ю. Логиновой, Т. В. Юдиной были посвящены лингвистическому анализу программ зарубежных партий. Однако проблема изучения текстовых типов политического дискурса является актуальной не сама по себе, но и потому, что выдвигает тезис о коммуникативной компетенции, т. е. о способности понимания и правильного построения разных типов политического текста с учетом специфики конкретной речевой ситуации.

Данная статья посвящена изучению идеологии КПРФ [см. Предвыборная программа КПРФ 2007], поскольку эта партия — крупнейшая и старейшая политическая партия современной России, считающая себя правопреемницей Российской социал-демократической ра-

бочей партии, созданной в 1898 г., и возникшей на ее основе большевистской (коммунистической) партии, правившей в России (с 1922 г. — в СССР) в 1917—1991 гг. Кроме того, в настоящее время КПРФ выступает как оппозиционная фракция в Государственной думе.

Идеология понимается нами как социально-когнитивный феномен. Особое внимание уделяется лингвистическим механизмам (вос)производства идеологии, поскольку в языке объективируются ментальные идеологические модели, которые существуют в сознании членов групп в виде социальных репрезентаций и определяют групповую идентичность.

Один из ведущих зарубежных исследователей политического дискурса Т. А. ван Дейк предлагает рассматривать структуру идеологии в виде «групповой схемы» (schema). В ее основании — базисные категории, благодаря которым знания (верования) выстраиваются в систему, идентифицирующую группу: критерии членства, типичная деятельность, цели, нормы и ценности, отношение к другим группам, ресурсы. Базовые верования, организованные в такие схемы, управляют социальной деятельностью группы и ее членов, а также социальными интерпретациями. С помощью «групповых схем» мы получаем ответ на фундаментальные вопросы: «Кто мы?», «Что мы делаем?», «Почему мы это делаем?», «Как мы это делаем?» и т. д. [Dijk 1998].

Критерии членства. В данном разделе мы рассмотрим три вопроса: «Кто мы? Какие мы? Кто может стать членом нашей группы?» Ответом на первый вопрос является номинация группы. В программе используются следующие обозначения: *КПРФ* (14 словоупотреблений), *мы* (8 словоупотреблений), *партия* (4 словоупотребления), что составляет 0,8 % от общего количества слов. Такое малочисленное использование (само)обозначений весьма нехарактерно для программных документов, призванных актуализировать в сознании читателей активную роль партии, в том числе при помощи частотности номинаций.

Какие мы? Идеологи считают необходимым эксплицировать следующие признаки партии. 1. «КПРФ — партия народа». 2. Мы верны идеалам социализма (*Мы не предали идеалов социализма*). 3. КПРФ — ответственная партия (*Не бежали от ответственности в пору испытаний*). 4. В наших рядах — последовательные и верные члены партии (*Возрождали и укрепляли Коммунистическую партию наперекор переворотам и конъюнктурищикам*). 5. Мы — организаторы и активные участники левого движения. Мы — часть народно-патриотических сил (*Создавали и защищали союз левых, народно-патриотических сил*). 6. КПРФ выражает волю граждан (*Опираясь на волю граждан, партия...*). 7. Мы верим в правоту своего дела (*С верой в правоту своего дела мы...*). 8. Мы — наследники Октября и достижений советского

периода (*Мы готовимся встретить 90-летие Великого Октября. Остаемся наследниками Великой Победы и первопроходцев космоса*).

Критерии членства в группе: честность; деятельность, вызывающая уважение; государственное признание результатов труда в советский период (Герои Советского Союза и Социалистического Труда). Идеологи КПРФ подчеркивают, что у партии широкая социальная база: люди различного возраста, различных профессий, живущие в различных населенных пунктах, в различных регионах страны (*В нашей команде — честные и уважаемые люди разных возрастов и профессий — рабочие и крестьяне, педагоги и медработники, ученые и деятели культуры, дипломаты и политики, космонавты и оборонщики, Герои Советского Союза и Социалистического Труда. С нами — жители больших и малых городов, сел и деревень Дальнего Востока, Сибири и Урала, Поволжья и Кавказа, Севера и Центра России*). Основу партии составляют представители классового советского общества (*рабочие и крестьяне*), социальной прослойки — интеллигенции (*педагоги, медики, ученые, деятели культуры, дипломаты и политики*), военные (*космонавты и оборонщики*).

Типичная деятельность. Рассмотрим предложения, описывающие деятельность партии. Это предложения, в которых политический актор (*КПРФ, мы, партия*) представлен в качестве субъекта предложения, т. е. активно действующего лица. Обратим внимание на то, что все используемые в этих предложениях глаголы — глаголы настоящего времени несовершенного вида, которые призваны выражать действие в процессе его протекания. Отметим, что в программе подлежащие, выраженные словами *КПРФ, мы, партия*, не сочетаются с глаголами прошедшего времени совершенного вида, выражающими результативность и завершенность действия. Таким образом, идеологам КПРФ важно подчеркнуть повторяемость и/или длительность действия, нежели его результативность. Иные цели у ЛДПР, которая с помощью морфологической категории вида (глаголов совершенного вида) и времени (прошедшее время) актуализирует результат и завершенность действия: *ЛДПР доказала, провела, выставила кандидатуру, поддержала, выступила* и мн. др.

Действия КПРФ выражены следующими глаголами:

- отстаивать (*Отстаиваем право молодежи на будущее*);
- бороться (*Боремся за достойную жизнь пенсионеров; Непримиимо боремся с олигархией и бюрократией; Мы боремся за власть трудового народа*);
- понимать (*Понимаем проблемы малого бизнеса и содействуем их решению*);
- содействовать (*Понимаем проблемы малого бизнеса и содействуем их решению*);

- взаимодействовать (*Взаимодействуем в интересах страны со средним бизнесом*);
- поддерживать (*Поддерживаем тех, кто созидаёт своими руками, умом и талантом*);
- предлагать (*Мы предлагаем альтернативный курс России*);
- выражать (*Мы выражаем интересы наемных работников*);
- иметь (*Да, КПРФ имеет программу прорыва в будущее. Четкий план действий после прихода к власти. Коренных преобразований в интересах большинства*);
- гарантировать (*Партия гарантирует: выполнение ее программы обеспечит новую, более счастливую жизнь народам нашей общей Родины*);
- считать (*КПРФ считает основой возрождения села крупные объединения, соединяющие производство, переработку и сбыт сельхозпродукции*);
- быть уверенным (*КПРФ уверена в широкой поддержке своих преобразований*);
- выносить (*С целью подтверждения вотума народного доверия она вынесет ключевые положения своей программы на Всероссийский референдум*);
- отрицать (*КПРФ отрицает возможность территориальных уступок*);
- мечтать (*Мы мечтаем о справедливости для всех*);
- (не) мочь (*КПРФ не может с этим (кризисная ситуация в стране — М. Г.) мириться*).

Для описания «наших» действий идеологи КПРФ используют слова с положительной коннотацией. Напротив, результаты «их» действий представлены при помощи слов с отрицательной оценкой: *бандитское банкротство предприятий и организаций немедленно прекратится; грабительский закон об обязательном страховании автотранспорта; загубленной промышленностью и разоренным селом* и др.

Глаголы, описывающие действия партии, можно распределить по антонимичным группам — глаголы со значением сотрудничества с «нашей» группой и глаголы со значением борьбы с «их» группой: *отстаивать, понимать, содействовать, взаимодействовать, поддерживать — бороться, отрицать*. При этом наблюдается лексическое разнообразие «наших» действий и однообразная частотность действий по отношению к «ним». Так, трижды используется *бороться*, что свидетельствует о значимости борьбы в системе политических представлений членов партии. Добавим, что *борьба* — это ключевое слово социалистических партий.

Цели. КПРФ выделяет несколько целей, которые ранжируются по степени значимости: *высшая, главная, наша*. Высшая цель — благо народа (*Благо народа — наша высшая цель. Ради ее достижения мы готовы к упорной и решительной борьбе*). Главная цель — по-

строение социализма в России (*Наша главная цель — социализм*). Наша цель — завоевание власти трудящихся (*Наша цель — передать власть трудовому народу*).

Стратегия деятельности партии для достижения политических целей определяется как «прорыв в будущее»: *У России есть шанс для прорыва; Да, КПРФ имеет программу прорыва в будущее*. На наш взгляд, слово *прорыв* выбрано не вполне удачно, поскольку обладает амбивалентным значением. В словарной статье указывается, что в неосновных значениях *прорыв* — это 2. прорванное место, прорванный участок. Заделать прорыв в плотине. 3. невыполнение в срок задания, отставание. Прорыв в работе [Современный толковый словарь русского языка: 641]. Кроме того, в одном значении — ‘сломив сопротивление, пробиться сквозь что-либо’ — подразумевается деятельность субъекта на ограниченном участке, что вряд ли соответствует программе преобразований в стране. Причем, как правило, имеется в виду действие в неблагоприятной среде, действие, связанное со значительными затратами; мощное, иногда неконтролируемое действие.

Нормы и ценности. В тексте программы слово *ценность* используется дважды. Идеологи утверждают, что «человек — высшая ценность», что необходимо сохранять «ценности русской народной духовности».

Напомним, что в советском политическом дискурсе человек (советский человек и его благополучие) был основной целью и вместе с тем предпосылкой строительства коммунизма. Программа КПСС, принятая в 1956 г., ставила воспитательную задачу — сформировать сознательного и активного борца за коммунизм, всесторонне развитого, свободного от пороков и пережитков старого общества. Новый, советский человек должен быть внутренне богатым, морально устойчивым, физически совершенным. В начале XXI в. наблюдается семантическое переосмысление концепта «человек». Если в советском политическом дискурсе человек рассматривается как строитель коммунизма, борец за коммунизм, то в 2000-х гг. человек для многих политических сил является экономическим ресурсом.

Добавим, что важность и значимость в системе политических представлений членов КПРФ имеют следующие ценности: 1) «экономическое и социальное равенство»; 2) «жертвенное служение добру, правде и справедливости»; 3) народовластие (*Мы боремся за власть трудового народа*); 4) независимая политика, политика во благо народа (*Независимая политика, отказ жить под диктовку империалистов дают быстрый экономический результат. Это подтверждают даже бедные страны с потенциалом, куда меньше российского. На наших глазах они демонстрируют возможности свободного развития. Политики во благо народа. Преобразований в интересах*

трудящихся); 5) «единство общества, единство слова и дела»; 6) «совесть и труд». Отметим, что нередко упоминание о ценностях звучит как сожаление об утраченных идеалах: *Совесть и труд не в почете*.

Отношение к другим группам. Обращает на себя внимание многочисленность и лексическое разнообразие номинаций социальных групп. Особо выделяются группы, к которым члены партии относятся отрицательно. Это — политические противники и враждебные «нам» социальные группы.

Политические противники — это: 1) партия власти в кавычках (ироничное отношение) и без кавычек (нейтральная номинация): *При этом „партия власти“ провалила законопроекты КПРФ о повышении минимальных зарплат и пенсий до уровня прожиточного минимума; Партия власти движется курсом на диктатуру*; 2) перевертыши и конъюнктурщики (*Возрождали и укрепляли Коммунистическую партию наперекор перевертышам и конъюнктурщикам*); 3) правящая элита (*Правящая элита, патриотичная на словах, не стремится к сбережению территории, народа и его культуры*); 4) правящие силы (*Такова реальная политика правящих сил. Политика укрепления олигархического режима. Политика, ведущая страну в тупик*); 5) правящие круги (*...политика правящих кругов создает угрозу целостности и независимости страны*); 6) власть (*Власть не идет на диалог с обществом*); 7) либеральные идеи (*Хотя либеральные реформы провалились, многие готовы голосовать за путинскую „стабильность“; „Начнется восстановление вкладов населения, отобранных либеральными реформами“*); 8) правительство (*Пока граждане и регионы задыхаются в нищете, правительство „заморозило“ колоссальные средства*).

Имена существительные, обозначающие противников, можно объединить в три тематические группы. Во-первых, неодобрение членов КПРФ вызывают те политические силы, которые находятся у власти: *партия власти, правящая элита, правящие силы, правящие круги, власть, правительство*. Во-вторых, идеологов КПРФ не удовлетворяет результат действия сторонников определенной политической идеологии: *либеральные реформы*. В-третьих, презрение вызывают колеблющиеся и предающие идеалы партии члены КПРФ: *перевертыши и конъюнктурщики*.

«Их» социальные группы многочисленны и обозначены при помощи следующих нейтральных и эмоционально окрашенных номинаций: 1) буржуй (*Буржуазные реформы вдвое сократили число дошкольных учреждений; На деле властвует союз „трех толстяков“, „трех ненасытных глоток“ — буржуй, бюрократа и бандита*); 2) чиновник / бюрократ (*Другая — криминальная (экономика — М. Г.) — платит их взятками в карман чиновнику. Размах кор-*

рупционных поборов стал настоящей национальной угрозой); 3) бандит (*На деле властвует союз „трех толстяков“, „трех ненасытных глоток“ — буржуй, бюрократа и бандита*); 4) империалист (*отказ жить под диктовку империалистов*); 5) метонимическое обозначение «чужие руки» (*...страна в чужих руках*); 6) узкая группа лиц (*Узкая группа лиц присвоила немесметные богатства, что созданы многими поколениями и самой природой*); 7) жирующие (*У 10 % жирующих — почти 90 % всех доходов от собственности*); 8) иностранные корпорации; 9) крупный бизнес (*Страну превращают в экономическое пространство для эксплуатации крупным бизнесом, чиновниками, иностранными корпорациями*); 10) олигархи (*Жажда наживы узкого клана олигархов не знает границ; Непримируемо боремся с олигархией и бюрократией*); 11) представители СМИ (*информационная игла СМИ*); 12) служащие ОМОНа (*Вся эта уродливая конструкция власти держится на тугой мошне, информационной игле и дубинках ОМОНа*); 13) метафорическая номинация «тугая мошна»; 14) неназванные враги, спрятанные за синтаксическую структуру предложения (*Россию тащат во Всемирную торговую организацию, чтобы усилить ее экономическую зависимость; Уничтожены целые отрасли экономики*). Отметим, что наиболее полно представлена при помощи различных языковых средств (первичная и вторичная номинация, нейтральные и эмоционально-оценочные средства) группа крупных собственников: *чужие руки, жирующие, олигархи, тугая мошна, узкая группа лиц, крупный бизнес, буржуй*. Многочисленность номинации данной группы может свидетельствовать о ее значимости в системе политических представлений членов КПРФ.

Таким образом, в системе идеологических предписаний членов КПРФ тщательнее выписаны враждебные социальные группы (14 номинаций), нежели чем политические противники (8 номинаций). «Их» социальные группы обозначены при помощи существительных с конкретной семантикой, эксплицитно выражающих отрицательное отношение авторов текста к оппонентам. Некоторые слова являются идеологемами революционного периода советской истории: *буржуй, империалист*. В программе КПРФ мы наблюдаем актуализацию идеологических оттенков слова, как в денотативном значении (*империалист*), в коннотативном значении (*бюрократ*), так одновременно и в денотативном, и в коннотативном значении (*буржуй*). Преимущество идеологических взглядов РСДРП — ВКП(б) — КПСС — КПРФ прослеживается в значимости категории «враги» и в ориентации политических действий на классовую борьбу.

Ресурсы. Для достижения политической цели и выполнения политических задач любой партии необходимо иметь определенные ре-

сурсы. Идеологи КПРФ считают, что партия обладает следующими ресурсами: 1) поддержка граждан (КПРФ уверена в широкой поддержке своих преобразований); 2) альтернативный путь развития страны (Мы предлагаем альтернативный курс России); 3) программа действий (Можем с партией, предложившей программу спасения России); 4) опыт увеличения продолжительности и качества жизни (Придя к власти, КПРФ сделает жизнь лучше. Направит всю мощь государства на сокращение смертности, на увеличение продолжительности и качества жизни. Мы умеем это делать. Средняя продолжительность жизни за годы Советской власти удвоилась); 5) опыт оппозиционной партийной деятельности (Мы не предали идеалов социализма. Не бежали от ответственности в пору испытаний. Возрождали и укрепляли Коммунистическую партию наперекор перевертышам и конъюнктурщикам. Создавали и защищали союз левых, народно-патриотических сил); 6) союзники (На выборы в Государственную думу 2007 года КПРФ идет единым фронтом коммунистов и беспартийных); 7) общность цели, понимания проблем, согласованные программы действий, стремление участников национально-патриотического фронта победить (Нас объединила общая цель, общая боль, общая программа действий, общая воля к победе).

В случае прихода к власти члены КПРФ обещает выполнять следующие действия: 1) установить реальный прожиточный минимум (КПРФ установит реальный прожиточный минимум); 2) вынести программу партии на референдум (КПРФ уверена в широкой поддержке своих преобразований. С целью подтверждения вотума народного доверия она вынесет ключевые положения своей программы на Всероссийский референдум); 3) разобрать на отдельные части систему неравенства (Опираясь на волю граждан, партия начнет демонтаж системы экономического и социального неравенства, реализует в своей политике принципы народовластия); 4) улучшить систему управления государством (КПРФ упорядочит систему государственного управления); 5) улучшить материальное положение служащих в армии (КПРФ гарантирует достойное социальное обеспечение военнослужащих, ветеранов, граждан, уволенных с военной службы и членов их семей); 6) повысить роль науки и культуры в обществе (Придя к власти, КПРФ обеспечит подъем науки и культуры); 7) гарантировать бесплатное образование и здравоохранение (Вернет гарантии бесплатного, качественного образования и медицинского обслуживания. Запретит приватизацию лечебных и учебных учреждений); 8) обеспечить народовластие, предложить проект новой Конституции (По мере выполнения Программы преобразований КПРФ будет готова предложить обществу переход к подлинному народо-

властью. Для этого партия вынесет на всенародное голосование проект новой Конституции России); 9) увеличить продолжительности и качества жизни (Придя к власти, КПРФ сделает жизнь лучше. Направит всю мощь государства на сокращение смертности, на увеличение продолжительности и качества жизни).

Следует отметить, что политический дискурс обладает такими свойствами, как интертекстуальность и интеридеологичность. Соответственно лингвисту важно эксплицировать те уникальные способы, с помощью которых различные идеологии взаимодействуют в (вос)производстве дискурса конкретного политика, политических партий или политического дискурса в целом.

Сравнительный анализ тематического содержания программных документов социалистических партий начала XX в. (Социал-демократическая партия, партия Социалистов-революционеров [Полный сборник... 2001]) и коммунистической партии (КПРФ) [Программа КПРФ 1997] и социалистической партии «Справедливая Россия» (СР) [Предвыборная программа партии «Справедливая Россия» 2007] начала XXI в. выявил интертекстуальные связи программ, позволяющие определить идеологические сцепки русского политического дискурса в исторической перспективе.

Программы социалистических (коммунистических) партий связывают во времени ключевые слова: *трудолюбие, капитализм, эксплуатация человека, общественные производительные силы, передовые слои общества* и др. Ср.: *Поскольку же буржуазно-капиталистические формы суживают, ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и общественных производительных сил — постольку современное хозяйственное развитие обнаруживает свои отрицательные разрушительные стороны: анархию товарного производства и конкуренции; бесплодное расточение в ней хозяйственных сил; кризисы, потрясающие народное хозяйство в самых его основаниях; рост эксплуатации, зависимости и необеспеченности рабочих масс; разлагающую все моральные устои власть денег; своекорыстную борьбу всех против всех за существование и привилегированное положение* (партия Социалистов-революционеров); *Капиталистический способ производства означает безудержную эксплуатацию человека и ресурсов природы; носители мелкобуржуазной идеологии; ленинское учение об империализме* (КПРФ); *свобода от эксплуатации и угнетения одних людей другими; обман и произвол власти; капитал; социализм* (СР).

Социалистические (коммунистические) партии начала XX и XXI вв. определяют свою главную политическую задачу при помощи слова *борьба*. Ср.: *Партия социалистов-революционеров в России рассматривает свое дело как*

органическую составную часть всемирной борьбы труда против эксплуатации человеческой личности, против стеснительных для ее развития общественных форм, и ведет его в духе общих интересов этой борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности (партия социалистов-революционеров); *Партия борется за единство, целостность и независимость Отечества, за воссоздание братского Союза советских народов, благополучие и безопасность, нравственное и физическое здоровье граждан* (КПРФ); *Мы будем отстаивать социальную справедливость, бороться за нее в каждом регионе, в каждом городе и селе!* (СР).

В начале XX и XXI вв. в программах социалистических партий главным политическим актором выступает рабочий класс. Ср.: *Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров* (Социал-демократическая народная партия); *В результате этих встречных процессов складывается передовой отряд, ядро современного рабочего класса* (КПРФ).

Примечательно, что СР, позиционирующая себя как новая и современная социалистическая партия, не использует слов из лексикона КПСС и КПРФ (*рабочий, рабочий класс, трудящийся*), предпочитая им слово с более широкой семантикой *работник*, т. е. тот, кто профессионально занимается какой-либо профессиональной деятельностью: *работник государственной сферы образования, работник бюджетной сферы, работник государственной сферы культуры, творческие работники, работники СМИ, наемные работники, научные работники* и т. п. Вероятно, это сознательная тактика отстранения от марксистско-ленинской идеологии.

И социалисты, и коммунисты характеризуют положение в стране как кризисное. Ср.: *Существование самодержавия становится в непримиримое и прогрессивное обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом*

страны (программа социал-революционеров); *Страна охвачена системным кризисом. Рецессия капитализма повлекла за собой резкое падение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, деградацию науки, образования и культуры* (КПРФ); *...это масштабные угрозы нашему обществу и государству, нашей культуре и цивилизации* (СР). При этом партии видят причину сложной социально-политической ситуации в природе капиталистических отношений: *буржуазно-капиталистические формы суживают, ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и общественных производительных сил* (партия Социалистов-революционеров); *капитализм убивает Россию* (КПРФ); *процессы глобализации еще ярче проявили варварскую суть капитализма* (СР).

Таким образом, идеологическая преемственность партийных программ социалистического и коммунистического направления начала XX и XXI вв. проявляется на уровне осмысления цели, главного политического актора и оценки сложившейся в стране ситуации.

Подведем некоторые итоги. В системе идеологических представлений членов КПРФ самообозначение, т. е. актуализация «нашей» группы, не является приоритетом. Фокус читательского внимания смещен на оппонентов и «наши» действия по отношению к «ним». Определяющими критериями членства в партии КПРФ являются следующие характеристики: верность делу партии и идеям социализма, гордость за достижения советского периода. Высшей ценностью группы является человек, качество и продолжительность его жизни. Социальная база партии сформулирована предельно широко: членом партии КПРФ может стать любой честный и трудолюбивый человек, разделяющий социалистические идеи. В случае прихода КПРФ к власти достижение политической цели — построение социализма — возможно, поскольку партия обладает необходимыми ресурсами: поддержкой граждан, программой действий, опытом политической деятельности. Результаты лингвокогнитивного анализа идеологических представлений членов КПРФ представим в таблице.

Таблица. Когнитивная модель идеологии КПРФ

Кто мы?	<p>«КПРФ — партия народа».</p> <p>Мы верны идеалам социализма.</p> <p>КПРФ — ответственная партия.</p> <p>В наших рядах — последовательные и верные члены партии.</p> <p>Мы — организаторы и активные участники левого движения. Мы — часть народно-патриотических сил.</p> <p>КПРФ выражает волю граждан.</p> <p>Мы верим в правоту своего дела.</p> <p>Мы — наследники Октября и достижений советского периода.</p> <p>Критерии членства в группе: честность; деятельность, вызывающая уважение; государственное признание результатов труда в советский период.</p> <p>Широкая социальная база партии.</p>
---------	---

Типичные действия	Сотрудничать с «нашей» группой — бороться против «их» группы. Важна повторяемость и длительность действия. Актуализован план настоящего времени.
Цель	Высшая цель — благо народа. Главная цель — построение социализма в России. Наша цель — завоевание власти трудящихся.
Ценности	Человек. Народная духовность. Равенство. Добро, правда, справедливость, совесть, труд. Народовластие. Единство общества, единство слова и дела.
Кто они?	Политические противники: партия власти, перевертыши и конъюнктурщики, правящая элита, правящие силы, правящие круги, власть, либеральные идеи, правительство. «Их» социальные группы: буржуй, чиновник / бюрократ, бандит, империалист, чужие руки, узкая группа лиц, жирующие, иностранные корпорации, крупный бизнес, олигархи, представители СМИ, служащие ОМОНа, тугая мощна, имплицитно выраженные враги.
Ресурсы	Поддержка граждан. Альтернативный путь развития страны. Программа действий. Опыт увеличения продолжительности и качества жизни. Опыт оппозиционной партийной деятельности. Союзники, стремление участников национально-патриотического фронта победить.

Мы считаем, что изучение программы представителями гуманитарных наук, привлечение внимания научной и политической общественности к данному тексту как к идеологическому документу, отражающему историю развития многопартийности в России, тексту — обязательству перед избирателями, повысит интерес и степень доверия российских граждан к программе политической партии.

Нам представляется перспективным сравнение предвыборных программ партии на каждом новом цикле парламентских выборов с целью выяснения соотношения между высказанным обещанием (слово) и предпринятым действием, результируемом в вещи (дело). Кроме того, интересно сравнить содержание предвыборных программ и программ, утвержденных после проведения парламентских выборов. Примечателен сам факт принятия новой программы. Составление групповых схем и их изменение/постоянство во временной перспекти-

ве в зависимости от меняющихся политических условий может помочь выяснить динамику идеологических представлений членов российских партий.

ЛИТЕРАТУРА

Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. — М., 2001.

Предвыборная программа КПРФ : утв на XII съезде КПРФ 2007 г. URL: <http://kprf.ru/party/program/> (дата обращения: 24.09.2007).

Предвыборная программа партии «Справедливая Россия» : принята II съездом партии 23 сент. 2007 г. URL: www.spravedlivo.ru.

Программа КПРФ : (утв. на IV съезде КПРФ 20.04.1997) // Официальный сайт КПРФ. URL: www.kprf.ru.

Van Dijk T. A. Ideology. A multidisciplinary study. — L., 1998.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

В. И. Карасик
Волгоград, Россия

V. I. Karasik
Volgograd, Russia

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ:
«МЕРОПРИЯТИЕ»**

**CONCEPTUALIZATION
OF A SOCIAL ACTION:
“AN OFFICIAL EVENT”**

Аннотация. Рассматривается идеологически маркированный концепт «мероприятие» — запланированное организованное официальное групповое действие. Установлены его институциональные, оценочные и дейктические признаки, выявлена динамика его развития в современном русском языковом сознании.

Abstract. The article deals with an ideologically charged concept “official event” understood as a planned organized official collective action. Institutional, evaluative and deictic meaning of this concept is explained and the trends of its development in modern Russian mentality are discussed.

Ключевые слова: концепт; социальное действие; институциональное действие; официальный стиль; идеологическая маркированность.

Key words: concept; social action; institutional action; official style; ideological charge.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Place of employment: the Volgograd State Social Pedagogical University.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, к. 4-33.
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

Социальное действие представляет собой поступок, осуществляемый индивидуумом с целью подтвердить свой статус члена определенного сообщества. В этом плане социальное действие, по Ю. Хабермасу, является коммуникативным, т. е. интерактивным действием, противопоставляемым инструментальному действию, направленному на достижение целей, не предполагающих актуализацию социального контекста. В своей классической теории коммуникативного действия Ю. Хабермас выделяет четыре его типа: 1) телеологическое действие, представляющее собой интерпретацию ситуации, выбор средств, направленных на достижение определенного результата и принятие решения; в расширительном смысле это — стратегическое действие, обычно анализируемое в терминах пользы, цели и средств; 2) нормативно регулируемое действие, состоящее в совершении поступков членами определенной социальной группы, которые ведут себя в соответствии с определенными ценностями и установками; 3) драматургическое действие, суть которого состоит в разыгрывании ролей и восприятии друг друга в качестве публики, центральным моментом в такой самопрезентации является стилизация поведения в соответствии с ожиданиями партнеров; 4) коммуникативное действие, которое проявляется как интеракция (вербальная и невербальная) между участниками речевого акта, устанавливающими по отношению друг к другу межличностные отношения и интерпретирующими коммуникативные ходы партнеров для достижения взаимопонимания [Habermas 1984: 85—86].

Если рассматривать типы социального действия как его аспекты, то каждая из открываю-

щихся сторон такого действия предполагает систему категорий и способов проявления. Так, лингвистически релевантное телеологическое действие мы можем проанализировать в терминах теории речевых актов, установив последовательность и логику его этапов соответственно нормативно регулируемое действие будет представлено в виде культурного скрипта поведения, предполагающего выход на социальные ценности и предписания, определяющие его реализацию, драматургическое действие в этом контексте осмысливается как обмен знаками, эмблемами, подтверждающими принадлежность говорящих к определенным группам, коммуникативное действие определяется как выстраивание участниками общения упреждающих, параллельных и последующих интерпретаций интенций друг друга.

Одним из возможных подходов к моделированию социальных действий является их лингвокультурологический анализ. Для обозначения типов социального действия в языке выработаны определенные единицы, отражающие специфику таких действий. Так, например, с позиций этического осмысления поступка выделяются подвиги, акты предательства, благородные и бесчестные действия, с позиций утилитарной оценки того или другого события — эффективные или бессмысленные, умные или глупые, простые и сложные действия, с позиций идеологической маркированности можно противопоставить поступки, подтверждающие принадлежность участников коммуникативной ситуации той или иной группе, осознающей свою идентичность и противопоставляющей себя другим группам. К числу идеологически маркированных обозначений социального действия

относится мероприятие — совершение определенного организованного действия в рамках некоторого плана работы. Это слово и стоящий за ним концепт характеризуют мировоззрение людей, использующих данное слово, и являются индикаторами определенной эпохи. Анализ таких слов (например, «сознательность», «очковитирательство», «благополучие») позволяет выявить ключевые ценности общества [см. Карасик 2010].

Дефиниции концепта «мероприятие» сводятся к обозначению сознательного действия и его цели: *Мероприятие — действие, направленное на осуществление чего-н., для осуществления какой-н. цели* [Ушаков]; *Мероприятие — организованное действие или совокупность действий, направленных на осуществление какой-либо цели. — Был такой указ, чтоб прапорщиков вовсе не было. Чтoб ни одного прапорщика. ...Нехорошо с вами поступили, что и говорить! — сказал землемер и вздохнул. — Все хорошо, но этого мероприятия одобрить не могу* [Чехов: 224]. *В интенсивных охотничьих хозяйствах во второй половине зимы необходимо проведение ряда биотехнических мероприятий. Из них важнейшие — это борьба с волками, подкормка косуль и др.* [Календарь охоты]. *Усадив Ольгу в кресло, он стал подробно рассказывать ей о санитарных мероприятиях, которые они провели у себя на комбинате.* [Чаков. У нас уже утро; цит. по БАС]. *Мероприятием* называют праздник, собрание, встречу и т. п., которые проводятся с определенной целью и в которых участвуют как минимум несколько человек. *Массовое, общественное мероприятие. Праздничные мероприятия. Проведение плановых мероприятий сотрудниками дорожной милиции. Мероприятие прошло успешно* [Дмитриев].

В приведенных дефинициях выделяются следующие признаки: 1) действие, 2) имеющее цель, 3) требующее организации, 4) осуществляемое группой лиц. Таким образом, в результате проведения мероприятия положение дел меняется (характеристика действия), мероприятие не бывает спонтанным, оно является частью некоторого плана и его результаты соотносятся с этим планом (характеристика цели), мероприятие представляет собой некоторую последовательность действий, требует контроля (характеристика организованного действия), мероприятие предполагает участие в нем нескольких субъектов, т. е. подразумевает распределение задач между ними.

Возникает вопрос: почему этот концепт ассоциируется с бюрократической процедурой решения вопросов и присущими бюрократии бездушным отношением к людям, формальностью и бумаготворчеством? В словарных дефинициях, отражающих наиболее важные логико-понятийные признаки этого концепта, мы не находим ответа на поставленный вопрос, и это вполне закономерно, поскольку лингвокультур-

ная информация обычно требует более конкретных ситуативных уточнений содержательного ядра рассматриваемого ментального образования. Для определения таких уточнений и выявления ассоциативных признаков данного концепта обратимся к анализу сочетаемости слова «мероприятие», используя корпус русского языка «Библиотека лексикографа», составленный А. А. Бурькиным.

Для выявления ассоциативных признаков рассматриваемого концепта проанализированы следующие направления его смыслового уточнения: 1) субъекты, осуществляющие мероприятие, 2) цели проведения мероприятия, 3) результаты мероприятия, 4) однопорядковые с мероприятиями действия, конкретные разновидности мероприятий (экземплификация), 5) способ и манера проведения мероприятия, 6) атрибутивные характеристики мероприятий, 7) оценка мероприятия, 8) символизация мероприятия, 9) метафорические или эвфемистические обозначения мероприятий.

Субъектами мероприятия являются люди, облеченные властью или функционирующие в рамках официальных государственных структур, т. е. мероприятие — это всегда институциональное, а не личное событие. Разумеется, в шутку можно назвать мероприятием свидание или встречу с другом, но тогда возникает ассоциация с официальным событием, проводимым по плану. Не случайно имя данного концепта часто используется в юридическом дискурсе:

Высшему совету народного хозяйства предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов.

Правительственный орган имеет право проводить определенные мероприятия. Участниками мероприятия являются и одушевленные объекты, те лица, для которых это мероприятие организовано:

Антисенатские репрессии, ставшие обычным явлением в последние годы правления Домициана, прекратились. В Рим из ссылки возвращаются изгнанные философы. Проводятся мероприятия против доносчиков, число которых возросло при Домициане.

В приведенном примере показано, что мероприятия могут быть направлены в чью-либо пользу либо для нанесения кому-либо вреда.

Цели мероприятий обычно выражены эксплицитно. Собственно говоря, само слово «мероприятие» существует для подчеркивания воплощения в жизнь некоторых целей. Это слово фигурирует в постановлениях, приказах, распоряжениях и других жанрах административного дискурса:

В июне 1940 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление „О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установ-

ленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката».

Для конкретизации целей того или иного мероприятия в русском узусе используется определенная предложная конструкция:

Финансирование мероприятий по сохранению и защите фольклора малочисленных народов Севера осуществляется из бюджета автономного округа.

Сущность мероприятия — выполнение установленного плана. Ответственность официальных лиц за такое выполнение выражается глаголом «обеспечить» — ‘создать все необходимые условия для чего-л.; гарантировать надежность, прочность чего-л.’ [БТС]. Отсюда вытекает и необходимость вербализации результата проведенного мероприятия:

Решающее значение для срыва военно-политических и экономических мероприятий врага имело то, что немецко-фашистское командование и оккупационная администрация оказались бессильны подорвать или хотя бы ослабить партизанское и подпольное движение. Своими активными действиями советские патриоты разрушали „новый порядок“, насаждаемый гитлеровцами на советской земле, дезорганизовывали их аппарат управления, беспощадно расправлялись с карателями и предателями народа.

В приведенном примере подчеркивается отсутствие запланированного фашистским командованием результата.

Системные связи концепта «мероприятие» по вертикали и горизонтали с другими концептами сводятся к перифрастическому обозначению любого официального действия в рамках выполняемой функции или поставленной цели:

Во время купания детей или других мероприятий на воде осуществляется патрулирование спасательной лодки, снабженной спасательным кругом.

Такая коммуникативная практика обозначения остаточных явлений, попадающих под единую рубрику, часто используется в юридических документах. Показателен текст статьи из Таможенного кодекса Российской Федерации:

Статья 221. Незаконные валютные операции и иные деяния с валютными ценностями

Умышленное заявление таможенным органам Российской Федерации ложных сведений с целью сокрытия полученных в результате осуществления внешнеэкономической деятельности доходов в валютных ценностях или занижения их размера, несоблюдение установленных требований об обязательном ввозе (включая пересылку) или переводе в Российскую Федерацию полученных таким путем валютных ценностей (включая незаконное оставление валютных ценностей за пределами Российской Федерации), совершение платежей в иностранной валюте или платежных документах в иностранной валю-

те по фиктивным внешнеэкономическим сделкам, связанным с перемещением товаров через таможенную границу Российской Федерации, а равно другие незаконные валютные операции и иные деяния с валютными ценностями, касающиеся таможенного дела, совершенные в значительном или крупном размере, либо физическим лицом или должностным лицом, ранее судимым за незаконные валютные операции и иные деяния с валютными ценностями, либо организованной группой, признается преступлением и наказывается в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации.

В этой статье перечисляются типичные нарушения валютного регулирования (заведомо ложное заявление, несоблюдение требований, фиктивные сделки) и далее используются неопределенные обозначения «другие незаконные операции» и «иные деяния», подробное перечисление которых было бы чересчур длинным, и кроме того, в юридической практике возникают ситуации, которые невозможно заранее учесть и каталогизировать. Для обозначения таких заведомо неопределенных ситуаций, которые тем не менее должны попадать под рубрику тех или иных правонарушений, используется ситуативно ориентированный (дейктический по своей сути) индикатор «другое/иное деяние». Такая номинация типична и для тех явлений, которые обозначаются как мероприятия. При этом подчеркну, что важнейшие типы мероприятий в их конкретном проявлении часто уточняются:

Единственное официальное мероприятие, в котором нам довелось участвовать, — освящение православной церкви в Дармштадте.

В освящении церкви принимал участие официальный представитель Российской империи.

В Советском Союзе слово «мероприятие» часто обозначало не просто официальное, но и идеологически маркированное действие:

У нас нет единой программы действий. Из общей кучи потребностей не выделены первостепенные мероприятия, хотя сегодня Костя, возражая, указал мне, что таковыми мероприятиями являются проводимые всюду кампании, ударные недели, трехдневники и воскресники.

Различные кампании, ударные недели или субботники и воскресники проводились для решения не только определенных экономических задач (например, сбор металлолома и макулатуры пионерами), но и для сплочения коллектива и осознания всеми участниками мероприятия своей причастности к жизни страны. Эта функция осознания и переживания сопричастности является ритуальной, причем такие живые ритуалы составляют суть общества как культурного организма. Омертвление ритуалов, их формализация — показатель деградации официальной идеологии общества.

Характеристики различных обстоятельств выполнения мероприятий показывают, что к числу таких обстоятельств могут относиться осложняющие факторы:

Писатели Котикова и Горошков — хорошие общественники. Оба, невзирая на ненастную погоду, безотказно выезжают в детские садики с чтением своих произведений, выполняя тем самым план мероприятий.

К подобным характеристикам относятся и условия проведения определенных мероприятий:

Запрещается проводить оперативно-розыскные мероприятия, ставящие под угрозу сохранение адвокатской тайны, если отсутствует соответствующее судебное решение.

Атрибутивные характеристики мероприятий можно разбить на два класса: описательно-предметные и описательно-оценочные, хотя граница между этими классами весьма условна.

К первому классу относятся определения мероприятий по их ведомственной принадлежности:

Чекисты разработали ряд агентурных мероприятий по выводу Тютюнника на советскую территорию.

Этапный эпикриз позволяет оценить состояние ребенка в динамике, определить эффективность проводимых оздоровительных мероприятий и выявить факторы риска на ранних этапах развития патологии.

Трудно было не обратить внимания на соотечественника с камерой (при том, что фотографов на международных спортивных мероприятиях было наперечет), особенно если соотечественник никогда не отказывается подарить пару-тройку особенно удачных картинок.

Речь идет о типах институционального дискурса — военного, юридического, медицинского, спортивного и др., — в рамках которого осуществляется то или иное мероприятие.

Второй класс составляют мероприятия, содержание которых остается в высказывании нераскрытым — говорящий фокусирует внимание на своем отношении к предмету речи:

Это было хорошо организованное и увлекательное мероприятие, включавшее посещение многих знаменитых замков трех прибалтийских губерний. Члены клуба устраивали для нас приемы, а владельцы замков, встречавшихся на пути, очень гостеприимно принимали нас в своих поместьях.

В приведенном примере тем не менее общается о конкретных мероприятиях, заслуживших высокую оценку со стороны высокопоставленного сановника.

Описательно-предметные и описательно-оценочные атрибуты мероприятия могут комбинироваться:

К наиболее перспективным оборонительным мероприятиям журнал относил ведение разведки воздушного пространства на боль-

шую глубину, интенсивное радиоэлектронное противодействие, применение нестандартных боевых порядков.

Прилагательное «перспективный» является оценочным, а прилагательное «оборонительный» — описательно-предметным атрибутом. Обратим внимание на конкретизацию мероприятия, о которых идет речь.

Говоря о предметных и оценочных характеристиках мероприятия, подчеркнем важность используемых сравнений. Частотным является сравнение мероприятия с отлаженным механизмом (обычно — хорошо работающими часами):

Основной заезд должен был происходить в воскресенье, а в субботу прилетали только три человека, которых поручили встретить, поселить, накормить и, если потребуется, успокоить несколькими нашим аспирантам. В субботу утром задуманное мероприятие представлялось хорошо отлаженным механизмом, который осталось только запустить. Наконец, после стольких дней безотни и нервоотрепки, можно было прилечь и отдохнуть.

Организация научной конференции требует больших усилий. Автор иронически описывает главные заботы, которые тревожили организаторов и исполнителей такого мероприятия (смешным в этом контексте выглядит действие «если потребуется, успокоить», — хотя моя практика участия во многих научных симпозиумах свидетельствует о том, что существуют участники конференции с обостренным чувством собственного статуса, для которых любые бытовые неудобства — знак неуважения к ним со стороны организаторов).

Заслуживают внимания описательные характеристики рассматриваемого концепта, требующие комментария:

Володя в невеселые времена начала пятидесятых буквально сам создал в институте „театральный кружок“, который впоследствии через много лет стал, поскучнев, торжественно называться „студией“ со штатным расписанием и казенными финансами. Володя был душой и главным двигателем опаснейших в те годы мероприятий — институтских „обзрений“, которые сочиняли мы сами и сами в них играли (слова „капустник“ в то время, кажется, никто не знал).

В этом примере идет речь о молодежном самодеятельном театре, постановки которого представляли собой критические скетчи, в которых юмористически и сатирически комментировались актуальные события. В начале 50-х гг. XX века в Советском Союзе подобная критика была строго регламентированной: право на критику имели партийные и советские органы, трудящиеся могли высказывать дозированную критику в адрес своего непосредственного руководства на партийных, комсомольских или профсоюзных собраниях, а все остальные слу-

чаи выражения неодобрительного отношения к власти рассматривались как антисоветская пропаганда. Единственным местом, где можно было высказывать критику в адрес власти, оставалась кухня. Спектакль, даже любительский, — это выход на публичный уровень общения, и поэтому человек, о котором рассказывает автор, шел на большой риск. Слово «мероприятие» используется в приведенном тексте в ироническом смысле.

Идея мероприятия выражает ключевое мировоззренческое отношение советского человека к действительности — человек должен преобразовывать мир в соответствии с генеральной программой. Планирование является важнейшим признаком советской цивилизации:

Запланированная радость всегда превращается в мероприятие: в этот закон Иван Степанович верил безусловно, поскольку прожил достаточно долгую и трудную жизнь в стране с непременным планированием всех праздников, торжеств и юбилеев.

В приведенном примере мягкий комизм ситуации осмысливается в контрасте «трудная жизнь» — «планирование праздников». Запланированный праздник перестает быть праздником. Организатор неизбежно отстраняется от участника — такова плата за выстраивание событий по своему желанию (а часто и по чужой воле).

Ироническое отношение к мероприятиям как институциональным ритуалам было в Советском Союзе формой критического протеста против государственной системы. Этот протест мог принимать мягкую форму:

Сегодня нам предстоит важное мероприятие. Мы должны выбрать себе главврача нашего общего, родного всем нам, любимого дома.

В этом примере говорится о собрании пациентов психиатрической больницы, избирающих главного врача. Идея этого мероприятия абсурдна сама по себе, но критика обращена против издержек демократических преобразований в обществе в период перестройки конца 80-х гг. XX в.

Резко отрицательно оцениваются публичные мероприятия в обществе, где людям нельзя показывать искреннее отношение к власти:

Тогда социум может погрузиться в глубокий психоз, вроде того, который наблюдался в Ираке, когда любое публичное мероприятие сопровождалось оглушительными здравницами в честь вождя.

Подобная экзальтация является диагностическим признаком тоталитарного общества, не случайно В. Клемперер [Клемперер 1998] в своей книге о языке Третьей империи говорит о «проклятии суперлатива».

Вместе с тем привычка к шаблонным обозначениям вещей приводила к тому, что и оригинальные живые события порой назывались казенными словами:

Два раза за лето Чуковский устраивал мероприятие, которое называлось „костер“. В июне — „Здравствуй, лето“, в августе — „Прощай, лето“. За вход следовало заплатить десять шишек, которые торжественно бросались в пламя.

Автор этих мемуаров изъясняется по привычке так, как было принято в то время. Однако казенщина менее всего была свойственна прекрасному поэту Корнею Чуковскому.

В ряде случаев критически оценивалась главная отрицательная черта официальных мероприятий — их формализм:

Ведь они иногда показательные мероприятия проводят, показушные.

Показательные мероприятия приносят большой вред государственной системе в целом, поскольку уничтожают веру людей в целесообразность выполняемых действий. Приведу развернутый пример критического отношения к подобным мероприятиям:

Фокус в том, что когда совписатель становится профессионалом, он втягивает в жизнь столь специфическую, что скоро абсолютно теряет представление, как там живет народ и что там вообще кругом делается. Чтоб публиковаться в издательствах и журналах, получать путевки в дома творчества и загранкомандировки и вообще держаться на плаву в литературном процессе, необходимо постоянно поддерживать связи в своем клане: пускать пар в свисток. Быть на виду, оказывать услуги нужным фигурам, прознавать важные новости, участвовать во всяких мероприятиях и говорильнях, и все это поглощало полностью все время, силы и интересы. А с целью „собрать материал“ о жизни „простого народа“ выписывались „творческие командировки“ по стране: писателя встречали, поили-кормили, ублажали и возили на экскурсии: пусть посмотрит сочинитель, совесть народная, как доятся рабочие и выполняют план по маслу коровы и быки.

В этой сатирической зарисовке метафорически выражена суть показухи — «пускать пар в свисток». Имеется в виду ситуация, когда локомотив громко свистит, но стоит на месте. Такая ситуация становится символом государственного устройства, и поэтому автор использует словосочетание «всякие мероприятия и говорильни», т. е. действия, не имеющие пользы для общества. В тексте мы видим газетные штампы «собрать материал», «простой народ», писатель иронически характеризуется как «совесть народная» (в России писателя всегда считали выразителем духовных чаяний общества), а заканчивается пассаж абсурдным замещением рабочих и животных.

Слово «мероприятие» часто использовалось иронически, обратим внимание на отсутствие кавычек — подобные контексты стали обычными:

Каким бы ни было проходящее во дворе мероприятие — распитие водки, распитие

пива, посиделки, — жители ближних домов во время их протекания стараются не находиться рядом. На открытый конфликт с нарушителями своих интересов большинство не идет. Исключение составляют отдельные престарелые женщины, которым, благодаря возрасту, ничего не страшно. Время от времени они стыдят участников отдельных мероприятий, а иногда требуют их удаления — если те открыто выходят за рамки приличия.

В таком контексте институциональное слово «мероприятие» используется в полярно противоположном ему антиинституциональном смысле: перед нами намеренное понижение значимости подобного явления, известный стилистический прием — травестия, состоящая в том, что о низком говорится высоким стилем.

Символом формального отношения к делу является птичка, галочка, значок о выполнении запланированного мероприятия. Например:

Не согласен я с выражением, если хоть раз побывал в Венеции, можно считать, что жизнь состоялась. Нет, для полноты ощущений я бы еще советовал поплавать с аквалангом в Красном море. Жизнь тогда можно считать мероприятием оптическим.

В этом высказывании высмеивается известная практика выстраивания жизненных приоритетов, видны аллюзии на сентенцию *Каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына* (в Интернете много шуточных комментариев к этой фразе, например: *Мини-мужчина должен посадить цветок, вырастить хомячка и построить скворечник*). Известны фразы *Увидеть Париж (или Венецию) и умереть*. Автор создает неологизм «оптическое мероприятие». Подводный мир в Красном море, действительно, очень красивое зрелище, но вряд ли можно сводить назначение жизни только к этому.

Интересны примеры эвфемистического использования слова «мероприятие»:

У нас тут в ближайшем будущем намечается большое комсомольско-молодежное мероприятие. И даже не без участия милиции и войск погранохраны. Республику тут одну будем брать.

В этом тексте речь идет о введении войск на территорию одной из республик страны. Персонаж называет это действие «комсомольско-молодежным мероприятием», подчеркивая тем самым несерьезный, полушуточный характер предстоящего события. Сказано о том, что в этом мероприятии примут участие силовые структуры — милиция и пограничные войска. Затем говорящий отбрасывает маскировку и говорит о предстоящем событии просто и обыденно, как о чем-то повседневном. Обратим внимание на глагол «брать», неопределенное описание «республику одну» и разговорное наречие «тут».

Слово «мероприятие» может приобретать лично окрашенный смысл:

Исход любого, даже самого элементарного мероприятия прежде всего зависит от подготовки. За свою шестилетнюю карьеру в должности оперуполномоченного я очень хорошо усвоил эту истину. Под словом «мероприятие» я, разумеется, понимаю не поход в столовую и не распитие пузыря с Женькой в его кабинете. Хотя и к распитию нужна подготовка. Мероприятиями в нашей работе я называю действия, в ходе проведения которых кое-кто может очутиться в тюрьме.

Герой данного детективного текста, сотрудник уголовного розыска, трактует данное понятие в узком и профессионально-субъективном ключе — как оперативно-разыскное мероприятие. Впрочем, отмечу, что в профессиональной речи наблюдается интересная тенденция — избегать понятий среднего уровня, которыми оперируют все, и пользоваться либо конкретными наименованиями предметов и явлений (собственно профессиональными обозначениями), либо абстрактными гиперонимами, смысл которых должен быть ситуативно понятен. Ювелир говорит о камне, настройщик рояля — об инструменте, сыщик — о мероприятии.

Заслуживает внимания рефлексия людей, чьей профессией является работа со словом, по поводу таких концептов, как «мероприятие»:

Как родниковая вода отличается от той, что течет из-под крана, так и литературный язык не похож на разговорный: он без „местных примесей“, без натурализма, без искусственных добавок в виде жаргона, лишен случайного, временного, фонетически искаженного. Беречь его чистоту, хранить от загрязнения такими словами, как „буза“, „шамать“, „мура“, „волынка“, — наша святая обязанность. Это — с одной стороны. С другой — не следует, мне кажется, забывать, что первоисточником литературного языка все же является разговорный. Он постоянно рождает новые слова и понятия, особенно бурно — в эпоху социальных революций и научно-технического прогресса. Воздвигать непроницаемые и вечные барьеры между языковыми стилями было бы неправильно, да и невозможно: прорыв таких слов, как „комиссар“, „паек“, „карточная система“, „космонавт“, „мероприятие“, неизбежен.

Соглашаясь с известным журналистом В. Аграновским в том, что должна вестись целенаправленная работа по поддержанию должного уровня литературного общения в обществе, и в том, что язык — это часть культуры и всей социальной жизни, тем не менее подчеркну, что есть существенная разница такими концептами (и обозначающими их словами), как «комиссар» или «космонавт», с одной стороны, и «мероприятие» или «разборка» — с другой. Слова, обозначающие социальные действия, не только номинируют эти действия, но и формируют ценностные установки у носителей лингвокультуры.

Для установления ассоциативных характеристик концепта «мероприятие» в сознании современных носителей русского языка я обратился к информантам с просьбой завершить высказывание «Когда я думаю о мероприятии, я представляю себе...». Целью этого опроса была экзemplификация данного концепта, его конкретное наполнение. Большинство опрошенных назвали зал с людьми, собрание трудового коллектива (собрание людей, где есть организаторы и толпа), представители старшего поколения привели в качестве примеров пионерский сбор, поход в музей со студентами, был также и ответ «строчка в отчете».

В «Русском ассоциативном словаре» реакции информантов на стимул «мероприятие» весьма разнообразны и могут быть распределены по группам «оценка» (*интересное, ненужное, важное, скучное, впечатляющее, глупое*), «результат» (*сорвалось, завалили, завершено, назначено, не получилось, окончилось, не удалось, проведено, отменяется*), «примеры» (*по очистке территории, собрание, субботник, банкет, дискотека, общий сбор, по сбору макулатуры, поход в театр*). Таким образом, динамика этого концепта в сознании носителей русской лингвокультуры состоит в сокращении идеологической составляющей и расширении оценочного компонента.

Таковы описательные характеристики мероприятия в сознании носителей русской лингвокультуры. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что привычка изъясняться словами официально-канцелярского стиля была обусловлена жестким контролем над сознанием населения со стороны власти, глубоким проникновением пропагандистских штампов в повседневное коммуникативное поведение. Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, в обществе с явно выраженной идеологической доминантой бытия противопоставляется высокое и низкое, и это значит, что о высоком достаточно часто говорят. Как только происхо-

дит социальный сдвиг и на первый план выходит обычная повседневная жизнь, разговоры о высоком просто исчезают, и растворяется не только официальный регистр общения, но и концептосфера высокого. Это происходит потому, что для подавляющего большинства населения такая концептосфера всегда является чем-то чужим и внешним, поддерживается искусственно, она легко формализуется и, омертвеваясь, резко осуждается в обществе, поэтому в периоды социальных трансформаций временно исчезает.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — Волгоград: Парадигма, 2010.

Клемперер В. ЛТГ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьев. — М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. : Reason and the Rationalization of Society. — L.: Heinemann, 1984.

ИСТОЧНИКИ

Библиотека лексикографа : корпус русского языка [Электронный ресурс] / сост. А. А. Бурькин.

БТС = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.

Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. : От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов [и др.]. — М.: Астрель ; АСТ, 2002.

БАС = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965.

Дмитриев = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. — М.: Астрель ; АСТ, 2003.

Ушаков = Толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М.: Вече ; Мир книги, 2001.

Чехов А. П. Упразднили! // Полн. собр. соч. : в 30 т. — М.: Наука, 1975. Т. 3. С. 223—228.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

А. О. Лалетина

Нижний Новгород, Россия

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. *Анализируются зарубежные лингвистические исследования, затрагивающие глобализационные процессы и влияние, которое они оказывают на язык. Автор выделяет три направления в изучении глобализации и языка: изменения в мировой системе языков; появление глобальных дискурсов и коммуникативных практик; локальные языковые практики и использование языка как средства конструирования идентичности.*

Ключевые слова: *глобализация; язык; коммуникация; дискурс; социоконструктивизм.*

Сведения об авторе: *Лалетина Александра Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений, экономики и управления.*

Место работы: *Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.*

Контактная информация: *603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а.
e-mail: alaletina@yandex.ru.*

А. О. Laletina

Nizhny Novgorod, Russia

GLOBALIZATION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Abstract. *The article analyses major linguistic works which focus on globalization and its impact on language. Three directions of globalization and language research are singled out: changes occurring in systemic relationships between languages; emergence of global discourses and communication practices; local language practices and use of language as a means of identity work.*

Key words: *globalization; language; communication; discourse; socio-constructionism.*

About the author: *Laletina Aleksandra Olegovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages, Faculty of International Relations and Management.*

Place of employment: *the Nizhny Novgorod State Linguistic University n.a. N. A. Dobroliubov.*

Несмотря на то что в академическом, профессиональном и повседневном общении нет единства мнений относительно трактовки термина «глобализация», бесспорным остается, что глобализационные процессы затронули жизнь большей части населения Земли. К основным сферам анализа глобализации следует отнести экономику, политику и культуру. В центре экономических исследований находятся такие глобализационные процессы, как усиление экономических контактов, устранение таможенных барьеров, становление и развитие мирового рынка, а также сама новизна и значимость данных феноменов для каждого социума. Рост межнациональных политических институтов, стирание четких национальных границ также занимают важное место в глобализационной полемике. При этом наибольшие споры и дискуссии вызывает так называемая культурная глобализация, частью которой являются инновации и новые тенденции в языке как средстве межкультурного общения. Дискуссионным является вопрос о так называемой гомогенизации культуры, часто рассматриваемой как всеобщая американизация культурной сферы, изменение локальных культур и языков в сторону их большей гармонизации с ценностями североамериканской цивилизации. Национальный язык социума при этом становится максимально восприимчивым к лексическим, иногда даже

грамматическим заимствованиям из английского языка.

Интенсивное научное осмысление взаимоотношения языка и глобализационных факторов началось относительно недавно: в последнее десятилетие XX в. в зарубежном языкознании и в начале третьего тысячелетия — в отечественном. Накопленный опыт позволяет констатировать, что глобализация представляет собой многогранный социальный, институциональный и культурный феномен, лингвистическое описание которого выходит за рамки гипотезы упрощения и упрощения языков и культур. Глобализация и влияние, которое она оказывает на язык, вызывают широкую полемику среди лингвистов. Дискуссионным является вопрос о необходимости разработки новых теоретических и методологических подходов, учитывающих комплексность глобализации как сложной саморазвивающейся системы. Нерешенным является вопрос и о выборе единиц анализа: обсуждается, в частности, затрагивает ли глобализация язык как систему, обслуживающую меняющиеся социальные и социолингвистические системы, или в большей мере глобализация влияет на язык как социальную практику и ведет к появлению новых жанров и стилей и к изменению идеологии использования языка. Работы разнятся и по степени политической ангажированности — ученые пытаются

Статья подготовлена в ходе выполнения НИР «Глобализация и язык: социолингвистический анализ языковой ситуации на материале русского, английского и немецкого языков» при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.». Проект реализуется в рамках Научно-образовательного центра междисциплинарных исследований языка и культуры ФГБОУ ВПО НГЛУ.

© Лалетина А. О., 2011

ся дать оценку политическим действиям, влекущим за собой или способствующим глобальному распространению определенных языков.

В настоящей статье рассматриваются работы зарубежных лингвистов, которые отражают основные направления исследования глобализационной проблематики. На современном этапе при всем многообразии подходов можно выделить три доминирующих направления в изучении языка и глобализации: 1) исследование изменений в мировой системе языков, принципов типологии языков; 2) анализ становления и развития глобальных дискурсивных и коммуникативных практик; 3) рассмотрение языка как универсального семиотического кода, переключение которого в ряде случаев является одним из важнейших инструментов конструирования идентичности.

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.

Глобальные изменения геополитической, социальной и этнокультурной среды влекут за собой перемены в функционировании языка, его роли в процессах коммуникации. Меняются параметры социальной типологии языков, в связи с чем возникает необходимость по-новому осмыслить принципы социолингвистической классификации (типологии). В частности, неустаревающей остается традиционная структурная типология языков, направленная на выявление сходства между языками на различных уровнях языковой системы (фонетико-просодическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом), в то время как статус языков является одним из наиболее дискуссионных вопросов в глобализационной тематике.

Коммуникативный статус языка традиционно определяется исходя из объема и структуры коммуникации на языке, главным инструментом служат статистические данные о численности населения. Однако в условиях постоянно увеличивающегося числа миграционных потоков и информационных ресурсов необходим более точный механизм. Частично эта проблема решается посредством уточнения ареала коммуникативного пространства. Так, предлагается выделять центральные, суперцентральные и гиперцентральные языки в зависимости от их коммуникативной ценности в региональном, континентальном или глобальном масштабе [Swaan 2010].

Подробнее других описано влияние геополитических факторов на состояние английского языка, который, с одной стороны, выступает мощным орудием экспансии, а с другой — подвергается пиджинизации. Большинство работ освещают роль английского языка в глобальном мире [Crystal 2003; Garrett 2010], описывают изменения, которые происходят в самом английском языке [Bauer 1994], систематизируют представления рядовых граждан о «чужом» языке [Flaitz 1988; Garrett 2010; Singleton 2007], раскрывают вопросы идентичности в условиях многоязычного мира [Bucholtz, Hall 2008; Singleton 2007; Skapoulli 2005].

Помимо традиционных работ, освещающих интенсивный процесс заимствования лексики из английского языка, в последнее время появились труды, свидетельствующие об изменении научной парадигмы при описании роли английского языка в современном мире. В частности, раздвинулись границы английского языка: он перестал восприниматься исключительно как родной язык населения Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, т. е. как язык с четко обозначенными нормами употребления, «проводник» англосаксонской культуры. В условиях глобального мира английский язык является языком множества стран, его различные варианты признаются равнозначными (например, индийский английский, филиппинский английский, южноафриканский английский и др.), и, наконец, английский язык может являться средством выражения любой культуры. Яркой иллюстрацией последнего тезиса является исследование М. Сарачени, анализирующего использование английского языка как средства распространения арабской культуры по всему миру. После террористических актов 11 сентября 2000 г. в Нью-Йорке канал Аль-Джазира открыл новый англоязычный канал Al Jazeera English, который призван стать не только арабским аналогом каналов BBC и CNN, но и служить проводником арабской культуры во всем мире [Saraceni 2010].

Английский язык, несомненно, является мощным орудием глобализации, но в то же время становится и объектом глобализационных процессов, так как претерпевает множество одномоментных изменений в различных частях света. Однако вместе с этим ученые отмечают изменения в иерархии других языков. Интересен в данном случае пример испанского языка, который вполне может претендовать на статус глобального. Свидетельством глобальности испанского языка могут служить следующие факты: создание общего рынка стран Южной Америки (Меркосур); увеличение доли интернет-ресурсов, в том числе научных публикаций, на испанском языке; расширение сети СМИ, вещающих и печатающихся на испанском языке; включение испанского языка как иностранного в школьную программу в ряде государств, таких как США, Япония, Австралия.

Среди ведущих факторов «продвижения» испанского языка в глобальном пространстве выделяют две разнонаправленные тенденции: 1) централизованная международная языковая политика государств, особенно Испании, и 2) массовая культура, в частности популярная музыка, способствующая распространению испанского языка в мире [Mar-Molinero 2010].

Языковая политика испанского правительства преследует две цели: с одной стороны, Испания стремится сохранить лидерство в испаноговорящем мире, с другой — получить экономическую выгоду от «продажи» испанского

языка. Достижение данных целей осуществляется посредством двух основных институтов — Королевской академии испанского языка (Real Academia de la Lengua Espanola (RAE)), членом Ассоциации академий испанского языка (Asociacion de Academias de la Lengua Espanola (ASALE)), и Института Сервантеса (Instituto Cervantes). основополагающий принцип деятельности обоих учреждений — нейтрализация языковой вариативности и поддержание единой нормы испанского языка, основанной на распространённых в центральной Испании речевых образцах, как нейтрального средства социальной интеракции.

Гибридная по своей природе культура латиноамериканского населения США является вторым мощным инструментом популяризации испанского языка в мире и иллюстрирует процесс глобализации «снизу». Тесное переплетение культур, которое в языковом аспекте закрепило как «испанский английский» (англ. Spanglish), вызвано социолингвистическими факторами: с одной стороны, неоспоримой остается доминирующая роль английского языка, однако в то же время испанский язык сохраняет свои позиции родного (первого) языка для иммигрантов из испаноговорящих стран, которые, стремясь сохранить свою идентичность, пытаются противостоять навязыванию как английского языка, так и нейтрального испанского. Популярная музыка играет ведущую роль в конструировании и транслировании американо-латинской культуры. Многие исполнители стремятся сохранить свою смешанную (американо-латинскую) идентичность: Рики Мартин, Дженнифер Лопес, Энрике Иглесиас, Кристина Агилера и Шакира. Музыкальное оформление песен соответствует основным направлениям в жанре поп-музыки, в то время как тексты содержат либо вкрапления разговорного испанского языка или региональных вариантов испанского языка, либо полностью написаны на испанском языке. Таким образом, локализованный испанский язык приобретает глобальный статус и конкурирует наравне с доминирующим элитным (нейтральным) стандартом языка, который охраняется испанским правительством.

Другим примером слабости языковой политики государства в условиях экономических глобализационных процессов служит описанный Б. Буш опыт республик бывшей Югославии в области использования языка как одного из средств национального самоопределения [Busch 2010]. Национальный язык в данном случае трактуется в рамках концепции М. М. Бахтина как «идеологически наполненная категория», а не «абстрактная грамматическая категория» [Бахтин 2011].

В Социалистической Федеративной Республике Югославии сербохорватский язык был официальным языком республик Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория. Новообразованные государства объявили хорват-

ский (1990) и сербский (1992) как официальные языки соответствующих республик, при этом в Боснии и Герцеговине введено три официальных языка — боснийский, хорватский и сербский. Признанию самобытности и уникальности собственного языка способствовал ряд факторов: административные ресурсы и законодательная деятельность государства, средства массовой информации и разобщенность наций в период военных действий, сопровождавших распад Югославии. С конца 1980-х гг. наблюдается всплеск публикации словарей различий между сербским и хорватским языками, а также словарей-справочников по нормативной хорватской грамматике, цель которых формулировалась так: «помочь людям, стремящимся говорить на хорошем хорватском языке в повседневной жизни, показать национальное самосознание посредством языка» [Busch 2010: 188]. Подобные словари и справочники появились и в Боснии. В качестве самобытности языка указывалось обилие лексических единиц тюркского происхождения (70 % общего словаря). В Сербии средством акцентирования различия послужил вид письменности: кириллица законодательно признавалась официальной системой письменности, впоследствии латинские надписи исчезли из общественных мест, из эфира государственных СМИ, из образовательных материалов. Конструированию языковых границ также способствовало создание и поддержание определенной идеологии, мифов и метаязыкового дискурса, подчеркивающего языковые различия. Так, Б. Буш приводит пример референции «сербские коммунистические оккупанты» по отношению к Югославской народной армии, которая задает определенное прочтение общей социальной ситуации [Busch 2010: 191]. Символические границы между языками создает и дублированный перевод сербского текста на хорватский язык в кино и на телевидении.

Глобализационные процессы, концентрирующиеся в основном в экономической сфере и включающие в себя расширение прежде всего экономического сотрудничества и получение максимальной прибыли, диктуют другие принципы языковой политики. Для охвата более широкой аудитории СМИ намеренно стремятся не придерживаться предписанных правил какого-либо определенного литературного языка и конструируют единое языковое пространство на территории бывшей Югославии. В наибольшей степени это затрагивает телевизионные каналы, ориентированные на массового зрителя, в основном на молодое поколение, и журналы, публикующие материалы о знаменитостях. В этнически неоднородных районах, например в Воеводине и Скопье, СМИ не только вещают на различных языках, но и стремятся представить различные точки зрения.

В целом результаты исследований изменений в глобальной системе и иерархии языков

подтверждают тезис о ведущей роли экономических процессов глобализации. Получение выгоды, прежде всего материальной, является главным мотивирующим фактором выбора того или иного языка как средства общения. Инструментами достижения глобальной массовой аудитории служат современные технические средства связи.

ГЛОБАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ. Очевидно, что в ближайшем будущем мир сохранит языковое разнообразие: переход на один язык во всех сферах человеческой жизнедеятельности маловероятен. Вместе с этим, исследуя причинно-следственные связи между языковыми и социальными изменениями, ученые обращают внимание на развитие полемических форм диалога, возрастание роли устной речи («орализации, диалогизации, плюрализации, персонификации общения» [Стернин 2010: 13]), изменения в языке публицистики, рост удельного веса конфликтного общения, повышение доли оценочной лексики в речевом потоке, расширение границ речевой свободы, проникновение в публичную речь большого объема сниженной и маргинальной лексики. Данные тенденции характерны в большей мере для американской лингвокультуры и в меньшей степени для других языков, генеалогически и ареально не связанных с английским. Думается, что в данном случае целесообразно говорить о проникновении культурных и коммуникативных норм англоязычного социума в иные языковые общности и о вытеснении локальных дискурсивных практик, что является непосредственным следствием глобализационных экономических процессов.

Ведущую роль в данном процессе играет доля сферы услуг на международном рынке. Уровень обслуживания клиентов повышает конкурентоспособность компании, вследствие чего компании уделяют значительное внимание тому, как сотрудники общаются с клиентами. Вместе с расширением территории деятельности компании увеличивается и территория использования принятых в ней норм общения, которые в случае их эффективности могут быть приняты и местными предприятиями. Речь в данном случае идет о наборе коммуникативных норм для успешной социальной интеракции, в особенности это затрагивает такие параметры общения, как степень официальности, вежливость, выражение эмоциональных состояний и оценочных позиций.

Среди параметров эффективной «глобальной» модели коммуникации Д. Камерон отмечает следующие:

1) речь предпочтительнее молчания, которое интерпретируется как закрытость от окружающих;

2) прямота предпочтительнее опосредованных форм выражения мысли, коммуниканты должны общаться ясно и выбирать прямые речевые акты;

3) предпочтительнее использовать языковые единицы, речевые стратегии и тактики, нейтрализующие статусное неравенство и социальную дистанцию и позволяющие сохранить положительное лицо собеседника (концепция Браун и Левинсон) [Brown 1987];

4) особое внимание уделяется речевым жанрам, нацеленным на сотрудничество и устранение конфликтных ситуаций, которые, по мнению современных ораторов, возникают скорее в результате непонимания и провала в коммуникации, нежели чем по причине глубоких разногласий и конфликта интересов;

5) умение вербально выражать («делиться») своими чувствами и эмоциями, ассоциирующееся с честностью и искренностью [Cameron 2008: 29—30].

Коммуникантам рекомендуется следовать данным принципам в любой ситуации общения: в разговоре с коллегами, в магазине или с членами семьи. Универсальность данных параметров эффективной коммуникации принципиально отличается от понимания коммуникативной компетенции в традиционном социолингвистическом ключе, которая заключается в умении варьировать языковые средства в зависимости от ситуации общения.

Д. Карбо соотносит доминирующие нормы эффективной коммуникации с тремя идеалами американской культуры: эгалитарный индивидуализм, свобода слова и толерантность [Carbaugh 1988]. Несмотря на то что данные понятия не разделяются другими культурами, они достаточно быстро и широко распространяются по миру, что ведет если не к единой модели речевого поведения, то к сглаживанию и нивелированию культурных различий. В сфере экономического сотрудничества и в ряде ситуаций это может быть оправданно, так как помогает быстрее и эффективнее добиваться поставленной цели, однако в целом негативно сказывается на дальнейшем культурном развитии человечества.

Заимствование и подражание коммуникативным нормам другой культуры — явление далеко не новое, примером тому служит влияние языка Библии на становление христианского религиозного дискурса. В условиях глобализации наблюдается становление глобальных дискурсивных практик (например, глобалистский дискурс, дискурс экономики знаний, дискурс войны с террором и проч.) и глобальных коммуникативных практик (в сфере образования, бизнеса, туризма и проч.).

Основополагающим принципом исследований глобальных дискурсов является понимание языка как социального действия. Дискурс выполняет не только репрезентирующую функцию (отражает как в зеркале и фиксирует наличие глобализационных процессов), но и функцию формирования представлений о глобализации и реализации их на практике. Например, неолиберальный экономический дискурс, артикули-

руя экономические стратегии, приводит к реальным социально-экономическим изменениям.

Работа А. Муни [Mooney 2010] иллюстрирует, как глобализация влияет на религиозный дискурс и как религиозный дискурс участвует в развитии глобализационных процессов. С одной стороны, современные религиозные практики отражают общую тенденцию к гибридизации дискурса [Mooney 2010: 328]. Так, разграничение духовной и светской музыки все более сложно в условиях, когда христианские рок-группы занимают ведущие места в светских хит-парадах. Разнородными являются и некоторые жанры духовной музыки — христианский рок и рэп, — сочетающие библейские тексты и мирское музыкальное оформление. С другой стороны, смешение образовательной и обрядовой функций в религиозной практике ведет к усилению интегративных процессов в культурной сфере. Так, в ряде регионов земного шара изучение английского языка инициировано христианами миссионерами и основывается на религиозных текстах. Примером гибридации образовательной и религиозной функции может служить журнал «Soon!» и его онлайн-версия (www.soon.org.uk). Учредители журнала — группа христиан из Дерби, Великобритания, цель издания — предоставить инструменты для изучения английского языка (словарь, грамматические тесты, ссылки на радиопередачи, транслируемые через Интернет, адреса школ в Великобритании и пр.). Тематика текстов, предлагаемых для параллельного чтения, довольно специфична и включает в себя рассказы с библейской моралью, повествования о жизни известных христиан (спортсменов, политических деятелей). Распространение английского языка как языка религиозной практики в дальнейшем может служить источником для конструирования идентичности, для формирования приверженности определенным (в данном случае англосаксонским) культурным ценностям.

Агентами дискурсов о глобализации выступают академическая/научная среда, государственные структуры, неправительственные организации, средства массовой информации и повседневная жизнь [Fairclough 2006: 5].

Одним из наиболее востребованных подходов к анализу дискурсов о глобализации является риторический анализ, в центре внимания которого находится то, как дискурсы глобализации (глобалистский, антиглобалистский, дискурс «войны с террором» и пр.) используются для обоснования и продвижения тех или иных политических целей и действий, чтобы убедить/заставить ту или иную аудиторию принять определенную точку зрения путем «внедрения популярных конструктов глобализации». Исследование А. Ходжеса, выполненное на материале американских и сербских СМИ, служит яркой иллюстрацией данного подхода. По мнению автора, дискурс войны с терроризмом навязывает глобальную оппозицию между «ними»

и «нами». Они в данном случае — это террористы, исламские фундаменталисты, а мы — это жертвы и западные рационалисты [Hodges 2010: 306]. Данный дискурс конструирует определенную интерпретацию международных отношений. Так, Дж. Буш мотивировал военные действия американских войск в Ираке необходимостью войны с террором после событий 11 сентября. А. Ходжес отмечает, что впоследствии, во многом благодаря действию глобальных СМИ, дискурс войны с терроризмом был заимствован сербским правительством для оправдания сербо-боснийского конфликта и конфликта между сербами и косовскими мусульманами. Риторика этого дискурса способствовала созданию положительного образа российского правительства в вооруженном конфликте с «чеченскими сепаратистами», который был переосмыслен в терминах «войны с терроризмом».

Итак, новой тенденцией в развитии языков является не только становление глобальных коммуникативных и дискурсивных практик, но и появление общего для различных культур информационного и коммуникативного фона, позволяющего не только интерпретировать различные события в русле единого дискурса, но и во многом способствующего усилению глобализационных процессов.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДА КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ. Переключение кода, которое в настоящей работе определяется как «попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта более или менее двуязычным говорящим» [Проценко 2004], в глобальном мире становится типичным и для монолингвальных стран. При этом в переключении кода, как правило, участвуют национальный (официальный) язык государства и английский язык. Перспективным представляется исследование переключения кода с социоконструктивистских позиций как средства конструирования социальной идентичности.

Переключение кода активно используется для индексирования сексуальности и возраста/молодежной идентичности. Так, К. Холл [Bucholtz 2008] установила, что переключение с хинди на английский язык в повседневном взаимодействии среди жителей Нового Дели (Индия), в частности среди билингвальных групп, идеологически маркировано и отражает существующие в социуме классовые различия. Так, для лесбиянок английский язык является наиболее подходящим средством выражения прогрессивной сексуальности, в то время как хинди индексирует устаревшие и дискриминационные представления о сексе. При этом женщины, которые относят себя к более низкому социально-экономическому классу, не разделяют установку на прогрессивный английский язык и предпочитают использовать хинди в качестве маркера собственной сексуальной идентичности.

Исследование Е. Скапоулли [Skapoulli 2005] иллюстрирует использование английского языка кипрскими подростками как средства молодежной идентичности. В ходе включенного наблюдения и последующих интервью с подростками установлено, что английский язык ассоциируется у них с молодежной культурой и, как следствие, является маркером престижности в данной возрастной группе. Заимствования настолько тесно интегрированы в процессы повседневной интеракции, что зачастую подростки используют англицизмы неосознанно, что подтверждается данными интервью: подростки отрицают, что употребляют иностранные слова, однако анализ записей ситуаций общения констатируется обратное.

В коллективной монографии, выпущенной под редакцией Б. МакЕлхинни [Words 2007], представлены работы, посвященные вопросам конструирования гендерной идентичности в разных культурах в глобальном мире. Вопросы гендерной идентичности рассматриваются в неразрывной связи с экономическими и геополитическими условиями социумов.

Таким образом, в некоторых социумах переключение кода является маркером не только современности/традиционности, но и может индексировать этничность, гендер, класс и сексуальную идентичность. Рассмотрение распространения английского языка с этнографической и/или социолингвистической точки зрения позволяет раскрыть процесс вхождения английского языка в локальные знаковые системы.

Краткий анализ зарубежных исследований приводит к выводу о разнообразии путей изучения языка и глобализации. Вместе с тем все лингвистические исследования глобализации в той или иной мере затрагивают вопросы взаимодействия языков и переосмысления природы языка. В условиях изменения языковой ситуации, уплотнения языковых контактов язык играет двоякую роль: с одной стороны, перемены в языке отражают суть происходящих социальных изменений (политической расстановки сил, направления выбора партнеров для экономического сотрудничества), с другой — язык является механизмом, посредством которого становится возможным межъязыковое и межкультурное взаимодействие. Экономическая основа межнационального взаимодействия определяет коммуникативный статус языка, который в настоящее время все чаще коррелирует с потенциальной коммерческой выгодой от его использования как средства общения. Более того, язык и речевая практика вписываются в логику рынка и становятся товаром, приносящим денежную прибыль. Владение языком высокого глобального статуса дает доступ к ресурсам, в том числе лингвистическим, единого семиотического (культурного) фонда, создание которого стало возможным благодаря стиранию сколь-либо значительных временных и пространственных границ в рамках единого медий-

ного пространства. Более того, лингворесурс (язык), традиционно приписываемый одному социокультурному пространству, утрачивает часть своей этнокультурной специфики и становится семиотическим средством создания социальной идентичности; таким образом происходит процесс перестройки глобального языкового и культурного пространства.

Думается, что актуальным и востребованным направлением дальнейшего изучения данной проблематики является тематика развития русского языка под влиянием глобализации. Так, остро стоит вопрос о том, обладает ли русский язык тем необходимым коммуникативным статусом, который бы позволил ему занимать ведущее место в глобальной системе языков. Малоизучены механизмы языкового конструирования социальной идентичности в современном русском лингвокультурном пространстве и их динамика. Интерес представляют и локальная (российская) составляющая таких глобальных дискурсов, как дискурс демократии, рыночной экономики, терроризма, религии, образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Слово о романе. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/slov_rom.php (дата обращения: 24.07.2011).
- Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123—127.
- Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Воронеж, 2000. Вып. 2 : Язык и социальная среда. С. 4—16.
- Bauer L. Watching English change: an introduction to the study of linguistic change in standard Englishes in the twentieth century. — L.: Longman, 1994.
- Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Bucholtz M., Hall K. All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics // Journal of Sociolinguistics. 2008. 12/4. P. 401—431.
- Busch B. New national languages in Eastern Europe // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 182—200.
- Cameron D. Globalizing 'communication' // New Media Language / ed. by Jean Aitchison and Diana M. Lewis. — L.: Routledge, 2008. P. 27—35.
- Carbaugh D. Talking American: Cultural Discourses on Donahue. — Norwood, NJ: Ablex, 1988.
- Crystal D. English as a global language. Sec. ed. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Fairclough N. Language and Globalization. — Routledge, 2006.
- Flaitz J. The ideology of English: French perceptions of English as a world language. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1988.
- Garrett P. Attitudes to language. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.

Graddol D. The future of English?: a guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century. — L.: British Council, 1997.

Hodges A. Discursive constructions of global war and terror // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 306—322.

Mar-Molinero C. The spread of global Spanish: From Cervantes to reggaetón // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 162—181.

Mooney, A. Has God gone global? Religion, language and globalisation // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 323—345.

Saraceni M. The relocation of English: shifting par-

adigms in a global era. — Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010.

Singleton D. Globalization, language, and national identity: the case of Ireland. — Dublin: Trinity College, Centre for Language and Communication Studies, 2007.

Skapoulli E. Local and global cultural encounters and the linguistic negotiation of youth identity in Cyprus : A dissertation submitted for the degree Doctor of Philosophy in Education. — Santa Barbara: University of California, 2005.

Swaan A. de. Language systems // The handbook of language and globalization / ed. by Nikolas Coupland. — Wiley-Blackwell, 2010. P. 56—76.

Words, worlds, and material girls: language, gender, globalization / Bonnie S. McElhinny (ed.). — Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. С. Гриценко

А. П. Седых
Белгород, Россия

A. P. Sedykh
Belgorod, Russia

**ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ
И ИДИОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС**

**CHARLES DE GAULLE
AND IDIOPOLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Исследуется языковая личность политика на материале высказываний французского президента Шарля де Голля. Дискурс политика изучается на основе интерпретационного анализа лексического корпуса, фразеологии, неологизмов, вторичных антропонимов. Языковые данные вербализуют типичные для данной личности стратегии и тактики речевого воздействия.

Abstract. The paper deals with linguistic identity of politician on the materials of statements of French President Charles de Gaulle. Political discourse is studied through interpretive analysis of vocabulary, neologisms, and anthroponyms. Linguistic information verbalizes typical strategies and tactics of verbal action of this personality.

Ключевые слова: языковая личность; институциональный и идиополитический дискурс; стратегия и тактика речевого воздействия; коммуникативное поведение.

Key words: linguistic identity; institutional and idiopolitical discourse; the strategy and tactics of speech influence; communicative behavior.

Сведения об авторе: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, доцент, факультет романо-германской филологии.

About the author: Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the French Language, Assistant Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Белгородский государственный университет (БелГУ).

Place of employment: the Belgorod State University (BSU).

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул.Победы, 85, к. 5-13.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Первые лица любого государства были, есть и будут объектами неусыпного внимания не только журналистов и папарацци, но и исследователей практически всех гуманитарных дисциплин, в частности одного из активно развивающихся разделов филологии — политической лингвистики. Институциональный дискурс политического лидера обладает достаточным количеством релевантных признаков для исследования специфики коллективного сознания представителей любой лингвокультуры. Вместе с тем каждый лидер — яркая индивидуальность, которая репрезентируется в идиолектах характеристиках дискурса.

Политический дискурс фиксирует сложившиеся и официально признанные интеллектуальные рамки, в соответствии с которыми не только описывается и познается, но и изменяется окружающий мир: «Обретенная власть создает свой, выгодный ей социальный порядок и формирует выгодную для нее социальную среду функционирования. <...> Здесь задействуются политические вербальные формулы удержания власти и ее упрочения (политический дискурс), создаются традиции и ритуалы приложения власти, осуществляется их вербализация в ритуальном дискурсе» [Олянич 2007: 47].

Специфика дискурсивной манифестации личности актуальна для современного политика, поскольку последний воспринимается прежде всего как языковая личность, а уже потом — как реально действующий социальный лидер. От того, обладает ли лидер высокой степенью речевого самоконтроля и способностью учиты-

вать особенности коммуникативной ситуации, в которую он помещен, зависит успех его карьеры и, в конечном счете, эффективность данного лидера как руководителя доверенной ему государственной машины. Несомненно, что коммуникативное поведение языковых личностей харизматических лидеров всех времен и народов представляет собой неисчерпаемый багаж эффективных средств воздействия на аудиторию и служит уроком для современных политических деятелей.

Шарль де Голль стоит у истоков модернистских тенденций в политическом дискурсе Французской Республики. Это касается не только сущностных признаков ключевых решений генерала, но и принципов его коммуникативного поведения.

Итак, Шарль де Голль — символическая фигура для Франции. При этом Черчилль и Рузвельт, например, с неприязнью относились к «высокомерному французу», называя его так: «скрытый фашист», «вздорная личность, возомнившая себя спасителем Франции», — говоря, что «невыносимая грубость и нахальство в поведении этого человека дополняются активной англофобией». Сами же французы продолжают сравнивать его с Наполеоном, имея в виду бесценный вклад генерала в формирование и развитие Французской Республики.

Один из исследователей жизни этого лидера отмечает: «Ему удалось успешно отождествить Францию и французский народ с собой, а себя — с Францией» [Hoffmann 1968]. Это полностью подтверждают и мемуары де Голля.

О своей роли в период «Свободной Франции» он отзывался так: «Я воплощал для моих сподвижников судьбу нашего дела, для множества французов — надежду, для иностранцев — образ непокоренной Франции среди выпавших на ее долю испытаний, и все это обуславливало мне путь, с которого я уже не мог сойти» [Цит. по: Молчанов 1980: 307.].

С учетом вышеуказанных определений стратегий и тактик рассмотрим отрывки из речей Шарля де Голля, которые содержат рекуррентные языковые явления институционального дискурса данного политического деятеля Франции. Начнем с темпорального позиционирования дискурса Шарля де Голля. Большинство его речей обращено в будущее, что проявляется в употреблении ряда соответствующих форм глагольных времен, лексических и синтаксических конструкций.

Jusqu'à la mort ou jusqu'à la victoire, nous resterons liés dans cette guerre de libération à l'admirable Empire britannique, dont Winston Churchill incarne magnifiquement la puissance et la résolution. Nous resterons unis à tous nos alliés d'Europe, aujourd'hui submergés dans leur territoire, mais intacts dans leur âme et belligérants. Nous resterons en communion avec la juste Amérique qui, sous la direction de son grand Président Roosevelt, a décidé de faire en sorte que le bien triomphe du mal. Par-dessus tout, nous resterons fidèles à la France, à son honneur, à sa grandeur, à sa destinée. — 'До смертного часа или до победы, мы **будем связаны** в этой освободительной войне с великой Британской империей, которая блестяще воплощает собой мощь и решимость в лице Уинстона Черчилля. Мы **будем едины** с нашими европейскими союзниками, которые на захваченных территориях с решимостью продолжают борьбу с захватчиками. Мы **будем поддерживать связи** со справедливой Америкой, которая под руководством своего великого президента Рузвельта решила сделать все возможное для победы добра над злом. Но прежде всего мы **останемся верными** Франции, ее чести, ее величию, ее судьбе' [Londres, 18 juin 1941].

Nous savons qu'au point où nous nous sommes trouvés, la France Combattante a littéralement joué la dernière chance de la patrie. Mais il est, pour le présent et l'avenir, réconfortant de constater que la France est demeurée, malgré tout, le rocher compact sur lequel il est possible de bâtir la victoire d'abord, et ensuite, la grandeur [Casablanca, 8 août 1943] — 'Мы знаем, что там, где мы оказались, Сражающаяся Франция в буквальном смысле использовала последний шанс обрести свободу. Но для настоящего и **будущего** страны следует с уверенностью констатировать, что Франция осталась, несмотря ни на что, крепкой скалой, на которой **можно построить** сначала победу, а затем — величие нашей родины'.

Clémenceau disait: „Le pays connaîtra qu'il est défendu“. Nous disons: „Le pays, un jour, devra connaître qu'il est vengé“ [Casablanca, 8 août 1943] — 'Клемансо сказал: „Страна **узнает**, что ее защищают“. Мы говорим: „Страна в один прекрасный день **будет знать**, что она отмщена“.

A présent que la lumière de la victoire commence à dorer l'horizon, on sent, dans les profondeurs des peuples qui se sont unis pour faire triompher le droit et la liberté, une immense aspiration vers un avenir meilleur. — 'Теперь, когда **свет победы** начинает золотить горизонт, мы чувствуем, что в глубине сознания народов, которые объединились для того, чтобы отстаивать права и свободу, рождается **неизбывное стремление к лучшему будущему**' [Ottawa, 11 juillet 1944].

La France qui entend, non plus opposer, mais désormais conjuguer sa passion du progrès et sa traditionnelle sagesse, se déclare prête à prendre, dans cette oeuvre universelle, toute la part dont elle est capable. Elle est sûre d'y trouver, à côté d'elle et d'accord avec elle, tous les peuples qui la connaissent bien. Elle est sûre d'y trouver, d'abord, le Canada. — 'Франция, которая рассчитывает не противостоять, а отныне соединить свою страсть к прогрессу и традиционную мудрость, **заявляет о своей готовности взять на себя полную ответственность**. Она уверена, что найдет рядом с собой и в согласии с собой все народы, которые хорошо знают эту страну. **Франция уверена, что она, прежде всего, обретет Канаду**' [Ottawa, 11 juillet 1944].

Oui, dans peu de jours, la France, le Mali et les États qui le composent entameront des négociations pour modifier le statut de leurs rapports. — 'Да, через несколько дней Франция, Мали и все субъекты этой страны **начнут** переговоры **для изменения** статуса своих отношений' [Mali, 13 décembre 1959].

Un pays, un État à l'action et à l'avenir desquels la France, attache une grande importance pour ce qui concerne le sort de l'Afrique nouvelle. — 'Франция придает огромное значение **будущему и судьбе новой Африки**' [Allocution de bienvenue à l'aérodrome d'Orly, 26 juillet 1960].

Вместе с тем актуальные темы текущего момента не выходят из поля зрения Шарля де Голля, что передается соответствующими конструкциями: *En ce moment, devant Damas comme au Tchad, en Libye, en Abyssinie, sur toutes les mers et dans tous les ciels, nos soldats, nos marins, nos aviateurs, en fournissent glorieusement la preuve.* — 'В **данный момент** перед Дамаском, так же как и в Чаде, в Ливии, в Абиссинии, на всех морях и в небе, наши солдаты, моряки, летчики **покрывают себя славой**' [Londres, 18 juin 1941]; *C'est aussi la destinée de la France qu'elle y joue, une fois de plus, un rôle essentiel* — 'Франция еще раз в этом играет **ключевую роль**' [Beyrouth, 28 août 1942].

В устных текстах генерала часто отмечают анафорические элементы:

Je dis „organiser“ l'indépendance <...> Je dis aussi „faire vivre“ l'indépendance — ‘Я говорю „организовать“ независимость <...> Я говорю также „заставить жить“ независимость’ [Beyrouth, 28 août 1942].

Ce qu'il faut, ce que nous voulons (То, что нам необходимо, то что мы хотим), c'est l'effort commun, enthousiaste, fraternel, des Français, de tous les Français. Ce qu'il faut, ce que nous voulons (То, что нам необходимо, то что мы хотим), c'est non point, certes, le renoncement aux idéals et aux doctrines qui sont l'honneur de l'esprit et le ferment de l'action, mais bien la trêve complète des affreuses querelles d'autrefois. Ce qu'il faut, ce que nous voulons (То, что нам необходимо, то что мы хотим), c'est que s'étende le mouvement unanime qui, plusieurs fois dans notre Histoire, permit à la patrie abattue de survivre et de se redresser. Ce qu'il faut, ce que nous voulons (То, что нам необходимо, то что мы хотим), pour la libération d'abord, pour la renaissance ensuite, c'est l'union nationale qui rassemble toutes les ardeurs pour le service de la France [Casablanca, 8 août 1943].

Elle est sûre d'y trouver <...> Elle est sûre d'y trouver — ‘Она уверена, что обретет <...> Она уверена, что обретет’ [Ottawa, 11 juillet 1944].

Il faut l'effort du pays tout entier, il faut l'effort des citoyens, il faut l'effort des hommes et des femmes, il faut l'effort dans le sens où la civilisation moderne l'exige, c'est-à-dire dans le sens du progrès — ‘Необходимы усилия всей страны, необходимы усилия всех граждан, необходимы усилия мужчин и женщин, необходимы усилия в направлении требований современной цивилизации, иными словами, прогресса’ [Mali, 13 décembre 1959].

Используются разнообразные типы интеррогативных высказываний: **Mais rien, est-il besoin de le dire? ne peut affermir davantage les Français Libres dans leur volonté d'arracher leur pays à sa domination et de lutter de toutes leurs forces aux côtés de ceux qui ont juré de la briser** — ‘Ничто, есть ли необходимость об этом говорить? Ничто не может сильнее укрепить французов в желании освободить свою страну от иноземного господства и бороться изо всех сил за свободу’ (риторический вопрос) [Londres, 18 juin 1941]; **Quelle de nos provinces a marqué sa volonté de séparer son destin de celui de la Patrie? Quelle classe sociale s'est dressée contre l'intérêt général? Quel grand courant populaire s'est écarté de la nation?** — ‘Какая из наших провинций проявила желание отделить свою судьбу от судьбы Родины? Какой социальный класс восстал против общих интересов? Какое народное движение отделилось от нации?’ (риторический вопрос) [Casablanca, 8 août 1943]; **Va-t-il choisir le camp de la liberté? Va-t-il choisir l'autre?** — ‘Выберет ли он (народ)

свободу? Выберет ли он что-то другое?’ (риторический вопрос) [Mali, 13 décembre 1959].

Характерно употребление местоимений **je / nous** (я / мы).

Grâce à nous (Благодаря нам), **des territoires français, des forces françaises, des pensées françaises, ont recommencé de jouer un rôle digne de notre pays. Nous nous sommes forgé par l'union** (Мы слились в единстве), **le courage et le désintéressement de tous nos chers compagnons, un instrument de combat que rien ne pourrait briser. Surtout, nous avons ranimé l'esprit de résistance de la France** (Мы оживили дух французского сопротивления) **et rassemblé les espoirs d'une immense majorité nationale** [Londres, 18 juin 1941].

Je ne crois pas que (Я не думаю, что) **personne puisse aujourd'hui douter que ce ressort secret soit une fois de plus à l'oeuvre. Je ne crois pas que** (Я не думаю, что), **si l'on rapproche. l'impression que donnait la France au lendemain de la trahison de Bordeaux et celle qu'elle donne à présent, aucun homme de bonne foi puisse contester que le travail immense de l'instinct national soit en train de s'y accomplir. Je ne crois pas que** (Я не думаю, что) **cette ascension nouvelle soit plus clairement perceptible qu'ici, où souille, dans tous les domaines comme sur les champs de bataille voisins, l'esprit à la fois nouveau et éternel de la France** [Beyrouth, 28 août 1942].

Je dis que nous (Я говорю, что мы) **ferons triompher cette cause. Mais je crois pouvoir dire** (Но я думаю, что могу сказать) **aussi que l'Europe, une fois victorieuse, saura, cette fois, tirer parti de sa cruelle victoire et, suivant les principes de votre politique, s'organiser pour la paix dans la coopération** [Tchécoslovaquie, 2 janvier 1944].

Nous voyons le Royaume (Мы видим, как Королевство), **malgré de graves difficultés, agir en faveur de l'équilibre et de la paix dans la région du monde où il se trouve, tout en maintenant sa personnalité, sa dignité, son indépendance. Nous assistons, sous l'impulsion très dynamique de Votre Altesse Royale** (Мы являемся свидетелями динамичных усилий Вашего Королевского Величества), **à un développement intérieur, dont des centaines d'écoles, d'hôpitaux, de dispensaires, des milliers de petites et de moyennes entreprises, des milliers de kilomètres de routes et de pistes, des dizaines de milliers d'hectares de plantations le tout réalisé par des ingénieurs, des experts, des travailleurs cambodgiens attestent d'année en année la vigueur et l'étendue. La devise „Le Cambodge s'aide lui-même“, que Votre gouvernement a inscrite sur tous les chantiers, est, pour le peuple khmer, un motif de juste fierté et, pour d'autres, un encourageant exemple. Nous constatons** (Мы констатируем), **au surplus, que cet effort national ne détourne nullement Votre pays de recourir à la langue et à la culture françaises, ainsi qu'aux professeurs, aux techniciens, aux médecins, aux industriels français, pour aider**

à ses propres progrès, tout en utilisant des concours fournis d'ailleurs et en faisant légitimement en sorte que les réalisations accomplies sur son territoire aient été voulues par lui et le servent directement. Au total, **nous voyons le Cambodge** (Мы видим Камбоджу), bien qu'il demeure fidèle à ses antiques traditions, s'ouvrir délibérément à la civilisation moderne et, grâce à une rare stabilité intérieure, accomplir pas à pas, au profit de tous ses enfants, une remarquable transformation [Pnom-Penh, 1-er septembre 1966].

Je vous demande (Я вас прошу), Monsieur le Premier ministre, de transmettre à Sa Majesté le roi Savana Watthana, l'expression de ma très haute et très cordiale considération. Je lève mon verre (Я поднимаю свой бокал) en votre honneur, en l'honneur de Son Altesse la princesse Souvanna-Phouma que nous sommes heureux de saluer (Мы счастливы приветствовать) à vos côtés, en l'honneur du Laos en qui la France voit un ami fidèle et cher [Laos, 12 septembre 1963].

Шарль де Голль, по словам современников, активно «играл» на эмоциональных струнах своих соотечественников, часто используя такие выражения и символы, как «Франция» и «французский народ».

В конце 60-х гг. во Франции появились исследования по политической семантике, в которых содержался статистический анализ выступлений политических лидеров. Так, в работе Ж. М. Котре и Р. Моро «Исследования словаря генерала де Голля» были обобщены данные 46 радио- и телевыступлений президента за 1958—1965 гг. Наиболее часто употреблявшимися словами оказались следующие: *France* — Франция (436), *république* — республика (151), *état* — государство (144), *peuple* — народ (109), *liberté* — свобода, *libre* — свободный (79), *progrès* — прогресс (85) [Cotteret J-M., Moreau 1969].

Обращают на себя внимание изречения, неологизмы, броские формулы (*petites phrases*): *La vie est la vie, autrement dit un combat, pour une nation comme pour un homme* (Жизнь есть жизнь, иначе говоря — борьба, за нацию и за человека); *Vive la France, libre, dans l'honneur et dans l'indépendance!* (Да здравствует Франция, свободная, сохранившая честь и независимость!); *Je ne vais pas mal, mais rassurez-vous, un jour je ne manquerai pas de mourir* (Я здоров, но успокойтесь: придет день, и я обязательно умру); *Il n'y a qu'une seule querelle qui vaille, et cette querelle c'est celle de l'homme* (В жизни есть только одна стоящая битва, битва за человека); *Je vous ai compris !* (Я вас понял!) (Discours du 4 juin 1958 au Forum d'Alger); *Les traités, voyez-vous, sont comme les jeunes filles et les roses : ça dure ce que ça dure!* (Договоры — как девушки или розы: у всех есть срок годности); *Être grand, c'est soutenir une grande querelle* (Быть великим означает ввязаться в великую драку); *J'aime tout ce qui est jeune, qui s'agite et qui crie...* (Я люблю все, что молодо, все, что шевелится и кричит); *La France a perdu une*

bataille, mais la France n'a pas perdu la guerre (Франция проиграла битву, но не проиграла войну); *Rien ne rehausse l'autorité mieux que le silence* (Ничто так не возвышает авторитет, как молчание); *Délibérer est le fait de plusieurs, agir est le fait d'un seul* (Рассуждать — удел группы, действуют всегда в одиночку); *Un seul combat, pour une seule patrie* (Едиственная битва за единственную отчизну); *Face à l'événement, c'est à soi-même que recourt l'homme de caractère* (Перед лицом события сильный человек обращается за помощью к самому себе); *Le caractère, vertu des temps difficiles* (Характер — достоинство трудных времен); *L'épée est l'axe du monde, et la grandeur ne se divise pas* (Шпага — это есть ось мира, а величие — нераздельно); *La gloire se donne seulement à ceux qui l'ont toujours rêvée* (Слава достается лишь тем, кто о ней мечтает); *La véritable école du commandement est la culture générale* (Общая культура — истинная школа управления); *Toujours, le Chef est seul en face du mauvais destin* (Руководитель всегда одинок перед ударами судьбы); *Face aux grands périls, le salut n'est que la grandeur* (Перед лицом великой беды спасение в величии); *La France ne peut être la France sans la grandeur* (Франция не может быть Францией без ее величия); *La confiance des petits exalte l'homme de caractère* (Доверие маленьких людей воодушевляет сильных людей) [Le Dico des citations].

Как видим, генерал де Голль оставил потомкам весомый багаж высказываний, которые цитируются не только французами. При этом он умел контролировать стилистический регистр своего речевого поведения, а в некоторых случаях — планировать последствия «изреченной семантики». Следует вспомнить о знаменитой фразе генерала, произнесенной в Квебеке 24 июля 1967 г.: *Vive le Québec, Vive le Québec libre ! — 'Да здравствует Квебек, да здравствует свободный Квебек!*' Этот речевой акт практически был воспринят как «сигнал» для сторонников движения за независимость Квебека. Вышеприведенные цитаты — наиболее яркие, по нашему мнению, высказывания Шарля де Голля, отражающие характерные черты языкового мышления генерала как неординарной личности и истинного француза — патриота Франции. Об этом красноречиво «говорят» вторичные антропонимы Шарля де Голля: «*le Général*» ('Генерал' — наиболее часто и повсеместно употребляемое прозвище), «*Mongénéral*» ('Мойгенерал', в одно слово), «*Qui Vous Savez*» ('Тот, кого вы знаете' — прозвище, данное журналистами).

Итак, идиополитический дискурс Шарля де Голля не отличается большим разнообразием риторических приемов, но он всегда лапидарен и точен. При этом сила воздействия генерала на аудиторию основывается на экономном использовании релевантных языковых средств и рекуррентности композиционно-речевых струк-

тур. Эпоха Шарля де Голля прошла, но его уроки риторического воздействия на аудиторию были подхвачены и развиты последующими президентами Франции.

ЛИТЕРАТУРА

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв 1940—1942. — М.: АСТ ; Астрель, 2003.

Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. — М.: Междунар. отношения, 1980.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : моногр. — М.: Гнозис, 2007.

Cotteret J-M., Moreau R. Recherches sur le vocabulaire du général de Gaulle. Analyse statistique des allocutions radiodiffusées 1958—1965. — P.: Presse de la fondation national des sciences politiques, 1969.

Hoffmann S. The will to grandeur: de Gaulle as political artist // Daedalus. 1968. № 97. P. 865—869.

Le Dico des citations. URL: <http://www.mon-poeme.fr/dico-des-citations>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

О. А. Солопова
Челябинск, Россия

О. А. Solopova
Chelyabinsk, Russia

**ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ
БУДУЩЕГО РОССИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**RESEARCHING MODELS
OF RUSSIAN FUTURE
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Формулируются объект, предмет и научный метод когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего России; кратко описываются методика и функции когнитивно-дискурсивного прогнозирования. Используя инструментарий прогностики и когнитивной лингвистики, когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует модели будущего, созданные авторами политических поисковых прогнозов в СМИ в различные хронологические периоды.

Abstract. The present paper briefly recalls the object, methods and functions of cognitive-discursive future studies — a new approach in the political discourse research. The basic constituents of the discussed methods are scripts and models of future in the political discourse of different chronological periods. Using tools of future studies and cognitive linguistics, this approach studies models of future which are based on exploratory forecasts made by authors of political texts in mass media.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивное прогнозирование; образ будущего; исследование будущего; философия; политический дискурс; прогностика; когнитивно-дискурсивный подход; методика; функции.

Key words: cognitive-discursive future studies; the image of future; philosophy; future research; political discourse; cognitive-discursive approach; methods; functions.

Сведения об авторе: Солопова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей лингвистики.

About the author: Solopova Olga Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Senior Lecturer of the Chair of General Linguistics.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Place of employment: the South Ural State University.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
e-mail: solopovaolga@narod.ru.

Статья заняла 2 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Теория политической лингвистики»

В современных условиях обеспечение ускоренного роста и развития страны во многом связано с выработкой соответствующей стратегии государственного управления. Чтобы успешно развиваться, государству необходима перспектива, видение будущего. Поэтому отнюдь не случаен активный интерес ученых к изучению будущего, становление прогностики, которая представляет собой достаточно новую и перспективную область исследования для отечественной науки и практики, а также появление новых разработок, ориентированных на анализ будущего развития страны путем сравнения различных альтернатив и сценариев.

В философии основанием для признания будущего в качестве объекта познания является положение о том, что будущее всегда существует в настоящем. В той степени, в которой будущее присутствует в настоящем моменте, оно уже известно. Любое событие составляет перспективу, где время конституируется как непрерывность и необратимость движения прошлого, настоящего и будущего как единого целого. Оно осмысливается как единство благодаря тому, что временные горизонты любого настоящего, то есть прошлое и будущее, обязательно пересекаются [Аскин 1996: 5]. Вероятное будущее возникает из прошлого, существует в настоящем, закономерно следуя из него. По сути оно есть описание сегодняшнего

времени в его прогнозном аспекте. Мы живем уже в грядущем, а значит, его можно усмотреть умственным взором.

Предвидение результатов предпринимаемых действий является неременным и неотъемлемым элементом каждого вида целесообразной деятельности человека. В особенности прогностическая функция присуща научным системам знания. Еще на начальном этапе Новой истории Ф. Бэкон отметил, что основная функция науки — прогнозирование [Бэкон 1972: 172]. Современные исследования будущего, образными синонимами которых являются *футурология* и *прогностика* (последний термин употребляется исключительно в отечественной литературе), — особая дисциплина, занимающаяся теорией и практикой прогнозирования. Под разработкой прогноза понимается специальное исследование конкретных перспектив развития какого-либо процесса или явления. Поскольку прогноз, наряду с анализом, диагнозом и синтезом, — имманентная функция каждой научной дисциплины, прогнозирование можно и должно ввести во всех без исключения науксообразно задачам и особенностям каждой из них [МРЭП 2007: 48].

Бесспорно, будущее является одной из имплицитных категорий *политического дискурса*. Борьба за власть, составляющая его суть, неизбежно требует сравнения данной политиче-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Солопова О. А., 2011

ской ситуации с некоторым положением дел в прошлом и в будущем. Следовательно, темпоральная модель мира политики, как и любого другого мира, включает в себя: одновременность событий; события «прежде», или предшествующие события; события «после», или последующие события; изменение событий во времени по отношению к другим событиям» [Evans 2004: 25]. Политика — это не только искусство, которое соизмеряется с возможным и реализует возможное, но и искусство, которое «овозможняет» реальность. Политический текст любого жанра обязательно базируется на предшествующем опыте говорящего и слушающего. В то же время он обусловлен планируемыми действиями, их возможностью или невозможностью. Наличие информации о предстоящих потребностях, вероятных результатах и последствиях управляющих воздействий — необходимая предпосылка оптимального управления любой системой. Именно поэтому неперенной составляющей политического дискурса является предвидение результатов предпринимаемых действий.

В современной *политической лингвистике* темпоральная триада «прошлое — настоящее — будущее» также считается одной из значимых, поскольку выступает в качестве особой категории политического дискурса, позволяя осуществлять его ключевые функции. Преимуществом когнитивного подхода является возможность выяснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеет большое значение для эффективного исследования особенностей мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также позволяет строить предсказывающие модели в политологии [Базылев 2007: 19].

Таким образом, философия, прогностика, политология, политическая лингвистика имеют общий вектор — они направлены в будущее и оперируют прогнозами, что дает возможность объединить их в рамках междисциплинарного подхода — когнитивно-дискурсивного прогнозирования, исследования моделей будущего в политическом дискурсе. Итак, когнитивно-дискурсивное прогнозирование предполагает рассмотрение прогностики с философской точки зрения как одной из форм политической социально-исторической практики, системно объединяющей методы и инструментарии прогностики и когнитивной лингвистики, позволяющие снижать неопределенность в знании о будущем. Данный подход предоставит возможность создания вероятных сценариев и моделей развития общественно-политической ситуации на основе когнитивно-дискурсивного анализа образа будущего.

Актуальность когнитивно-дискурсивного прогностического сопоставительного исследования моделей будущего в российском и

британо-американском политическом тексте обусловлена целесообразностью комплексного рассмотрения анализируемого материала с учетом влияния социально-исторической, политической ситуации на продуктивность и активизацию определенных лингвистических средств, задействованных в создании образа грядущей реальности. Важность сопоставительного исследования определяется возможностью выявить универсальное и национально специфичное в ментальной картине мира народов Великобритании и США, что позволяет систематизировать материал и описать модель политического мира будущего России с учетом общественно-политической ситуации конкретного исторического периода, характеристик политических реалий данного временного отрезка, политологических особенностей рассматриваемого явления и других дискурсивных факторов.

Исследование моделей будущего в рамках данной статьи предполагает решение следующих **задач**:

- сформулировать предмет, объект и научный метод когнитивно-дискурсивного прогнозирования;
- определить приемы и инструментарий когнитивно-дискурсивного прогнозирования;
- кратко описать методику когнитивно-дискурсивного исследования образных и иных стилистических средств, направленных на презентацию будущего в британо-американских политических текстах;
- охарактеризовать функции предлагаемого подхода.

Объектом когнитивно-дискурсивного прогнозирования предлагается считать влияние социально-исторических и культурных факторов на формирование когнитивно-дискурсивных моделей будущего в политических текстах.

Предметом когнитивно-дискурсивного прогнозирования в данной статье выступают закономерности моделирования образа будущей реальности России в британо-американских политических текстах.

Научный метод когнитивно-дискурсивного прогнозирования системно объединяет принципы и приемы прогностики и когнитивной лингвистики, с помощью которых достигается объективность и возможность исследования и познания будущего. Проблематика исследования (изучение когнитивно-дискурсивных моделей будущего в социально-историческом и лингвокультурном аспекте) определяет круг основных методов и исследовательских приемов. В работе использованы когнитивно-дискурсивный анализ, описательный метод, реализованный путем интерпретационной методики, частичного использования метода компонентного и контекстуального анализа, моделирование, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурной парадигмы и национальных особенностей соответствующих языков и культур, приемы статистической обработки.

Общефилософские законы, принципы и категории, составляющие методологическую базу политологии, прогностики и политической лингвистики, не только не исключают, но, наоборот, предполагают частные методы, которые согласно специфике исследования подразделяются на три группы. К первой относятся те, что связаны со сбором первичной информации (наблюдение, изучение текстового материала). Вторую группу образуют приемы, используемые в целях обработки и анализа исходных данных (описание, классификация, типологизация лингвистических средств, задействованных в создании модели будущего). Третья группа включает в себя приемы, которые используются для проверки научной гипотезы, включая прогнозную ретроспекцию и собственно проспекцию (создание моделей будущего России в преломлении политического текста средств массовой информации).

В ходе эмпирического анализа разрабатывается конкретная методика когнитивно-дискурсивного прогнозирования, включающая совокупность приемов, их последовательность и взаимосвязь, начиная с эмпирических количественных и качественных данных настоящего исследования и заканчивая системными методами построения когнитивно-дискурсивных сценариев будущего в конкретный временной отрезок, а также моделированием образа вероятного будущего. Таким образом на конкретном языковом материале происходит «отработка технологической цепочки прогнозирования от выбора и обработки текстов до формулирования прогнозов» [Кретов 2006: 9].

Методика когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом дискурсе содержит элементы, присущие любому прогностическому исследованию. Разрабатываемая методика включает в себя следующие компоненты:

- предпрогнозную ориентацию, которая представляет определение объекта, предмета, методов, структуры и организации исследования;
- прогнозный фон — «совокупность внешних по отношению к объекту прогнозирования, условий, существенных для решения задач прогноза» [МРЭП 2007: 37];
- написание сценария — установление логической последовательности событий с целью показать, как, исходя из существующей ситуации, может шаг за шагом развиваться будущее состояние объектов [МРЭП 2007:154];
- метамодель, т. е. систему показателей, параметров, отображающих характер и структуру объекта.

Таким образом, методика когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом тексте может быть представлена как ряд этапов.

Первый этап — отбор англоязычных текстов политической направленности. Следует особо остановиться на материале исследова-

ния. В фокусе нашего внимания — аналитические статьи, опубликованные в политологических журналах и периодической печати: «London Evening Standard», «The Global Politician», «The New York Sun», «Foreign Affairs», «Harvard international review», «The Sun», «The Independent», «The American», «The American Conservative», «The Wall Street Journal», «The Washington Post», «The Time», «The American Spectator», «The Guardian», «The Heritage Foundation», «The National Review», «The Times» и др.

Любая аналитическая статья нацелена на объяснение взаимосвязанного ряда явлений, на определение тенденций, закономерностей их взаимодействия, установление их ценности [Тертычный 2010: 43]. Помимо группировки, систематизации данных и установления причинно-следственных связей, аналитическая корреспонденция включает следующие элементы:

- собственно прогнозирование, базирующееся на таких методах, как метод сценариев (изучение публикаций о предмете на основе контент-анализа, ведущее к прогнозированию) и экстраполяция (распространение выводов об одной или нескольких частях явления на другие части или другие явления, отнесенные в будущее);
- оценку с применением таких методов, как метод избирательного показа (цитирование, пересказ); метод прямой авторской оценки, метод экспертных оценок. К некорректным, манипулятивным методам относятся: метод домысла и «передержек» (искажение явления в надежде на неосведомленность публики); апеллирование к «личности»; апеллирование к «публике»; «навешивание ярлыков»;
- иногда — программу действий, предлагаемую журналистом в существующих условиях: каким образом достичь цели, обладая определенными ресурсами, или какие ресурсы нужно задействовать, чтобы достичь цели.

Аналитические статьи по своей сути представляют политический поисковый прогноз с определенной долей субъективности. Адресат видит политический мир опосредованно — через призму СМИ, их язык и логику. Журналист интерпретирует факты, подталкивая аудиторию к тому, чтобы она сама сделала нужные ему выводы. СМИ «фильтруют» поступающую информацию таким образом, что предписанное ими восприятие существующей реальности определяет и видение будущего, формирует структуру содержания прогноза. Такая специфика аналитической журналистики дает возможность изображать не столько реальный, сколько виртуальный мир. Расчет на то, что представление об образе возможной реальности рано или поздно сформирует и саму реальность, приводит к тому, что аналитическая журналистика активно моделирует образ мысли аудитории. СМИ могут быстро и эффективно «посеять публичное негодование и сконструировать то, что можно назвать моральной пани-

кой вокруг определенного типа девиации» [Ворошилов 2000: 193]. Такое моделирование сродни манипуляции, поскольку журналист получает возможность спровоцировать определенную реакцию на свой материал, управляя заданной им же самой ситуацией.

Поисковое прогнозирование сводится к «определению возможного или желаемого состояния объекта в будущем» [МРЭП, 2007: 91]. Имеется в виду условное продолжение существующих тенденций развития изучаемого явления. При этом происходит абстрагирование от возможных решений, которые способны радикально изменить наблюдаемые тенденции. Выявляя основные тенденции в современном политическом процессе, авторы прогнозов стремятся продолжить их в будущее, конструируя тем самым новые состояния политической системы. Такой прогноз дает ответ на следующий вопрос: что, вероятнее всего, произойдет при условии сохранения существующих тенденций? Поисковые прогнозы в первую очередь выполняют диагностическую функцию поиска проблемных узлов, выявляя наличие или отсутствие проблемных ситуаций. Иногда такие прогнозы носят сценарный характер: в этом случае выделяется несколько доминирующих тенденций и показывается, как будут развиваться события в случае, если каждая из них в прогнозном периоде будет превалировать. Поисковый прогноз — сложный многоэтапный процесс научного предвидения, который является обязательным компонентом в аналитической деятельности журналиста. Для аналитической статьи политической проблематики важна логическая цепочка развития событий с возможным прогнозом на будущее.

Второй этап — темпоральная периодизация текстового материала. Для настоящего исследования принципиально важна линейная модель времени — осознание действительности как единой и взаимообусловленной темпоральной триады «прошлое — настоящее — будущее». В лингвистике в зависимости от соотношения времени объекта и времени познания различают ретрогностику (реконструкцию), направленную на познание прошлых состояний объекта, онтогностику («восполняющую экспликацию»), направленную на познание современного состояния объекта, и футурогностику (экстраполяцию тенденций развития), направленную на познание будущего состояния объекта [Кретов 2006: 9]. В свете сказанного для многоаспектного исследования образа будущего представляется целесообразным распределить текстовый материал по следующим темпоральным отрезкам:

- прошлое, которое условно распадается на «досоветский», «советский», «постсоветский» периоды;
- настоящее. Под настоящим при практическом использовании понимается сравнительно недавно свершившееся прошлое;

- почти неизбежное при сложившейся ситуации ближайшее будущее.

Третий этап исследования заключается в обнаружении в политических текстах Великобритании и США образных и иных стилистических средств, нацеленных на создание образа грядущего России, в их систематизации, статистической обработке материалов, зафиксированных в политических текстах различных исторических периодов, и в выделении наиболее частотных лингвистических единиц, активно используемых при моделировании будущего. В политическом дискурсе восприятие будущего аффективно по преимуществу, потому что вступает в сложную коллизию с целесообразной природой самого политического действия. Политическая коммуникация призвана эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую картину мира. Когнитивный процесс создания модели общественно-политической ситуации в будущем часто становится возможным благодаря использованию в политической коммуникации когнитивно-дискурсивных моделей, построенных на метафоре. В политической коммуникации дифференцируются следующие функции метафорических наименований, задействованных в создании образа будущего:

- Человек не имеет возможности физически ощутить измерения времени, поэтому он пользуется метафорой, чтобы понять, что ожидает его в будущем [Judge 2001].
- Метафора позволяет представить что-то, еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорического характеризованного объекта [Чудинов 2003: 49].
- Создание образов настоящей и будущей реальностей в большой степени зависит от использования метафоры [Watzlawick 1984: 53].
- Метафора указывает, чего ожидать и как себя вести [Kelling 2002].
- Метафора дает «возможность изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в создание его реальности» [Бурдые 2003: 34].
- Метафора «противопоставляет парадоксальное предвидение, утопию, проект, программу обыденному видению» [Бурдые 2003: 34].
- Метафора выполняет двойственную функцию: она отстаивает и подвергает сомнению существующий порядок, поддерживает и перестраивает его [Kennedy 2000].

Таким образом, лингвистические исследования последних десятилетий за рубежом и в нашей стране показали, что метафора является не столько риторическим приемом, сколько особой познавательной моделью, с помощью которой мир и описывается, и прогнозируется, и *сотворяется*.

Четвертый этап — когнитивно-дискурсивная ретроспекция, «будущее глазами прошлого». На данном этапе анализируется история

объекта прогнозирования (в настоящем исследовании — образа будущего в политическом тексте) и прогнозного фона в представлении СМИ с целью получения их систематизированного описания, классификации и выявления тенденций их развития. На наш взгляд, исследование образа грядущего следует начать с его репрезентации в политических текстах минувших лет, поскольку любой исторический момент — это та точка, «откуда веером расходятся возможные пути в будущее» [Голубчиков 2006: 11]. Будущее предопределено прошлым. Эти два временных горизонта существуют в неразрывном единстве, а границей совмещения временных пластов выступает настоящее — то срединное, переходное состояние, в котором будущее и прошлое находят свою живую связь.

Поэтому **следующий, пятый этап** представляет собой когнитивно-дискурсивный анализ «будущего глазами настоящего»: в рамках когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего используется как накопленный в прошлом опыт, так и текущие допущения относительно будущего с целью его определения. На данном этапе описываются, классифицируются образные и иные стилистические средства, задействованные в создании моделей будущего, создается их типология.

Шестой этап разрабатываемой методики — составление когнитивно-дискурсивного сценария для каждого из хронологических срезов. Основанием для использования указанного исследовательского приема в данной работе является то, что когнитивно-дискурсивное прогнозирование системно объединяет принципы и приемы прогностики и когнитивной лингвистики, в рамках которых «сценарий» как инструмент познания является востребованным. В прогностике к сценарному методу прибегают в том случае, когда «прогноз невозможно или нецелесообразно выполнять статистическими методами или с использованием специальных экономико-математических моделей» [МРЭП: 153], что действительно маловероятно и неактуально для лингвистического исследования. В когнитивной лингвистике под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий, «концептуальные структуры для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [Баранов 2001: 18], структурные узлы, в которых «акцент делается на процессуальности, протяженности во времени, смене событий» [Попова 2007: 74]. В основе когнитивного сценария лежит «структурная схема пути: источник — путь — цель, где источником является исходное состояние, целью — конечное состояние, а события между ними рассматриваются как точки на пути [Lakoff 1987: 286]. Кроме того, сценарное представление будущих событий является характерной чертой аналитических статей, являющихся материалом настоящего исследования.

При помощи когнитивно-дискурсивных сценариев и на их основе можно создать метамодель вероятного будущего, что является целью **следующего, седьмого этапа** исследования. К моделированию как методу научного исследования явлений, процессов и объектов прибегают как в прогностике, так и в когнитивной лингвистике. Данный вид прогнозирования основан на построении и изучении моделей с целью получения новых знаний и совершенствования характеристик объектов исследований, на «одновременном использовании знаковой модели и функционально-декомпозиционного представления объекта прогнозирования» [Глушченко 2009: 51]. В рамках когнитивно-дискурсивного прогнозирования модель будущего не нацелена на точный прогноз, поскольку исследователь анализирует лингвистическое воплощение грядущего, его когнитивно-дискурсивные характеристики. Поскольку когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует образ будущего в преломлении *политического текста* СМИ, в качестве основных параметров, от которых зависит грядущий день мира политического, выступают внутренняя и внешняя политика. Базовые параметры «внутренняя» и «внешняя политика» в свою очередь могут быть разбиты на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего).

Параметр «внутренняя политика» включает в себя следующие подпараметры:

- политико-экономическую ситуацию — общий индикатум, объединяющий в себе экономический и внутривнутриполитический аспекты;
- народонаселение — индикатум, включающий демографический, территориальный и социально-культурный факторы;
- природные ресурсы, а именно топливно-энергетическую и материально-сырьевую составляющую научно-технического аспекта;
- вооруженные силы — подпараметр, выделенный на основании регулярного обращения к нему авторов поисковых прогнозов при создании вероятного будущего России.

Параметр «внешняя политика» был нами разбит на несколько частных подмножеств:

- отношения с США;
- отношения со странами Европы;
- отношения со странами ближнего зарубежья;
- отношения со странами Азии.

Специфическая функция метамодели состоит в том, что она выполняет роль основы, ядра при анализе корпуса текстов, затрагивающих проблематику будущего развития нашей страны. Все остальные операции по составлению частных когнитивно-дискурсивных моделей (статических и динамических матриц) являются, по сути, преобразованием ее параметров [Солопова 2011: 174].

Восьмой этап заключается в сопоставлении статических моделей образа будущего,

реализующихся в британо-американском политическом дискурсе выбранных хронологических срезов.

Девятый этап — сопоставление динамических моделей будущего в британо-американском политическом дискурсе в диахроническом аспекте. Наложение матриц различных хронологических срезов друг на друга в рамках политического дискурса одной страны позволяет проследить изменения в моделировании образа будущего на каждом новом временном отрезке, его «эволюцию», фиксированную во внешних проявлениях — в доминировании определенных концептов, образных и иных стилистических средств, задействованных в конструировании модели грядущего, и т. д.

В результате такого анализа появляется возможность для комплексной многоаспектной характеристики закономерностей моделирования будущего России в политическом дискурсе Великобритании и США.

К числу основных **функций** когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего следует отнести следующие: теоретико-познавательную, инструментально-методологическую, собственно прогностическую, моделирующую. Все названные функции взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Теоретико-познавательная функция охватывает процессы накопления, описания, классификации лингвистического воплощения образа будущего, изучения фактов действительности в прошлом и в настоящем, анализ конкретных состояний, явлений, процессов, включая тенденции их будущего развития. В рамках этой функции совершается движение научного знания от эмпирического материала к его обобщению в теорию и гипотезу.

Инструментально-методологическая функция заключается в определении теоретических основ и методологии исследования когнитивно-дискурсивных моделей будущего в политическом тексте, в формулировании категорий когнитивно-дискурсивного анализа моделей будущего.

Собственно прогностическая функция когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего предполагает на основании имеющихся знаний философии, политологии, прогностики, когнитивной лингвистики об окружающем мире, человеке и обществе создать образ будущего политического общества: определить ближайшие и отдаленные перспективы развития российского общества на материале аналитических поисковых прогнозов в преломлении политического текста конкретной эпохи.

Моделирующая функция. Когнитивно-дискурсивное прогнозирование анализирует модели и концепции будущего в воображаемых сценариях, которые экстраполируются из выявляемых ключевых тенденций современности и минувших лет. В нашем случае модель должна использоваться в качестве инструмента, позво-

ляющего получить представление о возможных вариантах будущего развития общества, помогающего лучше понять движущие силы, его формирующие.

Таким образом, когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует модели будущего, сконструированные на базе поисковых прогнозов авторов политических текстов СМИ, используя инструментарий прогностики и когнитивной лингвистики. Такой подход позволяет «исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты, позитивные и негативные решения, прогрессивные и регрессивные тенденции, вероятность их проявления в будущем» [Алексеев 2009: 45], т. е. осмыслить историческую ситуацию не просто как свершившийся факт, а как сложную вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, между прошлым, настоящим и будущим. Основная задача исследователя — анализ закономерностей моделирования *образа будущего*, его динамики и «эволюции», связанных с изменением политической ситуации, который, на наш взгляд, необходим для оптимизации человеческой деятельности в *обществе будущего*.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. В. Прогностические возможности исторического опыта. Проблемы математической истории // Историческая реконструкция, прогнозирование, методология / отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. — М.: УРСС, 2009. С. 33—46.
- Аскин Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. — М.: Мысль, 1996.
- Базылев В. Н. Методы исследования языка российской общественно-политической мысли российского политического дискурса (традиции и новации) // Политический дискурс в России — 10 : матлы 10 действ. всерос. семинара / под ред. В. Н. Базылева. — М.: Инф.-уч. центр Гос. ин-та рус. языка им. А. С. Пушкина, 2007. С. 7—25.
- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действительности / пер. с франц. А. Бикбокова // Логос. 2003. № 4—5. С. 30—41.
- Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. — М.: Мысль, 1972. Т. 2.
- Ворошилов В. В. Журналистика. — СПб.: КноРус, 2000.
- Глущенко В. В. Парадигма постиндустриальной прогностики: прогнозирование в управлении. — М.: ИП Глущенко В. В., 2009.
- Голубчиков Ю. Н. Будущее России. Четыре сценария. — М.: Капитал инфо, 2006.
- Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006.
- Малая российская энциклопедия прогностики / И. В. Бестужев-Лада (гл. ред.), А. И. Агеев и др. — М.: Институт экономических стратегий, 2007.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ, 2007.

Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивное прогнозирование: разработка метамоделей // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». 2011. Вып. 2 (36). С. 171—176.

Тертычный А. А. Аналитическая журналистика. — М.: Аспект-Пресс, 2010.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

Evans V. How We Conceptualise Time: Language, Meaning and Temporal Cognition // Arts and Science. 2004. Vol. 33 (2). P. 5—37.

Judge A. Presenting the Future (Part 2): Making (the) Present and Thriving in the Moment, 2001. URL:

<http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php> (дата обращения: 08.04.2005).

Kelling G. L. Crime and Metaphor: Toward a New Concept of Policing, 2000. URL: <http://www.city-journal.org/article01.php?aid=1577> (дата обращения: 23.02.2004).

Kennedy V. Intended Tropes and Unintended Metatropes in Reporting on the War in Kosovo, 2000. URL:

<http://www.usis.it/wireless/wf981006/98100601.htm> (дата обращения: 14.08.2005).

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things... What the Categories Reveal About Mind. — Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.

Watzlawick P. The Invented Reality. — N. Y.: W. W. Norton & Company, 1984.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Э. В. Будаев

Кэ Ян

Гуанчжоу, Китай

Ke Yan

Guanchzhou, China

ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КИТАЕ

Аннотация. Представлен обзор исследований политического дискурса в Китае за последние двадцать лет. Выделены основные направления китайской политической лингвистики, отмечается популярность сопоставительных исследований на материале китайского, русского и английского языков.

Ключевые слова: политическая лингвистика; дискурс политики; политическая метафора; китайское языкознание; лексикология; лингвоперсонология.

Сведения об авторе: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Института европейских языков и культур.

Место работы: Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли.

Контактная информация: 510420, Китай, пров. Гуандун, проспект Байюньдадао, д. 2.
e-mail: mashayang1963@yahoo.com.cn; mashayang@mail.ru.

RESEARCH

ON POLITICAL COMMUNICATION IN CHINA

Abstract. The review of the research works on political discourse in China of the last twenty years is presented. The main trend of the Chinese political linguistics are outlined, the popularity of comparative researches on the basis of the Russian, English and Chinese languages is noted.

Key words: political linguistics; political discourse; political metaphor; Chinese Linguistics; Lexicology; Lingopersonology.

About the author: Yan Ke, Candidate of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures.

Place of employment: Guandun University of Foreign Languages and Foreign Trade.

Язык и политика тесно взаимосвязаны. Уже давно была опубликована работа Оруэлла «Политика и английский язык» (1969) и работа Хадсона «Язык современной политики» (1978). Если учитывать традиции древнегреческой риторики, то история исследования политического языка представляется весьма продолжительной. Безусловно, важно разобраться в истории изучения данной проблематики, но нам кажется не менее важным обратить внимание на современное состояние ее разработки, и прежде всего в нашей стране.

В Китае изучение политического языка началось в конце XX в. (в 90-е гг. появлялись разрозненные статьи в научных журналах) и получило широкое развитие в первом десятилетии XXI в. Сегодня активный интерес к языку политики проявляют представители целого ряда научных дисциплин и иных сфер деятельности — лингвисты, политологи, социологи, психологи, журналисты, исследователи массовой коммуникации, специалисты в области дискурс-анализа и др.

ОБЗОРНОЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. Прежде всего, как нам кажется, следует напомнить о теоретически-обобщающих исследованиях и обзорных публикациях — таких, как «Изучение политического языка: обзор и размышление» [Тянь Хайлун 2002] и «Политика: языковое существование (о построении политической лингвистики)» [Лей Дачуан 2009: 36]. В первой статье рассмотрены некоторые теоретические аспекты и методы исследования политической коммуникации в Китае последних лет. В связи с обсуждением значимости политического языка, возникновения и развития исследований политического языка, методов этих исследований отмечается, что анализ полити-

ческого языка отличается от других языковых исследований тем, что выявляет, как используют язык для достижения своих политических целей участники политической деятельности, а так же как общество воспринимает политиков на основе их языковых (речевых) характеристик. Во второй статье автор уделяет внимание скрытой связи между языком и политикой. Латентные взаимоотношения языка и политики составляют одну из значительных и интересных проблем, которую нельзя игнорировать в науке, «однако до сегодняшнего дня изучение политических вопросов с точки зрения языка, изучение языковых явлений в политическом пространстве пока еще не осознано отечественным академическим исследовательским сообществом как самостоятельная область теоретических исследований» [Лей Дачуан 2009: 36]. К числу теоретически-обобщающих и обзорных работ можно отнести и следующие: «Политическая риторика и политическая коммуникация» [Ху Яюнь 2001], «О структуре политического языка» [Ху Яюнь 2002], «Об определении и характеристике политического языка» [Ху Яюнь 2002], «Два направления подходов и белые пятна: обзор исследований политического языка в Китае» [Сюн Ваншэн 2007], «Обзор особенностей политического языка за 60 лет с момента создания нового Китая» [Ли Де 2010]. Теоретические поиски в исследовании политического языка обнаруживаются также в диссертационных работах, например: «Политический язык и язык в политике» [У Нан 2007].

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ. Применение дискурсивного подхода к изучению политических текстов является важнейшим принципом современной политической лингвистики. Исследования ки-

тайского политического дискурса представлены как работами обобщающего характера, так и анализами конкретного материала. Из первых следует упомянуть монографию «Культурный контекст и политический дискурс: анализ дискурса пресс-конференций правительства» [Чэнь Лицзян 2007] и обзорную статью того же автора «Культурный контекст и политический дискурс» (2007), а также работу Чжу Лихуа «Изучение политического дискурса Челтона: теория и методы» (2009). Из работ второго типа можно назвать публикации «Негативные новости в „Жэньминь жибао“: анализ дискурса трех сельскохозяйственных проблем» [Дин Шу 2008], «Политический дискурс и дискурс СМИ: определение жанра дискурса пресс-конференций правительства» [Чжэн Лицзян 2007], «Дрейф политического дискурса к потребительскому дискурсу: тематический анализ „Дискурса Первого октября“ одной вечерней газеты последних лет (1998—2003)» [Ли Хунтао 2010], «Изменение парадигмы современного китайского политического дискурса» [Сюй Вэйгуан 2006], «Критический анализ идеи политического дискурса» [Лю Бэйбэй 2006], «Интерпретация речи Буша с точки зрения критического анализа дискурса» [Чжан Лэй 2005], «Анализ политического дискурса в телесериалах на исторические темы» [Ли Тан 2010], «Англоязычный политический дискурс с точки зрения теории регистров» [Сюй Чжисо, Цзоу Вэй 2007] и др. Как видно даже из названий вышеперечисленных работ, критический анализ дискурса не ограничивается рассмотрением материалов на китайском языке, привлекаются и англоязычные тексты. Данной проблеме посвящены не только публикации в научных журналах, но и диссертационные исследования.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ. Известно, что феномен политической метафоры занимает ключевое место в политической коммуникации, поэтому вполне закономерно, что ему уделяется большое внимание в работах китайских исследователей, которые занимаются политическим языком. Политическая метафора изучается в основном в диссертациях молодых ученых, точнее, в работах аспирантов, причем имеются работы, посвященные политической метафоре как в китайском языке, так и в других языках. К числу первых относятся следующие: «Исследование метафоры в современном китайском политическом языке» [Лю Вэньчжэнь 2007]; «Изучение метафоры в китайском политическом дискурсе» [Чжан Хунянь 2006]; «Изучение концептуальных метафор в китайском политическом дискурсе» [Чжан Цинбин 2008]; «Функция и использование цветовой метафоры в политическом дискурсе» [Лу Е 2006]; «Сравнительный анализ концептуальных метафор политического дискурса и их идеологии» [Цао Юесинь 2005]. К работам, затрагивающим иностранные языки, относятся следующие: «Функциональное исследование метафоры в англий-

ских политических текстах» [Яо Сюэли 2007]; «Метафора и культура: исследование современных американских политических и экономических метафор» [Сунь Яньшу 2001]; «Анализ концептуальных метафор и идеологии в речи президента Буша о борьбе с терроризмом» [Лян Бин 2007]. Среди работ данной группы несомненный интерес представляют исследования молодых китайских русистов: «Политическая метафора в современных российских СМИ» [Дуань Доцзяо 2006]; «Политическая метафора в российских газетах и журналах» [Хуан Цюфэн 2007]; «Когнитивное изучение метафоры в русском языке» [Чжан Цюн 2005]. Особый интерес представляют работы, в которых проведено сопоставительное исследование политической метафоры в китайском и в других языках: «Сопоставление политических концептуальных метафор в китайском и американском английском языках» [Чэнь Мин 2006]; «Сравнительное изучение концептуальных метафор в речи китайских и американских лидеров» [Лю Цзюань 2009]; «Сравнительное изучение концептуальной метафоры в китайском и американском политических дискурсах» [Ли Цзинь 2009]; «Сравнительный анализ концептуальной метафоры политического дискурса и идеологии» [Цао Юесинь 2005]; «Культура русской и китайской политической метафоры: анализ когнитивных характеристик» [Фэн Цзиньфэн 2008]. Исследования политической метафоры можно найти также на страницах журналов, например: «Особенности метафоры в русскоязычной газетной публицистике» [Ли Юпин 2000], «О политической метафоре: на примерах немецкого и китайского языков» [Чжу Сяоань 2007].

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ. Как известно, лексический ярус является наиболее восприимчивым к воздействию внеязыковых факторов. При этом процесс трансформации лексического пространства почти непрерывен, в чем и заключается связь языковой системы с другими сферами общественной жизни. Совершенно очевидно: чем интенсивнее изменения в политике, тем интенсивнее изменения лексики на каждом этапе ее развития. Именно в сфере политической лексики наблюдаются существенные изменения, обусловленные общественно-политическими процессами. За 30 лет проведения политики открытости и реформ в Китае произошли радикальные изменения, особенно в общественно-политической жизни страны. Большой интерес представляет ряд публикаций, связанных с изучением и описанием общественно-политической лексики. В частности, процесс изменения политической сферы жизни общества и соответственно политической лексики нашел отражение в следующих работах: «Семантические исследования неологизмов китайского языка нового времени» [Ян Чжэнлань 2009]; «Исследования неологизмов китайского языка» [Ян Хуа 2002]; «Исследование развития и измене-

ний лексики современного китайского языка» [Чжан Сяопин 2008]; «Развитие лексики китайского языка в процессе открытости и реформы» [Тао Лянь, Хэ Говэй 2008]. Эта проблематика затрагивается в работе Чжун Лили «Анализ выбора слов в политической речи на основе оценочной системы» [Чжун Лили 2005], в таких публикациях, как «Тенденции изменений в лексике китайского языка: на основе анализа „Доклада о состоянии языковой жизни Китая“ (2006)» [Сун Джин 2008], «Изменения лексики китайского языка в последние годы» [Кун Лися 2009], «Соотношение изменений и развития в лексике и реформ в обществе: о новой лексике в китайском языке, порожденной в новую эпоху» [Го Деинь 1989], «О наиболее употребительных выражениях и распространении политической культуры» [Ван Сяопин 2007] и др.

В связи с резкими изменениями в жизни современного российского общества обнаруживается немало работ, посвященных этой проблематике. Прежде всего следует отметить три монографии китайских русистов, которые достойны называться наиболее представительными и значимыми трудами в исследовании этой области: «Развитие и изменения русского языка 90-х годов» [Чжан Хуйсэн 1999], «Современный русский язык и культура» [Чэнь Цзяцзюнь 1999], «Общественные изменения и изменения русского языка» [Ван Янчэн 2008], — а также сборник статей «Изменения и развитие русского языка постсоветского периода» (гл. ред. Ян Кэ, 2009), изданный при поддержке Китайского национального управления по планированию исследований в области философии и социальных наук. В вышеперечисленных работах китайских русистов системно рассматриваются наиболее характерные особенности изменений русского языка новейшего времени. В этих работах большое внимание уделено именно общественно-политической лексике.

Кроме того, политическая лексика русского языка исследуется и в работах других авторов: «Психологическая ориентация русского народа в интерпретации политической лексики» [Сюй Хайянь 2008]; «Изменения и развитие лексики в современном русском языке» [Ни На, Вэй Ла 2003]; «Перенос значений некоторых единиц социально-политической лексики русского языка новейшего периода» [Чжан Джинчжун 2002]; «Российские общество и культура в зеркале современного состояния употребления лексики русского языка» [Дэн Юаньюань 2007]; «Об изменениях в лексике русского языка после распада СССР» [Ли Сюэпин 2000]; «О влиянии общественных изменений в современной России на современный язык» [Ян Яньчун 2005]; «Характеристики эпохи в русском языке, вызванные общественными факторами» [Сюнь Янь 2004]; «Современная заимствованная лексика в русском языке и культура речи» [Чжао Айго, Ван Янчжэн 2000]. Такие исследования не только способствуют лучшему пониманию ки-

тайскими русистами того, что происходит в лексике русского языка вообще и в общественно-политической лексике в частности, но и помогают им глубже понять тенденции развития современного российского общества.

В этих и подобных работах так или иначе рассмотрено влияние изменений в общественно-политической жизни России на семантику и функционирование лексики русского языка, и прежде всего лексики общественно-политической.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕСТОВ. Ряд публикаций посвящен отдельным жанрам политической коммуникации. Так, Гэ Синьсинь в своей диссертационной работе «Политический эвфемизм: классификация, механизмы и принципы формирования» (2006) обращается к данной тематике. Прагматические аспекты исследований политической коммуникации находят свое отражение в работе «Исследование стратегии прагматической неопределенности в пресс-конференции МИДа Китая» [Люй Сихуа 2006]. Функциональным аспектам исследований политической коммуникации посвящена такая работа, как «Изучение функций политического дискурса, связанных с межличностным общением (на примерах речи Буша)» [Чжэн Дуншэн, Лю Сюэцзе 2010]. Передовые статьи, особенно передовые статьи газеты «Жэньминь жибао», которые играли и играют важную роль в политической жизни страны, стали объектом исследования многих ученых: «Диалектика выбора принципов и тактики употребления языка: на материале заголовков передовых статей» [Ню Баои 2005]; Ли Сюэфэн в своей диссертации «Передовые статьи к Новому году и Национальному дню в газете „Жэньминь жибао“ с момента основания нового Китая» (2007) анализирует передовые статьи, опубликованные в связи с соответствующими праздниками. Можно назвать и другие работы, содержащие анализ передовых статей: «Логико-семантический анализ дискурса передовых статей к Новому году во время „Культурной революции“» [Чжу Кэи 2001]; «Рассмотрение изменений психологической культуры общества: по данным передовых статей в газете „Жэньминь жибао“» [Чэнь Шаогуэй 2005]; «О содействии комментариев партийной газеты нового времени реформированию и открытости: на примерах передовых статей и статей комментатора газеты „Цзефанжибао“» [Чжан Юнхуа 2002]; «О написании передовых статей партийных и популярных газет» [Лю Синьхуа 2004]; «Политика в дискурсе: сопоставительное исследование докладов XVI и XVII съезда Коммунистической партии Китая» [У Сюэюань 2008]; «Когнитивный анализ текстовой согласованности в политической коммуникации» [Чжао Сюэгуэй 2010]; «Диалектичность языкового выбора: на примерах заголовков передовых статей в Национальный день» [Ню Баои 2005].

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ. Риторические портреты отдельных политиков,

ЛИТЕРАТУРА

стратегии и тактики речевого поведения политической элиты всегда вызывают живой интерес ученых. Большое внимание уделяется именно речи политических деятелей, и, шире, их речевому поведению. Речь отдельных политических лидеров рассматривается в следующих исследованиях: «Интерпретация речи Буша с точки зрения критического анализа дискурса» [Чжэнь Шаогуй 2005]; «Критический анализ феномена интертекстуальности в речи китайских и американских государственных лидеров» [Доу Вэй Линь, Чэнь Даньхун 2009]; «Анализ искусства речи Мао Цзэдуна» [Чжу Ли 1997]; «Искусство языка Мао Цзэдуна — крупнейшего оратора, направляющего исторический процесс Китая 20-го века» [Ван Юншэн, Чжан Вэй 1996]; «Интерпретация языковых особенностей „Доклада о работе правительства“ премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао» [Лоу Чжисинь 2005]; «Риторические приемы в речи Ленина» [Цзя Чонбай 1987]; «Искусство риторики в документах Мао Цзэдуна» [Ли Бинсян 2008]; «О внутренней убедительности речи Ленина в полемике» [Ли Личуан 2011]; «Искусство языка Мао Цзэдуна — умелое использование фразеологизмов и крылатых выражений» [Чэнь Ци, Ван Мин 1993]; «Сравнительный анализ дискурса китайских и американских государственных лидеров» [Гао Шань 2004].

Нетрудно заметить, что наши исследователи уделяют внимание речи политических лидеров не только Китая, но и зарубежных стран.

Таким образом, вполне можно сказать, что в Китае уже осознали важность изучения соотношения языка и политики: «Интерес к языковой проблематике, исследование скрытых соотношений между языком и политикой является одним из основных направлений научных исследований, проигнорировать которое невозможно» [Лей Дачуан 2009: 36]. С каждым годом увеличивается число исследований, посвященных различным аспектам политической коммуникации, особенностям языка политики, жанрам политического дискурса, но в то же время следует признать, что политическая лингвистика как самостоятельная дисциплина пока еще окончательно не сформирована, отношения между языком и политикой изучены еще явно недостаточно. Изучение взаимосвязи между языком и политикой заставляет нас всерьез задуматься о теоретической базе политической лингвистики. В связи с этим Лей Дачуан указывает, что «создание политической лингвистики, изучение сложных политических вопросов в политологическом и лингвистическом аспектах имеет большое теоретическое значение и практическую ценность». Ученый подчеркивает также, что «создание политической лингвистики позволит людям получить новое понимание политических и языковых проблем» [Лей Дачуан 2009: 38].

Ван Сяопин. О наиболее употребительных выражениях и распространении политической культуры // Современная теория. 2007. № 17.

Ван Юншэн, Чжан Вэй. Искусство языка Мао Цзэдуна — крупнейшего оратора, направляющего исторический процесс Китая 20-го века. — Изд-во Шаньдунского университета, 1996.

Ван Янчэн. Общественные изменения и изменения русского языка. — Хэйлуцзянское народное изд-во, 2008.

Гао Шань. Сравнительный анализ дискурса китайских и американских государственных лидеров : дис. ... магистра / Шаньдунский пед. ун-т. — 2004.

Го Деинь. Соотношение изменения и развития в лексике и общественной реформы: о новой лексике в китайском языке, порожденной в новую эпоху // Науч. журн. Иньшань. 1989. № 2.

Гэ Синьсинь. Политический эвфемизм: классификация, механизмы и принципы формирования : дис. ... магистра / Цзилиньский ун-т. — 2006.

Дин Шу. Негативные новости в «Жэньминь жибао»: анализ дискурса трех сельскохозяйственных проблем : дис. ... магистра / Чжэцзянский ун-т. — 2008.

Доу Вэй Линь, Чэнь Даньхун. Критический анализ дискурса феномена интертекстуальности в речи китайских и американских государственных лидеров // Иностранные языки и их преподавание. 2009. № 11.

Дуань Доцзяо. Политическая метафора в современных российских СМИ : дис. ... магистра / Гуандунский ун-т ин. языков и междунар. торговли. — 2006.

Дэн Юаньюань. Российское общество и культура в зеркале современного состояния употребления лексики русского языка : дис. ... магистра / Ин-т ин. языков НОАК. — 2007.

Кун Лися. Изменения лексики китайского языка в последние годы // Литературное образование. 2009. № 11.

Лей Дачуан. Политика: языковое существование (о построении политической лингвистики) // Литература, история, философия. 2009. № 2.

Ли Бинсянь. Искусство риторики в документах Мао Цзэдуна. URL: http://www.ht88.com/article/article_15684_1.html.

Ли Де. Обзор особенностей политического языка за 60 лет с момента создания нового Китая // Обучение теории. 2010. № 1.

Ли Личуан. О внутренней убедительности речи Ленина в полемике. URL: <http://www.papercool.com/html/wenxue/xiandai/201103/28-47700.html>.

Ли Сюэпин. Об изменениях в лексике русского языка после распада СССР // Вестн. Юж.-Кит. пед. ун-та. Сер. общественных наук. 2000. № 5.

Ли Сюэфэн. Передовые статьи к Новому году и Национальному дню в газете «Жэньминь жибао» с момента основания нового Китая : дис. ... магистра / Шаньсиский ун-т. — 2007.

Ли Тан. Анализ политического дискурса в телесериалах на исторические темы // Живучесть. 2010. № 8.

Ли Хунтао. Дрейф политического дискурса к потребительскому дискурсу: тематический анализ «Дискурса Первого октября» одной вечерней газеты последних лет. URL: <http://www.xici.net/d16278051.htm>.

Ли Цзинь. Сравнительное изучение концептуальной метафоры в китайском и американском политическом дискурсах : дис. ... магистра / Гуандунский ун-т ин. языков и междунар. торговли. — 2008.

Ли Юпин. Особенности метафоры в русскоязычной газетной публицистике // Вестн. Ин-та ин. языков НОАК. 2000. № 5.

Лоу Чжисинь. Интерпретация языковых особенностей «Доклада о работе правительства» премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао // Вестн. Чжэцзянского морского колледжа. 2005. № 3.

Лу Е. Функция и использование цветовой метафоры в политическом дискурсе : дис. ... магистра / Цзилиньский ун-т. — 2006.

Лю Бэйбэй. Критический анализ идеи политического дискурса : дис. ... магистра / Цзилиньский ун-т. — 2006.

Лю Вэньчжэнь. Исследование метафоры в современном китайском политическом языке : дис. ... магистра / Шаньдунский ун-т. — 2007.

Лю Синьхуа. О написании передовых статей партийных и популярных газет : дис. ... магистра / Пед. ун-т Центр. Китая. — 2004.

Лю Цюань. Сравнительное изучение концептуальных метафор в речи китайских и американских лидеров : дис. ... магистра / Цюйфуский пед. ун-т. — 2009.

Люй Сихуа. Исследование стратегии прагматической неопределенности в пресс-конференции МИДа Китая : дис. ... магистра / Гуандунский ун-т ин. языков и междунар. торговли. — 2006.

Лян Бин. Анализ концептуальных метафор и идеологии речи президента Буша о борьбе с терроризмом : дис. ... магистра / Наньчанский ун-т. — 2007.

Ни На, Вэй Ла. Изменение и развитие лексики современного русского языка // Социальные науки Внутренней Монголии. Сер. на кит. яз. 2003. № S1.

Ню Баои. Диалектика выбора принципов и тактики употребления языка: на материале заголовков передовых статей // Преподавание иностранных языков. 2005. № 3.

Сун Джин. Тенденции изменений в новой лексике китайского языка: на основе анализа «Доклада о состоянии языковой жизни Китая (2006)» // Научно-технический журн. 2008. № 9.

Сунь Яньшу. Метафора и культура: исследование современных американских политических и экономических метафор : дис. ... магистра / Шаньдунский пед. ун-т. — 2001.

Сюй Вэйгуан. Изменение парадигмы современного китайского политического дискурса : дис. ... д-ра : политич. теория / Ун-т Фудань. — 2006.

Сюй Хайянь. Психологическая ориентация русского народа в интерпретации политической лексики // Ход истории. 2007. № 5.

Сюй Чжисо, Цзоу Вэй. Англоязычный политический дискурс с точки зрения теории регистров //

Современная филология (языковые исследования). 2007. № 3.

Сюн Ваншэн. Два направления подходов и белые пятна: обзор исследований политического языка в Китае // Вестн. Технолог. ун-та Вост. Китая. Сер. общественных наук. 2007. № 1.

Тао Лянь, Хэ Говэй. Развитие лексики китайского языка в процессе открытости и реформы. — Шанхайское народное издательство, 2008.

Тянь Хайлун. Изучение политического языка: обзор и размышление // Преподавание ин. языков. 2002. № 1.

У Нан. Политический язык и язык в политике. 2002. № 1.

У Сяосюань. Политика в дискурсе: сопоставительное исследование докладов XVI и XVII съездов Коммунистической партии Китая // Вестник Партийной школы комитета КПК провинции Фуцзянь. 2008. № 1.

Фэн Цзинфэн. Культура политической метафоры в русском и китайском: анализ когнитивных характеристик : дис. ... магистра / Хунаньский пед. ун-т. — 2008.

Фэн Цзиньфэн. Культура русской и китайской политической метафоры: анализ когнитивных характеристик. — 2008.

Ху Яюнь. О структуре политического языка // Вестн. Лоянского технологич. ин-та. Сер. социальных наук. 2002. № 2.

Ху Яюнь. О функциях политического языка // Вестн. Синьаньского пед. ин-та. Сер. философ. и соц. наук. 2002. № 4.

Ху Яюнь. Об определении и характеристике политического языка // Науч. журн. Чжунтянь. 2002. № 3.

Ху Яюнь. Политическая риторика и политическая коммуникация // Общественные науки. — Хэнань, 2001. № 5.

Хуан Цюфэн. Политическая метафора в российских газетах и журналах : дис. ... магистра / Цилиньский ун-т. — 2007.

Цао Юесинь. Сравнительный анализ концептуальных метафор политических текстов и их идеологии : дис. ... магистра // Сев.-Вост. пед. ун-т. — 2004.

Цзя Чонбай. Риторические приемы в языке Ленина // Вестн. Юньчэнского ин-та. 1987. № 1.

Чжан Джинчжун. Перенос значений некоторых единиц социально-политической лексики русского языка новейшего периода // Вестн. Цицикарского ун-та. Сер. философ. и социальных наук. 2002. № 4.

Чжан Лэй. Интерпретация речи Буша с точки зрения критического анализа дискурса // Вестн. Сианьского ун-та ин. языков. 2005. № 1.

Чжан Сяопин. Исследование развития и изменений лексики современного китайского языка. — Изд-во Цилу Шушэ, 2008.

Чжан Хуйсэнь. Развитие и изменения русского языка 90-х гг. — Изд-во Шану Иньшугуань, 1999.

Чжан Хунянь. Изучение метафоры в китайском политическом дискурсе : дис. ... магистра / Чжэцзянский ун-т. — 2006.

Чжан Цинбин. Изучение концептуальных метафор в китайском политическом дискурсе : дис. ...

магистра / Шанхайский транспортный ун-т. — 2008.

Чжан Цюнь. Когнитивное изучение метафоры в русском языке : дис. ... магистра / Наньцзинский пед. ун-т. — 2005.

Чжан Юнхуа. О содействии комментариев партийной газеты нового времени реформированию и открытости: на примерах передовых статей и статей комментатора газеты «Цзефан жибао» // Журналисты. 2002. № 6.

Чжао Айго, Ван Янчжэн. Современная заимствованная лексика в русском языке и культура речи // Преподавание иностранных языков. 2000. № 3.

Чжу Кэи. Логико-семантический анализ дискурса передовых статей к Новому году во время «Культурной революции» // Гуйчжоуский ун-т. Сер. социальных наук. 2001. № 4.

Чжу Ли. Анализ искусства речи Мао Цзэдуна // Вестн. Аньхойского колледжа образования. 1997. № 2.

Чжу Лихуа. Изучение политического дискурса Челтона: теория и методы // Вестн. Шаоянского ин-та. Сер. общественных наук. 2009. № 5.

Чжу Сяоань. О политической метафоре: на примере немецкого и китайского языков // Вестн. Ин-та ин. языков НОАК. 2007. № 2.

Чжун Лили. Анализ выбора слов в политической речи на основе оценочной системы // Вестн. Шаосинского колледжа гуманитарных и технологич. наук. Сер. общественных наук. 2005. № 1.

Чэнь Дуншэн, Лю Сяоцзе. Изучение функций политического дискурса, связанных с межличностным общением (на примере речи Буша) // Вестн. Хэбэйского пед. ун-та. Сер. философ. и социальных наук. 2010. № 5.

Чэнь Лицзянь. Культурный контекст и политический дискурс : дис. ... д-ра / Шанхайский ун-т ин. языков. — 2007.

Чэнь Лицзянь. Культурный контекст и политический дискурс: анализ дискурса пресс-конференций

правительства : моногр. — Изд-во кит. телевидения и радио, 2007.

Чэнь Лицзянь. Политический дискурс и дискурс СМИ: определение жанра дискурса пресс-конференций правительства // Вестн. Хуаншиского технологич. ин-та. Сер. гуманитарно-социальных наук. 2007. № 3.

Чэнь Мин. Сопоставление политических концептуальных метафор в китайском и американском английском языках : дис. ... магистра / Пед. ун-т Центр. Китая. — 2006.

Чэнь Цзяцзюнь. Современный русский язык и культура. — Шанхайское изд-во образования в области иностранных языков, 1999.

Чэнь Ци, Ван Мин. Искусство языка Мао Цзэдуна: умелое использование фразеологизмов и крылатых выражений. — Нар. изд-во Ляонин, 1993.

Чэнь Шаогуй. Анализ изменений психологической культуры общества: по данным передовых статей в газете «Жэньминь жибао» // Современная коммуникация. 2005. № 3.

Ян Кэ. Изменения и развитие русского языка постсоветского периода // Сб. ст. — Изд-во Спутник+, 2009.

Ян Хуа. Исследования по неологизмам китайского языка. — Хэйлунцзянское изд-во, 2002.

Ян Чжэнлан. Семантические исследования неологизмов китайского языка нового времени. — Изд-во Цилушуншэнь, 2009.

Ян Яньчун. О влиянии общественных изменений в современной России на современный язык // Русская литература и искусство. 2005. № 4.

Яо Сюэли. Функциональное исследование метафоры в английских политических текстах : дис. ... магистра / Шаньдунский ун-т. — 2007.

Hudson K. The Language of Modern Politics. — L.: Macmillan, 1978.

Orwell G. Politics and the English language. — L.: A in W. F. Bolton and D. Crystal (eds) // The English language. C. Vol 2. — Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.19

О. И. Астахова

Екатеринбург, Россия

O. I. Astashova

Ekaterinburg, Russia

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ Н. Ю. БЕЛЫХ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SPEECH PORTRAIT OF N. YU. BELYKH: DYNAMIC ASPECT

Аннотация. Представлены результаты исследования речи политика Н. Ю. Белых с целью выявления особенностей речевого портрета в динамическом аспекте. В качестве параметров систематизации языкового материала предлагаются лингвоидеологический, коммуникативный и лексико-стилистический уровни языковой личности. Проанализированы константные и переменные черты речевого портрета Н. Ю. Белых на протяжении шести лет политической карьеры.

Abstract. The article presents results of the research of N. Yu. Belykh's speeches that aimed at revealing of his speech portrait in dynamic aspect. Lingo-ideological, communicative and lexico-stylistic levels of language personality are treated as the parameters of systematization of the language material. Constant and variable features of N. Belykh's portrait are analyzed which were revealed in his six year political career.

Ключевые слова: речевой портрет; речь; политик; дискурс; идеологема; речевые стратегии; языковая компетенция.

Key words: speech portrait; speech; politician; discourse; ideologem; speech strategies; language competence.

Сведения об авторе: Астахова Ольга Игоревна, магистр филологии, аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка.

About the author: Astashova Olga Igorevna, Master's Degree in Philology, Post-graduate Student of the Chair of Rhetoric and Stylistic of the Russian Language.

Место работы: Уральский государственный университет (Уральский федеральный университет).

Place of employment: the Ural State University (the Ural Federal University).

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51.
e-mail: oliams@rambler.ru.

Проблема речевого портретирования, особенно в области политической лингвистики, активно разрабатывается современными лингвистами, поскольку политики являются людьми, имеющими регулярный опыт публичных выступлений и сложившийся речевой имидж. Поэтому речевой портрет профессионального политика позволяет всесторонне раскрыть языковую личность. Традиционно теоретической базой при портретном описании служит модель языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым [Караулов 2010]. Составляющие ее когнитивный, прагматический и вербальный уровни выступают критерием для определения «ярких диагносцирующих пятен» [Николаева 1991: 73] говорящего, при этом результатом систематизации языкового материала может быть как коллективный [Крысин 2001], так и индивидуальный речевой портрет [Енина 2009; Купина 2007; Самотик 2004; Сорокин 1999]. Поскольку мир политики предстает в сознании массового реципиента в лицах ее лидеров, в сфере политической лингвистики превалирует индивидуальное речевое портретирование, обнаруживающее пересечение с имиджелогией и PR.

Ключевой термин лингвоперсонологии имеет такие варианты, как «языковая личность» [Виноградов 1980; Караулов 2010], «речевой портрет» [Вепова 2002; Купина 2007], «идио-

стиль» [Григорьев 1983], «речевой имидж» [Осетрова 2004] и др. В исследовании мы оперируем понятием «речевой портрет», под которым понимаем жанр описания языковой личности, алгоритм систематизации речевого материала говорящего, создание языкового облика личности.

В качестве материала для анализа мы взяли речь известного политика Н. Ю. Белых, обладающего, во-первых, высоким уровнем популярности благодаря стремлению самого лидера к максимальной публичности, во-вторых, насыщенной биографией, несмотря на молодой возраст (36 лет). Были рассмотрены записи публичных выступлений Н. Ю. Белых по радио, телевидению, его письменные тексты, интернет-материалы, в том числе блог (далее — ЖЖ), твиттер, официальный сайт губернатора и архивные данные официального сайта партии «Союз правых сил». Хронологически материал ограничен двумя периодами в биографической линии портретируемого политика, важными для понимания идиодискурса: 1) с 28 мая 2005 г. по 28 сентября 2008 г. — работа в должности председателя федерального политсовета партии «Союз правых сил»; 2) с 15 января 2009 г. по настоящее время — работа на посту губернатора Кировской области. Таким образом, особый интерес для исследования представля-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Астахова О. И., 2011

ет поворот в политической карьере Н. Ю. Белых от деятельности активного оппозиционера, лидера партии «Союз правых сил», к принятию обязанностей губернатора Кировской области, когда политик оказался представителем той самой власти, против которой активно выступал.

Следует отметить, что подобная перемена во взглядах часто встречается среди российских политиков. В новейшей истории это демонстрирует эпоха 90-х гг., когда многие государственные служащие СССР сменили политическую ориентацию в связи с распадом Советского Союза, о чем свидетельствуют биографии Б. Н. Ельцина, В. С. Черномырдина, Е. М. Примакова, Э. Э. Росселя и др. Известны проявления трансформации политических взглядов и в настоящее время. В наши задачи не входит оценка политических действий и ее экстраполяция на других членов социальной группы, однако важно подчеркнуть частичную типичность идиодискурса российского политика.

Цель исследования — выявить черты речевого портрета Н. Ю. Белых в динамическом аспекте, т. е. определить те черты, которые остаются константными, несмотря на сдвиги в идеологических взглядах, и те, которые меняются в зависимости от занимаемой политиком позиции. Основным методологическим принципом является дискурс-анализ, обладающий историзмом и интердискурсивностью [Кожина 2004]: мы учитываем внеязыковые характеристики, специфику социально-политического контекста эпохи, те ее особенности, которые явились решающими в формировании политического лидера.

Одним из параметров систематизации материала определен лингвоидеологический пласт речи Н. Ю. Белых, высвечивающий иерархию смыслов и ценностей в языковой картине мира политика и соответствующий когнитивному уровню языковой личности [Караулов 2010].

Публичная речь Н. Ю. Белых с 2005 по 2008 г. детерминирована борьбой за власть, поскольку выражает интересы оппозиционной партии «Союз правых сил». Стержнеобразующим элементом лингвоидеологической стороны речевого портрета является организация дискурса вокруг дихотомии «свой — чужой». Образ «своих» складывается с помощью идеологем «либерализм», «европоориентированность», «капитализм», «свобода», «демократия», «гражданское общество»: *Отношения в сфере экономики и в общественно-политической жизни у нас далеки от европейских стандартов. И мы как партия европейского типа призвали людей задуматься о тех вопросах, которые касаются непосредственно их* (газета «Правое дело». 2006. №23). **Либерализм — это свобода, как экономическая, так и политическая, это демократия, гражданское общество. Эти ценности для нас являются базовыми, священными и незыблемыми** (www.sps.ru. 23.09.2007). Реализуется привлекательная для

современного общества идея гражданской свободы, открытой внешней политики, актуализируется стереотип «европейского стандарта» как показателя успешного развития, которому соответствует партия «Союз правых сил» и не соответствует существующая власть.

Будучи не только либералом по политическим взглядам, но также экономистом и опытным бизнесменом, Н. Ю. Белых отстаивает свободу собственности и предпринимательской деятельности, поэтому включает в поле «своих» социальную группу предпринимателей и идентифицирует себя как одного из них: *„Союз Правых Сил“ — единственная партия, последовательно и идейно защищающая интересы предпринимателей ... Я — предприниматель. Я лично готов отдать последнюю копейку, чтобы „совок“ не вернулся в России, чтобы в нашей стране можно было честно зарабатывать своим трудом, своими мозгами, чтобы заработанное никто не мог отобрать и поделить* (www.sps.ru. 2007).

Из поля «своих» исключаются те предприниматели, которые не готовы бороться против существующей власти: *Список Форбс превратился в „черный“ список предателей и трусов, отказавшихся защищать свое дело, свои права, свою собственность и свои интересы вместе с правами, собственностью и интересами миллионов людей, работающих в частном российском бизнесе. Этот „черный“ список включает миллиардеров, которые кормят правящую партию во главе с Путиным* (www.sps.ru. 2007). Отрицательно окрашенное словосочетание *черный список* интенсифицируют ярлыки *предатели* и *труссы*, в высказывании обозначенный список ограничен и четко определен (Олег Дерипаска, Роман Абрамович, Алексей Мордашов и др.). Непрямое значение слова *кормят* [Ожегов, Шведова 2008: 296] имплицитно указывает на то, что причиной исключения из рядов «своих» стала коррумпированность.

«Чужие» в речи Белых-оппозиционера — партия «Единая Россия» и В. В. Путин. В контексте выборов в Госдуму РФ 2007 г. и выборов Президента РФ 2008 г. образ «других» обретает особенно резкие черты: *отказ Путина и „Единой России“ участвовать в теледебатах — это трусость* (ЖЖ. 30.10.2007); *план Путина — путь в тупик* (ЖЖ. 02.12.2007). Отсылающая к советскому прошлому идеологема *план Путина* [Купина 2009: 190], которая в этот период активно репродуцируется в контрагитационных материалах всех оппозиционных партий, закладывается в основу приема противопоставления: *Референдум: ПЛАН или СВОБОДА. Сделайте свой выбор. Голосуйте за СПС* (www.sps.ru. 29.11.2007).

Идеологемы либерализма в речи Н. Ю. Белых также противопоставлены идеологически насыщенной номинационной цепочке «Кремль», «дело „Юкоса“», «фальсификация», «номенк-

латура», «вертикаль власти»: **Вертикаль власти сильнее прав собственности** (Правое дело. 2006. № 21); **Вслед за законодательной властью, поставленной под тотальный контроль Кремля, судебную власть в стране тоже хотят выстроить в очередную вертикаль — судебную, поставить эту вертикаль под контроль, заставить ее принимать нужные решения. А это значит — отобрать и эту власть у народа. Это та политика, которую планомерно осуществляет „Единая Россия“** (ЖЖ. 29.03.2006). Современная картина государственного устройства подвергается критике с помощью педалирования контридеологием **вертикаль власти, тоталитаризм**, противопоставленных идеологемам **права собственности и власть народа**.

Перейдем к анализу лингвоидеологического уровня речи Н. Ю. Белых-губернатора. Уход с поста председателя «Союза правых сил» в сентябре 2008 г. и принятие обязанностей руководителя региона, инициированное президентом Д. А. Медведевым в декабре 2008 г., получили широкий резонанс в медиадискурсе. Несмотря на то что решение о выходе из партии назревало с 2007 г., многие журналисты, аналитики, политологи и политики, включая бывших соратников Н. Ю. Белых, расценили вхождение в структуру государственной власти как «искариотский» (В. И. Новодворская) поступок.

Либеральные идеологемы, с помощью которых Н. Ю. Белых идентифицировал себя и круг «своих», в речи Белых-губернатора по-прежнему играют ведущую роль, политик неоднократно подчеркивает, что смены политических взглядов не произошло: **У меня как у человека, долгое время стремившегося добиться повышения гражданской активности, работая на стороне общества, а теперь занимающегося тем же самым, но уже на стороне власти, есть свой ответ на извечный вопрос „что делать?“** (Ведомости. 2010. 14.12). Политик поддерживает прежний имидж борца за интересы населения. Идеологемы **либерализм, демократия, свобода** и др. по-прежнему являются слоганами заглавного фрейма официального сайта губернатора.

Однако «чужими» в речи лидера теперь выступают не представители власти, частью которой он стал сам, а незаконопослушные члены общества: **У нас в Кирове, насколько я понимаю, порядка 35 клубам и заведениям общественного питания вынесены разного рода предписания [о соблюдении норм пожарной безопасности], то есть для нашего полумиллионного города это очень много** («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 14.12.2009). Подобные высказывания имплицитного характера регистрируют значение чуждости не через идеологемы, как прослеживалось раньше, а через числовые показатели и оценочное суждение **это очень много**. Представители бизнеса, не исполняющие закон,

тем самым становятся источником проблемы для государства.

Словосочетание **вертикаль власти**, функционирующее в речи Белых-оппозиционера в качестве идентификационного признака власти как врага, в речи Белых-губернатора теряет отрицательную коннотацию: **Понимаете, власть действительно существует в виде некой вертикали. Соответственно, вопросы, которые касаются текущих моментов взаимодействия, мы прекрасно решаем с „Единой Россией“ и с другими структурами в регионе. Вопросы, которые носят некий идеологически-политический характер, решаются на уровне нерегиональном** («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 18.01.2010). Губернатор позиционирует себя руководителем, лояльно относящимся к власти. Безоценочно констатируя факт существования вертикали в структуре власти, он не впадает в подробности взаимоотношений внутри нее и использует при этом эвфемистические обороты: **вопросы, которые касаются текущих моментов взаимодействия, вопросы, которые носят некий идеологически-политический характер** и др.

Следует отметить, что Н. Ю. Белых весьма осторожен в оценках государственной власти. Журналисты постоянно пытаются задавать губернатору провокационные вопросы, намекая на его политическое прошлое, например: **У вас в регионе может быть „Единая Россия“ свой административный ресурс не использует или, наоборот, использует, но на благо, и вы им в пояс кланяетесь? А Щерчков [бывший соратник Н. Белых] с вами свое решение о вступлении в „Единую Россию“ согласовывал?** Всякий раз губернатор уходит от подобных вопросов, чаще всего с помощью прямого отказа от комментария: **я никаких комментариев ни по поводу никакой из партий не хочу давать, чтобы не получить новые заголовки газет** («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 15.02.2010).

Хотя со сменой должности политика дихотомия «свой — чужой» в речи несколько трансформировалась, картина настоящего в дискурсе Н. Ю. Белых неизменна: **Мы констатируем — раньше это констатировала оппозиция, сейчас это констатирует и власть, — что ситуация в экономике и в социальной политике далека от идеальной, мягко скажем, и требуются очень серьезные изменения** («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 18.01.2010). На сдержанное недовольство Н. Ю. Белых, его неприятие современной действительности указывает эвфемизм **далека от идеальной**, поддержанный языковым рефлексивом [см. Вепрева 2002] **мягко скажем**, манифестирующим стремление облечь критику в нормативную языковую форму.

Второй параметр систематизации материала для составления речевого портрета — **ком-**

муникативная (речеповеденческая) характеристика, которая включает в себя реализацию коммуникативных стратегий.

Базой для коммуникативных стратегий выступают цель, мотивы, потребности и установки коммуникантов [Иссерс 2006: 61], которые могут варьироваться в зависимости от речевой личности и речевой ситуации. По Ю. Н. Караулову, эти элементы коммуникации в совокупности образуют прагматический уровень языковой личности [Караулов 2010: 211].

В условиях политической кампании типичной речевой стратегией оппозиции является стратегия дискредитации. В речи Н. Ю. Белых как лидера «Союза правых сил» выбор стратегии детерминирован мотивом унижить, устранить соперника: *Наша страна достойна большего, чем та клоунада, которую разыгрывает власть* (ЖЖ. 26.02.2008). Трансформированный фразеологизм «разыгрывать роль» («притворяться, прикидываться кем-л., изображать из себя кого-л.» [Фразеологический словарь 1995: 451]) предполагает неистинность, неискренность представляемого. Политик обвиняет власть во лжи, лицемерии, циничности, пытается утвердить «тенденцию к утрате ответственности» «языка власти» [Китайгородская, Розанова 2003: 171].

Не менее значимой в речи лидера партии выступает стратегия самопрезентации. Как мы убедились в ходе лингвоидеологического анализа, Н. Ю. Белых идентифицирует себя прежде всего как часть социальной группы: как лидер партии, как один из предпринимателей, как один из народной массы.

При освоении роли нового руководителя региона мотив борьбы за власть девальвируется и уступает место цели сформировать положительный имидж. О. С. Иссерс называет чередование *я/мы* в зависимости от контекста категорией персонификации в аспекте создания имиджа [Иссерс 2006: 205]. Эта категория отражает использование стратегии самопрезентации.

Мы представляет губернатора, включенного в команду: *...руководство Кировской области, собственно говоря, практически полностью приняло на себя обязательства по неупотреблению спиртного вообще в течение 2010 года... поверьте мне, это очень показательно, и люди воспринимают это очень внимательно* («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 01.03.2010). Н. Ю. Белых известен тем, что постоянно делает акцент на действенности предпринимаемых властью мер. В этом постоянстве видится попытка политика опровергнуть сложившийся в массовом сознании стереотип о «разрыве слов и дел» современной власти [Китайгородская, Розанова 2003: 171]. Отрицательная самооценка политика также наблюдается с использованием *мы*: *Мы зачастую, и это недоработка, в первую очередь наша, в какой-то степени, может быть,*

и журналистов — не получается обществу объяснить ту повестку дня, которая на самом деле существует («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 18.01.2010).

Обращение в речи Н. Ю. Белых к конструкциям связано с самопрезентацией губернатора как лидера в политической жизни не только региона, но и страны. При этом Н. Ю. Белых предстает человеком дела: *В отличие от тех, кто об этом говорил, я регионы объединял. То есть я принимал самое активное участие в объединении Пермской области и Коми-Пермяцкого округа. В отличие от тех, кто говорит об объединении регионов. То есть я знаю, что это такое. Я знаю, сколько лет на это требуется и насколько сложная и далеко не однозначная это работа* («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 25.01.2010).

Третьим параметром систематизации материала выбраны **лексико-стилистические** особенности, совпадающие с вербальным уровнем языковой личности [Караулов 2010: 86]. На данном уровне динамика в чертах речевого портрета Н. Ю. Белых заметна менее всего, так как мы наблюдаем не эволюцию, а уже сформированную коммуникативную компетенцию человека [Седов 2004]. Н. Ю. Белых вырос в интеллигентной семье ученых. У него два высших образования: политик окончил экономический и юридический факультеты Пермского государственного университета, в котором работал после его окончания преподавателем экономики. В 2010 г. политик защитил кандидатскую диссертацию по истории и издал монографию «Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938—1953 гг.)». Приведенные биографические данные позволяют сделать вывод о богатой «речевой биографии» [Там же: 9] лидера.

Как в период партийной работы в «Союзе правых сил», так и на этапе губернаторской деятельности Н. Ю. Белых демонстрирует высокий уровень языковой компетенции, что обнаруживается в концентрации книжной лексики (*этот вопрос регламентируется; диаметрально противоположные задачи; один из краеугольных камней в государственной управлении*), культурно-речевой сдержанности (использование просторечных слов встречается крайне редко). Речь лидера отличается богатством и выразительностью, проявляющейся, в частности, в активном цитировании известных литературно-художественных источников (*фраза „Спасение утопающих — дело рук самих утопающих“ воспринимается не более, как цитата из юмористического романа; но вам шашечки или ехать?; пациент скорее мертв, чем жив, скорее нет, чем да; все мы вышли оттуда, как из гоголевской шинели*), пословиц (*явно в некоторых случаях овчинка выделки не стоит; вы знаете, дьявол кроется в мелочах; это тот случай, когда под*

лежащий камень вода не течет), крылатых выражений (*у нас есть трассы, которые де-факто являются федеральными, и есть трассы, которые де-юре являются федеральными; реформировать политическую систему надо, но поспешай медленно*).

Константным признаком идиостиля Н. Ю. Белых можно назвать тенденцию к творческому употреблению языка, «лингвокреативность» [Седов 2004: 97]: *Главный фактор — наша программа „Достройка“, которая объясняет людям, что в нашей стране капитализм еще только предстоит создавать. А то, что сейчас, — это недокапитализм* (Правое дело. 2006. № 23). Словотворческий потенциал политика находит воплощение не только в окказиональном новообразовании *недокапитализм*, но и в номинации *Достройка*, принятым партией как программный лозунг. В речи политика часто прослеживается образное словопотребление: *У нас, как у последних самураев демократии, нет ничего, кроме нашей веры* (Из доклада на Съезде партии «Союз правых сил», 21.09.2007); *Наверное, это как человек, который любит колбасу, не должен видеть, как она производится [о партийной политике]* («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 15.02.2010). Подобные частные проявления личности политика подтверждаются также активной текстотворческой деятельностью (за 2007 г. количество авторских публикаций только в прессе превышает 30).

Подведем итоги. Проанализировав речь Н. Ю. Белых в динамическом аспекте, мы пришли к выводу о наличии константных и меняющихся черт в речевом портрете политика. Смена роли оппозиционера на роль представителя власти отразилась на концептуальном наполнении общесемиотической дихотомии «свой — чужой» и речевом поведении лидера. Слияние с партией «Союз правых сил» и социальной группой предпринимателей трансформировалось в слияние с властью. Метка «чужой» сместилась с объекта «власть» в лице Путина и партии «Единая Россия» на объект «нарушитель закона». Словосочетание *вертикаль власти* утратило отрицательную модальность. Открытый протест уступил место эвфемизмам и фигурам умолчания. Стратегия дискредитации в борьбе за власть была вымещена, стратегия самопрезентации поменялась в концептуальном наполнении — с коллективной идентификации на индивидуальную, необходимую для конструирования имиджа человека дела, не обычного и успешного регионального политика.

Константными составляющими речевого портрета Н. Ю. Белых являются негативная оценка настоящего, опора на корпус либеральных идеологем, что подкрепляет утверждение о неизменности базовых демократических принципов мировоззрения политика. Постоянным

также остается педалирование «я» в речевых конструкциях, высокий уровень языковой компетенции и творческий подход к языку — черты, транслирующие незаурядную индивидуальность политического лидера.

ЛИТЕРАТУРА

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург, 2002.

Виноградов В. В. О художественной прозе. — М., 1980.

Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. — М., 1983.

Енина Л. В. Речевой портрет губернатора Э. Росселя: советская составляющая // Советское прошлое и культура настоящего : моногр. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 120—131.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М., 2006.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 2010.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. — М., 2001. Вып. 1. С. 90—106.

Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — Дискурс — Стилль : сб. науч. ст. — СПб., 2004. С. 9—33.

Купина Н. А. Речевой портрет современного уральского политика // Политический дискурс в России : материалы 10 Всерос. юбил. семинара. — М., 2007.

Купина Н. А. Советские идеологические традиции сегодня // Советское прошлое и культура настоящего : моногр. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 186—208.

Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : докл. Всесоюз. науч. конф. — М., 1991. Ч. 2. С. 73—75.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2008.

Осетрова Е. В. Речевой имидж : учеб. пособие. — Красноярск, 2004.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М., 2003. С. 151—240.

Самотик Л. Г. Словарь языка Александра Лебеда. — Красноярск, 2004.

Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М., 2004.

Сорокин Ю. А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // Политический дискурс в России — 3. — М., 1999.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18—20 вв. / под ред. А. И. Федорова. — М., 1995.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

УДК 81'27:81'42

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Т. Ю. Быкова
Челябинск, РоссияT. Yu. Bykova
Chelyabinsk, Russia**ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ
ИЛИ ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА?****Метафорический образ Советского Союза
в советской прессе
довоенного времени (1930—1939 гг.)**

Аннотация. Анализируются метафоры публицистического дискурса СССР 1930—1939 гг., описывающие Советский Союз. Выделяются основные сферы-источники метафорической экспансии (Советский Союз — живой организм, поле боя, артефакт). Характеризуется прагматический смысл метафор: утверждение величия и нерушимости СССР.

Ключевые слова: политическая метафорология; категоризация; концептуальная метафора; картина мира; метафорическая модель.

Сведения об авторе: Быкова Татьяна Юрьевна, преподаватель кафедры делового иностранного языка, факультет лингвистики и перевода.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454001, Челябинск, ул. Бр.Кашириных, д. 129.
e-mail: bykova74@mail.ru.

**PREPARATION FOR WAR
OR A GREAT BUILDING?****Metaphorical image of the Soviet Union
in the pre-war Soviet press (1930—1939)**

Abstract. Metaphors of the publicistic discourse of the Soviet Union 1930-1939 are analyzed. The main source domains of the metaphorical expansion are singled out (Soviet Union is a living organism, field of battle, artefact). Their pragmatical meaning is characterised: grandeur and inviolability of the USSR.

Key words: political metaphorology; categorization; conceptual metaphor; picture of the world; metaphorical model.

About the author: Bykova Tatiana Yurievna, Lecturer of the Chair of Business Foreign Language, Faculty of Linguistics and Translation.

Place of employment: the Chelyabinsk State University.

В последнее время лингвисты изучают метафору в роли инструмента для описания конкретных событий в политике, экономике, жизни общества; часто исследуется метафорическое моделирование современной России. Нередко сквозь призму метафоры просматривается целый период в истории отдельных государств. Так, А. П. Чудинов исследовал «закономерности метафорического моделирования действительности в современном политическом дискурсе России» [Чудинов 2001: 7]. Развивая эту идею, Э. В. Будаев провел сравнительный анализ политической жизни России, Великобритании и стран Балтии [Будаев 2009].

Советское пространство в этом плане не является объектом столь пристального внимания ученых. В связи с вышесказанным представляет большой интерес исследование образа Советского Союза в один из самых значимых периодов в истории страны — довоенное время. Метафорический анализ политического дискурса относится к активно развиваемым направлениям политической метафорологии, направленной на исследование ментальных представлений, лежащих в основе категоризации политического мира. Материалом нашего исследования послужили статьи из 69 советских газет за период с 12 февраля 1930 г. по 1 сентября 1939 г. Выбор исследуемого отрезка времени объясняется историческими события-

ми. В 1933 г. А. Гитлер официально приходит к власти и начинает планомерную подготовку к военным действиям. Для нас представляет особый интерес изучение метафорического образа СССР в советской прессе столь сложного в развитии страны периода. Нами было отобрано 1280 концептуальных метафор с различными сферами-источниками.

При специальном анализе концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в политическом нарративе советского пространства мы обнаружили, что довоенное советское общество чаще всего метафорически концептуализируется как существование человеческого организма, война и творение человека.

Рассматривая метафору как вербальную оболочку интерпретации картины мира, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов полагают, что «с когнитивной точки зрения процессы метафоризации — это операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания...» [Баранов 1991: 185]. Таким образом, концептуальная метафора моделирует окружающий мир человека, оказывая влияние на мотивацию и направленность человеческой деятельности. Это качество метафоры, позволяющее ей имплицитно формировать ценностные установки и, как следствие, менять характер социальной активности, делает ее мощным орудием манипулятивного воздействия на лич-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Быкова Т. Ю., 2011

ность. Это свидетельствует о первостепенной роли советской прессы в создании стереотипного мышления советского гражданина.

Следует принимать во внимание, что исследуемый период характеризуется отсутствием гласности, жесткой диктатурой, тотальным контролем со стороны правительства.

Рассмотрим особенности названных метафорических моделей. Каждая метафорическая модель обладает более или менее выраженной полевой структурой.

Одно из ведущих мест в формировании образа Советского Союза отводится антропоморфной метафорической модели «Советский Союз — живой организм». Присущее человеку антропоморфное видение мира объясняет факт концептуального представления о государстве как о живом существе, обладающем свойствами и характеристиками, чувствами и мышлением человека. Советский Союз представляет собой как единый организм. Персонификация страны обуславливает особую категоризацию данного фрагмента действительности. У СССР оказываются свои друзья и враги, с которыми он мирится, ссорится, заводит отношения, ведет свою игру. Он наделен всеми жизненно важными органами.

Вот почему пребывание украинских гостей в сердце Союза — в красной Москве — превратилось в замечательный всесоюзный праздник, в торжество украинской культуры (Комсомольская правда. 1936. № 69 (3355). 24 мар.).

Правительство Грузии сознает, что оно должно опереться на какой-нибудь крепкий государственный организм (Правда. 1931. № 64 (4869). 6 мар.).

Что же мы видим сейчас, каким выглядит наш Советский Казахстан, возрожденный и выросший под руководством большевистской партии (Казахстанская правда. 1936. № 122. 29 мая).

Образ большевика как неотъемлемой части Страны Советов является ярким воплощением советского идеала человека. Все, что связано с идеями пролетариата, обладает чертами *незыблемого, бессмертного*. Отсюда вытекает мысль о бессмертии всего рабочего класса.

...бессмертие творческого духа большевиков. (Известия. 1937. № 47 (6209). 22 фев.)

В то время как все жители страны представлены целостной системой, общим организмом, отдельные классы ассоциируются с *излишками организма, его гниющими отходами*. Метафоры с негативным концептуальным вектором направлены на репрезентацию капиталистического общества, а вернее его остатков.

Проект закона помогает социалистическому обществу бороться с родимыми пятнами капиталистического общества, с остатками капитализма в сознании людей (Казахстанская правда. 1936. № 122. 29 мая).

Меньшевики развязывают борьбу партий и обнажают на момент всю неслыханную

гниль, все настоящее нутро режима (Лапинский П. Известия. 1930. № 333 (4180). 4 дек.).

...социал-демократия открыто перешла на позиции буржуазии и уже полтора десятка лет верноподданно охраняет гниющие и шатающиеся капиталистические устои (Труд. 1931. № 60 (3058). 2 марта).

Мы наблюдаем целенаправленное манипулятивное воздействие на публику за счет употребления отрицательно направленных метафор. Капитализм серьезно *болен неизлечимой болезнью, страдает коликами*. Помимо всего прочего, меньшевики выступают в роли *аппендикса, ненужного придатка* великой и могучей страны.

Яркая противоположность умирающему и загнивающему капитализму — Советский Союз (Крумин Г. Известия. 1930. № 308 (4155). 7 нояб.).

И в то время, как СССР имеет нетронутые поистине грандиозные резервы производительных сил и естественных богатств капитализм, страдающий старческим несварением своих богатств, вновь должен искать выхода в переделе мира рынков, колоний (Известия. 1931. № 69 (4276). 11 марта).

В противовес умирающему капитализму, большая часть страны здорова, крепка, *растет с каждым днем*. Огромные постройки и стратегические объекты репрезентируются как живые существа, наделенные всеми человеческими качествами. Они *живут, растут, размножаются*. В данном контексте отсутствуют процессы, связанные со смертью и предсмертными муками. Это не удивительно, ведь в советском пространстве правительство навязывало идею о бессмертии всего, созданного партией.

Большевистский Кузбасс молод и он растет, как молодой крепыш! (Правда. 1934. № 63 (5949). 5 мар.).

Как уже было упомянуто выше, для советского политического дискурса характерно функционирование достаточно большого количества метафорических моделей. Второй по значимости манипулятивного воздействия, а также одной из наиболее частотных и продуктивных, является милитарная метафорика. Обозначим данную метафорическую модель как «Советский Союз — поле боя». Политическая деятельность все чаще ассоциируется с войной. Можно выявить несколько причин активного использования данной метафоры.

Во-первых, широкое распространение данной метафорической модели объясняется историческими событиями, предшествующими описываемому периоду. Революция, классовые неурядицы, борьба внутри страны и за ее пределами — все это повлияло на стиль политических выступлений, речи ведущих лиц государства, газетные статьи и фельетоны.

Кроме того, военная метафора крайне экспрессивно представляет политические собы-

тия. Эмоциональность выражена еще и в употреблении знакомых всем образов.

Пришел Ленин и превратил это слово в боевое знамя. Слово стало борцом. Миллионы рабочих всего мира вооружились им для последнего решительного боя (Известия. 1930. № 308-4155. 7 нояб.).

Положение в обществе становится напряженнее с каждым годом. Военные действия охватывают всю территорию страны. Естественно, далеко не всегда *батальи* и *схватки* происходят на реальном поле боя. Вся мощь Красной армии направлена на борьбу с классовым врагом, на уничтожение и разгром внутреннего противника.

В ответ вредителям и интервентам, пытавшимся организовать крестовый поход капиталистов на Советский союз и потопить в крови пролетарскую революцию! (Правда. 1930. № 332 (4777). 3 дек.).

Таким образом, милитарная метафора является неотъемлемой частью формирования образа советской довоенной действительности.

Буржуазный мир боится принять вызов на открытое сравнение между двумя системами — капитализма и социализма (Известия. 1931. № 69 (4276). 11 мар.).

Тем не менее, мы должны быть готовы к отражению военного нападения, которое поджигатели новой мировой войны готовят против нас (Известия. 1931. № 69 (4276). 11 мар.).

Анализируя описание событий внутри страны, мы можем встретить употребление названий частей, батальонов. Они выступают для репрезентации партии, ее оппозиции. Советские политики чаще всего становятся *генералами*, *рыцарями*, *самоотверженными полководцами*. Военные действия, как правило, происходят в речах. Выступающие обычно предполагают, что адресат знает, к какому лагерю он относится, какую роль играет и в чем эта роль состоит. Как и действие на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника — вооружения (т. е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента) [Пшенкин 2006]. Как и во всех военных действиях, можно наблюдать присутствие военного оружия, символики, связанной с военными действиями. Следует отметить, что наблюдается смешение различных видов вооружения, тактики боя в зависимости от исторических событий.

ВЧК стала грозным мечом революции (Пионерская Правда. 1937. № 163 (1981). 3 дек.).

...несгибаемый солдат и командарм революции, товарищ Сталин (речь Косарева // Правда. 1937. № 253 (7219). 13 сен.).

Надо со всей силой ударять по кулаку, кулак обладает большой способностью маневрировать, он действует через середняка и бедняка, и часто поэтому удар, предназна-

ченный кулаку, попадает на бедняка и середняка (Приокский рабочий. 1930. № 85 (263). 13 апр.).

Не менее важное значение приобретает артефактная метафорическая модель. Она является одной из наиболее частотных и в то же время продуктивных. Внутри модели «Советский Союз — артефакт» мы наблюдаем множество фреймов и слотов, выстраивающих образ сотворенного человеком механизма, здания, транспорта.

В первую очередь следует отметить метафоры, связанные с архитектурными строениями. Это обуславливается тем, что советское довоенное пространство ассоциируется с прочным капитальным строением, нерушимым зданием. Если мы обратимся к полевой структуре метафорической модели, то увидим, что здесь четко прослеживаются центр, ядро, ближняя и дальняя периферия. Так, например, в рамках данной модели можно выделить центральный концепт ЗДАНИЕ. Элементы, которые наиболее четко выражают типичные свойства модели, относятся к ее центру: КРЫША, ОКНО, ВОРОТА, ДВЕРЬ, СТАВНИ.

Период, охватываемый планом ГОЭЛРО, явился неизбежным этапом борьбы пролетарской диктатуры за создание фундамента социалистической экономики (Известия. 1930. № 308 (4155). 7 нояб.).

Было время, мы находились в блокаде, никого к себе не впускали. Под воротами большой страны, в маленькой латвийской прихожей скопилась чающая наживы газетная нечисть (Кольцов М. // Правда. 1930. №329 (4774). 30 нояб.).

Советский Союз предстает, как и подобает великой стране, в виде огромного сооружения, населенного жителями. Дом является важнейшим культурным концептом в системе человеческого опыта. Мы разделяем понятия жилых построек и нежилых. А. П. Чудинов отмечает, что «дом — важнейший культурный концепт в человеческом сознании, это традиционный для мировой культуры источник метафорической экспансии» [Чудинов 2001: 154]. Метафора дома получила широкое развитие и различные авторские интерпретации за счет детального описания различных аспектов этого «государства-дома». Это связано еще и с тем, что понятие дома очень близко человеку с самого детства. Он подсознательно связывает его с представлениями о родительском доме, семейном очаге, уютном гнездышке, семье. Советское пространство, объединяющее под своей крышей различные национальности, выглядит как огромный дом. Подобно всем остальным строениям, он имеет прочный фундамент в виде социалистической экономики. Фундамент — это прочная основа, на которой выстраивается и покоится экономика советского государства. Ворота большой страны крепко заперты. Они охраняют ее неприкосновенность и нерушимость. Ворота являются важной частью дома.

С одной стороны, они не пропускают врагов, а с другой — гостеприимно открываются нужным, желанным людям.

Фрейм «Нежилые сооружения» включает в себя лексические единицы, номинирующие все остальные постройки, не заселенные людьми.

К 13-й годовщине Октября Советский Союз, как могучий маяк, светит всему угнетенному человечеству, показывая путь избавления от голода, безработицы, новых войн и завоевания светлой и счастливой жизни освобожденного человечества (Крумин Г. // Известия. 1930. № 308-4155. 7 нояб.).

Словно маяк, Страна Советов показывает путь всем государствам, заблудившимся в сложной политической и экономической обстановке. Яркий свет сооружения направляет на единственно верный путь социалистического строительства. Прилагательное *могучий* лишней раз акцентирует значимость и победоносность страны.

Следующий структурный уровень иерархии артефактных метафорических моделей характеризует Советский Союз с помощью номинаций, объединенных в группу разнообразных технических средств: механизмы и транспортные средства.

Широкое освещение опыта в этом отношении явится одним из важнейших рычагов для дальнейшего совершенствования службы связи (Красная Звезда. 1932. № 43 (2484). 21 фев.).

...эта пролетарская база должна стать рычагом подъема всего хозяйства и всей работы в районе (Правда Южного Казахстана. 1935. № 124 (1121). 1 июня).

Метафоры механизма были всегда особо востребованы в политическом языке тоталитарных обществ. Они формируют представление о государстве как о едином слаженном аппарате, механизме. Человек не имеет своей индивидуальности, не может выражать мнение, фактически не имеет права голоса.

Каждую свободную минуту жизни рабочего капитал рассматривает, лишь как необходимый перерыв для смазки и заправки живой рабочей машины, без чего она не сможет работать (Известия. 1937. № 241 (6403). 15 окт.).

Буржуазия создала чудовищно разветвленный аппарат систематического обмана масс (Правда. 1934. № 63 (5949). 5 мар.).

В результате ЦК КП(б)К оказался засоренным буржуазными националистами (Правда. 1937. № 253 (7219). 13 сент.).

Остается неизвестным — у кого вместо головы был насос, у кого в мозгах были закрыты все клапаны, кто совершил это недопустимое головотяпство с затовариванием десятка сотен необходимых предметов? (Приокский рабочий. 1930. № 51 (232). 6 мар.).

Протекание политических процессов как внутри, так и за пределами государства на-

глядно демонстрируется при помощи транспортных метафор.

Локомотив истории мчит нас с неизбежностью к международной социалистической революции (Известия. 1930. № 308 (4155). 7 нояб.).

За сравнительно короткий исторический срок мы действительно сумели перевести нашу страну на рельсы индустриализации (Известия. 1930. № 308 (4155). 7 нояб.).

Всю работу сельсоветов необходимо перевести на ударные рельсы (Знамя Коммуны. 1931. № 81 (364). 8 июня).

В политических выступлениях номинациями *локомотив, поезд, состав, вагон* чаще всего представляются процессы социалистических перестроек. Движение вперед всегда означает путь к новым открытиям, свершениям. С точки зрения идеологов советской пропаганды, ничто не может показать протекание процессов динамичнее, чем транспорт.

Концептуальные метафоры со сферой «быт» охватывают номинации личностно-бытовых артефактов человека. Они выражены в политических текстах бытовыми метафорами. Данный фрейм представлен двумя слотами: «Ремесло» и «Одежда». Следует отметить, что вышеупомянутый фрейм, равно как и все метафорические единицы, входящие в его состав, относится к дальней периферии артефактной метафорической модели. Об этом свидетельствует низкая частотность и недостаточная продуктивность.

Рабочий класс СССР создал и выковал такого верного и зоркого стража пролетарской диктатуры, как ОГПУ (Труд. 1931. № 60 (3058). 2 мар.).

Сбылось и подытожено в новой Конституции то, о чем мечтали лучшие люди всех времен, но сбылось не раньше, чем перепахана была глубоким плугом строящегося социализма вся страна (Ленинградский Университет. 1936. № 34 (269). 21 дек.).

Наблюдается преобладание ремесленных метафор, связанных с земледелием и животноводством. Человек тесно связан с землей: она является источником жизни, основой существования людей. Более того, вся страна предстает перед нами как одно великое поле. Каждый житель должен принять участие в создании благоприятной почвы для построения крепкой державы.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что артефактная модель несет в себе большой образный и функциональный потенциал. Она способна выполнить основные коммуникативные задачи, в том числе максимально точно воздействовать на аудиторию. Артефактная метафора главным образом обладает положительным концептуальным вектором. В советском политическом дискурсе довоенного периода артефактные метафоры играли решающую роль. Становление и укрепление

нового государства велось под лозунгом *Великой стройки*.

Анализируя довоенный период советского пространства, можно говорить об образе мощной и крепкой страны, который выстраивался в медийном дискурсе. Несмотря на изобилие разнообразных метафорических моделей, выявленных нами, все они служат для гармоничной репрезентации облика нерушимой страны.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). — М., 1991.

Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009.

Пшенкин А. А. Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX — начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. — Екатеринбург, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

Н. А. Князев

Пятигорск, Россия

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Рассматриваются лексические новообразования, источником возникновения которых можно считать политический дискурс. Характеризуются основные проблемы, связанные с трактовкой таких основополагающих понятий, как «дискурс» и «политический дискурс». Проводится структурный и семантический анализ лексических инноваций англоязычного политического дискурса.

Ключевые слова: дискурс; политический дискурс; лексические инновации; словообразование.

Сведения об авторе: Князев Николай Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: info@pglu.ru.

**LEXICAL INNOVATIONS
IN POLITICAL DISCOURSE
IN ENGLISH**

Abstract. The article comprises the analysis of lexical innovations which source of origin lies in the political sphere. Different approaches to definition of such terms as 'discourse' and 'political discourse' are discussed here. And also structural and semantic analysis of lexical innovations is made.

Key words: discourse; political discourse; lexical innovations; word-formation.

About the author: Knyazev Nikolay Aleksandrovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology.

Place of employment: the Pyatigorsk State Linguistic University.

Непрерывное развитие словарного состава, которое выражается в появлении новых слов и значений, — необходимое условие, позволяющее отнести тот или иной язык к категории «живых». Научно-техническая революция, развитие средств массовой информации, общественно-политические изменения — все это находит непосредственное отражение в словарном составе языка, вызывает эволюцию старых и появление новых областей номинации.

Ежегодно в английском языке появляются сотни новых слов. Эти лексические новообразования охватывают все сферы жизни современного англоязычного общества, всесторонне обогащая словарный состав английского языка. Одной из сфер, номинативные процессы в которой характеризуются высокой степенью активности, можно считать политику, и политический дискурс в этом отношении представляет значительный интерес для исследований.

В данной статье будут проанализированы лексические единицы, появившиеся в англоязычном (главным образом американском) политическом дискурсе за последние 10-12 лет. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, необходимо рассмотреть такие понятия, как «дискурс» и «политический дискурс».

В настоящее время не существует четкого и общепризнанного определения понятия «дискурс», однако исследователи отмечают «широкую популярность, приобретенную этим термином в последнее время» [Тюрина]. Данный термин допускает не только варианты произ-

ношения (с ударением на первом или втором слоге), но и множество научных интерпретаций.

Как известно, термин «дискурс» (фр. *discours*, англ. *discourse*) начинает широко употребляться в гуманитарных науках в 60—70-е гг. XX в., но его повсеместное использование в лингвистике относится к более позднему периоду, — по словам О. Г. Ревзиной, ко «времени нынешнему» [Ревзина 1999]. Отсутствие четкого определения данного термина привело к тому, что слово «дискурс» стало употребляться в ряду таких терминов, как «речь» («дискурс» — «речь, погруженная в жизнь»), «текст», «функциональный стиль». Как отмечает Ю. С. Степанов, «причиной того, что при живом термине „функциональный стиль“ потребовался другой — „дискурс“, заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции <...> „функциональный стиль“ означал, прежде всего, особый тип текстов <...>, но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания» [Степанов 1995]. Таким образом, в понимании англосаксонских лингвистов «дискурс» первоначально означал «именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [Там же].

В. З. Демьянков в статье «Политический дискурс как предмет политологической филологии» определяет дискурс как «текст в его ста-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Князев Н. А., 2011

новлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков 2002].

Интересен также подход, представленный в статье Е. В. Переверзева и Е. А. Кожемякина «Политический дискурс: многопараметральная модель», в которой дискурс — «это произведенная в определенных исторических и социальных рамках, особым образом организованная и тематически сфокусированная последовательность высказываний, рецепция которых способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение» [Переверзев, Кожемякин 2008].

С. Ю. Тюрина в статье «Дискурс как объект лингвистического исследования» говорит о том, что «дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений» и по-разному трактуется с позиций прагмалингвистики, функционального подхода, лингвостилистики, формально или структурно ориентированной лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистики [Тюрина].

Сравнительно недавно возник интерес к дискурсу как когнитивно-семантическому явлению. Ученые отмечают: «Всякое коммуникативное действие в рамках спонтанного или организованного дискурса представляет собой реализацию тех или иных коммуникативно-когнитивных структур. Такими когнитивными структурами являются фреймовые модели, содержащие информацию социокультурного характера. Фрейм рассматривается как один из способов представления стереотипной ситуации, содержащий информацию разных видов» [Там же].

Все указанные подходы к рассмотрению понятия «дискурс», как отмечает С. Ю. Тюрина, взаимосвязаны. Различные направления и методики анализа дискурса объясняют существование большого числа определений данного понятия. Так, например, П. Серио выделяет *восемь* значений термина «дискурс» [см. Тюрина]:

- эквивалент понятия «речь», т. е. любое конкретное высказывание;
- единица, по размерам превосходящая фразу;
- воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания (в рамках прагматики);
- беседа как основной тип высказывания;
- употребление единиц языка, их речевая актуализация;
- социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например феминистский дискурс, административный дискурс;
- теоретический конструкт, предназначенный для исследования условий производства текста.

Дебора Шифрин (Deborah Schiffrin) выделяет три основных подхода к трактовке понятия «дискурс» [см. Макаров 2003]. *Первый подход* определяет дискурс как «язык выше уровня предложения или словосочетания» — “language

above the sentence or above the clause”. *Второй подход* дает функциональное определение дискурса как всякого «употребления языка»: “the study of discourse is the study of any aspect of language use”; «the analysis of discourse, is necessarily, the analysis of language in use». *Третий подход* подчеркивает взаимодействие формы и функции: «дискурс как высказывания» — “discourse as utterances”.

В целом же, как подчеркивает О. Г. Ревзина, «в настоящее время в лингвистике все более утверждается выдвинутое французским культурологом Мишелем Фуко представление о дискурсе как совокупности всего высказанного и произнесенного» [Ревзина 2005].

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия «политический дискурс», стоит отметить, что это с этим явлением люди сталкиваются ежедневно. Интерес к политическому дискурсу проявляют как профессионалы — политики, политологи, журналисты, — так и самые широкие массы граждан. Собственно, интерес к изучению политического дискурса и привел к появлению нового направления в языкознании — политической лингвистики (political linguistics). По словам А. П. Чудинова, «изучение политической лингвистики помогает лучше разбираться в происходящих в современном мире политических процессах, а также видеть подлинный смысл выступлений политических лидеров и используемые ими способы манипуляции общественным сознанием» [цит. по: Рыбакина 2009].

В лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах — узком и широком: «В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс — это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Маслова 2008].

К ученым, придерживающимся широкого определения политического дискурса, относится Е. И. Шейгал, которая под политическим дискурсом понимает «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики», а также А. Н. Баранов, для которого политический дискурс — это «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [см. Рыбакина 2009].

Узкого определения политического дискурса придерживается, в частности, голландский лингвист Т. ван Дейк, который считает, что «политический дискурс — это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой» [см. Рыбакина 2009].

Говоря о политическом языке, который представляет собой основное средство мани-

пулирования в политической среде, В. З. Демьянков приводит ряд критериев, позволяющих отличить его от «обычного»:

- «политическая лексика» терминологична, а обычные, не «чисто политические» языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке;
- специфичная структура дискурса — результат иногда очень своеобразных речевых приемов;
- специфична и реализация дискурса — звуковое или письменное его оформление [Демьянков 2002].

Таким образом, краткий обзор научных источников по исследуемой проблематике позволяет сделать следующий вывод: общепринятого определения политического дискурса на сегодняшний день не существует, но, по словам В. А. Масловой, «мы можем его рассматривать как вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации» [Маслова 2008].

Большинство лексических образований, исследованных в рамках данной тематики, представляет собой сложные и сложносокращенные структуры. Их доля составляет около 70 % от общей выборки (более 100 единиц, удовлетворяющих параметрам, указанным в начале настоящей статьи).

Остановимся подробнее на некоторых наиболее ярких из них, приводя при необходимости соответствующие комментарии и пояснения.

Baracknophobia, *n.* — контаминация двух слов: имени собственного *Obama* и существительного *arachnophobia*. Обозначает негативное отношение к Баракку Обаме в бытность его кандидатом в президенты США. (Negative feelings about U. S. presidential candidate Barack Obama, particularly those based on racism or unfounded rumors. [Word Spy]):

Obama claims, "The only person who would probably be prepared to be our President on Day 1 would be Bill Clinton — not Hillary Clinton. "But wait ... isn't Bill on her team? That answer will not cure Baracknophobia. — Josh Greenman, Hil makes Illinois in Chicago and Rudy rouses the right wing, Daily News (New York), June 29, 2007.

Genopolitics, *n.* — контаминация существительных *genetics* и *politics*. Данным словом обозначают изучение генетической основы политических взглядов, действий, позиций. (The study of the genetic basis of political actions and attitudes. [Там же]):

The two didn't realize it at the time, but they would soon reinvent themselves and help found the new field of genopolitics. To do that, they had to learn genetics and brain anatomy, forge ties with neuroscientists and molecular biologists, and do battle against skeptical colleagues. — Richard

Monastersky, "The Chronicle of Higher Education," October 3, 2008.

Manufactroversy, *n.* — соединение слов *manufactured* и *controversy*. Используется для обозначения неестественного, несуществующего конфликта, сфабрикованного политическими идеологами или заинтересованными лицами, которые прибегают к обману и приводят лживые аргументы для достижения своих целей. (A contrived or non-existent controversy, manufactured by political ideologues or interest groups who use deception and specious arguments to make their case. [Там же]):

Manufactroversy ...A manufactured controversy that is motivated by profit or extreme ideology to intentionally create public confusion about an issue that is not in dispute. — Leah Ceccarelli, "Manufactroversy: The Art of Creating Controversy Where None Existed," Science Progress, April 11, 2008.

Palintologist, *n.* Здесь, подобно случаю с *Baracknophobia*, к имени собственному «Сара Пэйлин» — *Sarah Palin* — добавляется существительное *paleontologist*. Получившийся бленд обозначает человека, который проявляет интерес к личности бывшего губернатора Аляски Сары Пэйлин. (A person who studies or is fascinated by former Alaska governor Sarah Palin. [Word Spy]):

Remember back in the 1990s when Hillary Clinton described herself as the Rorschach test for how people felt about the women's movement? Palin has become the latest test for shifting common ground and fault lines between sisterhood and sibling rivalry. It's been like this since the Palintologists discovered her in Alaska and put her on the national ticket of the Grand Old (Boy) Party. — Ellen Goodman, "Lipstick on a rogue," The Boston Globe, November 20, 2009.

Politainer, *n.* — существительным, представляющим собой сочетание слов *politician* и *entertainer*, обозначают политика, который являлся или является человеком из шоу-бизнеса, бывшим спортсменом и т. п. или участвует в развлекательных передачах в СМИ, особенно в ходе избирательной кампании. (A politician who is or was an entertainer; a politician who makes extensive use of entertainment media, particularly during a campaign. [Там же]):

Jesse Ventura was a pro wrestler, then a mayor, then a governor. He now wants to be a talk show host. Jerry Springer was a mayor, a television anchor, then a talk show host. And his show has more in common with WWF Smackdown than Meet the Press. Both are famous, populist politicians with a history of outlandish behavior. They are both "politainers." — Gregory Korte, "Ventura won — could Springer?", The Cincinnati Enquirer, August 5, 2003.

Prebituary, *n.* — *preliminary* + *obituary*, данным словом обозначают провал, который пророчат тому или иному кандидату на выборах (дословно — «предварительный «некролог»»).

(a prediction of failure, particularly of a political candidate. [Там же]):

*The campaign and the party are taking a beating in the press right now. **Prebituaries** run on a near hourly basis. Things are certainly grim for the party, particularly when you look at the landscape from 30,000 feet.* — Chuck Todd, “Can McCain close?”, MSNBC, October 29, 2008.

Vote mob, *n.* — сложное слово, образованное по аналогии с *flash mob*. Обозначает массовую акцию, при которой большая группа людей собрана посредством социальных сетей с целью привлечь молодых людей к участию в выборах. (A crowd, organized via social networks, that gathers to encourage young people to vote in an upcoming election. [Там же]):

*A new mob is arising in Canada, and this one should be heartily encouraged. It's the “**vote mob**” movement that in recent days has been spreading to universities across the country, including McGill in Montreal, and consists of young people urging their peers to get out and vote in the coming federal election.* — “An admirable push to get out the youth vote,” Montreal Gazette, April 16, 2011.

Micro-donor, *n.* — человек, который жертвует небольшую сумму денег на политическую кампанию или на какие-либо другие цели. (A person who donates a small amount of money to a political campaign or other cause. [Там же]):

*Meanwhile in Chicago, Obama's elite high-end fund-raisers, his National Finance Committee, met Thursday for strategy sessions. Obama has developed an army of **micro-donors** during his campaign.* — Lynn Sweet, “Obama passes on public money”, Chicago Sun Times, June 20, 2008.

Процент лексических единиц, образованных с помощью других словообразовательных средств, относительно невелик. Приведем несколько примеров.

Birther, *n.* — человек, полагающий, что поскольку президент США Б. Обама родился не в этой стране, он не имеет право занимать свой пост. (A person who believes that U. S. president Barack Obama was not born in the United States, and is therefore ineligible to be president. [Там же]):

*Some Republicans have shifted their strategy against the health care bill from fighting over the details to questioning the very constitutionality of mandatory health insurance. And a few have sympathized with the so-called **birthers**, who continue to challenge Obama's citizenship and legitimacy as president despite all evidence to the contrary.* — Susan Milligan, “Obama domestic agenda largely a one-party effort”, The Boston Globe, November 17, 2009.

Deather, *n.* — тот, кто полагает, что реформа системы здравоохранения США приведет к росту смертности, особенно среди пожилых людей. (A person who believes that U. S. health care reform will lead to more deaths, particularly among the elderly. [Там же]):

*First came the “birthers”. Now, as President Obama makes a final push for health care reform, we have the **deathers**.* — Christopher Beam, “Scaring Grandma,” Slate, July 28, 2009.

SUV Democrat, *n.* — так называют политика (особенно представителя Демократической партии США), который ратует за экономию энергии, но при этом является владельцем неэкономичного автомобиля (кроссовера — SUV). (A politician (particularly one who is a member of the U. S. Democratic Party) who talks about energy conservation but who owns and drives a fuel-inefficient sport utility vehicle. [Там же]):

*“Not to her great credit, U. S. Sen. Dianne Feinstein owns a gas-guzzling SUV, even though she believes in global warming and doesn't want to drill in Alaska's Arctic National Wildlife Refuge. In fact, last year the Los Angeles Times reported that she owned three SUVs. Which makes her your perfect ‘**SUV Democrat**.’”* — Debra J. Saunders, “Close SUV Loophole”, The San Francisco Chronicle, May 10, 2001.

Проведенный анализ показал, что политический дискурс является важнейшим источником пополнения словарного состава английского языка, и поскольку такое положение дел вряд ли изменится в обозримом будущем, дальнейшие исследования в данной области видятся нам перспективными.

ЛИТЕРАТУРА

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 32—43.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 43—48.

Переверзев Е. В., Кожемякин Е. А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Воронеж, 2008. № 2. С. 74—79.

Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25—33.

Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 66—78.

Рыбакина А. В. Проблемы политического дискурса. URL: [www.pglu.ru/lib/publications/ University.../П/uch_2009_II_00039.pdf](http://www.pglu.ru/lib/publications/University.../П/uch_2009_II_00039.pdf).

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / РГГУ — М., 1995. С. 36—45.

Тюрина С. Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования. URL: www.vfnglu.wladimir.ru/files/netmag/v3/ar11.doc.

Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com>.

Т. С. Ковалёва
Томск, Россия

T. S. Kovalyova
Tomsk, Russia

**СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ**

(на материале текстов ИноСМИ, посвященных
Южноосетинскому/Грузинскому
конфликту 2008 г.)

**STRATEGY OF MANIPULATION
IN THE INFORMATIONAL WAR**

(based on texts of foreign media dedicated
to the South Ossetian / Georgian conflict, 2008)

Аннотация. Изучаются эффективные способы манипулятивного воздействия в публицистическом печатном дискурсе, отражающем события военного конфликта 2008 г. Определяются мифы, прецедентные ситуации, метафорические модели, актуальные для избранного дискурса ИноСМИ, цели, которые ими преследуются, а также причины их эффективности.

Ключевые слова: информационная война; публицистический дискурс; стратегия манипуляции; миф; прецедентная ситуация; метафора.

Abstract. The article is devoted to the study of effective ways of the manipulative influence of journalistic discourse, reflecting the war conflict, 2008. Myths, precedent situations, metaphorical models relevant to the chosen discourse of foreign media, purposes that they pursued and the reasons for their effectiveness are determined.

Key words: informational war; journalistic discourse; strategy of manipulation; myth; precedent situations; metaphor.

Сведения об авторе: Ковалёва (Трифонова) Татьяна Сергеевна, магистрант филологического факультета.

Место работы: Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Контактная информация: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
e-mail: Tatiyanka1986@mail.ru.

About the author: Kovalyova (Trifonova) Tatiyana Sergeevna, Master Student of the Philological Faculty.

Place of employment: The National Research Tomsk State University.

Статья заняла 3 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Политическая коммуникация»

В последние десятилетия научную значимость приобрело изучение информационной войны, и прежде всего ее психологического аспекта, в центре которого находится обращение к массовому сознанию. Информационная война определяется исследователями как всеобъемлющая, целостная коммуникативная стратегия, основанная на использовании искаженной или вымышленной информации, которая является одним из способов ведения конфликта [Почепцов 2000]. В основе информационно-психологической войны лежит определенная подача информации (ее запрещение, искажение, фальсификация) и намеренное скрытое воздействие. Основным средством такого воздействия на человека являются СМИ, и прежде всего интернет-коммуникация, отличающаяся практически бесконтрольным размещением информации и доступом к ней [Шатило 2008: 18—23].

Наиболее актуальным для изучения информационной войны представляется коммуникативно-прагматический аспект, в рамках которого информационная война анализируется как состоявшаяся коммуникация. Исследовательской целью при этом становится пошаговое рассмотрение коммуникативных ходов, принятых в ходе информационной войны, и анализ их эффективности и результативности. Методологически оправданной становится опора на психолингвистический эксперимент и мони-

торинг общественного мнения, которое может существенно изменяться в ходе войны. Исследование информационной войны с коммуникативно-прагматических позиций имеет существенную практическую значимость, так как оно может способствовать определению эффективных стратегий, направленных на защиту от информационно-психологического воздействия, формированию позитивного имиджа страны в условиях сложившихся в обществе неразрешенных конфликтов, а также послужить практическим руководством в вопросах национальной безопасности при ведении последующих информационных войн. Новизна проводимого исследования состоит в том, что оно нацелено на исследование способов речевого воздействия и факторов, обуславливающих успешность тех или иных средств речевого воздействия. В исследовании используются новые для современной лингвистики методики когнитивно-семантического анализа: изучение материала с опорой на мифы и стереотипы, прецедентные феномены, метафорическое моделирование.

Особый интерес для исследования информационной войны представляет публицистический печатный дискурс. Материалом для анализа в данной статье послужили полученные сплошной выборкой тексты, опубликованные 7—19 августа 2008 г. на сайте иностранных изданий www.inosmi.ru, посвященные южноосе-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Ковалёва (Трифонова) Т. С., 2011

тинско-грузинскому военному конфликту. Особенность публикаций состоит в том, что они содержат не столько информирование о событиях, сколько их анализ, интерпретацию и оценку. Интерпретирование событий в том или ином ключе позволяет авторам статей осуществлять воздействие, в том числе скрытое, манипулятивное: как отмечается специалистами, в настоящий момент в военной журналистике практически не представлено объективной информации.

В избранном для анализа публицистическом дискурсе, являющемся орудием информационной войны, используются различные речевые стратегии и тактики, реализующие манипулятивные цели, ядерное место среди которых занимают стратегия манипуляции, стратегия дискредитации, стратегия формирования эмоционального настроения, стратегия нападения, агитационная стратегия, стратегия саморепрезентации.

В иностранных СМИ (особенно в американских, грузинских и балтийских) наиболее частотное использование стратегии манипуляции, реализующей скрытое и намеренное воздействие на установки и мировоззрение адресата и интерпретирующей военный конфликт в определенном ключе: в сознании читателя формируется образ России как агрессора, спровоцировавшего Грузию и затем асимметрично ответившего на ее удар. Миф «Россия — агрессор» обусловлен стереотипным представлением западного читателя о России, строящимся на уже существующих в его сознании прецедентных ситуациях: «Россия — Советский Союз», «российско-чеченский военный конфликт», «Афганистан», «Чехия», — в которых действия России расцениваются как тоталитарные. Отмеченные прецедентные ситуации постоянно упоминаются в ИноСМИ, воздействуя на подсознание читателя и формируя образ России как абсолютного зла, антигуманного советского тоталитарного государства, что позволяет выделить прецедентные феномены, стереотипы и мифы как особенно эффективные способы манипулятивного воздействия.

Сказанное обуславливает изучение мифа как способа речевого манипулирования. Т. Г. Добросклонская выделяет миф как способ отражения внеязыковой действительности, как отражение не существующих в реальности событий, целенаправленное конструирование виртуальной реальности [Добросклонская 2009: 88], изменяющее когнитивные категории в сознании адресата. Миф воздействует на читателя таким образом, что под видом рациональной информации на человека обрушивается информация эмоциональная, которую он не может осмыслить и управлять ей. Это продиктовано особенностями строения мифа, который объединяет в себе рациональное и эмоционально-оценочное начало.

Рациональность определяется учеными как «способность и умение человека логически обозначать наличную физическую и социаль-

ную реальность, как совокупность причинно-следственных связей, сформированных данным социо-культурным контекстом» [Ульяновский 2005: 55]. Обращение к мифу основано на желании осознать ситуацию как рациональную ценностно-поведенческую конструкцию, что реализуется в кризисных ситуациях, когда человеку неясны истинные причины происходящего. Миф в этом случае может рассматриваться как компенсация и дополнение недостающей, но очень важной для человека информации. Он объясняет сложные явления действительности, определяет роли участников ситуации, предлагает правила поведения, оправдывает политические действия и социальные установки и способствует поддержанию веры в них.

Однако рациональность мифа, как правило, мнимая: иллюзорна логика построения мифа, его причинно-следственные связи, аргументация, подробная детализация и декорации, а также кажущееся отсутствие противоречий и достоверность мифа. Миф обладает таким сильным воздействием именно благодаря мнимой рациональности: читатель начинает принимать его на веру, полагая, что получаемая им информация разумна и логична.

На этом основании современные исследователи политического и публицистического дискурса определяют миф как 1) «объединяющий и побуждающий к действию эмоционально-психологический императив, основывающийся не на знании и детерминистских схемах, а на вере» [Ульяновский 2005: 58]; 2) как «принимаемые на веру определенные стереотипы массового сознания» [Шейгал 2000: 177—178], которые впоследствии практически невозможно опровергнуть; 3) как «совокупность различного рода иллюзорных представлений, умышленно применяемых господствующими в обществе силами для воздействия на массы» [Ульяновский 2005: 43—44]. Из перечисленных определений мифа становится ясно, почему идеологи так часто прибегают к нему для конструирования определенной реальности с целью манипуляции: миф способен подчинять, группировать и направлять людей, определять их поведение и приверженность определенному политическому курсу.

Действительно, миф выстраивает четкую систему ценностей, к которой читатель либо относит себя, либо нет, занимая позицию либо внутри мифа, либо вне него [Шейгал 2000: 183; Ульяновский 2005: 34]. Ценностные отношения, в основе которых лежат определенные политические взгляды и идеологические ценности, выстраиваются на противопоставлении нейтральных и маркированных в политико-идеологическом смысле компонентов текста, вследствие чего миф может выступать в качестве средства идеологической ориентации и воздействовать на сознание читателя.

Исходя из существующих определений мифа, можно выделить его основные свойства:

эмотивность, оценочность, мнимая рациональность, аксиоматичность, недоказуемость. Благодаря этим свойствам реальность предстает в упрощенном и искаженном виде, миф же воспринимается некритично, как аксиома, не требующая доказательств.

Такое восприятие мифа читателем обусловлено особенностями языкового сознания, основанными на базовых механизмах переработки информации. Эти механизмы (обобщение, опущение фрагментов знания, произвольные бездоказательные умозаключения, персонализация, дихотомичность мышления, катастрофизация последствий ([Почепцов 2000: 22] и др.) приводят к когнитивным искажениям, вследствие чего поступающая информация соотносится с уже имеющимися в сознании представлениями, влияющими на восприятие и дальнейшие действия человека. В результате миф может представлять те реалии, которых на самом деле не существует (так называемые фантомы, которые сознание воспринимает как существующие), или изменять смысл существующих. Действительность в этом случае оценивается читателем с точки зрения определенных мифологем. Мифологема — это вербальный носитель мифа, отличительным признаком которого является фантомный денотат, либо несуществующий, либо неясный и размытый, что создает возможность для вложения в него каких угодно смыслов и для осуществления скрытого воздействия на адресата. Таким образом, исследование мифологемы является ключевым при изучении стратегии манипуляции.

Е. И. Шейгал выделяет различные основания для типологизации мифологем: по соотношению с прецедентными феноменами (прецедентный текст, прецедентное высказывание и прецедентное имя); по типу вербальной единицы — мифоносителя (мифологемы-тексты, мифологемы-высказывания, мифологемы-антропонимы); по характеру референции (общенациональные и групповые) и некоторые другие [Шейгал 2000].

Одной из сильных при реализации стратегии манипуляции является мифологема-текст, в основе которой находится прецедентный текст как определенная вербальная единица — мифоноситель. Мифологема-текст наиболее близка к классическому пониманию мифа как «сказания» (от греч. *mythos*) и соответствует мифу-нарративу, т. е. сюжетно развернутому повествованию, обладающему элементами легенды, предания, сказки [Шейгал 2000: 187].

Нарратив в публицистическом печатном дискурсе, посвященном южноосетинско-грузинскому военному конфликту 2008 г., представлен как коллигация действий, связанных друг с другом и имеющих одну центральную тему. Коллигация при этом понимается как конструкт, «объединяющий некое число прошлых и будущих событий в единое целое, которое может дать значение и объяснить любой из со-

ставляющих его элементов» [Почепцов 2001: 438]. Таким образом, если нарратив представляет мифологему России как «зла», то все последующие события, освещенные в печати, будут объясняться согласно данному нарративу, вне зависимости от реальной виновности или невиновности России.

В публицистическом дискурсе, являющемся орудием информационной войны, в качестве нарратива могут выступать не только легенды о реальных участниках событий, но и легенды о странах-участницах конфликта. Методика изучения материала с опорой на мифы и стереотипы выявляет следующие мифы-нарративы, входящие в когнитивную базу носителей западного сознания: миф о любовных отношениях НАТО и Грузии; миф о дружеских отношениях между странами, поддерживающими Грузию, мифы о различных тоталитарных государствах; миф о Грузии-жертве, обретающей независимость в неравной борьбе; мифы о южных осетинах как о сепаратистах, восставших против режима М. Саакашвили; миф о М. Саакашвили как о воспитанном США ребенке (этим мифом снимается вина с Грузии и ее сторонников, так как действия М. Саакашвили представлены как действия ребенка, за которые страна не должна нести ответственность). В качестве защитной стратегии Россией используются в основном мифы-нарративы о Южной Осетии как о государстве, пострадавшем от геноцида.

Остановимся на некоторых из мифов-нарративов западного публицистического дискурса, представленного материалами иностранных печатных изданий. В дискурсе западных печатных СМИ можно выделить несколько мифов о различных тоталитарных государствах, характеризующих отношения между Россией и Грузией. Нарративные линии при этом сконцентрированы вокруг главной темы «Россия — тоталитарное государство».

Первая линия — тоталитарные государства XX в. (на самом общем уровне — режим Сталина, Гитлера): *Вчера мир не смотрел церемонию открытия Олимпийских игр (китайцы должны быть в ярости на русских). Вместо этого мы увидели образы советских — извините, я имел в виду русских — самолетов, утюжащих территорию Грузии, в то время пока российская бронетехника пересекала Кавказские горы.* («New York Post», США, 12.08.2008); *С приходом к власти в 2000 году Путин постоянно мечтал о восстановлении могущества и влияния России в ее ближайшем географическом окружении. Он всегда говорил об этом как о желанной цели, и его слова очень напоминают риторику советского и царского российского империализма.* («The Mail on Sunday», Великобритания, 12.08.2008); *Не менее очевидны и параллели с „защитой“ Гитлером немецкого населения на территории Чехословакии. К чему привел Мюнхенский сговор — хорошо извест-*

но. *Когда Гитлер взялся „защищать“ немцев на территории Польши — было уже поздно* («Kalev», Эстония, 15.08.2008).

Вторая линия — политика Советского Союза (на более частном уровне — военные действия в Чехии, Афганистане, Чечне): *„Это кино мы уже видели в Праге и Будапеште“*, — сказал Джон Маккейн (John McCain), имея в виду вторжения Советского Союза в Чехословакию в 1968 году и Венгрию в 1956-м. («The Washington Post», США, 15.08.2008); *Но мир изменился с тех пор, как советские танки раскатывали Афганистан на Рождество 29 лет назад. ...Это было то самое оправдание, которое и требовалось Кремлю. Танковые бригады 58-й армии России (мясники из Чечни) пересекли международную границу с Польшей — извините, я имел в виду Грузию.* («New York Post», США, 12.08.2008).

Третья линия — антигрузинская политика, проводившаяся Российской империей и советской Россией в начале XX в.: *После обретения независимости Грузия быстро оказалась в сфере влияния России, последовали долгие годы экономических страданий с голодом, холодом, нехваткой газа и электричества, ужасной бедностью, природными катастрофами, сотнями, тысячами беженцев из охваченных катастрофами регионов и автономий, на которых, как на органичных трубах, играла Россия. Впервые в истории Грузии на улицах можно было увидеть нищенствовавших женщин, детей в домах сирот. По меньшей мере, третья часть жителей Грузии, в основном женщин, отправилась на заработки за границу, чтобы не дать умереть с голоду своим оставшимся в Грузии семьям.* («Diena», Латвия, 11.08.2008).

Следует отметить, что в основе данных примеров, как и в основе любых мифологем, лежит не логическое изложение фактов, а создание эмоционального фона, при котором возможно употребление таких нелогичных суждений, как обвинение России в происходящих на территории Грузии природных катастрофах.

Проиллюстрируем примерами миф-нарратив о Грузии-жертве, обретающей независимость в неравной борьбе. Грузия представлена в ИноСМИ как веками угнетаемая нищая страна, которая наконец начала бороться за независимость: *...мужественное и изолированное демократическое государство* («New York Post», США, 12.08.2008); *Происхождение вторжение, оккупация и уничтожение независимой демократической страны* («The Washington Times», США, 13.08.2008); *Дипломаты из Европы и Вашингтона считают, что Саакашвили допустил ошибку, направив на прошлой неделе войска в Южную Осетию. Возможно. Но его поистине монументальной ошибкой было то, что он стал президентом маленькой, в основном демократической и решительно прозападной страны, нахо-*

дящейся на границе с путинской Россией («The Washington Post», США, 11.08.2008). Приведенные фрагменты текстов представляют собой типичный нарратив, создающийся американскими политическими лидерами перед предвыборной кампанией: они происходят из бедной семьи, начинают бороться и достигают высоких результатов, что возможно только в гунманном западном государстве.

Мифы-нарративы об отношениях между Россией и западными странами могут также заключать в себе элементы сказки, в которой страны — участницы конфликта представлены как жертва (Грузия), злой герой (Россия), герой-освободитель (США), добрые помощники (Латвия с Литвой) и т. д. [см. Пропп 2009: 39—80].

В результате в сознании западного читателя Россия представляется государством, составляющим оппозицию всему миру с его гуманными ценностями. При этом осуществляется метонимический перенос: общечеловеческие ценности выбирает как мировое сообщество, так и Запад, но по этому критерию Запад приравнивается ко всему миру, получая право вырывать свою позицию как позицию всего мира.

При создающейся оппозиции «Россия — весь мир» происходит резкое разграничение России и мирового сообщества по разным полюсам: Россия — антагонист (оценка — «отрицательно»: чужое, опасное, несправедливое, тоталитарное, злое, склонное к силовому разрешению конфликтов, черное); Запад — протагонист (оценка — «положительно»: наше, безопасное, справедливое, свободное, доброе, склонное к сотрудничеству и переговорам, белое) [Лакофф 2006: 59—71]. Таким образом, мир делится на полюса, между которыми не существует оттенков. Такая особенность менталитета и вообще человеческого сознания значительно упрощает манипулятивное воздействие дискурса криминальных хроник, так как автору дискурса достаточно убедить читателя склониться к одному из полюсов, и другой уже будет рассматриваться как враждебный.

При создании мифов-нарративов о странах — участницах конфликта адресант дискурса для более успешного воздействия может опираться на базовые ценности, формирующие определенное отношение к событиям. Так, например, западные СМИ опираются на базовую ценность «демократия», противоположную тоталитаризму. В действительности же демократия на Западе является «противоречивой системой отношений, ценностей, механизмов» [Шейгал 2000: 185]. В публицистическом дискурсе данная ценность выступает как фантомный денотат — означаемое, наделенное достаточно размытым смыслом, завящим от того, что в это понятие вкладывает адресант, способное по этому использоваться в манипулятивных целях.

Выбор западными СМИ иной базовой ценности, например «принадлежность к христианскому миру», невозможен из-за сторонников

западных государств, исповедующих другую веру [Почепцов 2000: 313—314]. Например, при описании военного конфликта между Грузией и Южной Осетией западные СМИ не могли опереться на базовую ценность «христианство», так как Запад выступил за объединение Грузии, а в одном из сепаратистских районов Грузии, подчинившихся режиму М. Саакашвили, — Аджарии — преобладает мусульманское население.

Следует заметить, что термин «демократия» в манипулятивной функции использовался и ранее. Так, США употребляли его при описании войны в Ираке: лидер этой страны был представлен как тоталитарный, антидемократический правитель и противопоставлен демократическому Западу, при том что иракские союзники США также не принадлежали христианской вере.

Россия, в отличие от западных стран, может опереться на базовую ценность «христианство», обладающую очень сильным воздействием на читателя. В ИноСМИ часто пишут о том, что России чужды общечеловеческие ценности, и именно этой причиной западные политические деятели часто объясняют недоверие к России, невозможность ее включения в политические альянсы. В то же время опора на базовую ценность «христианство» переводит войну совершенно в иной план: это уже не столкновение личных интересов политических лидеров, не геополитическая борьба, а война христиан с христианами, мировая катастрофа, не позволяющая говорить о каких-либо меркантильных целях. Переведение войны в «бытийный» план, несомненно, является успешной защитной стратегией России и позиционирует ее как страну, пришедшую на помощь народу, пострадавшему от геноцида, т. е. как государство, руководствующееся общечеловеческими ценностями.

Анализ мифов публицистического дискурса западных СМИ, являющегося орудием информационной войны 2008 г., указывает на то, что наиболее эффективным манипулятивным приемом стало отождествление России с тоталитарной державой. Целью указанного приема является дискредитация России как цивилизованного, современного, демократического государства, ориентированного на сотрудничество. Достижение цели часто осуществляется с помощью эксплицитно выраженного определения «Россия — это ... (название тоталитарного государства: *бонапартистская держава, Российская империя XIX — нач. XX в., нацистская Германия, Советский Союз*)».

Однако более эффективным способом манипулятивного воздействия является апелляция к прецедентному феномену «тоталитаризм», имплицитно выстраивающая аналогии между событиями и именами, связанными с этим понятием, и участием России в военном конфликте 2008 г. Под прецедентным феноменом понимается «феномен, хорошо известный

определенному кругу людей, обращение к которому возобновляется в процессе коммуникации, и который обладает ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Лавриненко 2008: 32].

Эмпирическая база публицистического дискурса ИноСМИ, посвященного южноосетинско-грузинскому конфликту 2008 г., содержит 458 языковых единиц, обращающихся к понятию «тоталитаризм». В ИноСМИ этот термин используется как для характеристики фашистских режимов и СССР периода Сталина, так и для характеристики отдельных аспектов современной политики (например, милитаризма США при президенте Дж. Буше-мл.). При этом прецедентные феномены актуализируют следующие признаки, свойственные определению «тоталитаризм»: 1) наличие единственной партии, как правило, руководимой *диктатором*, которая сливается с государственным аппаратом и тайной полицией; 2) наличие одной всеобъемлющей *идеологии*, на которой построена политическая система общества; 3) большая роль государственной *пропаганды*, манипуляция массовым сознанием населения; 4) жесткая идеологическая *цензура* всех легальных каналов поступления информации; 5) почти всеобъемлющий контроль правящей партии над вооруженными силами и распространением оружия среди населения, и другие.

Одной из разновидностей прецедентных феноменов является прецедентная ситуация — некая «эталонная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности, связанная с набором определенных коннотаций и фиксирующая (в том числе и языковыми средствами) связь между различными объектами реальности [Лавриненко 2008]. В ИноСМИ содержится два типа прецедентных ситуаций, относящихся 1) к политике тоталитарных государств прошлого и 2) к политике современных государств, определяемой мировым сообществом как «тоталитарная».

Большим воздействующим потенциалом обладает обращение СМИ к прецедентным ситуациям, связанным с действиями самой России в прошлом, доказывающее, что с течением времени тоталитарная политика государства не изменилась, и единственное, к чему стремится Россия в войне 2008 г., — это восстановление мощи и границ Российской империи. Западная пресса часто обращается к следующим прецедентным ситуациям: 1) политика средневековой России и царской России в XIX в., имперские войны XIX в. на Кавказе, притеснение Грузии Российской империей в начале XX в.; 2) период большевистского правления, при котором Абхазия и Южная Осетия получили автономность, тоталитарный режим Сталина; 3) эпоха «холодной войны»; 4) «развал» Советского Союза в 1991 г. (манипулятивная цель использования данной прецедентной ситуации — подтвердить предположение о том, что 2008 г. — это попытка России «отыграться», вернуть статус миро-

вой сверхдержавы, потерянный в 1991 г.); 5) притеснение грузин, живущих в России, в 2004 г. Прецедентная ситуация доказывает, что агрессия России против Грузии планировалась долгое время и не является ответом на удар Грузии.

Проиллюстрируем избранный тип прецедентных ситуаций на примере наиболее частотных и эффективных. Это — военные действия России в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., в Афганистане в 1979 г., в Чечне в 1994 г., которые определяются ИноСМИ как «имперские войны». Они потрясли мировое сообщество и резко обострили отношения между Востоком и Западом. Специалисты отмечают, что некоторые из перечисленных прецедентов не получили в истории однозначной оценки. Так, мировое сообщество решительно осудило действия СССР и его союзников в Чехословакии в 1968 г., объявив, что Советский Союз поставил мир на грань ядерной войны и представляет угрозу для глобальной стабильности. Однако российские историки утверждают, что «СССР сделал все, чтобы в мае 1968 года не возникло гражданских войн во Франции и ЧССР. Он согласовывал свои действия с США и действовал строго в рамках международных законов. США же раскачивали ситуацию во Франции и ЧССР» [<http://www.coldwar.ru/conflicts/hungary/hungary2.php>].

Тем не менее данные прецеденты используются именно в том контексте, который представляет действия России как оккупацию независимых государств, чтобы доказать неизменность политики России по отношению к другим государствам со временем. Эффективность обращения к подобным прецедентам объясняется тем, что в когнитивной базе западного читателя находятся стойкие национальные стереотипы о том, что Россия до сих пор по форме правления не отличается от Советского Союза. Кроме того, вышеперечисленные события затронули практически каждого европейского жителя, поэтому эмоциональное воздействие при обращении к ним очень сильно: *За все годы своего существования даже Империя Зла — СССР не рискнула напасть на какого-нибудь члена данного альянса. Тем более не решится на это жалкая пародия на СССР — Российская Федерация. Я чувствовал то же в декабре 1979 года, когда Советский Союз совершил вторжение в Афганистан, где, как я понял позднее, он же и дестабилизировал ситуацию. Так же было в декабре 1994 года и в сентябре 1999 года, когда начинались войны против Чечни. Хотя Афганистан — другое государство, а Чечня формально является частью России, эти войны имели, по крайней мере, две общих черты. Во-первых, это были имперские войны... Необъявленная война против Грузии стала закономерным шагом со стороны правящей в России чекистско-полицейской группировки — она была вызвана теми же*

причинами, что и афганская, и чеченские войны («Грузия online», Грузия, 19.08.2008); Путин и Медведев оправдывают свое вторжение в Грузию тем, что необходимо остановить „геноцид“ осетин грузинами. Благородный порыв, но принять это всерьез довольно сложно: уж слишком силен контраст между поддержкой права осетинского народа на самоопределение в Грузии и жестоким подавлением чеченцев, пытавшихся реализовать это же самое право в России («The Washington Post», США, 15.08.2008). При этом авторы создают особую тональность текста, усиливая эмоциональное воздействие прецедентных феноменов с помощью сарказма (Российская Федерация — жалкая пародия на СССР), содержательно размытых и негативно оцениваемых определений России как «империи зла», ее правящего состава как «чекистско-полицейской группировки» и т. д.

Западная пресса обращается не только к событиям, в которых участвовала Россия, но и к прецедентным ситуациям ведения военных действий другими государствами, осуществляемых в одностороннем порядке, в обход международного права, без учета позиций мировых держав по вопросу и характеризующихся особой жестокостью. Обращение к данным прецедентным ситуациям характеризует и способы ведения войны Россией. В их составе можно выделить следующие:

1. Имперские войны Н. Бонапарта: *Россия Владимира Путина... бонапартистская держава, намеренная господствовать над соседями и восстановить былое влияние на мировой арене. Если русские не поймут, что их наполеоновские планы обойдутся им дорого, на Грузии они не остановятся (Владимир Бонапарт // «The Wall Street Journal», США, 12.08.2008).*

2. Начало Второй мировой войны, определяющее локальный конфликт 2008 г. как предлог для установления Россией мирового господства. Избранный способ манипулятивного воздействия весьма успешен, так как на основе действительно катастрофических последствий войны 1939—1945 гг. строится гипертролизация последствий войны 2008 г.: *К чему стремится гитлеровская Россия под предводительством Путина и Медведева — хочет поджечь мир, как Гитлер? («The Washington Post», США, 11.08.2008).* При этом делается вывод, что Россия — страна, для которой человек не имеет никакой ценности, страна, потерявшая честь, — следовательно, в ответ на ее действия должны применяться самые жесткие меры наказания: *Все это напоминает историю с отторжением от Чехословакии Судетской области осенью 1938 г. Тогда Гитлер также защищал соотечественников, где бы они ни находились. Когда Невилл Чемберлен возвратился из Мюнхена после подписания сделки с Гитлером, Уинстон Черчилль ему сказал: „Вы предпochли честь миру. Вы потеряли честь и по-*

лучите войну» («The Times», Великобритания, 11.08.2008); *Только скоординированные усилия международного сообщества и жесточайшие международно-правовые санкции пока еще могут предотвратить окончательное превращение России в нацистскую Германию* («Kalev», Эстония, 15.08.2008).

3. Применение Западом военной силы по отношению к Югославии. Манипулятивная цель — определить агрессию России против Грузии как геноцид, аналогичный сербскому геноциду: *Грузия: мы избежали второго Сараево* («The Times», Великобритания, 11.08.2008); *Мы смотрели и боялись поверить, что наша Россия разговаривает с Западом его же тоном времен войны в Югославии. Боялись и не верили...* («The Washington Post», США, 15.08.2008).

4. Военные действия США в Ираке и Израиле в Ливане — также весьма частотная прецедентная ситуация. Повод для развязывания войны в Ираке оказывается таким же мнимым, как повод для войны 2008 г., истинной же целью вмешательства России в конфликт является геополитический захват власти: *В 2003 году США, Грузия, Латвия и другие государства (как теперь известно, на основании ложной и сфальсифицированной информации о якобы накопленных иракским диктатором Саддамом Хусейном запасах оружия массового уничтожения) бомбили и оккупировали Ирак. В позапрошлом году Израиль бомбил и уничтожил важнейшую гражданскую инфраструктуру в Ливане, поскольку ливанская группировка, которую не контролирует правительство Ливана, взяла в плен двух израильских солдат. Западные демократии не выразили ощутимых протестов против этих случаев. Как раз наоборот — западные демократии подтвердили, что США и Израиль могут бомбить любое государство, которое создает угрозу гибели хотя бы одному из их граждан. США и Израиль сами ввели себя в клуб государств, которые не соблюдают международное право и готовы с помощью военной силы ответить на реальную и на мнимую угрозу своим государственным интересам. 8 августа Россия сама ввела себя в клуб государств, где уже находятся Израиль и США* («Neatkarigas Rita Avize», Латвия, 12.08.2008).

Таким образом, использование прецедентных феноменов является одним из самых успешных приемов манипулятивного воздействия в ИноСМИ. Наиболее частотны и эффективны прецедентные ситуации начала Второй мировой войны, «имперских войн» России в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Чечне; действий США в Ираке. Эффективность данных прецедентов объясняется их значимостью практически для каждого западного читателя, а также тем, что они базируются на национальных стереотипах о том, что политика современной России ничем не отличается от политики тоталитарного Советского Союза.

Использование избранных прецедентных ситуаций основано на принципе пресуппозиции. Пресуппозиция предполагает обращение к уже существующей понятийной системе, к уже имеющемуся в сознании читателя знанию, на которое накладывается новая информация. Пресуппозиция выражена в текстах ИноСМИ имплицитно. Имплицитная информация, таким образом, используется авторами намеренно, для воздействия на сознание читателя, и может расцениваться как одна из тактик стратегии манипуляции.

Тактика «имплицитная информация» реализуется посредством различных коммуникативных ходов, ядерное место среди которых занимают «аллюзия», «метафора», «эвфемизм», «риторический вопрос» (являющийся по своей установке утвердительным или отрицательным суждением) и некоторые другие. В данной публикации механизм реализации тактики «имплицитная информация» анализируется на примере коммуникативного хода «метафора».

Метафора воплощается в текстах ИноСМИ с помощью полисемантической языковых средств и проявляется в том, что автор вводит в высказывание несколько смыслов, например буквальный (эксплицитный) и метафорический (имплицитный).

Метафора — языковое явление, объединяющее две понятийные сферы, одна из которых присутствует в сознании как пресуппозиция (понятийная сфера-источник метафоры), а другая является новой информацией, которая наложена на уже существующую и выражена имплицитно. При этом если в сознании человека сформировано негативное отношение к определенному понятию, его признаки, перенесенные в иную понятийную сферу, будут имплицитно формировать негативное отношение и к новому понятию [см. Чудинов 2001].

Вслед за А. П. Чудиновым, С. И. Берневой, М. Л. Махлаевой, Е. И. Шейгал мы выделяем следующие метафоры, характерные для публицистического печатного дискурса: антропоморфные (физиологическая, морбиальная метафора; метафора, связанная с психическими установками человека); социальные (криминальная, военная — военные конфликты «Россия и Афганистан», «Россия и Чечня», «Россия и Вторая мировая война»; театральная метафора, метафора родства, игры и спорта); метафоры природы (метафора стихии, зооморфная метафора) и артефактные метафоры (метафора дома, механизма, одежды, кулинарная метафора). В основе этой классификации лежит определенная сфера-источник, к которой обращается метафора [Чудинов 2001; Бернева, Махлаева 2010; Шейгал 2000].

Антропоморфная метафора, понятийная сфера-источник которой — человек, может имплицитно соотносить действия держав в военном конфликте и сам военный конфликт с фи-

физиологическими свойствами человека, его психическим состоянием, болезнью, поведением и т. д. Менее изученные, но наиболее яркие, на наш взгляд, антропоморфные метафоры — это сексуальная метафора и метафора «ребенок».

В метафоре «ребенок» тактика «имплицитная информация» реализуется следующим образом. Например, цель статьи — сформировать в сознании читателя мысль о том, что поведение политических лидеров в военном конфликте — это поведение детей. В качестве пресуппозиции автор выбирает понятийную сферу-источник «ребенок» (его характер или поведение) и описывает через нее действия политических лидеров в военном конфликте, отбирая в качестве языковых средств те лексемы и группы слов, которые характеризуют обычно сферу-источник. В результате посредством аналогии вводится новая, имплицитно выраженная информация. В частности, это относится к интерпретации действий М. Саакашвили американскими СМИ. Если российские СМИ определяют действия Саакашвили как геноцид, то американские, напротив, стремятся представить их как ошибки не думающего о последствиях ребенка: *Проблема молодого и „зеленого“ грузинского президента состояла в том, что он вовсе хотел быть самостоятельным и пользоваться всеми теми благами, которыми пользуются независимые политики мира — президент Франции или канцлер Германии, например... Играл в солдатиков, одетых и обутых на американские деньги, двигал вперед и назад красивую военную технику. За один день выгнал из страны строптивого князя Абашидзе, за что его погладили по голове. Воспитанный и обласканный Вашингтоном и Европой, живущий в тепличных условиях типичного кавказского вассала, Саакашвили со временем начал терять чувство страха и осторожности* («Abkhaziya.org», Грузия, 14.08.2008).

Метафора «ребенок» используется в ИноСМИ для упрека европейским державам, не желающим признавать Россию виновной в конфликте или недооценивающим последствия ее агрессивных действий. В этом случае метафора передает имплицитную информацию о том, что поведение некоторых стран в вопросах урегулирования военного конфликта — это поведение наивных детей: *Так что если и можно сделать какие-то практические выводы из этой ситуации, то они таковы: во-первых, надо как следует рассчитывать свои силы, во-вторых, перестать, наконец, капризничать и приступить к созданию сильной Европы* («Gazeta Wyborcza», Польша, 12.08.2008).

Сексуальная метафора также ярко иллюстрирует, как реализуется тактика «имплицитная информация». В том случае, если в качестве пресуппозиции выбирается понятийная сфера-источник «сексуальное насилие», цель статьи — имплицитно выразить идею о том, что

поведение России в военном конфликте аморально аналогично поведению насильника. Данная понятийная сфера часто используется американскими СМИ, наиболее открыто, категорично и экспрессивно выражающими негативное отношение к действиям России: *Изнасилование Чечни было жестоким, но сейчас происходит самый бесстыдный акт путинского правления* («The Wall Street Journal», США, 12.08.2008).

Особым воздействием на читателя обладает сексуальная метафора, используемая в заголовках, так как заголовок интенционально важен: он дает первичное представление о теме статьи, служит для привлечения внимания и содержит в себе основную мысль текста. Так, например, заголовок *Насилюя Грузию, Россия нападает на американского союзника* («New York Post», США, 12.08.2008) образно описывает действия России как действия хладнокровного и расчетливого преступника, для которого нападение на Грузию не просто несимметричный ответ на ее удар, но тщательно продуманный ход, ведущий в результате к ослаблению позиций США. При этом языковое выражение сексуальной метафоры «насилюя Грузию» содержит имплицитный смысл «Грузия — жертва насилия». Это утверждение неоднократно подкрепляется в тексте статьи такими определениями, как *мужественное государство; маленькая, независимая, демократическая, прозападная страна; маленького бьют* и т. п. («New York Post», США, 12.08.2008; «День», Украина, 10.08.2008).

Таким образом, антропоморфная метафора, в частности метафора «ребенок» и сексуальная метафора, имплицитно характеризует действия держав в военном конфликте и сам военный конфликт через физиологические свойства, психологическое состояние и поведение человека.

Приведенные в качестве примеров и многие другие тексты, посвященные южноосетинско-грузинскому конфликту, дают основание для следующих выводов.

1. Публикации ИноСМИ представляют собой дискурс, являющийся орудием информационной войны, и характеризуются осознанным воздействием на читателя. Скрытое воздействие чаще всего осуществляется посредством стратегии манипуляции. К числу наиболее эффективных тактик и стратегий манипуляции считаем обоснованным отнести использование прецедентных ситуаций, мифов, метафорических моделей, формирующих образ России как агрессора, тоталитарной державы.

2. В качестве мифов-нарративов в ИноСМИ чаще всего выступают мифы о различных тоталитарных государствах, в которых политика современной России отождествляется с политикой тоталитарных режимов XX в. (режим Сталина, Гитлера), а также с политикой Советского Союза в отношении других государств.

3. К наиболее эффективным приемам манипулятивного воздействия также относится использование прецедентных ситуаций, относящихся к политике тоталитарных государств прошлого (прецедентные ситуации начала Второй мировой войны, «имперских войн» России в Венгрии, Чехословакии, Афганистане, Чечне).

4. В публицистическом дискурсе, являющемся орудием информационной войны, наиболее частотны метафоры, имплицитно выражающие идею о том, что Россия — бесконтрольная, разрушительная стихия (метафоры неживой природы); ее военные действия — жестокий и бездушный механизм (артефактные метафоры); политические лидеры страны — игроки, актеры, криминальные авторитеты (различные метафоры, относящиеся к социальной сфере-источнику: метафоры игры и спорта, театральные, криминальные метафоры).

Таким образом, в результате манипулятивного воздействия в сознании западного читателя формируется представление о России как о государстве, составляющем оппозицию всему миру с его гуманными ценностями. Россия характеризуется как антагонист, Запад — как протагонист, Грузия — как жертва военного конфликта.

Специалисты признают, что в военном конфликте 2008 г. Россия потерпела информационное поражение, несмотря на эффективность физических методов ведения войны [Шатило, Шорин 2008: 18—23]. Однако во время южно-осетинско-грузинского конфликта были выработаны некоторые успешные средства защиты, к которым, в частности, относятся приемы речевой стратегии аргументации, имеющей практически нулевой уровень конфликтности и направленной на объективный анализ проблем. Публицистический дискурс 2009—2011 гг. демонстрирует изменение представлений о конфликте: он осмысливается в жанре интервью, предполагающем не безапелляционные заявления о вине одной стороны, а рассмотрение различных мнений; появляются комментарии не только западных, но и российских экспертов. В результате категоричное отношение западного читателя к России как агрессору сменяется размышлениями о том, что Россия по гуманным причинам не могла не вступить в конфликт. Однако, несмотря на изменение отношения западного общества к конфликту, при обсуждении других социально значимых проблем пресса

часто использует события 2008 г. как прецедент, дискредитирующий Россию. Изучение текстов ИноСМИ позволяет говорить об эффективности некоторых ответных ходов России, но и о недостаточности их для защиты от информационной атаки на должном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

Бернева С. И., Махлаева М. Л. Особенности использования метафор в современной отечественной прессе. — М.: МГУ, 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec16.pdf.

Добросклонская Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 85—94.

Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : моногр. — М.: Ин-т языкознания РАН ; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.

Лавриненко Т. А. Прецедентный мир «Великая отечественная война» в русской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2008.

Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в заливе // Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006. С. 59—71.

Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М.: Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2000.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2001.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М., 2009.

Ульяновский А. В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. — СПб.: Питер принт, 2005.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 — 2000). — Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.

Шатило Я. С., Шорин И. Ю. Психологические аспекты информационной войны // Информационная безопасность регионов. — Саратов, 2008. № 1. С. 18—23.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.

Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса. — Саратов, 2000. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00htm>.

<http://www.coldwar.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

N. N. Koshkarova
Chelyabinsk, Russia

**ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ (18 МАЯ 2011 Г.):
СТИЛИСТИКА И РИТОРИКА ТЕКСТА**

**PRESS CONFERENCE
OF RUSSIA'S PRESIDENT (MAY, 18 2011):
TEXT-ORIENTED STYLISTICS AND RHETORIC**

Аннотация. Анализируется текст пресс-конференции президента России. Параметры исследования включают: 1) общую тональность; 2) грамматические особенности; 3) оценочность через употребление метафор. Выделенные параметры представляют собой средства речевого воздействия в языке политики.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the press conference text of Russia's President. The elements of analysis include: 1) general tone; 2) grammatical peculiarities; 3) assessment through metaphor usage. The above-mentioned elements function as means of speech influence in the language of politics.

Ключевые слова: пресс-конференция; подъязык; речевое воздействие; сигналы тревоги; нейтрализация тревожного эмоционального фона; грамматические конструкции; личные местоимения; метафорические модели.

Key words: press conference; Language for Special Purposes (LSP); speech influence; signs of alarm; neutralization of uneasy emotional background; grammatical constructions; personal pronouns; metaphorical models.

Сведения об авторе: Кошкарлова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций.

About the author: Koshkarova Natalya Nikolayevna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Place of employment: the South-Ural State University.

Контактная информация: 454000, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования.
e-mail: nkoshka@rambler.ru.

Целью настоящего исследования является анализ текста пресс-конференции президента России 18 мая 2011 г. с точки зрения употребления языковых средств для достижения наибольшего иллюкативного эффекта и выделения структурных особенностей данного речевого произведения. Для реализации указанной цели предлагаем провести исследование текста пресс-конференции по следующим параметрам: 1) общая тональность; 2) грамматические особенности; 3) оценочность через употребление метафор. При этом текст пресс-конференции рассматривается как функционирующий в рамках так называемого языка политики, который в свою очередь рассматривается Е. И. Шейгал [Шейгал 2000] как один из профессиональных подъязыков — вариантов общенационального языка.

Термин *подъязык* существует в лингвистической науке несколько десятилетий, за это время он претерпел трансформацию объема и наполняемости семантики, изменились отношения между анализируемым феноменом и общенациональным языком, литературным языком. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева [Суперанская 1989] отмечают, что термин *подъязык* появился в 60-е гг. Им стали обозначать совокупность языковых (преимущественно лексических) средств, используемых в текстах данной тематики. Впервые четко обосновал положение о необходимости разгра-

ничения внутреннего ядра лексики и «всего прочего состава языка» В. В. Виноградов [Виноградов 1947]. Подъязык, с одной стороны, богаче общего языка за счет специальных слов, а с другой — беднее вследствие использования лишь части выразительных средств общего. Таким образом, подъязык — это особая форма существования языка с ярко выраженной профессиональной направленностью, что приводит к «одностороннему» развитию его выразительных средств. В нем разрабатываются, причем ускоренными темпами, лишь те элементы языка, которые необходимы в данной профессиональной деятельности. К специальным подъязыкам относится все то, что выходит за пределы общего употребления, отраженного в литературном языке и в бытовом общении. Л. И. Баранникова и С. А. Массина [Баранникова 1993: 4] предлагают под термином *подъязык* понимать «один из вариантов реализации общенационального языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях как официального, так и неофициального общения». В. В. Раскин [Раскин 1971] подъязыком называет подсистему, которая предполагает наличие определенной группы людей, использующих ее в качестве естественного средства общения. В случае с языком политики ситуация выглядит следующим образом. По мнению Е. И. Шейгал [Шейгал 2000], особенностью языка политики как специального подъязыка является доступность для понима-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кошкарлова Н. Н., 2011

ния практически всеми членами языкового общества по причине деспециализации политических терминов. Автор отмечает, что в политике общение ориентировано на массового адресата, язык политики тем самым оказывается лишенным корпоративности, присущей любому другому подъязыку.

Невозможно отрицать и то, что язык политики, в отличие от других профессиональных языков, имеет в своем арсенале большое количество выразительных средств для выполнения своей функции, состоящей в речевом воздействии на массового адресата. Речевое воздействие в современной политической коммуникации имеет огромное значение по причине того, что общение здесь будет определяться тем типом деятельности, который организован в каждом конкретном случае. В связи с изменением общественной ситуации трансформируется и стиль взаимодействия главы государства с народом, со своими подчиненными, оппонентами. С. А. Чубай [Чубай 2008] отмечает, что необходимость воздействовать на адресата в изменившихся социальных условиях определила отход политика от позиций «вышестоящего», «вещающего» и стремление сблизиться с народом, стать с ним «равным», «своим». В связи с анализом форм взаимодействия главы государства с подчиненными и народом на первый план выходят положения современной науки о речевом воздействии.

И. А. Стернин [Стернин 2001] указывает, что в активно формирующемся в современном научном пространстве направлении изучения эффективного общения выделяются следующие основные разделы:

- речевое воздействие в публичной речи, адресованной «живой» аудитории;
- речевое воздействие в межличностном общении;
- речевое воздействие в условиях массовой коммуникации.

В анализируемом нами материале с разной полнотой реализуются все три направления речевого воздействия на адресата: политик в представленном формате общения с партнером по коммуникации обращается к живой аудитории; общение происходит в межличностной форме; анализируемый нами формат общения политика с аудиторией принадлежит к разделу массовой коммуникации. Речевое воздействие в исследуемом материале будет иметь свою специфику ввиду эмоционального отношения коммуникантов друг к другу, столкновения ценностных ориентаций и интересов участников общения, эмоциональности анализируемого типа интеракции. На наш взгляд, в анализируемой форме общения политика с аудиторией является особенно важным, так как в данном случае наиболее ярко будут проявляться статусные роли собеседников, отличия в их социальном опыте, степень речевой культуры, т. е.

все факторы, которые в той или иной степени влияют на успех/неуспех коммуникации.

Очевидно, пресс-конференция представляет собой эффективный механизм речевого воздействия на массовое сознание. И. А. Стернин [Стернин 2001] отмечает, что важным аспектом в изучении речевого воздействия является анализ механизмов коммуникативного взаимодействия: в частности, речевое воздействие рассматривается как инструмент социальной власти или тип социальной коммуникации. Существенным является также представление о том, какими средствами при планировании речевого воздействия адресант моделирует содержание сознания адресата. Другим аспектом изучения проблемы является исследование речевых средств и функций языка, которые могут использоваться при воздействии, в частности анализ семантических и денотативных элементов текста.

На наш взгляд, изучение репертуара средств речевого воздействия укладывается в уже описанную выше схему анализа, который включает в себя рассмотрение следующих элементов: 1) общей тональности; 2) грамматических особенностей; 3) оценочности через употребление метафоры. Предложим характеристику каждого из выделенных параметров.

Прежде чем описывать приемы создания общей тональности анализируемого текста, сделаем ремарку по поводу жанровой принадлежности пресс-конференции. На наш взгляд, пресс-конференция является вторым по продуктивности (после интервью) диалогическим жанром, так как данный вид текста преследует вполне конкретную и реализуемую с разной степенью успешности цель — трансформацию информационного и эмоционального состояния адресата. Приведем список свойств диалога, выделенных Т. Н. Колокольцевой [Колокольцева 2000]:

1. Антропоцентричность.
2. Демократизм.
3. Коммуникативный эффект.
4. Прагматический потенциал.
5. Экспрессивный потенциал.
6. Неожиданность, непредсказуемость.

Все эти черты присущи пресс-конференции президента как особому типу информационного диалога, специфичность которому добавляет сужение диапазона стиливых регистров, примитивизация понятий, превращение массово-информационного дискурса в форум для всего населения [Карасик 2010]. В анализируемом тексте используются такие речевые формулы, которые добавляют определенную конфликтность процессу общения: *Вы правильно сказали, эта процедура не должна быть бессмысленной, она не должна быть обременительной, она не должна быть просто дурацкой, которая всех ставит в очень неудобное положение.* <...> ...— я получаю информацию непосредственно от людей, через Сеть, че-

рез блоги, через Твиттер, через любые другие ресурсы. И, как вы знаете, там **режут правду-матку**. Создание такого специфического дискурса в рамках пресс-конференции влияет на общую тональность и риторику выступления, которые иногда носят деструктивный характер.

В. И. Карасик [Карасик 2010] обращает внимание на то, что риторика Д. А. Медведева ориентирована на сигналы тревоги. Находим подтверждение этому и в анализируемом тексте: *Модернизация — это не просто поступательное развитие, закрепление тех успехов, которые мы сделали (а они были за последние десять лет); это все-таки качественное изменение ситуации. Я абсолютно уверен, что мы пока еще этого не достигли, но это не значит, что нужно менять знамена, говорить о новой волне модернизации или еще о чем-то. <...> Добились ли мы чего-то сверхъестественного? Нет, не добились. <...> Как обстоят дела в Москве, все знают: обстоят очень плохо* (вопрос о парковках — Н. К.). *И теперь в отношении цен на бензин. <...> Вы понимаете, почему растут цены на бензин. Совершенно понятно, что это связано с общим ростом цен на нефтепродукты. И наше правительство действительно предпринимает усилия для того, чтобы справиться с этим. Но не все усилия, даже правительства, способны принести результат. Где-то это может быть сговор, это вполне вероятно. Но в принципе это отражение неких объективных тенденций на нефтяном рынке. Поэтому мы должны понимать, что наши усилия по регулированию не всегда приносят успех. <...> Тем не менее правительство имеет и все полномочия, и все инструкции от меня для того, чтобы этим вопросом заниматься и стараться все-таки сбивать цены на нефтепродукты, на бензин. Как? Понятно как: к сожалению, ничего другого, кроме ограничительных мер, я предложить не могу, и правительство этим правом воспользовалось. <...> Будем этим заниматься, но это непростая проблема. <...> Россия является членом Суда (Европейский суд по правам человека — Н. К.), подписала все документы и обязана их выполнять. Мы и дальше будем так поступать. Для нас членство в европейских институтах является исключительно важным. При этом мы не можем не видеть и некоторые трудности, с которыми мы сталкиваемся, потому что мы, скажем так, формирующаяся демократия, у нас достаточное количество проблем. <...> Действительно, развитие северокавказских республик является одним из наших приоритетов именно потому, что ситуация там все-таки существенно сложнее, чем в других территориях. И связано это с самыми разными причинами. <...> Я, знаете, вот что скажу: то, что произошло*

у вас (события в Куцевской — Н. К.), — это большая трагедия, в то же время очень важно, чтобы из этого были извлечены уроки, и в этом плане внимание, которое было приковано к этому делу и до сих пор остается таковым, — это все-таки, если хотите, символ изменений, потому что за то, что произошло, все-таки большое количество людей понесло ответственность, чего раньше никогда не было, во всяком случае последние лет 30—40. И, несмотря на то что ситуация не идеальна, я все-таки считаю, что это пошло на пользу и МВД, и другим структурам, и местные начальники стали голову чесать по поводу того, что происходит. <...> К сожалению, на Дальнем Востоке происходит отток населения. Где-то, кстати, нам удалось его приостановить, но где-то он продолжается. <...> Нужно было заниматься, если хотите, более тонким внутриправительственным дью-дилидженсом, если говорить бизнес-языком. И это, мне кажется, не было сделано, что в конечном счете привело к осложнениям, к столкновениям с другими акционерами (вопрос о сделке по обмену акциями между Роснефтью и Бритиш Петролиум — Н. К.). *<...> Ну а неудачи и недостатки... Я думаю, что здесь ответ очевиден. Мы не добились кардинального улучшения положения наших людей. Мы развивались, но развивались не так быстро, как нам бы хотелось. Мы занимались решением социальных вопросов, но у нас еще очень много проблем: у нас высока бедность, у нас есть люди, которые живут за границей соответствующих критериев, их приблизительно 13 процентов. Это много для такой страны, как наша, хотя, напомню, еще некоторое время назад их было около 30 процентов. Тем не менее это очень серьезная повестка дня. Мы не смогли диверсифицировать ситуацию в экономике так, как нам бы хотелось. Мы не смогли уйти от сырьевого роста. Мы не смогли изменить в достаточной мере инвестиционный климат.* Как видно из приведенных примеров, тревожность и озабоченность по поводу создавшегося положения передается в тексте пресс-конференции посредством лексических единиц с оценкой «плохо, тревожно», сем с отрицательной коннотацией, отрицательных конструкций. Справедливости ради необходимо отметить, что общая ситуация в стране, некоторая стабилизация напряженной обстановки вносит коррективы в общую тональность выступления президента, и мы можем говорить о нейтрализации тревожного эмоционального фона анализируемого текста. Находим этому подтверждение в тексте пресс-конференции: *Отношения с НАТО в настоящий момент, на мой взгляд, не самые плохие. <...> Я считаю, что мы все-таки за последние годы, развивая и этот национальный приоритет, и потом,*

приняв программу развития села, развития агропромышленного комплекса, **сделали неплохой задел**. <...> **Ведь за прошлый год почти не было серьезных банкротств на селе**. <...> **Я считаю, что наши отношения превосходные, как прямо говорят мои партнеры из Китайской Народной Республики, руководство Китая: может быть, у нас никогда не было таких продвинутых и добрых отношений**. <...> **Но в том, что касается подготовки, мне кажется, работают они неплохо, готовятся тоже неплохо. Шансы хорошо выступить у нас есть и в 2012 году, и, конечно, в 2014 году. Для этого выделены и средства, и много решений важных принято**. <...> **Это не повод для того, чтобы предаваться унынию, но это повестка дня для будущей работы**.

Анализ языкового материала показывает, что нейтрализация тревожного эмоционального фона тесным образом связана с грамматическими особенностями анализируемого текста. С целью снятия стилистики напряженности своего выступления и желания стабилизировать общую ситуацию в стране Д. А. Медведев дает конкретные обещания народу по изменению положения дел с использованием глагольной лексики «будет, будут»: **И в этом плане, надеюсь, что Сколково будет именно таким важнейшим звеном модернизации, важнейшим, но, конечно, не единственным**. <...> **Поэтому эта работа проводится и будет проводиться** (создание кадрового резерва — Н. К.). <...> **Мы (Россия — НАТО — Н. К.) поставили важные вопросы, мы договорились о том, что будем сотрудничать по самым важным стратегическим направлениям повестки дня, включая Афганистан, борьбу с терроризмом, борьбу с наркотрафиком**. <...> **Мы будем это делать** (дотации северокавказским республикам — Н. К.) **до тех пор, пока там не возникнет нормальная экономическая ситуация**. <...> **И этого (создания единого безвизового пространства — Н. К.) я буду добиваться, потому что я считаю, что это залог успешного развития экономических отношений с Евросоюзом и другими странами Европы**. <...> **Россия будет содействовать любым процедурам, которые основаны на законе, в том числе и тем процедурам, которые проходят в Швейцарии**. <...> **О чем мы договорились? О том, что представители интернет-сообщества встретятся по моему поручению с руководством МВД и ФСБ и обсудят юридические и организационные механизмы, которые можно было бы здесь выработать. Это будет и правильно, и справедливо**. <...> **Не за год, не за два, но принесут, я имею в виду две программы: одна из них касается развития железнодорожного транспорта на период до 2030 года, а вторая касается транспортной стратегии, ФЦП развития транспорта на период до 2015 года. Эти**

программы многомиллиардные, и они будут реализовываться. <...> **Мы и дальше будем на это тратить деньги и обязательно будем развивать соответствующие программы** (программы по развитию северного оленеводства и табунного коневодства — Н. К.).

С целью предотвращения конфликтов различного рода Д. А. Медведев усиливает свою роль как руководителя государства и необходимость исполнения подчиненными его поручений за счет использования конструкции «модальный глагол + инфинитив»: **Что надо делать: надо развивать новые возможности, надо создавать новые дороги, надо принимать разумные решения по регулированию дорожного движения**. <...> **Но мы должны для этого пройти по той дороге, которую сами для себя выбрали, ничего страшного в этом не вижу, и в конечном счете уже принять решение о том, какой способ формирования избрать**. <...> **Поэтому я считаю, что каждый должен делать то, что сегодня может**. <...> **Поэтому эти решения должны быть выполнены до конца, и поэтому на них тратятся весьма немаленькие средства**. <...> **Почему я об этом вспомнил: нам к этому нужно стремиться, нам нужно стремиться к тому, чтобы в повседневной жизни использовались такие технологии, чтобы легко было получить свидетельство о праве собственности, зарегистрировать необходимые документы, договоры, — для того, чтобы общение с бюрократическими инстанциями проходило таким образом: через компьютер, через айпад, — чтобы не нужно было выстраивать очереди**.

Как следует из приведенных примеров, в тексте пресс-конференции часто используются личные местоимения в парадигме «мы-инклюзивное»: **Модернизация — это не просто поступательное развитие, закрепление тех успехов, которые мы сделали** (а они были за последние десять лет); **это все-таки качественное изменение ситуации**. <...> **Добились ли мы чего-то сверхъестественного?** <...> **Поэтому мы должны понимать, что наши усилия по регулированию не всегда приносят успех**. <...> **Мы же все за политическую конкуренцию, мы все не хотим, чтобы у нас была одна партия, которая за всех все решает**. <...> **Все мы живем в одной стране**. На наш взгляд, прагматический потенциал подобного рода грамматических особенностей текста заключается в вовлечении целевой аудитории в круг обсуждаемых проблем, в создании чувства приобщенности, единения и значимости всех и каждого как гражданина страны, что приводит к трансформации эмоционального состояния адресата.

Однако во время пресс-конференции президент часто использует личное местоимение «я», подчеркивая тем самым важность лично-

сти руководителя государства в решении тех или иных вопросов, указывая на причастность и личную заинтересованность в судьбе страны и каждого отдельного человека, предлагая отчет о проделанной работе: *Это, как мне представляется, разумное в настоящий момент решение, которое позволит эту процедуру превратить в достаточно формальную.* <...> *Единственное, в чем я вижу действительно, может быть, свою прямую заслугу: я уверен, что после моего визита в садоводческое товарищество „Гвоздика“ газ там появился.* <...> *Я все-таки надеюсь, что остаюсь в этом смысле вполне здравомыслящим человеком, который видит жизнь не сквозь розовые очки, а знает ее вполне, что называется, в земных категориях. Я действительно много езжу. Я, наверное, первый руководитель Российского государства, который посетит все территории, все субъекты федерации в нашей стране.* <...> *Когда нам говорят: это направлено не против вас, — я это принимаю к сведению, но понимаю, что другие страны, которые в данном случае имеются в виду, такими возможностями, как Россия, пока не располагают и вряд ли в ближайшие годы будут располагать.* <...> *Я мог решение принять о том, чтобы все ветераны получили жилье, — и такое решение я принял.* <...> *И, понимаете, я не смогу за несколько дней или месяцев набрать новые правоохранительные структуры. Они должны меняться, но они должны меняться постепенно.* <...> *Тех, кто скомпрометировал себя, тех, кто совершил проступок или просто не уследил за ситуацией, надо менять. Я это делаю. Если Вы следите за ситуацией, то, по-моему, за последние несколько месяцев такое количество милицевских начальников, которых я сменил, — наверное, никогда в истории нашей страны этого не происходило.* <...> *Я с самого начала сказал, что считаю очень важным, чтобы каждый человек, находящийся на высокой должности, чувствовал свою ответственность. Я исхожу из того, что все начальники, в том числе и те, о которых Вы говорите, они все-таки стараются работать качественно, но это не значит, что они будут вечно сидеть на своих креслах. Очевидно, что за ошибки необходимо платить. И, по-моему, за последние несколько лет примеров тому было весьма немало. И в будущем при принятии определенных решений, конечно, я буду исходить из этого же.* <...> *Резолюция по Сирии. Я не поддерживаю такую резолюцию, даже если меня об этом будут просить мои друзья и приятели.*

В анализируемом тексте широко представлены различные метафорические модели, исследование которых важно для создания общей теории политического дискурса, так как, по мнению А. П. Чудинова [Чудинов 2003], анализ функционирующих в политической сфере ме-

тафорических моделей может способствовать выявлению тенденций развития данного типа дискурса и помогает определить степень влияния социальных изменений на функционирование языка. Пресс-конференция 18 мая 2011 г. показательна тем, что в ней часто используется метафорическая модель театра (представления) и игры для описания политической жизни и ее отличий от сценической постановки с хорошо продуманным сценарием и набором соответствующих эффектов. При ответе на вопрос об участии или неучастии в президентских выборах 2012 г. Д. А. Медведев сказал следующее: *Ну, наконец-то Вы задали этот вопрос. (Смех.) Я надеялся, что он первый будет, но он прозвучал всего лишь четвертым.* <...> *Понимаете, политическая жизнь — это не только шоу и даже совсем не шоу, это довольно сложная работа (я имею в виду политическую деятельность), довольно сложная работа, которая, на мой взгляд, как и на взгляд большого количества других людей, занимающихся практической политикой, подчиняется определенным технологиям, которые надо соблюдать.* <...> *Мы занимаемся практической политикой не ради того, чтобы согреться, а ради того, чтобы добиться успеха. Поэтому такого рода решения должны делаться именно в тот момент, когда уже созрели для этого все предпосылки, когда это будет иметь окончательный политический эффект. Именно поэтому я считаю, что для того, чтобы объявить о таких решениях, нужно выбирать несколько иные форматы, чем пресс-конференция, хотя это и очень красиво выглядит, и выглядит, может быть, очень заманчиво. Но тем не менее такие решения должны приниматься несколько иначе и объявляться несколько иначе.* <...> *Поэтому что бы я ни слышал на эту тему о том, что в одной стране уже сделаны заявления, в другой стране сделаны заявления, а в нашей стране молчание на эту тему, еще раз подчеркиваю: все это должно подчиняться определенному, вполне разумному сценарию. Но это не значит, что это может продолжаться бесконечно. Конечно, у избирательного жанра есть свои законы, и этим законам буду следовать и я. Посредством метафоры оратор стремится донести до аудитории мысль о том, что политика настолько серьезное дело, что здесь важно четкое планирование и обдумывание действий на несколько ходов вперед, а с этой целью необходим скорректированный и скоординированный план действий для предотвращения сбоев в деятельности страны, президента и правительства.*

Для описания действий последнего в тексте пресс-конференции вводится метафорическая модель организма (болезни): <...> *Правительство работает, как слаженный организм, и поэтому выдергивать из него отдельные звенья просто не очень правиль-*

но. На серьезность происходящего в стране указывает и тот факт, что президент снимает с себя обязанности того, кто по мановению волшебной палочки может решить все проблемы — за каждым решением и его выполнением стоит долгая, кропотливая работа: **Нет, я, конечно, не волшебник, хотя я стараюсь принимать решения, которые от меня ждут люди. И в этом смысле это обязанность любого руководителя.** Как уже было сказано выше, деятельность политиков в анализируемом материале описывается с помощью метафорической модели игры, однако президент дистанцируется от представления своей работы как игры по правилам или без: *Давайте еще раз порассуждаем о политической ситуации. Я, отвечая на вопрос нашей коллеги из „Независимой газеты“, сказал, что любые политические решения должны быть, на мой взгляд, четко просчитаны. Это же не игрушки. В наших руках действительно судьбы огромного количества людей. Это не могут быть фантики или какие-то вещи, которые мы принимаем просто, для того чтобы слегка потешить собственные амбиции. И решения о том, баллотироваться или нет, должны основываться на этом.*

Страна, как любой организм, иногда дает сбои, подвержена разного рода болезням и недугам, но всегда найдется врач или лекарство, действие которых будет благотворно для дальнейшего функционирования человека и целого государства. В ходе пресс-конференции Д. А. Медведев позиционировал свои действия (в частности, поездки по разным регионам России) как меры по предотвращению возникновения негативных явлений: *Я действительно много езжу. Я, наверное, первый руководитель Российского государства, который посетит все территории, все субъекты федерации в нашей стране. Это помогает разбираться в проблемах. Это, если хотите, такая прививка.* Страна, как и человек, не может жить вне окружающей среды, не испытывать на себе влияние природы и не изменять мир вокруг себя. Неслучайным является использование метафорической модели природы в рамках анализируемой пресс-конференции для описания политической обстановки и тандема Медведев — Путин. На вопрос В. Кондратьева об отношениях с коллегой и политическим партнером В. Путиным президент дал следующий ответ: *Что бы там*

иногда ни говорили на эту тему, но у нас очень близкие подходы к ключевым вопросам развития страны. Но это не значит, что мы совпадаем с ним во всем, так не должно быть. Это было бы очень скучно, да и просто неправильно. Каждый человек имеет право на собственные ощущения и на собственные подходы. Но в стратегии мы близки, иначе бы мы просто не смогли работать. А если бы мы не смогли работать, то вот это политическое партнерство бы распалось, и сегодня у нас был бы другой политический ландшафт.

Таким образом, текст пресс-конференции обладает своими структурными особенностями, которые определяются его функционированием в рамках политического дискурса, положением дел в стране (мире), а процессы, происходящие в обществе, в свою очередь, находят отражение в языке и речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова Л. И., Массина Л. А. Виды специальной лексики и их экстралингвистическая обусловленность / Саратов. ун-т // Язык и общество. — Саратов, 1993. Вып. 9. С. 3—15.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
- Карасик В. И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когнитивная : коллективная моногр. — Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. С. 164—183.
- Колокольцева Т. Н. Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве (на материале средств массовой информации) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. ун-т. — Саратов, 2000. С. 50—56.
- Раскин В. В. К теории языковых подсистем / Моск. ун-т. — М., 1971.
- Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. — М.: Наука, 1989.
- Чубай С. А. Диалогичность как сущностное свойство современной политической рекламы // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2008. № 1 (7). С. 40—43.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 808.5

ББК Ш7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

И. В. Култышева

Нижний Тагил, Россия

I. V. Kultysheva

Nizhny Tagil, Russia

**ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ
В ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТАХ**

(на примере теледебатов агитационной кампании
в Областную думу Законодательного собрания
Свердловской области 2010 года)

**PECULIARITIES OF ARGUMENTATION
IN ELECTION CAMPAIGN TV DEBATES**

(on the basis of the TV debates
of the 2010 election campaign to the regional Duma
Legislative Assembly of Sverdlovsk Region)

Аннотация. Агитационный потенциал предвыборных теледебатов анализируется с точки зрения существующих типов аргументов. Аргументы разделены на три основные группы, выявлены доминирующие аргументы представителей каждой партии, принимающей участие в предвыборных теледебатах.

Ключевые слова: предвыборные теледебаты; аргументация; доказательство; убеждение; аргумент.

Сведения об авторе: Култышева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: chur-irina@yandex.ru.

Abstract. Agitation potential of the election campaign TV debates is analyzed from the point of view of the existing types of argumentation. The arguments are divided into three main groups, dominating arguments of every political party that takes part in the elections, are singled out.

Key words: election debates; argumentation; proof; persuasion; argument.

About the author: Kultysheva Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of PR and Advertising.

Place of employment: the Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Статья заняла 2 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная лингвистика» (2011 г.) в номинации «Политическая коммуникация»

Заметный интерес к проблемам аргументации в политических текстах возник в связи с широким развертыванием процессов демократизации общественной жизни в нашей стране. Это создало благоприятные условия для взаимного обмена мнениями между представителями различных партий, блоков и движений. Столкновение разных мнений неизбежно приводит к спорам, дискуссиям и полемике. Чтобы защитить в них свою позицию, необходимо уметь убеждать оппонентов и слушателей, приводить весомые аргументы в пользу своих утверждений и выдвигать контрдоводы оппонентам. Все это требует не только основательного знакомства с сущностью обсуждаемого вопроса, но и высокой логической, философской, психологической, лингвистической, риторической и этической культуры.

Для реализации основных задач воздействия используют различные формы аргументации. Т. В. Анисимова называет три такие основные формы: **доказательство**, **внушение** и **убеждение**. Исследователь поясняет: «Доказательство — понятие преимущественно логическое. Это совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений. Тем самым, задача доказательства — уничтожение сомнений в правильности

выдвинутого тезиса. Внушение — понятие психологическое. Это навязывание готового мнения адресату путем воздействия на подсознание. Тем самым, задача внушения — создать у адресата ощущение добровольности восприятия чужого мнения, его актуальности, привлекательности. Убеждение предъясняет как рациональные аргументы, так и эмоциональные, обращается к разуму, но влияет и на чувства аудитории, апеллирует как к истине, так и к мнению слушателей, показывает все возможности, выгоды и преимущества своего варианта решения проблемы, добивается, чтобы аудитория поверила сказанному и восприняла его как руководство к действию» [Анисимова 2000: 18].

Характеризуя явление аргументации, исследователи приходят к выводу, что доказательство представляет ее центральную часть, поскольку содержательная, эффективная и целесообразная речь есть только производная от мыслительной деятельности человека. Нельзя построить удачный текст, если логически не сформулированы идея и замысел, без логической основы речь становится несодержательной, приукрашенной и производит впечатление глупой. Сначала тренируется сознание, потом, как его производная, тренируется речь [Зарецкая 2007: 12].

Аргументация осуществляется на основе существующих схем или типов рассуждений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Култышева И. В., 2011

Задача доказательства как способа аргументации — исчерпывающе утвердить обоснованность доказываемого тезиса. В доказательстве речь идет о полном подтверждении, связь между аргументами и тезисом должна носить *логически необходимый* характер. По своей форме доказательство — *логически необходимое умозаключение* или цепочка таких умозаключений, ведущих от истинных посылок к доказываемому положению.

Теледебаты как избирательная технология в России появились сравнительно недавно, но уже сейчас играют важную роль в выборной кампании, являясь ее необходимым элементом. Считается, что нередко именно успешное выступление политика на теледебатах влияет на результаты голосования. Коммуникативная цель теледебатов — побудить адресата (избирателя) к выбору определенного кандидата, убедив его в необходимости совершения сознательного действия. Специфика теледебатов формируется за счет особых ситуативных условий: это устная, преимущественно спонтанная речь в диалогической форме в ситуации непосредственного общения, но с дистанционным и пассивным истинным адресатом.

Если учесть, что действительность в предвыборном дискурсе мифологизируется, нетрудно понять, что тенденция к убеждению преобладает над тенденцией к логическому доказательству. Еще в конце XIX в. Г. Лебон отметил, что «избирательная толпа характеризуется слабой способностью к рассуждению, отсутствием критического духа, раздражительностью, легковерием и односторонностью» [Психология масс 1998: 108]. Поскольку всякий тезис в агитационном дискурсе спорен по определению и не существует единственно возможных решений, то любая аргументация может рассматриваться как наилучшая из предлагаемых.

В агитационном предвыборном дискурсе в первую очередь преследуется цель создания отношения к позиционируемому лидеру и к другому кандидату. К первому должно возникнуть положительное отношение, ко второму — отрицательное. Для достижения этих целей в условиях предвыборной борьбы малопригодны методы сугубо логической аргументации. На первый план выдвигается мощное эмоциональное давление в виде речевого воздействия.

Теледебаты кандидатов в Областную думу Законодательного собрания Свердловской области 2010 г. проходили на двух каналах: «Россия 1 — Урал» и «ОТВ». На канале «Россия 1 — Урал» дебаты выходили в эфир два раза в день — в 11.30 и в 14.30 — и длились по 20 минут, на канале «ОТВ» дебаты транслировались один раз в день, в 19.30, и продолжались один час. Каждая партия имела одинаковое количество времени для агитации.

На теледебатах от каждой партии выступали следующие представители:

– от КПРФ — Артюх Евгений Петрович (5 выступлений в рамках двух теледебатов), Алексей

Владимирович Багаряков (5 выступлений в рамках двух теледебатов).

– от «Единой России» — Чечунова Елена Валерьевна (5 выступлений в рамках трех теледебатов), Шептий Виктор Анатольевич (5 выступлений в рамках двух теледебатов).

– от «Справедливой России» — Бурков Александр Леонидович (5 выступлений в рамках пяти теледебатов).

– от ЛДПР — Владимир Вольфович Жириновский (5 выступлений в рамках одних теледебатов), Баранов Кирилл Владимирович (5 выступлений в рамках одних теледебатов), Владимир Павлович Таскаев (5 выступлений в рамках трех теледебатов).

Классификация аргументов дает картину так называемого «поля аргументации»: она позволяет представить и оценить возможные ходы обоснования мысли и установить, какие именно речемыслительные приемы и в каком соотношении используются в текстах той или иной политической партии. Аргументация может быть построена различным образом и на различных основаниях. Но обращаясь к видам аргументов, то есть представляя картину публичной аргументации, следует иметь в виду, что положение, которое выдвигается политиком, не обязательно рассматривается как истинное или ложное. Более того, сама истинность выдвигаемого положения, даже если оно принципиально может быть истинным или ложным, часто отодвигается на второй план, если принимается решение или дается оценка предмета речи. В риторической аргументации особое значение имеет апелляция — обращение к определенной предметно-смысловой области, которую аудитория воспринимает как отдельный и значимый источник внешнего или внутреннего опыта. В риторической аргументативной ситуации участвуют, помимо собственно отправителя сообщения, следующие деятели:

– аудитория (электорат) как получатель сообщения, принимающий решение о согласии с тезисом и о присоединении к аргументации;

– инстанция, к которой апеллирует политик и которая является значимым для аудитории источником, выбираемым в качестве посылок аргументации;

– оппонент, выдвигающий (или потенциально способный выдвинуть) несовместимые предложения.

С точки зрения риторической аргументации выделяют три класса аргументов: аргументы к реальности, аргументы к авторитету, аргументы к аудитории. Анализ современных российских предвыборных теледебатов позволил нам систематизировать типы риторических аргументов (см. рис.).

Анализ выступлений кандидатов на предвыборных теледебатах в Областную думу Законодательного собрания Свердловской области 2010 г. позволяет выявить доминирующие аргументы каждой партии.

Основным аргументом кандидатов от партии «Единая Россия» является *аргумент к политическому авторитету*, данный аргумент

представляет собой ссылку на мнение лиц, пользующихся признанием или влиянием в общественной деятельности.

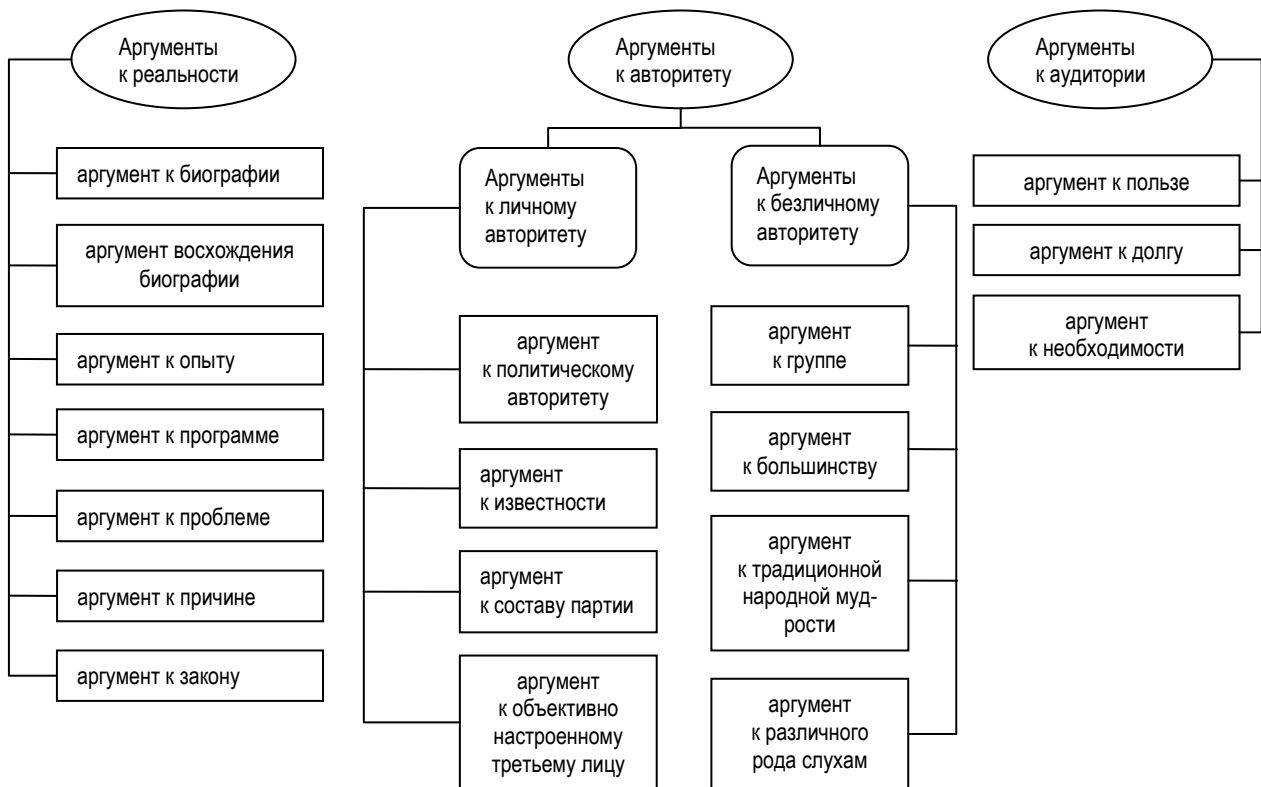

Рисунок
Классификация типов аргументов

Сфера действия данного аргумента ограничена определенными условиями.

1. Политический авторитет должен быть признан, так как непризнанный авторитет именуется сомнительным. Немецкий философ Х. Г. Гадамер, размышляя о сущности понятия «авторитет», пишет: «Никто не приобретает авторитета просто так, его нужно завоевывать и добиваться. Авторитет покоится на признании и, значит, на некоем действии самого разума, который, сознавая свои границы, считает других более сведущими» [цит. по: Волков 2009: 338]. Сила аргументации определяется степенью авторитетности инстанции, от которой она исходит.

2. Довод к авторитету обращен только к тем лицам, которые признают данный постулат: «Например, — поясняет С. И. Поварнин, — если я хочу кому-нибудь доказать, что „работать надо“, а в виде довода прибавлю „потому что так Бог велит“, то такой довод будет годиться только для верующего» [Поварнин 2009: 26].

Как показывает проведенный анализ, в предвыборных теледебатах представители партии «Единая Россия» чаще других аргументов используют аргументы к политическому авторитету. Среди политических авторитетов в выступлениях Е. В. Чечуновой и В. А. Шептия центральное место принадлежит Президенту РФ в 2000—2008 г., премьер-министру РФ с 2008 г.,

лидеру партии «Единая Россия» В. В. Путину и губернатору Свердловской области А. С. Мишарину, ср.: 1. *Думаю, что судить о том, какая партия, можно по тому, кто в этой партии, кто ее возглавляет и какие реальные дела эта партия делает. Нашу партию возглавляет В. В. Путин. Последние 10 лет вокруг этого лидера сплотилась вся Россия, и очень много удалось сделать позитивного.* 2. *Наша команда в Свердловской области сильна и ответственна. Мы идем с программой А. С. Мишарина. Она одобрена председателем партии, председателем правительства В. В. Путиным. Мы намерены реализовывать эту программу.* 3. *Мы с людьми разговариваем каждый день. У нас налажен постоянный диалог с нашим населением через приемную председателя нашей партии В. В. Путина.*

Так же активно используемым аргументом в выступлениях представителей партии «Единая Россия» является аргумент к опыту. При обосновании повторного выдвижения политик обращается к тем способам решения существующих проблем, которые уже дали положительные результаты, т. е. правильность действий партии подтверждена опытом, ср.: 1. *Сегодня улучшения жилищных условий коснулись только за последний год каждого десятого жителя Свердловской области. Мы сегодня ограничиваем цены на лекарства. Мы сегодня*

делаем всё, чтобы ограничить тарифный беспредел, который творится в сфере ЖКХ. Мы сегодня приняли решение о том, чтобы поставить под государственный контроль эти тарифные нормативы и, безусловно, наведем в этом порядок. 2. Благодаря «Единой России» в Свердловской области производится строительство детских садов. Другое дело, что в 2009 году мы, конечно, находились в кризисных условиях и по сути строили детские сады мог только город Екатеринбург, но сейчас строительство идет по всей Свердловской области. 3. Уважаемые коллеги, спасибо, что вы обсуждаете инициативы, внесенные В. В. Путиным. Одна из инициатив как раз выплата материнского капитала тем семьям, где рождается более 2 детей. Этот вопрос, безусловно, решается. Все мы знаем, что решается в пользу матерей.

Основным аргументом кандидатов от партии «Справедливая Россия» является аргумент к профессиональной некомпетентности политического оппонента. Представитель партии указывает на неспособность оппонента работать на благо народа и при этом опирается на конкретные факты, даты, ср.: 1. Я хотел бы напомнить «ЕР», что валоризация, которая вступила в действие с 1 января, привела к тому, что эта уравниловка привела к тому, что человек, который отсидел в тюрьме, получает сегодня больше, чем доцент и доктор наук, которые вышли на пенсию. 2. «Единая Россия» защищает только олигархов. Пример по налоговой системе. Основные налоги собираются у нас с заработной платы: 70 % налогов собирается с заработной платы, 20 % — из основных фондов: оплата за имущество, за станки, за оборудование и 10 % от природной ренты. Кругом во всем мире 75 % поступают от природной ренты. Здесь «Единая Россия» сделала именно так, чтобы наживались именно олигархи, именно по этой причине сегодня у нас в списках «Единая Россия» те чиновники и олигархи. Олигархи вывозят капитал за границу, а чиновники создают такую налоговую систему, которая им помогает воровать. 3. У нас сложилась парадоксальная ситуация: мы идем жаловаться на работу коммунальных служб к мэру — он «Единая Россия». Идем жаловаться на мэра губернатору — он тоже «Единая Россия». Мы идем к премьеру — и тот возглавляет «Единую Россию». И получается замкнутый круг. Сколько бы ты ни ходил в эти общественные приемные, ты будешь бегать по кругу, как белка в колесе.

В предвыборных теледебатах представитель партии «Справедливая Россия» активно использовал аргумент к составу партии, который представляет собой перечень основных кандидатов партии и часто сопровождается характеристикой каждого кандидата, ср.: 1. У нас был митинг против варварского повышения тарифов ЖКХ, на котором выступал наш ли-

дер С. А. Миронов. 2. Меня часто спрашивает член нашей партии, народный артист Советского Союза Римма Васильевна Маркова, почему в таком богатом регионе, как Свердловская область, нет пенсионной областной надбавки, какие есть в Москве и во многих других регионах. 3. «В партию «Справедливая Россия» идут не олигархи, как от «Единой России», и не чиновники, которые друг друга покрывают. У нас идут люди, работающие на территории, тот же Пахорский, рабочий СевУралБокситРуда, тот же бывший работник Кропоткин в Кушве, бывший работник рудоуправления. Простые люди, живущие на этой территории.

Подобный аргумент относится к аргументам к реальности, т. е. рациональным аргументам, представляет собой довод, соответствующий сущности дела.

Представители ЛДПР чаще других аргументов использовали аргументы к аудитории и аргументы, связанные с оценкой личности.

Легко используемые для обвинения и одновременно трудно опровергаемые аргументы к аудитории оказываются мощным средством воздействия на аудиторию даже тогда, когда аргументов к реальности мало или совсем нет. Критика противника представляет его нечестным, не заслуживающим доверия, лишенным логики, запутавшимся, сбитым с толку. Потеря же доверия может полностью лишить оппонента возможности защитить свою позицию. Гололовозного, но эффективного и категоричного заявления бывает достаточно, чтобы подорвать у аудитории способность к критическому видению ситуации. 1. Давайте посмотрим на представителей других партий. Коммунисты: во главе списка человек, который не состоит в партии, он не хочет в этой партии состоять. Это тоже о чем-то говорит, да? «Единая Россия»: она хвастается, что во главе ее списка — премьер-министр, но он не является членом партии. Ему противно вступать в эту партию, где каждый второй криминал у нас. «Справедливая Россия» подписала соглашение с «Единой Россией», это филиал «Единой России», так сказать, они полностью ей подчиняются. 2. У нас КПСС не ушла. Сегодня КПСС — это Грызлов, Миронов и Зюганов. Вот она, перед вами сидит. Старая коммунистическая власть. Ничего у них не получится. Хоть была команда Мишарина, хоть команда Росселя — все бесполезно! 3. Всё есть в Свердловской области: простор, предприятия, ресурсы. Нет только профессиональных чиновников, нет чиновников-патриотов. Я приведу в Думу Свердловской области команду патриотов, которая будет пахать на народ, а не работать машинкой для голосования.

Личностная атака — настолько субъективный и эмоциональный вид аргументации, что в каждом конкретном случае сложно найти объективные логические критерии, позволяющие

рационально оценить обоснованность (корректность) аргументов к аудитории. В учебниках логики в течение длительного времени подобные аргументы, как правило, игнорировали или рассматривали как ошибку. Но современные исследования демонстрируют, что во многих случаях эти аргументы могут быть обоснованно использованы в области политики для критики надежности или честности человека, доводы которого хотя и подвергнуты сомнению. Как показывает проведенный анализ, в ходе анализируемых теледебатов партия ЛДПР максимально использовала именно данный тип аргументов.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет анализ выступлений представителей партии КПРФ, особенно агитационные тексты А. В. Багарякова. Как показывает проведенный анализ, именно данный кандидат использовал максимальное разнообразие аргументов, среди которых были аргументы всех типов, причем большинство аргументов не было востребовано в агитационных текстах представителями других партий, среди которых аргумент к программе (*Мы единственная партия, которая идет на выборы в Областную думу с реальной программой. Три закона (закон о ЖКХ, закон о ветеранах Свердловской области, закон о материнстве и детстве) — это наши с вами инициативы*), аргумент к народной мудрости (*Только глупый человек встанет на одни грабли дважды. Хватит голосовать за «Единую Россию»*), аргументы к пользе, долгу и необходимости: *1. Совсем недавно в «Независимой газете» появилась убийственная информация, которая исходит от партии власти. Сегодня партия власти цинично иронизирует, и рассуждает об увеличении пенсионного возраста наших граждан, они хотят поднять пенсионный возраст на 5 лет, для женщин на 7-10 лет. Мы считаем, что это*

полное убийство. 2. О чем нужно вспомнить, взяв в руки бюллетень. «Единая Россия» — это партия состоявшихся политиков. У них есть всё: деньги, власть, особняки. Вы им не нужны, им нужен ваш голос. В период выборов эта партия описывает перед вами грандиозные планы, обещает порядок и достойную жизнь. Не верьте. Перед нами непрофессионалы. У них было и время и деньги, чтобы остановить безработицу, оградить пенсионеров от обнищания.

Таким образом, с точки зрения риторической аргументации выделяют три класса аргументов: аргументы к реальности, аргументы к авторитету, аргументы к аудитории. Апелляции к реальности обычно рассматриваются как универсально значимые, однако наиболее удачно в рамках анализируемых теледебатов, на наш взгляд, подобные аргументы были использованы представителями КПРФ. Апелляции к авторитету, максимально используемые представителями партии «Единая Россия», если даже и предстают в виде сильного аргумента, то рассматриваются как частные, ограниченные временем, общественными условиями, степенью признания этого авторитета аудиторией, к которой обращено высказывание.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2000.
- Волков А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков ; Моск. ун-т. — М., 2009.
- Зарецкая Е. Н. Логика речи. — М.: Дело, 2007.
- Поварнин С. И. Искусство спора: о теории и практике спора. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб ; СПб.: Северо-Запад, 2009.
- Психология масс : учеб. для высш. учеб. заведений. — М.: Аспект-Пресс, 1998.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

М. Н. Лату

Пятигорск, Россия

M. N. Latu

Pyatigorsk, Russia

**ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**MILITARY TERMINOLOGY
IN MODERN
POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Исследуются особенности использования военной терминологии в современном политическом дискурсе. Устанавливаются границы данного корпуса военной специализированной лексики. Раскрываются условия реализации коммуникативной стратегии «убеждение» и речевых тактик с использованием военной терминологии.

Abstract. The paper investigates peculiarities of military terminology in modern political discourse. Based on these characteristics the limits of the used military vocabulary are defined. It is described under what conditions military terms are used in communicative strategy «conviction» and communicative tactics.

Ключевые слова: политический дискурс; термин; научные понятия; коммуникативная стратегия.

Key words: political discourse; term; scientific notions; communicative strategy.

Сведения об авторе: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур.

About the author: Latu Maxim Nikolaevich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Western European Languages and Cultures.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Place of employment: the Pyatigorsk State Linguistic University.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: Laatu@yandex.ru.

В настоящее время, безусловно, возрастает количество исследований, посвященных проблематике различных видов и аспектов дискурса. Такой интерес в значительной мере обусловлен тем, что выделенные в ходе дискурсивно-когнитивного анализа структурные и содержательные характеристики когнитивных моделей конкретного вида дискурса позволяют установить особенности мышления и речевого взаимодействия субъектов коммуникации. При этом, как считает Е. С. Кубрякова, данный подход объединяет исследования дискурса с позиций речевых актов и событий как особой формы репрезентации различных видов знания, определяющих речевые стратегии коммуникантов, а также использование конкретных языковых средств в ходе формирования дискурса [Кубрякова, 2000: 8].

Поскольку данный метод позволяет глубже изучить языковую картину мира, менталитет и культуру конкретной группы лиц, осуществляющих речевую деятельность, что во многом способствует успешной коммуникации, спектр исследований различных видов дискурса неуклонно растет. Так, И. С. Вацковская, исследующая когнитивные аспекты дискурса СМИ, указывает на такие особенности, как «ориентация на массового адресата, обработанность и сиюминутную релевантность информации» [Вацковская 2008: 545]. Л. В. Гарская, сопоставляя новостные тексты, отмечает, что «американские СМИ уделяют меньше внимания освещению событий за рубежом, чем российские СМИ. При этом в центре внимания оказываются те

темы, которые вызывают повышенный интерес аудитории» [Гарская 2008: 547]. Различным когнитивным аспектам поэтического дискурса посвящены работы Г. Н. Рябовой и С. В. Пискуновой. Не меньший интерес у исследователей вызывает анализ дискурса духовности [Силантьев 2006; Саркисян 2008] и проповеднического дискурса, рассматриваемого А. Д. Самойловой. Также привлекают внимание лингвистов авторский дискурс [Наумова 2008; Андреев 2008; Паули 2008], деловой дискурс [Ширяева 2006], диалогический дискурс [Григорьева 2006; Плотникова 2006], сказочный дискурс [Егорова, Косогорова 2008], рекламный дискурс [Грибова 2010; Давыденкова 2010] и др. Среди прочих актуальных для исследования видов дискурса можно выделить научный дискурс, а в его рамках — различные виды профессионального дискурса. Так, Э. В. Акаева предлагает исследовать особенности медицинского дискурса [Акаева 2008: 604—606], О. Г. Рудакова сосредоточивает внимание на исследовании математического дискурса [Рудакова 2010: 544] и т. д.

Не вызывает сомнений, что особо важную роль в жизни каждого человека и общества в целом играет политический дискурс. С. Н. Плотникова придерживается следующего его определения: дискурс политиков и дискурс о политике, в котором есть любые речевые образования, адресат, адресант или содержание, относящиеся к сфере политики [Плотникова 2009: 105]. А. П. Чудинов, говоря о политической коммуникации, выделяет следующие ее разновидности: «аппаратная политическая коммуника-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Лату М. Н., 2011

ция, политическая коммуникация в публичной политической деятельности, политическая коммуникация СМИ, политическая коммуникация рядовых граждан» [Чудинов 2006: 36—37]. Как считает А. Е. Валеева, «политический дискурс, оказывая влияние на формирование новых и трансформацию уже сложившихся мнений, воззрений, представлений человека, ориентируя его на активное переосмысление политических событий, становится неотъемлемым компонентом его жизни». А с увеличением влияния СМИ на формирование общественного мнения, «как посредника между властью и обществом, мощного инструмента политического воздействия и как средства создания и изменения существующей политической реальности» [Валеева 2008: 542], исследования аспектов политического дискурса (фреймовых структур, концептов, метафор и др.) приобретают особую значимость. Данный факт хорошо иллюстрируют недавние события в Ливии, когда обе противоборствующие политические стороны наряду с боевыми действиями вели активную «информационную войну» с целью внесения смуты в лагерь противника и оказания соответствующего влияния на нейтральные политические силы в стране и мире. Таким образом, исследование когнитивных структур политического дискурса позволяет пролить свет на способы эффективного коммуникативного взаимодействия между политическими сторонами, эксплицировать особенности мышления политиков, а также прогнозировать прагматический эффект речевых стратегий [Валеева 2008: 543]. Так, Н. Н. Ракитина, исследуя когнитивные аспекты использования аббревиатур в политическом дискурсе, указывает, что употребление аббревиатур российскими и зарубежными политиками способствует созданию и поддержанию собственного имиджа, а также имиджа политических партий, которые они представляют. При этом «сокращение имен собственных известных политиков является апробированным примером в языке политики, поскольку сближает народ с ними и, соответственно, несет позитивную коннотацию» [Ракитина 2010: 550]. Таким образом, автор совершенно справедливо указывает на то, что умелое использование различных средств языка и словообразовательных механизмов способствует успешному воздействию на адресата в политическом дискурсе.

Поскольку разные виды дискурса характеризуются различной функциональностью, использованием речевых моделей и языковых средств, интересным представляется изучение особенностей их взаимодействия. Так, очевидно, что некоторые виды дискурса взаимодействуют достаточно тесно. Например, К. К. Сунгуртян исследует лингвориторические средства выражения духовности (дискурс духовности) в эзотерическом дискурсе Елены Рерих; Е. Н. Золоторева рассматривает рекламный текст как одну из моделей реализации социально-поли-

тической коммуникации. С другой стороны, гораздо меньшей степенью соотнесенности характеризуются, например, детский и философский дискурс. Очевидно, что одни и те же коммуникативные стратегии могут использоваться в разных видах дискурса. При этом набор речевых тактик, употребляемых для реализации такой стратегии, в разной степени различается. Так, Э. В. Акаева, рассматривая реализацию когнитивной модели «убеждение» в медицинском дискурсе, утверждает, что такая коммуникативная стратегия является одной из базовых для данного вида дискурса. При этом известно, что стратегия «убеждение» также присуща дискурсу СМИ, и в особенности политическому дискурсу. Однако речевая тактика «инструкция», выделяемая автором, в большей степени характерна для медицинского дискурса, поскольку соотносится с научными текстами.

Набор языковых средств, употребляемых в разных видах дискурса, также может отличаться. Так, для всех видов научного дискурса характерно функционирование соответствующего конкретной области знания аппарата специализированной лексики. При этом использование научных понятий в нехарактерных или смежных для данной области знаний видах дискурса может представлять большой интерес для изучения, поскольку позволяет раскрыть условия взаимодействия видов дискурса и реализации коммуникативных стратегий и речевых тактик. Ввиду вышесказанного важным представляется исследование особенностей употребления военной терминологии в современном политическом дискурсе.

По своему определению термин обслуживает сферу научного знания: термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие определенной области знаний, входящее в систему языка посредством конкретной терминологии. Считается, что термин характеризуется набором функций, среди которых: номинативная, дефинитивная, гносеологическая, а также сциентическая, подразумевающая восприятие значительным числом коммуникантов слова как неотъемлемой части стройной научной системы. Субстанциональные характеристики термина включают следующие отличительные особенности: лексическая и словообразовательная системность, тенденция к моносемичности в пределах своей терминологии, экспрессивная и модальная нейтральность, точность семантики, наличие дефиниции, отсутствие синонимии и др. [см. Лату 2009]. Из вышесказанного видно, что употребление термина в научном дискурсе всегда подразумевает системную соотнесенность выражаемого им понятия с другими элементами данной области научного знания, его точность, что ясно прослеживается в дефиниции, известной участникам коммуникации. Передача информации, как одна из функций научного текста, может быть выполненной и без синонимов, поскольку очень важна

точность, гарантируемая использованием термина. Вследствие этого один и тот же термин может употребляться в научном тексте столько, сколько требуется содержанием сообщения. Если же у термина все же есть синонимы, имеющие терминологический статус, их использование в данном контексте может лишь нанести вред и исказить смысл высказывания.

Проанализировав употребление военных терминов в высказываниях политических лидеров России и США, можно сделать следующие выводы об особенностях их функционирования в политическом дискурсе.

Использование смежных понятий. В более ранних исследованиях при анализе полевой и фреймовой структуры военной терминологии нами был установлен корпус специализированной лексики, единицы которого вербализуют понятия как сферы политики, так и военного дела. Это неудивительно, поскольку нередко взаимодействие политических сил влечет за собой военные действия, а политическое преимущество основывается на военном. Так, например, выделяемый нами слот, описывающий территориальные образования, является терминалом, смежным со слотами фрейма «политика», и содержит научные концепты, репрезентирующие территориальные единицы, которые потенциально могут относиться к конфликту, например *buffer zone*. К данному корпусу также относятся и термины, применимые во время дипломатических миссий, так или иначе затрагивающие военную тематику, например: *to declare a war; cease-fire talks* — и др.

Рассмотрим примеры их употребления в высказываниях представителей политических сил.

(1) *Obama indicated his intentions in comments at Strasbourg, France: "Even with the Cold War now over, the spread of nuclear weapons or the theft of nuclear material could lead to the extermination of any city on the planet. And this weekend in Prague, I will lay out an agenda to seek the goal of a world without nuclear weapons."*

В своей речи президент США, говоря о завершении периода холодной войны, указывает на окончание политического и военного противостояния, которое проявлялось в первую очередь в гонке вооружений. Существование и функционирование в речи упомянутой лексики является результатом естественного процесса взаимодействия сферы политики и военного дела, когда оружие используется как инструмент политического воздействия, а дипломатические миссии и переговоры — для прекращения вооруженных конфликтов, например:

(2) *Contributing ground-based troops will be the sum of what is expected under an eventual burden-sharing agreement," Mr Hansen continues. The mandate does not open for the presence of an occupying force, but NATO will not be changing tactics for now because of political and time issues.*

В языке взаимодействие двух сфер знания также находит отражение при образовании сложных терминов, элементы которых вербализуют понятия из сферы политики и военного дела, например *cease-fire talks*, включающий военный термин *cease fire* — «прекращение огня» и лексему *talks* — «переговоры».

Одной из существенных особенностей использования военной терминологии в политическом дискурсе является **временная соотнесенность** понятий, подразумевающая использование корпуса терминов, ограниченного временными рамками. Таким образом, в современном политическом дискурсе встречаются военные термины, вербализующие актуальные или не потерявшие свою актуальность на настоящий момент научные понятия. Следовательно, к данному корпусу терминологических единиц относятся лексемы, вербализующие различные боевые единицы, стоящие на вооружении конкретных стран, тактические приемы и способы ведения военных действий с их применением. Поэтому вполне ожидаемо, что в речи политических лидеров отсутствует лексика, вербализующая военное оснащение предыдущих эпох.

При этом термины, вербализующие понятия современной действительности, довольно часто используются в речи политиков, например:

(3) *"Our troops will continue the hard work of transitioning to a stronger Afghan government and ensuring that Afghanistan is not a safe haven for terrorists."*

Понятия «террорист» (terrorist), «террорист-смертник» (suicide-bomber), «террористическая организация» широко известны и употребимы сегодня, поскольку указывают на реальную военную угрозу. Еще один пример:

(4) *Defense Secretary Donald Rumsfeld tells the House Armed Services Committee: "Saddam has amassed large clandestine stocks of biological weapons... including anthrax and botulism toxin and possibly smallpox. His regime has amassed large clandestine stockpiles of chemical weapons, including VX and sarin and mustard gas..."*

В данном случае упоминание о конкретных видах биологического и химического оружия также указывает на определенный отрезок времени, когда им был присвоен этот статус.

Пространственная соотнесенность. Так же как временная соотнесенность ограничивает корпус военных терминов временными рамками, данная особенность использования военных терминов в политическом дискурсе подразумевает их соотнесенность с конкретной ситуацией. Так, при комментировании текущих событий в Ливии не идет речь о применении или угрозе применения ядерного оружия, поскольку данная страна им не обладает. С другой стороны, во время недавней войны в Ираке этот термин активно использовался в политическом дискурсе. Конечно же, относительно гражданской войны в Ливии речь не может вес-

тись и об использовании повстанцами космических вооружений. В контексте высказываний политических лидеров встречаются термины, имеющие непосредственное отношение к конфликту, например:

(5) *Министр обороны США Роберт Гейтс предупреждает: „Установление запретной для полетов зоны потребует уничтожения ливийской системы ПВО. Таков метод создания подобных зон“.*

(6) *“There are a lot of weapons in Libya. According to estimates from the US Defence Department there could be as many as 20,000 surface-to-air missiles. I underline that NATO and not only NATO has already worked in other countries to secure areas where there have been dangerous weapons.”*

В обоих примерах речь идет о возможной угрозе применения системы ПВО, а именно обозначенного количества ракет «земля — воздух». Таким образом, использование данных военных терминов в дискурсе предопределяется условиями конкретной текущей ситуации.

Использование общих понятий. Значимым, на наш взгляд, представляется и тот факт, что в политическом дискурсе при построении высказывания предпочтение отдается военным терминам, вербализующим общие понятия, а не единичные. В научном же дискурсе, естественной области функционирования терминов, напротив, при обмене информацией между специалистами точность играет ключевую роль. Такой подход к использованию специализированной лексики в политическом дискурсе продиктован рядом причин. С одной стороны, использование общих понятий позволяет избежать излишней конкретики в сообщении, которая бы отвлекала внимание от основной идеи или замысла. С другой стороны, термины, вербализующие единичные понятия, могут быть просто неизвестны и непонятны целевой аудитории коммуникантов, не являющихся специалистами в области военного дела. Проиллюстрируем вышесказанное следующим примером.

(7) *Mr Hansen thinks “Norwegian troops will more likely be part of a stabilising force. Even though it will be a while before we see the effect of helicopter gunships, the fighting will go on, and resistance fighters will use the vacuum created when Gaddafi falls to increase their position. There have also been some signals from the US it will be carrying out a substantial withdrawal this summer,” he says, stating, “the third phase will be rebuilding, requiring the mandate to be changed.”*

Используемый в речи политика военный термин *troops* — ‘вооруженные силы, войска’ — не раскрывает, какого рода войска (воздушно-десантные, бронетанковые, моторизованные или какие-либо другие) задействованы в операции. Хотя очевидно, что участие в боевых действиях принимают не все подразделения регулярных и нерегулярных войск, задача со-

общения заключается не их выявлении, а в демонстрации, что они могут сыграть важную роль в стабилизации ситуации. То же самое можно сказать и об употреблении термина *helicopter gunship* — ‘тяжеловооруженный вертолет’. Конкретный вид используемой боевой техники не существен для неспециалиста, а термин для его обозначения может быть даже неизвестен, тогда как профессионалу он сообщает необходимую информацию об оснащении и тактических возможностях. Таким образом, термины, вербализующих общие понятия, позволяют сформулировать стратегию взаимодействия, которая, несомненно, определяется на политическом уровне, тогда как непосредственные вопросы тактики являются уделом специалистов.

Еще одной существенной особенностью использования военных терминов в политическом дискурсе является **несистемное восприятие** вербализуемых понятий. Для специалиста термин всегда является частью слаженной системы научного знания и раскрывает содержание понятия в его взаимосвязи со смежными понятиями. Содержание понятия, таким образом, создает вокруг термина предполагаемый или ожидаемый контекст. В следующем примере показано, как используемые военные термины в военном дискурсе системно и понятийно связаны между собой:

(8) *On March 16, 1967, Captain Robert Salas stationed at Malmstrom Air Force Base described the incident as follows: “I was ... on duty at Oscar Flight as part of the 490th strategic missile squad and there are five launch control facilities assigned to that particular squadron.... These weapons were Minuteman One missiles and were of course nuclear-tipped warhead missiles... this incident was of extreme concern to SAC headquarters because they couldn't explain it”.*

Военные термины в политическом дискурсе, напротив, в большинстве своем не предполагают системного восприятия и необходимы для реализации речевых стратегий, например «убеждения», или частных коммуникативных задач, как показано в следующем примере:

(9) *„Как вы знаете, Россия уже поставила в Венесуэлу самые эффективные в мире мощные боевые авиационные комплексы, тяжелые истребители Су-30 и другую военную технику по ценам ниже мировых“, — напомнил Путин.*

Перечисляемые понятия оторваны от контекста и не призваны раскрывать свое содержание полностью. Таким образом, их использование сводится к необходимости проиллюстрировать примером, что качественная техника была продана по сниженным тарифам.

Использование синонимов, профессионализмов, описательных оборотов. В политическом дискурсе использование синонимов общеупотребительной или специализирован-

ной лексики, описательных оборотов вместо терминологической единицы обогащает речь, позволяет избежать явного повтора и употребления непонятных слушателю узкоспециализированных терминов, без ущерба для логики и смысла сообщения. Следующий пример иллюстрирует использование синонимичных терминов *troops* и *forces* в контексте одного высказывания:

(10) *"Is an intervention on the ground by NATO forces possible later and if so under what conditions?" «We don't see, or to be more exact we exclude, the possibility of **troops** under NATO command, even in the post-Gaddafi period. And I don't think the UN's plans include this option."*

В следующем примере вместо термина *kinetic bombardment* используется описательный оборот, раскрывающий его суть, а именно «нанесение бомбовых ударов с орбиты земли»:

(11) *"We haven't reached the point of strafing and bombing from space," said Pete Teets.*

Употребление военных терминов в политическом дискурсе позволяет решить ряд коммуникативных задач, в частности реализовать одну из важных коммуникативных стратегий — «убеждение». Именно апелляция к современным военным реалиям в контексте сообщения является эффективным инструментом при оказании политического давления или его сдерживании, привлечении новых союзников и манипулировании сознанием общественности. Очевидно, что для осуществления данных коммуникативных задач политические лидеры прибегают к конкретному корпусу терминов, вербализующих понятия о новейших рассекреченных военных разработках, оружии, представляющем реальную угрозу на сегодняшний день. Таким образом, наиболее частотными являются термины, вербализующие общие понятия, известные неспециалистам, об оружии, наносящем наибольший ущерб, например об оружии массового поражения. За рамками данного корпуса специализированной лексики остаются термины, исключающие возможность оказания необходимого воздействия, например единицы, вербализующие огнестрельное оружие пехоты. В зависимости от позиции коммуниканта для реализации данной стратегии с употреблением военной терминологии используются две речевые тактики — «запугивание» и «демонстрация превосходства», например:

(12) *О том, что угрозы не только остаются, но и множатся, напоминал год назад в Праге Барак Обама: „Технологии сооружения ядерной бомбы расползаются. Террористы твердо намерены приобрести такую бомбу, построить ее сами или попросту украсть. Основой наших усилий по сдерживанию таких намерений является глобальный режим нераспространения, но по мере того, как все новые нации и народы нарушают эти правила, мы можем подойти к точке, когда основа не выдержит.“*

(13) *Senator Joseph Lieberman declares: "Every day Saddam remains in power with **chemical weapons, biological weapons, and the development of nuclear weapons** is a day of danger for the United States."*

Поскольку в данном случае речь идет об оружии, предположительно находящемся в руках потенциального противника, использование военных терминов предполагает реализацию речевой тактики «запугивание». В следующем примере необходимый эффект достигается через сравнение разрабатываемых видов космического оружия с разрушительной силой ядерного оружия со ссылкой на прискорбный опыт его применения.

(14) *"The psychological impact of such a blow might rival that of such devastating attacks as Hiroshima," they stated. "But just as the unleashing of **nuclear weapons** had unforeseen consequences, so, too, would the **weaponization of space.**"*

В тех случаях, когда речь идет об оружии, находящемся в распоряжении военных сил своей страны, термины используются для реализации речевой тактики «демонстрация превосходства», что, с одной стороны, успокаивает и вызывает чувство защищенности, а с другой — создает положительное впечатление собственной значительности и ответственности за происходящее, например:

(15) *"As the only nuclear power to have used a **nuclear weapon**, the United States has a moral responsibility to act. We cannot succeed in this endeavor alone, but we can lead it; we can start it," Obama said.*

Как уже было показано ранее, военные термины используются для иллюстрации примерами сообщения или описания событий, если существует необходимость раскрытия или обоснования стратегических действий сторон, например:

(16) *"So today, I state, clearly and with conviction, America's commitment to seek the peace and security of a world without **nuclear weapons**," Obama said.*

Таким образом, использование военной терминологии в политическом дискурсе имеет ряд особенностей, среди которых: использование смежных понятий сферы военного дела и политики; временная и пространственная соотношенность, предполагающая обращение к ограниченному корпусу терминов, вербализующих современные виды оружия и тактики; тенденция к использованию в речи известных широкой аудитории родовых терминов, вербализующих общие понятия, описательных оборотов вместо узкоспециализированных терминологических единиц, а также синонимов специализированной и общепотребительной лексики; несистемное восприятие понятий. Военные термины в современном политическом дискурсе используются в рамках коммуникативной стратегии «убеждение», для реализации кото-

рой применяются речевые тактики «запугивание» и «демонстрация превосходства». Также специализированная лексика употребляется для иллюстрации, при описании произошедших событий или обосновании тактических шагов, предпринятых в рамках реализуемой масштабной политической стратегии или замысла.

ЛИТЕРАТУРА

Акаева Э. Д. Реализация когнитивной стратегии «убеждение» в медицинском дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 604—606.

Андреев В. С. Развитие образной системы Г. В. Лонгфелло // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 534—536.

Валеева А. Е. О когнитивных аспектах политического дискурса // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 541—543.

Вацковская И. С. Когнитивный аспект исследования дискурса СМИ // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 543—545.

Гарская Л. В. Когнитивный аспект текстов массовой информации (на материале англоязычной прессы) // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 546—548.

Грибова М. В. Фреймовое представление семантики рекламного текста // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 166—168.

Григорьева В. С. Тематическая организация диалогического дискурса // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 184—190.

Давыденкова О. А. Репрезентация концепта КРАСОТА в английском рекламном тексте (на примере рекламы косметики) // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 166—168.

Егорова О. С. Общеинформативные типы диалогических единств в сказочном дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 556—558.

Золоторева Е. Н. Рекламный текст как реализация одной из моделей социально-политической коммуникации // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 113—119.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты* : сб. обзоров. — М., 2000. С. 7—25.

Лату М. Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Ростов н/Д, 2009.

Наумова Д. В. Когнитивные аспекты философского дискурса И. Г. Фихте // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 573—575.

Паули Ю. С. О когнитивной функции анафонической доминанты в дискурсе Н. А. Бердяева // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 579—582.

Пискунова С. В. Когнитивные аспекты в анализе поэтического текста // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 582—585.

Плотникова А. В. Дискурсивная и регулятивная роль диалогического повтора // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 264—270.

Плотникова С. Н., Домышева С. А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // *Политическая лингвистика*. 2009. Вып. 1 (27). С. 104—109.

Ракитина Н. Н. Когнитивный аспект исследования аббревиатур в политическом дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 449—451.

Рябова Г. Н. О средствах выражения актуального членения предложения в поэтическом дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 505—507.

Рудакова О. Г. LEFT/RIGHT как средства смыслообразования в математическом дискурсе // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2010. С. 544—548.

Самойлова А. Д. Проповеднический дискурс: определение с опорой на конститутивные признаки // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 587—590.

Саркисян М. Р. Опыт моделирования структуры и содержательного наполнения концепта SPIRITUALITY (ДУХОВНОСТЬ) // *Международ. конгр. по когнитивной лингвистике* : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. С. 590—592.

Силантьев А. Н. Дискурс духовности ОБЭРИУ // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 129—135.

Сунгуртян К. К. Лингвориторические средства выражения духовности в эзотерическом дискурсе Елены Рерих // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 135—145.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта ; Наука, 2006.

Ширяева Т. А. Тема-рематическое структурирование делового дискурса // *Язык. Текст. Дискурс* : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. Вып. 4. С. 190—197.

ИСТОЧНИКИ

Examiner.com. URL: <http://www.examiner.com/exopolitics-in-honolulu/obama-s-zero-nuclear-weapons-speech-extraterrestrial-ufos>.

The Foreigner. URL: <http://theforeigner.no/pages/news/defence-minister-discounts-libya-ground-troops/>.

Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/08/08/us-afghanistan-violence-idUSTRE7750UW20110808>.

Rotten.com. URL: <http://www.rotten.com/library/history/war/wmd/saddam/>.

Euronews. URL: <http://ru.euronews.net/2011/03/10/diplomacy-continues-over-libya-no-fly-zone/>.

Euronews. URL: <http://www.euronews.net/2011/08/26/what-will-nato-s-role-be-in-a-post-gaddafi-libya/>.

The Foreigner. URL: <http://theforeigner.no/pages/news/defence-minister-discounts-libya-ground-troops/>.

Examiner.com. URL: <http://www.examiner.com/exopolitics-in-honolulu/obama-s-zero-nuclear-weapons-speech-extraterrestrial-ufos>.

Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2010/04/03/goon/>.

Euronews. URL: <http://www.euronews.net/2011/08/26/what-will-nato-s-role-be-in-a-post-gaddafi-libya/>.

CommonDreams.org. URL: <http://www.commondreams.org/headlines05/0518-02.htm>.

Euronews. URL: <http://ru.euronews.net/2010/04/13/experts-say-nuclear-warnings-are-for-everyone/>.

Rotten.com. URL: <http://www.rotten.com/library/history/war/wmd/saddam/>.

CommonDreams.org. URL: <http://www.commondreams.org/headlines05/0518-02.htm>.

Radio Free Europe/Radio Liberty. URL: http://www.rferl.org/content/Obama_Calls_For_Elimination_Of_Nuclear_Weapons_In_Prague_Speech/1602285.html.

Radio Free Europe/Radio Liberty. URL: http://www.rferl.org/content/Obama_Calls_For_Elimination_Of_Nuclear_Weapons_In_Prague_Speech/1602285.html.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова

Д. С. Малюкова
Томск, Россия

D. S. Maliukova
Tomsk, Russia

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

«БИЗНЕС — ВОЙНА» И «БИЗНЕС — ИГРА»

Аннотация. Анализируются метафоры групп «бизнес — война» и «бизнес — игра» из статей украинских и российских СМИ, посвященных «газовой войне» между Россией и Украиной, демонстрируется манипулятивный потенциал используемых метафор.

Ключевые слова: метафорическая модель; языковая манипуляция; коммуникация; сценарий; фрейм; когнитивная теория.

Сведения об авторе: Малюкова Дарья Сергеевна, преподаватель кафедры английского языка в области геологии и нефтегазового дела.

Место работы: Томский политехнический университет.

Контактная информация: 634050, г. Томск, пр-кт Ленина, 30, ТПУ, ИПР, Кафедра иностранных языков в области геологии и нефтегазового дела.
e-mail: Bolsunovskl@tpu.ru.

MANIPULATIVE POTENTIAL OF METAPHORICAL MODELS

«BUSINESS IS WAR» AND «BUSINESS IS GAME»

Abstract. Metaphors of the groups «business is war» and «business is game» found in the Ukrainian and Russian mass media devoted to the «gas war» between Russia and Ukraine are analyzed, their manipulative potentials demonstrated.

Key words: metaphorical model; language manipulation; communication; script; frame; cognitive theory.

About the author: Maliukova Daria Sergeevna, Lecturer of the Chair of the English Language in the Sphere of Geology and Oil-and-gas Industry.

Place of employment: the Tomsk Polytechnic University.

Place of employment: the Tomsk Polytechnic University.

Современная когнитивная лингвистика внесла ощутимый вклад в изучение процесса метафорической интерпретации объектов действительности. После того как Дж. Лакофф и М. Джонсон высказали предположение о том, что в метафоре заключен огромный миромоделирующий потенциал, многие лингвисты стали признавать когнитивную природу метафоры. Так, А. П. Чудинов пишет: «Метафора — языковое явление, отражающее процесс познания мира. Метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума» [Чудинов 1998]. Подходы к метафоре как феномену мыслеобразующему, формирующему представления о жизни, активно используются в практике изучения дискурсов.

Вследствие того, что метафора как когнитивный механизм обладает сильным интерпретационным потенциалом, она является мощным способом воздействия на адресата. Языковая манипуляция сознанием постоянно используется в современном мире. Политика — это борьба за власть, и в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира.

Метафора, играя важнейшую роль в миромоделировании, активно употребляется во всевозможных тактиках речевого воздействия. В современной теории риторики, возродившейся в двадцатом веке на новой, психологической основе, утверждается, что в настоящее время важна не только и не столько логика изложения

мыслей, сколько психологические, эмоциональные приемы убеждения. Причин тому существует несколько, все они носят социально-политический характер, например: развитие свободы, демократии, появление идеи свободы личности и т. д. Однако целью данной статьи является исследование языковых примеров манипулирования, а не исследование предпосылок изменения позиции риторики в современном обществе.

В данной статье исследуется взаимодействие целей, преследуемых авторами, используемыми метафорическими образами в своих дискурсивных практиках, и выбора того или иного типа метафорического моделирования определенных объектов действительности. Материалом для статьи послужили тексты онлайн-изданий «Эксперт», «Русский Репортер» и «Эксперт-Украина»; это российские и украинский деловые еженедельники, издающиеся с 1995 г. [Эксперт.ру].

Предмет исследования — метафорическое моделирование социально-политической конфликтной ситуации межгосударственного противостояния в названных СМИ. Задачей является рассмотрение метафорического моделирования в механизмах воздействия на общественное сознание.

Для решения поставленной задачи был проанализирован материал, репрезентирующий способы освещения конфликта в России («Эксперт») и на Украине («Эксперт Украина»). Изучая способы метафорического моделирования, мы опирались на сложившуюся теорию концеп-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Малюкова Д. С., 2011

туальной метафоры, в рамках которой метафора рассматривается не только как традиционный способ «украшения» речи, но и как основная ментальная операция, способ познания, структурирования и объяснения мира.

Анализ был направлен на выявление базовых метафорических моделей, в рамках которых осуществляется интерпретация конфликтной ситуации. Использовался метод типологизации лексических единиц и объединения их в группы на основе общности исходного, результативного значения. С помощью данного метода мы выделили метафорические модели и проанализировали механизмы их воздействия на адресата. Типологизацию проводили, исходя из общности базовых моделей. Под базовой метафорической моделью мы понимаем следующее: «Базовой языковой метафорой называют метафору, задающую рамки объединения широкого спектра метафорических реализаций в пределах ситуации, сценария, фрейма, задаваемого исходным значением метафорического имени. Каждый из элементов фреймовой структуры может служить основанием метафорического отождествления, элементы лексико-семантического поля, представляющие данную фреймовую структуру, формируют метафорические лексико-семантические варианты» [Чудинов 1998: 31].

В текстовых структурах проанализированных таким образом статей были выявлены метафорические модели «Бизнес — война», «Бизнес — игра», которые, как показал анализ, оказались наиболее частотными.

Сосредоточив внимание на данных моделях, прежде всего отметим, что в течение последних лет между Россией и Украиной возникают разногласия по вопросу о тарифе на транспортировку газа, а также о тарифе на газ, поставляемый для внутреннего пользования Украины. Закономерно, что освещаются события, связанные с «газовой проблемой», в России иначе, чем на Украине.

Анализируя способы метафорического именования событий, связанных с темой «газовый конфликт», мы заметили количественное различие в использовании метафорических моделей в зависимости от того, позицию какого государства тот или иной автор транслирует.

В проанализированных нами 40 статьях было выявлено 34 примера метафорического переноса, выполненного по данным моделям.

Для российских политиков и экономистов важно отстоять государственные интересы в «газовом конфликте»; позиция, выражаемая ими, носит наступательный, даже агрессивный характер, следствием этого является создание метафор по модели «Бизнес — война». Российские журналисты не случайно предлагают воспринимать тарифную политику в качестве орудия, воздействующего на противника. Использование метафорических выражений «энергетическая дубинка», «энергия в качестве ору-

жия» прозрачно выявляет намерения государства. Российская «энергетическая дубинка» призвана служить не столько (согласно словарному значению) «толстой тяжелой палкой» [МАС], а скорее приближена в этом контексте к значению «толстая короткая палка, служащая в качестве оружия полицейских в некоторых капиталистических странах» [МАС]. «Энергетическая дубинка» защищает права ее обладателя, охраняет порядок, а также наказывает нарушителей закона, в данном случае Украину, отказывающуюся платить по счетам: *Вот очевиднейший факт конфликта между Россией и Украиной вокруг поставок газа: российский лидер использует энергетическую дубинку для того, чтобы ослабить прозападное правительство в Киеве и, запугав ЕС, принудить его к подчинению* [Газовая перепалка 2009]; *Это смягченный вариант вторжения Москвы в Грузию, имевшего место в прошлом году, направить сигнал, пройдясь по Киеву энергетической дубинкой, — соглашается старший научный сотрудник американского фонда „Наследие“ Питер Брукс* [Мирзаян 2009].

Используя тактику «навешивания ярлыка», автор статьи стремится укрепить в сознании читателя негативный образ: «природные ресурсы — дубинка», иначе говоря, «природные ресурсы — инструмент воздействия». Такая тактика манипулирования достаточно эффективна, поскольку ярлык — красочный образ, его легко запомнить, простота запоминания обеспечивает эффективность работы негативной ассоциации. «Навешивают ярлыки» и на нефть, газ. Данные объекты действительности метафорически трактуются как оружие, инструмент борьбы. В их лексическое значение вносится дополнительный метафорический смысл — использование энергии в своих интересах, причем энергия буквально становится орудием (дубинкой), оружием, инструментом, при помощи которого происходит манипулирование противником: *Без сомнения, Россия будет и впредь использовать энергию в качестве оружия, ведь она стала вместо Красной Армии главным источником российского могущества* [Мирзаян 2009]; *Газ стал инструментом внешнеполитической борьбы для монолитной российской элиты и внутривнутриполитической — для пестрого украинского бомонда* [Где сходятся...].

Упоминание Красной армии в современном контексте призвано вызвать негативные ассоциации у русскоязычного населения, поскольку стереотипное отношение к данному явлению действительности негативное. В дополнение к отождествлению энергии с оружием, наблюдаем ассоциирование нефти и газа с армией. Интерпретируя использование энергии в качестве инструмента ведения военных действий, средства наказания и контроля, журналисты представляют в метафорических образах государ-

ство в качестве субъекта военных действий, при этом метафорически именуется и стадии конфликта. Так, началом военных действий становятся грозные заявления, вторжение на чужую территорию, завершением — окончание газовой войны, а в результате читатель определяет проигравшего и победителя: *Как только прозвучали грозные заявления российского газового монополиста, украинская сторона тут же бросилась искать необходимые средства; „На эти стремления Саакашвили Путин в августе прошлого года отреагировал военным вторжением; теперь он пошел в атаку на Ющенко“*, — утверждает *The Washington Post* [Мирзаян 2009]; *„Граждане ЕС оказались под перекрестным огнем в этой схватке, и мы должны сделать все для защиты их интересов“*, — заявил председатель Европарламента [Газовое блокирование 2009]; *Однако возобновление транзита еще не означает окончания „газовой войны“ между Украиной и Россией; Но в этой борьбе выигравших не будет, а проигравших двое — Россия и Украина* [Мирзаян 2009].

Естественно, не только российскому читателю предлагают воспринимать «газовый вопрос» сквозь призму военной метафоры. Украинские журналисты активно спекулируют на негативных ассоциациях, связанных с военными действиями. Для этого используют метафорическое выражение «газовая война»: *В этом понимании Берлускони не одинок: русско-украинская „газовая война“ однозначно сподвигнет к энергетической диверсификации и всю Европу* [Газовое блокирование 2009]; *Во время предыдущих „газовых войн“ ни Москва, ни Киев не доводили дело до прямого вмешательства ЕС в „разруливание“ создавшейся усилиями обеих сторон ситуации, при которой ставились под угрозу экспортные поставки российского газа в страны Европы* [НАК на шее 2008]; *„Граждане ЕС оказались под перекрестным огнем в этой схватке, и мы должны сделать все для защиты их интересов“*, — заявил председатель Европарламента [НАК на шее 2008].

Используя метафорическую модель «Бизнес — война», авторы анализируемых журналов актуализируют военную тематику, перенесенную на экономико-политические отношения России и Украины. В этой «метафорической войне» находим описание развития военных действий, использование метафорических образов оружия, дубинок, инструментов.

Кроме метафорической модели «Бизнес — война», в медиадискурсе находим примеры актуализации метафорической модели «Бизнес — игра», использующейся в политическом дискурсе и описывающей отношения между Россией и Украиной. Сфера-источник «игра» при характеристике «газового конфликта» эксплуатируется как российскими, так и украин-

скими журналистами. Данная модель актуализирует мысль, согласно которой ведение бизнеса подобно игре. Как следствие, наблюдаем наличие компонентов, развивающих образный перенос прямого номинативного значения лексемы «игра» в сферу, метафорически актуализованную. В сферу метафорических ассоциаций втягиваются компоненты исходного фрейма сферы-источника «игра»: действие, игроки, средства игры, орудия, правила игры. Это отмечали исследователи: «Широта моделирующего потенциала определяется значимостью игры в формировании культуры, и как следствие, — значимостью концепта „игра“ в концептосферах этнокультурных сознаний» [Хейзинга 1997: 15—30].

В контексте современной политической ситуации наблюдается активное использование метафорической модели «Социальные отношения — игра» и модели «Бизнес — игра» как ее частной реализации: *Поскольку заявление Тимошенко осталось без комментариев российской стороны, можно считать, что украинский премьер получила определенный кредит доверия, а Москва ведет более тонкую игру, используя нашу страну в переговорах с Туркменистаном, Казахстаном и Узбекистаном* [Мирзоян 2009]; *Вот здесь в игру вступает Украина, от которой зависит, насколько быстро может быть реализован этот проект* [Мирзоян 2009]; *Политическая конъюнктура внутри Украины заставила премьера играть с перспективой на год* [Мирзоян 2009].

Отметим использование оценочной семантики отрицательного значения слова «игра», реализуемого в отдельных контекстах — «тайные действия, направленные на достижение определенных — обычно предосудительных — целей» [МАС]: *Не пытайтесь опровергнуть эти серьезные аргументы, адвокаты Nabucco стремятся играть на фобиях Европы и, используя нынешний кризис, утверждают, что без Nabucco будет только хуже* [Алиев 2009]; *Москва ведет более тонкую игру, используя нашу страну в переговорах с Туркменистаном, Казахстаном и Узбекистаном* [НАК на шее 2009].

Отмечены также метафорические контексты, трактующие «газовый конфликт» в рамках частной модели «Бизнес — карточная игра». Действующие лица конфликта ведут игры друг с другом, используют скрытые козыри, тем самым актуализируется фрейм сферы-источника «карточная игра». Как в любой азартной игре, в ходе «газового конфликта» игроки используют все средства в погоне за выигрышем, нередко преступая рамки дозволенного: *Инициатором встречи, очевидно, выступила Юлия Тимошенко, она решила незамедлительно разыграть российский козырь* [Мирзоян 2009]; *На этот раз она неожиданно получила карт-бланш от Кремля на ведение газовых*

переговоров, перехватив инициативу у президента Украины Виктора Ющенко [Мирзоян 2009]; **Еще чуть-чуть и Кремль окончательно поставил бы на Тимошенко-президента, укрепив ее предвыборный рейтинг трехлетним дисконтом в цене газа [Где сходятся...]; Украина ставит на карту куда больше, чем Россия** [Мирзоян 2009].

Дополнительный оттенок в характеристику отношений между Россией и Украиной вносят метафоры, относящиеся к предметной области «театральная игра». В рамках данной подмодели видим развитие образа театральности, наигранности, неестественности ситуации, сложившейся вокруг «газового вопроса». Развитие конфликта характеризуется как происходящее по определенному сценарию, авторы которого остаются неизвестными: **Переписать газовый сценарий** [Мирзоян 2009]; **Сценарий газовых войн, которому Москва и Киев неукоснительно следовали последние три года, похоже, будет переписан** [Мирзоян 2009]; **До сих пор основные актеры газовой пьесы старались меньше импровизировать, делая однотипные заявления, уже набившие оскомину** [Мирзоян 2009]; **Сначала нерыночная цена... потом через долг передать 50 % газовой системы „Газпрому“, — сказал Ющенко. — Это не наша дорога, это сценарий, который нас не устраивает** [Мирзоян 2009].

Как у любой игры, у политических игр есть победители и проигравшие, актуализация данных смыслов вносит дополнительное значение в метафорическую модель «Бизнес — игра»: **Но в этой борьбе выигравших не будет, а проигравших двое — Россия и Украина; Опрошенные журналистами украинские эксперты считают подписание десятилетнего контракта на поставку газа между Украиной и Россией проигрышем для Украины** [Газовая перепалка 2009]; **Но есть и другой немаловажный момент, из-за которого российскую сторону нельзя назвать победителем в новогодней газовой войне 2008—2009 года. О том, кто выиграл или проиграл в финансовом смысле, пока судить трудно в силу специфичности газовых соглашений, имеющих и временной, и ценовой, и посреднический лаг** [Алиев 2008]; **Но что можно определить совершенно точно, так это взаимный проигрыш и России, и Украины** [Газовая перепалка 2009].

Игроки социально-экономических игр не получают вещественного доказательства победы или проигрыша, нет и судей, способных определить победителя и проигравшего. Однако метафорические победа и проигрыш означают получение прибыли или понесенные убытки. Читая о «взаимном проигрыше», о том, что у «борьбы не будет выигравших, а проигравших будет двое», можно сделать вывод о том, какую мысль внушают украинские журналисты своим читателям.

Вслед за украинскими журналистами, европейские обозреватели считают «газовый конфликт» «детской игрой», «хитрой игрой Москвы». При этом адресату внушается, что Россия в данном случае «агрессор», а Украина — «жертва»: **Ференц Дюрчань, премьер-министр Венгрии: „Россия и Украина считают себя европейскими странами, однако сейчас они играют в детские игры, которые неприемлемы для Европы“** [Газовая перепалка 2009]; **Одной из многих ошибок, которые совершили за последние четыре года лидеры „оранжевой“ Украины, является их якобы хитрая игра с Москвой. Объявляя миру, что хотят вырваться на Запад из зоны влияния Москвы, они в то же время рассчитывали на то, что Россия всегда будет снабжать их энергоносителями по „братским“ ценам** [Алиев 2008]; **Москва ведет более тонкую игру.**

Подводя итог анализу актуализации данных моделей, отметим значимость таких компонентов игры, как *игроки, результат, план развития, правила игры*. Выделим наличие таких видов политических игр, как *карточная, азартная*, а также *театральная игра*.

Приняв общее количество метафор, употребляющихся в журнале «Эксперт» и «Эксперт Украина», за 100 %, мы подсчитали, что количество метафор, входящих в сферу-источник «игра, театр», в статьях журнала «Эксперт Украина» составляет 56 %, а в журнале «Эксперт» — соответственно 44 % от общего числа метафорических моделей. Более существенная разница наблюдается в употреблении метафор, относящихся к сфере-источнику «война». Так, 77 % от общего количества метафор, употребляющихся в журнале «Эксперт», составляют военные метафоры. Доля метафор, актуализирующих метафорическую модель «Бизнес — война», в журнале «Эксперт Украина» составляет всего 23 %. Различия в количественных показателях, по нашему мнению, не случайно. Очевидно, отношение к проблеме в странах различно, при этом цели манипулирования общественным мнением в соответствующих странах также отличаются. Так, украинским журналистам важно доказать мысль «Россия — агрессор», журналисты описывают сложившуюся ситуацию, эксплуатируя образ игры, внося негативный смысловой оттенок в характеристику действий российского правительства. Российским журналистам, в свою очередь, принципиально важно отстоять экономико-политические интересы страны, следствием чего является преобладание «военных» метафор, ориентированных на процесс, а не на его описание. Использование таких тактик манипулирования, как «навешивание ярлыков», использование негативных ассоциаций, использование стереотипов свидетельствует о широком употреблении модели «Бизнес — война» в частности и метафорических моделей в целом при воздействии на общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев А. Заложники Востока // Эксперт Online. №1. 12 января 2009. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/02/news_january/
- Газовая перепалка // Эксперт Online. 15 января 2009. URL: <http://www.expert.ru/news/2009/01/15/gazova-perepelka>
- Газовое блокирование Эксперт Online. 14 января 2009. URL: <http://www.expert.ru/news/2009/01/14/>
- Где сходятся противоположности // Эксперт Украина. 2009. 19 янв. №1-2 (195). URL: http://www.expert.ru/printissues/ukraine/2009/01/gaz_editorial/
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1987.
- МАС = Малый академический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>
- Мирзаян Г. «Холодная война» в Европе // Эксперт. 2009. 12 янв. № 22.
- НАК на шее // Эксперт Украина. 2008. 1 дек. URL: http://www.expert.ru/printissues/ukraine/2008/47/gaz_editorial/
- Резанова З. И. Метафорическое когнитивно-языковое моделирование: к проблеме межъязыкового и междискурсивного диалога // Евроазиатский культурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры: сб. ст. / под ред. О. Б. Лебедевой. — Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2007. С. 296—306.
- Хейзинга Й. Homo Ludens; статьи по истории культуры. — М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 15—30.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. — М.: Наука, 1998.
- Эксперт.ру. URL: <http://www.expert.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

В. С. Мартьянов

Екатеринбург, Россия

V. S. Martyanov

Ekaterinburg, Russia

**ЗНАК И СИМВОЛ
КАК КОНКУРИРУЮЩИЕ СТРУКТУРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**THE SIGN AND THE SYMBOL
AS COMPETING STRUCTURES
OF POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Предлагается сравнительно-исторический анализ знака и символа как принципов организации политического дискурса. Производится реконструкция структуралистской парадигмы, образуемой бинарной оппозицией «знак — символ». Доказывается, что структура знака ориентирована на позитивистское тождество в политическом дискурсе означаемого и означающего. Эта модель характерна для энкрастического дискурса современных идеологий как языка власти, легитимирующего существующий политический и исторический порядок. Принцип символа, наоборот, традиционно демонстрирует избыточность означающих, отменяет возможность окончательной монополизации политических истин любыми политическими субъектами. Принцип символа связан с акратическим дискурсом — утопическим мышлением восходящих к власти социальных сил. Аргументируется, что эти две модели создают парадигмальное единство политического дискурса.

Abstract. The article is based upon historical comparative analysis of the Sign and the Symbol as the principles of political discourse organization. It reconstructs structuralist paradigm that is composed by the sign-and-symbol binary opposition. It posits that a structure of a Sign is oriented towards the unity and identity of a reality and a Sign. It is related to the discourse of authority language legitimizing existing political order. On the contrary the concept of Symbol supposes the excess of signifiers as related to reality. This prevents political values and verity from being monopolized by any political actors. The concept of symbol is linked to the utopian thinking of the up-going social actors. Together these two concepts shape paradigmatic unity of contemporary political discourse.

Ключевые слова: знак; символ; структурализм; здравый смысл; парадокс; модели политического дискурса; легитимация политического порядка.

Key words: sign; symbol; structuralism; common sense; paradox; models of political discourse; legitimating of political order.

Сведения об авторе: Мартьянов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь.

About the author: Martyanov Victor Sergeevich, Candidate of Political Sciences, Associated Professor, Scientific Secretary.

Место работы: Институт философии и права УрО РАН.

Place of employment: Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch).

Контактная информация: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, оф.904.
e-mail: martianovu@yandex.ru.

1. ЭВОЛЮЦИЯ ДОМИНИРУЮЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОТ РИТОРИКИ К ЛОГИКЕ. Проблема противопоставления знака и символа как принципов познания генетически связана с антагонизмом логоса и мифа в античной философии как двух форм дискурса, а следовательно, и двух форм восприятия речи: прескриптивного объяснения (позитивизм) и денотативного толкования-интерпретации (герменевтическая практика), например в виде комментария или прорицания. Отсюда же возникают две концептуальные формы дискурса: метафорическая риторика и аналитическая логика. Принцип логоса в современном понимании ассоциируется с языком науки Нового времени, с моделью рационализма Декарта и Бэкона, которая поставила во главу угла человеческий рассудок, лишив его при этом каких-либо трансцендентных оснований в обмен на объективность в сфере имманентного. Соответственно миф связан не с принципом знания, но с принципом веры, чем-то эмпирически не верифицируемым, иррациональным и интуитивным, т. е. не может претендовать в рамках рационализма Просвещения

на истину. Отсюда противоречие между толкованием, связанным с индивидуацией, субъективностью и непрозрачностью знания, которое не всегда может быть передано другому, и научным объяснением, которое принимало во внимание лишь то, что можно без потерь сообщить другому. Несмотря на то что способность объяснить не всегда тождественна пониманию, именно объяснительные конструкты господствовали и объявлялись всеобщими.

Тем не менее первичной матрицей является парадигма, предлагающая в методологическом плане разбивку на знак и символ. Поэтому методологические принципы в области политики могут быть структурированы как модели дискурса. Бинарная парадигма сама по себе распадается на знаковую (формализованную) и символическую (герменевтическую) модели. Еще до начала собственно научных исследований, касающихся политики, осознание заявленного противоречия формализации (знак) и интерпретации (символ) приводит к стремлению разрешить его сужением функций политического дискурса до инструмента познания. И здесь,

по замечанию М. Фуко, можно наблюдать «борьбу двух тенденций, где методы интерпретации противостоят приемам формализации. Первые пытаются заставить говорить язык из его собственных глубин, приблизиться к тому, что говорится в нем, но без его участия (бессознательное языка у Фрейда, поэтическое мышление как установка философствования у Хайдеггера). Вторые пытаются контролировать всякий возможный язык, обуздывая его посредством закона, определяющего то, что вообще возможно сказать (Рассел, Витгенштейн)» [Фуко 1994: 323].

В историческом аспекте легитимирующие «метарассказы» [Лиотар 1998], которые определяли границы политического, цели и парадигмы политического, варьировались. Образы должного и недолжного правления, политическая этика, формы политического участия, ценности и идеалы зависели от соотношения микрокосма и макрокосма в доминирующей философской системе. С распространением христианского учения политическое выстраивалось по образцу божественного вероучения. В религиозных доктринах главное допущение может быть формально недоказуемым, но описание пути к спасению и связанных с ним морально-этических вопросов, как правило, рационально. В отличие от иррационального мистицизма религиозные доктрины предполагают наличие оснований для объединения людей вокруг церкви, связанность верующих определенными нормами. Секуляризация и формирование национальных государств привели к зависимости политического дискурса от его способности к рациональной аргументации [Мартьянов 2007: 192—203]. Для того чтобы связать людей в общество, нужны рациональные аргументы, рациональные формы социальных институтов и практик. Именно поэтому современные идеологии во многом перенимают формат религиозных доктрин, представляя собой вариации светских религий.

Содержательная интерпретация знака и символа в истории мысли исключительно противоречива: от символа как незавершенной праформы знака, символа как отклонения от знаковой формы, символа как модуса знака до символа как универсального означающего, характерного для любой культуры, содержательного элемента, обуславливающего глубинное единство человечества. Зачастую знак и символ просто отождествляют и используют как синонимы: «С одной стороны, на практике знаки постоянно трансформируются в символы, каждый знак обрывает бесконечным числом символов. С другой стороны, в декларациях теоретического характера постоянно утверждается, что все является знаком, что символов не существует или они не должны существовать» [Тодоров 1998: 261].

Политический субъект прибегает к символической модели дискурса, когда ему необхо-

димо объяснить явления, которые лежат за пределами наглядного понимания, доминирующего дискурса власти, очевидности и здравого смысла. Любая религия, миф, искусство, а временами и сама наука пользуются по этой причине символическим, образным дискурсом. Символы всегда в той или иной степени бессознательны, имея характер явлений, предшествующих логике и любым формам рациональности. Рациональность является преобладающей характеристикой индивидуального мышления, коллективное бессознательное, наоборот, иррационально, символично, божественно. В частности, Юнг показал в работе, посвященной феномену НЛО [Юнг 1993], что наблюдатели, в том числе и ученые, отрицающие собственную подверженность приемам символического мышления и полагающие, что наблюдают за знаками других, как правило, наблюдают и исследуют в объективированной форме собственные символы.

2. Кризис политического позитивизма и возвращение символического. Основатель структурализма Ф. де Соссюр положил в фундамент лингвистики теорию знака, говорящую о соответствии означаемого и означающего с произвольной связью между ними, само наличие которой было аксиоматично. Любой знак, любое слово подразумевали соответствие некой отражаемой ими реальности. Постструктурализм начал с критики подобных жестких структур, утверждая, что дискурс может конструироваться как игра одних означающих, оторванных от своих референтов и функционирующих по собственным законам. Причем они не только отражают, но и сами могут порождать реальное, что переворачивает схему Соссюра. Здесь само понятие реальности становится расплывчатым, преодолевается жесткая дуальность сознания и реальности, означающего и означаемого, субъективного и объективного, поскольку представление часто более реально, чем сама объективная реальность, задает для реального смысл и даже моделирует реальное в символическом пространстве представления.

Таким образом, дискурс может не только отражать, но и, в свою очередь, конструировать реальность с помощью замены референциального принципа смыслообразования структурным или же с опорой на постструктуралистский принцип интертекстуальности. Самое важное заключается в том, что при переходе от структуралистского видения мира к его постструктуралистской интерпретации ригидные знаки превращаются по сути в символы, обладающие подвижной областью значений, множественностью смысла, способностью к обратимости и смещению своих значений. Если основной задачей структурализма как общей идеологии и методологии гуманитарного познания, в том числе и в политической науке, была адекватная и абсолютная (в содержательном плане) формализация объективной реальности аналитиче-

скими знаками с целью производства конечной истины, то постструктурализм, подорвав веру в способность знака полностью охватить и воплотить реальность, установил единственно возможный принцип связи реальности и дискурса, породил проблему поиска новых средств, которые позволили бы на новых принципах легитимировать научные истины.

Нарративный дискурс политики не будет востребованным, пока политическое знание строится с доминированием тавтологического дискурса модернистских идеологий. Актуальный постмодерн выходит за идеологическое пространство политики, скрепленное рациональным идеологическим дискурсом. Доминировавшая политическая форма идеологии уступает место перформативу, нарративу. Таким образом, нормативная рациональная картина мира сменяется автономными дискурсами, связанными с политическими, классовыми, культурными, религиозными различиями. Разум перестает быть нормативной сущностью человека. Своего рода «топтанье на месте» позитивистских моделей политического дискурса связано с очевидной невозможностью так же, как раньше, свести символ к аналитическому знаку, позволяющему обосновать тождество системы и жизненного мира. Подобная методология работала лишь в условиях единой картины мира. Сегодня все попытки создания единой картины сводятся по большей части к тому, чтобы, без изменения универсальной бинарной мыслительной структуры, сменить общие имена: марксизм — на теорию либеральной демократии, теорию классов — на теорию элит и масс, интернационализм — на глобализацию, социализм — на гражданское общество, план — на рынок.

Причины сдвига к состоянию постмодерна, где рациональные универсальные критерии становятся нерелевантными, достаточно очевидны. Это крушение стабильной картины мира, задающей единое иерархическое пространство представления через энкратический дискурс. Сначала ее единство обеспечивалось религиозным согласием (до Реформации и буржуазных революций), потом — национальным единством (государство-нация) и, наконец, идеей идеологического единства (либерализм, коммунизм, консерватизм). Методологическое единство политического дискурса распалось, когда выявилась социальная обусловленность политической теории и политического мышления (К. Маркс), а затем — историческая относительность любой идеологии (К. Мангейм). Политика стала представляться как ряд «жизненных миров» различных общественных групп. При этом дискурс описания этих групп находится в прямой зависимости от диспозиции группы внутри политического поля, главным образом по отношению к власти. В стабильные времена целостной картины мира господствуют знаковые дискурсы. Они тесно связаны с принципом

идеологии, направленным на консервирование и сохранение статус-кво. Символические дискурсы, будучи связаны с принципом утопии, с разрывом сущего и должного, напротив, указывают на противоречие статус-кво с идеалом, на альтернативность картин мира.

Вплоть до XX в. символичность ассоциировалась с неполноценностью и отклонением от научного способа мысли. Полностью развелись научное знание, оперирующее систематическими знаками, и мифология, которая следует логике символа. Поэтому роль символа сводилась, как правило, к роли предшественника аналитического знака, только на основании которого и может строиться истинно научное знание. Важную роль в формировании новой ситуации мышления сыграл упадок «великих идеологий». Состояние «конца политического» означало именно конец политического как идеологического и тотального, конец доминирования дискурсивных моделей, которые претендовали на статус универсальных структур, объясняющих политическое. Проникновение в политическую науку символического дискурса не могло не поставить под вопрос энкратический дискурс политики, не могло не тематизировать сам принцип анализа политического как идеологического. Отсюда происходят и «конец политического», и состояние постмодерна, наступающее в политике после конца «большого идеологического стиля» [Фишман 2006: 69—79].

Возврат символа в современную политическую теорию связан с преодолением привычного для модерна идеологического состояния политики, основанного на привилегии структуры знака и легитимизируемого ею политического дискурса. Любое «неисключенное третье» требовало своего безусловного «перевода» в доминирующем дискурсе политики, отказ от которого до некоторых пор был равнозначен отказу от «научности» как таковой. Сами по себе символы, т. е. политическая символика, присутствовали в политике всегда. Однако символическое подчеркнуто описывалось как нечто трансцендентное и даже лишнее в ситуации рационализированной политики, в рамках которой протекает ее научное осмысление. Символическое относилось к иррациональной среде политики. Поэтому проникновение символических теорий в политическую науку происходило первоначально из смежных сфер знания. Символическое входило в политическую науку через политическую лингвистику, психологию масс и лидеров, теорию языка, политическую философию, теории манипуляций, политическую герменевтику как анализ текстов и т. п. Однако после подтверждения эффективности и релевантности символических дискурсов применительно к современной политике сам собой возник вопрос о возможной когерентности, взаимосвязи символического и политического.

Лишь с оформлением постструктурализма, психоанализа, герменевтики с их критикой уни-

версальной нормы, идеологичности политического знания и соответственно заявлениями о множественности возможных норм аксиоматичность знака стала проблематичной. Нарастает интерес науки к символу, предлагающему более плотный и насыщенный жизненный мир. Политика, описываемая с помощью символического дискурса, вновь обнаруживает свое «утраченное» трансцендентное измерение. Э. Фромм писал по этому поводу, что «язык символов может по праву претендовать на звание единственного универсального языка из всех когда-либо созданных человеком» [Фромм 1992: 180].

Итак, структура знака (тождество означаемого и означающего, первичность первого из них) и структура символа (избыточность означающих вплоть до аргументации их автономии по отношению к означаемому) лежат в основании двух фундаментальных дискурсов политики. Структура знака доминировала в позитивистской политической науке Нового времени и определяла, апеллируя к разуму, границы научности как таковой. Несмотря на антагонизм принципов знака и символа, они являются комплиментарными, восполняют конструктивные и методологические недостатки друг друга. Это позволяет утверждать, что на метауровне методологии они образуют общую парадигму [Мартьянов: 2003]. На основе этой парадигмы структурируются дискурсивные модели политики — знаковая и символическая.

Все, что задает трансцендентный масштаб политического, представлено символом как «знаком бесконечного в конечном» (А. Шлегель). Имманентные политические теории и схемы, наоборот, стремятся удержать политическое неизменным и независимым от любого иного порядка. Они выступают реализациями политических технологий власти, направленных на закрепление актуального политического порядка, превращение его в «конечную бесконечность», подчиненную имманентному принципу знака.

Структура знака лежит в основании классического языка политики Нового времени как тождества означаемого и означающего, бытия и мышления. Здесь политическое представление функционирует только в рамках наличия, непротиворечивости, полноты и тождества слов и вещей. Знак как принцип познания нацелен на выявление универсальных структур, общих понятий и схем, в которые вписывается все наличное бытие. Знак всегда подразумевает приоритет умопостигаемого (идеи) над чувственным многообразием опыта, нормативного над эмпирическим, идеального над материальным, номотетического над идеографическим в форме жестких асимметричных оппозиций мышления.

Знак предстает как единственно возможная, исключая «все иное» форма взаимосвязи означающего и означаемого как абсолютного тождества, легитимированная «классической эпистемой» (М. Фуко) науки. Только в рамках

знаковой модели дискурса формулировались политические истины Нового времени и было возможно само научное знание о политике. Символ своей структурой размывает это отношение означающего и означаемого, обнаруживая их несовпадение, нетождественность, возможность иной политической истины. Знак профанирует сакральное, подчиняя его имманентному — опыту, разуму, логике, здравому смыслу. Символ, наоборот, сакрализует профанное, обнаруживает недискретность политической реальности, наличие в ней других слоев, помимо верифицируемого с помощью принципа знака.

Бинарная оппозиция «знак — символ», аналогичная противопоставлению научного логоса и ненаучного мифа, должна была поддерживать авторитет «классической эпистемы» науки. Считалось, что цивилизованные, «разумные» люди свободны от недостатков символического мышления, которое характерно для «других» — животных, детей, дикарей, сумасшедших, мыслящих символически. Различного рода культурологические, идеологические табу не допускали мысли о символизме собственного научного дискурса, отождествляемого с непогрешимым универсальным логосом, опирающимся исключительно на «аналитические знаки». Считалось, что «описания диких символов, знаков других, по сути, превращаются просто в дикие описания наших собственных символов. Однако наше мышление часто пользуется теми же приемами, что и мышление „первобытных“ людей. В этом смысле мы не можем сравнивать себя с ними в терминах превосходства. Демистификация собственного мышления сложна тем, что непосредственно затрагивает собственные привычки мышления, их далеко не безупречную основу. В свое время она началась с разоблачения ряда центризмов: этноцентризма (К. Леви-Стросс), антропоцентризма (М. Фуко), логоцентризма (Ж. Деррида) и т. п.» [Тодоров 1998: 262—263].

Таким образом, прескрипционность знака как тождества знания-власти сменяется терпимым к «иному/другому» символом, что влечет за собой как изменение отношения познания к миру, так и изменение самого мира современной политики. Власть оказывается неспособна с помощью принципа знака оформлять замкнутый идеологический дискурс политики. Политическое знание выходит за пределы классической эпистемы Просвещения и поневоле открывает собственную символичность, которая подспудно проявлялась в виде неудовлетворенности знаковым дискурсом и вневременными политическими теориями и моделями. Структура подобного научного представления оказывается неполной, а значит, неуниверсальной и неистинной. Потребность доминирующих социальных групп в более эффективной легитимации выливается в поиск новых методологических принципов. Такую возможность организо-

вать на новых принципах политическое пространство представления политическим идеологам предоставляет структура символа.

В свою очередь, символ акцентирует внимание на оригинальном и единичном. Символ основан на метафоричности — объединению по сходству и метонимичности — синтезу по смежности. Эвристичность символа определяется тем, что он дает возможность прорваться за пределы самоидентификации, которой живет знаковый дискурс политики. Символ позволяет учесть важные различия, он сосредоточен на становящемся в противовес ставшему. Если знак отменяет время, то символ обращает внимание именно на конечное, то есть временное. Опираясь на символы, мы можем попасть в то пространство разрыва, перехода и становления, когда ставшее еще не было таковым, выявить причины установления данного соотношения знания — власти, которое с помощью структуры знака стремится победить время, внушить веру в собственную незыблемость и естественность. Поэтому знак метафизичен в буквальном смысле, как то, что за пределами «политической физики» ее объединяет, схватывает в структуре всеобщего и целого. Речь идет прежде всего об универсальных идеях, их приоритете над означаемым, политическим праксисом, в силу чего метафизичность знака приравнивается к его идеологичности как господству идей над тем, как и в чем они реализуются, господству вневременного над временным, универсального над единичным, бесконечного над конечным и т. д. То есть в рамках знаковой модели нормативные, конвенциональные, субъективные законы политики, являющиеся предметом конвенции, ложно отождествляются с объективными, независимыми от человека законами природы.

Символ неизменно связан с поливалентностью смысла. Знак — это носитель любого фиксированного смысла. Символ потенциально включает в себе множественные смыслы. Семантика символа часто определяется контекстуально, коннотативно, ситуативно, а план выражения в структуре символа господствует над планом содержания. Поэтому в определенном смысле символическое значение аналогично косвенному, выступающему в виде различных тропов, например метафоры или аллегории. Троп всегда связан с переносом, аналогией, аллегорией, смещением прямого значения — троп не говорит прямо (констатация), он намекает и подразумевает, оставляя простор для интерпретации, фальсификации, различий. Например, А. Лосев дифференцирует схему, символ и аллерию по соотношению в них означаемого и означающего: если схема (план) являет собой полное поглощение инвариантным означающим практически любого оригинального и отклоняющегося от нее конкретного содержания, тем самым как бы выхолащивая его, а аллегория, наоборот, представляет полное

доминирование плана выражения над планом содержания, то символ есть мера гармонии означающего и означаемого, их взаимодополнение и обогащение [Лосев 1991: 44—48].

Еще одно важное различие связано с тем, что символ по своему генезису мифичен. Миф с этой точки зрения предстает как «чудесная личностная история», персонализированное бытие или же, в еще более простой трактовке, как «развернутое магическое имя», являющее собой способ ухода от обезличенного, абстрактного бытия, от модели научной истины с императивами универсальности, объективности, незаинтересованности, системности [Лосев 1991: 169—170].

Различие между значением и смыслом аналогично различию знака, выполняющего функцию означивания и указывающего на некое тождество, и символа, претендующего на выражение сокровенного смысла, а потому многозначного, зачастую смутного и несводимого к поверхностному, одномерному «значению». Смысл представляет собой нечто самоценное: «с — мыслью» — смысл представляется самой мыслью, платоновской идеей, что рождается вместе с ней. «Значение» всегда значит что-то для кого-то и, как правило, в чем-то, т. е. в определенном контексте. В этом проявляется относительность значения, обусловленного некой условной заданной системой координат. Смысл — «по ту сторону» и «прежде» утверждения истинности/ложности. Только уже осмысленное предложение может быть истинным/ложным, но не наоборот. Осмысленным высказываниям противостоят только бессмысленные, которые не могут иметь значения. Только на осмысленное предложение может накладываться то или иное значение, в зависимости от входящих в него переменных и характера взаимодействий с другими предложениями. Семантическая сетка значений всегда накладывается на ту или иную смысловую интерпретативную модель, обнаружение которой зависит от применяемой методологии.

Любая структура значений, обозначающая система связана с конкретной политической практикой и системами ценностей. Обозначающая система должна иметь видимость объективности, а тем более универсальности, ее ангажированность затушевывается, она представляется как нечто естественное, природное, самодостаточное. Итак, знак связан со значением и категорией устанавливающего значения рационального рассудка. Символ связан со смыслом и стоящим за ним разумом, который не поддается полному контролю и присвоению внешними инстанциями, поскольку самопротиворечив: «Главное отличие между рассудком и разумом — это запрет на противоречия в сфере рассудка и допущение противоречий в сфере разума» [Автономова 1988: 355].

Символ играет на маргинальных смыслах, воскрешает «проклятую сторону вещей», в то

время как знак всегда связан с бинарным кодом истина/ложь, норма/патология. М. Фуко показал, что установление нормы является способом легализации доминирующего дискурса власти и распространения его с помощью как научно-познавательных, так и дисциплинарных практик на общество в целом [Фуко 1994]. Например, в Европе современное понятие труда формировалось с нетерпимостью к нищим как изгоям, которые должны быть изолированы от праведного, трудящегося общества, а протестантизм, легитимировавший «труд как молитву», продемонстрировал совершенно новую матрицу смыслов. Эта матрица — эпистема Просвещения, которая задала самой своей структурой познавательное, проблемное и методологическое единство всего корпуса общественных наук в рамках новой исторической эпистемы. С помощью подобных методологических ходов формулировались современные дефиниции разума, истины, власти, здоровья и т. д.

Интересны сами исторические обстоятельства, связанные с постепенным отождествлением истины и нормы, с последующим вытеснением и замещением первой на вторую, так как структура знака всегда выстраивается именно как нормативная. Таким образом, борьба за власть выступает в виде борьбы за обладание нормой, за право ее устанавливать, заключать в нее свои интересы. И эта борьба разворачивается во всех сферах общественной жизни — науке, политике, экономике, праве и т. д.

Интенсивность и публичность политического действия особенно возросла в ходе реализации идей Просвещения, когда в политику вовлеклось общество в целом. Исторически любое сложное взаимодействие, выводящее человека за пределы его жизненного опыта и обыденных целей, включающее его в надындивидуальный социальный мир, наиболее эффективно осуществлялось с помощью символических структур трансляции смыслов, несущих максимум смысла при минимуме выразительных средств, требующих задействования механизмов понимания. Поскольку реальные субъекты политической власти все-таки конечны, они подвержены движению истории, переинтерпретации другими субъектами. Дестабилизация сложившейся политической картины делает возможной борьбу альтернативных видений. Поиск различий становится более значимым, чем поиск универсальных тождеств, формализация уступает место интерпретации, позитивизм — герменевтике, идеология — утопии, власть — оппозиции. Идеологические знаки, потеряв абсолюта своих значений и выйдя за пределы замкнутого политического контекста, становятся марксовым «ложным сознанием».

3. ЗНАКОВЫЙ (ЭНКРАТИЧЕСКИЙ) И СИМВОЛИЧЕСКИЙ (АКРАТИЧЕСКИЙ) ДИСКУРСЫ ПОЛИТИКИ. Исторически противостояние знакового и символического дискурсов политики в наиболее явной и принципиальной форме продолжается

в соперничестве «акратического» и «энкратического» методов получения истины — герменевтики и позитивизма. «Энкратический» и «акратический» виды дискурса — неологизмы, предложенные Роланом Бартом [Барт 1989: 535—544]. Знаковый дискурс «энкратичен», и противостоит ему «акратический», т. е. невластный дискурс, обособленный от доксы (парадоксальный) и критичный к доминирующему дискурсу. Доминирующий дискурс политики и политической науки всегда «энкратичен», т. е. связан с самореференцией власти: апология власти довлеет в нем над кодом автономной научной истины. Он не проблематизирует ни субъекта познания, ни метод описания, стремясь теоретически закрепить сложившийся политический порядок.

Энкратический дискурс «выглядит как „природный“ и потому трудноуловим; это язык массовой культуры (пресса, радио, телевидения), а в некотором смысле также и язык быта, расхожих мнений (доксы); сила энкратического языка обусловлена его противоречивостью — он весь одновременно и подспудный (его нелегко распознать) и торжествующий (от него некуда деться); можно сказать, что он липкий и всепроникающий» [Барт 1989: 537]. Иными словами, неожиданно выяснилось, что ясность структуры энкратического дискурса вырабатывается искусственно, подозрение оказалось не напрасным: слишком ясный дискурс доксы — это всегда орудие власти, где ясность является функцией его убедительности, а естественность — эффективным способом трансляции норм.

Энкратический дискурс нормативизирует политические решения и действия с точки зрения их эффективности. Подобный дискурс характерен для самолегитимации элиты, которой кроме идеи эффективности нечего предложить для оправдания существующего в политике статус-кво, который ее вполне устраивает и который она стремится удержать. Ключевым концептом парадоксального языка, принадлежащего «демосу», является решение вопроса о политической справедливости. Это справедливость, которая является легитимирующим условием политического действия, направленного на освобождение, практику борьбы за установление нового формата справедливости классовых отношений, отношений элиты, народа и государства. Иными словами, политическая этика элиты ориентирована на идею эффективности, этика массы — на идею справедливости.

Фактически энкратический дискурс всегда представляет собой попытку власти в области представления умозрительно реконструировать Вавилонскую башню. В интерпретации Деррида ее постройка является поиском божественного языка, в котором сливается язык и мир, власть и общество, элита и масса в рамках божественной истины откровения. Это своего рода рукотворный земной рай, где сняты все идеологические, экономические, национальные различия. Соответственно ее разрушение оборачи-

вается расхождением мира и языка, классовым антагонизмом, ростом непреодолимых границ и различий, распадением человечества, связанным с грехом гордыни, попыткой создать универсальный, т. е. божественный язык.

Первоначально секулярный знаковый дискурс Просвещения акратичен, когда борется за истину с доминирующим религиозным дискурсом политики. Лишь когда идеология делается доминирующей политической формой объяснения, в которой формулируются политические теории, тавтологический дискурс становится языком власти, но тут же получает новую оппозицию в виде критического дискурса внутри идеологического состояния политики. Онтологически господствующий дискурс в политологии априори является самореференцией власти, в то время как модель акратического дискурса принадлежит структурной оппозиции. И это permanently конкурентное состояние политики характеризуется в условиях модерна как легитимное благодаря признанию структуры символического дискурса, допускающего вариативность политической истины — различие нормативных интерпретаций политических феноменов теми или иными значимыми политическими субъектами.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. — М., 1988.
- Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1989. С. 535—540.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М.; СПб., 1998.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. — М., 1991. С. 21—186.
- Мартьянов В. С. Метаязык политической науки. — Екатеринбург, 2003.
- Мартьянов В. С. Трансформация языка социально-политических наук: от знания-власти к нарративу // Научный ежегод. Ин-та филос. и права УрО РАН. — Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 192—203.
- Годоров Ц. Теории символа. — М., 1998.
- Фишман Л. Г. Постмодерн как возврат к Просвещению // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 69—79.
- Фромм Э. Забытый язык // Душа человека. — М., 1992.
- Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. — М., 1994.
- Юнг К. Г. Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе. — СПб., 1993.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 808.51

ББК Ш7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.20

Н. А. Спицына
Е. А. Медведева
Владивосток, Россия

N. A. Spitsyna
E. A. Medvedeva
Vladivostok, Russia

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ТЕХНОЛОГИЙ СПИЧРАЙТИНГА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**
(на примере речи президента США Барака Обамы
«О новой странице в отношениях»

**SPEECH WRITING TECHNIQUES
USAGE IN POLITICAL LINGUISTICS**
(On the example of “A new beginning”
Barack Obama’s speech)

Аннотация. Дается определение и описывается технология спичрайтинга. Делается попытка выявить технологии спичрайтинга, которые могут быть использованы для написания политических текстов с высоким прагматическим потенциалом. Для демонстрации использования выявленных технологий приводится анализ речи американского президента Барака Обамы «О новой странице в отношениях», произнесенной в Каире (Египет) 4 июня 2009 года.

Abstract. The article covers the issue of speech writing techniques and their identification. We try to detect such speech writing techniques that can be used in political texts with high pragmatic potential. To show how such speech writing techniques work, we analyze Barack Obama’s speech “A new beginning”.

Ключевые слова: политическая лингвистика; спичрайтинг; технологии спичрайтинг; написание текстов политических речей; анализ текстов политических речей.

Key words: political linguistics; speech writing; speech writing techniques; political speech writing; political speech analysis.

Сведения об авторе: Медведева Елена Анатольевна, специалист Школы региональных и международных исследований.

About the author: Medvedeva Elena Anatolyevna, Specialist of School of International and Regional Studies.

Место работы: Дальневосточный федеральный университет.

Place of employment: the Far Eastern Federal University.

Контактная информация: 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.
e-mail: aventisum@mail.ru.

Сведения об авторе: Спицына Наталья Александровна, кандидат филологических наук (РФ), PhD (Евросоюз), доцент кафедры лексикологии, стилистики и методики преподавания.

About the author: Spitsyna Natalya Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Lexicology, Stylistics and Language Teaching Methods.

Место работы: Дальневосточный федеральный университет.

Place of employment: the Far Eastern Federal University.

Контактная информация: 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.
e-mail: natspitsina@mail.ru.

Для того чтобы выявить технологии спичрайтинга, которые могут быть использованы для создания эффективных политических текстов, мы изучили работы, посвященные проблеме написания политических речей, а также работы, посвященные практической риторике (спичрайтинг является одним из ее разделов) и ораторскому искусству. Это труды П. Сопера, Ф. П. Сайтела, Р. Хоффа, Л. Браун, Ж. Данкел, Э. Парнхэм, Г. Г. Почепцова, О. П. Кудинова, И. А. Стернина, Л. А. Введенской, Л. Г. Павловой, Н. Д. Арутюновой, О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина, А. Д. Кривоносова, Т. В. Анисимовой, Е. Г. Гимпельсон, Л. В. Минаевой, В. И. Максимова, И. П. Яковлева, И. Г. Проскуряковой и др. В результате исследования были выявлены технологии, при использовании которых может быть подготовлен и написан текст политической речи с высоким прагматическим потенциалом. Технология подготовки к публичному выступлению состоит из нескольких этапов: 1) сбор данных; 2) интервьюирование спикера; 3) исследо-

вание аудитории; 4) исследование темы публичного выступления; 5) работа с источниками и технология написания политической речи, включающая в себя в себя следующие элементы: а) план речи; б) конспект речи; в) композицию; г) методы изложения материала; д) приемы привлечения внимания аудитории; е) контактоустанавливающие средства; ж) эффективность и выразительность речи; з) пробное озвучивание текста речи.

Для демонстрации технологий спичрайтинга мы выбрали речь президента США Барака Обамы «О новой странице в отношениях» [Obama 2009], произнесенную в Каирском университете (Каир, Египет) 4 июня 2009 г. Эта речь была выбрана не случайно, как и оратор, поскольку именно США являются на сегодняшний день лидером в разработке и использовании технологий Public Relations, к которым относится и спичрайтинг.

Речь, произнесенная в Каире, готовилась несколько месяцев, для ее написания были

привлечены эксперты из разных областей, включая мусульманских богословов. По оценкам СМИ Саудовской Аравии аудитория речи составила более миллиарда мусульман по всему миру. Помимо телевидения, она транслировалась по Интернету на 13 языках.

Речь состоит из введения, основной части и заключения. Введение по объему меньше, чем заключение, и составляет 5,6 % (см. табл.) от объема всей речи. Основная часть начинается со слов «I've come here to Cairo to seek a new beginning between the United States and Muslims around the world...», которые являются главным тезисом выступления, т. е. объектом или целью выступления. Основным тезис представляет собой краткое и четкое положение, которое затем развертывается в основной части. Для того

чтобы расположить к себе аудиторию, которую вряд ли кто-нибудь может назвать дружественной, Обама использует несколько приемов. Так, в самом начале выступления (во введении) он находит возможность поздороваться с жителями арабских стран на их языке, передавая приветствия от мусульман, живущих в США, чем располагает к себе слушателей: *And I'm also proud to carry with me the goodwill of the American people, and a greeting of peace from Muslim communities in my country: Assalaamu alaykum. — 'И я горд тем, что мое пребывание здесь выражает добрую волю американского народа, и я передаю вам приветствия и пожелания мира от мусульман моей страны: «Ассалааму алейкум»'*.

Таблица
Структура речи «О новой странице в отношениях»

Части выступления	Количество слов	Количество знаков без пробела	Количество знаков с пробелами	Соотношение, %		
				слова	знаки без пробелов	знаки с пробелами
Введение	325	1 630	1 964	5,4	5,7	5,6
Вводная часть основной части	1 290	6 025	7 350	21,3	20,9	21,0
Терроризм и экстремизм	921	4 271	5 222	15,2	14,8	14,9
Палестино-израильский конфликт	1 056	5 136	6 221	17,6	17,8	17,8
Нераспространение ядерного оружия	354	1 681	2 045	5,9	5,9	5,9
Демократия	383	1 817	2 215	6,3	6,3	6,3
Свобода вероисповедания	348	1 764	2 126	5,8	6,1	6,1
Права женщин	252	1 158	1 413	4,1	4,0	4,0
Экономическое развитие	555	2 922	3 488	9,2	10,2	10,0
Заключение	556	2 378	2 950	9,2	8,3	8,4
Речь в целом	6 040	28 782	34 994	100	100	100

Затем во введении основной части Обама пытается дистанцироваться от политики прежних правительств. Он призывает к диалогу, взаимному уважению и открытости. Для придания веса своим словам Обама цитирует Коран. Нужно отметить, что цитирование Корана используется не только для того чтобы расположить слушателей к оратору, но и как прием привлечения внимания.

There must be a sustained effort to listen to each other; to learn from each other; to respect one another; and to seek common ground. As the Holy Koran tells us, "Be conscious of God and speak always the truth". — 'Необходимо упорно стремиться услышать друг друга, учиться друг у друга, уважать друг друга и искать общие позиции. Как сказано в Священном Коране: „Бойтесь Аллаха и всегда говорите правое слово“'.

Аудитория встречает его слова аплодисментами. Сделан еще один шаг для завоевания расположения слушателей. Далее Обама говорит о своем отце-кенийце, который был му-

сульманином, о том, как в детстве провел несколько лет среди мусульман, живя в Индонезии, и плавно переходит к роли ислама в истории развития человеческой цивилизации. Обама говорит об огромном вкладе мусульман в мировую науку и культуру и о важности их роли в развитии европейской цивилизации.

It was Islam — at places like Al-Azhar — that carried the light of learning through so many centuries, paving the way for Europe's Renaissance and Enlightenment. It was innovation in Muslim communities — it was innovation in Muslim communities that developed the order of algebra; our magnetic compass and tools of navigation; our mastery of pens and printing; our understanding of how disease spreads and how it can be healed. Islamic culture has given us majestic arches and soaring spires; timeless poetry and cherished music; elegant calligraphy and places of peaceful contemplation. — 'Именно ислам — в местах, подобных Аль-Азхару — пронес светоч знаний через многие века, проложив путь Возрождению и Просвещению в Европе. Благодаря новатор-

скому духу мусульманских общин (аплодисменты), *благодаря новаторскому духу мусульманских общин наш мир получил строгие каноны алгебры, магнитный компас и навигационные инструменты, владение письмом и печатные книги, понимание того, каким образом распространяются и как могут излечиваться заболевания. Исламская культура дала нам величественные арки и стройные шпили, неувядающую поэзию и прекрасную музыку, элегантную каллиграфию и уголки для тихого мирозерцания*'.

Далее американский президент продолжает свою речь, говоря уже о роли мусульман в жизни США, о том, какой большой вклад они (мусульмане) сделали в развитие страны, и упоминает о недавно избранном в Конгресс мусульманине — первом за всю историю США.

And when the first Muslim American was recently elected to Congress, he took the oath to defend our Constitution using the same Holy Koran that one of our Founding Fathers — Thomas Jefferson — kept in his personal library. — 'Совсем недавно был избран в Конгресс первый американский мусульманин, который принес присягу о защите нашей Конституции на Священном Коране, принадлежавшем одному из наших отцов-основателей — Томасу Джефферсону, хранившему его в своей личной библиотеке'.

Затем Обама выражает решимость бороться со стереотипами в восприятии мусульманами и американцами друг друга, говорит о многообразии культур и вероисповеданий в США, далее Обама приводит в качестве примера факты своей биографии, что является очень эффективным приемом для завоевания аудитории (слушатели начинают воспринимать американского президента не только как официальное лицо, он становится для них ближе и понятнее, а его аргументы приобретают больший вес). Обама говорит, что прежде афроамериканец с таким именем, как Барак Хусейн Обама, едва ли мог стать президентом, а раз он смог этого добиться (воплотилась его американская мечта), значит, президентом может стать любой, в том числе один из семи миллионов мусульман, проживающих на территории США.

По мере приближения к окончанию введения основной части президент подводит слушателей к мысли о том, что конфронтацию необходимо оставить в прошлом, будущее — за сотрудничеством, которое поможет всем заинтересованным сторонам развиваться и процветать.

So whatever we think of the past, we must not be prisoners to it. Our problems must be dealt with through partnership; our progress must be shared. — 'И что бы мы ни думали о прошлом, нам нельзя оставаться у него в плену. Наши проблемы должны решаться на основе партнерства, и наш прогресс должен быть общим'.

Когда аудитория должным образом подготовлена, Обама переходит непосредственно к вопросам основной части. Таких вопросов семь

(см. табл.). Необходимо отметить, что американский президент в своей речи использует аргументы, обращенные больше к эмоциям слушателей, нежели к их разуму. Говоря о роли ислама, Обама пытается играть на чувствах аудитории, а когда призывает арабские народы к миру и прогрессу и говорит о процветании, то эксплуатирует базовые человеческие потребности в комфорте и безопасности. Рефреном его речи является следующая мысль: те страны и народы, правительства которых пойдут на сотрудничество с США, будут жить хорошо, другие же обрекут себя на печальное будущее.

Заключение составляет порядка 8,3 % (см. табл.) от объема всей речи, в нем повторяются основные тезисы о необходимости совместного решения возникших проблем, мирного сосуществования, диалога и дальнейшего совместного развития, т. е. подкрепляется основной тезис о необходимости начала нового, мирного этапа взаимоотношений между США и мусульманским миром.

The issues that I have described will not be easy to address. But we have a responsibility to join together on behalf of the world that we seek — a world where extremists no longer threaten our people, and American troops have come home; a world where Israelis and Palestinians are each secure in a state of their own, and nuclear energy is used for peaceful purposes; a world where governments serve their citizens, and the rights of all God's children are respected. Those are mutual interests. That is the world we seek. But we can only achieve it together. — 'Проблемы, которые я описал, решить будет нелегко. Но на нас лежит ответственность по объединению своих сил ради таких условий жизни, к которым мы стремимся — условий, в которых экстремисты более не угрожали бы нашему народу, а американские войска вернулись бы домой, условий, в которых израильтяне и палестинцы жили бы в безопасности в своих отдельных государствах, а ядерная энергия использовалась бы в мирных целях, при которых правительства служили бы интересам своих граждан, и права всех детей Божьих соблюдались бы. Эти интересы являются для нас общими. Это мир, к которому мы стремимся, и которого мы сможем достичь лишь благодаря совместным усилиям'.

В финальной части для подтверждения основной мысли о необходимости мира между народами приводятся цитаты из трех священных книг: Библии, Корана и Торы.

The Holy Koran tells us: "O mankind! We have created you male and a female; and we have made you into nations and tribes so that you may know one another".

The Talmud tells us: "The whole of the Torah is for the purpose of promoting peace".

The Holy Bible tells us: "Blessed are the peacemakers, for they shall be called sons of God".

‘Священный Коран гласит: „О люди! Воистину, Мы создали вас, мужчину и женщину, и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга“.

Талмуд говорит: „Тора была дана, чтобы внести мир в мироздание“.

Святая Библия провозглашает: „Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими“.

Делается вывод, что мир угоден Богу, и он, Барак Обама, приложит все усилия, для того чтобы народы планеты прекратили враждовать друг с другом. Речь заканчивается благодарностью за внимание и пожеланием мира, т. е. периодически повторяется основной тезис в различных интерпретациях, слушателям пытаются внушить основную мысль о мирной жизни.

The people of the world can live together in peace. We know that is God's vision. Now that must be our work here on Earth.

Thank you. And may God's peace be upon you. Thank you very much. Thank you. — ‘Народы мира могут жить вместе в мире. Мы знаем, что таково видение Господа. И ради этой цели мы должны трудиться здесь, на земле. Спасибо. Мир вам. Большое спасибо. Спасибо’.

Теперь обсудим метод изложения материала. Во введении использованы ступенчатый, концентрический и дедуктивный методы. Речь развивается последовательно, плавно переходя от одного пункта к другому, некоторые вопросы после первого упоминания рассматриваются более углубленно, а для доказательства других положений используются примеры из автобиографии, исторические факты, высказывания великих людей и цитаты из священных книг. В основной же части, помимо выше упомянутых методов, используется еще и принцип тематического изложения материала. Последовательно перечисляются все основные и наиболее болезненные вопросы, которые затрагивают как мусульманский мир, так и США. В первую очередь рассматривается проблема терроризма и экстремизма, которая является наиболее важной для Обамы в связи с терактами 11 сентября, далее идет палестино-израильский конфликт, служащий вот уже много лет источником напряженности между двумя народами и рассматриваемый некоторыми аналитиками как непосредственное выражение так называемого конфликта цивилизаций, где Израиль поддерживается США, а народ Палестины — мусульманским миром. Далее рассматривается вопрос о нераспространении ядерного оружия, в связи с чем порицается правительство Иранской Республики за попытку начать новую вооружений. Основная часть речи, надо заметить, выстроена так, что мысль развивается от негатива к позитиву. В первой половине говорится о проблемах, а во второй — о возможности их решения. Вторая, позитивная часть начинается с разговора о демократии, о том, что именно эта форма правления отражает волю народа,

затем поднимается вопрос о свободе религии и правах женщин. Завершая основную часть своей речи, Обама говорит об экономическом развитии и открывающихся возможностях для тех стран и народов, которые откажутся от конфронтации и будут строить свои отношения с США на базе партнерства и сотрудничества. Заключение смыкается с вводной частью, объединяя речь в одно смысловое целое. В изложении материала соблюдена логическая последовательность. В качестве доказательной базы используются примеры из жизни американского президента, исторические факты, высказывания известных людей и цитаты из священных книг, применяются как логические, так и психологические доводы. Взят на вооружение такой важный принцип композиции, как принцип усиления. Тщательность и продуманность, с которой составлена речь, говорит о большой работе и о высоком профессионализме команды спичрайтеров Барака Обамы. Все цитаты нестандартны и исключительно уместны и помогают не только расположить аудиторию к оратору, но и убедить ее в правоте американского президента. Время звучания речи составляет 55 минут, что оптимально с точки зрения технологии спичрайтинга.

В целом эта речь соответствует канонам спичрайтинга, хотя у нее есть и свои отличительные особенности. Во-первых, ее композиция. Традиционно в речах используется трехчастная композиция: введение, основная часть, заключение. Здесь мы видим, что у основной части есть своя собственная вводная часть, которая является достаточно объемной и составляет 1290 слов, или 21,3 % от всего текста. Чем же это объяснить? На наш взгляд, дополнительное введение выполняет контактоустанавливающую функцию, поскольку с учетом сложности и неоднородности аудитории, объединяющим фактором для которой является ислам, было просто необходимо уделить больше внимания расположению слушателей к говорящему. Здесь проявляется технология подготовки к публичному выступлению: одной из ее составляющих является исследование аудитории. В результате этого исследования спичрайтеры пришли к выводу, что для установления контакта между оратором и аудиторией стандартного введения будет недостаточно.

Второй особенностью этой речи является широкий круг затрагиваемых вопросов, изложенных в основной части. Специалисты, исследующие технологии спичрайтинга, рекомендуют освещать в одной речи не более 3-4 вопросов, так как считается, что слишком большое количество тем трудно для восприятия аудитории и, в конечном итоге, не способствует убедительности, поскольку на долю каждого вопроса приходится недостаточно времени для полноценного освещения. В Каирской речи затрагиваемых проблем семь, что, на первый взгляд, не соответствует технологии спичрайтинга. Мы

полагаем, что такое превышение вызвано политическими причинами. Речь была заявлена как программная, направленная на улучшение взаимоотношений между США и исламским миром, следовательно, необходимо было озвучить все принципиальные для США и мусульманских стран вопросы. Спичрайтеры понимали, что такое большое количество затрагиваемых проблем может сделать речь поверхностной и неубедительной. Поэтому при выборе последовательности изложения вопросов они расположили темы демократии, свободы вероисповедания и прав женщин друг за другом, так как они логически связаны и невелики по объему, и их можно объединить в один блок, при этом они составили 983 слова, что сопоставимо с разделами речи, посвященными проблеме терроризма и палестино-израильскому конфликту. Таким образом основная часть сокращается до 5 пунктов, что уже не является значительным превышением рекомендуемого количества.

На основании вышеизложенного мы делаем вывод, что при подготовке и написании речи для американского президента использовались технологии спичрайтинга, а именно технология подготовки к публичному выступлению и технология написания текста речи. Использование данных технологий сделало возможным появление яркой, эффективной и убедительной речи, которая была хорошо принята населением арабских стран и, возможно, стала одной из причин последующих событий, известных теперь как арабская весна.

Мы полагаем, что тема технологий спичрайтинга в политической лингвистике недостаточно хорошо изучена, поэтому планируем продолжить исследования в данной области, чтобы выявить новые технологии, изучая литературу по данной теме и анализируя тесты речей известных политиков.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика : учеб. пособие — Воронеж: Изд-во МПСИ, 2002.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.

Браун Л. Имидж — путь к успеху. — СПб.: Питер, 1997.

Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Деловая риторика. — Ростов на/Д: Феникс, 2002.

Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Основы речевой коммуникации. — М.: ИНФРА-М, 1997.

Данкел Ж., Парнхэм Э. Ораторское искусство — путь к успеху. — СПб.: Питер-Пресс, 1997.

Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. — СПб.: СПбГУ, 2002.

Кудинов О. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России. — Калининград: ГИПП «Янтарный сказ», 2000.

Максимов В. И. Русский язык и культура речи. — М.: Гардарики, 2000.

Минаева Л. В. Спичрайтинг (написание речей) как учебная дисциплина // Public Relations — наука, образование, профессия : науч.-методич. сем. 15 апреля 2002 г. — СПб.: 2002. — 24 с.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2001.

Проскурякова И. Г., Егоренкова Н. А., Ищук Д. Г., Кудряшова В. В., Павлова Н. А. Культура речи. Риторика : учеб. пособие. — СПб.: СПбГПУ, 1998.

Сайтел Ф. П. Современные публич-рилейшнз. — М.: Инфра-М, 2002.

Сопер П. Основы искусства речи. — Ростов н/Д: Феникс, 1999.

Стернин И. А. Деловая риторика / ВГТУ. — Воронеж, 1996.

Хофф Р. Я вижу вас голыми. Как подготовиться к презентации и с блеском ее провести. — М.: Класс, 1996.

Яковлев И. П. Основы теории коммуникаций. — СПб.: Роза мира, 2001.

Obama B. Remarks by the President on a new beginning. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

О. М. Моргун
Москва, Россия

О. М. Morgoon
Moscow, Russia

**КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ
В МЕТОДОЛОГИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS
WITHIN POLITICAL SCIENCE
RESEARCH METHODS**

Аннотация. Исследуется практика использования критического дискурс-анализа в политической науке. На основе материалов специализированной литературы и библиометрических показателей выявляется дефицит внимания к данному методу со стороны международного и российского политологического сообщества. Краткое рассмотрение его сущности, возможностей и ограничений демонстрирует перспективы интеграции этой междисциплинарной качественной методики в эмпирический инструментарий политической науки.

Abstract. This article examines critical discourse analysis usage for political investigations. Special survey of literature, schedules and articles brings out strong methodological deficiency. Some argumentation on issues, means and limits of critical discourse analysis emphasize its prospects for political science development.

Ключевые слова: методология политической науки; количественные методы; качественные методы; критический дискурс-анализ.

Key words: political science research methods; quantitative methods; qualitative methods; critical discourse analysis.

Сведения об авторе: Моргун Оксана Михайловна, аспирант факультета прикладной политологии.

About the author: Morgoon Oksana Mikhailovna, Post-graduate Student of The Faculty of Applied Political Science.

Место работы: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Place of employment: The National Research University "Higher School of Economics" (Moscow).

Контактная информация: 125319, г. Москва, Кочновский проезд, д. 3.
e-mail: o_morgoon@mail.ru.

В центре внимания политической науки находятся принципы и практика распределения, приобретения и передачи власти в сложном организме — политической системе. Процессуальный характер властных отношений автоматически предполагает взаимозависимые категории господства и подчинения: обладание властью обеспечивает господство одних акторов над другими, подчиняющимися их воле на основании того, что последние оценивают такое состояние легитимным, т. е. справедливыми и допустимым. В современном обществе политическая сфера приобретает различные измерения и формы, так как является ключевой интегрирующей силой экономической, социальной, культурной подсистем и включенного в них индивида. Изучение такого комплексного феномена требует тщательной разработки методологического инструментария.

При выборе метода политического исследования актуальны многочисленные вопросы. Какой метод является наиболее эффективным для решения поставленных задач? Обладает ли исследователь ресурсами (доступность информации, контакты экспертов и др.) и навыками (теоретические знания, широкий кругозор, владение специализированными компьютерными программами и др.) для проведения исследования? Соответствует ли выбранный метод условию экономичности используемых ресурсов? Какие условия или критерии позволяют оценить репрезентативность полученных результатов? Только получив ответы на подобные

вопросы, автор будет уверен в работоспособности методологической базы своего исследования и готов к возможной критике.

Политологов часто обвиняют в дефиците (недостаточной разработанности и разнообразии) специфической методологии. Необходимо признать, что подобная критика не соответствует общей для гуманитарных наук тенденции интеграции и междисциплинарности используемого аналитического инструментария. В большинстве русско- и англоязычной литературы, посвященной методологии политической науки [см., напр.: Ахременко 2006; Боришполец 2005; Штейнберг 2009; Hay 2002; King, Keohane, Verba 1994; Johnson 2008 и др.], предлагается стандартная для социальных наук классификация методов: количественные, качественные и сравнительные. Если сравнение является классическим методом научного анализа и не вызывает серьезных разногласий, то между сторонниками количественных и качественных методов развивается продолжительная дискуссия [см., напр.: Ragin 1987; Yanow 2006; Brady, Collier 2004; Mahoney, Goertz 2006 и др.]. Наличие подобного противостояния в западной политической науке демонстрируют результаты эмпирического исследования П. Шварц-Ши и Д. Яноу. Проанализировав четырнадцать актуальных (на момент проведения исследования) учебных пособий по методологии исследований в политологии, социологии и государственном управлении, ученые приходят к выводу о господстве позитивистской парадигмы в данной

отрасли знания и соответственно количественных методов. В большинстве работ основное внимание уделяется «эмпирическим» статистическим методам сбора и анализа данных, в то время как «интерпретативные» методы либо не заслуживают должного внимания, либо не рассматриваются вовсе. По мнению авторов, результаты исследования отражают не столько дискуссию между сторонниками эмпирических и интерпретативных процедур анализа, сколько собственные современной политической науке претензии на «позитивность» продуцируемого знания: «Во всех работах присутствует согласие с тем, что позитивный анализ является образцом научного исследования в политической (и социальной) науке... Интерпретативные методы сбора и анализа данных практически „исчезли“. В проанализированных пособиях количественные методы называются „эмпирическими“ и „лучшими“» [Schwartz-Shea, Yanow 2002: 476]. Мы проверили состояние дел на настоящий момент времени. Актуальные специализированные издания зарубежных авторов по методологии политической науки [см., напр.: Marsh, Stoker 2002; Pennings, Keman, Kleinnijenhuis 2006; Johnson 2008; Le Roy 2008; Box-Steffensmeier, Brady, Collier 2008; McNabb 2009; Grigsby 2011 и др.] по-прежнему приоритетным направлением определяют количественные методы, хотя предлагают читателю подробную информацию также и о качественных методиках исследования.

Возможно, данный факт обусловлен странственным фактором: анализировались работы англоязычных авторов. В европейской гуманитарной науке более сильна традиция использования качественного методологического инструментария, ставшая признанным направлением развития для всех социальных наук. Главным контраргументом использования количественных методов, общим для всех гуманитарных наук, является стандартизация методики, обуславливающая заранее обозримые рамки изучения объекта и соответственно предзаданность получаемых результатов. Вероятно, самой распространенной является критика использования в политологических исследованиях вторичных данных (статистики, результатов социологических опросов), а не самостоятельный сбор и анализ полевой информации. Без статистической сводки и результатов опроса общественного мнения трудно представить не только современные исследования, но и выступления экспертов (политических аналитиков).

Выявленная ориентация политической науки на эмпирическое знание, безусловно, обозначает противоречие между теоретическим и методологическим уровнями (парадигмальным и методическим соответственно). Постмодернизм, как основное теоретическое направление гуманитарных наук сегодня, обуславливает становление новой коммуникативной парадиг-

мы, предполагающей увеличение доли интерпретативных методик, чему не соответствует методологическая ориентация политологов.

Возможно, решением сложившейся ситуации станет устойчивая тенденция к совмещению количественных и качественных методов в проводимых исследованиях. Так, для социологии характерно то, что «появилась потребность понять значения и смыслы, которые стоят за однозначными анкетными ответами... Поэтому наряду с анкетными опросами стали широко применяться качественные методы сбора социологических данных: включенное наблюдение, глубинное интервью, методы групповых дискуссий, фокус-групп и др.» [Белановский 1996: 87]. В политологии также наблюдается движение в направлении подкрепления результатов интерпретативных методик данными количественных исследований и статистики. Практика совмещения качественных и количественных методов обуславливает использование процедуры триангуляции для подтверждения валидности исследования, заимствованной из социологической науки: «Комбинируя наблюдателей, теории, методы и источники данных, исследователи могут надеяться на то, что преодолеют смещение, неизбежное при подходе к исследованию с одним-единственным методом, одним наблюдателем, одной теорией» [Штейнберг и др. 2009: 315]. Использование подобных процедур представляется справедливой альтернативой выполнению условий верифицируемости позитивного научного знания при устранении доминирования количественных методов анализа.

Рассмотрим, какое место в структуре аналитического аппарата политологов занимает критический дискурс-анализ, предложенный Норманом Фэрклоу, позволяющий, на наш взгляд, отчасти нивелировать противоречие между качественной и количественной ориентацией научных методов. В современных зарубежных изданиях [см., напр.: Marsh, Stoker 2002; Pennings, Keman, Kleinnijenhuis 2006; Johnson 2008; Le Roy 2008; Box-Steffensmeier, Brady, Collier 2008; McNabb 2009; Grigsby 2011 и др.] дискурс-анализ далеко не всегда привлекает внимание авторов. Статистический уклон превалирует в работах М. К. Ле Роя, Г. Кинга [King 1998; Le Roy 2008] и др. Среди качественных методик в основном предлагаются исторический, сравнительный анализ, метод изучения кейсов и событий, контент-анализ. Только в книге Д. МакНэбба «Методы исследования в политической науке» специальный раздел посвящен текстуальному и дискурсивному анализу (критический подход рассматривается в рамках исследований феминизма) [McNabb 2009]. В то же время в «Оксфордском пособии по методологии политической науки» подчеркивается, что сегодня, например, Американская ассоциация политической науки все больше внимание уделяет новым методам анализа.

В частности, на ежегодной специализированной секции собраний APSA в 2008 г. была развернута дискуссия по возможностям критического дискурс-анализа и контент-анализа в сравнении с другими методами [Gal 2008: 380].

Интерес также представляют реальные практики обучения методологическим основам политологии. В зарубежных вузах преподаватели рассматривают текстуральные и интерпретативные методики, включают в программы курсов и дисциплин специальные разделы или лекции по дискурсивному, нарративному и контент-анализу. (Из проанализированных (на базе открытых источников Интернета) программ такое было выявлено, например, в следующих: Prof. T. Hopf (2003) *An Introduction to Qualitative Methods*, Dept. of Political Science, The Ohio State University; Prof. P. Pierson (2004) *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*, Course Schedule, Princeton University; Prof. T. Büthe (2006) *Research Design and Qualitative Methods*, The Duke University, Dept. of Political Science; Prof. J. Lynch (2008) *Qualitative Methods: Research Design and Analysis*, Dept. of Political Science, The University of Pennsylvania; Prof. E. Schatz (2009) *Qualitative Methods in Political Research*, Dept. of Political Science, The University of Toronto; Prof. H. Mylonas (2010) *Qualitative Research Methods*, Dept. of Political Science, The Elliott School of International Affairs и др.) Основной акцент делается в качественном разделе на неструктурированных и глубинных интервью, включенных и невключенных наблюдениях, экспериментах, анализе исторических данных, теории рационального выбора, кейс-стади, ивент-анализе, анализе вторичных данных, работе с архивными документами, историографическом методе. В вузах России (по данным информационного ресурса <http://abitur.nica.ru/> были проанализированы методические материалы по специализированным дисциплинам в 71 вузе <необходимо заметить, что программы по курсам и дисциплинам представлены в открытом доступе не более чем в 20 % учебных заведений>), предлагающих возможность получить профессиональное образование по специальности «Политология», преподаватели специализированных курсов также не уделяют особого внимания возможностям использования дискурсивных и текстуральных методов в политических исследованиях. Следует отметить интерес к данному направлению в Российском университете дружбы народов (на профильном факультете), где заявлены специальные курсы по дискурсивному анализу историко-культурных текстов, психосемантическим методам анализа (семантический дифференциал, техника репертуарных решеток), нарративному анализу. Сле-

дует признать, что как в отечественной, так и в мировой практике критический дискурс-анализ значительно более востребован лингвистами и психологами.

Еще более явно дефицит внимания политологов к критическому дискурс-анализу демонстрируют результаты библиометрического анализа не на уровне «входа» (преподавания методологии будущим ученым и включения его в соответствующие разделы учебных пособий), а на уровне «выхода» (реальной практики использования в политических исследованиях).

В обзорном труде «Методы анализа текста и дискурса» коллектив авторов (С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер) сосредоточивают внимание на текстуральных методах: контент-анализ, обоснованная теория, анализ способа категоризации участия, конверсационный анализ, нарративная семиотика, SYMLOG, два подхода к критическому дискурс-анализу, функциональная прагматика, теория различий, объективная герменевтика. Они последовательно рассматривают теоретическую базу, цели, описание методики, критерии и качества, предусловия и области применения каждого метода и сравнивают его с другими. В книге приводятся результаты библиометрического исследования, дающие представление о распространенности того или иного метода и перспективах его использования в социальных науках. Абсолютная ежегодная частота цитирования методов в литературе (на основе данных SSCI — Индекса цитирования в социальных науках — за период 1991—1998 гг.) демонстрирует следующие данные: после обоснованной теории и этнографии коммуникации критический дискурс-анализ Н. Фэрклоу занимает третью позицию. Показательной является динамика цитирования — самая значительная среди всех анализируемых методов отмечается для критического дискурс-анализа: увеличение более чем в пять раз, с 9 в 1991 г. до 51 в 1998 г. [Тичер и др. 2009: 301]. Анализ статистики статей в базе JSTOR, содержащих ключевые слова запросов, подтверждает противоречащую другим наукам (социологии, психологии, антропологии, лингвистике) практику минимального (практически отсутствующего) их упоминания в специализированных изданиях по политической науке. Для сравнения, в социологии с момента выхода в свет книги Н. Фэрклоу «Язык и власть» (1989), который можно считать датой институционализации метода в научном аппарате, в период с 1990 по 2010 гг. упоминание критического дискурс-анализа (*critical discourse analysis*) и его основателя (Fairclough) стабильно в разы превышает аналогичный показатель для политической науки (см. табл.).

Таблица.

Количество статей с упоминанием ключевых единиц запросов (critical discourse analysis, Fairclough) в корпусе статей на базе JSTOR, 1990—2010 гг.

Запросы	1990 — 1994	1995 — 1999	2000 — 2004	2005 — 2010
1: CDA in PS	0	1	1	0
2: Fairclough in PS	5	18	19	14
3: CDA in S	890	1 399	1 271	899
4: Fairclough in S	8	23	27	27
5: CDA in A	1 510	2 205	2 281	1 741
6: Fairclough in A	11	29	43	33
7: CDA in L	2 886	2 932	3 015	2 218
8: Fairclough in L	33	77	88	66
9: CDA in Ph	404	435	524	479
10: Fairclough in Ph	3	5	6	13
11: CDA in Ps	93	129	125	98
12: Fairclough in Ps	2	2	4	0

Пояснение к таблице

Запросы (1: critical discourse analysis (CDA); 2: Fairclough) формировались путем расширенного поиска в базе журналов JSTOR со специализацией по научным областям (политические науки — PS, социология — S, антропология — A, психология — Ps, лингвистика — L, философия — Ph) с детализацией по годам.

Количественный показатель упоминаемости названия и автора критического дискурс-анализа в статьях свидетельствует о его значительной распространенности в социальных науках, вразрез с чем идет минимальный интерес политологов к данному методу. Для обоснования необходимости преодоления подобной методологической асимметрии рассмотрим возможности и ограничения критического дискурс-анализа как одного из перспективных качественных методов анализа политических феноменов, представляющих собой социальные явления и события, вербализированные в публичном пространстве.

Традиционно, в античности и в Новое время, ораторское искусство и практика аргументации считались фундаментальными составляющими политической деятельности. Более того, на современном этапе развития в социальных науках возросло влияние постструктуралистов, уделявших внимание изучению истории понятий и языковому конструированию реальности. В XX в. сначала в США, а позже и в европейских странах возник интерес к возможным результатам воздействия СМИ, что обусловило формирование новой области научно-познания — коммуникативных исследований. Несмотря на все это, изучение политического дискурсивного пространства сохранило статус факультативного или периферийного направления в политической науке [Gal 2008: 376].

Н. Фэрклоу подчеркивает значимость текстового уровня в дискурс-анализе и критикует недостаточное внимание, которое ему уделяют в социальных науках, несмотря на заметный «поворот к лингвистике». Он приводит четыре

аргумента в защиту текстового анализа: теоретический, методологический, исторический и политический. Его теоретическое обоснование состоит в том, что социальные структуры — например, классовые отношения — находятся в диалектических взаимоотношениях с социальной действительностью. А тексты — это значимая форма социальной действительности. Методологическое доказательство высокой значимости текстового анализа, по мнению ученого, — это все более частое использование текстов как источников данных. Его историческое обоснование базируется на том, что тексты — хорошие индикаторы социальных изменений. Анализ содержания и текстуры — это противовес строго схематичному социальному анализу, где слишком мало учитывают механизмы изменения. Четвертое обоснование — политическое — связано с критической ориентацией дискурс-анализа: социальный контроль и власть все чаще реализуются с помощью текстовых средств. Н. Фэрклоу называет критический дискурс-анализ «одной из стратегий анализа общественных отношений и структуры, наряду с этнографией или институциональным анализом» [Fairclough 2003: 2]. Дискурсивный анализ как критический метод изучает, каким образом различные социальные практики (такие как искусство, критика и мораль) отражаются на структуре и организации общества. Он обычно характеризуется как подход к изучению языка, отдельных высказываний и вызванных ими действий. Цель критического дискурс-анализа, по мнению другого программного автора данного направления, Р. Водак, — изучать «прозрачные структурные отношения доминирования,

дискриминации, власти и контроля, отраженные в языке», «реальные социальные взаимодействия, принимающие (частично) лингвистическую форму» [Blommaert, Vulcaen 2000: 448].

Критический дискурс-анализ рассматривает дискурс не просто как использование языка в речи и на письме, а как форму «социальной практики». Такой подход к пониманию дискурсивного пространства предполагает диалектические отношения между отдельным дискурсивным событием и ситуацией (ситуациями), институтом (институтами) и социальной структурой (структурами), которые его формируют. Диалектические отношения — это двусторонние отношения: ситуации, институты и социальные структуры формируют дискурсивное событие, а дискурсивное событие в то же время формирует их [Fairclough, Wodak 1997: 55].

Каждый случай артикуляции значения прецедентного события Н. Фэрклоу предлагает рассматривать как комплексное коммуникативное событие, одновременно отраженное в трех измерениях: текст, дискурсивная практика, которая включает производство и восприятие текстов, и социальная практика. Взаимосвязь открытости, понятности, интерпретативной и объяснительной природы анализа — важные критерии для критического дискурс-анализа. Еще одно характерное требование, которому должны соответствовать результаты, — это их практическая релевантность. Критический дискурс-анализ работает с социальными проблемами, что обеспечивает существенное предусловие его использования — применимость его результатов в существующей социальной практике [Йоргенсен, Филлипс 2004: 208—209, 226—227].

Алгоритм критического дискурс-анализа предлагает включить в поле исследования следующие компоненты [по Fairclough 2003: 99]:

- Дискурсивное описание конкретной социальной проблемы или общественного явления с учетом не только лояльного общественного мнения, но и критического его измерения (в том числе описание, ориентированное на выявление прагматических интенций политических акторов).

- Хронику развития реальных событий, вызванных какой-либо социальной проблемой, (возможно) сопровождающуюся изменением характера или структуры социальных взаимодействий.

- Оценку причин, практики разрешения и возможных последствий какой-либо социальной проблемы в культурно-исторической эволюции конкретного общества, в рамках его ценностно-нормативной системы.

Области применения критического дискурс-анализа обусловлены тем, что он развивался под влиянием политического контекста идеологических и политических движений 1960-х гг. В общем интерес для него представляют доминирование и отношения власти между социаль-

ными сущностями и классами, между женщинами и мужчинами, между национальными, этническими, религиозными, политическими, культурными и субкультурными группами. Поэтому потенциальная сфера его применения — проблемные области, которые имеют отношение к анализу социальной власти: исследование женского вопроса, антисемитизм, фашизм, ксенофобия, язык в политике или язык в организациях. В качестве исходной точки он всегда берет посылку о том, что неравенство и несправедливость многократно воспроизводятся в языке и там легитимируются [Тичер и др. 2009: 226].

Принимая как данность концептуальную близость критического дискурс-анализа к проблематике политологии, определим его возможности и ограничения в качестве методологического инструментария политических исследований. В раскрытии достоинств и недостатков нам представляется логичной последовательность *метод — политическая наука — область научного познания*, которой мы и будем придерживаться.

В сравнении с другими методиками критический дискурс-анализ не обладает четко регламентированной процедурой как подбора материалов (текстов, прецедентных событий и высказываний), так и самого анализа, которые часто определяются и изменяются исследователем самостоятельно. Главным направлением обоснованной критики дискурс-анализа следует признать субъективизм исследователя на заключительном этапе, при интерпретации данных. При значительных объемах текстового материала критический дискурс-анализ становится достаточно времязатратным инструментом как при сборе, так и при обработке данных, особенно при условии неиспользования программного обеспечения. Качественный характер, ориентация на анализ *ex post* и отсутствие опоры на вероятностно-статистическую платформу сокращает прогностический потенциал критического дискурс-анализа, хотя в то же время он может послужить существенным дополнением при интерпретации количественных данных. На уровне метода политической науки критический дискурс-анализ сталкивается с проблемой прагматической интенциональности основного предмета анализа (медиадискурса) и манипулирования (в том числе пропаганды) со стороны ключевых акторов (не только политиков и журналистов, но и профессиональных спичрайтеров) в открытом публичном пространстве. Кроме того, возможности дискурсивного анализа сильно ограничены политико-социальными факторами: цензура, политика принятия решений «за закрытыми дверями», неравномерность (или даже дискриминация) присутствия различных акторов в дискурсивном политическом поле. В совокупности все эти факторы способствуют тому, что в рамках системы знания критический дискурс-анализ не

обладает легитимностью со стороны научного сообщества в силу неоднозначности методики, которая меняется в зависимости от различных условий.

Для подтверждения целесообразности включения критического дискурс-анализа в методологический аппарат политической науки рассмотрим основные характеристики, способные выявить его преимущества. В условиях современного информационного общества критический дискурс-анализ в большинстве случаев не требует эксклюзивных и сложных процедур сбора данных, материалы доступны в Интернете и медиапространстве (за исключением ситуаций, когда для анализа используются секретные или архивные документы). Это делает его также достаточно экономичным методом анализа, который предполагает только усердие и внимательность со стороны исследователя при формировании методики и сборе корпуса текстов. При условии доступности материалов, наличии прописанной процедуры их подбора и обработки, критический дискурс-анализ становится верифицируемой методикой — любой другой аналитический алгоритм и инструмент может проверить, дополнить, подтвердить или фальсифицировать его результаты. Эмпирическая ценность дискурсивного анализа для политической науки определяется прежде всего его идеологическим соответствием — сосредоточение внимания на критике властных отношений. Кроме того, он предполагает работу с большими объемами текстового материала, дает возможность непосредственного анализа данных, избавляя политологов от традиционных обвинений по поводу вторичного анализа и интерпретации данных. На уровне общенаучного познания включение критического дискурс-анализа в политическую науку соответствует тенденциям междисциплинарности и интерпретативизма, свойственным современной парадигме постмодернизма.

М. В. Жеребцов отмечает: «Операционализация метода дискурс-анализа с целью его включения в методологический аппарат становится важной задачей современной политической науки» [Жеребцов 2005: 67]. В силу своего прагматического характера и способности анализировать динамичный во времени и пространстве объект критический дискурс-анализ представляется перспективным методом для политических исследований, поскольку включает в анализ коммуникативный аспект, столь важный при анализе современной политической сферы.

Проведенный анализ специализированной литературы и курсов учебных программ выявил позитивистский (количественный) уклон в методологической подготовке политологов. Косвенным результатом этого является нераспространенность критического дискурс-анализа в политических исследованиях, что демонстрируют библиометрические данные статей по базе

JSTOR за двадцатилетний период. Подобный факт расходится с характерной для других социальных наук (социологии, психологии, антропологии) тенденцией, что, в свою очередь, свидетельствует о дефиците возможностей качественного методологического инструментария политологов. Попытка выявить не только недостатки методики критического дискурс-анализа, но и ее очевидные достоинства и дополнительные возможности для исследований общественных феноменов позволяет говорить о целесообразности и эмпирической ценности его интеграции в комплекс методов современной политической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование. — М.: Гардарики, 2006.
- Белановский С. А. Метод фокус-групп. — М.: Магистр, 1996.
- Боришполец К. П. Методы политических исследований. — М.: Аспект Пресс, 2005.
- Жеребцов М. В. Качественные методы в политической науке: теоретические основания и научный статус : дис. ... канд. полит. наук. — М., 2005.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2004.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. 354 с.
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. — СПб.: Алетейя, 2009.
- Blommaert J., Bulcaen Ch. Critical Discourse Analysis // *Annual Review on Anthropology*. 2000. Vol. 29. P. 447—466.
- Box-Steffensmeier J. M., Brady H. E., Collier D. (eds.) *The Oxford handbook of political methodology*. — Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Brady H. E., Collier D. *Rethinking Social Inquiry: Diverse Tools, Shared Standards*. — L.: Rowman & Littlefield, 2004.
- Chattopadhyay H. P. (ed.) *Methodology of Political Research*. — N. Y.: Global Vision Publishing House, 2005.
- Dryzek J. S. *The Mismeasure of Political Man* // *The Journal of Politics*. 1998. Aug. Vol. 50. № 3. P. 705—725.
- Fairclough N. *Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. — L. ; N. Y.: Routledge Taylor & Francis Groupe, 2003.
- Fairclough N., Wodak R. *Critical Discourse Analysis: An Overview* // *Discourse and Interaction* / Dijk T. van (ed.). — L.: Sage, 1997. P. 67—97.
- Gal S. *Language its stakes, and its effects* // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. — Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 376—391.
- Grigsby E. *Analyzing Politics: An Introduction to Political Science*. — N. Y.: Cengage Learning, 2011.
- Hay C. *Political Analysis*. — N. Y.: Palgrave, 2002.
- Johnson J. B. *Political Science Research Methods*. — N. Y.: CQ Press, 2008.

King G. Unifying Political Methodology: the Likelihood Theory of Statistical Inference. — N. Y.: University of Michigan Press, 1998.

King G., Keohane R. O., Verba S. Designing Social Inquiry. Scientific Inference in Qualitative Research. — Princeton Univ. Press, 1994.

Le Roy M. K. Research Methods in Political Science: An Introduction Using MicroCase. — N. Y.: Cengage Learning, 2008.

Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // Political Analysis. 2006. Vol. 14. P. 227—249.

Marsh D., Stoker G. Theory and Methods of Political Science. — L.: Sage, 2002.

McNabb D. E. Research Methods for Political Science: Quantitative and Qualitative Methods. — N. Y.: M. E. Sharpe, 2009.

Pennings P., Keman H., Kleinnijenhuis J. Doing Research in Political Science. — L.: Sage, 2006.

Ragin Ch. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. — Los Angeles: University of California Press, 1987.

Schwartz-Shea P., Yanow D. «Reading» «Methods» «Texts»: How Research Methods Texts Construct Political Science // Political Research Quarterly. 2002. June. Vol. 55. №. 2. P. 457—486.

Van Evera St. Guide to Methods for Students of Political Science. — Cornell: Cornell University Press, 1997.

Yanow D., Schwartz-Shea P. (eds.) Interpretation and Method: Empirical Methods and the Interpretative Turn. — Armonk, N. Y.: M.E. Sharpe, 2006.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба

М. С. Онищенко
Ульяновск, Россия

M. S. Onishchenko
Ulianovsk, Russia

**МЕДВЕДЕВ — ПУТИН В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО
ИЛИ ОППОЗИЦИЯ?**

**MEDVEDEV-PUTIN IN THE CONTEMPORARY
SYSTEM OF CONCEPTS: CONCEPT UNITY
OR OPPOSITION?**

Аннотация. Приводятся результаты исследования концептов *Путин* и *Медведев* в современной российской концептосфере. На основании интерпретации результатов психолингвистических экспериментов концепты моделируются, описывается содержание, рассчитываются индексы оценочности, выявляются связи между двумя данными концептами с целью установления степени их взаимозависимости в современном русском когнитивном сознании. Исследование выполнено в рамках семантико-когнитивного подхода.

Abstract. The article provides the results of the research of concepts *Putin* and *Medvedev* in the contemporary Russian mental system of concepts. The research is based on interpreting the results of psycholinguistic experiments, and the article presents the models and contents of the concepts in question, the estimative component of these and points out the interconnections between these two concepts in order to reveal the degree of their interdependence in the contemporary Russian cognitive consciousness. The research is done within the framework of semantic-cognitive approach to the language.

Ключевые слова: концепт; Медведев; Путин; концептуальная оппозиция; концептуальное единство; когнитивное сознание.

Key words: concept; Medvedev; Putin; concept opposition; concept unity; cognitive consciousness.

Сведения об авторе: Онищенко Марина Сергеевна, кандидат филологических наук.

About the author: Onishchenko Marina Sergeyevna, candidate of Philology.

Место работы: ЗАО «Авиационная компания „Полёт“».

Place of employment: CJSC «Aircompany "POLET"».

Контактная информация: 432032, г. Ульяновск, проспект Создателей, д.42.
e-mail: m.onishchenko@mail.ru.

Общественно-политическая концептосфера на каждом временном этапе в значительной степени детерминирована своим идентификационным компонентом: антропонимические концепты не только являются неотъемлемыми составными частями такой концептосферы, но и во многом своим содержанием определяют либо отражают (вопрос о направлении зависимости является неоднозначным) вектор сознания и мышления человека в том, что касается политических представлений.

Не только научное, но и бытовое сознание не может не относить концепты *Путин* и *Медведев* к наиболее актуальным концептам современной общественно-политической концептосферы, включенным в многообразие связей с прочими ее концептами. Данные концепты тем более представляют интерес для исследователя-когнитолога, что образуют в современном русском языковом и когнитивном сознании диалектическую диаду с присущими диалектическим единствам противоречиями и конструктивными свойствами. Тесная связь данных концептов и их актуальность именно в соотношении друг с другом для современного российского национального сознания подтверждается наличием появившейся не столь давно экспрессивно выделяющейся в речи двукорневой лексемы-неологизма «медвепуты», возникшей как окказионализм, но со временем вошедшей в постоянный речевой обиход, особенно в интернет-среде. Появление такой лексемы можно

объяснить двумя факторами. Во-первых, действием сформулированного А. Мартине закона экономии, являющегося одной из движущих сил языковых изменений, согласно которому говорящий старается затратить ровно столько сил, сколько необходимо для достижения результата: вместо часто возникающих в речевом потоке «Медведев и Путин» появляется сокращенное «Медвепуты». Во-вторых, когнитивной потребностью добавить экспрессивности и неформальности данному речевому единству для выделения его из формального политического дискурса. Оба мотивирующих фактора подтверждают значимость исследуемых концептов для языкового и когнитивного сознания россиян, а также прочность когнитивных связей между данными концептами в российской концептосфере.

Концептуальная пара *Путин — Медведев* определяет если не всю сферу, то направленность политического сознания русского человека на современном этапе, в связи с чем отношения между концептами *Путин* и *Медведев* в сознании современного русского человека представляют большой интерес для исследователя. Целью исследования, результаты которого приведены в данной работе, было выяснение того, являются ли данные концепты неразрывным концептуальным единством либо одним из видов концептуальных противоположностей, и если верно последнее, то какой из видов противоположности актуализируется в данном случае.

Напомним, что в ходе проведенного нами ранее анализа теории по системным связям в концептосфере было выяснено, что разные исследователи выделяют следующие виды отношений противоположности между концептами: **дихотомия, оппозиция, антитеза, диада концептов и антонимический концепт** [см. Алиева 2008; Васильева 2001; Гамаюнова 2000; Грузберг 2002; Иевлева 2001; Мушаева 2007; Невинская 2006; Новикова 2003; Погребная 2005; Санаева 2007; Храмова 2010], причем часто эти термины используются как синонимы, в то время как между ними можно установить различия, которые мы формулируем следующим образом.

Дихотомия представляет собой разделение на два класса без активного ценностного противоречия между ними. К концептуальной дихотомии уместно относить пары таких концептов, ярчайшие когнитивные признаки которых отрицают друг друга в полной мере, объективно и очевидно, а не в результате интерпретации заключенного в них смысла или оценочных компонентов. В случае дихотомии большая часть противоречащих друг другу когнитивных признаков концептов будет относиться к энциклопедическому полю концепта вообще и дифференциальной и категориальной зонам в частности. В случае **оппозиции** речь идет об активном противоречии между концептами и соответственно когнитивными признаками этих концептов. В случае оппозиции противоречить друг другу должны в первую очередь не объективные дифференциальные и категориальные признаки, а признаки утилитарной и регулятивной зоны концепта, поскольку именно эти зоны включают в себя характеристики, отражающие наиболее существенные, «активные» представления человека о том, для чего нужен концептуализируемый предмет или явление, чего с его помощью можно достичь, об условиях его функционирования, какие последствия для человека несет его использование или применение (утилитарные признаки), а также сведения о том, что следует/не следует делать с концептуализируемым предметом или явлением в сфере, «покрываемой» концептом (регулятивная зона). Понятие концептуальной **антитезы** заимствовано из стилистики, потому логичным представляется отнести к данной категории те концепты, противоречащие когнитивные признаки которых относятся прежде всего к образному компоненту макроструктуры концепта, включающему перцептивные и когнитивные образы. Также сюда можно отнести концепты, содержащие такие противоречащие друг другу когнитивные признаки, которые отражают связь концепта с бытом и культурой народа. Концептуальные **диады** акцентируют ценностные противоречия, поэтому к ним относятся такие концепты, в содержании которых имеются противоречащие друг другу признаки из интерпретационного поля концепта вообще и оценочной

зоны в частности. **Антонимический** концепт — с одной стороны, самое нейтральное, с другой — самое жесткое понятие. Отнести к антонимическим концептам можно, во-первых, неантинимичные по сути концепты, во-вторых, такие концепты, в которых противоречащими друг другу оказываются когнитивные признаки ярчайших когнитивных классификаторов. Таким образом, класс когнитивных признаков, противоречащих друг другу, имеет большое значение в категоризации концептуализируемого предмета или явления сознанием человека-носителя концепта.

Для достижения поставленной цели исследования и изучения своеобразия связей между концептами **Путин** и **Медведев** данные концепты были проанализированы, смоделированы и сопоставлены. Анализ концептов проведен на материале свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняло участие 140 испытуемых.

КОНЦЕПТ **МЕДВЕДЕВ**

В результате свободного ассоциативного эксперимента от 140 испытуемых было получено 372 ассоциата. Сформированное ассоциативное поле концепта **Медведев** выглядит следующим образом.

Медведев (372) — Путин (18), Президент (17), Россия (8), Президент Российской Федерации (7), медведь (6), политика (4), i-rhone, высокомерие, галстук, костюм, нанотехнологии, Питер, Превед Медвед, шмель (3), берлога, веселый гном, власть, водка, выборы, Единая Россия, Интернет, кризис, Курилы, лес, либерал, маленький, Медвед, наноклоун, нанопрезидент, образование, образованный, ставленник, Твиттер, терпение, человек (2), Анти-медвед; „...болит с похмелья голова-а...бум-бум...бум-бум...и матершинные слова-а...идут... на ум...“ (Кучин); баловень; бездействие; белый дом; белый медведь; беспредел; бестолковый гном; блага; боксер; болельщик ЗЕНИТА; болтовня; будущее; ВВП рулит и собирает; видеоблог; визы; Владимир Владимирович Путин; властитель лукавый; властитель слабый; Вован; возможный кандидат; воспитанность; временно; вроде живой, а манекен; все они нехорошие (слова в смысле); выдвигенец из клана внешней разведки; высшее должностное лицо; да ну его — ладно — пусть живет; двуглавый орел; декларации; демедведеватор; деньги; деятельный; дите, которое не наигралось в детстве; Дмитрий Анатольевич; доброжелательность; доверие; долой с поста; домислы; достаток; друг Шварценеггера; единоклассник; ЕР; жесткость; здоровье; зубы; игрушки; инженер; интеллигентность; интеллигентный; как-то совершенно не на своем месте; Камчатка; кол; командность; конспирация; кореш; корректность; костер; красавчики; кресло; кто это такой; культурный; лампочки накаливания; кукла-марионетка в руках дядюшки Джона;

лживость; лживый; балабол; лидер; лицемерие; люблю и уважаю; Лужков; малыш; мальчик на побегушках у Путина; мальчик; мальчишка-юноша-мужчина-...и вот на тебе...-избранник...-ПРЕЗИДЕНТ !!!; марионетка; Маша; мед; медвежат; Медвегонка; Медведев из сериала „Солдаты“; Медведка; Медведково; Медвенатор; Медвепутка; медвепутьев; медветтер; мелкий; Мендель; мечта; микроблоггер; мини-президент — несолидно как-то выглядишь; мир; мировой кризис; мистификация; мишка; Мишка бурый; много слов и никаких результатов; много текста мало дел; модернизация; молодой; молодежь; море справок; мужик; женщина; женщина моей мечты; мясорубка для людей; надежда; нанотех; народу-воля; НАТО; наш Президент; не знать отчеств тиранов... (Бродский); не могу — удалят сразу; ненаписуемые; несамостоятельный политик; нет авторитета; нет слов; низкого роста; Николай II; ничего хорошего сказать не могу — А что говорить; если власть и бандитизм одно и то же — только хуже; бандитизм на всех уровня бытия; олигархи; они все не для слуха; осведомленность; Осетия; отклонения в восприятии реальности; отставка; отчасти; очень маленький; очень амбициозный; очень симпатичный; парад; патриот; пафос; пенсия; первое лицо; Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации; первым посетил; периодическая таблица; пешка; плечи; плечи меньше головы; победитель арузин; подкаблучник; порядок; право; предаёт интересы страны, преданность; преемник; президенты; Президентьев; преподаватель; преемник ПУТИНА; приходят только два — и то написать не могу; пришел пешком; простой; протеже; процветание; Путамед; работа; ребенок, которого по недоразумению сунули на эту должность; рис; Роснана; Руководитель Администрации Президента России; русский; Салтыков-Щедрин «Медведь на воеводстве»; саммит; самовар; самодовольство; самонадеянность; самый лучший после Путина; самый мелкий президент; самый младший за всю историю Президент России; с таким именем и фамилией (и отчеством) по России более 3-х тысяч человек; сила; сила воли; сказки; Сколково; скромный; слабак; слов нет; слово; соперник; спортсмен; спячка; статист; помощник премьер-министра и „президента“ Путина; суд-приговор-виселица; сын профессора; такой красивый мужчина; тезка; телевизор; терминатор (ну в смысле, что с Арни общался)); трибуна; триколор; у меня стандартные, каких много в прессе; уверенность; улыбка; умный; упрямость; услуга медвежья; ученый; фамилия; фейсбук; хамство; харизматичен; химия; хозяин; холодно что-то; хороший политик, знающий свое дело; хрюкает; царь; часовые пояса; честный; чиновник; чудовищное преступление перед Россией; шкура; шта-

нишки; ШурА)))) — он тоже Медведев); экономика; экспериментатор; экстрасенс; энергосберегающие лампочки медведя; Япония (1), а также 12 табуированных лексических средств, не приводимых здесь из этических соображений.

В результате когнитивной интерпретации было выявлено 122 когнитивных признака, из которых 55 — единичные, и установлено, что содержание концепта **Медведев** представляется следующим образом (первое число, указанное в скобках, — индекс яркости данного когнитивного признака, выраженный десятичной дробью: например, индекс яркости 0,22 означает, что данный признак объективировали в своих ответах 22 % испытуемых). Из этических соображений табуированные лексические средства были опущены в тексте, но учтены при анализе. Для каждого признака указывается количество табуированных лексико-фразеологических вербализаций (сокращенно — ТЛС).

Это президент РФ 31 (0,22) (Президент 17, Президент Российской Федерации 7, Президент Российской Федерации 3, Наш Президент, Президентьев, президенты, Руководитель Администрации Президента России).

Это преемник/помощник Путина 23 (0,16) (Путин 18, Владимир Владимирович Путин, Вован, Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, преемник Путина, самый лучший после Путина).

Ассоциируется с медведем 17 (0,12) (Медведь 6, берлога 2, лес 2, белый медведь, животное, мед, мишка, Мишка бурый, спячка, Шкура).

Действует по воле других 12 (0,09) (ВВП рулит и собирает; вроде живой, а манекен; кукла-марионетка в руках дядюшки Джона, мальчик на побегушках у Путина, марионетка, наноклоун, несамостоятельный политик, нет авторитета, пешка, подкаблучник, помощник премьер-министра и „президента“ Путина, статист).

Имеет низкий рост 9 (0,07) (маленький 2, карлик, малыш, мелкий, низкого роста, минипрезидент, очень маленький, самый мелкий президент).

Он русский 9 (0,07) (Россия 8, русский).

Имеет высокий уровень ума 8 (0,06) (образование 2, образованный 2, умный, ученый, хороший политик, знающий свое дело).

Поддерживает развитие нанотехнологий 8 (0,06) (нанотехнологии 3, нанопрезидент 2, Наноклоун, Нанотех, Роснано).

Много и впустую говорит 7 (0,05) (балабол, болтовня, много текста мало дел, много слов и никаких результатов и 3 табуированные лексемы).

У него есть свой блог 7 (0,05) (интернет 2, твиттер 2, видеоблог, микроблоггер, фейсбук).

Это плохой человек 7 (0,05) (вербализуется табуированными лексическими средствами).

Является высокомерным 7 (0,05) (высокомерие 3, очень амбициозный, пафос, самодовольство, самонадеянность).

Имеет власть 6 (0,04) (власть 2, высшее должностное лицо, Лидер, первое лицо, хозяин).

Носит деловые костюмы 6 (0,04) (галстук 3, костюм 3).

Сторонник инноваций 6 (0,04) (i-phone 3, модернизация, Сколково, экспериментатор).

Вызывает неприятные ассоциации, которыми опасно делиться 5 (0,04) („...болит с похмелья голова-а...бум-бум...бум-бум...и матершинные слова-а...идут...на ум...“ (Кучин), все они нехорошие (слова в смысле), Не могу — удалят сразу, ненаписуемые; они все не для слуха, приходят только два, и то написать не могу — забанят).

Имеет прозвище «Медвед» 5 (0,04) (Превед Медвед 3, Медвед 2).

Не действует в интересах страны 5 (0,04) (бездействие, Навсегда — Великая — Россия — в*** (вот и все пять слов), олигархи, предаёт интересы страны; чудовищное преступление перед Россией).

Осуществляет политическую деятельность 5 (0,04) (политика 4, чиновник).

Отстаивает Курилы у Японии 5 (0,04) (Курилы 2, Камчатка, первым посетил, Япония).

Психологически еще ребенок и воспринимает свою деятельность как игру 5 (0,04) (дítě, которое не наигралось в детстве, ребенок, которого по недоразумению сунули на эту должность, резвящийся, в рамках дозволенного розовый поросенок, штанишки и 1 ТПС).

Является интеллигентом 5 (0,04) (воспитанность, интеллигентность, интеллигентный, корректность, культурный).

Является чьим-то ставленником 5 (0,04) (ставленник 2, выдвигенец из клана внешней разведки, преемник, протеже).

Вызывает желание отправить в отставку или казнить 4 (0,03) (долой с поста, кол, отставка, суд-приговор-виселица).

Лжет 4 (0,03) (властитель лукавый, лживость, лживый, лицемерие).

Процветает в финансовом плане 4 (0,03) (блага, деньги, достаток, процветание).

Представляет «Единую Россию» 4 (0,03) (Единая Россия 2, единоросс, ЕР).

Является сторонником либерализма 3 (0,02) (либерал 2, Народу-воля).

Ассоциируется с курьезом в Омске (снятая перед визитом президента афиша детского театра «Ждем тебя, веселый гном») 3 (0,02) (веселый гном 2, бестолковый гном).

Дает надежду 3 (0,02) (будущее, мечта, надежда).

Занимается/интересуется спортом 3 (0,02) (боксер, болельщик „Зенита“, спортсмен).

Имеет большую голову 3 (0,02) (головастик 2, плечи меньше головы).

Имеет привлекательную внешность 3 (0,02) (красавчики, очень симпатичный, такой красивый мужчина).

Имеет прозвище «шмель» 3 (0,02) (шмель 3).

Молод 3 (0,02) (мальчик; молодой; самый младший за всю историю Президент России).

Правит во время кризиса 3 (0,02) (кризис 2, мировой кризис).

При нем в стране беспредел 3 (0,02) (беспредел, мясорубка для людей, ничего хорошего сказать не могу - а что говорить, если власть и бандитизм одно и то же — только хуже, бандитизм на всех уровня бытия).

Родился в Санкт-Петербурге 3 (0,02) (Питер 3).

Состоит в неразделимом тандеме с Путиным 3 (0,02) (Медвепутка, медвепутьев, Путамед).

У него есть тезки 3 (0,02) (с таким именем и фамилией (и отчеством) по России более 3-х тысяч человек, Медведев из сериала „Солдаты“, тезка, ШурА)))) - он тоже Медведев)

Является выборным лицом 3 (0,02) (выборы 2, возможный кандидат).

Ассоциируется с каким-либо сказочным героем 3 (0,02) (Маша, Салтыков-Щедрин Медведь на воеводстве, сказки).

Вызывает любовь и уважение 3 (0,02) (люблю и уважаю, мужчина моей мечты, харизматичен).

Проявляет твердость 3 (0,02) (жесткость, уверенность, упрямость).

Выступает за введение энергосберегающих ламп 2 (0,02) (лампочки накаливания, энергосберегающие лампочки медведя).

Дружит со Шварценеггером 2 (0,02) (друг ШВАРЦЕНЕГГЕРА, терминатор (ну в смысле, что с Арни общался)).

Ему просто повезло стать президентом 2 (0,02) (баловень, мальчишка-юноша-мужчина...и вот на тебе...избранник...- ПРЕЗИДЕНТ !!!).

Имеет государственную символику 2 (0,02) (двуглавый орел, триколор).

Имеет отношение к академической науке 2 (0,02) (преподаватель, сын профессора).

Имеет отношение к химии 2 (0,02) (Периодическая таблица, химия).

Имеет силу 2 (0,02) (сила, сила воли).

Не вызывает никаких ассоциаций 2 (0,02) (нет слов, слов нет).

Он честный 2 (0,02) (доверие, честный).

При нем в стране благополучие 2 (0,02) (здоровье, порядок).

Победил в войне с Грузией 2 (0,02) (Осетия, победитель ГРУЗИИ).

Проявляет доброжелательность 2 (0,02) (доброжелательность, улыбка).

Проявляет терпение 2 (0,02) (терпение 2 (0,02)).

Пьет водку 2 (0,02) (водка 2 (0,02)).

Работает не в одиночку 2 (0,02) (командность, кореш).

Сотрудничает с НАТО 2 (0,02) (Медвенатор, НАТО).

Хорошо осведомлен 2 (0,02) (осведомленность, экстрасенс).

Это мужчина 2 (0,02) (мужик, мужчина).

Это человек 2 (0,02) (человек 2 (0,02)).

Является патриотом 2 (0,02) (патриот, преданность).

Является скромным 2 (0,02) (простой, скромный).

Является слабым 2 (0,02) (властитель слабый, слабак).

Является участником мистификации 2 (0,02) (игрушки, мистификация).

Отмечено еще 55 единичных когнитивных признаков.

Полевая организация концепта **Медведев** выглядит следующим образом.

ЯДРО

Это президент РФ 0,22.

Это преемник/помощник Путина 0,16.

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Ассоциируется с медведем 0,12.

Действует по воле других 0,09.

Имеет низкий рост 0,07.

Он русский 0,07.

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Имеет высокий уровень ума 0,06.

Поддерживает развитие нанотехнологий 0,06.

Много и впустую говорит 0,05.

У него есть свой блог 0,05.

Это плохой человек 0,05.

Является высокомерным 0,05.

Имеет власть 0,04.

Носит деловые костюмы 0,04.

Сторонник инноваций 0,04.

Вызывает неприятные ассоциации, которыми опасно делиться 0,04.

Имеет прозвище «Медвед» 0,04.

Не действует в интересах страны 0,04.

Осуществляет политическую деятельность 0,04.

Отстаивает Курилы у Японии 0,04.

Психологически еще ребенок и воспринимает свою деятельность как игру 0,04.

Является интеллигентом 0,04.

Является чьим-то ставленником 0,04.

Вызывает желание отправить в отставку или казнить 0,03.

Лжет 0,03.

Процветает в финансовом плане 0,03.

Представляет «Единую Россию» 0,03.

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Является сторонником либерализма 0,02.

Ассоциируется с курьезом в Омске (снятая перед визитом президента афиша детского театра «Ждем тебя, веселый гном») 0,02.

Дает надежду 0,02.

Занимается/интересуется спортом 0,02.
 Имеет большую голову 0,02.
 Имеет привлекательную внешность 0,02.
 Имеет прозвище «шмель» 0,02.
 Молод 0,02.
 Правит во время кризиса 0,02.
 При нем в стране беспредел 0,02.
 Родился в Санкт-Петербурге 0,02.
 Состоит в неразделимом тандеме с Путиным 0,02.
 У него есть тезки 0,02.
 Является выборным лицом 0,02.
 Ассоциируется с каким-либо сказочным героем 0,02.
 Вызывает любовь и уважение 0,02.
 Проявляет твердость 0,02.
 Выступает за введение энергосберегающих ламп 0,02.
 Дружит со Шварценеггером 0,02.
 Ему просто повезло стать президентом 0,02.
 Имеет государственную символику 0,02.
 Имеет отношение к академической науке 0,02.
 Имеет отношение к химии 0,02.
 Имеет силу 0,02.
 Не вызывает никаких ассоциаций 0,02.
 Он честный 0,02.
 При нем в стране благополучие 0,02.
 Победил в войне с Грузией 0,02.
 Проявляет доброжелательность 0,02.
 Проявляет терпение 0,02.
 Пьет водку 0,02.
 Работает не в одиночку 0,02.
 Сотрудничает с НАТО 0,02.
 Хорошо осведомлен 0,02.
 Это мужчина 0,02.
 Это человек 0,02.
 Является патриотом 0,02.
 Является скромным 0,02.
 Является слабым 0,02.
 Является участником мистификации 0,02.
 Еще 55 единичных когнитивных признаков.

По данным свободного ассоциативного эксперимента, макроструктура концепта **Медведев** в русском национальном сознании может быть представлена следующим образом (процентный показатель представляет собой долю каждого признака и компонента в макроструктуре концепта, зависящую от количества объективаций данного когнитивного признака относительно общего количества всех объективаций).

Образный компонент <58> — 15,59 %

Перцептивный образ <27> — 7,26 %.

Зрительный образ <25> — 6,72%: имеет низкий рост <9>, носит деловые костюмы <6>, имеет большую голову <3>, имеет привлекательную внешность <3>, зубы, кресло, лицо как будто пчелы покусали, плечи.

Осязательный образ <1> — 0,27%: холодно что-то.

Слуховой образ <1> — 0,27%: хрюкает.

Когнитивный образ <31> — 8,33%: ассоциируется с медведем <17>, Ассоциируется с каким-либо сказочным героем <3>, белый дом, медвежат, Медвегонка, медветтер, демедвегатор, костер, Медведка, Медведково, самовар, трибуна, услуга медвежья.

Энциклопедическое поле <236> — 63,44 %

Категориальная зона <37> — 9,95%: это президент РФ <31>, это мужчина <2>, это человек <2>, слово, фамилия.

Дифференциальная зона <30> — 8,06%: он русский <9>, имеет власть <6>, осуществляет политическую деятельность <5>, молод <3>, родился в Санкт-Петербурге <3>, является выборным лицом <3>, Дмитрий Анатольевич.

Описательная зона <133> — 35,75%: Действует по воле других <12>, поддерживает развитие нанотехнологий <8>.

у него есть свой блог <7>, сторонник инноваций <6>, имеет прозвище «Медвед» <5>, отстаивает Курилы у Японии <5>, является чьим-то ставленником <5>, психологически еще ребенок и воспринимает свою деятельность как игру <5>, является интеллигентом <5>, процветает в финансовом плане <4>, ассоциируется с курьезом в Омске (снятая перед визитом президента афиша детского театра «Ждем тебя, веселый гном») <3>, занимается/интересуется спортом <3>, имеет прозвище «шмель» <3>, правит во время кризиса <3>, у него есть тезки <3>, проявляет твердость <3>, является сторонником либерализма <3>, выступает за введение энергосберегающих ламп <2>, ему просто повезло стать президентом <2>, имеет отношение к академической науке <2>, имеет отношение к химии <2>, имеет силу <2>, победил в войне с Грузией <2>, проявляет доброжелательность <2>, проявляет терпение <2>, пьет водку <2>, работает не в одиночку <2>, хорошо осведомлен <2>, сотрудничает с НАТО <2>, является участником мистификации <2>, является патриотом <2>, Анти-медвед, бабник, визы, временно, экономика, декларация, деятельный, домыслы, инженер, конспирация, Мендель, молодежь, парад, пенсия, право, пришел пешком, работа; рис, саммит, соперник, телевизор, часовые пояса.

Мифологическая зона <1> — 0,27%: царь.

Кроссидентификационная зона <34> — 9,14%: это премьерник/помощник Путина <23>, представляет «Единую Россию» <4>, состоит в неразделимом тандеме с Путиным <3>, дружит со Шварценеггером <2>, Лужков, Николай II.

Интерпретационное поле <78> — 20,97%

Оценочная зона <59> — 15,86%: имеет высокий уровень ума <8>, много и впустую говорит <7>, это плохой человек <7>, является высокомерным <7>, вызывает неприятные ассоциации, которыми опасно делиться <5>, не действует в интересах страны <5>, лжет <4>, вызывает любовь и уважение <3>, не вызывает никаких ассоциаций <2>, является слабым <2>, он честный <2>, является скромным <2>, как-то совершенно не на своем месте — так что с недоразумением ассоциируется каким-то; не знать отчеств тиранов... (Бродский), отклонения в восприятии реальности, хамство, у меня стандартные, каких много в прессе.

Утилитарная зона <11> — 2,96%: дает надежду <3>, при нем в стране благополучие <2>, при нем в стране беспредел <3>, кастрация, мир, море справа.

Регулятивная зона <5> — 1,34%: вызывает желание отпраздновать в отставку или казнить <4>, да ну его — ладно — пусть живет.

Символическая зона <2> — 0,54%: Имеет государственную символику <2>.

Вопросительная зона <1> — 0,27%: Кто это такой.

Для установления индекса оценочности все выявленные компоненты концепта были традиционно распределены по следующим группам: когнитивные признаки положительной оценки, когнитивные признаки отрицательной оценки, неочечные когнитивные признаки. Было выявлено 26 когнитивных признаков положительной оценки, индекс положительной оценочности составил 21,31%; отмечено 27 когнитивных признаков отрицательной оценки, индекс отрицательной оценочности составил 22,13%. Оценочный слой концепта **Медведев** включает в себя 43,44% всех признаков. Негативная акцентуация преобладает над позитивной.

Следует отметить, что семантический анализ средств лексико-фразеологической объективации концепта **Медведев** дает несколько иные результаты соотношения оценочных характеристик, что связано с нейтрализацией резко оценочных коннотаций в ходе когнитив-

ной интерпретации результатов эксперимента. При формулировании когнитивного признака выбирается наиболее нейтральная вербализация. Это ведет к тому, что ряд положительных и отрицательных коннотаций впоследствии теряется, и наиболее объективные, неискаженные данные относительно оценочности концепта может дать анализ не когнитивных признаков, а языковых объективаций концепта.

Так, в результате анализа ассоциативного поля концепта **Медведев** индекс оценочности может быть представлен следующим образом: выявлено 54 лексико-фразеологических средства с положительной коннотацией, индекс положительной оценочности составил 14,51%; выявлено 92 лексико-фразеологических средства с отрицательной коннотацией, индекс отрицательной оценочности составил 24,73%. Ассоциативное поле концепта **Медведев** включает в себя 39,24 % всех лексико-фразеологических средств. Негативная акцентуация заметно преобладает над позитивной.

Выявлены когнитивные классификаторы концепта **Медведев**. Когнитивный классификационный признак (когнитивный классификатор) — это компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта [Попова, Стернин 2007: 89]. Категориальная структура концепта образована из следующих когнитивных классификаторов.

Степень независимости в осуществлении управления — 10,75 % (это преемник/помощник Путина <2>, действует по воле других <1>, состоит в неразделимом тандеме с Путиным <3>, работает не в одиночку <2>).

Сфера деятельности — 10,21 % (это президент РФ <31>, осуществляет политическую деятельность <5>, инженер, экономист).

Личностные качества — 9,68 % (много и впустую говорит <7>, является высокомерным <7>, является интеллигентом <5>, лжет <4>, проявляет твердость <3>, проявляет доброжелательность <2>, является скромным <2>, он честный <2>, проявляет терпение <2>, деятельный, хамство).

Внешний вид — 6,45 % (имеет низкий рост <9>, носит деловые костюмы <6>, имеет большую голову <3>, имеет привлекательную внешность <3>, зубы, лицо как будто пчелы покусают, плечи).

Вызываемые зрительные образы — 5,38 % (ассоциируется с медведем <17>, ассоциируется с каким-либо сказочным героем <3>).

Поддерживаемые сферы науки и техники, нововведения — 4,57 % (поддерживает развитие нанотехнологий <8>, сторонник инноваций <6>, выступает за введение энергосберегающих ламп <2>, часовые пояса).

Вызываемые чувства — 4,03 % (вызывает неприятные ассоциации, которыми опасно делиться <5>, вызывает желание отправить в отставку или казнить <4>, вызывает любовь и уважение <3>, не вызывает никаких ассоциаций <2>, да ну его — ладно — пусть живет).

Эффективность управления страной — 3,23 % (дает надежду <3>, при нем в стране беспредел <3>, при нем в стране благополучие <2>, визы, мир, море справок, пенсия).

Внешнеполитическая деятельность — 2,96 % (отстаивает Курилы у Японии <5>, дружит со Шварценеггером <2>, победил в войне с Грузией <2>, сотрудничает с НАТО <2>).

Имеющиеся прозвища — 2,96 % (имеет прозвище «Медвед» <5>, имеет прозвище «шмель» <3>, ассоциируется с курьезом в Омске (снятая перед визитом президента афиша детского театра «Ждем тебя, веселый гном») <3>).

Интересы и увлечения — 2,69 % (у него есть свой блог <7>, занимается/интересуется спортом <3>).

Способ получения должности — 2,69 % (является чьим-то ставленником <5>, является выборным лицом <3>, ему просто повезло стать президентом <2>).

Национальная принадлежность — 2,42 % (он русский <9>).

Уровень ума — 2,15 % (имеет высокий уровень ума <8>).

Общая личностная оценка — 1,88% (это плохой человек <7>).

Степень нацеленности на интересы страны — 1,88 % (не действует в интересах страны <5>, является патриотом <2>).

Наличие власти — 1,61 % (имеет власть <6>).

Оценка соответствия занимаемой должности — 1,61 % (психологически еще ребенок и воспринимает свою деятельность как игру <5>, как-то совершенно не на своем месте — так что с недоразумением ассоциируется каким-то).

Взаимодействие с партией — 1,08 % (представляет «Единую Россию» <4>).

Место рождения или нахождения — 1,08 % (родился в Санкт-Петербурге <3>, белый дом).

Отношение к науке — 1,08 % (имеет отношение к академической науке <2>, имеет отношение к химии <2>).

Символ — 1,08 % (Имеет государственную символику <2>, костер, самовар).

Составные неологизмы — 1,08 % (медвеглот, Медвегонка, медветтер, демедеватер).

Способность решать проблемы — 1,08 % (имеет силу <2>, является слабым <2>).

Уровень материального благосостояния — 1,08 % (процветает в финансовом плане <4>).

Возраст — 0,81 % (молод <3>).

Категориальная принадлежность — 0,81 % (работа, слово, фамилия).

Наличие однофамильцев — 0,81 % (у него есть тезки <3>).

Образ жизни — 0,81 % (пьет водку <2>, бабник).

Обстановка, в которой управляет страной — 0,81 % (правит во время кризиса <3>).

Политические взгляды — 0,81 % (является сторонником либерализма <3>).

Содержательное наполнение деятельности — 0,81 % (декларации, саммит, трибуна).

Степень открытости и гласности — 0,81 % (является участником мистификации <2>, конспирация).

Уровень осведомленности — 0,81 % (хорошо осведомлен <2>, отклонения в восприятии реальности).

Пол — 0,54 % (это мужчина <2>).

Полное имя/гипотезы о настоящем имени — 0,54 % (Дмитрий Анатольевич, Мендель).

Созвучные слова — 0,54 % (Медведка, Медведково).

Биологическая принадлежность — 0,54 % (это человек <2>).

КОНЦЕПТ ПУТИН

В результате свободного ассоциативного эксперимента от 140 испытуемых было получено 360 ассоциатов. Сформированное ассоциативное поле концепта **Путин** выглядит следующим образом.

Путин <360> — президент <8>, коррупция <6>, Путинка (водка) <6>, власть <5>, КГБ <5>, мочить в сортире <5>, Распутин <4>, Дзюдо <3>, зло <3>, калина <3>, лицемерие <3>, Медведев <3>, Москва <3>, Спорт <3>, авто-

ритет <2>, беззаконие <2>, беспредел <2>, в сортире замочим <2>, водка <2>, ***, ***, всё ПУТем <2>, деньги <2>, диктатура <2>, КГБист <2>, краб <2>, Кремль <2>, кризис <2>, ложь <2>, несловоохотливость <2>, нищета <2>, перемены <2>, Питер <2>, показуха <2>, Премьер-министр <2>, Россия <2>, самбо <2>, Сочи <2>, тоталитаризм <2>, умный человек <2>, ФСБ <2>, хитрый <2>, ZOG, А Медведев лучше!, Ай-кидо, Алина Кабаева, алкоголик, алчность, армия, б/у президент, бандитский Петербург, бардак, бардак в стране, безработица, бессовестность, блестящий оратор, БМ, брезгливость, бывший пиар, бывший президент, в Испании за сие слово в приличном обществе морду бьют, ***, Puti-club — публичный дом. :))) , ваще красавчик, ВВП, Верхняя строчка позора России: [http:// badnameofrussia. Ru](http://badnameofrussia.Ru), вечность, взаимозависимость всех структур, видный политик, Владимир — ясно солнышко, возложил на себя полномочия главнокомандующего страной, война, воровство, всесторонне развитая личность, высокомерие, вытащил страну из ямы — в которую скатил Ельцин, галантный, геноцид, гибель „Курска“, говорильня, гордость нации, гордость России, горные лыжи, двойная политика, двуглавый орел, демократия, детская неожиданность, дзюдоист, диктаторско-зашифрованный, для зомби-лохов, достал, друг Собчака, евреи, его снова выберут, Единая Россия, ЕР, жди очередную подставу, жестокость, жесть, жук-могильщик, за 10 лет гэбэшник враль построил ТОЛЬКО вертикаль, теперь на этой вертикали сидит ГБ, а мы ...попали, за то, что такое дерьмо терпим, заинтересованность в жизни страны, западник, запутался кто-то, застой, злоба, идет на поводу у олигархов, изменник, Император Всея Руси, Имя Вова, инновации, Кабаева, карлик, кэбэшник, КГБ — Комитет Государственной Безопасности!, Комитет госбезопасности, конец войне в Чечне, кимоно, клан, корректный, крах в международных отношениях, кресло, кроме коррупции и оккупации ничего не получилось, крошка, Курск, Лада Калина (желтая), Ленин — Сталин, лжец, лживый, либерал, Лубянка, лучше в современной родине не было, лучший мировой лидер современности, лучший мировой политик современности, лыжи, лыжник, лыжня на Красной поляне, лысый, любит „мочить в сортире“, мания, матные, Матрешка, медвед, Медвепуты это зло, мелкий, менеджер, многие ему даже в подметки не годятся, мобильность, мода, Молодец, Молодой энергичный руководитель, моль, монополист, ***, на словах он Лев Толстой, а на деле — краб простой, наглость, надежный, народ живет все хуже — а его окружение всё богаче, настойчивость, начало прекращения Смуты, наша надежда!, не каждый страну с таким огромным потенциалом может утопить в дерьме, Не Мы Так

Кто Же -?, не очень хорошие, в отличие от многих других, не чета предыдущим, непьющий, неспособность ясно отвечать на вопросы и сплетни про Кабаеву, нет ну я не ерничаю — но водку ПУТИНка уважаем, нефть на запад, никаких: какая власть — такие и ассоциации, ***, новое время, нормальный мужик, обидя за державу, обман, оборотень, образование, образованный, оглядка на запад, ***, оскал, ответственность, отсутствие будущего, отсутствие твердой воли, отчаяние людей, очень похож на Маколея Калкина, особенно в детстве, паучок, пахан, Пахан на зоне под названием Россия, песенка „Такого как Путин“, песни, ***, пиарщик, пиджак, ***, Плутинок!, подводная лодка Курск, ***, подъем экономики, позер, политик, политика, полная бесперспективность на развитие, портрет его, потом его будут хвалить все, поцелуй в животик, правильный мужик, прагматизм, практичность, предатель, президент не самый плохой, премьер, преступность, пробки на дорогах, провал в экономике, произвол властей и чиновников, ***, пудинг, путаница, Путин = Распутин, и этим все сказано!, Путин великий человек, Путин он и в Африке Путин, сразу перед глазами становится, как живой, Путлер, путный, путь указывает, не зная куда, путь, путя, работоспособный, развал экономики страны, разведка, РАС...больше ничего, разврат, распил, распутица, расцвет России, респектабельность, рыба, русофоб, с виду норм мужик, но окружил себя жидовскими пиявками, сало, самый, самый компетентный, самый любимый, самый спортивный, самый умный, семечки, серый кардинал, сила, Слава России, слабохарактерный, словоблуд, словоблудие, смерть, сортир, Спаситель России (еще пару лет правления Ельцина и страны не было бы), спортивный, стабильность, стукач, суховатость, тайна какая-то, тактик и стратег, темные очки, тенор, террор, терроризм, тигры, только балаболит красиво, только на лыжах в Куршавеле катается, топкое болото, требовательный, трудолюбивый, трусость, укрепление позиций на мировой арене, умница, умный мужик, умный, унижение нации, упадок, упрямец, успешный, уступчивый, фашизм, фсбшник, футбол, ***, хамство, харизма, харизматичность, Хитрость, ЦАРЬ, целеустремленность, четкость, член ложи Розенкрейцеров (германских евреев), щи, электорат, эрудированный, эрудит, а также 11 табуированных лексико-фразеологических объективаций.

В результате когнитивной интерпретации было выявлено 112 когнитивных признака, из которых 49 — единичные, и установлено, что содержание концепта **Путин** представляется следующим образом (первое число, указанное после признака, — количество объективаций данного признака, второе число, указанное в скобках, — индекс яркости данного когнитив-

ного признака, выраженный десятичной дробью: например, индекс яркости 0,27 означает, что данный признак объективировали в своих ответах 27 % испытуемых).

При нем страна доведена до упадка 38 (0,27) (коррупция <6>, кризис <2>, нищета <2>, беспредел <2>, бандитский Петербург, бардак, бардак в стране, беззаконие, безработица, геноцид, застой, кроме коррупции и оккупации нечего не получилось, народ живет все хуже, а его окружение всё богаче, не каждый страну с таким огромным потенциалом может утопить в дерьме, отсутствие будущего, отчаяние людей, Пахан на зоне под названием Россия, полная бесперспективность на развитие, преступность, пробки на дорогах, произвол властей и чиновников, провал в экономике, развал экономики страны, разврат, распил, смерть, террор, терроризм, толкое болото, упадок).

Занимается/интересуется спортом 19 (0,14) (Дзюдо <3>, Спорт <3>, самбо <2>, Ай-кидо, горные лыжи, дзюдоист, кимоно, лыжи, лыжник, лыжня на Красной поляне, самый спортивный, спортивный, только на лыжах в Куршавеле катается, футбол).

Служил в КГБ 16 (0,12) (КГБ <5>, КГБист <2>, ФСБ <2>, за 10 лет гэбэшный враль построил ТОЛЬКО вертикаль. Теперь на этой вертикали сидит ГБ, а мы ...попали, кэбэшник, КГБ — Комитет Государственной Безопасности!, Комитет госбезопасности, Лубянка, разведка, фсбшник).

Был президентом РФ 12 (0,09) (президент <8>, Россия <2>, бывший президент, б/у президент).

Лжет 12 (0,09) (лицемерие <3>, ложь <2>, двойная политика, жди очередную подставу, лжец, лживый, обман, оборотень, 1 ТЛС).

Имеет высокий уровень ума 12 (0,09) (умный человек <2>, блестящий оратор, всесторонне развитая личность, образование, образованный, самый умный, умница, умный мужик, умный, эрудированный, эрудит).

Является одним из лучших современных политиков 11 (0,08) (видный политик, многие ему даже в подметки не годятся, лучше в современной родине не было, лучший мировой лидер современности, лучший мировой политик современности, не чета предыдущим, потом его будут хвалить все, президент не самый плохой, Путин великий человек, самый, самый компетентный).

Его именем названа водка 9 (0,06) (Путинка (водка) <6>, водка <2>, нет ну я не ерничаю, но водку ПУТИНка уважаем).

Обещал террористов «мочить в сортире» 9 (0,06) (Мочить в сортире <5>, в сортире замочим <2>, любит „мочить в сортире“, сортир).

Практикует диктаторский стиль правления 9 (0,06) (диктатура <2>, тоталитаризм <2>, возложил на себя полномочия главнокомандующего страной; диктаторско-зашифрованный, Ленин — Сталин, Путлер, фашизм).

Спас страну от развала 8 (0,06) (вытащил страну из ямы — в которую скатил Ельцин, заинтересованность в жизни страны, начало прекращения Смуты, спаситель России (еще пару лет правления Ельцина и страны не было бы), подъем экономики, расцвет России, стабильность, укрепление позиций на мировой арене).

Это плохой человек 8 (0,06) (матные, не очень хорошие, в отличие от многих других, 6 ТЛС).

Это злой человек 7 (0,05) (зло <3>, жесть, жестокость, злоба, Медведупты это зло).

Ассоциируется с Распутиным 6 (0,04) (Распутин <4>, Путин = Распутин, и этим все сказано, РАС...больше ничего).

Предает интересы России 6 (0,04) (западник, изменник, нефть на запад, оглядка на запад, предатель, русофоб).

Вызывает чувство гордости 5 (0,04) (гордость нации, гордость России, наша надежда, Не Мы Так Кто Же —?, слава России).

Имеет власть 5 (0,04) (власть <5>).

Его окружают люди еврейской национальности 4 (0,03)

(евреи, с виду норм мужик — но окружил себя жидовскими пивьями, член ложи Розенкрейцеров (германских евреев), ZOG).

Его преемник — Медведев 4 (0,03) (Медведев <3>, медвед).

Ездил на Ладе «Калина» 4 (0,03) (калина <3>, Лада Калина (желтая)).

Имеет слабый характер 4 (0,03) (идет на поводу у олигархов, отсутствие твердой воли, слабохарактерный, трусость).

Много и впустую говорит 4 (0,03) (говорильня, словоблуд, словоблудие, только балоболит красиво).

Пользуется авторитетом 4 (0,03) (авторитет <2>, пахан, Пахан на зоне под названием Россия).

При нем в стране происходят перемены 4 (0,03) (перемены <2>, инновации, новое время).

Процветает в финансовом плане 4 (0,03) (деньги <2>, респектабельность, успешный).

Это хороший человек 4 (0,03) (еще красавчик, молодец, нормальный мужик, правильный мужик).

Является настойчивым 4 (0,03) (настойчивость, требовательный, упрямец, целеустремленность).

Вызывает отрицательные чувства 3 (0,02) (брезгливость, достал, 1 ТЛС).

Ассоциируется с насекомым 3 (0,02) (жук-могильщик, моль, паучок)

Живет в Москве 3 (0,02) (Москва <3>).

Делает всё «путём» 3 (0,02) (всё ПУТем <2>, путный).

Энергично работает 3 (0,02) (молодой энергичный руководитель, работоспособный, трудолюбивый).

У него есть прозвище «краб» 3 (0,02) (краб <2>, на словах он Лев Толстой, а на деле — краб простой).

Занимается воровством 3 (0,02) (воровство, 2 ТЛС).

Имеет низкий рост 3 (0,02) (карлик, крошка, мелкий).

Построил вертикаль власти 3 (0,02) (взаимозависимость всех структур, монополист, построил вертикаль).

При нем затонула подводная лодка «Курск» 3 (0,02) (гибель „Курска“, подводная лодка Курск, Курск).

Проявляет бессовестность 3 (0,02) (бессовестность, наглость, хамство).

Страна достойна лучшего политика, чем он 3 (0,02) (верхняя строчка позора России: [http:// badnameofrussia. Ru](http://badnameofrussia.Ru), за то, что такое дерьмо терпим, обида за державу).

Ходят сплетни про него и Кабаеву 3 (0,02) (Алина Кабаева, Кабаева, неспособность ясно отвечать на вопросы и сплетни про Кабаеву).

Это премьер-министр 3 (0,02) (премьер, Премьер РФ, Премьер-министр).

Это хитрый человек 3 (0,02) (хитрый <2>, хитрость).

Является позером 3 (0,02) (показуха <2>, позер).

Возглавляет «Единую Россию» 2 (0,02) (Единая Россия, ЕР).

Его зовут Владимир 2 (0,02) (ВВП, имя Вова).

Имеет отношение к армии 2 (0,02) (армия, БМ).

Имеет отношение к городу Сочи 2 (0,02) (Сочи <2>).

Несловоохотлив 2 (0,02) (несловоохотливость <2>).

О нем не все известно 2 (0,02) (серый кардинал, тайна какая-то).

Обладает харизмой 2 (0,02) (харизма, харизматичность).

Он «запутался» 2 (0,02) (запутался кто-то, путаница).

Осуществляет политическую деятельность 2 (0,02) (политик, политика).

Пользовался PR-технологиями 2 (0,02) (бывший пиар, пиарщик).

При нем ухудшились международные отношения 2 (0,02) (крах в международных отношениях, унижение нации).

Придерживается либерально-демократических принципов 2 (0,02) (демократия, либерал).

Про него есть песни 2 (0,02) (песенка „Такого, как Путин“, песни).

Работает в Кремле 2 (0,02) (Кремль <2>).

Родился в Санкт-Петербурге 2 (0,02) (Путер <2>).
У него есть электорат 2 (0,02) (его снова выберут, электорат).

Указывает путь 2 (0,02) (путь указывает, не зная куда, путь).

Это царь России 2 (0,02) (Император Всея Руси, ЦАРЬ).

Является интеллигентным 2 (0,02) (галантный, коректный).

Является стратегом 2 (0,02) (прагматизм, тактик и стратег).

Отмечено еще 49 единичных когнитивных признаков.

Полевая организация концепта **Путин** выглядит следующим образом.

ЯДРО

При нем страна доведена до упадка <0,27>.

Занимается/интересуется спортом <0,14>.

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Служил в КГБ <0,12>.

Был президентом РФ <0,09>.

Лжет <0,09>.

Имеет высокий уровень ума <0,09>.

Является одним из лучших современных политиков <0,08>.

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Его именем названа водка <0,06>.

Обещал террористов «мочить в сортире» <0,06>.

Практикует диктаторский стиль правления <0,06>.

Спас страну от развала <0,06>.

Это плохой человек <0,06>.

Это злой человек <0,05>.

Ассоциируется с Распутиным <0,04>.

Предает интересы России <0,04>.

Вызывает чувство гордости <0,04>.

Имеет власть <0,04>.

Его окружают люди еврейской национальности <0,03>.

Его преемник — Медведев <0,03>.

Ездил на Ладе «Калина» <0,03>.

Имеет слабый характер <0,03>.

Много и впустую говорит <0,03>.

Пользуется авторитетом <0,03>.

При нем в стране происходят перемены <0,03>.

Процветает в финансовом плане <0,03>.

Это хороший человек <0,03>.

Является настойчивым <0,03>.

КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Вызывает отрицательные чувства <0,02>.

Ассоциируется с насекомым <0,02>.

Живет в Москве <0,02>.

Делает всё «путём» <0,02>.

Энергично работает <0,02>.

У него есть прозвище «краб» <0,02>.

Занимается воровством <0,02>.

Имеет низкий рост <0,02>.

Построил вертикаль власти <0,02>.

При нем затонула подводная лодка «Курск» <0,02>.

Проявляет бессовестность <0,02>.

Страна достойна лучшего политика, чем он <0,02>.

Ходят сплетни про него и Кабаеву <0,02>.

Это премьер-министр <0,02>.

Это хитрый человек <0,02>.

Является позером <0,02>.

Возглавляет «Единую Россию» <0,02>.

Его зовут Владимир <0,02>.

Имеет отношение к армии <0,02>.

Имеет отношение к городу Сочи <0,02>.

Несловоохотлив <0,02>.

О нем не все известно <0,02>.

Обладает харизмой <0,02>.

Он «запутался» <0,02>.

Осуществляет политическую деятельность <0,02>.

Пользовался PR-технологиями <0,02>.

При нем ухудшились международные отношения <0,02>.

Придерживается либерально-демократических принципов <0,02>.

Про него есть песни <0,02>.

Работает в Кремле <0,02>.

Родился в Санкт-Петербурге <0,02>.

У него есть электорат <0,02>.

Указывает путь <0,02>.

Это царь России <0,02>.

Является интеллигентным <0,02>.

Является стратегом <0,02>.

Отмечено еще 49 единичных когнитивных признаков.

По данным свободного ассоциативного эксперимента, макроструктура концепта **Путин** в русском национальном сознании может быть представлена следующим образом (процентный показатель представляет собой долю каждого признака и компонента в макроструктуре концепта, зависящую от объективаций данного когнитивного признака относительно общего количества всех объективаций).

Образный компонент <36> — 10 %

Перцептивный образ <13> — 3,61 %.

Зрительный образ <12> — 3,33 %: *имеет низкий рост <3>, кресло, лысый, оскал, суховатость, темные очки, очень похож на Маколея Калкина, особенно в детстве, пиджак, портрет его, Путин он и в Африке Путин, сразу перед глазами становится, как живой.*

Слуховой образ <1> — 0,28 %: *тенор.*

Когнитивный образ <23> — 6,38 %: *ассоциируется с Распутиным <6>, ассоциируется с насекомым <3>, делает всё «путём» <3>, он «запутался» <2>, указывает путь <2>, в Испании за сие слово в приличном обществе морду бьют, ***, Puti-club — публичный дом. :)), детская неожиданность, Матрешка, Плутич!, пудинг, путя, распутица.*

Энциклопедическое поле <170> — 47,22 %

Категориальная зона <17> — 4,72 %: *был президентом РФ <12>, это премьер-министр <3>, его зовут Владимир <2>.*

Дифференциальная зона <11> — 3,05 %: *имеет власть <5>, осуществляет политическую деятельность <2>, работает в Кремле <2>, родился в Санкт-Петербурге <2>.*

Описательная зона <129> — 35,83 %: *занимается/интересуется спортом <19>, служил в КГБ <16>, его именем названа водка <9>, обещал террористов «мочить в сортире» <9>, практикует диктаторский стиль правления <9>, его окружают люди еврейской национальности <4>, пользуется авторитетом <4>, ездил на Ладе «Калина» <4>, процветает в финансовом плане <4>, является настойчивым <4>, живет в Москве <3>, энергично работает <3>, у него есть прозвище «краб» <3>, занимается воровством <3>, построил вертикаль власти <3>, при нем затонула подводная лодка «Курск» <3>, имеет отношение к армии <2>, имеет отношение к городу Сочи <2>, несловоохотлив <2>, о нем не все известно <2>, пользовался PR-технологиями <2>, придерживается либерально-демократических принципов <2>, про него есть песни <2>, у него есть электорат <2>, является интеллигентным <2>, является стратегом <2>, алкоголик, война, клан, конец войне в Чечне, менеджер, мобильность, мода, непьющий, ответственность, поцелуй в животик, практичность, тигры, уступчивый, четкость, рыба, сало, щи, семечки.*

Мифологическая зона <3> — 0,83 %: *это царь России <2>, Владимир — ясно солнышко.*

Кроссидентификационная зона <10> — 2,78 %: *его преемник — Медведев <4>, ходят сплетни про него и Кабаеву <3>, возглавляет «Единую Россию» <2>, друг Собака.*

Интерпретационное поле <154> — 42,78 %

Оценочная зона <101> — 28,05 %: *имеет высокий уровень ума <12>, лжет <12>, является одним из лучших современных политиков <11>, это плохой человек <8>, это злой*

человек <7>, предаёт интересы России <6>, вызывает чувство гордости <5>, имеет слабый характер <4>, это хороший человек <4>, много и впустую говорит <4>, вызывает отрицательные чувства <3>, проявляет бессовестность <3>, страна достойна лучшего политика, чем он <3>, это хитрый человек <3>, является позером <3>, обладает харизмой <2>, А Медведев лучше!, алчность, вечность, высокомерие, для зомби-похов, мания, надёжный, никаких: какая власть, такие и ассоциации, самый любимый, сила, стукач.

Утилитарная зона <52> — 14,44 %: при нем страна доведена до упадка <38>, спас страну от развала <8>, при нем в стране происходят перемены <4>, при нем ухудшились международные отношения <2>.

Регулятивная зона: нет.

Символическая зона <1> — 0,28 %: двуглавый орел.

Для установления индекса оценочности все выявленные компоненты концепта были традиционно распределены по группам: когнитивные признаки положительной оценки, когнитивные признаки отрицательной оценки, неэмоциональные когнитивные признаки. Было выявлено 24 когнитивных признака положительной оценки, индекс положительной оценочности составил 21,43 %; обнаружилось 35 когнитивных признаков отрицательной оценки, индекс отрицательной оценочности составил 31,25 %. Эмоциональный слой концепта **Путин** включает в себя 52,68% всех признаков. Негативная акцентуация преобладает над позитивной.

В результате анализа ассоциативного поля концепта **Путин** индекс оценочности может быть представлен следующим образом: насчитывается 81 лексико-фразеологическое средство с положительной коннотацией, индекс положительной оценочности составляет 22,50 %; выявлено 137 лексико-фразеологических средств с отрицательной коннотацией, индекс отрицательной оценочности составил 38,05 %. Ассоциативное поле концепта **Путин** включает в себя 60,55% всех лексико-фразеологических средств. Негативная акцентуация заметно преобладает над позитивной.

Выявлены когнитивные классификаторы концепта **Путин**. Категориальная структура концепта образована следующими когнитивными классификаторами.

Личностные качества — 15,83 % (лжет <12>, это злой человек <7>, имеет слабый характер <4>, много и впустую говорит <4>, является настойчивым <4>, проявляет бессовестность <3>, энергично работает <3>, это хитрый человек <3>, является позером <3>, несловоохотлив <2>, является стратегом <2>, является интеллигентным <2>, алкоголик, алчность, высокомерие, надёжный, нельющий, практичность, стукач, уступчивый).

Эффективность управления страной — 13,89 % (при нем страна доведена до упадка <38>, спас страну от развала <8>, при нем в стране происходят перемены <4>).

Интересы и увлечения — 5,28 % (занимается/интересуется спортом <19>).

Отношение к силовым структурам — 5 % (служил в КГБ <16>, имеет отношение к армии <2>).

Сфера деятельности — 4,72 % (был президентом РФ <12>, это премьер-министр <3>, осуществляет политическую деятельность <2>).

Созвучные слова — 4,45 % (ассоциируется с Распутным <6>, делает всё «путём» <3>, он «запутался» <2>, указывает путь <2>, в Испании за сие слово в приличном общест-

ве морду бьют. Puti-club — публичный дом, пудинг, распутница).

Оценка в сравнении с другими политиками — 4,17 % (является одним из лучших современных политиков <11>, страна достойна лучшего политика, чем он <3>, а Медведев лучше!).

Политические взгляды — 3,89 % (практикует диктаторский стиль правления <9>, построил вертикаль власти <3>, придерживается либерально-демократических принципов <2>).

Уровень ума — 3,33 % (имеет высокий уровень ума <12>).

Вызываемые чувства — 3,33 % (вызывает чувство гордости <5>, вызывает отрицательные чувства <3>, обладает харизмой <2>, никаких, какая власть, такие и ассоциации, самый любимый).

Запомнившиеся эпизоды с его участием или во время его правления — 3,33 % (ездил на Ладе «Калина» <4>, при нем затонула подводная лодка «Курск» <3>, ходят сплетни про него и Кабаеву <3>, поцелуй в животик, тигры).

Общая личностная оценка — 3,33 % (это плохой человек <8>, это хороший человек <4>).

Использование имени для брендов — 3,06 % (его именем названа водка <9>, про него есть песни <2>).

Внешний вид — 2,5 % (имеет низкий рост <3>, темные очки, суховатость, лысый, оскал, очень похож на Маколея Калкина, особенно в детстве, пиджак).

Запомнившиеся фразы — 2,5 % (обещал террористов «мочить в сортире» <9>).

Место рождения или нахождения — 2,5 % (живет в Москве <3>, имеет отношение к городу Сочи <2>, работает в Кремле <2>, родился в Санкт-Петербурге <2>).

Вызываемые зрительные образы — 1,94 % (ассоциируется с насекомым <3>, кресло, портрет его, Путин он и в Африке Путин, сразу перед глазами становится, как живой, рыба).

Окружение — 1,67 % (его окружают люди еврейской национальности <4>, друг Собчака, клан).

Степень нацеленности на интересы страны — 1,67 % (предаёт интересы России <6>).

Имеющиеся прозвища — 1,39 % (у него есть прозвище «краб» <3>, Плутич!, путя).

Наличие власти — 1,39 % (имеет власть <5>).

Внешнеполитическая деятельность — 1,11 % (при нем ухудшились международные отношения <2>, война, конец войны в Чечне).

Наличие авторитета — 1,11 % (пользуется авторитетом <4>).

Преемники — 1,11 % (его преемник — Медведев <4>).

Способ получения должности — 1,11 % (пользовался PR-технологиями <2>, у него есть электорат <2>).

Уровень материального благосостояния — 1,11 % (процветает в финансовом плане <4>).

Участие в преступной деятельности — 0,83 % (занимается воровством <3>).

Взаимодействие с партией — 0,56 % (возглавляет «Единую Россию» <2>).

Имя — 0,56 % (его зовут Владимир <2>).

Символ — 0,56 % (двуглавый орел, Матрешка).

Степень открытости и гласности — 0,56 % (о нем не все известно <2>).

В структуре антропонимических концептов **Путин** и **Медведев** в русском когнитивном сознании выделяется **кроссидентификационная зона** энциклопедического поля. Следует отличать ее от идентификационной зоны, поскольку последняя включает представления о типичных представителях, являющихся в сознании испытуемых материальным воплощением концепта в реальной действительности, в то время как

кроссидентификационная зона содержит представления об отношениях денотата концепта с различными персоналиями, так что такая зона

оказывается по сути пересекающейся с идентификационной, что оправдывает предлагаемое нами наименование.

Таблица
Сопоставительный анализ концептов «Медведев» и «Путин»

МЕДВЕДЕВ	ПУТИН
Занимается/интересуется спортом	Занимается/интересуется спортом
Имеет власть	Имеет власть
Имеет высокий уровень ума	Имеет высокий уровень ума
Имеет низкий рост	Имеет низкий рост
Лжет	Лжет
Много и впустую говорит	Много и впустую говорит
Не действует в интересах страны	Предаёт интересы России
Осуществляет политическую деятельность	Осуществляет политическую деятельность
Процветает в финансовом плане	Процветает в финансовом плане
Представляет «Единую Россию»	Возглавляет «Единую Россию»
Это плохой человек	Это плохой человек
Является слабым	Имеет слабый характер
Является сторонником либерализма	Придерживается либерально-демократических принципов

Сопоставительный анализ результатов семантико-когнитивного исследования концептов **Путин** и **Медведев** показывает, что содержание концепта **Медведев** в русском когнитивном сознании более разнообразно (122 когнитивных признака) и включает на 10 когнитивных признаков больше, чем содержание концепта **Путин** (112 когнитивных признаков). При этом концепты имеют 13 идентичных или сходных когнитивных признаков.

Ядерная зона обоих концептов содержит по два когнитивных признака. Ядерные признаки концепта **Медведев** — это президент РФ <0,22> (языковые объективации: Президент <17>, Президент РФ, наш президент, Президентъев и др.) и это преемник/помощник Путина <0,16> (языковые объективации: Путин <18>, первый заместитель председателя правительства РФ, преемник Путина и т. п.). Первый признак относится к категориальной зоне, второй — к кроссидентификационной зоне энциклопедического поля макроструктуры концепта. Данные результаты, во-первых, свидетельствуют о тесной связи в российской концептосфере (причем на данном этапе исследования уже не интуитивно устанавливаемой, а доказанной результатами эксперимента) концепта **Медведев** с концептом **Путин**, во-вторых, о том, что последний концепт является в данной концептуальной паре доминантным, а не наоборот, поскольку когнитивный признак его (Путин) преемник — Медведев в содержании концепта **Путин** имеет намного меньший индекс яркости (0,03) по сравнению с зеркальным признаком в содержании концепта **Медведев** и отнесен к дальней периферии. Оба ядерных признака концепта **Медведев** несут нейтральную оценочность.

Ядерные признаки концепта **Путин** — при нем страна доведена до упадка <0,27> (языковые объективации: коррупция <6>, кризис, ни-

щета, беспредел <2>, бардак в стране, беззаконие, безработица, геноцид, застой, упадок и др.) и занимается/интересуется спортом <0,14> (языковые объективации: дзюдо, спорт <3>, самбо <2>, айкидо, горные лыжи, спортивный, футбол и др.). Первый признак относится к утилитарной зоне интерпретационного поля макроструктуры концепта, второй — к описательной зоне энциклопедического поля. Первый признак несет резко отрицательную оценку, второй — положительную оценку, близкую к нейтральной. Это свидетельствует о том, что концепт **Путин** в сознании русских испытуемых по сравнению с концептом **Медведев** более ярко выраженной негативной оценочностью.

Ближняя периферия концепта **Медведев** включает в себя такие признаки: ассоциируется с медведем <0,12> (языковые объективации: медведь <6>, берлога <2>, лес <2>, мишка, спячка и др.), действует по воле других <0,09> (языковые объективации: вроде живой, а манекен, кукла-марионетка, несамостоятельный политик, пешка и др.), имеет низкий рост <0,07> (языковые объективации: маленький <2>, низкого роста и др.), он русский <0,07> (языковые объективации: Россия <8>, русский). Первый и третий когнитивные признаки относятся соответственно к когнитивному и зрительному образу образного компонента макроструктуры концепта. Второй и четвертый — к описательной и дифференциальной зоне энциклопедического поля макроструктуры соответственно.

Ближняя периферия концепта **Путин** включает в себя следующие признаки: служил в КГБ <0,12> (языковые объективации: КГБ <5>, КГБист <2>, ФСБ <2>, комитет Госбезопасности), был президентом РФ <0,09> (языковые объективации: президент <8>, бывший президент и др.), лжет <0,09> (языковые объективации: лицемерие <3>, ложь <2>, жди очередную подставу и др.), имеет высокий уро-

вень ума <0,09> (языковые объективации: *умный человек <2>*, *образованный, самый умный, умный мужик* и др.), *является одним из лучших современных политиков <0,08>* (языковые объективации: *видный политик, многие ему даже в подметки не годятся, лучший мировой лидер современности* и др.). Первый и второй из названных признаков относятся к описательной и категориальной зонам энциклопедического поля концепта соответственно, все последующие — к оценочной зоне интерпретационного компонента концепта.

Удельный вес образного компонента концепта **Медведев** на 5,59 % превышает вес соответствующего макрокомпонента концепта **Путин**, причем перцептивный образ концепта **Медведев** почти в два раза больше по объему. Иными словами, зрительные представления о **Медведеве** в сознании российских испытуемых вдвое превышают часть содержания соответствующего концепта, чем зрительные представления о **Путине**. Сознание испытуемых актуализирует представления о росте, одежде, фигуре **Медведева**, такие представления заключаются в 6,72 % всех когнитивных признаков, в то время как в концепте **Путин** лишь 3,33 % всех когнитивных признаков содержат представления о внешнем виде. Поскольку «формирование концепта в онтогенезе идет от образного, чувственного к более абстрактному, рациональному» [Попова, Стернин 2007: 84], то можно сделать вывод, что по сравнению с концептом **Медведев** концепт **Путин** в русском национальном сознании пусть незначительно, но в большей мере является результатом рационального осмысления, чем зрительного восприятия. Если несколько примитизировать и резюмировать, можно сказать, что, исходя из анализа образного компонента концептов, на **Медведева** больше смотрят, а о **Путине** больше размышляют.

Отдельного внимания заслуживает когнитивный образ макроструктуры обоих концептов. Его анализ показывает, насколько велико для концептуализации значение слуховых и фонетических ассоциаций, связанных с фамилией: так, **Путин** в силу исключительно фонетических параллелей ассоциируется с *Распутиным*, а также вызывает образ *пути, пудинга, распутицы* и такие лексико-фразеологические реакции, как *делает всё «путём», указывает путь и запутался*. Что касается концепта **Медведев**, в ходе ассоциативного эксперимента 17 раз актуализируется образ *медведя* (почти каждым седьмым испытуемым).

Объем энциклопедического поля в макроструктуре исследуемых концептов значительно различается: в макроструктуре концепта **Путин** к нему относится 47,22 % когнитивных признаков, в макроструктуре концепта **Медведев** — 63,44 %. Энциклопедическое поле концепта включает в себя сведения, приобретаемые носителями языка в ходе получения инди-

видуального жизненного опыта [Стернин 2008: 10], следовательно, Медведев осознается россиянами как более «открытый», познанный, понятный, чем Путин, о котором в национальном российском сознании содержится меньше информации. Категориальная зона макроструктуры концепта **Медведев** почти вдвое больше соответствующей зоны концепта **Путин**. Дифференциальная зона более чем в два раза объемней. Такое распределение показателей означает, что **Медведев** в сознании российских испытуемых в большей степени, чем **Путин**, концептуализируется как представитель определенной категории, имеющий четкие дифференциальные характеристики, в то время как **Путин** концептуализируется в большей мере как популярная персоналия с меньшей зависимостью от категориальной принадлежности. В качестве подтверждения напомним: когнитивный признак концепта **Медведев это президент РФ** был объективирован в ответах 31 испытуемого, в то время как признаки *был президентом РФ* и *это премьер-министр* концепта **Путин** были объективированы лишь двенадцатью и тремя испытуемыми соответственно. Рационально предположить, что в сознании человека все антропонимические концепты занимают позицию одного из двух типов: 1) отнесенную к определенной категории (такие антропонимические концепты можно считать перемненными, поскольку они с течением времени могут заменяться другими, более актуальными для осознания представителями данной категории) либо 2) позицию относительно самостоятельную, выделившуюся из данной категории (такой антропонимический концепт занимает в сознании отдельную позицию, и хотя и остается связанным с концептосферой вообще и категорией, в которую был изначально включен, в частности, уже имеет актуальность постольку, поскольку денотат данного антропонимического концепта — личность, которая вызывает интерес сама по себе, вне зависимости от категориальной, профессиональной и какой бы то ни было принадлежности). Некоторые антропонимические концепты с течением времени переходят из первого типа во второй, другие — нет. Одни утрачивают актуальность для когнитивного и языкового сознания, другие сохраняют ее независимо от того, остается ли денотат концепта представителем категории, к которой ранее относился. Так, очевидна высокая актуальность в общественно-политической концептосфере таких антропонимических концептов, как **Жириновский** и **Зюганов**. Данные концепты уже можно отнести ко второму типу. То же самое, очевидно, можно сказать и о концепте **Путин**. Концепт **Медведев** на данный момент времени, если опираться на результаты эксперимента, относится пока к первому типу.

Описательная зона в двух концептах имеет почти равный вес: **Медведев** — 35,75 %, **Путин** — 35,83 %.

Объем кроссидентификационной зоны макроструктуры концепта **Медведев** более чем в три раза превышает объем аналогичной зоны макроструктуры концепта **Путин** (9,14 % и 2,78 % соответственно), что означает тесную зависимость концепта **Медведев** от прочих антропонимических концептов, значительно более высокую, чем у концепта **Путин**, характеризующуюся большей независимостью и самоопределяемостью. Поскольку кроссидентификационная зона включает в себя знания и представления об отношениях денотата концепта с реальными персоналиями или организациями, то можно заключить, что в сознании российских испытуемых **Путин** предстает намного более независимым и самоопределяющимся, чем **Медведев**.

Перейдем к анализу интерпретационного поля концептов, включающего в себя признаки, являющиеся результатом дополнительного размышления народа над основным содержанием концепта [Стернин 2008: 13]. Это является дополнительным показателем актуальности концепта: чем больше интерпретационное поле, тем большему переосмыслению подвержен концепт. Напротив, чем меньше интерпретационное поле, тем менее пассивно сознание (когнитивное и языковое) в отношении него, такой концепт воспринимается скорее созерцательно, как некая данность, подлежащая описанию, но не подвергающаяся какой-либо оценке и размышлениям. Интерпретационное поле концепта **Путин** в два раза больше интерпретационного поля концепта **Медведев** (42,78 % и 20,97 % соответственно). Оценочная зона концепта **Путин** составляет 28,08 %, оценочная зона концепта **Медведев** — 15,86 %. Следовательно, **Путин** в сознании испытуемых намного чаще подвергается оценке. Разница в объеме утилитарной зоны еще более существенна: в концепте **Путин** ее объем — 14,44 %, в концепте **Медведев** — всего 2,96 %. Ответы испытуемых объективируют представления о том, какие последствия имеет для страны правление **Путина**: как отрицательные (*при нем страна доведена до упадка <0,27>*, *при нем ухудшились международные отношения <0,02>*), так и положительные (*спас страну от развала <0,06>*, *при нем в стране происходят перемены <0,03>*). Яркость подобных признаков концепта **Медведев** намного ниже: *дает надежду <0,02>*, *при нем в стране беспредел <0,02>* и др. В интерпретационном поле концепта **Медведев**, в отличие от концепта **Путин**, имеется регулятивная зона, отражающая представления о том, что необходимо предпринять в отношении денотата концепта: например, *вызывает желание отправить в отставку*. В содержании концепта **Путин** при высокой яркости негативно-оценочных представлений такие признаки не выявлены. В содержании концепта присутствуют критические суждения, но отсутствуют какие-либо представления о том, что следует или

чего не следует делать в связи с ними. Из всего вышесказанного следует, что концепт **Медведев** является в большей степени результатом созерцания, чем результатом оценивания, осмысления и рассуждения, по сравнению с концептом **Путин**.

Отдельного внимания заслуживает оценочный слой обоих концептов. Поскольку выше было показано, что более эффективным представляется анализ оценочности концепта на основании не когнитивных признаков, а лексико-фразеологических средств его объективации, то сопоставим показатели оценочности, основанные на результатах анализа ассоциативного поля концептов. По данным последнего, ассоциативное поле концепта **Медведев** включает в себя 39,24 % всех лексико-фразеологических средств, ассоциативное поле концепта **Путин** — 60,55 %. Это подтверждает, что в общем концепт **Путин** является более оценочным. Индекс отрицательной оценочности концепта **Путин** на 13,32 % выше индекса отрицательной оценочности концепта **Медведев** и составляет 38,05 %. Разница индексов положительной оценочности несколько меньше: индекс положительной оценочности концепта **Путин** на 7,99 % выше аналогичного индекса концепта **Медведев**. В целом же — при том, что концепт **Путин** характеризуется более значительной оценочностью — соотношение индексов положительной и отрицательной оценочности обоих концептов равно: индекс отрицательной оценочности в 1,7 раза больше индекса положительной оценочности, следовательно, в случае обоих концептов негативная акцентуация в равной степени преобладает над позитивной.

Различия в плане оценочности заключаются в содержании когнитивных признаков положительной и отрицательной оценки. Самые яркие когнитивные признаки отрицательной оценки концепта **Медведев** содержат представления о зависимости действий политика от воли других, о высокомерии и неоправданном многословии. Самые яркие когнитивные признаки отрицательной оценки концепта **Путин**, в свою очередь, содержат представления о застойном состоянии страны, в которое она была приведена во время правления, о способности обманывать, о диктаторском стиле правления, неверности интересам страны, а также ассоциации с Распутиным.

Самые яркие когнитивные признаки положительной оценки концепта **Медведев** содержат положительные ассоциации со сказочными добрыми медведями, а также представления о высоком уровне интеллекта и о поддержке развития нанотехнологий. Самые яркие когнитивные признаки положительной оценки концепта **Путин** содержат представления о Путине как о человеке, ведущем здоровый образ жизни и интересующемся спортом, имеющем высокий уровень интеллекта, являющемся одним из луч-

ших современных политиков, спасшим страну от развала, а также как о борце с терроризмом.

Показательны и результаты сопоставления когнитивных классификаторов концептов **Путин** и **Медведев** в русском национальном сознании. Два наиболее объемных когнитивных классификатора, при помощи которых концептуализируется **Медведев**, — это *степень независимости в осуществлении управления (10,75%)* и *сфера деятельности (10,21%)*. Первый классификатор в концептуализации **Путина** вообще не участвует, второй составляет лишь 4,72% когнитивных признаков концепта **Путин**. Два наиболее объемных когнитивных классификатора концепта **Путин** — *личностные качества и эффективность управления страной*. К первой категории относится 15,83% всех когнитивных признаков концепта, ко второй — 13,89%. Аналогичные классификаторы играют значительно меньшую роль в концептуализации **Медведева** российским сознанием и составляют 9,68% и 3,23% соответственно.

Наиболее значимыми специфическими когнитивными классификаторами концепта **Медведев** являются: *степень независимости в осуществлении управления (10,75%)*, *поддерживаемые сферы науки и техники, нововведения (4,57%)*, *национальная принадлежность (2,42%)*, *оценка соответствия занимаемой должности (1,61%)*. Наиболее значимыми специфическими когнитивными классификаторами концепта **Путин** являются: *отношение к силовым структурам (5,00%)*, *созвучные слова (4,45%)*, *оценка в сравнении с другими политиками (4,17%)*, *использование имени для брендов (3,06%)*, *запомнившиеся эпизоды с его участием или во время его правления (3,33%)*, *запомнившиеся фразы (2,50%)*, *окружение (1,67%)*.

Пожалуй, именно сопоставительный анализ когнитивных классификаторов концептов более всего подтверждает степень их различия, поскольку демонстрирует, сколь разными классификаторами испытуемые категоризируют содержание исследуемых концептов. **Медведев** осмысливается прежде всего с точки зрения самостоятельности управления, **Путин** — с позиций личностных качеств и эффективности управления страной.

Возвращаясь к вопросу, заявленному в названии данной статьи, образуют ли концепты **Путин** и **Медведев** в русском национальном сознании концептуальное единство либо оппозицию, можно сделать вывод, что в данный момент они представляют единство только постольку, поскольку концепт **Медведев** находится в зависимости от концепта **Путин** по признаку «является преемником». В остальном же после изначальной концептуализации в тесной связи друг с другом данные денотаты теперь

подвергаются самостоятельной обособленной реконцептуализации в русском национальном сознании, в ходе которой соответствующие концепты обрастают специфическими когнитивными признаками, мотивированными не их взаимосвязью, а деятельностью соответствующих персоналий, которая осмысливается и переосмысливается сознанием русского человека, а также обретают свой оценочный фон.

Р. С. Обращаем внимание, что все выводы, сделанные в ходе исследования, основаны исключительно на результатах анализа языкового материала (приведенного в данной статье) и статистических данных и никак не связаны с личным мнением и суждениями автора статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Алиева Т. В. Концептуальная оппозиция «свой — чужой» в политическом дискурсе Великобритании (Великобритания — США) // Вестн. Тамбов. ун-та. 2008. Вып. 11 (67). С. 216—220.

Васильева Е. В. Концептуальная оппозиция ИНДИВИД — ГРУППА в языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — М., 2001.

Гамаюнова Ю. И. Концептуальная антитеза «смерть — рождение» в древнейших названиях эмоций // Язык. Человек. Картина мира : материалы Всерос. науч. конф. / под. ред. М. П. Одинцовой ; Омск. гос. ун-т. — Омск, 2000. Ч. 2. С. 98—101.

Грузберг Л. Антиномия не есть антонимия // Проблемы социо- и психолингвистики. — Пермь, 2002. Вып. 1. С. 7—10.

Иевлева М. Х. Концептуальная оппозиция «мужчина — женщина» в тавтологических конструкциях // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. — Уфа, 2001. С. 262—269.

Мушаева О. К. Концептуальная диада «скромность и хвастовство» в русской и калмыцкой лингвокультурах // Живой язык: теоретические социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков : Междунар. науч. конф. — Элиста, 2007. С. 100—102.

Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ — власть» в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2006.

Новикова Н. А. Концептуальная диада «жизнь — смерть» и ее языковое воплощение в русской фразеологии, паремииологии и афористике : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Череповец, 2003.

Погребная Н. А. Антонимический концепт «друг — враг» и «friend — enemy» // Инновации в образовании. 2005. № 4. С. 67—74.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка : моногр. — Воронеж: Истоки, 2007.

Санаева И. В. Аксиологический аспект языковой картины мира в романе Л. Н. Толстого «Война и Мир»: дихотомия «добро — зло» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Калининград, 2007.

Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2008. Вып. 1. С. 8—20.

Храмова Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие — искренность» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2010.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба

И. П. Рябкова
Ижевск, Россия

I. P. Ryabkova
Izhevsk, Russia

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ
И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА**

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
IN THE SPHERE OF POLITICS
AND QUESTIONS OF TRANSLATION**

Аннотация. Рассматривается роль перевода в области межкультурной политической коммуникации, выявляются некоторые проблемные области, касающиеся сложившейся практики перевода политических текстов. Обосновывается, что многие вопросы должны рассматриваться на стыке политической лингвистики, теории дискурса, переводоведения и межкультурной коммуникации.

Abstract. The paper discusses the role of translation/interpreting in intercultural political communication and highlights some problem areas in the existing practice of political texts translation. The author outlines the problems which require further theoretical analysis from interdisciplinary perspective involving political linguistics, discourse, translation studies and inter-cultural communication.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; политическая коммуникация; политический дискурс; перевод; переводчик; межкультурное посредничество.

Key words: inter-cultural communication; political communication; political discourse; translation; interpreting; translator; interpreter; intercultural mediation.

Сведения об авторе: Рябкова Ирина Павловна, старший преподаватель кафедры перевода и стилистики английского языка.

About the author: Ryabkova Irina Pavlovna, Senior Lecturer of the Chair of Translation and Stylistics of the English Language.

Место работы: Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Place of employment: the Udmurt State University (Izhevsk).

Контактная информация: 426034 г. Ижевск, Университетская, д. 1.
e-mail: irina-ryabkova@rambler.ru.

Политическая коммуникация, ставшая предметом лингвистических исследований относительно недавно, сегодня привлекает внимание все большего числа ученых, а политическая лингвистика становится самостоятельным научным направлением, вбирающим в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии [Будаев, Чудинов 2008: 21]. Наряду с исследованиями языковых, текстовых или дискурсивных феноменов современного политического языка, общих закономерностей политической коммуникации, отдельных разновидностей политического дискурса и т. д., все большее значение начинают приобретать сопоставительные исследования особенностей политической коммуникации в различных государствах. При этом лингвисты чаще всего ограничиваются изучением монологической политической коммуникации (между представителями власти и гражданами внутри конкретной страны), что покрывает лишь одну из возможных сфер исследования. Полагаем, что политическая коммуникация как речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей [Чудинов 2003: 11], может подразделяться на следующие виды:

– политическая коммуникация внутри одного государства с использованием государственного языка;

– политическая коммуникация внутри одного государства или международной организации, осуществляемая на нескольких официальных

языках (например, в государствах, имеющих два и более официальных языков, или организациях типа ООН);

– межкультурная политическая коммуникация с использованием одного языка-посредника (например, интервью с политиком для зарубежного издания без участия переводчика);

– межкультурная двуязычная (многоязычная) политическая коммуникация, осуществляемая с помощью переводчика.

Расширение международных контактов в современном мире заметно повысило объем и значение межкультурной коммуникации в области политики. При этом в условиях глобализации и совершенствования информационных технологий все более широкие круги общечеловеческой деятельности получают доступ к результатам политической деятельности. Многие тексты, порождаемые в процессе политической коммуникации, фиксируются не только в виде письменных документов, но и в виде аудио- и видеозаписей. Впоследствии эти политические тексты могут обрабатываться (переводиться, сокращаться, цитироваться, сопровождаться комментариями и т. п.), они многократно копируются, распространяются и используются в информационных, пропагандистских, исследовательских, обучающих и иных целях.

Свидетельством растущего интереса рядовых граждан, а также специалистов самых разных областей знания к внутри- и внешнеполитическим процессам является появление офи-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Рябкова И. П., 2011

циальных интернет-сайтов органов государственной власти. На этих сайтах публикуется информация о важнейших событиях в стране и фактах зарубежных контактов, приводятся отчеты о заседаниях законодательных собраний, полные тексты выступлений государственных лидеров и т. д. не только на национальном языке, но и на одном или более иностранных языках, т. е. в переводе. Многие сайты ведущих новостных агентств, периодических изданий также предлагают версии собственных публикаций на нескольких языках. Возросший в последние годы интерес к изучению иностранных языков (в основном, английского) привел к значительному увеличению числа тех, кто использует их как средство получения информации. В итоге число адресатов политической коммуникации значительно возросло, ими все чаще являются не прямые (заочные) участники межкультурной коммуникации, нередко те, чье присутствие в коммуникативной схеме не было запланированным или даже осталось незамеченным. Безусловно, все это существенно осложняет коммуникативную ситуацию, предъявляя новые требования к информационной политике.

Несмотря на постоянное расширение аудитории, владеющей иностранными языками, перевод играет важную роль в межкультурной коммуникации, прежде всего в политической сфере, открывая возможности знакомства с политическими текстами (как первичными, так и вторичными) для максимально большого количества реципиентов. В то же время через перевод доступ к политическим текстам получают коммуниканты, которые не всегда подготовлены к межкультурному взаимодействию на должном уровне. Межкультурная политическая коммуникация разворачивается в виде сложного коммуникативного явления — политического дискурса, которое, по мнению А. П. Чудинова, должно включать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и „живет“ данный текст, репутация издания, в котором он опубликован» [Чудинов 2003: 50]. Добавим, что на порождение и восприятие речи может также влиять фактор опосредованной коммуникации (как правило, отсутствующий в сознании слушающего, а иногда и говорящего), т. е. коммуникации через переводчика. Рядовой получатель информации обычно воспринимает переводной текст как точную копию оригинального высказывания, и не всегда отправитель сообщения учитывает тот факт, что текст первоначально будет восприниматься и обрабатываться посредником-переводчиком. В сознании носителей языка перевода нередко существуют определенные стереотипы и предубеждения,

переводчику очень важно учитывать фактор адресата: будет ли его перевод адресован узкому кругу специалистов или, напротив, предназначен для максимально большого числа реципиентов, носителей разных языков и культур, для которых язык перевода может быть как родным, так и иностранным.

В переводе могут наблюдаться очевидные сигналы неадекватности: незавершенность, несвязность и нелогичность высказываний; противоречие между переводом и фактами действительности, известными получателю; заметное отсутствие перевода отдельных фрагментов текста; резкое несоответствие между объемом текста оригинала и перевода; коммуникативные сбои при двустороннем переводе, например когда ответ совершенно не соответствует заданному вопросу, и др. Если подобные очевидные сигналы отсутствуют, то коммуниканты, как правило, испытывают доверие к переводу.

Однако и при кажущейся адекватности перевод может в той или иной степени расходиться с оригиналом, что обычно выявляется при сопоставительном анализе текстов. Рассмотрим в качестве примера перевод выступления Президента РФ Б. Н. Ельцина на саммите ОБСЕ 18 ноября 1999 г., представленный на сайте БиБиСи. Английский источник заявляет о том, что публикуется полный текст выступления (“Full text of Boris Yeltsin's speech”), и ссылается на выступление на русском языке, показанное ОРТ (“Russian Public TV, Moscow, in Russian 18 Nov. 99”).

Первое, что обращает на себя внимание — различное членение текста на абзацы. Кроме того, перевод выступления разбит на отдельные фрагменты, к каждому фрагменту предлагается своеобразный заголовок, как бы подчеркивающий главную мысль последующего отрывка. Всего в тексте присутствует шесть заголовков, автор которых не указан: Global challenge (Общемировые проблемы); No right to criticise Russia (Нет права критиковать Россию); Cancer of terrorism (Рак терроризма; в оригинале — раковая опухоль терроризма); No talks with “bandits” (Никаких разговоров с «бандитами»); Nato “aggression” («Агрессия» НАТО).

С одной стороны, подобные заголовки призваны помочь читателю ориентироваться в тексте. С другой стороны, они нацеливают на поисковое (выборочное) чтение (читается тот фрагмент, который имеет интересный заголовок), что препятствует целостности восприятия текста. Кроме того, подобные заголовки уже несут в себе имплицитную оценку и задают определенное направление в интерпретации текста. На наш взгляд, с помощью заголовков создается впечатление некой агрессивности выступающего, отсутствующей в оригинальном выступлении, а также упускаются многие значимые для речи Б. Н. Ельцина идеи. Например, фрагмент, имеющий заголовок «Общемировые проблемы», завершается заявлением российского президента о необходимости совместных

усилий для решения общих проблем, о готовности России к совместной работе. Однако нацеленный на поисковое чтение получатель может пропустить в переводе все призывы Б. Н. Ельцина к объединению усилий и высказанное желание России действовать сообща. Подобная обработка текста, которой, кстати, БиБиСи подвергает все проанализированные нами переводы выступлений российских президентов, способна существенно исказить представление читателя о коммуникативном намерении автора исходного выступления и повлиять на его общую оценку и интерпретацию.

Кроме того, перевод может преподноситься как перевод полного текста выступления, хотя отсутствуют некоторые его фрагменты. Например, был опущен ряд вопросов и ответов на них в опубликованном БиБиСи переводе интернет-конференции Президента РФ В. В. Путина от 6 марта 2001 г. Главным образом это были вопросы российских журналистов. Несмотря на это, заявлялось, что читатель имеет дело с полным текстом (Putin live: Transcript of webcast. This is the full text of Russian President Vladimir Putin's webcast live from the Kremlin). Вдобавок нигде не было указано, что получатель имеет дело с переводом. За счет вводного комментария создается ложное впечатление, что беседа проходила на английском языке.

Неоспоримым, на наш взгляд, должно быть и требование к высокому качеству перевода с точки зрения соблюдения норм переводящего языка и сохранения стилистики и прагматики

The first part of your question is that — is whether or not the weapons of mass destruction question. Here's what — we've discovered a weapons system, biological labs, that Iraq denied she had, and labs that were prohibited under the U.N. resolutions. Vladimir can speak to the issue of the future of Iraq, at least his opinion of the future. But my opinion is, is that we must work together to improve the lives of the Iraqi citizens, that we must cooperate closely to make sure that the Iraqi infrastructure is in place so that the Iraqi citizens can live decently. And as to the energy sector, the Iraqi people will make the decision which is in their best interest. Russia has had a long history of involvement in Iraq, and the Iraqi authorities, when they are firmly in place, will make the decision based upon that experience and based upon their country's best interests.

Курсивом выделены фрагменты, опущенные или добавленные в переводе, подчеркнуты фрагменты, содержание которых полностью или частично искажено переводчиком. В отличие от оригинала, в котором подтверждается существование *биологических лабораторий, опровергавшееся Ираком*, в русском тексте говорится о том, что американцам удалось найти *одну* такую лабораторию. Текст перевода отличается от оригинала и тем, что в нем не говорится о том, что Россия и США должны совме-

исходного текста. Недопустимо, чтобы в результате знакомства с небрежно выполненным переводом у реципиентов сложилось мнение о косноязычности политика — автора исходного текста. Перевод играет важную роль в создании имиджа государств в целом и конкретных политических деятелей в частности.

Особые требования с точки зрения межкультурной коммуникации предъявляются к устному переводу. Многие речевые факторы создают трудности для переводчика: быстрый темп речи оратора, использование таких языковых средств, как игра слов, фразеология, прецедентные тексты, стилистически маркированная лексика и т. д. Перечисленные особенности создают сложности даже при письменном переводе, при устном переводе временной фактор и отсутствие необходимых справочных материалов приводят к неизбежным переводческим потерям.

Обращение к опубликованным скриптам прозвучавших устно текстов позволяет выявить искажение оригинала переводчиком. Рассмотрим в качестве примера материалы совместной пресс-конференции Президента РФ В. В. Путина и Президента США Дж. Буша (1 июня 2003 г.), опубликованные на официальном сайте Президента РФ www.kremlin.ru на русском языке. Многие фрагменты, содержащие ответы Дж. Буша на вопросы журналистов, искажают содержание сказанного американским президентом. Ниже приводится ответ американского лидера на первый вопрос, касающийся наличия оружия массового уничтожения в Ираке.

Что касается первой части Вашего вопроса, то на самом деле — да, мы нашли в Ираке биологическую лабораторию, которая запрещалась Организацией Объединенных Наций. Владимир может ответить за себя относительно будущего в Ираке, то есть какое у него имеется мнение относительно Ирака. А мое личное мнение такое: мы должны работать в направлении улучшения и укрепления более высокого качества жизни для всех граждан Ирака. И я лично считаю, что нам нужно поплотнее сотрудничать, чтобы восстановить всю ту необходимую инфраструктуру на территории Ирака, чтобы его граждане могли лучше жить. А что касается энергосектора в Ираке, то население Ирака само должно решить для себя, какое будет будущее этого энергосектора. Россия имеет огромный опыт, накопленный за многие годы работы в Ираке. И уже новые руководители Ирака, когда придет время и они займут свои посты, будут уже на основании своего и российского опыта решать, как им быть.

стно работать над улучшением жизни иракских граждан. В итоге в контексте предыдущей фразы существенно искажается значение: получатель перевода будет считать, что лишь американцы будут стремиться решить эту проблему, причем вводная фраза «а мое личное мнение такое» может подразумевать, что с точки зрения Буша, российский президент может иметь совсем иное мнение по данному вопросу. Кроме того, добавление в русском тексте (за счет ввода отсутствующих в оригинале соответствий

«улучшения и укрепления более высокого качества жизни для всех граждан Ирака») подразумевает, что в целом качество жизни в Ираке уже достаточно высоко, и необходимо укрепить его, сделать еще более высоким. Далее, согласно оригиналу, население Ирака должно, как считает Буш, решить, что будет соответствовать интересам иракского народа, и это не совсем точно выражено в переводе. Наконец, не совсем удачна попытка переводчика передать мысль американского президента о том, что в принятии решений будут участвовать иракские власти, когда в стране появится стабильная власть. Реципиент, читающий русский перевод, возможно, будет недоумевать относительно того, на что намекал Буш, заявляя, что решать будущее страны будут «новые руководители Ирака, когда придет время и они займут свои посты». Значит ли это, что у Ирака уже есть новые руководители, только время занимать свои посты для них еще не наступило?

Аналогичным образом можно разобрать и другие фрагменты пресс-конференции и заметить в них достаточно большое количество несоответствий между оригиналом и переводом. От реципиента требуется как минимум хорошее знание политической обстановки и способность критически мыслить для того, чтобы заподозрить, что перевод не вполне адекватен.

Таким образом, обращение к практике перевода отдельных политических текстов ставит перед исследователями вопрос о достоверности политического текста, созданного в процессе межкультурной коммуникации с участием переводчика и, возможно, редактора перевода и/или журналиста. По-видимому, устный перевод может приводить к появлению ненамеренного искажения содержания исходного высказывания в большей степени, нежели письменный, поскольку он связан с большей нагрузкой на мыслительную деятельность переводчика. В связи с этим более предпочтительным для последующей обработки, цитирования и распространения представляется текст письменного перевода, опирающийся на письменный первоисточник/скрипт исходного выступления и, при необходимости, его аудиозапись и видеоряд, поскольку в этом случае минимизируются ошибки, связанные с передачей плана содержания политического текста.

Кроме того, в связи с межкультурной политической коммуникацией возникает ряд вопросов этического характера. В идеале, переводчик, как посредник в общении между двумя сторонами, должен сохранять нейтралитет, но обычное присутствие «своего» переводчика на переговорах на высшем уровне свидетельствует о том, что нейтральная позиция в подобной коммуникативной ситуации вряд ли возможна, а значит, на принимаемые переводчиком решения влияют определенные политические установки. Следующий вопрос связан с тем, будет

ли размножен подобный «политизированный» перевод зарубежными СМИ или они предпочтут создать собственный вариант перевода, исходя из собственных политических установок. Таким образом, можно предположить, что текст перевода способен в той или иной степени обладать собственным манипулятивным потенциалом. На основе анализа переводов выступлений российских лидеров, выполненных зарубежными СМИ, можно утверждать, что средствами его создания являются:

1) отсутствие указания на то, что предлагаемый текст является переводом (что заставляет реципиента воспринимать его как точное воспроизведение того, что было сказано в действительности). На самом же деле до того, как быть опубликованным, такой текст не только переводится с одного языка на другой, но и проходит редакторскую правку, а значит — сложную когнитивную обработку, результаты которой могут присутствовать в тексте перевода;

2) перевод отдельных фрагментов исходного текста (что позволяет ознакомить получателей только с тем, что согласуется с информационной политикой издания). В этих случаях перевод может сопровождаться или не сопровождаться комментариями журналиста, он может быть представлен как отдельный текст или как вкрапления в виде цитат в составе другого текста;

3) разделение перевода на фрагменты, сопровождаемые заголовками.

Итак, несмотря на то что перевод уже давно считается не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникацией, а переводчику традиционно отводится в ней роль посредника, вопросы возможного влияния перевода и личности самого переводчика на успешность коммуникации изучены крайне мало. Политическая коммуникация в этом плане не является исключением, хотя именно в ней перевод и переводчик играют важнейшую роль в плане создания внешнеполитического имиджа государства и его лидеров. Интересным представляется моделирование схем двуязычной (многоязычной) политической коммуникации и изучение влияния перевода на участников коммуникации и результаты общения. Эти и многие другие вопросы, касающиеся межкультурной политической коммуникации, осуществляемой при посредстве переводчика, требуют дальнейшего теоретического осмысления с позиций междисциплинарного подхода на стыке политической лингвистики, теории дискурса, переводоведения и межкультурной коммуникации, а также изучения большого объема фактического материала.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — 2008.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

Статью рекомендует к печати канд. филол. наук, проф. Э. В. Будаев

Р. Т. Садуов
Уфа, Россия

R. T. Saduov
Ufa, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
БАРАКА Х. ОБАМЫ В ПРЕЛОМЛЕНИИ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
И СЕМИОТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ**

**LINGUISTIC, CULTURAL
AND SEMIOTIC ASPECTS
OF BARACK H. OBAMA'S
POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Проводится лингвокультурно-семиотический анализ политического дискурса 44-го президента США Б. Обамы как комплекса новаторских решений в плане содержания и формы представления политического дискурса. Исследованию подвергаются такие явления, как автобиографичность, эстетизация, поликодовость и некоторые другие. При этом исследование структурировано в соответствии с моделью коммуникативного акта Р. Якобсона.

Abstract. The aim of this article is to analyse political discourse of the 44th US President Barack Obama from the viewpoint of its linguistic, cultural and semiotic aspects, and as a set of new solutions in the content and form of the political discourse. Autobiographical, aesthetic and polycode stances of the discourse are being researched. The latter being structured in compliance with the communication act model by R. Jakobson.

Ключевые слова: политический дискурс США; Барак Обама; поликодовый текст; Р. Якобсон.

Key words: US political discourse; Barack Obama; polycode text; R. Jakobson.

Сведения об авторе: Садуов Руслан Талгатович, аспирант факультета романо-германской филологии. Место работы: Башкирский государственный университет.

About the author: Saduov Rouslan Talgatovich, Postgraduate Student of The Department of Romance and Germanic Philology.

Place of employment: the Bashkir State University.

Контактная информация: 450074, Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32. e-mail: rtsf@bk.ru.

Настоящее исследование посвящено изучению политического дискурса Б. Обамы и представляет собой попытку интегрального дискурсивного анализа портрета политика. Последнее подразумевает исследование основных характеристик рассматриваемого дискурса. При этом фокус работы направлен на изучение новационных особенностей дискурса Б. Обамы.

Думается, рассматриваемый дискурс представляет собой целый комплекс новаторских для традиционного американского политического дискурса решений в плане оформления содержания и организации структуры. Можно сказать, что исследуемые модификации конвенционального политического дискурса отражают современное состояние политического дискурса США и предопределяют тенденции его развития в будущем.

В связи с этим целью данной работы является лингвокультурно-семиотический анализ политического дискурса 44-го президента США Б. Обамы как комплекса новаторских решений в плане содержания и формы представления политического дискурса. Заявленная цель предполагает рассмотрение целого массива разнородной информации, и в этом смысле она предопределяет особую структуру анализа. Наиболее удобной в данном случае представляется модульная структура рассмотрения материала, что подразумевает дозированность подачи информации, ее организацию в виде отдельных блоков. За основу исследования было

взято положение, согласно которому политический дискурс Б. Обамы можно представить в виде модели коммуникативного акта по Р. Якобсону. Последняя представляет собой структуру, состоящую из нескольких элементов. Главными действующими лицами речевого события исследователь считает *адресанта* и *адресата*, между которыми существует физический канал и психическая связь, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию — *контакт*. *Адресант* направляет *адресату* *сообщение*, которое реализовано посредством определенного кода. В то же время *сообщение* находится в определенном контексте. Оговоримся, что под *сообщением* понимается конкретный текст, который был произведен *адресантом* и направлен *адресату*.

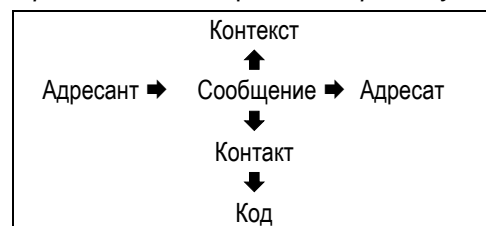

Схема 1. Модель коммуникации по Р. Якобсону

Политический дискурс Б. Обамы состоит из огромного множества коммуникативных событий американской политической жизни. Тем не менее, как представляется, между данными событиями существует определенная связь. Все они заключены в рамки одного политиче-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Садуов Р. Т., 2011

ского дискурса, имеют одних и тех же *Адресанта* и *Адресата*, реализуются в одной и той же культурной, политической и социальной среде (*Контексте*) посредством одного и того же набора *Контактов* и *Кодов*, а *Сообщения*, как правило, имеют одну и ту же цель и сходное (в рамках дискурса) содержание. Все это позволяет говорить о возможности применить коммуникативную модель Р. Якобсона ко всему дискурсу Б. Обамы и в статье представить его в виде единого коммуникативного сверхакта, состоящего из названных элементов.

При этом все *сообщения* (тексты) в дискурсе Б. Обамы можно объединить в «сверхтекст» (*сверхсообщение*) в рамках рассматриваемого дискурса. Под «сверхтекстом» понимается «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [Битенская, Купина 1994: 215]. Основными свойствами сверхтекста являются внутренняя целостность и структура, включающая ядро, центр и периферию. Именно этими свойствами обладают тексты в дискурсе Б. Обамы, что будет доказано в ходе настоящего исследования.

Таким образом, дискурс Б. Обамы рассматривается как один единственный коммуникативный акт, протекающий в соответствии с моделью коммуникативного акта Р. Якобсона, а тексты, являющиеся продуктом дискурса политика, в свою очередь, рассматриваются как единое сверхсообщение в рамках обозначенного дискурса. Отсюда вытекает структура исследования, которая предполагает наличие двух больших разделов с несколькими подразделами. Первый раздел посвящен анализу *сообщения* в дискурсе Б. Обамы. Его подразделы посвящены таким особенностям рассматриваемого дискурса, как автобиографичность, обширное использование прецедентных имен и «слов-амеб». Второй раздел посвящен исследованию *кода*, подразделы — разновидностям поликодовых текстов, представленным в дискурсе Б. Обамы.

Далее представляется логичным перейти к рассмотрению *сообщения* и всех его особенностей в дискурсе Б. Обамы.

1. Сообщение в дискурсе Б. Обамы

1.1. Автобиография как ключевое свойство сообщения в политическом дискурсе Б. Обамы

Данный подраздел исследует одну из основных особенностей анализируемого дискурса, выявленную английским философом Саймоном Кричли, а именно его тесную связь с автобиографией политика [Critchley 2008]. Б. Обама стал автором двух автобиографических книг («*Dreams from My Father*» (1995) и «*The Audac-*

ity of Hope» (2006)), которые, по мнению известного исследователя, имеют определяющее значение для рассматриваемого дискурса.

Действительно самой узнаваемой чертой дискурса Б. Обамы является его *автобиографичность* — прямая, нарочито подчеркнутая тематическая и идейная взаимосвязь между фактами автобиографии политика, его автобиографическими книгами, которые в полной мере отражают факты автобиографии, и остальными текстами в рамках дискурса. Автобиографичность полностью пронизывает дискурс политика, находя отражение практически в любом рожденном тексте.

В этом смысле автобиографические тексты выступают в качестве ядерных текстов в дискурсе Б. Обамы. Они отражают целый спектр основных вопросов, касающихся американской нации. По сути, автобиографические книги можно представить в виде «конденсата», содержательного сосредоточения основных положений дискурса Б. Обамы. Все остальные тексты (выступления, речи и т. д.) рассматривают один или два аспекта из тех, что освещены в названных изданиях.

Таким образом, между автобиографическими и всеми остальными текстами устанавливается генетическая связь, основывающаяся на тематическом и содержательном единстве текстов: темы, которые политик раскрывает в автобиографических книгах, рассматриваются и в политических выступлениях. Основные темы автобиографических книг вынесены политиком в названия глав: это расовое неравенство, здравоохранение и образование, альтернативные источники энергии, семья, проблемы молодежи, проблема разобщенности нации, вера, политика, мир за пределами США. Подтвердить правомерность утверждения о том, что названные темы преобладают не только в автобиографических изданиях, но и во всех остальных текстах, помогает компьютерный количественный анализ рекуррентной лексики в дискурсе Б. Обамы и поэтапный сравнительный анализ автобиографических текстов и текстов речей и выступлений политика.

Так, с помощью компьютерного анализа ^[1] было выявлено, что наиболее частотная лексика может быть соотнесена с основными темами автобиографических книг (см. табл. 1).

Наличие большого количества данных лексем в выступлениях политика свидетельствует о том, что названные темы актуальны в обеих разновидностях исследуемых текстов.

Поэтапный сравнительный анализ автобиографических текстов и текстов речей и выступлений политика подтверждает полученные с помощью количественного подсчета результаты [Садуов 2010а]. Для примера проанализируем наиболее актуальные для дискурса Б. Обамы темы — «Расовое неравенство» и «Образование».

Таблица 1.

Соотношение тем автобиографических книг и рекуррентной лексики в речах и выступлениях Б. Обамы

Темы автобиографических книг	Рекуррентная лексика в речах и выступлениях Б. Обамы (в скобках указано количество употреблений лексем в исследуемом корпусе)
Образование	School (151), Teacher (62), College (76), Education (116)
Семья	Family (239), Child (212), Kids (31), Home (179)
Вера	Church (44), Christian (26), God (75), Religious (103)
Расовое неравенство	Race (49), White (64), Black (50)
Мир за пределами США	Nations (380), Countries (505), Crisis (179), Terrorism (120), Iraq (360), Iran (45), Afghanistan (134), Al Qaeda (62), Kenya (43), Pakistan (72), Turkey (41)

ПРОБЛЕМА РАСОВОГО НЕРАВЕНСТВА В США.

Поскольку Барак Обама является представителем афроамериканского сообщества, проблема расового неравенства имеет для него особое значение. Будущий президент пытается разработать разносторонний подход к вопросу, охватывая не только афроамериканское сообщество, но и представителей Азии, Латинской Америки и других стран, стараясь сформировать собственный сбалансированный взгляд на проблему. Вопрос о неравенстве рас находит подробное освещение в обеих книгах и многократно обсуждается в политических выступлениях.

Примеры из автобиографических книг.

Пример 1. *The emotions between the races could never be pure; even love was tarnished by the desire to find in the other some element that was missing in ourselves. Whether we sought out our demons or salvation, the other race would always remain just that: menacing, alien, and apart* [Obama 2004: 124].

Как видно, в первой автобиографической книге, «Dreams from my Father», вопрос о совместном существовании рас рассматривается с позиции их неравенства и с позиции собственного опыта. Б. Обама много пишет о трудностях, с которыми повсеместно сталкивается чернокожее население штатов. Во второй же книге, «The Audacity of Hope», проблемам расы посвящена целая глава — «Race». Тем не менее, здесь на первый план выходят более общие рассуждения по вопросу о расах. Это взгляд зрелого политика.

Пример 2. *Statistically, the number of African Americans who occupy the top fifth of the income ladder remains relatively small. Moreover, every black professional and businessperson in Chicago can tell you stories of the roadblocks they still experience on account of race. Few African American entrepreneurs have either the inherited wealth or the angel investors to help launch their businesses or cushion them from a sudden economic downturn. Few doubt that if they were white they would be further along in reaching their goals* [Obama 2006: 285].

В примере 2 Обама говорит не об отчужденности чернокожего населения, а о реальных проблемах, об экономической отсталости по сравнению с белым населением.

Кроме того, именно во второй книге расовая проблематика расширяется и начинает охватывать трудности, с которыми сталкиваются представители других рас, проживающих на территории США. В этом смысле Б. Обама исходит из основы американской демократии, «Декларации независимости», провозглашающей равенство всех людей.

Пример 3. *We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness* [Obama 2006: 64].

К этому же мотиву равенства он возвращается в своей книге, но на этот раз приводя собственный пример:

Пример 4. *I met a Mexican woman who spoke no English but whose son was in Iraq; I recognized a young Colombian man who worked as a valet at a local restaurant and learned that he was studying accounting at the local community college. <...> I was reminded that America has nothing to fear from these newcomers, that they have come here for the same reason that families came here 150 years ago — all those who fled Europe's famines and wars and unyielding hierarchies, all those who may not have had the right legal documents or connections or unique skills to offer but who carried with them a hope for a better life. <...> America is big enough to accommodate all their dreams* [Obama 2006: 317—318].

Обама приходит к выводу, что любой ново-прибывший представитель иной страны или народа, независимо от происхождения и расовой принадлежности, как и любой гражданин Америки, имеет право на жизнь и свободу.

Примеры из публичных выступлений.

Аналогичное освещение проблем расового неравенства можно найти и в политических выступлениях Б. Обамы.

Пример 5. *But race is an issue that I believe this nation cannot afford to ignore right now* [Obama 2008: b].

Б. Обама указывает не только на сам факт отчуждения афроамериканского сообщества, но и на его следствие — менее высокие результаты академической успешности чернокожих выпускников школ.

Пример 6. *But we do need to remind ourselves that so many of the disparities that exist in the African-American community today can be directly traced to inequalities passed on from an earlier generation <...> Segregated schools were, and are, inferior schools; we still haven't fixed them, fifty years after Brown v. Board of Education, and the inferior education they provided, then and now, helps explain the pervasive achievement gap between today's black and white students* [Obama 2008b].

В итоге Б. Обама приходит к пониманию, что каждая раса, каждый член американского общества равноправен и важен:

Пример 7. ***My country has been greatly enriched by migration from Mexico. Mexican Americans form a critical and enduring link between our nations. And I am committed to fixing our broken immigration system in a way that upholds our traditions as a nation of laws but also as a nation of immigrants*** [Obama 2009: m].

Пример 8. *Black, white, Hispanic, native American, Asian, Democrats and Republicans, young and old, rich and poor, gay and straight, disabled and not disabled, **all of us have something to contribute*** [Obama 2009m].

Пример 9. *...problems that are neither black or white or Latino or Asian, but rather **problems that confront us all*** [Obama 2008b].

В примере 7 Б. Обама рассуждает о том, как мексиканская культура обогатила американскую (my country has been greatly enriched by migration from Mexico), высказывание из примера 8 уравнивает различные расы и социальные группы в аспекте их важности для страны, а из примера 9 — уравнивает разные этносы перед лицом общих проблем и опасностей.

Таким образом, проблема расового неравенства находит содержательно и вербально яркую и совершенно идентичную реализацию как в автобиографических книгах, так и в политических выступлениях.

ПРОБЛЕМА АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Проблема американского образования (а если точнее, его качества и стоимости) также является одним из ключевых вопросов, которые Барак Обама поднимает в своих автобиографических книгах и выступлениях.

Примеры из автобиографических книг.

Пример 10. *...those same **children should be able to go to college even if their parents weren't rich*** [Obama 2006: 10].

Пример 11. *We know that **global competition — not to mention any genuine commitment to the values of equal opportunity and upward mobility — requires us to revamp our educational system from top to bottom, replenish our teaching corps, buckle down on math and science instruction, and rescue inner-city kids from illiteracy*** [Obama 2006: 28].

Основным мотивом здесь является стремление улучшить систему образования, сделав его доступным не только для состоятельных американцев, но и для выходцев из небогатых семей (children should be able to go to college even if their parents weren't rich). Говоря о дороговизне образования, Б. Обама приводит личный пример.

Пример 12. *Where Americans do need help, immediately, is in managing the rising cost of college — something **with which Michelle and I are all too familiar** (for the first ten years of our marriage, our combined **monthly payments on our undergraduate and law school debt exceeded***

our mortgage by a healthy margin) [Obama 2006: 194].

Не понаслышке зная, как тяжело оплачивать образование (with which Michelle and I are all too familiar), будущий президент подходит к проблеме сквозь призму собственного опыта.

Примеры из публичных выступлений.

В публичных выступлениях проблема образования также остается одной из ключевых.

Пример 13. *The third challenge we must address is the urgent need **to expand the promise of education in America*** [Obama 2009e].

Пример 14. *The source of America's prosperity has never been merely how ably we accumulate wealth, but **how well we educate our people*** [Obama 2009h].

От понимания важности проблемы образования (The source of America's prosperity <...> **how well we educate our people**) Б. Обама переходит к проблеме дороговизны и необходимости сделать обучение доступным.

Пример 15. *It's an investment that will create a new \$2,500 annual tax credit to put the dream of a college degree within reach for middle class families and **make college affordable for seven million students, helping more of our sons and daughters aim higher, reach farther, and fulfill their God-given potential*** [Obama 2009c].

Таким образом, вопросы важности и дороговизны американского образования одинаково остро освещаются Б. Обамой как в книгах, так и в речах. Значит, набор подтем в обоих источниках неизменно остается в центре внимания Б. Обамы.

Приведенные выше примеры достоверно свидетельствуют о том, что количественные подсчеты верны и что тематически автобиографические тексты и тексты выступлений политика едины. Такое тематическое единство всех текстов в рамках дискурса, а также наличие четко выраженного стержня, вокруг которого группируются тексты, позволяет, по аналогии со структурой лексико-семантических полей, поместить все рассматриваемые тексты в ядерную, центральную и периферийную зоны. При этом к ядерным текстам относятся самые репрезентативные для рассматриваемого дискурса — автобиографические книги политика, поскольку они являются тематическим и содержательным центром дискурса. К центру, т. е. «некоему не во все статичному, но относительно стабильному кругу текстов, наиболее репрезентативных для данного сверткста в целом» [Меднис], однозначно относятся политические выступления Б. Обамы, написанные от первого лица. К периферийным текстам относятся тексты, которые являются продуктом «зеркального отражения» дискурса Б. Обамы, в которых о политике говорится в третьем лице. Оговоримся, что граница между центром и периферией проведена исключительно на основании формального признака (в зависимости от того, от какого лица ведется повествование). Необ-

ходимо также обратить внимание на некоторую размытость границ между центром и периферией, поскольку в поликодовых текстах (большая часть которых может быть отнесена к периферии) появляется возможность одновременно вести повествование и от первого, и от третьего лица. Таким образом, автобиографичность придает дискурсу то, что можно было бы назвать связностью и целостностью повествования. Она объединяет тексты в единый непрерывный дискурс.

Кроме того, автобиографические сочинения, обладающие художественной ценностью, выполняют в дискурсе Б. Обамы эстетическую функцию, которая определяется исследователями так: «Эстетическая функция связывалась прежде преимущественно с искусством, с художественной литературой как особой сферой выражения человеческого бытия. Художественный текст воздействует на своего читателя как рационально, так и эмоционально-чувственно; опираясь на художественность, красоту, т. е. эстетическую составляющую информации» [Чернявская 2009: 90—91]. Автобиографичность свидетельствует о стремлении политика к эстетизации своего дискурса, облачению содержательной стороны *сообщения* в красивую и удобоваримую форму. При этом отметим, что автобиография (художественный текст) является лишь одним из способов эстетизации *сообщения*.

Говоря выше о текстах, порожденных в рамках дискурса Б. Обамы, как о сверткесте, мы имели в виду такой элемент модели Р. Якобсона, как *сообщение*. «Субъективность» политика подразумевает модификацию такого компонента этой модели, как *адресант*.

Возвращаясь к модели Р. Якобсона, отметим, что когда выше шла речь говорили о таком элементе модели, как *Сообщение*. Тем не менее, «субъективность» политика подразумевает модификацию *Адресанта* по Р. Якобсону. В дискурсе Б. Обамы можно наблюдать новый тип *адресанта*, который строит *сообщение* вокруг себя самого и посылает *адресату сообщение* также про себя, таким образом пытаясь сблизиться с ним и объяснить, что он, *адресант*, тяготеет к нему, *адресату* и более того, максимально включен в него. Именно таким образом происходит модификация *адресанта*.

Обратим внимание на то, что автобиографичность дискурса влечет изменение отношение политика к некоторым традициям американского политического дискурса, позволяя политику «обходить» их. Исследователи говорят о так называемой «гражданской религии» [Bellah 1967]. Последняя подразумевает, что помимо веры в Бога в обществе существует вера в безграничные возможности государственного порядка. Американцы — очень религиозная нация [Сантаяна 2003: 14], но их вера прочно связана с прагматизмом и честностью, причем первое подразумевает второе и третье. М. Вебер в своей работе «Протестантские секты и

дух капитализма» отмечает, что вера в Бога и членство в какой-либо из церквей всегда рассматриваются как «абсолютная гарантия этических качеств джентльмена, и прежде всего его деловых качеств» [Вебер]. Размышляя на тему американской религиозности, известный социолог Р. Белла пришел к выводу, что, несмотря на явную религиозность американского политического дискурса, последний абсолютно лишен какой-либо конфессиональной принадлежности. В первую очередь, как считает Р. Белла, это происходит потому, что «Бог» в данном случае понимается нетрадиционно. «Бог гражданской религии, — по словам Беллы, — в большей степени имеет отношение к порядку, закону и праву, чем к спасению и любви» [Легойда 1998]. Следовательно, мы наблюдаем подмену терминов, характерную для американского лингвокультурного сообщества: «божеством» в данном случае выступает новый общественный порядок. Вера в «Бога» подразумевает не веру в трансцендентную сущность, как это должно быть, а, скорее, следствие этой веры (соблюдение этических норм и правил), а также веру в новые условия жизни, в демократию и свободы. Гражданская религия полностью меняет референт религиозных понятий, приспособивая их под нужды нового демократического общества.

По этой причине (а также из соображений политической корректности) американская политическая элита избегает апелляции к христианским мотивам и персонажам, заменяя их лексемами «God», «Lord» и т. д. Вместо божественной сущности эти слова начинают означать порядок, законность и справедливость. Употребление лексем «Jesus», «Christ», а также пересказ христианских сюжетов подвергается общественной критике.

Безусловно, Б. Обама, будучи типичным представителем американского лингвокультурного сообщества, следует перечисленным выше принципам. Как и его предшественники, в своих речах он очень часто ссылается на Бога («God»). Многие из его выступлений заканчиваются следующими словами:

Пример 23. *Thank you, God bless you, and may God Bless the United States of America* [Obama 2008h].

Пример 24. *Virginia, let's go change the world. God bless you and God bless the United States of America* [Obama 2008g].

В данном случае лексема «God» может рассматриваться в своем привычном значении: «the spirit or being who Christians, Jews, Muslims etc pray to, and who they believe created the universe» [LDCE]. Тем не менее в отдельных контекстах трактовка данной лексемы может быть двойственной. В предыдущем пункте уже говорилось о тенденции к семантической модификации и подмене референта лексемы «God». Последняя может использоваться и для обозначения высшей сущности (*при-*

мер 25), и для номинации общественного порядка (пример 26).

Пример 25. *We should never forget that **God** granted us the power to reason so that we would do His work here on Earth — so that we would use science to cure disease, and heal the sick, and save lives* [Obama 2006e].

Пример 26. *It's the idea that while there are few guarantees in life, you should be able to count on a job that pays the bills; health care for when you need it; a pension for when you retire; an education for your children that will allow them to fulfill their **God-given potential**. That's the America we believe in. That's the America I know* [Obama 2008d].

В примере 25 лексема «God», безусловно, относится к высшей сущности, наделившей человека разумом. В примере 26, наоборот, «God-given potential» подразумевает не только дарованные Господом возможности, но и возможности, которые дает американское общество. На это указывают два следующих предложения, содержащие локальную привязку к США: «That's the America we believe in. That's the America I know».

При этом двойственное понимание слова «God» у представителей американского лингвокультурного сообщества недоумения не вызывает, поскольку такое употребление лексемы уже стало частью когнитивной базы, под которой в данном случае понимается «определенным образом структурированная совокупность необходимо-обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [Красных 2003: 61].

Таким образом, одной из тенденций дискурса Б. Обамы является преобладание традиционной гражданской религии и соответствие заданной когнитивной базе, поскольку лексема «God» в его дискурсе может трактоваться как в религиозной, так и гражданской плоскости — как Бог американской демократии. В этом смысле Б. Обама идентифицируется как «свой» в данном лингвокультурном сообществе.

В некоторых случаях, однако, на первый план выходит противоположная тенденция. Поскольку семантика лексемы «God» модифицирована, она не может подменяться традиционными религиозными понятиями «Jesus», «Christ». Кроме того, этого не допускает сложившаяся традиция политической корректности, согласно которой политическому деятелю следует избегать говорить о своем вероисповедании [Легойда]. Тем не менее в выступлениях Б. Обамы часто можно заметить обращение к «Христу» (Christ) и «Иисусу» (Jesus), что противоречит традициям гражданской религии.

Пример 27. *You need to **embrace Christ** precisely because you have sins to wash away — be-*

cause you are human and need an ally in this difficult journey [Obama 2006: a].

О самом себе он говорит как о глубоко верующем человеке, утверждая, что не только он видит в себе христианина^[2] (пример 28), но и другие христиане видят в нем «своего» (пример 29).

Пример 28. *It was in these neighborhoods that I received the best education I ever had, and where I learned the true meaning of my **Christian faith*** [Obama 2007].

Пример 29. *I was working with churches, and the **Christians** who I worked with recognized themselves in me* [Obama 2006a].

Представляется, что такая странная и противоестественная для американского лингвокультурного сообщества ситуация имеет свою «внутреннюю» причину, вытекающую из уникальной и фундаментальной особенности дискурса Б. Обамы — его автобиографичности. Будучи автором двух биографических книг, Б. Обама превращает свои выступления в повествовательный рассказ о самом себе и собственном опыте. Поэтому президент не просто упоминает в своих выступлениях Христа, но еще и рассказывает, что является христианином и как именно пришел к этой вере:

Пример 30. *I was not raised in a particularly religious household. <...> My father, who returned to Kenya when I was just two, was born Muslim but as an adult became an atheist. My mother, whose parents were non-practicing Baptists and Methodists, was probably one of the most spiritual and kindest people I've ever known, but grew up with a healthy scepticism of organized religion herself. As a consequence, so did I. It wasn't until after college, when I went to Chicago to work as a community organizer for a group of Christian churches, that I confronted my own spiritual dilemma* [Obama 2006a].

То есть для Б. Обамы упоминание Христа — это не просто единичный случай, а закономерная часть общей стратегии дискурса, широко опирающегося на автобиографию. В книге «The Audacity of Hope» есть целая глава, посвященная религии, где подробно описано отношение Б. Обамы к христианству. Некоторые мысли и даже выдержки из этой книги цитируются в политических выступлениях. Поэтому отсутствие ссылок на Христа в выступлениях было бы своего рода логическим отступлением от намеченной стратегии. В данном случае упоминание Христа вполне закономерно и ожидаемо.

Таким образом, с точки зрения апелляции к гражданской религии в политическом дискурсе Б. Обамы существуют две разнонаправленные тенденции: 1) следование канонам американской гражданской религии, которое выражается в подмене референта лексемы «God»; 2) нарушение канонов американской гражданской религии апелляцией к христианским религиозным персонажам и мотивам, раскрытием собственной религиозной принадлежности.

1.2. Прецедентные феномены, «слова-амебы» и лозунги в политическом дискурсе Б. Обамы

В данном разделе анализируются лингвистические особенности текстовых *сообщений* в дискурсе Б. Обамы.

Одной из наиболее характерных особенностей *сообщения* является его лозунговость и опора на ключевые «слова-амебы»: в период широкой и интенсивной информатизации общества происходит «опрошение» лингвистической структуры и конденсация политических идей в виде лозунгов и ключевых «слов-амеб», «прозрачных, не связанных с контекстом реальной жизни слов» [Кара-Мурза]. Такую лексику также именуют «фантомными» словами, «словами-симулякрами». «Политики не любят конкретных определений. Отсюда тенденция к семантическому выхолащиванию слов, конъюнктурное их толкование, приспособление к своей идеологии любой ценой и любыми способами, в чем проявляется неуважение к биографии слова, а значит, и к культуре в целом. Номинации *демократия, народ, правовое государство, цивилизованные отношения, рыночные реформы, европейский выбор* исследователи относят к «фантомным», «словам-симулякрам». Отмечается, что особенностью перечисленных номинаций является их референтная нетождественность [Синельникова 2009: 44].

Безусловно, практика использования кратких языковых формул не нова, тем не менее рассматриваемый политический дискурс характеризуется собственным набором таких языковых единиц. Ограниченный ряд лозунгов и ключевых слов красной нитью проходит сквозь дискурс Б. Обамы. К числу ключевых рекуррентных и одновременно фантомных лексических единиц в дискурсе Б. Обамы относятся «democracy», «change», «opportunity», «progress», «challenge» и некоторые другие близкие по значению лексемы [Садуов 2011]. Так, например, лексема «democracy» утрачивает словарное значение и меняет денотат в зависимости от контекста. Более того, в одной речи Б. Обамы это слово получает новое, понятное и близкое слушателям, «приземленно-конкретное» определение:

Пример 31. *We spend so much time talking about democracy — and obviously **we should be promoting democracy everywhere we can. But democracy, a well-functioning society that promotes liberty and equality and fraternity, a well-functioning society does not just depend on going to the ballot box. It also means that you're not going to be shaken down by police because the police aren't getting properly paid. It also means that if you want to start a business, you don't have to pay a bribe. I mean, there are a whole host of other factors that people need to — need to recognize in building a civil society that allows a country to be successful. And hopefully that will — that approach will be reflected***

not just in my administration's policies but in the policies that are pursued by international agencies around the world [Obama 2009k].

Демократия, по Б. Обаме, — это страна, где нет нужды бояться вымогательства со стороны полиции или давать взятку, чтобы начать свое дело. При этом подразумевается, что американский вариант демократии является наиболее «правильным». Политик выражает надежду, что именно по принципу американской демократии будет строиться работа всех международных организаций.

Аналогично существительное «change», которое является одним из главных предвыборных лозунгов кампании Б. Обамы, имеет крайне абстрактное толкование. В политическом дискурсе Б. Обамы эта лексема «change» может получать трактовку, далекую от словарной дефиниции (*the process or result of something or someone becoming different* [LDCE]).

Пример 32. *Now America has arrived at a crossroads. Embedded in American soil and the wind and the sun, we have the resources **to change*** [Obama 2009b].

Пример 33. *It's that we are putting Americans to work doing the work that America needs done in critical areas that have been neglected for too long — work that will bring real and **lasting change** for generations to come* [Obama 2009c].

Пример 34. *I work for the American people, and I'm determined **to bring the change** that the people voted for last November* [Obama 2009f].

Во всех трех примерах единица «change» не имеет конкретного значения. Очевидно, что лексема подразумевает изменения, однако не ясно, какие и в чем: в политической, экономической, социальной, духовной или же во всех сферах сразу? Политический дискурс Б. Обамы не содержит ответа на этот вопрос.

Примечателен еще один пример:

Пример 35. *We are the ones we've been waiting for. **We are the change that we seek.** We are the hope of those boys who have little; who've been told that they cannot have what they dream; that they cannot be what they imagine. Yes they can* [Obama 2008i].

В данном случае Б. Обама говорит, что американцы являются той переменной, которой они так жаждут. Это означает, что никакой глобальной перемены извне произойти не может. Все перемены будут делом рук самих американцев, и чтобы поверить в перемены, нужно поверить в себя. Вводимая формула «мы = перемены» дает фактически безграничные возможности как для толкования слова «change», так и для его употребления. Кроме того, по мнению С. В. Ивановой, «change» из простой лексической единицы трансформировалась в культурный знак: «Призыв к изменениям, который неустанно использовал и обыгрывал Барак Обама <...>, напрямую связан с еще одним культурным архетипом американцев — стремлению к постоянному развитию, поступательному дви-

жению, освоению нового пространства» [Иванова 2009: 116]. При этом часто вместо «change» в дискурсе Б. Обамы можно встретить близкую по значению лексему «reform» из числа рекуррентной лексики (92 употребления), которая, безусловно, многократно усиливает «change».

Не менее примечательны и лозунги, используемые в дискурсе Б. Обамы: «Change we can believe in», «Yes, we can», «One voice can change the world», «Change can happen», «Organizing for America», «Vote Obama» и т. д. Одним из основных, безусловно, является звучащий как заклинание лозунг «Yes we can»:

Пример 36. <...> *Ann Nixon Cooper is 106 years old. She was born just a generation past slavery.*

<...> *And tonight, I think about all that she's seen throughout her century in America — the heartache and the hope; the struggle and the progress; the times we were told that we can't, and the people who pressed on with that American creed: **Yes we can.***

*At a time when women's voices were silenced and their hopes dismissed, she lived to see them stand up and speak out and reach for the ballot. **Yes we can.***

*When there was despair in the dust bowl and depression across the land, she saw a nation conquer fear itself with a New Deal, new jobs and a new sense of common purpose. **Yes we can.***

<...> *America, we have come so far. We have seen so much. But there is so much more to do. <...> **to reclaim the American Dream and reaffirm that fundamental truth — that out of many, we are one; that while we breathe, we hope, and where we are met with cynicism, and doubt, and those who tell us that we can't, we will respond with that timeless creed that sums up the spirit of a people: **Yes We Can***** [Obama 2008h].

Это прекрасный образчик того, как искусно Б. Обама пользуется сформулированным лозунгом. Прежде всего, лозунг отражает стереотип нации о самой себе: это квинтэссенция культа идеи безграничных возможностей американской нации, что подтверждает последнее предложение примера 36. «Yes we can» — мировоззренческое кредо американского лингвокультурного сообщества. Кроме того, значимость «Yes we can» подкрепляется стилистической организацией текста выступления: политик использует эпифору, чтобы дополнительно усилить лозунг, поставив его на «ударную» позицию в конце каждого абзаца.

Примечательны также лозунги, содержащие лексему «change». В политическом дискурсе Б. Обамы они широко представлены.

Пример 37. *That's the choice in this primary. It's about whether we choose to play the game, or whether we choose to end it; it's change that polls well, or **change we can believe in**; it's the past versus the future* [Obama 2008j].

Пример 38. *And if a **voice** can change a room, it can change a city, and if it can change*

*a city, it can change a state, and if it can change a state, it can change a nation, and if it can change a nation, it **can change the world*** [Obama 2008g].

Пример 39. *Virginia, **let's go change the world.** God bless you and God bless the United States of America.*

Пример 40. *That's the promise we need to keep. That's the **change we need** right now. So let me spell out exactly what that change would mean if I am President* [Obama 2008f].

Понятие «change» является одним из главных лейтмотивов кампании Б. Обамы. Как видно, лексема «change» может употребляться в любой ситуации и подразумевает изменения любого масштаба. Слово относится к разряду широкозначной лексики, является «словом-амебой».

Лозунг «Organizing for America», содержащийся во многочисленных листовках и плакатах, основан на биографии Б. Обамы, который до поступления в Гарвард был общественным организатором незначительного масштаба. Таким образом, нынешняя деятельность воспринимается как аналогичная прежней, но в большем масштабе.

Таким образом, вербальным наполнением лозунгов кампании Б. Обамы часто выступают лексические единицы, охарактеризованные выше как «слова-амебы». Последние используются на протяжении всего текстуального континуума дискурса в качестве ключевых слов (и относятся к рекуррентной лексике). По сути лозунговость — «опрошение» лингвистической структуры высказываний, низводящее распространенные предложения до простых (Yes we can; Change we can believe in; Change is possible). На выходе получаются лозунги, достаточные для передачи сообщения и краткие для быстрого запоминания. Многие из них представляют собой не что иное, как элементарное модально-предикативное ядро, которое можно «бросить» в аудиторию и получить значительный суггестивный эффект. Происходит частое чередование структур подачи информации, как в примере 36: длинные и распространенные предложения чередуются с краткими, содержащими одно лишь предикативное ядро. Таким образом достигается дозированность подачи информации. В сочетании с большим количеством ключевых «слов-амеб» (democracy, progress, opportunity и т. д.) к этой дозированной добавляется фантомность, т. е. размытость значения сказанного.

Следует обратить внимание, что *сообщение* в дискурсе Б. Обамы характеризуется использованием большого количества прецедентных феноменов. В данной работе, вслед за Е. А. Нахимовой, «прецедентные феномены» понимаются как «феномены, 1) известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи

представителей соответствующего лингвокультурного сообщества» [Нахимова 2004: 173]. Опытный политик, Б. Обама часто апеллирует к типичным для американского лингвокультурного сообщества прецедентным феноменам.

Пример 41. *The time has come to reaffirm our enduring spirit; to choose our better history; to carry forward that precious gift, that noble idea, passed on from generation to generation: the God-given promise that **all are equal, all are free, and all deserve a chance to pursue their full measure of happiness*** [Obama 2009a].

Пример 42. *Of course, the answer to the slavery question was already embedded within our Constitution — a Constitution that had at its very core the ideal of equal citizenship under the law; a Constitution that promised its people liberty, and justice, and a union that could be and should be perfected over time* [Obama 2008b].

Пример 43. ... and a **King** who took us to the mountaintop and pointed the way to the Promised Land [Obama 2008k].

Пример 44. ... and together, we will begin the next great chapter in America's story with three words that will **ring from coast to coast; from sea to shining sea** — Yes. We. Can. [Obama 2008k].

Пример 45. *We are one people, all of us pledging allegiance to the stars and stripes, all of us defending the United States of America* [Obama 2004].

В примерах 41 и 42 Б. Обама обращается к важнейшим документам в истории Америки, таким как Декларация независимости (пример 41) и Конституция (пример 42). В примере 43 Б. Обама обращается к имени известного борца за свободу афроамериканского населения США М. Л. Кинга и к библейскому мотиву (pointed the way to the Promised Land). Пример 44 содержит отрывок из прецедентного для американского лингвокультурного сообщества текста известнейшей патриотической песни «America the Beautiful». Пример 45 отсылает к известной клятве флагу США (pledging allegiance to the stars and stripes).

Безусловно, все перечисленные примеры демонстрируют желание политика придать своему дискурсу объединяющий национально-лингвокультурный смысл, позиционировать себя как «своего» в данном сообществе. И в этом смысле Б. Обама следует устоявшейся традиции американского политического дискурса. Тем не менее в рамках исследуемого дискурса использование прецедентных имен, в отличие от иных прецедентных феноменов, имеет особую специфику.

Прецедентные имена, по мнению В. В. Красных, связаны с «широко известным текстом. <...> это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Красных 2002: 48]. По-

этому очевидно, что выбор прецедентных имен в дискурсе Б. Обамы не может быть случаен: во-первых, апелляция к прецедентным именам дает политику возможность обозначить свою позицию на политической арене, избегая прямых заявлений, а лишь пользуясь ассоциациями с легендарными личностями Америки. Во-вторых, прецедентные имена являются частью когнитивной базы американского лингвокультурного сообщества и в этом смысле помогают Б. Обаме позиционировать себя как «своего» в данном обществе. Отметим, что под «когнитивной базой» понимается «определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [Красных 2003: 61].

Так, для дискурса Б. Обамы характерно использование имен, прежде всего Ф. Рузвельта, М. Л. Кинга и А. Линкольна. Если говорить о фигуре Ф. Рузвельта, то в условиях всемирного финансового кризиса, на пик которого пришлось избрание Б. Обамы, самоотождествление с политиком, который победил кризис начала века (Великую депрессию), может дать положительные результаты. Б. Обама проводит параллели между собой и Ф. Рузвельтом на основании того, что они принадлежат к одной и той же политической партии:

Пример 46. ***We are the party of Roosevelt. We are the party of Kennedy. So don't tell me that Democrats won't defend this country*** [Obama 2008f].

А. Линкольн управлял страной в один из самых кризисных для нее моментов — во время Гражданской войны. Усилием собственной воли он объединил страну, поставив ее на путь дальнейшего экономического, социального и политического развития. Именно такую цель ставит перед собой Б. Обама — объединить представителей разных социальных групп, чтобы победить финансовый кризис и реанимировать экономику:

Пример 47. *As **Lincoln** said to a nation far more divided than ours, “We are not enemies, but friends... though passion may have strained **it must not break our bonds of affection**”. And to those Americans whose support I have yet to earn — I may not have won your vote, but I hear your voices, I need your help, and **I will be your President too*** [Obama 2008h].

В примере 47 Б. Обама проводит параллель между Линкольном и собой: несмотря на все разногласия, южане и северяне продолжали оставаться единой нацией. Точно так же, несмотря на все предвыборные разногласия, Америка остается единой страной с одним президентом для всех. Этот пример является еще одним подтверждением того, что проблема

единства нации является одной из главных в дискурсе Б. Обамы. И именно с этой проблемой связано имя Линкольна.

М. Л. Кинг — известнейший борец за права афроамериканского населения США, прекрасный оратор и образец служения идеалам добра и справедливости. В своем дискурсе Б. Обама посвятил М. Л. Кингу целую речь.

Выше охарактеризованы особенности *сообщения* в дискурсе Б. Обамы. Прежде всего обращает на себя внимание автобиографичность его дискурса: она придает последнему целостность и связность, повышает его эстетическую значимость. Важно также, что автобиографичность позволяет приносить новшества в трактовку гражданской религии США. Кроме того, *сообщение* характеризуется тенденцией к широкому использованию прецедентных феноменов и «слов-амеб», что позволяет политику, с одной стороны, позиционировать себя как «своего» в данном лингвокультурном сообществе и присоединить собственный дискурс к его когнитивной базе, а с другой — выстроить уникальный дискурс, отличающийся рядом характерных свойств и качеств. Специфичной для рассматриваемого дискурса является и его кодовая организация, которой посвящен следующий раздел.

2. Кодовая организация дискурса Б. Обамы

2.1. Дикодовые тексты

В данном разделе подвергаются анализу тексты, содержащие две кодовые системы (вербальную и иконическую), и устанавливается, как они дополняют друг друга. Среди дикодовых текстов в рассматриваемом дискурсе в первую очередь обращают на себя внимание плакаты/листочки. Они являются распространенным способом агитации. Характерно, что вербальная сторона плакатов/листочков поддерживает текстовое наполнение дискурса политика. Как правило, они включают в себя стандартные лозунги кампании Б. Обамы (например, «Change we can believe in» — см. рис. 1) и его ключевые слова (например, «progress» — см. рис. 2) с той лишь разницей, что на плакатах/листочках есть возможность использовать графико-стилистические средства, дополнительно выделяющие данные лозунги.

Чаще всего таким способом оказывается заглавное написание, как например, на рисунке 1: «CHANGE we can believe in». Этот лозунг — один из основных в президентской кампании Б. Обамы. При этом ключевое «слово-амеба» «CHANGE» написано заглавными буквами, чтобы дополнительно выделить его на фоне остальной информации, представленной на плакате. Рисунок 2 также содержит отрывок из речи Б. Обамы. Особый интерес представляет организация текста: в строках последовательно увеличивается шрифт, и крупнее всего во всю строчку написано последнее слово, которое в первую очередь и бросается в глаза: «POSSIBLE». Кроме того, внешний графиче-

ский план подчеркивает и тема-рематическое членение предложения. Аналогично на рисунке 3 самым крупным шрифтом выделено ключевое слово «PROGRESS», а отрывок из речи напечатан шрифтом меньшего размера. При этом сам отрывок также содержит слова, напечатанные заглавными буквами: «REPRESENT YOU», что важно для политика такого ранга.

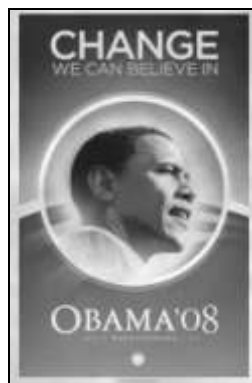

Рисунок 1

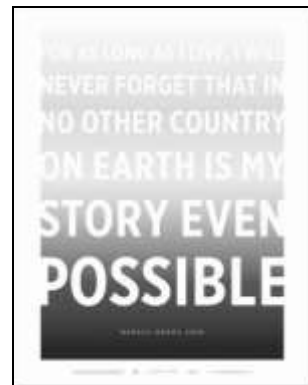

Рисунок 2

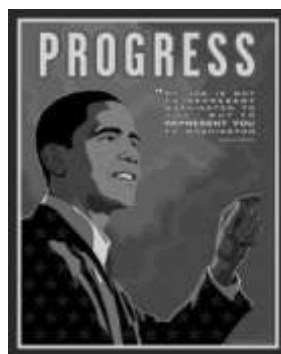

Рисунок 3

Рисунок 4

Безусловно, графико-стилистические приемы являются действенным способом обратить внимание на «нужные» лексические единицы, тем не менее порой плакат или листовка содержат еще и изображение/рисунок, и в этом случае связь между вербальными и невербальными компонентами может быть более сложной. Образец качественно выполненной политической листовки в поддержку Б. Обамы приведен на рисунке 4.

Вербальная составляющая этой листовки представлена всего одним предложением: «You don't deserve politics with a spin». Интерес в данном случае представляет лексема «spin». Словарь «Merriam-Webster» предлагает следующие релевантные для данного контекста значения существительного: а) the act of spinning or twirling something и б) a special point of view, emphasis, or interpretation presented for the purpose of influencing opinion [MWD]. Первое значение является прямым: «spin» — кручение или вихреобразное движение вокруг своей оси. Второе значение переносное, его можно описать как искажение действительности в чьих-либо частных интересах или целях.

Таким образом, предложение «You don't deserve politics with a spin» включает в себя целый

комплекс смыслов. «Spin» в данном случае может трактоваться двояко, причем одно из значений актуализируется при помощи невербального компонента. С одной стороны, очевидный политический контекст говорит о том, что «spin» используется в переносном значении, как политика ухищрений. С другой стороны, невербальный компонент представляет собой изображение флага, искаженного вихревым движением, и актуализирует первое значение существительного, а именно кручение вокруг собственной оси. Это тоже можно трактовать двояко. С одной стороны, искажение флага актуализирует прямое значение лексемы «spin», с другой — имеет гораздо более серьезную импликацию, связанную с тем, что флаг является государственным символом и предметом гордости нации. Это один из основных символов американской гражданской религии, артефакт культуры, которому произносится клятва верности. Искаженное изображение американского флага подразумевает искажение самих основ американской государственности и демократии.

Можно сказать, что листовка взывает к автостереотипу американской нации, ее представлению о самой себе как нации победителей, нации, принесшей миру истинную демократию и объяснившей понятие свободы. Листовка наводит на мысль, что такая нация не должна обладать политической системой, искажающей основные ценности американской демократии, и предлагает существующему политическому порядку достойную альтернативу, имя которой — Барак Обама.

Чуть ниже искаженного изображения флага находится логотип предвыборной кампании Б. Обамы (см. рис. 5). Следует проанализировать его форму и цветовое решение, поскольку в данном случае имеет место использование мифологемы. Последняя понимается здесь как «составной элемент мифологического сюжета» [Ушаков]. Прежде всего, необходимо обратить внимание на форму. Логотип выполнен в форме круга, и это имеет символическое значение. С одной стороны, первая буква фамилии кандидата в президенты — буква «О», поэтому очевидно, что логотип перекликается с графической оболочкой его имени. С другой стороны, круг — это универсальный и многозначный символ: с одной стороны, символ совершенства и законченности, бесконечности, непрерывности развития мироздания, времени и жизни, а с другой — солярный символ [Бидерманн 1996: 137].

Примечательно, что ниже логотипа расположена надпись «Obama'08», где заглавная «О» представляет почти круглый эллипс и тем самым перекликается с кругом логотипа. Фамилия кандидата в президенты как бы вбирает в себя ассоциации, связанные с кругом как многозначным символом.

Интерес также представляет и внутреннее содержимое логотипа. Он состоит из трех цве-

тов, каждый из них несет двойную функцию. Синий изображает небо, белый — атмосферный воздух, перемежение красных и белых полос — это земля. В то же время это — цвета государственного флага США, что символизирует связь кандидата в президенты со своей страной, желание во всем исходить из ее интересов, а также саму американскую землю.

Другим таким символом выступает дерево, один из мощнейших символов, придуманных человеком: воплощение жизни, точка соприкосновения трех миров (небесного, земного и водного), а также ось мира, вокруг которой организовано мироздание. Примером использования данного символа может служить плакат на рисунке 6.

Рисунок 5

Рисунок 6

Рисунок 7

Перед интерпретацией данного символа следует вспомнить понятие Мирового дерева. В энциклопедии символов о Древе Мира пишут: «Его корни опоясывают Землю, а ветви простираются в небеса, Мировое дерево символизирует возможное восхождение человечества из царства сущного в царство духовного» [Fontana 1994: 102]. Интересно сравнить политический плакат с тем, как древние представляли себе Древо Мира (см. рис. 7). Сходство между изображением Мирового дерева и изображением дерева на плакате Б. Обамы совершенно очевидно, только на политическом плакате место Земли занимает логотип кампании Б. Обамы. Кроме того, описанный выше символ Мирового дерева дополняется солярным знаком: из логотипа кампании Б. Обамы концентрическими кругами расходятся солнечные лучи. Больше всего лучей уходит в нижнюю часть плаката, где крупным шрифтом напечатано существительное «PROGRESS» (фантомная лексическая единица).

Неконвенциональным средством агитации в политическом дискурсе Б. Обамы является использование графической литературы (комикса) [Садуов 2009]. В общем счете президент появился на страницах 8 комиксов. Одним из самых известных комиксов в рамках рассматриваемого дискурса является «Presidential Materials». Данный комикс является по сути кратким изложением автобиографических книг политика, и в этом смысле может рассматриваться как периферийный текст исследуемого сверхтекста дискурса Б. Обамы. Видимо, причиной интереса к жанру графического романа

является его популярность среди американского населения и одновременно высокий суггестивный потенциал: с помощью комикса политик получает возможность оказывать воздействие, используя одновременно два кода — словесный и изобразительный. Помимо всего прочего, будучи произведением художественного искусства и словесного мастерства, комикс играет важную роль в эстетизации дискурса Б. Обамы. Если говорить о стилистике вербальной составляющей комиксов, то очевидно, что комикс используется как очередной способ «поиграть» с формой подачи информации: если автобиографические издания и речи политика характеризуются нейтральной лексикой, то лексика комикса максимально снижена и приближена к разговорной, а иногда и простонародной речи (примеры 48 и 49). Особенно это характерно для известного комикса «The Amazing Spider-Man» с участием Б. Обамы. Кроме того, комикс предоставляет широкие возможности для использования графико-стилистических средств, оформляющих сам текст комикса (пример 50).

Пример 48. *Ya hear that Chameleon? The President elect here just appointed me the secretary of shuttin' you up!*

Ya — spoken informal You [LDCE].

Shut up! — spoken not polite used to tell someone to stop talking [LDCE].

Пример 49. *All right, ya bozo, this is the part when ya get punched...* [Wells 2009].

Bozo — informal someone who you think is silly or stupid [LDCE].

Пример 50. *It looks like Washington is in CAPABLE hands* [Wells 2009].

Очевидно, что использование «простой» лексики, обладающей разной стилиевой принадлежностью, вполне отвечает отмеченной исследователями зависимости между уровнем сложности текста и широтой его аудитории: «Речь политика должна учитывать фактор адресата. Чем шире аудитория, тем проще и доступнее должна быть речь. <...> Чем понятнее текст речи — тем больше потенциальных сторонников идеи сообщения» [Желтухина 2003: 121]. Другими словами, «простота» лексики, а также использование разных стилей расширяет базу адресата, позволяет обратиться к разным категориям электората.

2.2. Поликодовые тексты

В этом разделе рассматриваются поликодовые тексты, такие как рекламный видеоролик и музыкальный клип, а также то, как поликодовость может качественно изменить состав адресата.

Причина интереса к поликодовым текстам очевидна. Они состоят из нескольких знаковых систем и обладают полимодальностью, т. е. совмещают в себе визуальную и аудиальную модальности, что создает стереофонический эффект при прочтении/просмотре. Кроме того, поликодовый текст является мощным сред-

ством эстетизации дискурса, модификации формы при условии сохранения содержания.

Рекламные ролики в дискурсе Б. Обамы представляют отдельные главы из биографии политика, и каждая из них отражает один или несколько ее аспектов, поэтому они могут рассматриваться как центральные/периферийные тексты (в зависимости от того, от какого лица идет повествование) единого сверхтекста рассматриваемого дискурса. Кроме того, использование поликодовых текстов в дискурсе является эффективным средством агитации: только поликодовый текст обеспечивает то, что можно назвать «семиотическим варьированием», когда одна и та же информация доводится до адресата посредством нескольких кодовых систем и предполагается, что по крайней мере один из кодов сумеет донести информацию до получателя. Анализ рекламных роликов подразумевает параллельное исследование вербального, визуально-изобразительного и звукомзыкального рядов. При этом в центре анализа находится вербальный ряд (особенно его стилистическое оформление), а также то, как визуальный и музыкальный ряды дополняют его [Садуов 2011].

Кульминацией упомянутого стремления к эстетизации дискурса является музыкальный клип в поддержку Б. Обамы [см. Садуов 2010b]. Автором клипа стал популярный исполнитель У. Дж. Адамс-мл., более известный как Will.i.am. Помимо него, в ролике участвуют известные в американском обществе деятели культуры и искусства. Вербальный ряд клипа состоит из небольшого отрывка из выступления Б. Обамы, который положен на музыку и пропеваается или проговаривается всеми участниками клипа. Огромное внимание в клипе уделяется лозунгу «Yes we can», который проговаривается десятки раз. Отметим, что за высокое качество клипа и его прекрасное исполнение У. Дж. Адамс-мл. получил известную на весь мир престижную награду — статуэтку Эмми.

Помимо лозунговости вербальная составляющая ролика отличается апелляцией к прецедентным феноменам американского лингвокультурного сообщества (см. примеры 51 и 52).

Пример 51. *... and a King who took us to the mountaintop and pointed the way to the Promised Land* [Obama 2008: k; The Yes We Can Song].

Пример 52. *... and together, we will begin the next great chapter in America's story with three words that will ring from coast to coast; from sea to shining sea — Yes. We. Can* [Obama 2008: k; The Yes We Can Song].

Пример 51 содержит ссылку на преподобно-го М. Л. Кинга, о котором шла речь выше. Пример 52 содержит отрывок из прецедентного для американского лингвокультурного сообщества текста известнейшей патриотической песни «America the Beautiful». Безусловно, оба примера демонстрируют желание как самого политика, так и автора клипа «Yes we can» придать

речи/ролику объединяющий национально-лингвокультурный смысл.

Интересно, что появление данного клипа спровоцировало ответную видеореакцию со стороны соперника Б. Обамы по предвыборной гонке, Джона МакКейна. Ролики республиканцев заметно уступают по качеству, тем не менее, как представляется, музыкальный клип в перспективе вполне может стать стандартным инструментом политической агитации.

Отметим, что музыкальный клип (особый код) позволяет изменить *адресата*, включив в него помимо взрослого и политически активного населения представителей молодежи, получающих информацию не из теледебатов, а через Интернет и сферу популярной музыки. Другими словами, клип имеет совершенно определенную целевую аудиторию: молодые люди до 30 лет. И безусловная популярность данного клипа доказывает, что поставленная цель — привлечь молодежь к политике — была достигнута.

Необходимо обратить внимание на проблему отнесения некоторых исследуемых в работе текстов к политическому дискурсу Б. Обамы. Современный политический дискурс, примером которого является рассматриваемый, отличается тем, что является продуктом коллективного труда спичрайтеров, редакторов, специалистов IT, журналистов и экспертов во многих других областях. Результатом такой совместной работы являются тексты, которые сложно отнести непосредственно к дискурсу Б. Обамы; в данном случае речь идет о комиксах с участием Б. Обамы, о некоторых рекламных роликах, в которых о самом политике говорится в третьем лице, о музыкальных клипах (т. е. имеются в виду все периферийные тексты). Тем не менее при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что такие тексты тематически тесно связаны со всеми остальными текстами в рамках дискурса (что было доказано выше) и, более того, являются его неотъемлемой частью. Отсюда следует, что они являются «зеркальным отражением» политического дискурса Б. Обамы *per se*, не более чем «игрой» с формой представления содержания дискурса, что, в свою очередь, и подтверждает их принадлежность к исследуемому дискурсу. Такое положение дел, когда политический дискурс становится результатом коллективного труда, уже вошло в традицию американской политической действительности. Западные спичрайтеры являются успешными и часто известными людьми, открыто заявляющими о своей профессии, а политические деятели становятся известными брендами, которые необходимо «раскручивать» и «продвигать» на политической арене. В частности, у предвыборной кампании Б. Обамы появился даже собственный логотип, под маркой которого работала целая команда профессионалов. По этой причине, как представляется, исключение из объекта исследования таких «неавторских» текстов, в которых

о политике речь ведется в третьем лице и для порождения которых были привлечены особые специалисты (например, комикс, рекламный ролик, музыкальный клип), было бы неправомерным. Представляется, что решением данной проблемы является отнесение этого разряда текстов к периферии в силу того, что повествование в них ведется от третьего лица. Однако периферийность такого рода отнюдь не означает, что они играют в рассматриваемом дискурсе меньшую роль, чем центральные тексты.

Таким образом, политический дискурс Б. Обамы является широчайшим полигоном для исследования разнородных явлений (лингвистических, лингвокультурологических, лингвосемиотических), которые, несмотря на свою гетерогенность, характеризуются высокой степенью интеграции. Безусловно, отдельные стороны изучаемого дискурса могут быть подвергнуты более глубокому анализу, что обуславливает перспективность данного направления исследования. В заключение необходимо подчеркнуть, что уникальность дискурса Б. Обамы состоит в полифонии всех затронутых выше аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // <http://www.kara-murza.ru/books/Veber/Protestant007.html> (Отчет от: 01.07.2011).
- Желтухина М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиа коммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс : Сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. — М.: Азбуковник, 2003. С. 109—133.
- Иванова С. В. Культурный знак и культурный смысл в лингвокультурологических исследованиях // Единицы языка в когнитивно-семиотическом и лингво-культурологическом аспектах : сборник научных статей / отв. ред. Р. З. Мурашов. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. Ч. 1 С 108—121.
- Кара-Мурза С. Г. Велик русский язык, а отступать некуда // <http://magnum-dag.ucoz.ru/publ/5-1-0-29> (дата обращения: 01.07.2011).
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002.
- Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — Текст — Культура. — Екатеринбург, 1994. С. 214—233.
- Легойда Вл. Гражданская религия: pro et contra (1998) // *Religare*. URL: http://www.religare.ru/2_1555.html#4 (дата обращения: 01.07.2011).
- Легойда Вл. In God We Trust // Библиотека думающего о России. URL: http://www.patriotica.ru/enemy/legoida_wetrust.html (дата обращения: 01.07.2011).
- Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. URL: http://raspopin.den-za-dnem.ru/index_e.php?el_book=267 (дата обращения: 01.07.2011).
- Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лин-

лингвистика : бюл. Урал. лингв. об-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов — Екатеринбург, 2004. Т. 13. С. 166—173.

Садуов Р. Т. Автобиография как стержневая компонента политического дискурса Барака Обамы // Политическая лингвистика. 2010а. Вып. 3. С. 109—119.

Садуов Р. Т. Графическая литература как составляющая американского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 3. С. 101—109.

Садуов Р. Т. Использование музыкального видеоклипа как специфическая характеристика политического дискурса Барака Обамы // Политическая лингвистика. 2010б. Вып. 2. С. 135—143.

Садуов Р. Т. Лингвокультурный и семиотический анализ особенностей структуры и содержания политического дискурса Барака Х. Обамы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2011.

Сантаяна Дж. Характер и мировоззрение американцев. — М.: Идея-пресс, 2003.

Синельникова Л. Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4. С. 41—48.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

Bellah R. Civil Religion in America / Robert N. Bellah. URL: http://www.robertbellah.com/articles_5.htm (дата обращения: 01.07.2011).

Critchley S. Barack Obama and the American Void // FPRA.tv. URL: http://fora.tv/2008/09/18/Branding_Democrasy_Barack_Obama_and_the_American_Void (дата обращения: 01.07.2011).

Fetzer A., Lauerbach G. E. Political discourse in the media: Cross-cultural perspectives // Political discourse in the media: Cross-cultural perspectives / ed. by A. Fetzer, G. E. Lauerbach. — Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 3—31.

Fontana D. The Secret Language of Symbols: A Visual Key to Symbols and Their Meaning. — San Francisco: Chronicle Books, 1993.

Obama B. Keynote Address 2004 Democratic National Convention on July 27, 2004. URL: <http://www.gwu.edu/~action/2004/demconv04/obama072704spt.html> (дата обращения: 01.07.2011) [Obama 2004].

Obama B. Call to Renewal Keynote Address, June 28, 2006a URL: www.obamaspeeches.com/081-Call-to-Renewal-Keynote-Address-Obama-Speech.htm (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Dr. Martin Luther King Jr. National Memorial Groundbreaking Ceremony, November 13, 2006d. URL: <http://obamaspeeches.com/093-Martin-Luther-King-Memorial-Groundbreaking-Ceremony-Obama-Speech.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Race Against Time, 2006 Global Summit on AIDS and the Church, December 1, 2006e. URL: <http://obamaspeeches.com/095-Race-Against-Time-World-AIDS-Day-Speech-Obama-Speech.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. A More Perfect Union “The Race Speech” on March 18, 2008b. URL: <http://www.obamaspeeches.com/E05-Barack-Obama-A-More-Perfect-Union-the-Race-Speech-Philadelphia-PA-March-18-2008.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. North Carolina Primary Night Raleigh, NC May 6, 2008d // <http://obamaspeeches.com/E08-Barack-Obama-North-Carolina-Primary-Night-Raleigh-NC-May-6-2008.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Manassas, Prince William County, Virginia November 3, 2008g. URL: <http://obamaspeeches.com/E-Barack-Obama-Speech-Manassas-Virgina-Last-Rally-2008-Election.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Final Primary Night, June 3, 2008e. URL: <http://obamaspeeches.com/E09-Barack-Obama-Final-Primary-Night-Presumptive-Democratic-Nominee-Speech-St-Paul-Minnesota-June-3-2008.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. The American Promise Acceptance Speech at the Democratic Convention on August 28, 2008f. URL: <http://www.obamaspeeches.com/E10-Barack-Obama-The-American-Promise-Acceptance-Speech-at-the-Democratic-Convention-Mile-High-Stadium--Denver-Colorado-August-28-2008.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Night Before the Election. 2008g. URL: <http://obamaspeeches.com/E-Barack-Obama-Speech-Manassas-Virgina-Last-Rally-2008-Election.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Election Night Victory Speech Grant Park, Illinois November 4, 2008h. URL: <http://obamaspeeches.com/E11-Barack-Obama-Election-Night-Victory-Speech-Grant-Park-Illinois-November-4-2008.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Super Tuesday Chicago Feb. 5, 2008i. URL: <http://obamaspeeches.com/E02-Barack-Obama-Super-Tuesday-Chicago-IL-February-5-2008.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Potomac Primary Night Madison, WI February 12, 2008j. URL: <http://www.obamaspeeches.com/E03-Barack-Obama-Potomac-Primary-Night-Madison-WI-February-12-2008.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. New Hampshire Primary January 8th, 2008k. URL: <http://www.nwprogressive.org/weblog/2008/01/barack-obamas-speech-in-new-hampshire.html> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama Inaugural Address on 20th January 2009a. URL: <http://www.obamaspeeches.com/P-Obama-Inaugural-Speech-Inauguration.htm> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama Calls For New Energy Policy, January 26, 2009b. URL: <http://www.cbsnews.com/blogs/2009/01/26/politics/politicalhotsheet/entry/4753446.shtml?tag=contentMain;contentBody> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama Remarks At Stimulus Signing February 17, 2009c. URL: <http://www.cbsnews.com/blogs/2009/02/17/politics/politicalhotsheet/entry/4807704.shtml?tag=contentMain;contentBody> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama's Speech To Congress on February 24, 2009e. URL: <http://www.cbsnews.com/>

stories/2009/02/24/politics/main4826494.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama Introduces Federal Budget. 2009f. URL: <http://www.cbsnews.com/blogs/2009/02/26/politics/politicalhotsheet/entry4831148.shtml?tag=contentMain;contentBody> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama's Remarks On Education on March 10, 2009h. URL: <http://www.cbsnews.com/blogs/2009/03/10/politics/politicalhotsheet/entry4855902.shtml?tag=contentMain;contentBody> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama's Strasbourg Remarks April 3, 2009k. URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2009/04/03/politics/100days/worldaffairs/main4918137.shtml?tag=contentMain;contentBody> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. Obama And Calderon In Mexico City on April 16, 2009m. URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2009/04/17/politics/main4952650.shtml?tag=contentMain;contentBody> (дата обращения: 01.07.2011).

Obama B. The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream. — N. Y.: Vintage Books, 2006.

Wells Z. The Amazing Spider-Man / ed. by Stephen Wacker. — Marvel, 2009.

Will.i.am The Yes We Can Song / Dip+finition // Dipdive. URL: <http://www.yeswecan.dipdive.com/biography> (дата обращения: 01.07.2011).

СЛОВАРИ

Бидерманн Г. Энциклопедия символов / пер. с нем. ; общ. ред., предисл. И. С. Свенцицкой. — М.: Республика, 1996.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Ушакова]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1043002> (дата обращения: 01.07.2011).

LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 01.07.2011).

MWD = Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 01.07.2011).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Отметим, что для целей данного количественного подсчета был выбран корпус письменных источников (политических выступлений Б. Обамы) объемом 185 333 слова (политические выступления Б. Обамы в период с 2006 по 2009 г.). Особо оговоримся, что материалом исследования послужила лишь часть монокодовых (не поликодовых) текстов в рамках рассматриваемого дискурса, с тем чтобы единицы анализа были однородны по своему качеству. Выборка и подсчет рекуррентной лексики производились специальной утилитой Unique Record Set Management utility V. 1.1., разработанной для проведения разного рода лингвистических исследований, построения словарных баз данных и других работ со словарными элементами.

[2]. Отметим, что «Christian» входит в число рекуррентных лексических единиц в дискурсе Б. Обамы.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Э. В. Будаев

Л. М. Салатова
Челябинск, Россия

L. M. Salatova
Chelyabinsk, Russia

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗОВ КРИЗИСА
РОССИЙСКИМИ СМИ

THE REFLECTION OF CRISIS IMAGES
BY RUSSIAN MEDIA

Аннотация. Для современного мира характерен повышенный интерес и беспокойство по поводу происходящих экономических процессов. Экономические кризисы всегда волновали и будут волновать общество. В статье рассматриваются метафорические образы, преобладающие в СМИ при отражении кризисного дискурса.

Abstract. In modern world there is a great interest and worry about the present economical processes. Modern society is and will always worry about economic crisis. This article describes metaphorical images, prevailing in mass media. The question about how media reflects the crisis discourse is raised in this article.

Ключевые слова: кризис-дискурс; экономический кризис; медиа; метафора.

Key words: crisis discourse; economical crisis; media; metaphor.

Сведения об авторе: Салатова Людмила Маратовна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка.

About the author: Salatova Ludmila Maratovna, Senior Lecturer of the Chair of the Business Foreign Language.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: the Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 102.
e-mail: salat_78@is74.ru.

Кризис, дословно с греческого (krisis), — суд, разбор, судебное разбирательство, приговор, судебное решение. В Древней Греции под кризисом понималось завершение, перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы. Кризисную ситуацию в обществе следует понимать как ситуацию, требующую разбирательства, вынесения решения по важным, неотложным вопросам. Кризис проявляется в крайнем обострении противоречий в социально-экономической системе, угрожающем ее жизнестойкости. Общим является понимание кризиса как ситуации, характеризующейся значительными качественными изменениями в состоянии переживающего его субъекта, причем изменения эти не завершены, находятся в апогее: кризис — это всегда ситуация «у края пропасти». Этот период характеризуется крайней нестабильностью, порождающей неуверенность, панику.

Кризис — ненормальное, неестественное состояние, в сфере экономики чаще всего связанное с появлением или углублением экономических трудностей у большинства населения. Большой экономический словарь дает нам следующее описание данного явления: «**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС** — резкое ухудшение экономического состояния страны, проявляющееся в значительном спаде производства, нарушении сложившихся производственных связей, банкротстве предприятий, росте безработицы, и в итоге — в снижении жизненного уровня, благосостояния населения». [Борисов 2003: 895]. Среди актуальных признаков кризиса не-

обходимо также назвать невозможность прогнозирования. Предсказать результат кризиса невозможно, хотя среди потенциальных перспектив всегда присутствуют полярные: полный крах или полное урегулирование ситуации, исправление тех ее параметров, которые послужили причиной кризиса. Кризис имеет свойство повторяться, наступать периодически. С ним обычно связаны самые худшие ожидания, хотя, как уже отмечалось, результат его может быть и положительным. Так же невозможно (или сильно затруднено) направленное воздействие на события. Подверженные кризису объекты часто бывают бессильны перед ним. Выражением этого является персонификация кризиса, осмысление его как некоей самостоятельной силы. Могущество его так сильно, что человек часто превращается в пассивный объект воздействия. Кризис обычно имеет массовый, глобальный характер: его масштаб — страна, самые разные аспекты ее существования, жизни большого количества людей.

Несомненно, финансово-экономический кризис, с которым мировое сообщество в очередной раз столкнулось в начале XXI в., является периодом острой дестабилизации, поскольку затрагивает материальное состояние индивидов, ограничивая их в возможности удовлетворять свои потребности. Однако экономический кризис — явление скорее дискурсивное, нежели материальное, поскольку представляет собой «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Салатова Л. М., 2011

типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2001: 11—12].

Так как жизнь общества в информационную эпоху все больше разыгрывается в пространстве СМИ, необходимо рассмотреть вопрос о том, как массмедиа отражают кризисный дискурс, а именно: какие метафорические образы экономического кризиса преобладают в СМИ.

Отметим, что публицистика предоставляет максимально благоприятные условия для функционирования метафоры. Именно метафора является одним из основных средств, используемых в газетных текстах для создания экспрессивного эффекта, оценочного смысла и новых образов. В данной работе метафоры, которые употребляются в кризис-дискурсе, рассматриваются на основе теории метафорического моделирования действительности — направления, развивающегося в рамках когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон; А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов; Е. С. Кубрякова; А. П. Чудинов и др.). Когнитивная лингвистика представляет метафору не просто как образное средство, а как ментальную операцию: «Метафоры человека — это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001: 32]. Ф. Уилрайт писал: «Каждая хорошая метафора оставляет за адресатом право понимать ее, как ему заблагорассудится» [Уилрайт 1990: 97]. На лаконизм метафоры указывает и Н. Д. Арутюнова «Метафора <...> избегает модификаторов, объяснений и обоснований», за счет чего она «усугубляет понимание реальности» [Арутюнова 1990: 25, 27]. Ассоциативное богатство метафоры позволяет актуализировать самые неожиданные смыслы, создавать сложные многогранные связи между объектами действительности.

Материалом для данного исследования послужило 700 словоупотреблений из примерно 400 текстов, опубликованных в российских СМИ в период экономического кризиса, начавшегося осенью 2008 г. Мы выявили три доминантные сферы-источники метафорической экспансии для сферы-донора «Экономический кризис» в российском медиадискурсе: «Человеческий организм» (300 словоупотреблений, 42,8 %), «Война» (200 словоупотреблений, 28,6 %), «Болезнь» (200 словоупотреблений, 28,6 %).

Ведущую роль в формировании метафорического образа экономического кризиса играет антропоморфная метафора. С древних времен человек моделирует, ассоциирует окружающий его мир исключительно по своему образу и подобию, наделяет различные объекты и явления наиболее близкими и понятными себе свойствами и характеристиками [см. Чудинов 2003: 248]. Антропоцентризм является ключевой парадигмой современной лингвистики. Причины экономического кризиса, его последствия метафорически изображаются в виде различных частей тела. Они могут быть внешне обычными, уродливыми или пугающими. *Экономисты*

растерялись перед лицом кризиса... [Комсомольская правда. 05.02.2009]. *В то время как во всем мире экономика под зубами кризиса трещит по швам, в Китае она растет* [АиФ 10.03.2009]. *Когда он придет, встанет здесь на пороге, растопырит свои страшные ноги и руки, то разрушатся все иллюзии, замолкнут сладкозвучные речи* [Завтра, 24.03.2010].

В анализируемых примерах наблюдается персонификация: кризис предстает в роли живого агрессивного существа, несущего в себе угрозу для всех присутствующих.

Кризис поглотил банкротов [Коммерсант. 08.04.2009]. *Экономический кризис поглощает страну, и надо искать виноватых...* [Независимая газета. 10.10.2008]. Данные метафоры рисуют образ существа, способного к поеданию чего угодно и кого угодно, перед лицом которого люди чувствуют безысходность и беспомощность.

Глобальный экономический кризис на минувшей неделе сделал новый шаг там, где он зародился, — на американской земле [Независимая газета. 09.02.2009]. *Кризис 2008: обновление или смерть?* [Независимая газета. 31.03.2009]. Подобно живому организму, кризис имеет способность рождаться и умирать.

Действия, последствия экономического кризиса метафорически ассоциируются с движением рук. *Кризис своими руками ударил по Мурьгино* [Коммерсант. 22.07.2009]. *Экономический кризис сломал стремление российских предпринимателей к выводу из тени своего бизнеса* [Независимая газета. 07.09.2009]. *... когда экономический кризис обрушил на россиян чертову кучу стрессов* [Независимая газета. 17.06.2009].

В антропоморфной метафоре усиленно эксплуатируются семы агрессивности, демонстрирующие отрицательное воздействие экономического кризиса. В приведенных примерах прослеживается негативная коннотация с векторами агрессивности, жестокости, подавляющей силы, направленной против внешнего мира. Современный кризис сравнивается с неким живым существом или объектом, имеющим свой жизненный цикл, способным совершать негативные действия, поступки, чреватые разрушающими последствиями.

Сфера-источник «Война» занимает второе место по степени манипулятивного воздействия на читателя. Активизация милитарной метафоры в российских публикациях связана с возникновением негативных настроений, социальной напряженности в обществе. При рассмотрении сообщений в прессе, посвященных экономическому кризису, обнаруживается, что преодоление данного глобального явления метафорически концептуализируются как война и борьба, при которой необходимо наличие противников. Кризис изображается захватчиком, с которым

вступает в противоборство сам народ. Создается реальная картина борьбы, главную роль в которой играют не элитные слои и представители общества, стоящие на вершине власти и не имеющие реальных способов урегулирования кризиса, а простые люди, ощутившие на себе негативное влияние кризиса.

Кризис как война — переворошил судьбы людей [Московский комсомолец. 13.03.2009]. **В кризисе, как на войне, есть место всему: и предательству, и взаимопомощи, и подлости, и самопожертвованию. Одни, борясь с трудностями, сохраняют свое достоинство, другие выживают любой ценой** [Московская правда. 12.10.2008]. В данных высказываниях авторы используют троп — сравнение: кризис уподобляется самой настоящей войне, заставляющей людей терпеть, страдать, но несмотря ни на что вести борьбу. Фразы обладают негативной коннотацией, вызывающей у реципиента страх, тревогу, ненависть к войне.

Используя номинации героев войны, представители СМИ наделяют отрицательными характеристиками представителей власти, чьи обозначения имеют негативную коннотацию в сочетании с иронией: **Какого российского чиновника, да и рядового обывателя ныне не мучает кошмар финансово-экономического кризиса, с которым самоотверженно борется правительство РФ, сказать трудно** [Московская правда. 14.10.2008].

Авторы метафорически изображают войну с кризисом в виде враждующих друг с другом сил: **Будем надеяться, что по крайней мере наверху с кризисом сражается армия профессионалов** [Московская правда. 19.10.2008]. Данная метафора репрезентирует не только оторванность друг от друга общества и власти, находящихся в виртуальной оппозиции, но и недостаточную информированность об экономической ситуации в стране.

Со своей стороны первый заместитель руководителя Администрации президента Владислав Сурков, выступая на семинаре перед секретарями региональных отделений партии и руководителями законодательных собраний, назвал нынешний кризис беспрецедентным и заявил, что его „не преодолеть, высылая на борьбу с ним вялую армию счетоводов“ [Московская правда. 19.10.2008]. Предикатив «вялый» заключает в себе концептуальные смыслы беспомощности, растерянности у представителей власти перед лицом надвигающегося противника — кризиса. Жесткая борьба, мобилизация необходимых сил, создание мер по борьбе с кризисом метафорически репрезентированы как военные маневры.

Главный противник — кризис концептуализируется как мощная, подавляющая, разрушительная сила, противостоять которой, обороняться, принять быстрые меры представляется довольно сложным для представителей власти: **Власти Москвы усиливают линию оборо-**

ны от кризиса [Московская правда. 14.10.2008]. **Отдадим должное аналитическим способностям Б. Грызлова, который „более предметно“, чем его коллега И. Яровая, разъяснил суть „антикризисной стратегии“: „В чем же наша антикризисная стратегия? Она заключается в том, чтобы не сидеть и ждать, а перейти к борьбе с кризисом, от обороны к наступлению!“** [Российские вести. 11.02.2009]. Пассивная линия поведения представителей власти метафорически изображается в виде удержания обороны, наступление происходит не на деле, а на словах.

Без специальной программы поддержки средних компаний и банков антикризисные меры правительства будут бить мимо цели [Эксперт. 13.10.2008]. **Все ушли на фронт — бороться с кризисом** [АиФ. 24.11.2008]. В последнем примере автор апеллирует к известному прецедентному высказыванию — патриотическому лозунгу времен Великой Отечественной войны, главным защитником и героем в которой выступил российский народ. Цель высказывания — вызвать яркие ассоциации у читателя, акцентировать внимание на борьбе с кризисом.

Очевидно, что противники занимают неравные позиции, силы кризиса пока превосходят силы борющихся структур, поэтому авторы СМИ апеллируют к сплоченности, необходимой для преодоления кризисных явлений, иначе разрозненная тактика борьбы с возникшими негативными явлениями в экономике не даст результатов. Война с кризисом сопровождается многими жертвами. Для обозначения разнообразных потерь авторы СМИ используют следующие метафорические выражения: *стать жертвой, считаться жертвой, пасть жертвой, потребовать немало жертв*. Разорение различных банков, банкротство компаний метафорически рассматривается как военные потери.

На господдержку могут рассчитывать контролируемые государством компании, системообразующие банки и корпорации, а также жертвы кризиса (способность государства спасти частный сектор не безгранична)... [Ведомости. 07.10.2009]. Государство метафорически изображается в роли главного спасителя от гибели в войне, но спасение ждет далеко не каждого, а только того, кто находится у этого спасителя под контролем. Иные предприятия вынуждены спасать себя сами. Фраза обладает коннотацией с отрицательным вектором в сочетании с иронией. В анализируемом примере наблюдается персонализация: государство представлено в качестве живого существа — спасителя, все остальные подвластные ему структуры — подчиненные, нуждающиеся в защите и помощи в борьбе с главным противником — кризисом.

Связь-банк одним из первых пал жертвой кризиса, не сумев расплатиться с кредиторами после обвала на фондовом рынке в сен-

тябре прошлого года. [Экономическая газета. 09.02.2009]. Данный пример ярко иллюстрирует последствия кризиса, разрушение экономических структур.

Реалии войны стали частью повседневной жизни российского народа. Негативная коннотация, иногда совместная с иронией, сопровождает милитарную лексику, окружает экономический кризис ореолом агрессивности и враждебности. Метафоры экономического кризиса, функционирующие в российском кризис-дискурсе, показали, что российское общество в значительной степени подвержено тенденциям мировой глобализации. Это вербально проявляется в следующих концептах: война, борьба, противоборствующие армии, враг, борцы, жертвы и т. д.

Столь же широко в метафорической экспансии используется доминантная сфера-источник «Болезнь». Как показывают исследования, морбиальные метафоры обладают значительным прагматическим потенциалом и особенно активно используются в периоды различных политических и экономических кризисов. Прагматические смыслы, формируемые морбиальной метафорой, можно сформулировать следующим образом: экономика страны находится в тяжелом состоянии, необходимо срочно принять меры по преодолению кризисной болезни, чтобы больной в конечном итоге выздоровел.

Напомним, две недели назад министр дал прогноз, что кризисные проблемы в российской экономике будут „рассасываться“ еще один-два года. „Вся международная финансовая система была поставлена на искусственное поддержание жизни. Думаю, что после этого возвращения к жизни будет выравнивание состояния ‘больной’, может быть повторное падение или очень медленное выздоровление, медленный экономический рост“, — отметил он [Новые Известия. 17.09.2009]. Если мы сами не натворим каких-то чудес, то сможем пройти мировой финансовый кризис сравнительно безболезненно. Более того, есть шанс оздоровить экономику, накачанную нефтяными деньгами и долгое время испытывающую нездоровую эйфорию [Российская газета. 21.10.2008]. Расшифровка кардиограммы пораженной кризисом экономики говорит о том, что первый, самый тяжелый, спекулятивно-финансовый этап потрясений, похоже, близок к концу [Эксперт. 16.02.2009]. Вместе с тем само упоминание тяжелых болезней, от которых страдает российская экономика, призвано вызвать сочувствие к родной стране, желание помочь ей. Кризис сравнивается с такими болезненными состояниями, как лихорадка, сердечный приступ, депрессия, недомогание. Несмотря на негативную коннотацию данных бо-

лезней, можно четко проследить положительные векторы оптимизма и надежды на быстрое улучшение экономической ситуации: **Кризис, если использовать медицинскую терминологию, — это не внедрившаяся в организм инфекция, а нарыв, который долго созрел и в конечном итоге прорвался. И то, что он прорвался, а не привел к сепсису, — это благо, а не беда** [Московская правда. 23.03.2009]. **Кризис вроде детской лихорадки. Сначала все очень плохо, потом дела идут на поправку.** [Ведомости. 21.09.2010].

Обращает на себя внимание, что во многих примерах представители СМИ используют морбиальную метафору для репрезентации процесса, несущего оздоравливающий эффект, очищение от паразитирующих элементов в экономической системе. **Кризис — это не только время потерянных больших возможностей. Это процесс очищения экономики от неэффективности, от излишних запасов и мощностей, время поиска новых возможностей и перспективных вариантов** [Ведомости. 22.12.2009]. **Целебные качества экономического кризиса, по мнению Патриарха, заключаются в том, что он „проткнет наконец тонкую искусственную оболочку мыльного пузыря, под которым ничего нет — виртуальная экономика“** [Независимая газета. 24.03.2009]. **Кризис — он как санитар, чистит экономику. Вот это точно. Волк — санитар леса, кризис — санитар экономического леса, видимо, того самого леса, куда нас всех завел русский народный герой Иван Сусанин** [Независимая газета. 13.10.2008]. В последнем примере экономика метафорически изображается как пациент, а кризис имеет благородную миссию — оздоровление больного.

Анализ метафорических образов выявил, что с помощью сферы-источника «Болезнь» экономический кризис концептуализируется как серьезный недуг, болезнь, лечение которой не терпит отлагательств, но в большинстве случаев морбиальная метафора обладает положительным вектором: экономика выздоровеет.

Проведенный анализ трех доминантных сфер-источников («Человеческий организм», «Война», «Болезнь») показал, что для репрезентации современного экономического кризиса представители СМИ используют различные стилистические приемы, такие как сравнение, персонификация, для усиления эмоционального воздействия на адресата. В текстах российских СМИ, посвященных кризис-дискурсу, всегда присутствует определенная коннотация, которая может быть разновекторной (не только негативной, но и положительной). Благодаря вышеперечисленным приемам высказывания о кризисе сопровождаются яркой эмоционально-экспрессивной оценкой, становятся более образными, что усиливает воздействие на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры. Сборник научных трудов. — М.: Прогресс, 1990.

Борисов А. Б. Большой экономический словарь. — М.: Книжный мир, 2003.

Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. — М., 1990.

Фасмер М. Этимологический словарь. URL:

<http://etymolog.ruslang.ru/vasmer.php?id=376&vol=2>

Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований. — СПб., 2001.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург: — 2001.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

Статью рекомендует к печати канд. филол. наук, доц. С. Я. Колтышева

УДК 81'42:32.019.51

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. А. Семкин
Рязань, РоссияM. A. Siomkin
Ryazan, Russia**МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
КВАНТИТАТИВНЫХ АРГУМЕНТОВ
В ДИСКУРСЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ****MANIPULATIVE POTENTIAL
OF QUANTITATIVE ARGUMENTS
IN DISCOURSE
OF POLITICAL COMMENT**

Аннотация. Ставится цель выявить манипулятивный потенциал и технологии использования цифровых аргументов в дискурсе политического комментария. Раскрытие способов применения цифровых (статистических) данных в текстах политического комментария имеет большое значение для понимания приемов и методов манипулирования в политической коммуникации.

Abstract. The article aims at revealing manipulative potential and technology of usage of numeral argument in discourse of political comment. The revelation of quantitative arguments usage in texts of political comment is important for understanding the techniques and methods of manipulation in political communication.

Ключевые слова: квантитативный аргумент; дискурс-анализ; политический комментарий.

Key words: quantitative argument; discourse analysis; political comment.

Сведения об авторе: Семкин Максим Александрович, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Siomkin Maxim Alexandrovich, Post-graduate Student of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication.

Место работы: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.

Place of employment: the Ryazan State University.

Контактная информация: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46.
e-mail: maxsiomkin@mail.ru.

Некоторые виды политической коммуникации (политические речи, предвыборные дебаты, парламентские дебаты, политические лозунги) характеризуются особой убедительностью (персуазивностью; персуазивность (от англ. "persuasiveness" — 'убедительность') — степень оказания воздействия на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения). В упомянутых типах политической коммуникации происходит столкновение мнений, интересов, сфер влияния, ведется борьба за умы людей. Во всех этих случаях говорящий стремится доминировать над позициями своих оппонентов, над мнением широких масс, стремится убедить аудиторию действовать определенным образом (относиться определенным образом к той или иной ситуации). В призывах автора читается стремление внушить объекту воздействия определенное убеждение.

Политический комментарий как один из видов политической коммуникации также характеризуется особой целенаправленностью. Когда автор задумывает комментарий, он хочет, чтобы это было так и только так. «Недемократичность» политического комментария заключается в том, что его цель не поддержать многообразие мнений, а добиться формирования определенных взглядов на то или иное явление.

Политический комментарий представляет собой отшлифованное речевое произведение, взвешенное, направленное на достижение определенного результата. В условиях переизбытка информации для привлечения внимания и воздействия на аудиторию автором используется весь комплекс выразительных средств

языка. Исходя из характеристики дискурса политического комментария, можно сделать вывод, что для того, чтобы политический комментарий достиг своей цели, он должен быть очень тщательно продуман.

Автор политического комментария намеренно привлекает те факты жизни общества, которые иллюстрируют его позицию, выстраивает их определенным образом, давая им собственную оценку, что определяет высокую степень субъективности высказывания. Оценочность политической речи определяется избирательным набором фактов (выдвижением одних и замалчиванием других), модальностью (выражением личного отношения к объекту высказывания), апелляцией к личному опыту субъекта и объекта коммуникации. В связи с тем, что политический комментарий сочетает в себе функции сообщения с усиленным компонентом воздействия за счет выражения мнения и оценки, возрастает важность понимания процессов убеждения и аргументации. Ничто так не воздействует на мнение потребителя информации, как сильный, качественный аргумент.

В риторике аргументация определяется как вид словесной деятельности, направленной на увеличение (уменьшение) приемлемости спорной точки зрения для аудитории посредством приведения ряда взаимосвязанных доводов [Москвин 2008: 9]; система целесообразных средств выражения замысла речи и его обоснования в форме, приемлемой и убедительной для аудитории [Волков 2001].

Средства аргументации отличаются разнообразием и включают в себя не только логиче-

ские приемы, но и способы аргументации, выходящие за рамки формальной логики и воздействующие на эмоциональную сферу человека. Одним из эффективных аргументативных приемов является приведение иллюстративных примеров, среди которых нумеральные (квантитативные — от англ. “quantity”, ‘количество’) аргументы имеют особую силу.

Роль цифр заключается в упорядочении, нумерации, систематизации объектов действительности. Цифра — это математический объект, используемый для того, чтобы считать и измерять. Цифра придает сообщению объективность и доказательность. Авторитетность цифры неоспорима, так как математика — самая точная из наук. Цифра передает четкие характеристики реальности. Цифра измеряет, и, в отличие от оценки, которая выражена в словах, дает представление о масштабе происходящего. Именно поэтому цифровая составляющая придает комментарию убедительность и достоверность, что делает квантитативные аргументы эффективным способом внушения определенной точки зрения.

Статистические данные выглядят объективными и строгими фактами. Язык цифр всегда кажется убедительным, создает ореол неоспоримой авторитетности [Голованова, Аникеев, Андрунас 1978: 86]. Цифры передают фактическую сторону дела, порождая эффект правдоподобия и достоверности, активно используемый в текстах исследуемого жанра. Цифровые данные приводятся не столько для того, чтобы проинформировать, сколько для того, чтобы убедить читателя.

Анализ применения цифровой информации в медиатекстах показывает, что в политическом комментарии цифровые данные наиболее активно используются тогда, когда интерпретируются крупные события (военные конфликты; выборы; масштабы достижений, потерь). Однако, принимая во внимание вторичность политического комментария по отношению к новостным текстам, задачей которых является информирование аудитории, следует отметить, что цифровые данные в политическом комментарии несут на себе не столько констатирующую, сколько дополнительную риторическую нагрузку и являются аргументами, подтверждающими какую-либо точку зрения.

Не случайно публикация статистических сведений является одним из важных манипулятивных приемов: сложные ряды статистических цифр претендуют на авторитетность. Юмористическое высказывание М. Твена о том, что кость три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика», по сути верно.

Сегодня, когда новые информационные технологии продолжают упрощать процесс сбора, составления и обработки больших объемов информации, квантитативные аргументы становятся важной составной частью жизни социума. Исследователи признают огромный манипу-

лятивный потенциал статистических данных [Голованова, Аникеев, Андрунас 1978; Князев 2001; Abelson 1995; Rossman 1997; Wolfe 2010].

Квантитативные аргументы содержатся в текстах, основывающихся на цифрах как основном средстве убеждения [Wolfe 2010].

Когда необходимо показать эффективность проводимой политики, прибегают к статистическим данным: *Сейчас российские порты на Черном, Азовском, Каспийском морях ежегодно обрабатывают 180 млн тонн грузов. Это 36 % от грузооборота всех портов страны. А через пять лет мощность портов Южного федерального округа увеличится в 1,5 раза, почти до 270 млн тонн. Рост очень значительный, серьезный <...> В 2008 году мы уже сделали первый необходимый шаг, завершили реконструкцию Кочетовского гидроузла на Дону. 3,2 млрд рублей вложили. В 2011 году на развитие инфраструктуры внутреннего водного транспорта в Южном федеральном округе будет вложено еще 1,1 млрд рублей. <...> Площадь особо охраняемых природных территорий вокруг Сочи будет увеличена на 20 тыс. гектаров. <...> Сейчас свыше 11 % территории России занимают различные природоохранные зоны. В ближайшее 10-летие только на федеральном уровне планируется создать еще 11 новых государственных природных заповедников и 20 национальных парков. Территория еще 10 заповедников и 2 национальных парков будет существенно расширена. Это большая, масштабная работа [Председатель Правительства Российской Федерации...].* Данный пример показывает, что в дискурсе политического комментария вербальные и нумеральные аргументы тесно взаимосвязаны. Помимо статистических данных автор приводит оценку происходящего («Рост очень большой, значительный»; «Это большая, масштабная работа»).

Рассмотрим основные приемы создания квантитативных аргументов.

1. Обильное употребление цифровых деталей различного рода: *29 июля лесной пожар перекинулся на базу. Его удалось потушить лишь на следующий день. Огонь уничтожил клуб, финчасть, 2 бокса автопарка, 11 хранилищ авиационного имущества и 160 старых машин ЗиЛ-131 и ГАЗ-66. Сообщения СМИ о сгоревших 200 самолетах на сумму 20 млрд рублей были опровергнуты. Президент Медведев уволил ряд офицеров <...> Письмо с просьбой возродить в России службу лесоохраны собрало год назад больше 40000 подписей <...> Создание и работа такой службы обходилось бы государству в 20 млрд рублей в год. Это немало, но средний ущерб от пожаров за год в полтора-два раза больше [Железнова, Максимов, Гридасов 2010].*

2. Одним из наиболее распространенных приемов в дискурсе политического комментария является использование обобщений (средних величин), создающих ложную картину. Рас-

смотрим следующий пример: *Средняя зарплата в стране составляет сейчас 700 долларов. Это самый высокий показатель с начала рыночных реформ* [Зарплаты в России, по данным...]. В данном примере манипуляция осуществляется посредством суммирования высоких, средних и низких зарплат. В результате получается средняя величина, уравнивающая доходы малоимущих, средний класс, а также сверхобеспеченных людей. Кроме того, автор приводит цифровые данные не в рублях, а в пересчете на мировую валюту, что придает еще большую убедительность высказыванию.

3. Игра статистикой. Фокусировка внимания аудитории на отдельных сведениях без представления общей картины: *Башкирия может получить 734 миллиона рублей федеральных субвенций на повышение зарплаты учителям* [Учителям Башкирии на повышение...].

Сама по себе приведенная цифра — 734 млн руб. — недостаточна. Рядовой читатель не сможет понять, много это или мало. Нужен сравнительный контекст, показывающий отношение приводимой цифры к смежным величинам. Так, мы видим, что для аудитории отдельные («изолированные») цифры бывает трудно понять, если отсутствует широкий сопоставительный контекст для понимания значения цифры [Abelson 1995: 3].

Если автор дает процентное соотношение чего-либо, читателю легче понять истинное положение дел: *Over 44 % of voters, mostly in the Russian-speaking south and east [of Ukraine — М. С.], backed Mr Yanukovich. — 'Более 44 % избирателей, преимущественно в русскоязычных районах Украины, проголосовали за В. Януковича'* [The Future is Orange]. *76,2 млн человек экономически активного населения в возрасте 15—72 лет, то есть около 54 % от общей численности населения страны, насчитывалось в России в июле 2010 г.* [Россия в цифрах].

4. Цифровая составляющая картины военных действий или оборонного потенциала воюющих государств: *Личный состав армии Ливии невелик — всего около 40-50 тысяч человек. При этом вооружение Джамахирии находится на очень высоком уровне. Страна располагает более 1000 танков, около 1000 боевых машин пехоты, мощной системой противовоздушной обороны, 200 с лишним самолетов-истребителей, еще таким же количеством штурмовиков и бомбардировщиков* [На что способна армия Муамара Каддафи] *Состав сил НАТО выглядит следующим образом: ВВС США представили для операции три бомбардировщика B-2 Spirit, десять тяжелых истребителей F-15E Eagle и восемь истребителей F-16C Fighting Falcon. От авиации Морской пехоты в конфликте участвуют четыре истребителя AV-8B Harrier II. Со стороны Франции в операции участвуют 20 самолетов, включая восемь истребителей Rafale В/С, четыре Mirage 2000, а также один самолет дальнего*

радиолокационного обнаружения и управления ЕЗ-F и [один] самолет-заправщик С-135. Великобритания направила в Ливию 20 истребителей-бомбардировщиков Tornado [Лангман 2011].

5. Представление меньшего числа большим и наоборот. Сравним два сообщения о митингах: *Полтысячи жителей Юго-Западного округа Москвы провели митинг против строительства торгового центра* [Иванов 2007] *В Юго-Западном округе Москвы прошел массовый митинг жителей, в котором приняли участие 500 человек* [Массовый митинг против строительства на Юго-Западе Москвы]. При арифметическом равенстве первое число (полтысячи) кажется больше, чем цифра 500. Это влияет на восприятие явления аудиторией. В первом случае журналист за точку отсчета принимает тысячу участников (стараясь приумножить их число). Во втором случае автор говорит только о 500 участниках. Фактически цифры равны, однако математическое равенство отступает перед когнитивными особенностями восприятия чисел. Тысяча и сотня — единицы разных порядков. Когда речь идет о полтысяче, происходит апелляция к разряду тысяч. Соответственно, когда приводятся в пример сотни, сравнение этих единиц говорит о неравнозначности количества. Поэтому полтысячи представляется читателю больше, чем пятьсот. Таким образом, способ подачи цифровой информации позволяет, не искажая фактов, по-разному оценивать их, вызывать у читателя определенное отношение к одному и тому же событию.

Особую роль играют существительные, употребленные в форме множественного числа, которые выражают количественные отношения: *When the fighting broke out between Georgia and South Ossetia, Russia, which had killed tens of thousands of its citizens in Chechnya, argued that it had to defend its nationals. — 'Когда начался бой между Грузией и Южной Осетией, Россия, на которой лежит ответственность за десятки тысяч убитых россиян в Чечне, заявила, что должна защищать своих граждан'* [A Scripted War]. *At least 2m people have died in Sudan's north-south conflict over the past 21 years, and millions more have been affected. — 'За последний 21 год по меньшей мере 2 миллиона человек погибли в конфликте между Северным и Южным Суданом, война затронула миллионы людей* [A Year of Huge Challenges].

Отметим, что в первом примере, в отличие от второго, не указывается период, в который погибли жертвы. Это оставляет простор для разнообразных спекуляций.

Сравним приведенные цифры с данными Министерства обороны РФ о жертвах во время второй Чеченской кампании: *В период с 2 августа 1999 года по 4 мая 2000 года на Северном Кавказе погибли 2213 военнослужащих Министерства обороны и МВД РФ, 6487 получили ранения. Из них на территории Чечни погибли*

1933 человека, ранены 5508. Общие потери незаконных вооруженных формирований за этот же период оцениваются Генеральным штабом МО РФ в 13 500 человек [Потери российских войск и боевиков в Чечне]. В примере указывается максимально точное количество потерь.

6. Статистические сведения могут быть фальсифицированы уже на этапе сбора из-за ненадежности источников информации и ложной репрезентативности [Голованова, Анисеев, Андрунас 1978: 89]: *Georgian officials said 130 people were killed on its side of the unofficial border with South Ossetia, including at least 30 civilians who died Saturday when bombs from Russian planes struck two apartment buildings in this city.* — 'По словам грузинских представителей власти, 130 человек были убиты на условной границе с Южной Осетией, включая по меньшей мере 30 гражданских лиц, которые скончались в субботу от русских бомб, сброшенных на два жилых дома' [Finn 2008]. Анонимность источника, неverified информация позволяет предположить, что сообщение носит искаженный характер и не является полностью репрезентативным.

7. Метод сопоставления. Квантитативная аргументация может быть усилена сопоставлениями: *In 1991, when the American-led, UN-authorized multinational force drove him [Hussein] out of Kuwait, it was decided that a ceasefire agreement was preferable to a full invasion of Iraq <...> After 12 years, what has containment achieved? <...> Thousands of bombs have been dropped <...> to prevent Mr Hussein from rebuilding his military facilities. The economic sanctions have been deadlier still... 360,000 children had died as a result of 12 years of sanctions... And that is without even mentioning Mr. Hussein's political prisoners, his torture victims, the hundreds of thousands of Iraqis he has killed since he took power in 1978.* — 'В 1991-м, когда по требованию Америки и с санкции ООН Хусейн был вынужден покинуть Кувейт, было решено, что прекращение военных действий предпочтительнее вторжению международных войск в Ирак. <...> Так к чему же привело сдерживание на протяжении 12 лет? <...> Были сброшены тысячи бомб <...> для того, чтобы помешать Хусейну восстановить военную силу. Экономические санкции вызвали серьезные последствия. <...> 360 тысяч детей умерли в результате санкций, длящихся 12 лет. <...> Не говоря о политических заключенных режима Хусейна, жертвах пыток, сотнях тысяч убитых жителей Ирака с момента прихода Хусейна к власти в 1978 г.' [Why War Would Be Justified].

В приведенном примере сопоставление осуществляется по принципу «сейчас — тогда». Сравниваются разные политические ситуации: 1978 г., когда С. Хусейн пришел к власти, 1991 г., когда ООН были приняты санкции против Ира-

ка, и 2003 г., когда прошло 12 лет после принятия санкций. Количество сброшенных на Ирак бомб не уточняется, вместо конкретизирующих числительных (тысяча, две тысячи и т. д.) используется обобщающее существительное «тысячи». Количество иракских жертв от «экономических санкций» составляет 360 тысяч. Автор обращает внимание на тот факт, кто выступает в роли жертв — дети. В то же время число жертв режима С. Хусейна оценивается в «сотни тысяч».

8. Метод использования альтернативных способов представления одного и того же количества.

Наиболее типичным является употребление числительных в форме цифр: *At least 200 people had died in the eastern city of Benghazi alone. <...> The New York-based Human Rights Watch <...> put the countrywide [Libya — M. S.] death toll at 104.* — По меньшей мере 200 человек погибло только в г. Бенгази. Нью-Йоркская организация по защите прав человека сообщила, что число жертв по стране [в Ливии — М. С.] достигло 104 человек [At least 200 people killed in Libyan demonstrations]. *Ливийское ТВ сообщает о жертвах ракетных обстрелов. <...> По последним данным, погибли 64 человека* [Забродина, Литовкин 2011].

В некоторых примерах наблюдается чередование цифрового и буквенного обозначения числительных, что усиливает воздействие на читателя: *Suspected Islamist rebels killed 11 civilians and wounded nine at a funeral in Algeria's western province of Arzew.* — 'Подозреваемые исламские террористы убили 11 гражданских лиц и ранили девять человек на похоронах в алжирской провинции Арзу' [Clampdown]. *Russia acknowledged that Georgian forces had shot down two Russian warplanes, while Mr. Lomaya said the Georgians had destroyed 10 Russian jets* [Barnard 2008].

Таким образом, эффективность использования нумеральных аргументов обусловлена тем, что при манипулировании числовыми данными аудитории труднее распознать обман: числовые (статистические) данные доступны только экспертам, которые на профессиональном уровне занимаются той или иной политической проблематикой. Ресурс доверия потребителей информации к квантитативным аргументам выше, чем к словесным доводам.

Именно в этих качествах квантитативных аргументов и кроется их манипулятивный потенциал: статистические данные и цифровые показатели в практике информационного воздействия приводятся для создания у аудитории впечатления правдоподобия.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика: учеб. пособие. — М.: Флинта ; Наука, 2007.
- Волков А. А. Курс русской риторики. — М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001.

Голованова Г. А., Анিকেев В. Е., Андрунас Е. Ч. Приемы и методы интерпретации информации в буржуазной пропаганде // Техника дезинформации и обмана / под. ред. Я. Н. Засурского. — М.: Мысль, 1978. С. 86—100.

Железнова М., Максимов Н., Гридасов А. Пожароужасная ситуация // Русский Newsweek. 2010. 09.08.

Забродина Е., Литовкин Д. Вторая буря в пустыне // «Томагавки» мира и демократии / Известия.ру. 2011. 22.03. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article3152962/> (дата обращения: 23.03.2011).

Зарплаты в России, по данным Всемирного банка, достигли рекордного уровня // Труд. 2011. 30.03. URL: http://www.trud.ru/article/30-03-2011/260915_zarplaty_v_rossii_po_dannym_vsemirnogo_banka_dostigli_rekordnogo_urovnja.html (дата обращения: 02.04.2011).

Иванов А. Полтысячи жителей Юго-Западного округа Москвы провели митинг против строительства торгцентра // Коммунистическая партия Российской Федерации. 2007. 16.07. URL: <http://www.cprf.info/news/actions/49972.html> (дата обращения: 30.04.2011).

Князев А. А. Основы тележурналистики и телерепортажа. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001.

Лангман Э. Силы НАТО могут вбомбить Ливию в каменный век, но не сместить Каддафи // Русский обозреватель. 2011. 22.03. URL: <http://www.rus-obr.ru/blog/10174> (дата обращения: 26.04.2011).

Массовый митинг против строительства на Юго-Западе Москвы // Коллективное действие. 2007. 15.07. URL: <http://www.ikd.ru/node/3318> (дата обращения: 30.04.2011).

Москвин В. П. Аргументативная риторика : теоретический курс для филологов. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Ростов н/Д: Феникс.

На что способна армия Муамара Каддафи // Дни.ру. 2011. 02.03. URL: <http://www.dni.ru/polit/2011/3/2/208277.html> (дата обращения: 03.04.2011).

Потери российских войск и боевиков в Чечне // Коммерсантъ. № 81 (1966). 2000. 10.05. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/147403> (дата обращения 27.04.2011).

Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин принял участие в Межрегиональной конференции партии «Единая Россия» на тему «Стратегия социально—экономического развития Юга России до 2020 года. Программа на 2011—2012 годы» / Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина. 2011. 06.05. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/15104/> (дата обращения: 07.05.2011).

Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. № 34 [888]. 2010. 30.08.

Учителям Башкирии на повышение зарплаты направят 734 млн рублей // МК.ру. 2011. 18.04. URL: <http://ufa.mk.ru/news/2011/04/18/581810-uchitelyambashkirii-na-povyishenie-zarplatyi-napravyat-734-mln-rublej.html> (дата обращения: 28.04.2011).

A Scripted War // The Economist. 2008. 16.08.

A year of huge challenges // The Economist. 2005. 01.01.

Abelson R. P. Statistics as Principled Argument. — Hillsdale, 1995. P. 2—8, 105—107, 125—126.

At least 200 people killed in Libyan demonstrations // Catholic Online. 2011.23.02. URL:

http://www.catholic.org/international/international_story.php?id=40434 (дата обращения: 28.03.2011).

Barnard A. Georgia and Russia Nearing All-Out War // The New York Times. 2008. 10.08. URL: <http://www.nytimes.com/2008/08/10/world/europe/10georgia.html?pagewanted=print> (дата обращения: 11.08.2008).

Clampdown // The Economist. 2001. 15.09.

Finn P. Russia-Georgia War Intensifies // The Washington Post. 2008. 10.08.

Rossman A. J. Quantitative Reasoning: Argument with Data / College Teaching. 1997. Vol. 45.

The Future Is Orange // The Economist. 2005. 01.01.

Why War Would Be Justified // The Economist. 2003. 22.02.

Wolfe J. Rhetorical Numbers: A Case for Quantitative Writing in the Composition Classroom // College Composition and Communication. 2010. Vol. 61. №. 3, Feb. URL: http://coldfusion.louisville.edu/jlwolf02/efiles/uploads/e_551.pdf (дата обращения: 08.06.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. Е. Воронова

М. А. Степанова

Нижневартовск, Россия

M. A. Stepanova

Nizhnevartovsk, Russia

УШЛА ЛИ СОВЕТСКАЯ УГРОЗА?

О трансформации идеологемы «Soviet threat»

Аннотация. Анализ фрагментов современного англоязычного политического дискурса с целью выявления особенностей трансформации идеологемы «советская угроза».

Ключевые слова: политический дискурс; идеологема; «советская / русская угроза».

Сведения об авторе: Степанова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода.

Место работы: Нижневартровский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56.

e-mail: mstepanova2@gmail.com.

HAS SOVIET THREAT DISAPPEARED?

The transformation of the ideologueme “Soviet threat”

Abstract. Through analyzing particular fragments of political discourse the author describes the way the ideologueme “Soviet threat” has transformed.

Key words: political discourse; ideologueme; “Soviet / Russian threat”.

About the author: Stepanova Marina Alexandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Linguistics and Translation Department.

Place of employment: the Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Статья заняла 1 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Политическая коммуникация»

Прошло почти два десятилетия с момента распада Советского Союза, и, казалось бы, политическое противостояние двух сверхдержав — СССР и США — должно было уйти в прошлое. Но привела ли кардинальная смена политической системы на пространстве нынешней России к уходу из массового сознания коренных идеологических смыслов, связанных с советско-американской политической конфронтацией?

Существующие на сегодняшний день исследования политологического, исторического, культурологического характера аргументированно доказывают, что Советский Союз был тоталитарным государством. Особое место в изучении феномена советской тоталитарной культуры занимают исследования, посвященные вопросам тоталитарного языка и тоталитарного дискурса. Как полагают специалисты, «в тоталитарной культуре язык становится действенным инструментом влияния на общественное сознание», при этом «операционными единицами языка становятся идеологемы и мифологемы» [Купина 2006: 83].

Однако идеологема, как «единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе тексте креолизованном) и — шире — в дискурсе собственно языковыми единицами разных языковых уровней, а также знаками других семиотических систем» [Мальшева 2009], не является принадлежностью лишь тоталитарной культуры. Любое государство, выстраивая свою идеологию, которая по определению «имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [Новейший философский словарь 2003], опирается на некую иерархию

идеологем. Вопрос заключается только в том, насколько прескриптивной является функция таких единиц в риторическом дискурсе конкретного государства в конкретных временных границах.

Целью нашего исследования является установление особенностей трансформации идеологемы «Soviet threat / советская угроза» в англоязычном политическом дискурсе в период после окончания холодной войны. В рамках данной работы мы не будем анализировать историю появления интересующей нас идеологемы и детально описывать ее эксплуатацию в годы холодной войны. Основной задачей настоящего исследования мы видим изучение особенностей существования идеологемы от момента распада Организации Варшавского договора (февраль 1991 г.) по настоящее время.

В период после окончания Второй мировой войны сочетание «Soviet threat» неизменно фигурировало в контексте жесткого военного противостояния СССР и стран НАТО. Ведущим семантическим компонентом идеологемы было значение «военное нападение со стороны СССР; активные боевые действия со стороны СССР». Однако с началом в СССР в середине 1980-х гг. радикальных социально-политических преобразований стал происходить глобальный процесс трансформации устоявшихся идеологических систем.

Период с 1991 по 2001 г. в российско-американских отношениях стал десятилетием «разоружения» в том смысле, что развал политической и экономической систем СССР привел к заметному ослаблению роли России на мировой арене. Первое десятилетие после развала СССР характеризовалось повышенной обеспо-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Степанова М. А., 2011

коенностью натовских политиков судьбой бывшего советского военно-промышленного комплекса и накопленных СССР военных арсеналов. В этот период наибольшие опасения у союзников по НАТО вызывают уже не возможные ядерные удары со стороны России, а лишь вероятные случаи нелегального распространения радиоактивных материалов с территории бывшего СССР.

Весьма показательными в этом плане являются документы, ставшие в последние годы достоянием общественности (в том числе благодаря скандально известной утечке информации государственной важности через портал Wikileaks). Так, Дэвид Хоффман (David E. Hoffman), один из наиболее авторитетных сегодня в США журналистов, пишущих о мировой политике, опубликовал целый ряд статей, в которых затронуты проблемы утилизации компонентов ядерного оружия на постсоветском пространстве. Заметим, что с 1995 по 2001 г. Д. Хоффман работал в России, возглавляя Московское бюро одной из наиболее влиятельных американских газет, «Вашингтон пост», и стал свидетелем исторического перелома в российской общественной жизни, политике и экономике.

В статье «The loose nukes cable that shook Washington» (Ядерное оружие: телеграмма, которая потрясла Вашингтон) от 14.06.2011 г. журналист приводит выдержки из некоторых документов, направленных в администрацию президента США в период с 1991 по 1994 гг. (в том числе из агентурных материалов), в которых настоятельно рекомендуется выделить финансовые средства для поддержания системы ядерной безопасности в границах бывшего СССР. Например, в конце 1991 г. сенатор Сэм Нанн открыто заявил, что США, потратив триллионы на холодную войну, должны профинансировать и программу по обеспечению **безопасности** оставшихся советских боевых единиц: *In late 1991, Senator Sam Nunn (D-Ga.), chairman of the Senate Armed Services Committee, gave a speech saying that after spending trillions of dollars on the Cold War, the United States should spend a little more to help make Soviet weapons and materials **secure*** (выделено нами — М. С.) [Hoffman 2010].

С распадом Советского Союза и появлением суверенной России, правопреемницы СССР, происходит естественный процесс замены в политических номинациях компонента «Soviet / советский» на «Russian». Заметим, что специалисты по переводу всегда подчеркивают: задача английского «Russian» на русский язык определяется контекстуально — *русский* (национальная идентификация) либо *российский* (принадлежность к государственным институтам). В связи с этим исследователи политического дискурса отмечают дезориентацию западного читателя (реципиента) при использовании терминов «Soviet» и «Russian» в политической лексике в период перестройки, поскольку

ку эти термины, «традиционно воспринимаемые на Западе как синонимы, уже не являлись взаимозаменяемыми и нередко употреблялись в СССР для выражения антитезы между приверженцами советского режима и сторонниками демократических перспектив развития страны» [Будаев, Чудинов 2009: 372] (выделено нами — М. С.).

Таким образом, на смену мощной идеологии «советская угроза / Soviet threat» постепенно приходит новая идеологема «русская угроза / Russian threat», несколько менее политизированная, не актуализирующая ведущий смысловой компонент прежней идеологемы — «нападение, активные боевые действия».

Новая идеологема, безусловно, сохранила основную, милитарную семантику предыдущей единицы, но стала включать дополнительные семантические компоненты, которые отсутствовали прежде: угроза со стороны организованной преступности и коррумпированных чиновников. Приведем выдержку из аналитической работы одного из слушателей Колледжа канадских вооруженных сил (the Canadian Forces College): *Westerners underestimate the extent to which **organized crime and corruption** have hampered Russian political and economic reforms — 'Люди на Западе недооценивают то, насколько **организованная преступность и коррупция** препятствуют политическим и экономическим реформам в России'* [Cook 1998] (выделено нами — М. С.).

К официальным документам относится подготовленный в июне 2001 г. американским департаментом юстиции (U. S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Washington, DC) многостраничный доклад под заглавием «The Threat of Russian Organized Crime» (Угроза российской организованной преступности) [<https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/187085.pdf>]. Введение к докладу начинается словами: *In the decade since the collapse of the Soviet Union, the world has become the target of a new global crime threat from criminal organizations and criminal activities that have poured forth over the borders of Russia and other former Soviet republics such as Ukraine — 'За те десять лет, что прошли с момента распада Советского Союза, мир стал мишенью для новой глобальной угрозы со стороны криминальных организаций и криминальной деятельности, льющейся потоком с территории России и других бывших советских республик, таких как, например, Украина'*.

Следует уточнить, что начало трансформации идеологемы и привнесение новых смыслов хронологически не совпадает с моментом распада СССР (конец 1991 г.), этот процесс начался несколько раньше. В качестве примера можно привести реализацию новых смыслов рассматриваемой идеологемы в некогда шумевшем фильме «Красная жара» (Red Heat, 1988 г.), в котором бравый офицер *советской милиции* (А. Шварцнеггер) отправляется в США

с целью препроводить на родину сбежавшего *грузинского наркоторговца*.

Новые смыслы трансформированной идеологии достаточно продуктивно эксплуатируются сценаристами при создании разного рода художественных фильмов, в особенности фильмов, снятых в жанре экшен. Как известно, такие фильмы, рассчитанные на массового зрителя, выстраиваются не на исторически точных и достоверных данных, но на неких приближенных к массовому сознанию фактах. Так, например, до сих пор для простого западного обывателя нет особой разницы между постсоветскими Россией, Украиной, Казахстаном.

В первое послеперестроечное десятилетие в массовом сознании все еще прочно сохранялось некогда существовавшее жесткое разделение на «своих» и «чужих» в виде стран блока НАТО и Варшавского договора. К примеру, культовый американский боевик «Три икса» (англ. «Xx»), снятый в 2002 г., сюжетно выстроен на неких событиях, происходящих на территории Чехии: секретный агент, выполняя задание, погибает, успев передать *Агентству национальной безопасности* один из фрагментов сложной молекулы *сербского* вируса, и теперь уже другой агент должен просочиться в криминальные круги, находящиеся в *Праге*, но в действие вступает таинственная девушка *Елена*... [<http://en.wikipedia.org/wiki/XXx>]. Как видно из самого поверхностного перечисления сценарных ходов, антигерои — это выходцы из стран бывшего соцблока.

Таким образом, достаточно продолжительное время после распада СССР и ухода советской политической системы существовал некий бленд, совмещение идеологием «Soviet threat» и «Russian threat», поскольку понятие «советский» ушло с крахом Советского Союза, но суверенная Россия не была явно дистанцирована от бывших союзных республик и социалистических стран.

По всей видимости, должно пройти еще несколько десятков лет, чтобы в массовом сознании укрепилось разграничение собственно России и того, что когда-то называлось СССР. Так, вплоть до настоящего момента даже граждане России, имея тесные семейные, родственные, дружеские связи в бывших республиках СССР, часто не воспринимают ставшие независимыми государства как нечто другое, чужое, отделившееся.

Автор этих строк была свидетелем того, как аудитория кинозала смеялась, увидев надпись «*Чернобыль*». Казалось бы, контекст фильма достаточно четко определяет, что место действия — Украина, и вполне понятно, что надпись сделана на украинском языке, но секундный кадр показывает, насколько глубокий импринтинг имеет привычная для россиян внешняя форма этого событийного имени — *Чернобыль*. Расширим ситуативный контекст и поясним, что аудитория именно так — смехом — отреагиро-

вала на указанную надпись еще и потому, что возникло ощущение: съёмочная группа высокобюджетного, технически самого современного фильма — «*Transformers: Dark of the Moon*» (2011) — в очередной раз не смогла найти квалифицированного специалиста, чтобы написать или сказать что-то на хорошем русском языке, без ошибок или сильного акцента.

В подтверждение нашего предположения приведем выдержки из заметок блогеров (орфография и пунктуация оригинала сохранены) [<http://www.kinomania.ru/news/15958>]:

>> (*Diesel-UA*) *В Голливуде ведь миллион миллионов специалистов по всему на свете, а на человеке, который мог бы им грамотно на русском три слова написать, до сих пор экономят. Очень нравится еще как их „русские“ по русски разговаривают. Особенно радует фраза „наздравие!“, которая произносится „русскими“ в моменты водкипоглощения.*

>> (*Тог*) *В Трансформерах Чернобыль с ошибками тоже написан.*

>> (*YOJICK*) *То, что было написано в TF3 „ЧОРНОБИЛЬ“ это, господа, по-украински. А если Вы заметили, то позже на дверях при входе в здание было написано „чернобыльская...“. Так, что там все нормально. За исключением того, что украинских космонавтов на зло называли русскими... :)*

По всей вероятности, истинная причина неадекватного восприятия правильно написанного текста кроется именно в том, что российская аудитория воспринимает Чернобыль не территориально, а событийно: не как часть независимой Украины, но как элемент исторической эпохи, в которой и жители современной России, и жители суверенной Украины были единой нацией, имели единый государственный язык.

Нельзя не отметить, что с момента трагических событий в Чернобыле прошло уже 25 лет, и ключевые образы «ядерная катастрофа в России», «смертельная опасность», «паника», «ужас» постепенно начали уходить из массового сознания жителей западных стран.

01.03.2011г. на одном из интернет-сайтов, посвященных Чернобыльской катастрофе (<http://voicesfromchornobyl.wordpress.com>), был размещен анонс фильма «What do you know about Chernobyl?» (Что вы знаете о Чернобыле?). Анонс фильма представляет собой несколько мини-интервью (на английском языке) с обычными людьми на улицах Лос-Анджелеса (Калифорния, США), взятых в январе 2011г. Половина опрошенных — люди в возрасте 20-30 лет — просто не знают, о чем идет речь:

1. Журналист: *We are just asking if anybody knows about it.* <Мы просто интересуемся, знает ли кто-нибудь об этом.> — Ответ: *I don't. I don't know absolutely anything.* <Я — нет, не знаю об этом совершенно ничего.>

2. Журналист: *What comes to mind when she says the word Chernobyl?* <Что приходит на ум, когда она (журналист) произносит слово Черно-

быль?> — Ответ: *Chernobyl?* (*явное недоумение*) — Журналист: *Chernobyl*.

3. Журналист спрашивает о Чернобыле. В ответ собеседник недоуменно переспрашивает: *About... <О...>* Журналист: *Chernobyl*. *<Чернобыле.>* — Ответ: *I never heard that. <Никогда не слышала об этом.>* — Надпись-комментарий в кадре: *She's studying a World History textbook. <Она читает учебник по всемирной истории.>*

4. Журналист: *Do any words or phrases come to mind? Thoughts?* *<Какие-нибудь слова, фразы всплывают в голове? Какие-то мысли?>* — В ответ девушка отрицательно качает головой.

5. Ответ: *he only thing about Chernobyl is that it's dangerous... I'm thinking Russia.* *<единственное, что знаю, там опасно... Думаю, это в России.>*

Этот небольшой опрос показал, что поколение американцев, выросшее в период перестройки и распада Советского Союза, уже не имеет ярко выраженных ассоциаций «Россия — ядерная страна — опасность». Однако по совпадению фильм, о котором шла речь выше, был снят за несколько месяцев до катастрофы на АЭС в провинции Фукусима (Япония) в марте 2011 г. Эта катастрофа породила волну новых страхов, и главным лейтмотивом последовавших за трагедией многочисленных публикаций и выступлений экспертов стало сравнение двух аварий. Приведем лишь несколько примеров.

1. Заголовок публикации на новостном портале CNN 12.04.11: *Q&A: Is Fukushima as bad as Chernobyl?* (Фукусима так же страшна, как Чернобыль?).

2. Заголовок публикации в «The Guardian», 12.04.11: *Nuclear crises: How do Fukushima and Chernobyl compare?* (Ядерный кризис: в чем схожи Фукусима и Чернобыль?).

3. Заголовок публикации на новостном портале BBC, 12.04.11: *How does Fukushima differ from Chernobyl?* (Чем Фукусима отличается от Чернобыля?).

4. Заголовок публикации в «The Telegraph», 16.03.11: *Japan nuclear plant: Just 48 hours to avoid 'another Chernobyl'.* (Японская атомная станция: всего 48 часов, чтобы предотвратить 'новый Чернобыль'.)

Нельзя не согласиться с тем, что «комплексность реализации идеологием <...> задается фактором событийности», который «является объективным» [Купина 2009: 208]. Актуализация смыслов «Россия — ядерная катастрофа — опасность — смертельная угроза» в связи с трагедией в Фукусиме заставляет по-другому оценивать чернобыльский эпизод вышеупомянутого американского блокбастера «Transformers: Dark of the Moon» (премьера, напомним, состоялась в июне 2011 г.). Экспозиция фильма, где показан «Чернобыль», задается таким образом, что зритель невольно ассоциирует США с положительными героями фильма, а Россию — с отрицательными. Несомненно, фильм, рассчитанный на молодую аудиторию, в совокупности с информационным потоком

о событиях в Фукусиме что-то привнесет в актуализацию идеологического смысла «Россия = смертельная опасность» у людей этой возрастной категории.

В интересном социолого-психологическом исследовании, результатом которого стала публикация в 1999 г. монографии «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века», высказывается мысль о том, что в обществе всегда существует некий общий подсознательный экзистенциальный страх, однако большая часть массовых страхов имеет специфический характер [Шляпентох, Шубкин, Ядов 1999: 5]. К подобным страхам в современном мире авторы относят, в частности, технологические катастрофы, крупномасштабные теракты, ядерную войну, тотальную войну или вторжение соседей. Предметом своего исследования авторы видят «страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа» [Там же].

Авторы исследования, основанного на эмпирических данных, полученных главным образом в России, видят свою задачу в доказательстве существования и необходимости изучения особого типа мышления — *катастрофического*, который может возникать в обществе и в определенных условиях распространяться в широких масштабах [Там же: 6].

Интересно провести параллель с другими исследованиями, результаты которых представлены в коллективной монографии «Entertaining fear: rhetoric and the political economy of social control» («Лелея страх: риторика и политическая экономика социального контроля» — перевод заглавия взят из обзора Е. В. Шустровой [Шустрова 2011: 76], в котором приводится достаточно детальное описание содержания основных разделов монографии) [Chaput, Braun, Brown 2010]. Авторы монографии полагают, что события 11 сентября 2001 г. (серия терактов, крушение Всемирного торгового центра) стали толчком к возникновению нового социального напряжения внутри американского общества, послужили отправным моментом развития «дискурса страха» (*fear discourse / discourse of fear*) — именно так авторами характеризуется состояние нынешнего риторического дискурса (*rhetorical discourse*) в Соединенных Штатах Америки.

В предисловии к работе авторы указывают, что риторика, базирующаяся на страхе крушения империи (первая глава монографии так и называется — «Electing Empire: Systemic Chaos and the Fear of Falling»), проникла во все сферы существования современного американского общества: ... *the complex rhetorical aspects of fear be understood as working in and through multiple sites rather than as isolated and distinct* [Chaput, Braun, Brown 2010: VIII].

Здесь же авторы приводят важный, как нам кажется, тезис о взаимовлиянии, о причинно-

следственных отношениях между «риторической ситуацией» («rhetoric situation») и реальными историческими событиями (history). Напомним, что риторическая ситуация есть система взаимосвязанных факторов, а именно: «1) отношений между участниками речевой ситуации; 2) целей участников (их речевых намерений, т. е. того, что они хотят получить в результате речевого события); 3) предмета речи и отношений участников к нему» [Михальская 1996: 56].

Как показывают авторы, в современной американской риторике существует два противоположных подхода к пониманию того, что является первичным: 1) некое референтное событие (т. е. событие объективной реальности, см. работы В. З. Демьянкова), создающее почву для появления риторической ситуации; 2) риторическая ситуация, некий риторический дискурс (rhetoric discourse), результатом которого могут стать определенные события.

Представляет, что в приложении к исследуемому нами предмету оба мнения о приоритетности риторики или событийного ряда вполне справедливы. В первом случае, когда риторика определяется текущим событийным фоном, идеологема «Soviet / Russian threat» может рассматриваться с точки зрения ее существования и функционирования в качестве отражения реальных исторических событий. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что развернувшаяся в годы холодной войны гонка вооружений была вполне реальной угрозой существующему миру. Нарацивание СССР военного потенциала не могло не подпитывать идеологию, базирующуюся на навязывании населению стран НАТО образа СССР как врага № 1.

Примером актуализации идеологемы в связи с определенными историческими событиями может служить пропагандистская листовка «If you think the Soviet threat is a myth, just ask a Pole» (Если ты думаешь, что советская угроза — миф, просто спроси поляка), создание которой относится к периоду напряженности в отношениях между СССР и Польской Народной Республикой в начале 1980-х гг.

Еще одним примером того, как риторическая ситуация организуется конкретными событиями, является всплеск антироссийских настроений и резкая актуализация идеологемы «Russian threat» в англоязычном политическом дискурсе в 2006—2008 гг.

После событий 11 сентября 2001 г. идеологема «Russian threat» на некоторое время ушла из политического лексикона: произошло смещение идеологического ракурса, основной внешней угрозой был объявлен терроризм со стороны радикальных исламистов. Новая активизация идеологемы связана с целым рядом факторов. Общим между ними стало недовольство союзников по НАТО отношениями России с некоторыми бывшими республиками СССР, которые на тот момент стали входить в сферу интересов НАТО:

1) газовый конфликт между Россией и Украиной (начало конфликта — март 2005 г.);

2) экономические санкции России в отношении Грузии (начало конфликта — октябрь 2006 г.);

3) кибератака, организованная с территории России в отношении Эстонии (апрель 2007 г.);

4) конфликт между центральной частью Грузии и Южной Осетией, во время которого Россия оказала военную поддержку Южной Осетии (август 2008 г.).

Все перечисленные выше события спровоцировали волну публикаций в западных СМИ, основной задачей которых стало аргументированное доказательство появления «**new Russian threat** / **новой угрозы** со стороны России». Приведем лишь несколько примеров.

В ведущем британском издании «The Telegraph» 19.08.2007 г. опубликована статья под заголовком «Prepare to face the Russian threat» (Приготовьтесь встретиться с русской угрозой). В этой статье автор уверенно заявляет, что, возможно, Россия и находится на грани демографической катастрофы, но у нее все еще колоссальные запасы ядерного оружия, и часть его направлена на Великобританию. То, как Россия обходится с республиками, получившими независимость после крушения СССР, очевидно свидетельствует, каким образом эта страна готова угрожать своим менее сильным соседям. Далее автор приводит в качестве примера прекращение Россией поставок газа в Украину:

Russia may be a country on the brink of demographic collapse, with a diminishing life expectancy and a falling birthrate — but it still possesses a colossal nuclear arsenal, some of which is no doubt aimed at Britain. The way that Russia has treated the republics that gained independence after the fall of the Soviet Union provides ample evidence of the way the country is prepared to bully less powerful neighbours. Russia has, for instance, simply cut off gas supplies to Ukraine when it wanted the country to pay a higher price.

В этой же статье автор в довольно осторожной форме говорит о том, что нынешний глава РФ (В. Путин), **кажется, хочет возврата к чему-то похожему на холодную войну** (*The present ruler of Russia appears to want to return to something approximating to the Cold War*) (выделено нами — М. С.).

В публикации «New Russia, new threat» (Новая Россия, новая угроза) (Los Angeles Times. 02.09.2007) профессор политологии Стэнфордского университета Майкл Макфол (Michael McFaul), обсуждая взаимоотношения России и США, говорит, что Россия поддержала США после событий 11 сентября и твердо встала на сторону борьбы с международным терроризмом. Однако в текущей внешней политике Кремля произошел явный сдвиг, представляющий новую потенциальную опасность для США и их союзников (в числе которых названа Грузия). По мнению автора, открытый военный

конфликт между США и Россией маловероятен, но намечающаяся автократия и отношения России с соседями (Украина, Грузия, Эстония) создают серьезную опасность для США и их союзников:

...after 9/11, <...> Putin placed Russia firmly on the side of the West in the global war on terrorism. <...> But today, integration with the West is no longer a goal of Russian foreign policy. <...> reflect the fundamental shift in Kremlin thinking about global politics and constitute new potential threats to U. S. influence. <...> The probability of direct military conflict between Russia and the U. S. is very low. At the same time, an autocratic, anti-Western Russia poses serious trouble for America and its allies. Putin's Russia <...> has cut off gas to Ukraine, imposed economic sanctions on Georgia and launched a cyber war against a NATO ally, Estonia. A Russia <...> might be tempted to pursue even more provocative policies, such as deploying military power to secure independence for the territory of Abkhazia inside Georgia.

Таким образом, новыми смысловыми компонентами идеологемы «Russian threat» становятся:

- 1) угроза энергетической зависимости стран-соседей от России;
- 2) киберугроза;
- 3) наметившаяся автократия.

Все эти новые семантические компоненты позволяют понять возрастание тревоги партнеров по НАТО в отношении России: страна, катившаяся в 1990-х гг. в бездну хаоса, теперь явно укрепила свое экономическое и политическое влияние на мировой арене. Впрочем, эти смыслы отнюдь не имплицитны, в той же статье «New Russia, new threat» профессор-политолог совершенно открыто заявляет их:

When the U. S. emerged as the world's undisputed superpower in the 1990s, Russia looked weak in the aftermath of the collapse of the Soviet Union and subsequent economic depression. Today, according to the Kremlin, fortunes have turned. The U. S. is bogged down in unwinnable wars in Afghanistan and Iraq, and morally discredited in the eyes of the international community as a unilateral, interventionist power and violator of human rights. By comparison, Russia sees itself as stronger and more respectable. <В то время, когда США в 1990-х гг. стали безоговорочной сверхдержавой, Россия, казалось, растеряла силы в результате распада СССР и последовавшего экономического упадка. Сегодня, как заявляет Кремль, ситуация изменилась к лучшему. США увязли в бесконечных войнах с Афганистаном и Ираком и морально дискредитированы в глазах мировой общественности как страна, причастная к интервенции и нарушению прав человека. В сравнении с этим Россия оценивает себя как страну более сильную и уважаемую.>

Ряд конкретных событий, перечисленных выше, несомненно, определил смену в западной политической риторике относительно Рос-

сии. Сегодня актуализация идеологемы «Russian threat» в связи с событиями 2006—2008 гг. привела, по нашему мнению, к обратному эффекту: риторика начинает влиять на принятие конкретных политических решений.

Осознание западными политиками социально-политического и экономического укрепления России, анализ нынешней роли России на политической арене способствует тиражированному использованию образа России как источника опасности, угрозы. Нескончаемый поток реплик, замечаний, заявлений со стороны известных и влиятельных деятелей на Западе, в которых напрямую говорится о «русской угрозе», способствует дальнейшему нарастанию напряженности в отношениях между Россией и странами НАТО.

С 2007 г. в мировых СМИ активно обсуждается вопрос о создании по инициативе США противоракетной системы на территории Чехии и Польши, в непосредственной близости к границам России. Ответная реакция России в виде заявлений официальных лиц (в том числе президента Д. А. Медведева и премьер-министра В. В. Путина) о недопустимости таких действий и возможном противодействии со стороны России расценивается западными СМИ как «агрессивная». В статье, опубликованной 01.12.2010 г. в издании «Гардиан» под заголовком «Russia threatens arms race and new nuclear warheads on Europe's borders» (Россия грозит новой гонкой вооружения и новым ядерным оружием у границ Европы), читаем: *In typically aggressive language in an interview with CNN, Vladimir Putin, the Russian prime minister, said the Kremlin would have no option but to respond with a new generation of nuclear weapons if its proposals on a joint missile shield "are met only with negative answers" (В типично агрессивной манере в интервью CNN Владимир Путин, российский премьер-министр, заявил, что Кремлю не останется ничего другого, как ответить новым поколением ядерного оружия, если его предложения по построению совместной противоракетной системы „будут встречены отказом“)* (выделено нами — М. С.).

В том же интервью В. В. Путина телекорпорации CNN от 2 декабря 2010 г. известный американский телеведущий Ларри Кинг, услышав ответ российского премьер-министра: *это не наш выбор, мы этого не хотим. И это никакая не угроза, мы просто говорим о том, что нас всех ожидает, если мы не сможем договориться о совместной работе. Вот и все. Повторяю, нам бы этого очень не хотелось, — провоцирует российского премьер-министра вопросом: Вы говорите, что это не угроза. Но звучит это, как будто бы угроза. „Wall Street Journal“ полагает, что вы выдвигаете тактические боеголовки к территории союзников НАТО, как недавно весной. Это правда?*

В качестве резюме скажем: на момент написания этой статьи (июль 2011 г.) Россия все

еще не имеет письменных заверений со стороны НАТО о неиспользовании новой противоракетной системы в отношении России: „Совет „Россия — НАТО“ в части договоренностей по ПРО не продвинул стороны ни на миллиметр“, — оценил встречу в Сочи [04.07.2011 г.] заведующий информационно-политическим отделом Института политического и военного анализа Александр Храмчихин, добавивший, что стороны продолжают придерживаться своих взаимоисключающих позиций и никто не готов на уступки. Впрочем, по мнению эксперта, „переговоры зашли в тупик не вчера, поэтому в Сочи ничего страшного не произошло, стороны лишь очередной раз собрались, чтобы понять, что договориться не удастся“. Но в Кремле РБК daily заверили: „Переговоры продолжаются“ [РБК daily. 05.07.2011].

Таким образом, наращивание смысловых компонентов идеологемы «Russian threat», эскалация использования данной идеологической единицы в англоязычном политическом и медийном дискурсе и падение уровня политического доверия между Россией и странами НАТО, на наш взгляд, взаимообусловлены.

Вместе с тем в современном англоязычном политическом дискурсе существует и другое мнение относительно реальности «русской угрозы». Некоторые политики считают, что Россия все еще страна, не оправившаяся от экономического кризиса и не имеющая достойного потенциала, чтобы представлять собой какую-либо угрозу для стран НАТО. Определенной антитезой идеологеме «русская угроза» является утверждение о том, что «Russian threat is a myth / русская угроза — это миф» (см., например, публикацию «“Russian threat” myth revived» («„Русская угроза“: новый миф») [<http://dlib.eastview.com/browse/doc/22430479>].

В статье «BERMAN: Russia's real threat? Failure» (Берман: Россия — это реальная угроза? Вовсе нет), опубликованной в «Вашингтон таймс» 31.01.2010 г., автор пишет о российских демографических проблемах и бесперспективности развития России как государства: «...> further into the future, the strategic challenge posed by Russia might not stem from its strength, but from its weakness. (<...> в будущем попытки России укрепить свои стратегические позиции будут идти не от ее силы, а от ее слабости.)

О «русском медведе» (извечном символе России) некоторые авторы говорят как о «бумажном медведе» — «Russia: Big Threat or Paper Bear?» (Россия: большая угроза или бумажный медведь) [<http://www.lewrockwell.com/margolis/margolis142.html>].

Тем не менее подобное представление о России не подразумевает полного отказа от использования образа «Russian threat». Приводя аргументы в пользу мнения о неспособности России быть явным врагом НАТО, авторы таких публикаций предостерегают от полного доверия российским политикам.

Подводя итог нашему исследованию, сделаем некоторые выводы.

1. С распадом СССР и появлением суверенной России идеологема «Soviet threat» не уходит из политического лексикона, но происходит естественная смена номинаций «Soviet → Russian».

2. Процесс замены номинаций не совпадает с датой распада СССР: продолжительное время после развала советской политической системы существовал некий бленд, совмещение идеологем «Soviet threat» и «Russian threat», поскольку понятие «советский» ушло с крахом Советского Союза, но суверенная Россия не была явно дистанцирована от бывших союзных республик и стран соцблока.

3. Трансформированная идеологема сохраняет основной семантический компонент идеологемы-предшественницы: угроза использования военной силы.

4. С конца 1980-х гг. начинается приращение новых смыслов идеологемы, основными из которых являются: угроза со стороны организованной преступности, коррумпированных чиновников, угроза энергетической зависимости, киберугроза, угроза проявления автократии.

5. Антитезой идеологемы «Russian threat» является идеологизированное сочетание «Russian threat is a myth» (русская угроза — это миф) и семантически сходные комбинации.

6. Активизация идеологемы является событийно обусловленной.

7. Развитие риторического дискурса, насыщенного определенной идеологемой, и принятие конкретных политических решений являются взаимообусловленными.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // — Советское прошлое и культура настоящего : моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова ; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 349—378.

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320—329.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. — М.: Моск. общ. науч. фонд ; Ин-т социологии РАН; Универ-т штата Мичиган, 1999.

Купина Н. А. Советские идеологические традиции сегодня // Советское прошлое и культура настоящего : моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова ; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 186—208.

Купина Н. А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Речевое общение : вестник Рос. ритор. асс. / под ред. А. П. Сквородникова ; Красноярск. ун-т. — Красноярск, 2006. Вып. 8—9 (16—17). С. 81—89.

Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.

Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996.

Новейший философский словарь. — Минск: Книжный дом, 2003.

Шустрова Е. В. Исследование политической коммуникации в США: новые перспективы (2009—2011) // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С. 74—86.

Chaput C., Braun M., Brown D. Entertaining fear: rhetoric and the political economy of social control. — N. Y.: Peter Lang, 2010.

ИСТОЧНИКИ

Интервью Владимира Путина Ларри Кингу. URL: <http://ria.ru/interview/20101202/303390492.html>.

ПРОвалились: переговоры Россия — НАТО по ПРО на высшем уровне зашли в тупик. URL: http://pda.rbcdaily.ru/2011/07/05/focus/562949980577358_news.shtml.

BERMAN: Russia's real threat? Failure. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2010/jan/31/rusias-real-threat-failure/>.

Cook D. G. The Empire Strikes Back: Russia's Strategy is Still a Threat to Canada's Security. URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/0027.htm>.

Hoffman D. E. The loose nukes cable that shook Washington. URL: http://hoffman.foreignpolicy.com/posts/2011/06/14/the_loose_nukes_cable_that_shook_washington.

How does Fukushima differ from Chernobyl? URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-13050228>.

Nuclear crises: How do Fukushima and Chernobyl compare? URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/apr/12/japan-fukushima-chernobyl-crisis-comparison>.

Prepare to face the Russian threat. URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/telegraph-view/3642059/Prepare-to-face-the-Russian-threat.html>.

Russia threatens arms race and new nuclear warheads on Europe's borders. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/dec/01/russia-putin-missile-defence-threat>].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.51

Kod BAK 10.02.19

Н. В. Вагенляйтнер

Омск, Россия

N. V. Vagenlyaytner

Omsk, Russia

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В АСПЕКТЕ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ВНЕШНОСТИ (на материале печатных СМИ)

LANGUAGE IMAGE OF THE WOMAN-POLITICIAN IN ASPECT OF THE DESCRIPTION OF APPEARANCE (according to printing mass-media)

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-семантическому анализу языкового образа политического деятеля, в частности внешнего облика женщины-политика, репрезентированного в газетных текстах. Рассмотрены средства и способы характеристики внешности в печатных СМИ.

Abstract. The article is devoted to the cognitive semantic analysis of a language image of the politician, in particular the external shape of the woman-politician described in newspaper texts. Means and ways of the characteristic of appearance in printing mass-media are considered.

Ключевые слова: внешний человек; имидж; языковой образ; семантическое макрополе; лексико-семантические группы; атрибуты внешности; оценка; стереотип.

Key words: the external person; image; language image; semantic macrofield; lexico-semantic groups; attributes of appearance; an estimation; a stereotype.

Сведения об авторе: Вагенляйтнер Наталья Викторовна, аспирант кафедры русского языка, старший преподаватель кафедры массовой информации и коммуникации.

About the author: Vagenlyaytner Natalia Viktorovna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language, Senior Lecturer of the Chair of the Mass Information and Communication.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

Place of employment: the Omsk State Pedagogical University.

Контактная информация: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14.
e-mail: natalia_wg@mail.ru.

Одной из активно разрабатываемых современной отечественной лингвоантропологией проблем является моделирование образа человека по данным русского языка. Определяя образ человека в языковой картине мира как «концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [Одинцова 2000: 8] и признавая многоаспектность образа человека как объекта языковой концептуализации, исследователи обращаются к особенностям отображения в языке разных сторон, проявлений, ипостасей, характеристик человека (примером могут служить работы омских лингвоантропологов М. П. Одинцовой, В. П. Завальникова, О. В. Коротун, Е. В. Коськиной, Ю. Ю. Литвиненко, Л. Б. Никитиной, Н. В. Орловой, Н. А. Седовой, Н. Д. Федяевой и др., посвященные языковым репрезентациям целостного и частичного человека, человека в его внешних и внутренних проявлениях). Актуальность нашего исследования — семантической реконструкции образа политического деятеля как фрагмента русской языковой картины мира — вызвана, во-первых, необходимостью системного описания языкового образа челове-

ка в целом, во-вторых, отсутствием в современной отечественной лингвистике специальных исследований языковых репрезентаций политика с учетом широкого экстралингвистического контекста.

Данная статья обращена к гендерному аспекту языкового образа политика и содержит наблюдения над репрезентацией внешнего человека (политического деятеля) в печатных СМИ. Наше внимание сосредоточено на языковом образе женщины-политика и типичных для газетных текстов способах и средствах характеристики ее внешности.

Как известно, целостный человек — один из фундаментальных образов-концептов языковой картины мира — многократно расчленен и параметризован языковым сознанием, и двумя составляющими его базовыми сущностными характеристиками являются внутренний человек и внешний человек. Названные языковые ипостаси человека тесно взаимосвязаны и соотносятся друг с другом.

В понимании атрибутов, составляющих внешнего человека, мы придерживаемся точки зрения составителя «Идеографического словаря» О. С. Баранова, включающего в это понятие широкий спектр признаков: анатомические;

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Вагенляйтнер Н. В., 2011

функциональные; голос, физическое состояние, походку, манеры, элементы гардероба, поведение и социальный статус [Баранов 1995].

Добавим, что внешность предстает объектом оценивания и субъектом информации, характеризующимся экспрессивностью и способностью воздействия на окружающих [Коротун 2002: 72]. Безусловно справедливым является это утверждение и применительно к внешности политических деятелей.

Как известно, в мире политики принято создавать имидж, «конструировать» внешний вид политика согласно предпочтениям, ценностным установкам, эстетическим и этическим стереотипам населения страны. То, что внешность политиков имеет определенное значение в политической борьбе, осознается как самими политиками, так и избирателями, понимающими, что перед ними картинка, экранный образ, а на самом деле политик может оказаться совершенно иным человеком. Вслед за К. В. Киуру мы считаем, что имидж является внешним замещением, представлением чего-то другого: «...внешность представляет содержание предмета, „копия“ — предмет в целом, а имидж является упрощенным представлением, заменой полнокровного образа» [Киуру 2007: 51]. Образ же, «будучи ориентированным на предметный мир, воспроизводит объект в его целостности» [Арутюнова 1999: 315]. Наше исследование ориентировано на образ внешнего человека — политика, т. е. отображение в языке знаний и представлений его носителей о внешних атрибутах политического деятеля.

В центре внимания субъекта, описывающего внешность человека, находятся те ее составляющие, которые представляют наибольшую эстетическую, экспрессивную, прагматическую и информативную значимость в данной культуре. Семантическое макрополе «внешний человек» в русской языковой картине мира включает следующие лексико-семантические группы: «Целостный внешний вид», «Тело и его части», «Функциональные признаки внешности», «Экспрессия внешности» [Коротун 2002]. В то же время в разных дискурсах, текстах, ситуациях общения элементы этого поля «задействованы» с разной степенью частотности.

Анализ газетных текстов показал, что при описании внешности женщины-политика частотно употребление слов и словосочетаний, характеризующих: а) **внешний вид в целом**: **За внешностью дивчины-красавицы скрывается холодный, расчетливый, жесткий и жестокий политик** (о Ю. Тимошенко) [Комсомольская правда. 2007]; **Она тщательно следит за своей внешностью, ухожена** (о Скрынник) [Комсомольская правда 2009]; **В Минздраве так и говорят: у нашей Шараповой — модельная внешность** [Комсомольская правда 2007]; б) **анатомические особенности наружного строения тела и его частей**: **Ее макияж, рассыпанные по плечам белоку-**

рые локоны, модные костюмы и сумки порой контрастируют с ее жестко поджатыми губами и напряженным взглядом... (о Т. Голиковой) [Комсомольская правда 2009]; **30-летняя Наталья Аристархова (рост около 180 сантиметров) получила должность статс-секретаря — замминистра в феврале** [Комсомольская правда 2007]; **Красивая барышня с заплетенной косой, с горящими страстью глазами и пламенными речами** (о Ю. Тимошенко) [prk.ru/news. 2004]; в) **функциональные признаки внешности**: **Только невысокая симпатичная девочка в очках сидела в одном из кабинетов за огромным столом, заваленным кипами бумаг. Я не сразу поняла, что это и есть та самая Эльвира Набиуллина** [Политический журнал. 2007]; **Не повышает голоса** (о Э. Набиуллиной) [Комсомольская правда. 2009]; **У нее манеры гейши** (о Ю. Тимошенко) [Комсомольская правда. 2008]; г) **выразительность внешности**: **Ирина Хакамада использует обаяние, привлекательность, кокетство, умение одеваться. В ней есть чисто женская харизма** [Комсомольская правда. 2007]; **Актриса и депутат Госдумы умудряется сочетать в себе два великих таланта — вечно прекрасной женщины и мудрого политика** [Комсомольская правда. 2007]; **И Голикова, и Набиуллина были первыми помощниками министров... Которые немало сделали, чтобы очаровательные леди стали „железными“ профессионалами** [Московский комсомолец. 2008]; д) **возраст и физическое состояние** (последнее, заметим, очень редко): **В Минналогов и сборов аж две красивые женщины-замминистра, одна другой моложе. 30-летняя Наталья Аристархова (рост около 180 см) получила должность статс-секретаря-замминистра в феврале. А в ноябре к ней присоединилась 31-летняя Ольга Сердюк** [Комсомольская правда. 2007]; **36-летняя Татьяна Голикова, ставшая минувшим летом первым замминистра финансов, кажется слишком молодой для столь ответственной должности. Даже несмотря на то, что в своем деле она настоящий ас, к примеру, помнит наизусть все цифры госбюджета** [Комсомольская правда. 2007]; **Отметим, что летний отпуск пошел явно на пользу депутату областной думы. Татьяна Игоревна выглядит по-свежевшей и похудевшей** [aif.ru. 2009]; е) **сопутствующие признаки внешности (одежда, обувь, косметика, аксессуары, манера одеваться)**: **В отличие от бывшего шефса-модника с его яркими галстуками одевается госпожа министр по принципу „не выделяться“.** **Ни намек на гламур. Низкий каблук, спокойных цветов костюмы, блузки под горло, минимум косметики** (об Э. Набиуллиной) [Комсомольская правда. 2009]; **Заместитель руководителя фракции „Единая Россия“ и одна из главных думских модниц Татьяна Яковлева подтвердила „НИ“, что строгий**

деловой стиль остался в далеком прошлом, а сейчас женщины-депутаты вместо брюк все чаще носят юбки, а вместо черного и серого цветов предпочитают розовый и сиреневый [Новые известия. 2008]; Министр образования Омской области Ирина Прозорова никогда не остается незамеченной. На этот раз из толпы ее выделял не только традиционный яркий макияж и „вавилонки“ на голове, но и костюм с леопардовыми принтами, которые вышли из моды еще в 2008 году [Ваш Ореол. 2010].

Заметим, что для описаний внешности женщин-политиков не актуальны характеристики отдельных частей тела и его органов, кожи, элементов лица: задача СМИ — обратить внимание на те атрибуты внешности женщины-политика, которые в наибольшей степени помогают создать портрет человека в контексте его деятельности.

К функциональным признакам внешности авторы газетных статей обращаются в тех случаях, когда они особенно ярко выражены, подчеркивают индивидуальность их обладательницы и позволяют выделить ее из числа других (по Н. А. Седовой [Седова 1999: 96] — коммуникативная ситуация описания человека с целью подчеркивания его личностной (внешней и внутренней) индивидуализации).

Наиболее частотны при описании женщин-политиков в СМИ характеристики внешности в целом с акцентом на ее выразительность, а также указание на такие «сопутствующие» атрибуты внешнего человека, как одежда и манера одеваться.

Для русского национального сознания является традиционным противопоставление и сопоставление внешнего и внутреннего в человеке. В русской культуре принято считать, что внутренние качества личности важнее привлекательной внешности: *По одежке встречают — по уму провожают*. Такого рода соотношение применимо и к сопоставлению внешнего вида политика и его профессиональных качеств (как относящихся к внутреннему человеку). Однако поскольку восприятие женщины в политике осложнено практически тотальной патриархальностью этой сферы, в число характеристик женщин-политиков в газетных текстах включаются и те качества, которые определяются половой принадлежностью: мягкость, сострадателность, чуткость и т. д. (они тоже относятся к внутреннему человеку).

Описания всех названных проявлений женщин-политиков (внешние данные, деловые качества, гендерно обусловленные качества личности) сопряжены с оценкой, которая особенно ярко проявляется в семантических конструкциях сопоставления и противопоставления.

Для сопоставления внешних данных женщины-политика и ее внутренних качеств характерна однородность оценки: *Замминистра путей сообщения Анна Белова — женщина вид-*

ная и энергичная. Весной 2001 года выступила соавтором проекта революционной реформы железнодорожной отрасли, который в мае прошлого года был одобрен правительством... [Комсомольская правда. 2007]. — Положительная оценка внешности (женщина видная) сочетается с положительной оценкой деловых качеств (соавтор проекта революционной реформы железнодорожной отрасли). Противопоставление внешних данных профессиональным проявлениям, как правило, связано с отрицательной оценкой последних: Обе (Э. Набиуллина и Т. Голикова — Н. В.) *были незамедлительно признаны дамой приятной и дамой приятной во всех отношениях... Тонкая светскость, любезность, изящество силуэтов и красота манер — все было при обеих дамах, так ожививших доселе скучные до зубовного скрежета заседания „серых пиджаков“. Увы, почти только этим они и запомнились за неполный год своего пребывания в правительстве, а до главного дела — пенсионной реформы, стимулирования реального сектора экономики, кажется, так толком и не дошли... Вероятно, дамы предполагали, что их первый срок — это только начало и у них будет возможность всерьез проявить себя уже в новом кабинете* [Большой бизнес. 2008]. Если в работе женщины нет профессиональных достижений, то ее внешние данные становятся поводом для иронии: *Телеведущую и (по совместительству) депутата Белгородской областной думы исключили из рядов ЛДПР. За прогулы. Припомнили Маше и ее откровенные фотосессии для мужских журналов. Опасно это — работать рядом с секс-бомбой. Вдруг рванет?! (о М. Малиновской)* [Ваш Ореол 2008].

При сопоставлении мужских и женских качеств, присущих женщине-политику, частотна положительная оценка деловых, интеллектуальных проявлений, характерных для политиков-мужчин, в сочетании с констатацией наличия типично женских черт внешности: *Губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, несмотря на то, что всегда выглядит женственно, в политике решительна, рассудочна, последовательна, не склонна к публичному проявлению эмоций* [Комсомольская правда. 2007]. В подобных случаях положительно оцениваются и внешность женщины, и ее профессиональные данные, при этом подчеркивается уникальность сочетания в женщине женского начала (*выглядит женственно*) и мужских качеств (*решительность, рассудочность* и т. д.).

Отрицательная оценка типична для ситуаций, когда женщина перенимает мужской тип поведения, и это отражается на ее внешности: *Посмотрите на разных женщин-политиков, госпожа Клинтон, Валентина Матвиенко, Кандализа Райс, Маргарет Тетчер ... даже Хамамада... вот я лично вижу мужскую психику*

в женском обличье и, на мой взгляд, это, хотя, наверное, и правильно в мире политики, но для меня неприглядно [Российская газета. 2004]; *Райс — типичный „мужик в юбке“, ни дать ни взять* [Комсомольская правда. 2008].

В ситуациях «сокрытия» за женской внешностью качеств, типичных для политиков-мужчин, оценка внешних данных женщины оказывается в зависимости от оценки ее «мужских» проявлений. Ср.: *Тимошенко — политик с абсолютно мужскими мозгами, для нее главное — власть и деньги. При том, что она выбрала внешне удачный образ сельской учительницы, который приближает ее к украинскому избирателю, по сути это стопроцентный прагматик-космополит, пришедший во власть из бизнеса, и как имиджмейкеры ни стараются, этот прагматик от бизнеса проявляется в ее хищном лисьем облике* [Комсомольская правда. 2008]. — Стремление политика-женщины с мужскими мозгами к власти и деньгам делает ее внешний облик неприглядным, хищным. — *Такой яркой блондинке больше подошел бы залихватский смех и кокетство. Но этого у нее и в помине нет. В ее бытность замом министра финансов она отвечала за российский бюджет, королевой которого ее называли, и, говорят, держала в уме все цифры многотомного фолианта* (о Т. Голиковой) [Комсомольская правда. 2009]. — Стереотипное представление о легкомысленности яркой блондинки «разбивается» о реальное положение дел: яркая блондинка оказывается королевой российского бюджета, т. е. проявляет себя совсем не по-женски; внешность в этом случае противопоставляется деловым качествам и получает безусловно положительную оценку.

Анализ материала показывает, что внешние данные женщины-политика играют важную роль: привлекательная внешность зачастую признается обязательным атрибутом женщины, посвятившей себя политической деятельности; женщине, в отличие от мужчины, позволительно в политических целях пользоваться своими внешними данными: *Вообще я считаю, что женщина во власти должна очень серьезно следить за собой. Она должна хорошо выглядеть. Она должна менять каждый день наряды* [Российская газета. 2004]; *Политик Ирина Хакамада. Для достижения целей включает женские чары. То есть использует обаяние, привлекательность, кокетство, умение одеваться* [Комсомольская правда. 2007]; *Вот у меня, например, в разное время бывали турецкий премьер-министр*

Тансу Чиллер и лидер Пакистана Беназир Бхутто. Когда я с ними встречался, признаться, я млел. Конечно, я не сдавал под влиянием их красоты свои позиции, просто они мне нравились как очаровательные женщины (из интервью с Е. Примаковым // Московские новости. 2007). Добавим, что типичные женские проявления часто противопоставляются мужским и признаются нужными в политической сфере как делающие ее менее жесткой: *Я помню, когда я был председателем правительства, она (В. Матвиенко) была моим заместителем... И вскоре она ко мне пришла, потому что ей позарез был нужен миллиард на выплату зарплат. Я ей отказал. И она меня обезоружила тем, что села и заплакала... Вот мужик не смог бы заплакать. А она не искусственно, а натурально расплакалась* (из интервью с Е. Примаковым // Московские новости. 2007).

Таким образом, языковой образ женщины-политика в печатных СМИ характеризуется репрезентациями разнообразных внешних атрибутов человека. Описание внешности сопряжено с ее оценкой, характер которой определяется соотношением с оценкой внутренних (интеллектуальных, деловых, профессиональных) качеств человека, а также противопоставлением оценок внешнего и внутреннего человека. Важным критерием оценки внешности женщины-политика являются стереотипные представления о типичных для женщин внешних проявлениях и их «уместности» в политической сфере, которая традиционно воспринимается как «мужская».

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. — М.: Языки культуры, 1999.
- Баранов О. С. Идеографический словарь. — М.: ЭСТ, 1995.
- Киуру К. В. Имиджевый политический медиатекст: система жанров и дискурсный анализ. — СПб.: Роза мира, 2007.
- Коротун О. В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2002.
- Одинцова М. П. Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира : лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка) / под ред. М. П. Одинцовой. — Омск, 2000. Ч. 1. С. 8—11.
- Седова Н. А. Речевой жанр «портрет человека»: коммуникативно-прагматическая интерпретация // Вестн. Омск. ун-та, 1999. Вып. 4. С. 94—98.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

Е. В. Гуляева

Волгоград, Россия

E. V. Gulyaeva

Volgograd, Russia

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ПОЛИТИК»
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ**

**LINGO-CULTURAL TYPE
“RUSSIAN POLITICIAN”**

Аннотация. Описываются образные характеристики лингвокультурного типажа «российский политик», приводится паспорт данного типажа. Изучается роль коммуникативного поведения политика. Исследование основывается на опросе респондентов и анализе литературы, приводятся высказывания участников опроса.

Abstract. A description of a lingo-cultural type “Russian politician” is given in the article. The characteristics of the particular type are described. The role of the communicative behavior is studied in the article. The research is based on the questionnaire results and text analysis. The author gives quotations of the research participants.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж; российский политик; модельная личность; Российская Федерация.

Key words: lingo-cultural type; Russian politician; model personality; the Russian Federation.

Сведения об авторе: Гуляева Евгения Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Gulyaeva Evgenia Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication.

Место работы: Волгоградская академия государственной службы.

Place of employment: the Volgograd Academy for Public Administration.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, ФГОУ ВПО ВАГС.
e-mail: guevgenia@yandex.ru.

Лингвоперсонология как интегративная область гуманитарного знания базируется на достижениях лингвистики, литературоведения, психологии, социологии, культурологии. С позиций литературоведения выделяются художественные образы, воплощающие в себе индивидуально-специфические и коллективно-типические характеристики людей, при этом типическое трактуется как симптоматичное, характеризующее существенные черты поведения определенных человеческих групп в заданных обстоятельствах. Явлением более высокого порядка выступают лингвокультурные типаж — узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества. Лингвокультурный типаж — «это типизируемая личность, представитель определённой этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2004: 105].

Важнейшие смысловые дистинкции понятия «лингвокультурный типаж» состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для культуры, наличии ценностной составляющей в концепте, фиксирующей такую личность, возможности как ее фактического, так и фикционального существования, возможности ее конкретизации в реальном индивидууме либо персонаже художественного произведения, возможности ее упрощенной и карикатурной репрезентации, возможности ее описания с помощью специальных приемов социолингвистического и лингвокультурологи-

ческого анализа [Дмитриева 2007]. Все вышеперечисленные дистинкции свойственны типу «политик», что свидетельствует о его принадлежности к лингвокультурным типажам.

Следует отметить, что понятие «лингвокультурный типаж» соотносится с другими, характеризующими человека сквозь призму его коммуникативного поведения. В качестве важнейших смежных понятий выделяют такие, как «языковая личность», «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «имидж» и «речевой портрет». Однако, поскольку лингвокультурный типаж представляет собой предельную абстракцию, его нельзя свести ни к одному из перечисленных явлений: с ними его объединяет один или несколько признаков.

Лингвокультурные типаж исследовались многими учеными (В. И. Карасик, В. В. Деревянская, А. Ю. Коровина, О. В. Лутовинова, И. А. Мурзинова). Выделяются исторические лингвокультурные типаж, фикциональные типаж, этноспецифические типаж. В число лингвокультурных типаж входят профессиональные типаж — обобщенные узнаваемые образы носителей данной лингвокультуры, являющихся представителями определенной профессиональной сферы деятельности, обладающей специфическими характеристиками в определенной лингвокультуре. В настоящей работе анализируется профессиональный лингвокультурный типаж «российский политик».

Слово «политик» происходит от слова «полис» (от древнегреческого *πόλις* — ‘городская община с прилегающими владениями’; не путать с французским *police* от итальянского

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Гуляева Е. В., 2011

polizza — 'расписка, квитанция'). Таким образом, «политик» — это «горожанин» и «гражданин» демократического сообщества [Политик, политический деятель]. В русском языке у слова «политик» развивается производное значение с явно положительной коннотацией — человек, который «умело и тонко действует в отношениях с другими людьми» [Красных 2011]. Интересно отметить, что в немецком слово *der Politiker* нейтрально — так говорится «о человеке, занимающем политический пост, должность», причем у лексемы нет производных значений. Примечательно, что в русском и немецком языках есть специальная номинация политика с неодобрительной оценкой — «политикан», «*der Politikaster*» (семантика включает такие компоненты, как «поиск личной или партийной выгоды», «интриганство», «беспринципное приспособленчество»).

Образ политика складывается прежде всего из публичных выступлений. За ними следят, их обсуждают, критикуют или восхищаются ими. Публичное выступление — важная часть работы политика. В арсенале умелого политика слово — мощное оружие, эффективное средство для достижения цели. Выступление любого политического деятеля не просто грамотно построенная и правильно произнесенная речь. При построении выступления успешный политик должен уметь использовать арсенал средств, изучаемых в таких науках, как лингвистика, риторика и психология. Знание основ этих дисциплин позволяет создать яркий интересный текст, правильно подготовиться к выступлению и произвести желаемый эффект на слушателей.

Безусловно, публичная политическая речь является не только официальным выступлением политика, но и его «языковым лицом», влияющим на формирование имиджа. Выступление на публике — это хороший способ не только заявить о себе и выразить свои взгляды, но и сделать грамотную и яркую речь своей «визитной карточкой», своеобразным «фирменным знаком». Не последнюю, а часто и одну из самых важных ролей здесь играет правильный выбор и грамотное использование определенных стилистических языковых средств, в том числе и лексических единиц речи.

В ходе исследования мы поставили эксперимент — провели анкетирование респондентов — носителей русского языка с целью выявления понятийных, образных и ценностных доминант указанного типажа. В опросе приняло участие около 100 информантов в возрасте от 18 до 72 лет, имеющих законченное высшее или среднее образование. При выделении образных характеристик использовался перечень наиболее важных характеристик образно-перцептивной стороны типажа, предложенный О. А. Дмитриевой и составляющий, по ее терминологии, паспорт лингвокультурного типажа [Дмитриева 2007: 41—42]. В образную составляющую исследуемого концепта входят сле-

дующие компоненты: 1) внешний облик, возраст; 2) гендерная принадлежность; 3) происхождение; 4) место жительства; 5) сфера деятельности; 6) сфера досуга; 7) семейное положение; 8) окружение; 9) коммуникативное поведение. Опрос респондентов, по-разному описывавших, раскрывавших сущность политика, показал, что в основе представления об этом типаже лежат следующие образные характеристики.

1. Внешний облик. Респонденты пишут, что типичный российский политик — это «солидный мужчина в дорогом костюме», опрятный, со славянской внешностью, полноватый, в костюме темно-синего или темно-серого цвета, обязательно с галстуком. Большое значение для оценки личности, ее статуса, материальной обеспеченности, образовательного уровня и т. д. имеет одежда. Одежда передает информацию об индивидууме. В западном мире темно-синий или черный костюм воспринимается как символ власти и является неотъемлемой частью гардероба серьезного бизнесмена. В России политика тоже чаще всего видят в темном костюме. Типичный российский политик носит дорогие часы и всегда пунктуален. Важно подчеркнуть следующее: хотя Россия многонациональное государство, политика ассоциируют с человеком славянской внешности.

2. Возраст. Небольшой процент респондентов отметил, что политику около 35 лет, но более 90 % опрошенных сошлись во мнении, что средний возраст типичного политика — это 40-50 лет.

3. Пол. Мужской. Женщины упоминается очень редко, один из опрошенных указал, что женщина-политик занимается международными вопросами. 8 % респондентов отметили, что женщина-политик — это министр здравоохранения или образования. Это неудивительно, так как сферы здоровья и образования считаются типичными занятиями женщин.

Женщинам очень сложно пробиваться вперед, когда весь политический мир считается типично мужским. В политике приветствуется агрессивность и категоричность в противовес вовлеченности и сотрудничеству (типично женский стиль поведения). Политика ассоциируется с типично мужскими занятиями: битва или спортивный матч. Во время политических дебатов ведущий может сравнивать какие-то события с войной, хоккеем или боксом, не ориентируя свою речь на женщин-политиков. Устоявшееся мужское восприятие политики заставляет избирателей считать, что женщины некомпетентны в данной сфере.

4. Социальное происхождение и образование. 80 % респондентов указали юридическое образование как самое распространенное в среде политиков. Интересно отметить, что на западе у политиков тоже преобладает юридическое образование. Вспоминаются слова А. Токвиля, автора книги «О демократии в Америке», говорившего, что если бы его спросили, кто в Америке составляет аристократию, он без

колебаний ответил бы: она состоит не из богатых, а из тех, кто занимает юридические должности [Токвиль 2000]. Значительно реже опрошенные нами люди указывали техническое и экономическое образование. По мнению респондентов, типичный политик — выходец из интеллигентной семьи среднего класса «откуда-нибудь с Урала или из Санкт-Петербурга».

5. Место жительства и стиль жизни. Политик живет в пригороде большого города. Его жилище обязательно дом с бассейном и огромной территорией. Площадь территории связана с такими понятиями, как социальное положение и статусность. Размер жилья демонстрирует статус его обитателей. Несколько раз упоминается квартира в центре города, но чаще всего лишь как добавление к загородному коттеджу.

6. Семейное положение. Жена и двое детей. Это — необходимая составляющая имиджа политика. Однако чаще всего у него нет времени, которое можно провести с семьей: он много работает. Несколько респондентов упомянули, что у типичного российского политика есть вторая семья или любовница.

7. Хобби. Хобби типичного политика — лыжи, теннис и другие виды спорта. Это тоже необходимо для имиджа: политик должен производить впечатление здорового и спортивного человека.

8. Коммуникативное поведение. Безусловно, успешный российский политик прекрасно контролирует свое коммуникативное поведение. Он отличный оратор, обладает грамотной речью, активно участвует в дискуссиях. Более 90 % респондентов сошлись во мнении, что политик не сам пишет себе речи, этим занимается его спичрайтер. Особенностью публичного выступления политика является тот факт, что данный тип речи «работает» на создание определенного имиджа. Речевой имидж — это не данная природой внешность, которую невозможно или по крайней мере очень трудно изменить. Основные параметры и манера устной речи устойчивы (имеются в виду тембр голоса, дикция, артикуляция, темп произношения, наиболее употребляемые слова, т. е. фонетические и лексические особенности). Поэтому речь человека часто сравнивают с его почерком — она индивидуальна и неповторима. Одна из целей работы политического лидера — сделать свою речь достаточно узнаваемой. Этого можно добиться путем систематического и правильного использования в своих публичных выступлениях определенного набора языковых средств, в том числе и лексических.

Политик использует язык, чтобы строить свой образ, который публика могла бы уважать, которому могла бы подчиняться. Еще Н. Макиавели различал те качества, которыми лидер должен обладать в глазах своих последователей: «Государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающими ими» [Макиавелли 1990: 52]. Так, Дж. Гал-

лап, анализируя кривые президентской популярности, писал: «Люди имеют тенденцию судить человека по его целям, по тому, что он пытается сделать, и не обязательно по тому, чего он достигает или насколько он успешен» [Edelman 1985: 78].

Действия политика-лидера должны быть решительны и поражать воображение. Вспомним, что именно решительность и категоричность действий Б. Н. Ельцина во время путча 19 августа сделали его лидером в глазах миллионов. Кстати, необходимо заметить, что участие в великих исторических событиях всегда способствовало росту популярности, ведь именно тогда, когда стране и народу грозит опасность, появляется возможность совершить решительные действия. Политик, которому это удастся, автоматически становится героем и выдающимся деятелем своего времени.

Существует еще один способ демонстрации своей решительности: грандиозные планы и проекты, которые либо воплощаются в жизнь, либо нет. В любом случае эти проекты не имеют почти никакой практической значимости, являются чисто пропагандистским приемом. Публика верит обещаниям не потому, что это правда, а потому, что она хочет в них поверить. Так, например, одна из причин популярности В. В. Жириновского — умение поразить воображение слушателей невероятными обещаниями, которые якобы могут быть выполнены в рекордно короткие сроки.

Успешность личности является одной из самых важных предпосылок ее влияния на других. Людям свойственно подражать тому, кто добился успеха. Г. Лебон предположил, что успех лежит в основе «личностного обаяния». Способность добиваться успеха воспринимается как самоценное качество человека, не связанное с видом его деятельности [Лебон 1996]. Чтобы добиться максимального успеха, политику полезно воспользоваться одной из главных заповедей маркетинга: «Конкурентоспособный товар должен быть таким же, как все, но чуть-чуть лучше».

Важно отметить, что в ответах респондентов часто встречались лексемы «воля» и «долг», смыкающиеся с базовым концептом политического дискурса «власть» («Он должен быть хорошо образован, так как он представляет свою страну»; «На публике его долг — быть уверенным в том, что он говорит»; «Хороший политик должен уметь повести за собой массы»; «Он хочет добиться высшего поста в правительстве и стремится к этому»; «Политик — хороший психолог, он должен понимать, что хочет народ»). Власть — способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств — воли, авторитета, права, насилия». По определению Е. И. Шейгал, основной функцией политического дискурса является его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за

власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение) [Шейгал 2000].

В культурологии и социологии выделяется модельная личность — человек, который является образцом для подражания и тем самым оказывает влияние на лингвокультуру. Понятие «лингвокультурный типаж» шире понятия «модельная личность». Однако следует отметить, что многие респонденты описывали политика как модельную личность. Видимо, с данной профессией у них ассоциируется множество положительных черт. Политик умен, интеллигентен, хорошо образован, удачлив. Однако нам встретились и отрицательные характеристики: политики лгут, слишком материалистичны, если им необходимо чего-нибудь добиться, они используют все пути достижения цели, в том числе нелегальные, им неважно, что происходит в их стране, их основная цель — обогатиться и обеспечить свою семью.

Примечательно, что многие респонденты, отвечая на вопросы, описывали президента Российской Федерации Д. А. Медведева или премьер-министра В. В. Путина. Опрашиваемые признавались, что представляют их типичными политиками.

Филологи и социологи исследовали и сравнивали речевой имидж нынешнего и предыдущего президентов Российской Федерации. Отмечалось, что речь Д. А. Медведева более эмоциональна, чем речь В. В. Путина, но менее «задириста». Медведев предпочитает более содержательную стилистику.

Сравнивали и внешний облик двух глав государства. Внешность В. В. Путина расценивается как интеллигентная, приятная, корректная и располагающая к себе. Многие отмечают чрезмерную мимику и неумение бывшего президента контролировать свои жесты. Сначала коммуникативное поведение настоящего и предыдущего президентов было схожим, что можно объяснить неизменностью команды спичрайтеров. Со временем, безусловно, происходят изменения. Считается, что полностью избавиться от подражания В. В. Путину Д. А. Медведеву так и не удалось, он произносит резкие короткие словосочетания оценочного характера (наподобие «политических уродцев»), явно заимствованные из путинской риторики. Они несколько выбиваются из общего потока, так же как и неопределенно-личные обороты, содержащие угрозу. В целом образ президента приобрел более четкие очертания, стало понятно, на какие слои населения он опирается и каким хочет выглядеть в глазах аудитории: прогрессивным, динамичным, эмоциональным и образованным.

Послание президента — главный программный документ российской власти. К нему всегда приковано пристальное внимание. Послание является своеобразной визитной карточкой главы государства, которая демонстри-

рует не только манеру публичных выступлений президента, но и создаваемый им в глазах граждан имидж. Общество, как известно, склонно не только слушать речь президента, но и наблюдать за тем, с какой интонацией он говорит, во что одет, какие примеры приводит в речи, уверенно ли говорит и т. п. Тщательно анализируют структуру выступления специалисты различных областей (политики, социологи, журналисты) как в России, так и в зарубежных странах, поэтому выступление президента должно быть настолько безукоризненно, чтобы не вызвать критику филологов за неграмотность или неправильное употребление слов, стилистов — за стиль поведения, и т. п.

Итак, типичный российский политик — это не только стратег, но и хороший оратор. Не только речь положительно влияет на популярность политика, но и внешний вид, внутренняя уверенность и хорошая дикция.

При анализе литературы и ответов респондентов отмечена тенденция давать поведению типичного российского политика не только положительную, но и отрицательную оценку: он рвется к власти любыми способами, он не честен, целью его работы не всегда является желание трудиться на благо народа. Наряду с этим выделяются положительные качества российского политика. Восхищает его способность нести пользу обществу, стремление изменить мир к лучшему посредством закона, хорошее образование и трудоспособность. Таким образом, образ российского политика характеризуется аксиологической амбивалентностью.

Роль технологий для построения образа в современной политике, несомненно, огромна, поскольку помощники и ассистенты определяют не только слова, которые политики озвучивают в текстах выступлений и на встречах с народом, но и имидж, проявляющийся в этих словах. А имидж политика, как известно, создает и имидж страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в. : моног. — Волгоград: Перемена, 2007.
- Карасик В. И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: аспекты изучения. — Волгоград, 2004.
- Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы. Волгоград, 2005.
- Красных В. О Толковом словаре паронимов русского языка. — URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200600107> (дата обращения: 21.07.2011).
- Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1996.
- Макиавелли Н. Государь. — М.: Планета, 1990.
- Политик, политический деятель // Wikipedia : The Free Encyclopedia. — URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA> (дата обращения: 11.07.2011).
- Токвиль А. де. Демократия в Америке : пер. с фр.; предисл. Дж. Л. Гарольда. — М.: Весь мир, 2000.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.
- Edelman M. Symbolic Uses of Politics. — Un. Of Illinois Press, 1985.

Статью рекомендует к публикации д-р пед. наук, проф. И. С. Бессарабова

Ю. П. Денисов
Омск, Россия

Yu. P. Denisov
Omsk, Russia

**СМЕРТЬ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ
ОППОЗИЦИИ**

(на основе анализа газет «Советская Россия»,
«Правда», «Завтра»)

Аннотация. В центре исследования находится проблема репрезентации смерти политического лидера. На основе анализа газет «Советская Россия», «Правда», «Завтра», выполненного в рамках критического дискурс-анализа, характеризуется репрезентация смерти экс-президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в дискурсе национально-патриотической оппозиции. Рассматриваются речевые стратегии и тактики, направленные на создание образа Б. Н. Ельцина.

Ключевые слова: смерть политического лидера; образ Б. Н. Ельцина; политический дискурс; репрезентация власти; медиатекст.

Сведения об авторе: Денисов Юрий Петрович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии, социально-гуманитарных и экономических наук.

Место работы: Омская государственная медицинская академия.

Контактная информация: 644043, г. Омск, ул. Ленина, 12.
e-mail: yurden1984@yandex.ru.

**DEATH OF B. N. YELTSIN IN THE DISCOURSE
OF THE RUSSIAN
NATIONAL-PATRIOTIC OPPOSITION
(on the basis of the analysis
of newspapers**

“Sovietskaya Rossiya”, “Pravda”, “Zavtra”)

Abstract. Research is devoted to the problem of representation of the death of the political leader. In the focus of the article is a question of representation of the death of the ex-president of the Russian Federation B.N. Yeltsin in a discourse of national-patriotic opposition. On the basis of the analysis of newspapers «Sovietskaya Rossiya», «Pravda», «Zavtra» the author investigates speech strategies and tactics which create the image of B.N. Yeltsin. Research is conducted within the frameworks of critical discourse-analysis.

Key words: death of a political leader; image of B. N. Yeltsin; political discourse; representation of the power; the media text.

About the author: Denisov Yury Petrovich, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Philosophy, Social-humanitarian and Economic Sciences.

Place of employment: the Omsk State Medical Academy.

Статья заняла 2 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Язык — политика — культура»

Образ политического лидера занимает одну из центральных позиций в политическом дискурсе. Его место во многом обусловлено той ролью, которую играет образ человека в языковой картине мира индивида в целом. По выражению омской исследовательницы Л. Б. Никитиной, «в обыденном сознании и в языковом менталитете человек ассоциируется и соизмеряется со Вселенной или с центром Вселенной, в конечном счете со всем окружающим и включающим homo sapiens мирозданием» [Никитина 2003: 13]. Поэтому образ человека является центральным фрагментом языковой картины мира.

Отчасти по этой причине смерть человека всегда находилась в фокусе интеллектуальных исканий представителей практически всего спектра гуманитарного знания. Уральская исследовательница Е. В. Дзюба фиксирует две антагонистические тенденции в русле данных исканий. Основой одной из них является «вера в существование человека после его физической смерти». Другая базируется на «мужественном приятии идеи смерти, признании абсолютного конца человеческого бытия и осознании особенной ценности и неповторимости

жизни» [Дзюба 2001: 19]. И та и другая тенденции тем не менее предполагают признание исключительной важности смерти и особой значимости для индивида смерти Другого. Как отметили Ж. Ле Гофф и Н. Трюон, «цивилизация определяется по тому, как она хоронит своих мертвых...» [Ле Гофф 2008: 15].

Репрезентация смерти политического лидера в этом контексте является важнейшей составляющей политической жизни общества. Ее значение в политическом дискурсе детерминировано как минимум двумя аспектами политики, чьи истоки скрыты в глубинных архетипах человеческого сознания. Один из них описал Дж. Фрезер. Анализируя обряд похорон лидеров в различных архаических обществах, он продемонстрировал, что уход «вождя» традиционно означает его смерть и приход нового «вождя» [Фрезер 1980]. В связи с этим процедура прощания с «умершим вождем» оказывается в неразрывной взаимосвязи с процессом формирования образа нового лидера.

На другой аспект обряда прощания с усопшим вождем обратил внимание В. Я. Пропп. Он отметил тесную взаимосвязь обряда посвяще-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Денисов Ю. П., 2011

ния с представлением о пребывании в царстве мертвых: «Посвящаемый переживает смерть и, наоборот, смерть есть своего рода посвящение». По мнению ученого, «этим объясняется, что позднее, когда посвящение уже давно забыто, нисхождение в царство смерти, катабазис, есть условие героизации» [Пропп 1986]. По этой причине смерть вождя часто приводит к «осветлению» его образа.

В этом ракурсе особенно интересным представляется исследование того, каким образом реагируют на смерть главы государства оппозиционные силы, стремящиеся в своих дискурсивных практиках не только не допустить «осветления» образа господствующих политических элит, но и, напротив, «затемнить» его.

Нами уже были опубликованы результаты исследования образа Б. Н. Ельцина, репрезентируемого в дискурсе национально-патриотической оппозиции после добровольного прекращения им исполнения обязанностей президента Российской Федерации. Целью данной статьи является анализ репрезентации смерти Б. Н. Ельцина в дискурсе тех же политических сил. Основу эмпирической базы исследования также составили газеты «Советская Россия», «Правда», «Завтра».

Переходя непосредственно к содержанию исследования, мы должны констатировать, что, как это ни парадоксально, официальными печатными органами КПРФ сам факт смерти Б. Н. Ельцина в определенном смысле игнорируется. Центральное место на первой полосе следующего дня после смерти экс-президента, занимают тексты, посвященные «Знамени Победы» [Возвращение 2007; Польгуева 2007; Заявление 2007]. При этом фамилия первого российского президента на первой полосе не упоминается ни разу. В статье, опубликованной в рубрике «Отечественные записки», фамилия экс-президента упоминается 7 раз, однако ни слова не говорится о его смерти. Речь в тексте главным образом идет о внешней политике Российской Федерации. Об отношении продуцента текста к политической деятельности Б. Н. Ельцина свидетельствует использование речевых штампов: «захват власти в нашей стране Ельциным и его группой», «под давлением Ельцина», «безумное намерение Ельцина лишить страну Тихоокеанского флота» [Национальный 2007].

В статье Ф. Раззакова об отечественных деятелях искусства, подвергающих критике советский политический строй, упоминаются «ельцинское правительство, которое попросту надуло миллионы россиян, ввергнув их в нищету и обогатив только кучку новорусских нуворишей, западных магнатов, ну и, естественно, самого председателя правительства» и «ельцинские реформы», на которые «замечательный актер Георгий Жженов смотрел с ужасом» [Раззаков 2007]. Употребление в тексте имени ши-

роко известного артиста усиливает эффект от используемой тактики обвинения стратегии «игры на понижение».

24 апреля 2007 г. смерть Б. Н. Ельцина не упоминается и на страницах газеты «Правда». При этом его фамилия встречается в статье В. Вишнякова «„Правый поворот“ Александра Проханова», в которой Б. Н. Ельцин причисляется к «самым вероломным, омерзительным лидерам антикоммунизма» [Вишняков 2007]. В данной статье образ Б. Н. Ельцина используется в процессе реализации стратегии «игры на понижение», направленной против А. А. Проханова.

В вышедшем 25 апреля 2007 г. семнадцатом номере еженедельной газеты «Завтра» тема смерти Б. Н. Ельцина занимает значительную часть первой полосы. В данном выпуске интенсивно используется тактика обвинения, направленная против умершего политического лидера. Внимание реципиента концентрирует на себе короткая заметка, написанная редакцией газеты и опубликованная под напечатанным жирным шрифтом заголовком: «Нельзя молиться за царя Ирода!». Этими словами блаженного юродивого Николки из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» заканчивается и текст заметки, представляющий собой перечисление результатов политической деятельности Б. Н. Ельцина. Они трактуются в тексте как «четыре неотмытых злодеяния», каждое из которых записано в отдельной строке в виде законченного предложения: «Он предательски разрушил великий Советский Союз. Совершил государственный переворот и расстрелял из танков парламент. Развязал чеченскую войну, заключив преступный Хасавюртовский мир. Отдал народное добро олигархам, превратив русских в рабов и изгоев» [Нельзя 2007].

Газетная заметка оформлена как некое подобие скрижалей Книги Жизни, на которых записаны грехи президента. Рядом с текстом, в котором перечисляются «злодеяния» Б. Н. Ельцина, расположен текст, в котором реализуется тактика прогнозирования стратегии театральности. В первом же предложении высказывается мысль о том, что смерть Ельцина «может в самое ближайшее время привести к серьезным перестановкам среди кремлевской „элиты“, а также к масштабному переделу властных полномочий и собственности — не исключено, в стиле „силового экстрима“» [Табло 2007]. Не случайно Л. Новикова в том же выпуске, рассказывая о судьбе советской символики на Знамени Победы, употребляет применительно к действию недавно умершего президента РФ глагол в настоящем времени: «И вот Ельцин произносит тост» [Новикова 2007].

Еще более сильное ощущение того, что даже телесная смерть не означает окончательно ухода из политической жизни Б. Н. Ельцина, создается в официальных изданиях КПРФ. В аналитической статье обозревателя газеты

«Советская Россия» вновь используется тактика прогнозирования. Один из глаголов, характеризующих действие Б. Н. Ельцина, устремлен в будущее: «Живой Ельцин молчал. Но мертвый, он теперь обязательно заговорит и уже заговорил — устами либералов». Сама по себе «кончина Ельцина» также вызывает «страх перед будущим», так как она «застала многих врасплох» [Фролов 2007]. Негативное влияние смерти Б. Н. Ельцина на российскую политическую конъюнктуру подчеркивается и в газете «Правда». Она называется началом «напыщенного антисоветского, антисоциалистического шоу» [Вишняков 2007].

Наделяя Б. Н. Ельцина способностью творить злодеяния после смерти, продуценты «коммунистических» текстов акцентируют внимание реципиента на сохранении признаков «эпохи Ельцина». При этом на процесс формирования образа Б. Н. Ельцина влияет использование тактики «анализ-минус». В частности, в уже упоминавшемся выше тексте «Национальный интерес России» после подробного рассмотрения ряда внешнеполитических просчетов Российской Федерации, совершенных в период президентства Б. Н. Ельцина, подчеркивается: «Не надо думать, что подобный политинфантилизм с уходом Ельцина закончился» [Национальный 2007]. Секретарь ЦК КПРФ, депутат Государственной думы О. Куликов, анализируя 8 мая 2007 г. три наиболее важных, с его точки зрения, события двух прошедших недель («празднование Первомая, последнее президентское послание В. Путина и смерть первого президента „демократической“ России Б. Ельцина»), обнаруживает в каждом из них черты преемственности политического курса. Автор отдельно замечает, что «В. Путин сознательно подчеркивает преемственность своей власти по отношению к Б. Ельцину, отметив в послании, что при Б. Ельцине был „заложен фундамент будущих перемен“, ничего не сказав о характере и знаке этих перемен» [Куликов 2007].

Своеобразно смерть Б. Н. Ельцина преломляется сквозь призму сознания продуцентов текстов, публикуемых в газете «Завтра». В статье А. Орлова она предстает как бегство от заслуженной кары и маркируется такими речевыми штампами, как «ушел от возмездия», «ушел от суда истории» и т. п. В подзаголовке статьи Б. Н. Ельцин называется «лучшим врагом „дорогих россиян“» [Орлов 2007]. Словосочетание «лучший враг» обретает особое звучание в день выхода девятнадцатого номера газеты — 9 мая 2007 г.

Как отмечает уральская исследовательница С. В. Юрлова, именно «в День Победы пропагандистские акции и действия находят понимание и поддержку российского народа» [http://ural-yeltsin.ru/knigi/rossija_na_rubezhe/document633/]. В тексте А. Орлова слово «враг» применительно к Б. Н. Ельцину используется два раза.

В обоих случаях оно включено в текстовые фрагменты, визуально выделяющиеся на фоне основного текста: в подзаголовок и в преамбулу статьи [Орлов 2007]. Включение концепта «враг» в данный текст интертекстуально сопряжено с целым корпусом текстов, размещенных на страницах вышедшего в День Победы газетного номера.

В частности, концепт «враг» находится в интертекстуальной корреляции с группой текстов, посвященных «Русскому восстанию в Таллине» [Фефелов 2007], опубликованных в рубрике «Товарищ Сталинград», разместившейся на двух газетных страницах. Первый абзац опубликованной на второй полосе статьи Д. Тукмакова «Это — русское восстание» начинается со слов: «На целых две недели — пока Россия хоронила своих мертвецов и прощалась с президентами, и ничего живого не происходило, — центр Русского мира переместился в Эстонию, на сожженные таллинские улицы» [Тукмаков 2007]. Фамилия первого президента РФ в тексте не называется ни разу. Однако именно с ним ассоциируется временное погружение России в Царство Мертвых, в котором «ничего живого не происходило».

Способность Б. Н. Ельцина временно «омертвлять» Россию артикулируется в его образе и П. Коротышевым. Говоря о том, что «со стороны самих русских, оставшихся жить на территориях бывших республик СССР, за почти пятнадцать лет „новейшей истории“, фактически не было сколько-нибудь значимых проявлений протеста», он оправдывает их пассивность: «Однако что предъявлять претензии своим пораженным в правах соотечественникам в ближнем зарубежье, если в это же самое время россияне словно погрузились в летаргический сон под проамериканской пятой ельцинизма» [Коротышев 2007].

Погруженному под влиянием «злых чар» Б. Н. Ельцина в тяжелый «летаргический сон» российскому обществу противопоставляется «русская молодежь», которой «удалось сохранить в себе русский цивилизационный код, остаться русскими». Именно с ней связываются «энергии, выплеснувшиеся на таллинские улицы», которые «показывают, что русский народ вновь, после страшного удара 90-х, обретает пассионарность, просыпается от летаргической спячки» [Тукмаков 2007]. В результате в текстах конструируется антитеза Добра и Зла, Жизни и Смерти, Будущего и Прошлого. Именно со Злом, Смертью, Прошлым ассоциируется фигура Б. Н. Ельцина.

Одновременно с этим прослеживается интертекстуальная связь концепта «враг», употребленного в статье А. Орлова, с текстами, имеющими отношения к освещению проблем русскоязычного населения в Эстонии. В частности, на той же странице, что и текст А. Орлова, приводится перепечатка из вышедшего 26 апреля номера «Гардиан» статьи М. Симп-

сона. Он пишет: «Причина высокой оценки Ельцина на Западе — та же самая, по которой его ненавидят в России: с точки зрения Запада он был лучшим президентом России в истории. Он не только пресмыкался перед западными интересами, но и руководил почти окончательным уничтожением своей страны как политической и военной силы на мировой арене. Он втоптал Россию в грязь, чтобы нам не пришлось делать это самим» [Симпсон 2007]. Помещение статьи М. Симпсона в особый внутрилингвистический контекст, который включает в себя три статьи о победе Советского Союза над фашистской Германией [Глушиц 2007], приводит к корреляции образа Б. Н. Ельцина с образами фашистских коллаборационистов.

Данная корреляция усиливается в опубликованной на той же странице статье П. Былевского, в которой активизируется тактика оскорбления. Он называет Б. Н. Ельцина «предателем Родины и партии», «лжекоммунистом-ренегатом». Особое место в макроструктуре данного текста занимает вопросительное предложение: «Нет ли среди „единороссов“ охотников достойно почтить память Адольфа Гитлера, значительную часть планов которого в отношении нашей Родины воплотил именно Б. Н. Ельцин со своими присными?». Таким образом, в вышедшем в День Победы газетном номере Б. Н. Ельцин репрезентируется не как борец за западные демократические ценности, а как прямой продолжатель дела главного врага русского государства в XX столетии А. Гитлера. «Эпоха Б. Н. Ельцина» характеризуется как «эпоха всеобщего предательства и разрушения». Однако эта эпоха заканчивается со смертью ее персонифицированного символа: «в обществе российском идут похороны ельцинизма как общественного явления, прощание с эпохой всеобщего предательства и разрушения» [Былевский 2007].

В официальных изданиях КПРФ в апреле—мае 2007 г. образ Б. Н. Ельцина также увязывается с образом надвигающейся с Запада фашистской экспансии. Один из героев статьи В. Вишнякова и О. Смирнова, опубликованной в вышедшем 8 мая 2007 г. предпраздничном номере газеты «Правда», «политический обозреватель, ветеран газеты» В. С. Кожемяко восклицает: «Великая Отечественная война не окончена! То, что не удалось в свое время Гитлеру и его банде, увы, осуществили Ельцин и его презренная компания». Однако окончательную победу он не связывает с похоронами Б. Н. Ельцина. Напротив, в статье устами коммуниста Ираиды Чикиной артикулируются враждебные атрибуты фашизма, сохранившиеся при новой власти: «К Дню Победы на улицах Москвы вывешивают власовский триколор вкупе с изображением Георгия Победоносца, напомнила она, а Знамени Победы практически нигде не увидишь — таков

результат пресловутого президентского „заступничества“» [Вишняков, Смирнов 2007]. Таким образом, в тексте реализуется тактика обличения, когда продуцентом приводятся аргументы, «обличающие» новую власть.

В статье «Судьба Знамени», также опубликованной накануне Дня Победы, Б. Н. Ельцин выступает осквернителем символа победы над европейским фашизмом. Автор статьи пишет: «...15 апреля 1995 года появился указ президента России Ельцина, которым он определил символом Знамени Победы красное полотнище с белой звездой без Серпа и Молота». При этом он акцентирует внимание читателя на том, что это было единоличное решение «самодура-президента». Современное политическое руководство, согласно рассказываемой в тексте истории, продолжает его политику. Это подтверждается тем фактом, что «до настоящего времени мир не увидел адекватного ответа России на провокации эстонских властей» [Зуев 2007].

Как видно из приведенных фрагментов текстов, в отличие от газеты «Завтра», на страницах официальной печати Коммунистической партии Российской Федерации «эпоха Ельцина» со всеми ее негативными проявлениями отнюдь не уходит в прошлое. Наиболее емко такое восприятие смерти Б. Н. Ельцина выражено секретарем ЦК КПРФ, депутатом Государственной думы О. Куликовым: «Ельцин умер, ельцинизм живет» [Куликов 2007].

Несмотря на различное отражение самого события физической смерти Б. Н. Ельцина, структура образа экс-президента России, конструируемого как на страницах газеты «Завтра», так и на страницах официальных изданий КПРФ, в целом остается гомогенной. На страницах всех трех изданий появляются негативные воспоминания о политической деятельности Б. Н. Ельцина. В апреле — мае 2007 г. ему припоминают самые различные политические шаги, болезненно воспринимающиеся представителями российской национально-патриотической оппозиции: «всевозможные нападки и гонения на коммунистов, включая откровенное насилие» [Буркалева 2007]; временное «закрытие» газеты «Правда» [Наш 2007]; превращение России «в марионеточное государство с антинародной западной системой ценностей» [Колесников 2007]; «убийство» Советского Союза и «целых отраслей, промышленных и духовных» [Бобров 2007]; подписание указа от 15 апреля 1996 г., в соответствии с которым символом Знамени Победы стало «красное полотнище с белой звездой без Серпа и Молота» [Новикова 2007]; наращивание «внешнего долга» [Калашников 2007] и т. д. Как и в 2000 г., в национально-патриотических медиатекстах, в сценариях которых значимое место занимают представления о политической деятельности Б. Н. Ельцина, артикулируется тема деструкции. В представлениях продуцентов леворадикальных текстов Б. Н. Ельцин не только не вы-

полняет функциональную нагрузку, предполагаемую принадлежностью к институту власти, и не управляет эффективно государством, он «разрушает» его.

Своего рода маркером, обозначающим итоги работы Б. Н. Ельцина на посту президента Российской Федерации, становится употребляемое по отношению к нему существительное «разрушитель» [Мельников 2007; Угнетающий 2007; Буркалева 2007; Если 2007; Нефедов 2007; Бондаренко 2007]. Аспирант гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Д. Колесников употребляет в тексте статьи, посвященной анализу результатов политической Б. Н. Ельцина, лексические единицы с корнем *-руш-* 6 раз [Колесников 2007]. В ходе беседы журналиста «Советской газеты» А. Орлова с академиком В. Н. Страховым употребляются слова с вышеназванной корневой основой 4 раза [Орлов 2007]. В статье об отказе коммунистов почтить память умершего Бориса Ельцина вставанием во время объявленной в Государственной думе минуты молчания и перед началом оглашения Послания президента в Кремле в одном предложении, описывающем политическую деятельность умершего, используется два глагола с корнем *-руш-*: «разрушил» и «порушил» [Протест 2007]. Непосредственно действия Б. Н. Ельцина на страницах коммунистической прессы обозначаются такими глагольными конструкциями: «втоптал Россию в грязь» [Симпсон 2007], «завел страну в тупик» [Голубенко 2007] и т. д.

Как в дискурсе официальных изданий КПРФ, так и в дискурсе газеты «Завтра» личные качества Б. Н. Ельцина рисуются в темных красках. В его образ вносятся такие характеристики, представляющие практически весь спектр негативных качеств: «полное отсутствие моральных ограничений», «моральная нечувствительность», «отчужденность» [Орлов 2007], «патологическая ненависть» [Платова 2007], «болезненность» [Фролов 2007], «вероломство» [Вишняков 2007].

Представители дискурса национально-патриотической оппозиции, как правило, отказывают умершему экс-президенту даже в наличии у него гендерных, этнических, возрастных характеристик, отождествляя его с «бесполой» и «безродной» нечистью. Его называют «зомби» [Губарева 2007]. В коммунистическом дискурсе широкое распространение получает образ «осинового кола», который необходимо «вогнать в сердце» Б. Н. Ельцина. Активно в дискурсе национально-патриотической оппозиции используется и словосочетание «Кощеево царство», которое даже вынесено в заглавие одной из публицистических работ Г. А. Зюганова [Зюганов 2003].

Итак, из всего вышесказанного мы можем заключить, что образ Б. Н. Ельцина в продуцируемых национально-патриотической оппози-

цией медиатекстах, посвященных его смерти, остается негативным. Однако сама смерть Б. Н. Ельцина репрезентируется по-разному. Если на страницах пережившей «правый поворот» газеты «Завтра» смерть Б. Н. Ельцина означает конец его эпохи, официальные печатные органы КПРФ чаще всего отказывают экс-президенту в смерти. Согласно конструируемой коммунистическими изданиями мифологии смерть Б. Н. Ельцина представляет собой лишь некий фарс, тогда как Зло, сотворенное Б. Н. Ельциным, остается в реальности. Такого рода различия в репрезентации смерти первого Президента РФ, вероятно, обусловлены разногласиями в стане национально-патриотической оппозиции, касающимися ее восприятия правящей элиты. Одновременно необходимо отметить, что во всем спектре дискурса национально-патриотической оппозиции репрезентация смерти Б. Н. Ельцина оказывается сопряжена с дегуманизацией его образа, что препятствует героизации данного политического лидера в массовом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

Дзюба Е. В. Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М. И. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. — М.: Текст, 2008.

Никитина Л. Б. Образ *homo sapiens* в русской языковой картине мира : моногр. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003.

Пропп В. Я. Исторические корни Волшебной Сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/17.php.

Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1980. URL: <http://psylib.org.ua/books/freeze01/txt24.htm>.

Юрлова С. В. Новая модель праздничной культуры и проблема национальной идентичности // Медиакультура новой России. URL: http://ural-yeltsin.ru/knigi/rossija_na_rubezhe/document633/.

ИСТОЧНИКИ

Бобров А. Апрель с кошуном и чувством // Советская Россия. 2007. 28 апр.

Бондаренко В. Трудно быть русским // Завтра. 2007. 16 мая.

Буркалева О. Знамя Победы восстановили // Правда. 2007. 27 апр.

Былевский П. Бумбараш // Завтра. 2007. 9 мая.

Вишняков В. «Правый поворот» Александра Проханова // Правда. 2007. 24 апр.

Вишняков В. Голос народа остался неслышанным // Правда. 2007. 26 апр.

Вишняков В., Смирнов О. Встречает Отрадное // Правда. 2007. 8 мая.

Возвращение Знамени Победы из плена поруганий // Советская Россия. 2007. 4 апр.

Глушиц Е. Маршал-солдат // Завтра. 2007. 9 мая.

Голубенко Н. П. Был бы метан — огонь найдется // Советская Россия (Москва). 2007. 26 апр.

Губарева О. Не пора ли нам опомниться // Советская Россия. 2007. 5 мая.

Если смотреть объективно // Правда. 2007. 26 апр.

Жукова Л. Подвиг свят! // Завтра. 2007. 9 мая.

Заявление Президиума ЦК КПРФ // Советская Россия. 2007. 24 апр.

Зуев В. Судьба знамени // Советская Россия. 2007. 8 мая.

Зюганов Г. А. Святая Русь и Кощеево царство. Основы русского духовного возрождения. — М., 2003.

Калашников М. Между «диктатурой развития» и латанием дыр // Завтра. 2007. 9 мая.

Колесников Д. «Человек, изменивший Россию» // Советская Россия. 2007. 26 апр.

Коротышев П. Озарение взрывом // Завтра. 2007. 9 мая.

Куликов О. Власть занята одним — демагогией // Правда. 2007. 8 мая.

Мельников И. Оценки расставит народное сознание // Советская Россия (Москва). 2007. 26 апр.

Национальный интерес России // Советская Россия. 2007. 24 апр.

Наш великий друг Читатель // Правда. 2007. 4 мая.

Нельзя молиться за царя Ирода! // Завтра. 2007. 14 мар.

Нефедов Е. Лик грядущего // Завтра. 2007. 2 мая.

Новикова Л. Посягнувшие на победу // Завтра. 2007. 25 апр.

Новикова Л. Посягнувшие на победу // Завтра. 2007. 14 мар.

Орлов А. «Уроки Ельцина» // Завтра. 2007. 9 мая.

Орлов А. Академик Страхот: Сила в бесстрашии // Советская Россия (Москва). 2007. 3 мая.

Платова Г. Светлана Савицкая: «Ведь сели в лужу...» // Советская Россия. 2007. 26 апр.

Польгуева Е. Народ не позволил // Советская Россия. 2007. 24 апр.

Протест в минуту молчания // Советская Россия (Москва). 2007. 28 апр.

Раззаков Ф. Перевертыши // Советская Россия. 2007. 24 апр.

Серафима А. Жили-были // Завтра. 2007. 9 мая.

Симпсон М. «Он втоптал Россию в грязь» // Завтра. 2007. 9 мая.

Табло // Завтра. 2007. 14 мар.

Тукмаков Д. Это — русское восстание // Завтра. 2007. 9 мая.

Угнетающий оптимизм // Советская Россия. 2007. 28 апр.

Фефелов А. Выстоять и победить // Завтра. 2007. 9 мая.

Фролов А. «Дело» Ельцина // Советская Россия. 2007. 26 апр.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова

Е. В. Дзюба

Екатеринбург, Россия

E. V. Dziuba

Ekaterinburg, Russia

КОНЦЕПТ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

CONCEPT AND HISTORICAL CONTEST

Аннотация. Указывается на различие между «постоянными» и «переменными» концептами и рассматривается зависимость содержания последних от исторического контекста. Историко-культурная обусловленность смыслового наполнения «переменных» концептов демонстрируется на примере лингвокультурного феномена «пятилетка», особенно актуального в отечественном дискурсе эпохи СССР и «реанимируемого» в настоящее время в измененном виде.

Abstract. The difference between «constant» and «variable» concepts is underlined and dependence of their content on the historical context is discussed. Historical cultural stipulation of adding content to «variable» concepts is shown on the example of lingo-cultural phenomenon «pyatiletka», which was especially actual in domestic discourse of the USSR epoch and is being «brought back to life» nowadays in a different form.

Ключевые слова: концепт; постоянные и переменные концепты; исторический контекст; советская идеология; пятилетка.

Key words: concept; constant and variable concepts; historical context; Soviet ideology; pyatiletka.

Сведения об авторе: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: the Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: uspu@uspu.ru.

В современной лингвоконцептологии сложилось множество подходов к типологизации концептов, что обусловлено многоаспектностью изучения данного феномена. Разные исследователи выделяют такие виды и типы концептов:

1) познавательные и художественные концепты (С. А. Аскольдов-Алексеев);

2) «рамочные понятия» и концепты-«понятия с плотным ядром» (Ю. С. Степанов);

3) универсальные, этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные концепты (В. И. Карасик);

4) мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, калейдоскопические и логически структурируемые концепты (А. П. Бабушкин); лингвокультурный типаж (В. И. Карасик);

5) **виды концептов по категориям:** базовые концепты, концепты-дескрипторы, концепты-релятивы;

типы концептов по признаку развития структуры: развивающиеся и застывшие;

типы концептов по признаку появления: исконные и заимствованные;

типы концептов по признаку постоянства базовой структуры: сохранившиеся и трансформировавшиеся;

типы концептов по признаку первичности: первичные и производные;

типы концептов по признаку актуальности: постоянно актуальные (ведущие) и неактуальные (второстепенные и переменные, или «плавающие» концепты) (М. В. Пименова);

б) одноуровневые, многоуровневые, сегментные (И. А. Стернин).

Типологию концептов можно продолжать в зависимости от признака, который кладется в основу классификации. Одним из классификационных критериев является признак зависимости или независимости концепта от категории времени. На этом основании можно выделить «постоянные» концепты, или вневременные, т. е. устоявшиеся в той или иной культуре (ср. у Ю. С. Степанова «константы культуры»), и «переменные», т. е. такие, которые появляются в определенный исторический период и меняются, например со сменой системы ценностей, или совсем исчезают вместе с той или иной эпохой. Таким переменным концептом является лингвокультурный феномен *пятилетка*, особенно актуальный в отечественном дискурсе эпохи СССР и постепенно «реанимируемый» в настоящее время. Следует оговориться, что речь пойдет только об отечественном дискурсе, так как данный феномен являлся или до сих пор является важнейшим понятием в развитии экономики многих других стран (Вьетнама, Индии, Китая, Кубы, Монголии и т. д.).

Анализ смыслового наполнения концепта *пятилетка* осуществляется по комплексной методике, сложившейся под влиянием работ С. Г. Воркачева [Воркачев 2004], В. А. Масловой [Маслова 2007], И. А. Стернина [Стернин 2001, 2006], и включающей 1) изучение данных ассоциативного эксперимента, 2) анализ лекси-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Дзюба Е. В., 2011

ческого значения по словарям разных эпох, 3) рассмотрение текстов фольклорных жанров о пятилетках (анекдоты, пословицы, частушки), 4) анализ текстов пропагандистского характера, в частности лозунгов.

Метод ассоциативного эксперимента позволяет определить специфику содержания концепта в сознании современных носителей языка. Целью проведения данного эксперимента является определение смыслового наполнения концепта *пятилетка* в современном русском языковом сознании. Эксперимент проводился среди представителей четырех возрастных категорий: 1) от 17 до 23 лет (студенты Уральского государственного педагогического университета) — 36 человек; 2) от 24 до 40 лет (преподаватели УрГПУ и некоторых других российских вузов) — 60 человек; 3) от 41 до 65 лет (представители разных профессий, жители Екатеринбурга) — 24 человека; 4) от 66 до 85 лет (пенсионеры, жители Екатеринбурга) — 10 человек. Всего было опрошено 148 человек.

Ассоциативный эксперимент проводился на основе методики, предложенной И. А. Стерниным и Л. А. Тавдгиридзе [Стернин 2005; Тавдгиридзе 2005; Попова, Стернин 2006], которая включает следующие этапы:

1) формулировка задания эксперимента (задание ассоциативного эксперимента формулировалось следующим образом: *Запишите 5–7 ассоциаций на слово «пятилетка»*);

2) объединение ассоциатов по общности семантики (обобщению подлежали слова-сино-

нимы (в том числе лексико-фразеологические), однокоренные слова, слова разных частей речи, используемые для номинации одного ассоциата, и т. п.; например, в одну семантическую группу объединялись такие ответы: *СССР и Советский Союз; пятилетний ребенок, ребенок пяти лет, пятилетняя девочка, пятилетний мальчик, возраст ребенка; труд, работа, работа в поле, работа в колхозе, работа на заводе; план, Госплан, планирование* и т. д.);

3) распределение ассоциатов по количественному признаку (по степени уменьшения частотности вариантов);

4) распределение ассоциатов по семантическому признаку (объединение ассоциатов в группы по общности содержания);

5) установление коэффициента частотности для определения границ уровней в смысловом поле концепта;

6) распределение ассоциатов в смысловой структуре концепта (определение ядерных компонентов, смысловых единиц уровня ближайшей зоны, дальнейшей зоны и элементов крайней периферии).

Результаты обработки материалов ассоциативного эксперимента в сокращенном виде приводятся в таблице, демонстрирующей лишь наиболее частотные и показательные ответы, количество которых обозначено цифрой. При этом ответы респондентов были распределены по следующим уровням: ядерная зона, приядерная зона, ближайшая, дальнейшая и крайняя периферия.

Таблица.

Результаты выполнения первого задания анкеты

Ядерные компоненты (более 50 % ответов)	Единицы приядерной зоны (от 25 до 50 % ответов)	Единицы ближайшей периферии (от 10 до 25 % ответов)	Единицы дальнейшей периферии (от 5 до 10 % ответов)	Единицы крайней периферии (менее 5 % ответов, в т. ч. единичные)
83 — возраст ребенка; 79 — СССР, Советский Союз; 73 — труд, работа (работа в поле, работа в колхозе, работа на заводе)	43 — Площадь Первой пятилетки; 40 — тюремный срок (срок на зоне, тюрьма); 40 — план (госплан, планирование); 38 — досрочное выполнение («пятилетку в четыре года», «пятилетку за год»); 37 — вуз (учеба в вузе, высшее образование)	23 — исторический термин; 20 — Сталин; 17 — перестройка (реформирование, нововведения); 16 — Ленин; 15 — коммунизм	8 — передовик (стахановец); 8 — первая пятилетка; 7 — красный; 7 — школа (школа-восьмилетка, школа-семилетка); 7 — производительность труда; 7 — успехи (достижения); 7 — партия	по 6 ответов: социализм (социалистический строй); социальное соревнование; экономика; политика; установка; ускорение; по 5 ответов: Хрущев; кукуруза; результаты; по 4 ответа: эффективность; совещания; обман; приписки; по 3 ответа: индустриализация; название магазина; по 2 ответа: «раз в пятилетку»; догнать и перегнать США; единичные ответы: общежитие; новая; шеститонка; половина десятилетия; музыкальная группа; демонстрация

Анализ экспериментальных данных показал, что в настоящее время слово *пятилетка* в значительной степени утратило свое идеологическое наполнение, так как самое большое количество ответов связано с категорией возраста человека (*пятилетний ребенок*), немало респондентов также связывают это слово с

представлениями об учебе в вузе или сроком заключения в тюрьме. Однако собственно как концепт *пятилетка* по-прежнему воспринимается в границах такой мыслительной области, как СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ НАШЕЙ СТРАНЫ, о чем свидетельствует подавляющее большинство вариантов ассоциаций (название государ-

ства в определенный период: СССР, Советский Союз; политические деятели прошлого: Сталин, Ленин, Хрущев; некоторые знаки идеологии того времени: партия, красный, передовик, стахановец, догнать и перегнать США, досрочное выполнение; некоторые атрибуты деятельности политиков (так, например, в ответах упоминается кукуруза, вероятно, в связи с реформами Н. С. Хрущева в области сельского хозяйства)). Среди ответов респондентов встречаются и такие, которые детерминированы опытом определенной социальной группы: площадь Первой пятилетки находится недалеко от вуза, где проводился ассоциативный эксперимент. В целом выводы соотносятся с данными «Русского ассоциативного словаря», в котором среди наиболее частотных вариантов отмечены такие ассоциации: ГЭС, стройка, экономика, план, год, ритм [Русский ассоциативный словарь 1994: 706].

При проведении эксперимента учитывался возрастной критерий. Исследование показало, что в четвертой возрастной группе (от 66 до 85 лет) наиболее частотными были ответы, содержащие негативную оценку, что, вероятно, связано с памятью о трудностях первых пятилеток, выпавших на начало и середину XX в. (период после Гражданской войны, Вторая мировая война, послевоенное время). Интересен и тот факт, что 10 % (16 человек) представителей первой группы (от 17 до 23 лет) вообще не связывали пятилетку с политической или идеологической жизнью страны, в их ответах были указания лишь на временной признак (*обучение в вузе, тюремный срок*) и возрастной критерий (*пятилетний ребенок, детство, песочница* и под.).

Анализ лексических дефиниций слова *пятилетка* проводился по следующим словарям разных исторических периодов: [Срезневский 1893; САР 1789—1794; Даль 1996; Ушаков 1935; МАС; Ожегов, Шведова 1999; Ефремова; Лопатин, Лопатина 2006; Складаревская 2006].

Очевидно, что в первых двух просмотренных словарях данный языковой феномен не фиксируется, поскольку вряд ли можно говорить о политической, идеологической или культурной значимости пятилетки до 20-х гг. XX в. В данных источниках встречаются слова, так или иначе связанные по семантике с числом пять (*пятак, пятеро, пятерик, пятеричный, пятаина, пятерня, пятница, пятнадцать, пятьсот*) или обозначающие явления религиозной жизни (*пятничать* — поститься по пятницам; *пятидесятница* — Духов день, праздник сошествия Святого Духа; *пятникнижие* — пять первых книг Библии). Лишь в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля фиксируется слово *пятилетний* (*Пятилетний — совершаемый через каждые пять лет, через четыре года на пятый; длящийся пять лет; чему, кому пять лет*), которое, естественно, лишено каких-либо социально или исторически

обусловленных компонентов значения и коннотаций.

В остальных словарях, кроме последнего из перечисленных, слово *пятилетка* фиксируется в следующих значениях: 1. *То же, что пятилетие, или период в пять лет.* 2. *Пятилетний план развития народного хозяйства СССР.* 3. *Возрастом в пять лет.*

При анализе практически одинаковых дефиниций словарей советского периода интересно обратить внимание на пометы и очередность значений: так, в словаре Д. Н. Ушакова это слово во втором значении приводится с пометой *нов.*, что свидетельствует о появлении нового лингвокультурного феномена, отражающего специфику политической и экономической жизни страны тех лет (пятилетки начали свой отсчет с 1928 г.). В словаре Д. Н. Ушакова, в МАС, в словаре В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной политически обусловленное значение стоит на втором месте, в то время как в словарях С. И. Ожегова — Н. Ю. Шведовой и Т. Ф. Ефремовой первым фиксируется значение «пятилетний план развития народного хозяйства СССР», а вторым — «то же, что *пятилетие*». Третье значение, «возраст кого-либо, чего-либо», зафиксировано только у Д. Н. Ушакова, в МАС и в словаре Т. Ф. Ефремовой.

В словаре актуальной лексики конца XX — нач. XXI в. данное слово не фиксируется, так как оно потеряло социально-политическую значимость, зато данным словарем были «реанимированы» такие слова, как *Пятидесятница* и *пятница* с уточнениями *Страстная пятница, Великая пятница*, обозначающими христианские праздники. В этом словаре появилось и слово *пятизвездочный* (например, *пятизвездочный отель*). Все это свидетельствует об изменении системы ценностей в постсоветское время: отказ от антирелигиозных взглядов, приобщение к явлениям современной комфортабельной жизни.

Однако лексикографические источники не отражают той палитры чувств и оценок, которые сопровождали понятие *пятилетка* в сознании «*homo soveticus*». С точки зрения выражения отношения к данному явлению показательны многочисленные анекдоты той поры. Вот некоторые примеры.

...В тюремную камеру вталкивают священника.

— А тебя-то за что?

— Оплочал. Многие лета пятилетке провозгласил.

Послали крестьяне одного мужика к Сталину узнать, что же это такое „пятилетка“.

Сталин говорит мужику:

— Видишь, автомобиль едет?

— Вижу.

— А в конце пятилетки будут они ехать — один за одним, один за одним. А вот видишь, трактор едет?

— Вижу.

— А в конце пятилетки они тоже будут — один за одним, один за одним.

Вернулся мужик в деревню, собрался все, он решил воспользоваться методом Сталина, объяснив наглядно на том, что видит:

— Видите, нищий идет?

— Видим.

— А в конце пятилетки они будут — один за одним, один за одним. А вон видите, покойника несут?

— Видим.

— А в конце пятилетки будет — один за одним, один за одним.

„К концу пятилетки у нас будет по десять килограммов мяса на человек“, — говорит лектор. Его перебивает Рабинович из заднего ряда:

— Простите, тут плохо слышно. Вы скажи ‘ка’ или ‘ке’?

— Не понимаю вопроса.

— На человека или на человеке?

Данные тексты построены на антитетичном приеме, суть которого заключается в противоречии между обещаниями политиков поэтапно, пятилетка за пятилеткой, вывести народ из голодного и нищенского состояния, и реальной ситуацией, когда для выполнения госплана от простого человека требовалось работать без остатка сил, причем иногда у него в довершение всего отбиралось имущество. Р. А. Медведев в политической биографии Н. С. Хрущева детально описал подобную ситуацию:

...Иное положение складывалось в животноводстве, где производство мяса возросло за год только на 3 % и лишь на 33 % превысило данные 1953 года. Пришлось фактически отказаться от лозунга „Догнать и перегнать США по производству мяса“. Утвержденный в декабре на Пленуме ЦК план предусматривал увеличение производства мяса в 1965 году в 2 раза, т. е. до 15 — 16 миллионов тонн в год. И все же Хрущев не отказывался от мысли добиться резкого скачка в производстве мяса. Не без одобрения Хрущева руководители Рязанской области выступили с необычным обязательством — всего за один 1959 год увеличить производство мяса в области в 3,8 раза, а государственные заготовки — в 3 раза. Область, продавшая в 1958 году государству 48 тысяч тонн мяса, обещала продать в 1959 году 150 тысяч! ...Вся рязанская земля стала своеобразной сценой, на которую были направлены прожекторы ослепительного света, чрезвычайно пристального общественного внимания не только нашей страны. ...Гревели победные рапорты. В газетах появлялись о рязанских делах восторженные статьи. Однако пристальный взгляд мог заметить, что уже подкрадывается несчастье, которое неизбежно, когда безответственно эксплуати-

руется революционный энтузиазм народа. ...Хрущев ... с разочарованием знакомился с итогами сельскохозяйственного производства за 1960 год. Валовые сборы зерна и большинства других культур оказались меньшими, чем в 1958 году. поголовье крупного рогатого скота увеличилось за год в колхозах и совхозах на 5 миллионов голов, а в частном владении уменьшилось на 2 миллиона, что свидетельствовало о массовой закупке скота у частных владельцев. Предполагалось, что на колхозных и совхозных фермах скот можно использовать более продуктивно. Но обычная во всех подобных кампаниях торопливость привела к обратным результатам. Производство мяса в стране в 1960 году уменьшилось на 200 тысяч тонн, а производство молока осталось на прежнем уровне. Лозунг, выдвинутый в 1957 году, о необходимости „догнать и перегнать Америку за 3 — 4 года“ вспоминали теперь лишь в многочисленных анекдотах. Печать не информировала больше о „подвиге“ труженников Рязанской области. Мнимые успехи явились результатом обмана и фактического беззакония. В области отправили на мясокомбинаты в 1959 году значительную часть основного стада и молочных коров. Под фиктивные расписки отбирался скот у частных владельцев, который также шел на мясокомбинаты. За деньги колхозов и взятые в банках кредиты приобретался скот в соседних областях, в результате чего многие хозяйства оказались разоренными. В 1960 году область не смогла выполнить даже плановых заданий, не говоря уже о повышенных обязательствах. Убедившись в крахе своей авантюры, первый секретарь обкома А. Н. Ларионов покончил жизнь самоубийством. ЦК КПСС и Правительству пришлось принимать срочные меры по оказанию помощи разоренным хозяйствам Рязанской области» [Медведев 1990: 89—92].

Приписки и обман стали логичным следствием голословных и невыполнимых обещаний руководителей разных уровней. Ярким демонстрирует это следующий анекдот:

Лектор делает доклад об успехах пятилетки:

— В городе А. построена электростанция.

Реплика из зала:

— Я только что оттуда. Никакой электростанции там нет!

Лектор продолжает:

— В городе Б. построен химический завод.

Тот же голос:

— Неделю назад я там был. Никакого завода там нет!

Лектор взрывается:

— А вам, товарищ, нужно поменьше шлаться и побольше газеты читать.

Пустые слова, за которыми нет дела, превратившиеся в бессмысленные изречения —

лозунги, — стали приметой времени, признаком советской власти (ср.: *Даешь пятилетку за 4 года! Пятилетку — досрочно! Догоним и перегоним Европу и Америку! Планы пятилетки — в жизнь!* и др). Стремление коммунистических лидеров формулировать мысли в форме лозунгов отразилось в следующем анекдоте:

Сидят Кощей Бессмертный и Баба-яга у Избушки на курьих ножках, а над лесом летит Змей Горыныч и кричит: „Все на коммунистический субботник!“, „Повышайте производительность труда!“, „Пятилетке качества — рабочую гарантию!“ и т. д.

Кощей: „Чего это с ним?“

Баба-яга: „Небось, в город летал — коммунистов объелся, сердешный“.

Неудивительно, что вера людей в скорую благополучную жизнь была уже не столь прочна. Это отразилось в таком анекдоте:

Построили у нас самый мощный в мире компьютер и задали ему задачу, когда же наступит коммунизм. Компьютер думал, думал, думал... и выдает ответ: „Через 3 километра“... — „?!“. На требование расшифровать столь странный ответ выдал: „Каждая пятилетка — шаг к коммунизму!“

Лозунги тоже нередко переосмыслились народом с целью выразить свое отношение к реалиям жизни, ср. игру слов-чисел в перефразированном знаменитом выражении: *„Пятилетку в четыре года, в три смены, в две руки и за одну зарплату!“*

В приведенных выше текстах нашло отражение крайне негативное отношение народа к такой форме ведения народного хозяйства, характеризующейся завышенным планированием, стремлением победить в соцсоревнованиях любой ценой, отказом от учета разного рода временных, климатических, сезонных и иных факторов. Более жесткая оценка отразилась в иных фольклорных жанрах, в которых отношение выражено с помощью нецензурной лексики, ср. текст частушки:

Вставай, Ленин, вставай, дедка —

За...ла пятилетка,

Ленин встал, развел руками:

Х...ли делать с дураками.

Ж...па гола, лапти в клетку,

Выполняем пятилетку.

Однако официальная культура тиражировала тексты, в которых был представлен иной — светлый и романтический — образ пятилетки. Так, в одном из выпусков тележурнала «Хочу все знать» в исполнении детского хора прозвучала песня о пятилетках:

Эта цифра непостылая,

У нее большой размах.

Карту родины меняет

Пятилеток твердый шаг.

Как отличные ставят отметки

Тем, кто в школьной учебе сильны,

Так пятерки-пятилетки

В дневнике родной страны.

*Комсомольского закала,
Люди крепкие, как сталь,
От Амура до Байкала
Потянули магистраль.
Где геологи были в разведке,
Новостроек огни зажжены.
Пятилетки, пятилетки...
Мирный труд родной страны.*

*Мы готовы к новым стартам
Межпланетных кораблей.
Покоряем грозный атом
Ради счастья на земле.
В пять лучей светят звезды на башне,
Бьют часы у Кремлевской стены.
И светлей, чем день вчерашний,
Новый день родной страны.
Пятилетки, пятилетки...
Новый день родной страны.*

В тексте отражены многие стереотипы и штампы советской поэтики: символизация цифры пять (*пятилетка, отметка пять, пятикопечные звезды Кремлевских башен*), восхваление труда и человеческих достижений, бесконечность покоренных пространств (ср. выражения: *от Амура до Байкала, освоение новых земель, межпланетное пространство*), создание образа нового времени, образа светлого будущего (ср.: *И светлей, чем день вчерашний, новый день родной страны*), определение великой цели всех усилий (ср.: *Мы готовы к новым стартам / Межпланетных кораблей. / Покоряем грозный атом / Ради счастья на земле*).

Энтузиазмом улучшить жизнь в самые короткие сроки были заражены и поэты. Так, у В. Маяковского во многих стихотворениях 1929—1930 гг. встречаются призывы к активному участию в быстром подъеме экономики страны, ср.: ...8. *Не спи на работе! Работник этакий может продряхнуть все пятилетки* («Тексты для плакатов издательства „Вопросы труда“ и „Гострудиздата“»); *Товарищ жизнь, давай быстрее протопаем, протопаем по пятилетке дней остаток* («Во весь голос»); *...идет капиталистическое соревнование. Они соревнуются, а мы чего же нашей отсталости отпустили вожжи? Двиньте в пятилетку, вперед на пятнадцать, чтоб наши кулаки и мускулы видели! В работе и в обороне выходите соревноваться, молодой республике молодые строители!* («Два соревнования»); *Эх, машинушку пустим... Наладим, подмажем да пустим! На карте Союза из каждой клетки встают гиганты на смотр пятилетки... Всем пафосом стихотворного рыка я славолюдию, трубку и приветствую тебя — производственная непрерывка* («Голосум за непрерывку») и мн. др.

С. И. Кирсанов назвал свою последнюю поэму «Пятилетка». В этом произведении автор, зараженный пафосом широкомасштабного социалистического строительства, выразил наде-

жду на скорое процветание молодой советской России, ср. фрагмент поэмы:

*...Пролетариев поток, стремись!
О пороги разбивался вдоволь!
Подняла на стройку ленинская мысль
Днепр человекья трудового.
Главное в тиши писательских берлог
галлюцинаторы фантастики проспали —
в ленинских чертах предплана ГОЭЛРО
очертанья пятилетки проступали.
Герберт Уэльс! Фантастики перо
отложите в сторону. Вниманье!
Знайте, здесь у нас идет борьба миров
пострашнее, чем у вас в романе!
Герберт Уэльс! Простите укоризну,
у вагона в бархатной клетке,
нет не вы! а мы, лучами брызнув,
в завтра! в далеко! к социализму
на машине времени летим!
Мглу времен лучами проломи ты,
встань, Россия, молодой и первой,
перегнав фантастики лимиты,
великаншею над мелочью гипербол!*

Однако не все поэты так однозначно восторженно принимали новые стандарты жизни. В этом смысле интересно посвящение Б. Пастернака «Борису Пильняку», в котором пятилетка становится знаком-символом мнимо счастливой советской жизни:

*Иль я не знаю, что, в потемки тычась,
Вовек не вышла б к свету темнота,
И я — урод, и счастье сотен тысяч
Не ближе мне пустого счастья ста?*

*И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не поднимаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?*

*Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.*

(1931)

В стихотворении лирический герой подчеркивает свое внешнее стремление «вписаться» в советскую действительность (ср.: *И разве я не мерюсь пятилеткой, / Не падаю, не поднимаюсь с ней?*), стремление как-то приспособиться к жизни в мире штампов и стандартов, пытаюсь заглушить честный голос поэта, обличающего ложный пафос счастливого социалистического строительства. (Известно, что Борис Пильняк не сразу сумел подчинить свое творчество законам официальной идеологии.)

Итак, концепт *пятилетка*, помимо «значимостных» (термин С. Г. Воркачева) компонентов смысла («период в 5 лет, охватываемый госпланом развития народного хозяйства в СССР»), включает оценочные коннотации, которые распределяются по двум полюсам: позитивная оценка — в рамках официальной идеологии

— и негативная — в народном бытовом сознании (см. анекдоты, частушки).

В постсоветской России концепт *пятилетка* утратил значимость вместе со всеми атрибутами официальной советской идеологии. Однако в настоящее время можно говорить о некоей «реабилитации» данного лингвокультурного феномена: слово *пятилетка* начинает активно использоваться в языке СМИ. Происходит восстановление данного концепта в массовом сознании, но при этом меняется оценочный компонент: пятилетка становится не знаком насилия со стороны государственной власти, потерь, утрат личного во имя общественного и т. п. В структуре данного концепта появляются новые позитивные коннотации: в банковской, торговой, шире — экономической сфере, слово-концепт *пятилетка* содержит положительную оценку, так как важнейшим компонентом значения становится такой: «наличие стабильности». В разных отраслях стало возможным планирование деятельности на следующие пять лет после нестабильного кризисного периода, начавшегося в 2009 г. Однако нельзя не заметить, что такое «реанимирование» концепта с новым аксиологическим эффектом возможно только тогда, когда в значительной степени угасает историческая память о трудностях советских пятилеток.

В качестве доказательства частотного употребления слова-концепта *пятилетка* в современных СМИ следует привести некоторые примеры заголовков и фрагментов статей о событиях политической, экономической и даже культурной жизни нашей страны. Вот как освещаются некоторые факты сферы политики.

Back in the USSR: путинский Фронт решил вернуться к пятилеткам. Предвыборная программа „Единой России“ и Общероссийского народного фронта (ОНФ), которую готовит Институт социально-экономических и политических исследований, будет представлять собой пятилетний план развития страны, объявил глава института Николай Федоров. „Пятилетний план — это рабочее название программы“, — добавил он (URL: <http://www.newsru.com/russia/02jun2011>).

Россия вряд ли переживет пятилетку пустоты и болтовни. Новая инициатива „Народного фронта“ рискует повторить судьбу „плана Путина“. Руководитель Института социально-экономических и политических исследований Николай Федоров заявил, что уже к августу его подчиненные разработают пятилетний план развития страны (URL: <http://www.newsland.ru/news/detail>).

Так же описываются явления сферы образования.

Пятилетка образовательных надежд. За всенародным обсуждением образовательных стандартов для старшей школы мало кто заметил, пожалуй, одно из наиболее важных событий в этой сфере — утверждение

главой правительства Владимиром Путиным концепции новой Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы. ...Согласно новой ФЦПРО, ближайшая пятилетка должна стать пятилеткой модернизации общего и дошкольного образования, приведения начального и среднего профобразования в соответствие с запросами работодателей, а также повышения эффективности экономики образования (URL: <http://elibrary.udsu.ru>. Дата обращения: 26.06.2011).

С помощью концепта описывается и социально-экономическая сфера.

Профсоюзная пятилетка: шаги в будущее. За истекшую пятилетку в непростых социально-экономических условиях Профсоюз неизменно во главу угла своей деятельности ставил насущные потребности людей труда, выражал и представлял их коренные интересы на всех уровнях, принципиально и целенаправленно отстаивал и защищал их социально-трудовые права (<http://www.fnpr-pfo.ru/experience>. Дата обращения: 16.08.2011).

Мэр объявил „Пятилетку здоровья“. С программной речью выступил сегодня мэр Казани Ильсур Метшин на конференции городского отделения партии „Единая Россия“. В течение 40 минут он тезисно подвел главные итоги своей работы за пять лет и развернуто представил стратегию города на следующий срок (URL: <http://www.business-gazeta.ru/article>. Дата обращения: 26.06.2011).

Пятилетка упоминается и при разговоре о сфере социально-культурной жизни.

Пятилетка. Проект галереи ВХУТЕМАС в рамках XVI Международной выставки архитектуры и дизайна „АрхМосква — 2011“. На выставке „Пятилетка“ молодые архитектурные команды прогнозируют на пять лет вперед развитие города Москвы... (URL: <http://images.yandex.ru>. Дата обращения: 16.08.2011).

Так же характеризуется торгово-экономическая сфера.

Пятилетка без радости. Credit Suisse пересмотрел прогноз развития российского рекламного рынка в 2008-2012 годах в сторону понижения... (URL: <http://re-port.ru/news/50456>. Дата обращения: 16.08.2011).

Российской прессе предрекли пятилетку спада. Российский рынок печатных СМИ до 2013 года будет переживать пятилетку спада, пишет газета „Ведомости“ (URL: <http://www.automap.kz>. Дата обращения: 25.06.2011).

Особенно актуальным феномен пятилетка оказался в сфере автомобилестроения, ср.: **Ударная пятилетка ижевской „четверки“.** Сегодня исполняется 5 лет со дня подписания приказа об организации и поэтапной передаче производства Lada 2104 на „ИжАвто“. И хотя первые автомобили были выпущены несколь-

ко позже, свою историю ижевская „четверка“ ведет именно с подписания документа. Ведь с этого момента „ИжАвто“ официально стал единственным в России производителем „классического“ универсала. Сегодня это уже не тот автомобиль, что дебютировал на ижевском конвейере в 2002-м... За пять лет производства на „ИжАвто“ Lada 2104 значительно изменилась: модернизирована выхлопная система, снизился уровень шума автомобиля, улучшена конструкция сидений (URL: <http://foto.carexpert.ru>. Дата обращения: 27.06.2011).

К 2011 году Volkswagen выпустит 7 новых автомобилей. Что ждет компанию Volkswagen в будущем? До недавнего времени лишь немногие автоэксперты могли ответить на этот вопрос, пока интернет-издание CarScoop не обнародовало планы руководства этого немецкого автогиганта на ближайшую пятилетку (URL: <http://www.kipauto.ru/volkswagen>. Дата обращения: 25.06.2011).

Битва харизм: обзоры автомобилей. Сомневаться не стоит — этот концепт, скорее всего, запустят в серийное производство, потому что ниша кроссоверов со спорной внешностью — это, можно сказать, тренд пятилетки (URL: reviews.amobil.ru. Дата обращения: 25.05.2011).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что с точки зрения обусловленности категорией времени концепты делятся на два типа: постоянные (вневременные) и переменные (исторически обусловленные). Со сменой системы ценностей, сменой идеологии содержательные и коннотативные компоненты переменных концептов могут меняться. Это произошло с концептом *пятилетка*, актуальным в период СССР, сохранившимся в постсоветском российском сознании только под знаком советской идеологии и восстанавливаемым в настоящее время с новым содержанием и коннотациями.

ЛИТЕРАТУРА

- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. — М.: Флинта, Наука, 2007.
- Медведев Р. А., Хрущев Н. С.: Политическая биография. — М.: Книга, 1990.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка : моногр.. — Воронеж: изд-во «Истоки», 2006.
- Русский ассоциативный словарь Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М, 1994.
- Степанов Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
- Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Воронеж, 2007.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58—65.

Стернин И.А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / Под ред. Проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 257—282.

Тавдигиридзе Л.А. Концепт *русский язык* в русском языковом сознании. Автореферат дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

СЛОВАРИ

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. — Спб., 1893.

Словарь Академии Российской = САР. — 1789—1794. URL: www.philippovich.ru.

Даль В. И. Толковый словарь живого велико-

русского языка : в 4 т. — СПб.: ТОО «Диамант», 1996.

Толковый словарь русского языка = Ушаков : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М.: ОГИЗ, 1935.

Словарь русского языка = МАС : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981—1984.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1999.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.slovoblog.ru/efremova>.

Лопатин В. В., Лопатина Е. Е. Русский толковый словарь. — М.: ЭКСМО, 2006.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика = Скляревская / под ред. Г. Н. Скляревской. — М.: ЭКСМО, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

А. В. Добров

Санкт-Петербург, Россия

A. V. Dobrov

St. Petersburg, Russia

**КОМПЛЕКСНЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К АВТОМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКАЦИИ
НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ**

**A COMPLEX
LINGUISTIC APPROACH
TO AUTOMATIC CLASSIFICATION
OF NEWS REPORTS**

Аннотация. Непрерывный рост объемов информации в средствах массовой коммуникации приводит к повышению трудоемкости ручной классификации текстов. Для автоматизации этой деятельности создан ряд компьютерных средств, но уровень их эффективности недостаточно высок для того, чтобы упростить деятельность экспертов. Предлагается подход к созданию систем автоматической рубрикации новостных сообщений, основанный на компьютерных методах комплексного лингвистического анализа текстов, анализируются способы оценки эффективности таких систем.

Abstract. The continuous growth of the amount of information in mass media leads to the increase of labour-intensity of manual text classification. A set of computer tools is developed to automate this process, but the level of effectiveness of these tools is not high enough to simplify the work of the experts. This article introduces an approach to development of automatic classification systems of news reports, based on machine-driven complex linguistic analysis. Some techniques of evaluation of effectiveness of those systems are discussed.

Ключевые слова: новостные сообщения; медиадискурс; автоматическая рубрикация текстов; тематическая структура дискурса; автоматический семантический анализ.

Key words: news reports; media discourse; automatic text classification; topical structure of discourse; automatic semantic analysis.

Сведения об авторе: Добров Алексей Владимирович, аспирант кафедры математической лингвистики филологического факультета.

About the author: Dobrov Alexey Vladimirovich, Post-graduate Student of the Chair of Computational Linguistics of the Philological Faculty.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет; ОАО «Линукс Инк».

Place of employment: the St. Petersburg State University; OJSC "Linux Ink".

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7.
e-mail: a.dobrov@linux-ink.ru.

Новостные сообщения, или сообщения информационных агентств (напр., РИА Новости, ИТАР-ТАСС, Рейтер и т. п.), — это одна из разновидностей новостных текстов, нуждающихся в эффективной и быстрой рубрикации. Новостные сообщения появляются каждый час и распределяются по сводным и тематически ориентированным новостным потокам. Скорость и качество такого распределения зависят от деятельности коллективов экспертов, осуществляющих рубрикацию новостных сообщений вручную.

Рост объемов информации в средствах массовой коммуникации, и в частности в сети Интернет, приводит к постоянному повышению трудоемкости этой деятельности и к необходимости в совершенствовании качества и скорости поиска информации и организации ее хранения. Для решения этих задач создается компьютерный инструментарий, позволяющий в той или иной мере автоматизировать и упростить процесс рубрикации текстов, однако уровень эффективности систем автоматической рубрикации текстов недостаточно высок для того, чтобы упростить деятельность экспертов.

В отличие от других видов новостных текстов, новостные сообщения выполняют в первую очередь информационную функцию, а не функцию воздействия, поэтому в наименьшей

мере проявляют те особенности публицистического функционального стиля, которые затрудняют автоматический лингвистический анализ. В новостных сообщениях используется сравнительно меньшее количество средств художественной выразительности, подавляющее количество предложений — повествовательные, либо констатирующие тот или иной факт, либо передающие чей-либо комментарий к этому факту в виде прямой речи. Как и другие новостные тексты, новостные сообщения характеризуются четкой тематической структурой дискурса. В отличие от информационной аналитики и комментария, многих видов публицистики, тематических материалов группы «features» (по классификации Т. Г. Добросклонской [см. Добросклонская 2005]) и рекламы, новостные сообщения характеризуются также относительной краткостью и единообразием структуры текста и структур составляющих предложений. Поэтому при оценке эффективности систем автоматической рубрикации текстов новостные сообщения представляют собой одну из разновидностей материала, на котором статистические методы оценки эффективности дают наиболее достоверные результаты. К таким разновидностям языкового материала традиционно относятся также нормативно-правовые документы, в отличие от которых новостные сообщения

характеризуются меньшим количеством специальных терминов и сложных юридических формулировок, что упрощает применение лингвистических средств компьютерного анализа. Этими особенностями новостных сообщений обусловлена также большая сложность применения статистических методов для их автоматической рубрикации: благодаря значительному количеству общеупотребительной лексики термины, характерные для конкретных рубрик, оказываются менее частотными, а отсутствие сложных типовых формулировок не дает возможности производить уточнение алгоритмов выбора рубрик путем их ориентации на конкретные цепочки формальных оболочек словоформ.

Поэтому наряду с коллекциями правовых документов многие текстовые коллекции, предназначенные для оценки эффективности работы систем автоматической рубрикации текстов, состоят из новостных сообщений, например коллекция «Reuters-21578» [Lewis 2004].

Задача автоматической рубрикации новостных сообщений может пониматься по-разному, так как устоявшегося определения термина «автоматическая рубрикация» в современной лингвистике не существует. Тем не менее в различных публикациях приводятся некоторые определения, из которых наиболее абстрактной представляется формулировка М. С. Агеева, Б. В. Доброва и Н. В. Лукашевич: «...отнесение порции информации к одной или нескольким категориям из ограниченного множества» [Агеев, Добров, Лукашевич 2008: 25].

При автоматической рубрикации тексты распределяются по заранее специфицированным рубрикам. В зависимости от того, каким образом специфицируются эти рубрики, можно выделить два класса методов организации систем автоматической рубрикации текстов: методы, основанные на знаниях, и методы, основанные на машинном обучении, при применении которых используется коллекция документов, предварительно распределенных по рубрикам вручную. Принципиальное различие между этими двумя подходами, как представляется, состоит не в технологии автоматической рубрикации, а в методике предварительного получения описаний рубрик: при «инженерном» подходе эти описания строит человек, а при применении алгоритмов машинного обучения — машина. По данным исследования М. С. Агеева и др., «... системы рубрикации, основанные на машинном обучении, имеют серьезные проблемы даже на относительно простом рубрикаторе: 50 % F-меры означает, что только половина документов получила правильные рубрики» [Там же: 27].

Под описанием рубрик при инженерном подходе к автоматической рубрикации авторы понимают «некоторое выражение на основе слов и (или) терминов реальных текстов» [Там же: 31], а не описание понятий, стоящих за раз-

личными значениями этих слов. Такой подход приводит к ряду затруднений, на которые указывают многие авторы, обусловленных многозначностью слов (слова в тексте могут употребляться не в тех значениях, на которые рассчитывал эксперт) и проблемой ложной корреляции. Ложная корреляция возникает в случаях, когда правило отнесения текста к рубрике опирается на присутствие в нем двух не связанных друг с другом слов. Например, если для отнесения к рубрике «*Экономические реформы*» считать достаточным наличие в тексте слов «*экономический*» и «*реформа*», то ложная корреляция может произойти, если в тексте шла речь о судебной реформе и были упомянуты экономические вопросы. Причина возникновения проблемы «ложной корреляции» состоит в не вполне корректном подходе к созданию лингвистического обеспечения системы автоматической рубрикации: для отнесения текста к рубрике «*Экономические реформы*» необходимо присутствие в тексте не слов «*экономический*» и «*реформа*», а темы «экономические реформы», представленной относящимися к ней понятиями, выраженными синтаксически и семантически связанными языковыми единицами. Для этого, однако, описывать рубрики необходимо в форме лингвистических моделей, отражающих связи между понятиями и выражающими их единицами — синтаксическими структурами, обладающими сложной семантикой, позволяющей относить или не относить понятия, а не отдельные слова, к той или иной «рубрике».

Таким образом, современные системы автоматической рубрикации текстов характеризуются рядом недостатков, обусловленных тем, что в них не задействован синтаксический и семантический анализы текстов. Основные недостатки систем автоматической рубрикации текстов можно было бы ликвидировать, если бы обрабатываемыми единицами были не отдельно взятые словоформы или сопоставляемые им версии лемматизации с неразрешенной неоднозначностью, а элементы полноценного семантического представления обрабатываемого текста.

При использовании комплексного лингвистического анализа текста образы рубрик могли бы представлять собой формулы, сходные по структуре с теми, которые применяются в современных системах автоматической рубрикации текстов, но в функции переменных в этих формулах выступали бы не лексические единицы, а концептуальные структуры, соответствующие их значениям (ниже будут даны некоторые пояснения, относящиеся к способам организации и методам автоматического выявления этих структур). Например, образ рубрики «*Экономическая реформа*» включал бы в себя концепт «экономическая реформа», а не формулу вида «(*экономический ИЛИ экономика*) И *реформа*». Такой подход решил бы проблему ложной корреляции: текст, в содержании кото-

рого концепты 'экономика' и 'реформа' не связаны друг с другом, не мог бы быть отнесен к рубрике «*Экономическая реформа*».

Комплексный лингвистический анализ текста дает также возможность учета его тематической (коммуникативной) структуры. Исходными данными для выявления тематической структуры дискурса является информация о когезии и об актуальном членении. Как отмечают различные авторы, на основании этих данных может быть выявлена иерархическая (древовидная) структура тематической прогрессии текста (см., напр., тематические прогрессии Данеша — [Danes 1974]). При учете тематической структуры дискурса основанием для ранжирования рубрик становится не только частотность соответствующих им концептуальных структур, но и их место в структуре тематической прогрессии.

Различные подходы к описанию тематической структуры дискурса подробно рассматриваются в работе [Филиппов 2003]. Основным недостатком существующих подходов к моделированию тематической структуры дискурса представляется то, что в подавляющем большинстве эти подходы основаны на идее единственности этой структуры. Предполагается, что в каждом предложении можно четко выделить часть, относящуюся к теме, и часть, относящуюся к реме, при этом тема любого не первого предложения текста непременно является ремой одного из предшествующих ему предложений. На чем основаны эти предположения, остается неясным. В структуре тематической или рематической составляющих каждого предложения может быть любая составляющая, причем в составе сложной рематической составляющей могут присутствовать тематические компоненты. Тематические компоненты предложений в составе текста не обязательно одновременно являются рематическими компонентами предшествующих им предложений —

они могут относиться к любому компоненту коммуникативной ситуации, включая общие для говорящего и слушающего сведения об обсуждаемой действительности. Наконец, в одном предложении могут фигурировать тематические компоненты, являющиеся одновременно рематическими в нескольких предшествующих предложениях, что дает основания предполагать возможность сосуществования нескольких тематических прогрессий в рамках одного текста или, что представляется в большей степени целесообразным, представлять тематическую прогрессию в виде сетевой, а не древовидной структуры. Следует отметить, что указанные явления встречаются в подавляющем большинстве текстов, поэтому в качестве примера можно было бы взять любое новостное сообщение. Рассмотрим, например, тематическую прогрессию в сообщении агентства ИТАР-ТАСС от 29 июня 2011 г., опубликованном в электронной форме в сети Интернет по адресу <http://www.itar-tass.com/c1/175781.html> (для краткости возьмем только заголовок и первый абзац).

Первое предложение — заголовок: *Греческие демонстранты на площади у парламента забрасывают полицию бутылками с зажигательной смесью.*

Второе предложение (первое в основном тексте сообщения) связано с заголовком одновременно четырьмя анафорическими связями: *Демонстранты начали забрасывать полицию бутылками с зажигательной смесью и камнями у парламента Греции в рамках акции протеста против ожидаемого принятия сегодня законодателями программы жесткой экономики до 2015 года.*

Ниже приводится таблица с указанием анафорических связей и статуса синтаксических составляющих (Т — тема, R — рема) в актуальном членении предложения.

Предложение1	Предложение2
Греческие демонстранты (Т)	Демонстранты (Т)
забрасывают полицию (R)	начали (R) забрасывать полицию (Т)
бутылками с зажигательной смесью (R)	бутылками с зажигательной смесью (Т)
у парламента (R).	у парламента Греции (Т).

Третье предложение связано со вторым двумя анафорическими связями, при этом одна из них — эллиптическая (эллиптированный фрагмент приведен в угловых скобках): *В от-*

вет спецназовцы в касках и противогазах, прикрывающиеся пластиковыми щитами, распыляют в толпу слезоточивый газ.

Предложение2	Предложение3
начали (R) забрасывать полицию (Т)	В ответ (R) <на это> (Т)
Демонстранты (Т)	в толпу (Т)

Четвертое предложение является сложносочиненным, его компоненты целесообразно рассматривать по отдельности, так как между

ними наблюдается анафорическая связь: *В ходе ожесточенных стычек манифестанты бьют полицейских палками от транспаран-*

тов, в ответ спецназовцы пускают в ход резиновые дубинки.

Первая часть четвертого предложения связана со вторым предложением двумя анафорическими связями:

Предложение3	Предложение4.1
Демонстранты (Т)	манифестанты (Т)
полицию (Т)	Полицейских (Т)

Вторая часть четвертого предложения связана одной анафорической связью с первой

частью и одной анафорической связью с третьим предложением.

Предложение4.1	Предложение4.2
бьют полицейских палками от транспарантов (R)	В ответ (R) <на это> (Т)
Предложение3	предложение4.2
спецназовцы (R)	Спецназовцы (Т)

Пятое предложение не содержит в себе прямых анафорических связей ни с одним из предыдущих: *Есть раненые, задержаны несколько человек.* В этом предложении описывается итог тех столкновений, о которых шла речь во всех предыдущих предложениях, поэтому можно предположить, что в нем опущен компонент <в результате этих столкновений>, тогда через него пятое предложение анафорически связано со всеми предыдущими.

В первом абзаце большинство предложений связано с предыдущими предложениями несколькими анафорическими связями, причем некоторые предложения связаны одновременно с несколькими предшествующими, а одно предложение (четвертое) связано само с собой. Большинство анафорических связей выражено языковыми единицами, находящимися в отношениях синонимии (*демонстранты — манифестанты*) или гиперонимии (*демонстранты — толпа*), многие связи выявляются за счет восстановления эллиптированных компонентов. Подобная система анафорических связей показывает, что элементами тематической прогрессии целесообразно считать не предложения, а концептуальные структуры, соответствующие их составляющим.

Такой подход к моделированию тематической структуры дискурса дает возможность формализации методики ее выявления на основании сопоставления концептуальных структур, соответствующих синтаксическим составляющим: для каждой пары таких структур предполагается анафорическая связь, если второй элемент пары является тематическим, и между корневыми элементами этих структур существуют отношения эквивалентности (синонимии) или наследования (гиперонимии). Тематическая структура дискурса формируется в результате выявления анафорических связей в виде сетевой структуры (графа), узлами которой являются концептуальные структуры, а дугами — анафорические связи. Элементы концептуальных структур предложений, не входящие в

анафорические связи, остаются связанными с анафорическими компонентами за счет семантико-синтаксических связей. На основании такого представления тематической структуры дискурса можно вычислить ранг каждой семантической структуры, представленной в тексте, в соответствии со следующими правилами:

- ранг концептуальной структуры, выраженной синтаксической составляющей, не связанной ни напрямую, ни опосредованно никакими анафорическими связями с другими составляющими, равен единице;
- концептуальные структуры, выраженные тематическими составляющими, связанными с другими составляющими напрямую или опосредованно анафорическими связями, обладают одинаковым рангом;
- концептуальные структуры, выраженные рематическими составляющими, связанными с другими составляющими опосредованно анафорическими связями, обладают рангом на единицу большим, чем ранг антецедента.

В соответствии с этими правилами в приведенном отрывке рангом, равным единице, обладают, например, структуры 'греческие демонстранты', 'полицейские', 'забрасывать полицию', 'бутылки с зажигательной смесью', 'бить полицейских палками от транспарантов'. Рангом, равным двум, обладают, например, структуры 'акция протеста', 'камни', 'принятие программы жесткой экономии', 'спецназовцы'. Рангом 3 обладают, например, структуры 'каска', 'противогазы', 'резиновые дубинки'.

Организация концептуальных структур рассматривается в научной литературе по-разному. Термин «концептуальный граф» был впервые введен Дж. Ф. Сова в работе [Sowa 1976]. В первоначальном понимании концептуальный граф — это двудольный направленный граф, состоящий из двух типов узлов: концептов и концептуальных отношений, или просто отношений.

В ряде работ по синтаксической семантике формализм концептуальных графов использу-

ется для моделирования семантики предложения [см., напр.: Богатырев, Тюхтин 2009; Палагин, Кривой, Петренко 2009 и т. п.]. Далеко не всегда сетевое представление семантики предложения в виде концептуального графа соответствует определению Дж. Соуи: часто отношения между концептами моделируются не при помощи узлов концептуального графа, а при помощи его дуг. Такой граф, в котором отношения между концептами моделируются при помощи дуг, иногда называют семантической сетью: «Семантические сети представляются в виде направленного графа, вершины которого соответствуют объектам (понятиям, сущностям) предметной области, а дуги — отношениям (связям) между объектами» [Палагин, Кривой, Петренко 2009: 77]. В соответствии с этим определением, частным случаем семантической сети можно считать семантическое представление, предложенное еще И. А. Мельчуком в модели «Смысл <-> Текст» [см. Мельчук 1974].

При обоих подходах трудности возникают при моделировании отношений более чем первого порядка, т. е. таких, которые устанавливаются между другими отношениями. Например, союз «и», связывающий два предиката, выражает отношение между двумя отношениями. В модели Дж. Соуи такая возможность вообще не предусмотрена, ведь как только в концептуальном графе появится дуга, связывающая два отношения, будет нарушено требование двудольности. В модели семантической сети видится две возможности решения этой задачи: можно постулировать возможность для некоторых дуг связывать между собой не узлы, а дуги, или интерпретировать узлы и дуги с одинаковыми метками как одни и те же концепты. В первом случае концептуальная структура по определению перестанет быть графом, что приведет к значительным затруднениям при ее автоматической обработке. Во втором случае в рамках концептуальной структуры не будут явным образом разграничены концепты и отношения. В рамках предлагаемого в данной статье подхода предпочтение отдается второму решению, так как, во-первых, концептуальные отношения можно рассматривать как частный случай концепта, а во-вторых, сохранение структуры графа позволяет применять к концептуальной структуре существующие алгоритмы обработки графов.

Предлагаемая модель организации концептуальной структуры может быть проиллюстрирована на примере первого предложения рассматривавшегося выше отрывка (рис. 1). Этот граф был построен в результате обработки синтаксической структуры предложения, полученной в ходе синтаксического анализа (рис. 2). Следует отметить, что наименования синтаксических составляющих и их вложенность были получены на основании разрабатываемой автором данной статьи формальной модели русского синтаксиса.

Построение концептуальной структуры на основе дерева синтаксических составляющих было выполнено в соответствии со следующими принципами:

1) концептуальная структура терминальной синтаксической составляющей представляет собой одно из значений соответствующей этой составляющей словоформы;

2) концептуальная структура сложной идиоматической синтаксической составляющей представляет собой одно из значений соответствующей этой составляющей идиомы;

3) концептуальная структура сложной неидиоматической синтаксической составляющей вычисляется из концептуальных структур ее дочерних составляющих при помощи функции, соответствующей типу родительской составляющей;

4) выбор того или иного значения в пп. 1, 2 обусловлен возможностью вычисления функции в п. 3

В случае с сигнификативной именной группой *Греческие демонстранты* выбор значения производить не приходится: оба ее компонента — словоформы однозначных лексических единиц. Соответственно, вычисление концептуальной структуры этой составляющей сводится к включению в сигнификат понятия 'демонстрант' признака 'относящийся к Греции', обозначаемого прилагательным *греческий*. В результате связывания понятия 'демонстрант' с грамматическим значением множественного числа значение словоформы *демонстранты* интерпретируется при составлении концептуального графа как 'группа (совокупность), включающая в себя элементы класса «демонстрант»'.

Проблема выбора значения возникает при интерпретации группы переходного глагола *забрасывают полицию бутылками с зажигательной смесью*. В этом предложении глагол *забрасывать* употреблен в значении 'бросать в большом количестве, ошеломляя', а существительное *полиция* — в значении 'совокупность полицейских'. Оба значения не являются основными для этих лексических единиц. Глагол «забрасывать» (НСВ к «забросать») омонимичен глаголу «забрасывать» (НСВ к «забросить»). В данном случае выбор первого варианта основан на несоответствии рамки валентностей глагола «забросить», не содержащей в себе инструмента, фактически наблюдаемому инструменту, выраженному пассивным субъектом «бутылками с зажигательной смесью». В результате этого несоответствия не может быть вычислена функция заполнения рамки валентностей, соответствующая группе переходного глагола. Выбор значения 'совокупность полицейских' обусловлен семантическим ограничением на пациенс, состоящим в том, что в роли пациенса в данном случае может выступать только человек. Это ограничение возникает благодаря семе 'ошеломляя', представленной в значении глагола «забрасывать».

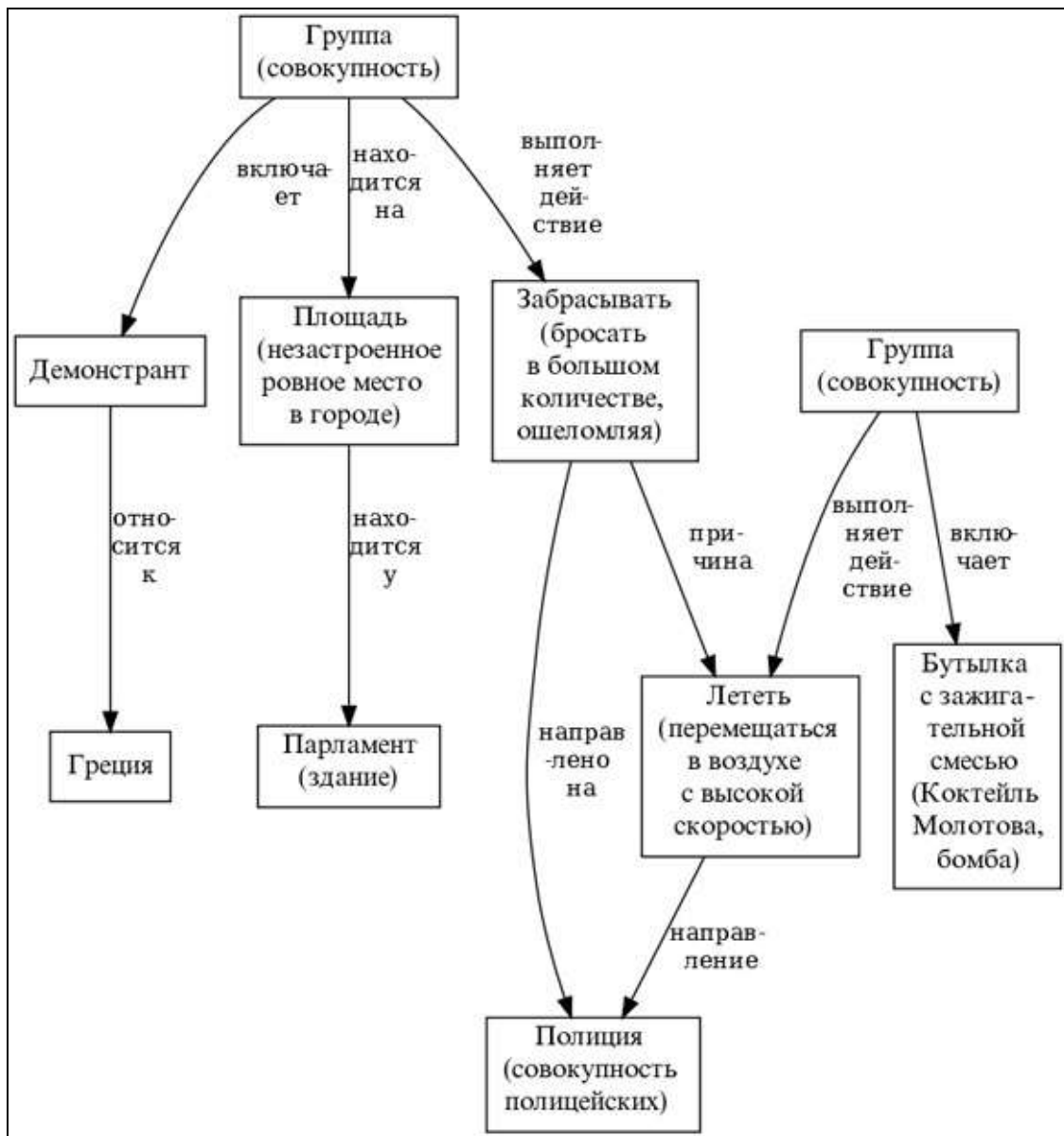

Рисунок 1

Примером действия принципа 2 может служить сигнификативная именная группа *бутылками с зажигательной смесью*, представляющая собой идиоматическое выражение, значение которого — ‘Коктейль Молотова (бомба)’ — невозможно вывести из его частей.

Использование концептуальных структур, вычисляемых из синтаксических в соответствии с указанными принципами, для выявления тематической структуры новостного сообщения и его автоматической рубрикации решает проблему лексической неоднозначности и проблему ложной корреляции. Для этого необходимо использовать компьютерную модель лексики и грамматики, содержащую в себе информацию о синтаксических составляющих, функциях, позволяющих вычислять их значения, а также о значениях лексических единиц, синонимических и гиперонимических отношениях между ними и о соответствующих этим значениям рамках валентностей.

Использование комплексного лингвистического анализа текстов для их автоматической

рубрикации на основании формальных семантико-синтаксических моделей может существенно повысить эффективность работы систем автоматической рубрикации текстов. Чтобы установить доподлинно, в какой степени применение комплексного лингвистического анализа повышает эффективность систем автоматической рубрикации текстов, необходимо создать подобную систему и произвести экспериментальное исследование с целью сравнения эффективности работы существующих систем автоматической рубрикации текстов с эффективностью работы созданной системы.

Оценка эффективности работы системы автоматической рубрикации текстов производится путем сравнения результатов ее работы с эталонной рубрикацией набора документов. В качестве эталона используется коллекция документов, отрубрицированных вручную. Такой подход может вызвать некоторые сложности, так как эффективность ручной рубрикации зависит от ряда факторов. Эксперты, производящие ручную рубрикацию, могут работать не

вполне последовательно, что может отразиться на качестве их работы.

Работа одного эксперта вряд ли может считаться эталоном при оценке качества работы системы автоматической рубрикации. Как отмечалось в работе [Добров 2010], релевантность той или иной рубрики документу представляет собой шкалируемую величину, поэтому эталонная рубрикация должна содержать в себе оценку этой величины для каждого отнесения документа к рубрике. Тогда эталонная рубрикация одной и той же коллекции документов может быть произведена несколькими экспертами. При этом для каждого отнесения документа к рубрике можно произвести расчет математического ожидания и дисперсии значения релевантности, что позволяет, в соответствии с

T-критерием Стьюдента, оценить статистическую значимость различий между результатами работы системы автоматической рубрикации текстов и эталонной рубрикацией.

Для оценки эффективности систем автоматической рубрикации текстов принято использовать метрики, сходные с теми, которые используются для оценки эффективности работы информационно-поисковых систем.

Меры точности и полноты были введены и описаны в 1955 году А. Кентом и его коллегами, разработавшими «систему оценки» информационно-поисковых систем, включающую в себя методы статистической выборки для оценки числа не найденных релевантных документов [Kent et al. 1955].

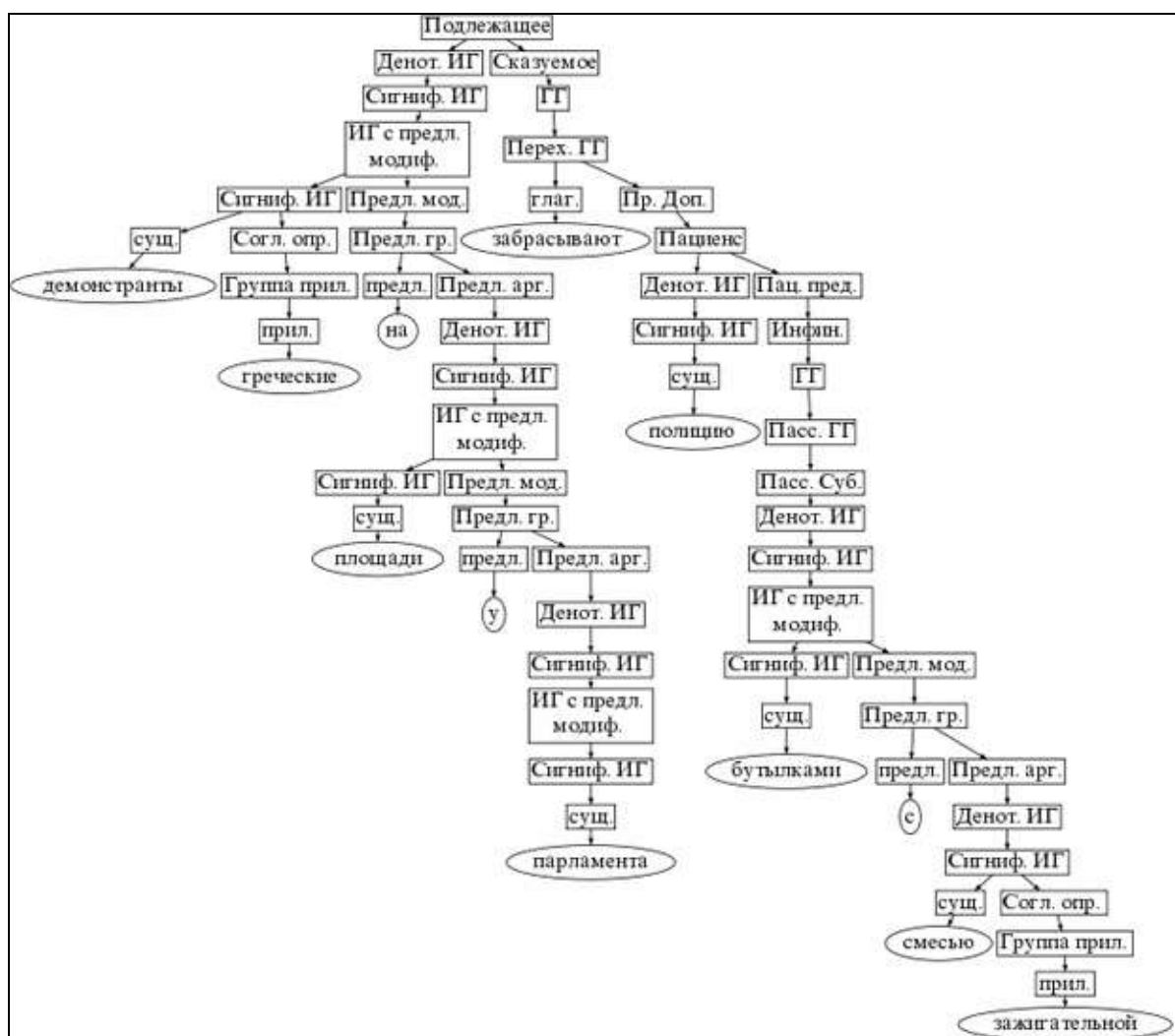

Рисунок 2

Точность автоматической рубрикации — это нормированная мера, определяющая для одного текста отношение количества корректно привязанных к нему рубрик к общему количеству рубрик, объективно релевантных данному тексту. Полнота автоматической рубрикации — это нормированная мера, определяющая для одного текста отношение количества корректно привязанных к нему рубрик к общему количеству

рубрик, объективно релевантных данному тексту. Точность и полнота могут быть измерены для реакции системы автоматической рубрикации текстов на один текст, причем количество выданных результатов должно быть большим нуля. Формулы для определения данных параметров таковы:

$$Precision = \frac{|D_{rel} \cup D_{retr}|}{|D_{retr}|} \quad Recall = \frac{|D_{rel} \cup D_{retr}|}{|D_{rel}|}$$

где Precision — точность, Recall — полнота, D_{rel} — множество рубрик, релевантных тексту, D_{retr} — множество выданных рубрик.

Наиболее известной формулой для оценки эффективности системы автоматической рубрикации текстов является формула Ван Рисбергена (также известная как F-мера, или F_1 -мера):

$$F_1 = \frac{2 * P * R}{P + R}, \quad \text{где } P \text{ — мера точности,}$$

а R — мера полноты.

Проблему при определении параметров точности и полноты составляет множество D_{rel} : предполагается, что во всей совокупности рубрик можно выделить «строго» релевантные и «строго» нерелевантные анализируемому документу. Тем не менее, как отмечалось в [Добров 2010], релевантность рубрики документу — это мера, зависящая от множества параметров, каждый из которых может иметь разный вес.

При оценке статистической значимости различий между результатами работы системы автоматической рубрикации текстов и эталонной рубрикацией на основании Т-критерия Стьюдента должно применяться сравнение выборочного среднего с заданным значением. Релевантными выданными рубриками можно считать рубрики, для которых Т-критерий не вызывает статистически значимых различий между выборочным средним значением релевантности, установленным экспертами, и значением релевантности, вычисленным системой автоматической рубрикации текстов. Предлагаемая методика оценки релевантности системы автоматической рубрикации текстов, в отличие от общепринятой, основывается на применении Т-критерия Стьюдента для оценки точности, полноты и, соответственно, F-меры.

Таким образом, были выявлены основные особенности новостных сообщений, влияющие на эффективность их автоматической рубрикации. Была поставлена задача автоматической рубрикации новостных сообщений. Был предложен подход к созданию систем автоматической рубрикации новостных сообщений, основанный на использовании компьютерных методов комплексного лингвистического анализа текстов. Были проанализированы существую-

щие методы оценки и сравнения эффективности работы систем автоматической рубрикации текстов и предложены некоторые уточнения к этим методам, на основании которых сформулирована уточненная методика оценки эффективности работы системы автоматической рубрикации текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев М. С., Добров Б. В., Лукашевич Н. В. Автоматическая рубрикация текстов: методы и проблемы // Уч. зап. КГУ. 2008. Т. 150, кн. 4.

Богатырёв М. Ю., Тюхтин В. В. Построение концептуальных графов как элементов семантической разметки текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). — М.: РГГУ, 2009. Вып. 8 (15).

Добров А. В. Технологии интеллектуального поиска и способы оценки их эффективности // Структурная и прикладная лингвистика. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. Вып. 8.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2005.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». — М.: Наука, 1974.

Палагин А. В., Кривой С. Л., Петренко Н. Г. Концептуальные графы и семантические сети в системах обработки естественно-языковой информации // Математичні машини і системи. Киев, 2009. № 3.

Филиппов К. А. Лингвистика текста: курс лекций. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

Danes F. Functional sentence perspective and the organization of the text // Papers on functional sentence perspective. — Prague, 1974.

Kent A., Berry Madeline M., Luehrs Jr. Fr. U., Perry J.W. Machine literature searching VIII. Operational criteria for designing information retrieval systems // American Documentation. 1955. Vol. 6. Issue 2. P. 93—101.

Lewis D. Reuters-21578 text categorization test collection. Distribution 1.0. URL: <http://www.daviddlewis.com/resources/testcollections/reuters21578/readme.txt> – 2004.

Sowa, John F. Conceptual Graphs for a Data Base Interface // IBM Journal of Research and Development. 1976. № 20 (4). P. 336—357.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

К. В. Злоказов

Екатеринбург, Россия

Zlokazov K. V.

Ekaterinburg, Russia

**АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ
КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА
ДЕСТРУКТИВНО-ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

**ANALYSIS OF PERCEPTION PECULIARITIES OF
A CREOLOIZED TEXT OF A DISTRUCTIVE-
EXTREMIST TREND**

Аннотация. Изучаются психофизиологические реакции и вербализованные отклики на видеоматериалы экстремистско-деструктивной направленности. Демонстрируется методика, позволяющая предсказать социальную оценку подобных видеоматериалов.

Abstract. Psychophysiological reactions and verbalized response to the video materials of extremist-destructive trend are studied. Methods that help to predict social estimation of such materials are presented.

Ключевые слова: креолизованный текст; экстремизм; социальная сеть; коммуникация; кластеризация.

Key words: creolized text; extremism; social network; communication; clusterization.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии.

About the author: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Senior Lecturer of the Chair of Pedagogy and Psychology.

Место работы: Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург).

Place of employment: the Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Коренина, 66.
e-mail: zkrivit@yandex.ru.

Актуальность. В данной статье обобщены результаты цикла исследований особенностей восприятия разновидностей креолизованных текстов — видеофрагментов, ориентированных на формирование у просматривающих «чувств ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам происхождения, отношения к религии с использованием средств массовой информации» (формулировка ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации). Практическая значимость во многом обусловлена текущей социально-политической ситуацией в России, актуализацией тематики экстремистской направленности в средствах массовой информации, коммуникации и преступлений, совершенных на почве культуральной и расовой сегрегации.

При анализе видеофрагментов отмечается, что экстремистский дискурс реализуется путем использования различных вариантов видеоряда: агрессививно-насильственный (демонстрируются сцены насилия, избияения, убийств, сопровождающиеся экспрессивной лексикой); культурологический (экстремистский текст маскируется под культурологический, исторический, статистический текст); коммуникативный (записи диалогов, выступлений, собраний, межличностного общения), жанр социальной рекламы (использование шаблонов, стиля, символики, схожей с коммерческой или социальной видеорекламой, демонстрация культуральных стереотипических персонажей, сопровождающаяся призывами экстремистской направленности).

Особое внимание привлекает деструктивный характер способа совершения преступлений, носящих антиобщественный характер, сопровождающихся насилием и активным распространением экстремистских убеждений в форме коротких видеороликов в сфере молодежной коммуникации («социальных сетях»). В нашем исследовании анализируются особенности восприятия экстремистских текстов в части репрезентации субъектом смысла, а также факторов и условий, обуславливающих этот процесс.

Описание хода исследования. Исследование проводилось в соответствии с устоявшимися методиками производства психодиагностических и психофизиологических исследований процессов, состояний и свойств психики.

Материалом для исследования являлись видеофрагменты из числа материалов судебно-психологической экспертизы, рассматриваемые нами в рамках уголовных дел экстремистской направленности.

Просмотр видеофрагментов осуществлялся на персональном компьютере, с помощью стандартного приложения для просмотра видеофрагментов в операционной системе Windows — Windows media player. После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый заполнял анкету, составленную по типу стандартизованного самоотчета. Полученные в ходе анкетирования данные вводились в таблицу Excel для дальнейшей математико-статистической обработки. Обработка результатов проводилась с помощью пакета математико-статистических программ «Statistica for Windows 6.0».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Злоказов К. В., 2011

Анализ психофизиологических реакций осуществлялся с помощью комплекса объективного психологического анализа и тестирования «Эгоскоп» на базе реабилитационного психофизиологического комплекса с биологической обратной связью «Реакор».

Видеофрагменты были смонтированы в форме видеосценария и предъявлялись испытуемым последовательно. В процессе просмотра видеофрагментов испытуемым проводился съем психофизиологических показателей (электроэнцефалографических, электрокардиографических, фотоплетизмографических и кожного потенциала, согласно руководству по эксплуатации и руководству пользователя комплекса объективного психологического анализа и тестирования «Эгоскоп» [Комплекс объективного... 2010]).

После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый отвечал на вопросы анкеты (см. табл. 1.), включающей в себя пункты-утверждения, направленные на оценку эмоционального состояния в связи с просмотром видеофрагмента, краткой интерпретацией увиденного («Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите»), с субъективной интерпретацией смысла видеофрагмента испытуемым («Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите»), с присвоением (ассимиляцией) опыта, представленного в видеофрагменте («После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного?»), с социальной оценкой видеофрагмента («Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?»).

Таблица 1.

Вариант самоотчета для оценки видеофрагмента

Примеры пунктов-утверждений	Индикатор
Оцените свое настроение в связи с просмотром видеофрагмента (в связи с ним).	Особенности эмоционального состояния.
Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите.	Восприятие видеофрагмента.
Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента? Кратко опишите.	Репрезентация смысла видеофрагмента.
Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите.	Субъективная интерпретация видеофрагмента.
Просмотрев видеофрагмент, выразите ваше мнение по поводу его основных идей.	Субъективная интерпретация видеофрагмента.
После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного в дальнейшем (идеи, мысли, действия, способы, приемы)?	Ассимиляция опыта.
Если бы вы могли повлиять на ход событий в видеофрагменте, что бы вы выбрали?	Репрезентация опыта и стратегии поведения.
Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?	Репрезентация опыта и стратегии поведения.
Дайте оценку происходящему в видеофрагменте.	Репрезентация опыта и оценка поведения.
Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?	Социализованная оценка видеофрагмента.
Полезным ли был просмотренный видеофрагмент для вас? Кратко опишите.	Ассимиляция опыта.

Для оценки ответов испытуемых был проведен их контент-анализ, в результате которого были сформированы критерии оценки, представленные в виде модифицированной шкалы Лайкерта [см. Бурлачук, Морозов 2001]. Данная шкала использовалась при последующей тематической обработке заполненных анкет. В одном из вариантов проводимого исследования данные самоотчетов обсуждались путем совместного формулирования замыслов и мотивов вероятных авторов видеофрагментов с целью анализа этапов и особенностей процесса реконструирования дискурса.

В ходе исследования были получены эмпирические данные о психофизиологическом состоянии испытуемых до, во время и после просмотра видеофрагментов, данные объективных самоотчетов, полученных после просмотра видеофрагментов, подвергшихся групповым обсуждениям, что в целом позволило определить особенности влияния видеофрагментов на психические процессы и состояния испытуемых.

Полученные данные были подвергнуты математико-статистической обработке (процедурам корреляционного, факторного, сопоставительного, кластерного анализа), что позволило сформулировать тенденции восприятия испытуемыми видеофрагментов, уточнить факторы успешной репрезентации смысла деструктивных призывов, расширить представление о влиянии видеофрагментов на лиц, их просматривающих.

Особенности восприятия видеофрагментов субъектом и их оценка путем анализа психофизиологических показателей. Исследование процессов влияния видеофрагментов на испытуемых традиционно затрагивает вопросы динамики психофизиологических показателей в процессе просмотра.

С целью определения психических особенностей испытуемых в процессе просмотра видеофрагментов проводился съем психофизиологических показателей (электроэнцефалографических, электрокардиографических, кожного потенциала, фотоплетизмографических). Видеофрагменты были смонтированы в форме видеосценария и предъявлялись испытуемым последовательно. Вся совокупность психофизиологических реакций была разделена на несколько составляющих [Основы психофизиологии]:

– совокупность электроэнцефалографических сигналов (альфа-ритм), регистрируемых с двух отведений в париетальной (теменной) и мастоидальной области, эксплицирующих степень активации центральной нервной системы.

Альфа-ритм — характеристика активности головного мозга, определяющая характер протекания психических процессов у человека — уровня активации (бодрствования, состояния сознания и когнитивных процессов). Снижение частотных и амплитудных характеристик альфа-ритма свидетельствует о частичных формах

нарушения мышления, расстройствах восприятия и внимания;

– совокупность физиологических реакций, регистрируемых с запястья испытуемого и мочки уха (изменение кожного потенциала (кожно-гальванической реакции, состояния кровенаполнения и тонуса сосудов, особенностей пульсовой волны)). Изучение данных реакций позволяет определить особенности состояний психики (переживаемых эмоций и их модальности, например стенических/астенических).

Полученные результаты были подвергнуты кластерному анализу с целью эмпирической классификации видеофрагментов на основе

обобщенных реакций испытуемых, представленных как среднее значение активации в течение просмотра видеофрагмента. Кластерный анализ осуществлялся методом иерархической агломерации с определением квадрата Евклидова расстояния по методу «single linkage», «complete linkage» и «ward's method». В работе приводятся результаты кластеризации по методу «single linkage», в связи с наличием предопределенной структуры объектов, а также оптимальным уровнем динамики пошаговой кластеризации из всех, нами использовавшихся (см. рис. 1).

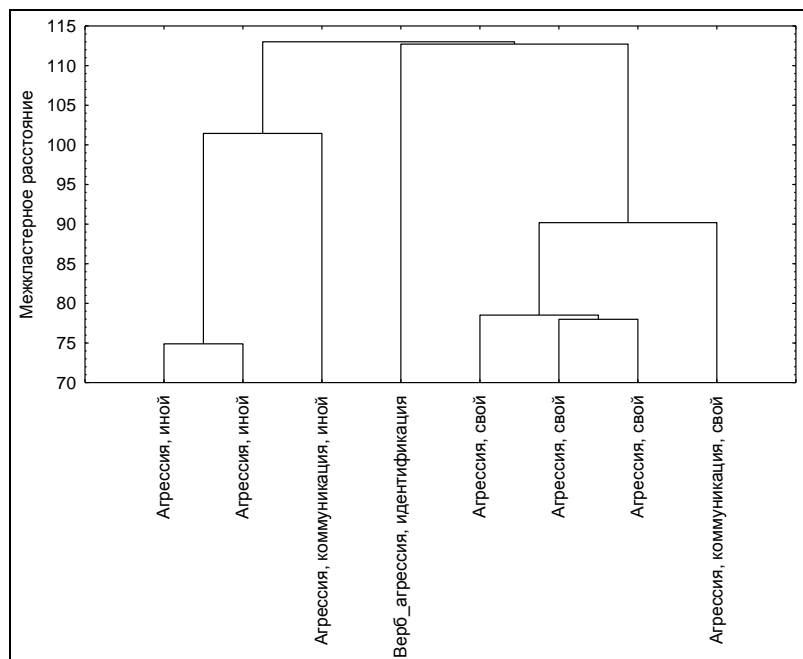

Рис. 1. Классификация видеофрагментов в зависимости от уровня активации альфа-ритма

Полученная кластерная структура воспроизводится, в том числе и при проведении корреляционного анализа, в виде корреляционных плед, что свидетельствует о ее устойчивости, и, как следствие, — надежности интерпретации полученных структур.

Из рисунка следует, что основанием классификации уровня активации выступает содержание видеофрагментов, а не формальные характеристики, что предполагалось нами ранее. Вероятно, субъективная значимость содержания видеофрагментов (анализ характеристик альфа-ритма) оказывает больший эффект на результаты исследования, чем форма подачи материала.

На видеофрагментах «Агрессия, иной» представлены акты насилия по отношению к людям неславянской внешности, в рабочей одежде, торгующим либо занимающимся строительством.

В видеофрагментах «Агрессия, свой» групповому избиению подвергаются люди, внешность которых может совпадать с внешностью славянского типа, и испытуемые идентифицируют себя с жертвами нападения. В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что сюда относят

ся видеофрагменты, включающие в себя коммуникацию с лицом, подвергающимся нападению — это другая ветвь классификации. Максимальное удаление от центра кластера занимает видеофрагмент, в котором присутствуют элементы вербальной агрессии и содержится критика социальной ситуации в России. При кластерном анализе уровня усредненных показателей активации альфа-ритма у испытуемых при просмотре видеофрагментов получена классификация видеофрагментов в зависимости от действий (агрессия физическая, вербальная) и субъектов насилия (идентификации «свой — чужой»). Опыт данного анализа, возможно, даст основания исследования уровня активации и в дальнейшем, при изучении особенностей восприятия видеофрагментов.

Также кластерному анализу были подвергнуты усредненные данные компонента психофизиологических реакций, в результате чего было установлено, что в процессе просмотра видеофрагментов реакции различаются в зависимости от содержания видеофрагментов.

Кластерные структуры в центре данной классификации образуют показатели психофизи-

зиологических реакций испытуемых на видеофрагменты с демонстрацией насильственных действий (избиений, убийств, групповых нападений). Анализ кластерной структуры психофизиологических (спонтанных) реакций дает возможность установить факт группирования видеофрагментов в основной кластер. Психологическим смыслом объединения является группировка видеофрагментов, отличающихся динамикой психических и физиологических реакций испытуемых в ответ на воспринимаемые сцены насилия. В момент просмотра у испытуемых увеличивается период дыхательного цикла, происходит изменение кожного потенциала. Эти изменения характерны для переживания стрессовых реакций, что свидетельствует об особенностях генеза эмоциональных процессов у испытуемых.

Особенности восприятия видеофрагментов в процессе их просмотра. Установлено, что испытуемые произвольным (субъективным образом) воспринимали дискурс, экстрактируя субъективно значимые смысловые блоки в зависимости от эмоциональной реакции и семантические конструкции из воспринятых видеофрагментов. По нашему мнению, «понимание», интерпретация смысла видеофрагмента (отслеживалась нами через изменение совокупности показателе альфа-ритма ЭЭГ, вегетосудистых реакций (КГР) и увеличение времени ответа испытуемого), имеющего высокую эмоциональную значимость, нередко распространялась и на последующие этапы видеопказа. То есть сосредоточение внимания и когнитивные усилия испытуемых изменялись после участков видео, обладающих высокой эмоциональной значимостью, что способствовало снижению уровня осознания (уменьшению количества вычленяемых смысловых единиц) видео и, вероятно, предъявляет особые требования к его формированию.

Своеобразным эффектом восприятия видеофрагментов выступают особенности реконструкции их сюжетно-смыслового содержания. Вероятно, интерпретация тесно связана с индивидуальной для каждого субъекта структурой (образов, представлений) и отождествляемых с ними значений, соотносимых с представленными в видеофрагменте. Таким образом, дискурс формировался субъектом уже после просмотра видео, и во многом в связи с последующим обсуждением.

Сопоставление единиц информации, вычлененных испытуемыми ($n = 57$) в самоотчетах сразу после просмотра и после группового обсуждения, показывает, что количество пропозиций, доступных каждому испытуемому, увеличилось (до обсуждения средн. знач. = 3,4, после средн. знач. = 4,1; показатель t -крит. = 2,15 при $p < 0,05$), а интерпретация смысла уточнилась (до обсуждения средн. знач. = 3,9, после — средн. знач. = 4,8, показатель t -крит. = 2,15 при $p < 0,05$).

Получаемую субъектами промежуточную информацию мы условно разделяем на эмо-

циональные паттерны и конкретные семантические пропозиции (например, в креолизованном варианте видеофрагмента — лингвистические конструкции). При этом смысловые блоки анализируемого видео в интерпретации нередко редуцировались к семантическим и лингвистическим шаблонам (фреймам), отраженным в прошлом опыте (памяти) испытуемого. В случае, если смысл видеофрагмента в ходе описания его основных идей для испытуемого заключал противоречие между основными смысловыми блоками, то он вытеснялся (забывался) испытуемым ранее, чем видеофрагменты, непротиворечивые по своей смысловой структуре (t -крит. 2,03 при $p < 0,05$).

Нуждается в дополнительном исследовании вопрос о влиянии доминирующего смыслового образования у испытуемого, возникающего в процессе осмысления содержания видеофрагмента (путем организации смысловых образований в единую структуру, отличающуюся своей целостностью), на отрицание альтернативных реконструкций дискурса видеофрагмента.

Восприятие и субъективная интерпретация испытуемыми идей во многом определяется социальной актуальностью выделяемой темы. Так, видеофрагменты, интерпретируемые испытуемыми как действия против «наркоманов», выступающих «за легализацию наркотиков», понимаются точно (средн. знач. = 5,67—6,56, при $\sigma = 0,05—2,24$). Видеофрагменты, содержащие диалоги с использованием специфического жаргона, отличаются большей вариацией субъективных представлений (средн. знач. = 3,25; 3,56; 3,67, при $\sigma = 2,12; 2,46; 2,74$) испытуемых, что свидетельствует о неоднозначности представлений, формируемых в процессе просмотра. Вариация представлений обусловлена также и полом испытуемых.

Таким образом, использование тем, имеющих общественную значимость (наркомания, алкоголизм, социальное неравенство, культуральные стереотипы), повышает точность интерпретации содержания видеофрагмента испытуемым и способствует ассимиляции опыта, что проявляется в изменении субъективного отношения к видеофрагменту от негативно-равнодушного до принятия его идей.

Особенности реконструирования видеофрагментов испытуемыми. Предполагаем, что дискурс воспринимается на основе сопоставления с паттернами существующих у субъекта когнитивных схем (представлений) и аккомодации либо ассимиляции с ними новых смысловых единиц. В этом случае происходит актуализация уже имеющихся представлений путем ассоциативной связи либо реструктурирования имеющихся представлений. Особенности процесса реструктурирования смысла изучались нами в ходе анализа самоотчетов испытуемых об особенностях полученного ими в ходе просмотра видеофрагмента опыта и возможностях его применения в дальнейшем.

Установлено, что при просмотре видеофрагментов, содержащих сцены насилия, занимающих большую часть экрана, либо сфокусированных на насильственном действии, оценка испытуемыми своего эмоционального состояния характеризуется как «настроение значительно ухудшилось» (средн. знач. = 1,67—1,78, при $\sigma=0,67—0,71$), там же, где сцены насилия демонстрируются на удалении, оценка испытуемыми своего эмоционального состояния меняется на «настроение незначительно ухудшилось» (средн. знач. = 2,20—2,25, при $\sigma = 0,71—0,92$).

Таким образом, видеофрагменты влияют на изменение эмоционального состояния в процессе просмотра и содержат элементы (сцены избиения, насилия, агрессии), обуславливаю-

щие это явление. Восприятие содержания видеофрагментов самими испытуемыми проводится преимущественно точно (примеры высказываний: «Избиение человека в вагоне», «Избиение», «Проявление агрессии», «Драка», «Убийство»; средн. знач. = 5,67, при $\sigma = 1,41$), с частичным использованием указаний на принадлежность лиц, осуществляющих насилие, к определенным социальным группам («записки нацистов», «скинхеды убивают человека»), «нанесение ударов двумя молодыми людьми лицу нерусской внешности», «бьют нерусского»). Отметим, что детализация действий проводится не всегда точно, и зачастую испытуемые не могут верифицировать подлинность ситуации насилия, отличить ее от постановочной.

Таблица 2.

Особенности самооценки поведения в связи с просмотром видеофрагментов

Характеристики формы дискурса	Статистические критерии	Что вы увидели в представленном ролике?	Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента	Какие идеи содержатся в данном видеофрагменте	Оцените свое настроение (по трехбалльной шкале)	Выразите мнение по поводу основных идей	
						После просмотра будете ли вы использовать что-либо из увиденного в дальнейшем?	
		Оценка по 7-балльной шкале			Оценка по 3-балльной шкале		
Культурологическая форма	Ср.знач	5,00	4,56	5,50	2,75	2,11	1,11
	σ	1,73	2,74	2,33	0,46	1,17	0,33
Коммуникация с вербальной агрессией	Ср.знач	4,89	4,11	3,67	2,89	2,89	2,00
	σ	1,76	2,20	2,74	0,33	1,36	1,20
Агрессивно-насильственная	Ср.знач	6,11	4,44	4,56	1,67	2,11	1,33
	σ	1,17	2,35	2,65	0,71	1,54	0,71
Форма социальной рекламы с демонстрацией насилия	Ср.знач	6,56	5,89	5,11	2,56	2,67	1,22
	σ	0,05	2,42	2,57	0,73	1,80	0,44
Форма социальной рекламы, без демонстрации насилия	Ср.знач	6,25	4,25	3,25	2,38	1,13	1,25
	σ	1,49	2,71	2,12	1,30	0,83	1,16

Примечание: шкала оценки среднего значения (3 балла): 1 — плохо, негативно, непонятно, 2 — не плохо и не хорошо, 3 — хорошо, позитивно, понятно; шкала оценки среднего значения (7 баллов): 1 — «категорически» плохо, негативно, непонятно, 2 — плохо, негативно, непонятно, 3 — в чем-то плохо, в чем-то хорошо, 4 — усредненная оценка, 5 — в целом хорошо, позитивно, но есть и непонятное, 6 — хорошо, позитивно, понятно, 7 — «категорически» позитивно, отлично, все абсолютно понятно.

При просмотре видеофрагментов с демонстрацией актов насилия испытуемые в ситуации, описываемой в видеофрагменте, выбирают стратегию защиты лица, в отношении которого осуществляется агрессия (средн. знач. = 2,37, при $\sigma = 0,70$). Оценивая собственное поведение в реальной жизненной ситуации, на месте главных героев испытуемые выбирают стратегию бегства (средн. знач. = 2,86, при $\sigma = 0,38$), а с позиции социальной (общественной) роли — стратегию «не вмешиваться» (средн. знач. = 1,75, при $\sigma = 0,5$).

Представление субъектами стратегий поведения в ситуации, аналогичной изображенной в видеофрагментах (моделирование), у испытуе-

мых осуществлялось следующим образом. Испытуемый оценивал характер собственных действий в случае позитивного принятия (активное участие, действие наравне со всеми, пассивное присутствие); в случае отрицания (остановиться, отойти в сторону, убежать). Наравне с этим оценивались действия испытуемого в аспекте его социальной роли — как члена общества — в виде стратегии защиты (не вмешиваться, звать на помощь, защищать) и стратегии коммуникативной (опровергать, не разговаривать, соглашаться).

При субъективной оценке видеофрагментов, интерпретируемых испытуемыми как действия против (далее в тексте статьи в кавычках используются формулировки заимствованные

из стандартизованных самоотчетов испытуемых и лексики видеофрагментов) «наркоманов», выступающих «за легализацию наркотиков», против «хачей», которые «насилуют русских женщин» и против «антифа», «покрывающих беспредел», происходит принятие насильственных действий (убийства), избирается

стратегия активного действия — соучастия (средн. знач. = 3,00, при $\sigma = 0,01$), базовая стратегия отрицания рассматривается как «остановиться» (средн. знач. = 1,00, при $\sigma = 0,01$), с позиций социальной роли избирается стратегия «не вмешиваться» (средн. знач. = 1,8, при $\sigma = 0,45$).

Таблица 3.

Особенности самооценки поведения в связи с просмотром видеофрагментов

Характеристики формы дискурса	Статистические критерии	Если бы вы могли повлиять на ход событий, что бы вы выбрали				Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?			
		Действие		Соц. роль		Действие		Соц. роль	
		Принятие	Отрицание	Защита	Коммуникация	Принятие	Отрицание	Защита	Коммуникация
Культурологическая форма	Ср. знач	3,00	1,00	1,80			3,00	1,83	3,00
	σ	0,01	0,01	0,45			0,01	0,41	0,00
Коммуникация с вербальной агрессией	Ср. знач	-	2,00	1,25	2,00	3,00	2,00	1,17	2,00
	σ	-	0,00	0,50	0,00	-	-	0,41	-
Агрессивно-насильственная	Ср. знач	1,00	1,50	2,24	3,00	-	2,60	1,80	3,00
	σ		0,71	0,77	0,00	-	0,55	0,40	-
Форма социальной рекламы с демонстрацией насилия	Ср. знач	3,00		2,00	2,67	-	2,50	1,73	2,67
	σ		-	0,82	0,58	-	0,71	0,46	0,58
Форма социальной рекламы, без демонстрации насилия	Ср. знач	3,00	2,00	1,84	2,00	-	3,00	1,89	3,00
	σ	0,01	0,01-	0,79	-	-	-	0,87	-

Примечание: шкала оценки среднего значения (3 балла): 1 — плохо, негативно, непонятно, 2 — не плохо и не хорошо, 3 — хорошо, позитивно, понятно.

Рассматривая собственные действия в ситуации, которая может произойти в жизни, испытуемые избирают стратегию бегства (средн. знач. = 3,00, при $\sigma = 0,01$). С позиции социальной роли преимущественной стратегией является «не вмешиваться» (средн. знач. = 1,83, при $\sigma = 0,41$), на коммуникативном уровне — «соглашаться» (средн. знач. = 3,00, при $\sigma = 0,01$). Таким образом, модель насильственного поведения, демонстрируемая в видеофрагменте (например: «Отправь паспортные данные убитого наркоторговца и получи 10 баксов на счет» (в тексте статьи в кавычках используются формулировки, заимствованные из стандартизованных самоотчетов испытуемых и лексики видеофрагментов)), находит свое подтверждение в анкетных отчетах испытуемых, и рассматривается ими как позитивная в условиях реальной жизни.

Оценка «полезности» видеофрагментов деструктивной направленности показывает ассимиляцию смысловых структур — на уровне их частичного принятия, в том числе содержащих элементы насилия (средн. знач. = 2,65, при $\sigma = 1,06$).

Таким образом, при моделировании стратегии поведения испытуемые одобряют деструктивные пути решения социальных проблем, соглашаясь с применением насилия как инструмента в отношении маргинальных расовых либо социальных групп, в ситуации идентификации с

жертвой нападения данную стратегию отрицают.

Из таблицы 4 следует, что разновидности экстремистского дискурса репрезентуются испытуемыми с различной степенью точности. Наибольшая степень точности (средн. знач. = 2,78, при $\sigma = 0,41$) свойственна культурологической форме дискурса. Видеофрагменты такого типа содержат видеоряд с отчетливо интерпретируемыми образами, сопровождаются пояснениями текстовой либо вербальной формы, аналитической информацией (статистика). Материалы такого рода не содержат призывов к экстремистским действиям, но подразумевают их.

Вторым по уровню точности репрезентации выступает агрессивно-насильственная форма экстремистского дискурса (средн. знач. = 2,67, при $\sigma = 0,53$), включающая в себя сцены насилия над людьми, значимо отличающимися от славянского типа цветом кожи, волос, особенностями произношения. Данные видеофрагменты содержат призывы к совершению экстремистских действий.

Социализированная оценка видеофрагмента коррелирует с точностью репрезентации ($r = 0,32^{**}$ для $n=41$), что свидетельствует об общности процессов репрезентации и оценки и характеризует меру позитивного отношения к культурологическим и социально-ненасильственным формам передачи экстремистского дискурса.

Особенности восприятия и оценки в связи с жанром дискурса

Характеристики формы дискурса	Статистические критерии	Точность репрезентации (ср.знач)	Социализированная оценка видеофрагмента (ср.знач)	Ассимиляция опыта (ср.знач)
Культурологическая форма	Ср.знач	2,78	3,00	1,67
	σ	0,41	0,32	0,79
Агрессивно-насильственная форма	Ср.знач	2,67	1,00	1,89
	σ	0,53	1,82	0,65
Форма социальной рекламы с демонстрацией насилия	Ср.знач	1,56	1,33	2,67
	σ	0,78	1,36	0,43
Коммуникация с вербальной агрессией	Ср.знач	1,89	1,89	1,89
	σ	0,84	1,52	1,12
Форма социальной рекламы, без демонстрации насилия	Ср.знач	1,75	2,13	2,85
	σ	0,49	0,91	0,72

Примечание: пространство оценки значений: 1 — не точно, негативно, непонятно 3 — точно, понятно, позитивно;

Обратимся к анализу значений показателя ассимиляции опыта, свидетельствующих о приоритете форм экстремистского дискурса в виде социальной рекламы с демонстрацией насилия и без таковой. Ассимиляция в данном случае предполагает готовность субъекта к операционализации полученного содержания. Испытуемые высоко оценивают форму рекламной информации, получаемую из видеофрагментов, имеющих понятные для них образы и легко реконструируемую смысловую конструкцию. Большое значение имеет и актуализация социально-значимой тематики за счет обращения к мифологии актуальных социально-политическим угроз. Полученные нами результаты в этой части согласуются с представлениями Г. Лассуэла о воздействии на сознание через управление коллективными аттитюдами посредством манипулирования значимыми для субъекта стимулами. В данном случае принятие испытуемыми деструктивных идей экстремизма осуществляется путем создания устойчивого представления о положении социальной общности, путем организации рационального (семантического) и эмоционального символического фона [Lasswell 1971: 84—99].

Выводы. Изучение особенностей восприятия испытуемыми показало продуктивность исследования методом комплексного психологического анализа характеристик субъекта (показателей типологических характеристик психофизиологической активности и структурирующих самоотчетов) креолизованных текстов — видеофрагментов, ориентированных на формирование у просматривающих ценностей деструктивно-экстремистской направленности. Кластеризация данных психофизиологического анализа позволила эмпирически классифицировать видеофрагменты по нескольким груп-

пам, в зависимости от уровня переживаемых реакций. В целом инструментарий подобного психологического исследования позволяет уверенно прогнозировать уровень репрезентации смысла, особенности социальной оценки и ассимиляции дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер, 1997.
 Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб.: Питер, 2001.
 Еникеев М. И. Юридическая психология : энцикл. — М.: ПРИОР, 2001.
 Зимняя И. А. Педагогическая психология. — Ростов н/Д: Феникс, 1997.
 Кроз М. В., Ратинова Н. А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. — М.: Academia, 2005.
 Комплекс объективного психологического анализа и тестирования «Эгоскоп» : руководство пользователя / НПКиФ «Медиком МТД». — Таганрог, 2010.
 Оселков А. А. Содержание судебно-психологического экспертного исследования проявлений экстремистской направленности // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений : материалы 15 Междунар. конф. (СПб., 12—13 мая 2009 г.) / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. — СПб.: Нестор, 2009. С. 64—68.
 Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер-пресс, 1998.
 Основы психофизиологии : учебн. / отв. ред. Ю. И. Александров. — М.: ИНФРА-М, 1997.
 Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым), 26.06.1999.
 Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. — Chicago, 1971. P. 84—99.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Ю. А. Золотарёва
Ульяновск, Россия

Yu. A. Zolotareva
Ulianovsk, Russia

О ДЕФИНИЦИИ ТЕРМИНА
«ЯЗЫКОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

ON THE DEFINITION OF THE TERM
«LANGUAGE CRIME»

Аннотация. Предлагается дефиниция термина «языковое преступление», активно используемого в исследованиях языка средств массовой информации. Разграничиваются такие понятия, как языковое преступление / языковая манипуляция, преступление языковое / преступление вообще.

Abstract. The article proposes a definition of the term language crime, widely used in studies of language media. Displaying distinction of concepts such as: language crime / language manipulation and concepts language crime and crime in general.

Ключевые слова: языковое преступление; языковые манипуляции; средства массовой информации; разрушительный характер манипуляции; массовое сознание.

Key words: language crime; language manipulation; media; manipulation of a destructive nature; the mass consciousness.

Сведения об авторе: Золотарёва Юлия Александровна, аспирант кафедры романских языков, факультет лингвистики и международного сотрудничества.

About the author: Zolotareva Yulia Aleksandrovna, Post-graduate Student of the Chair of Romance Languages, The Faculty of Linguistics and International Cooperation.

Место работы: Ульяновский государственный университет.

Place of employment: The Ulianovsk State University.

Контактная информация: 432063, г. Ульяновск, ул. Набережная реки Свияги, д. 1, корп. 1, кафедра романских языков ФЛЮМС.
e-mail: pand@inbox.ru.

Языковые преступления являются составной частью манипулирования общественным сознанием и достаточно часто привлекают внимание социолингвистов. Приемы языковых преступлений в текстах СМИ являются одним из мощных средств влияния на общественное сознание, и тем актуальнее становится вопрос об их изучении.

О языковом преступлении как составной части манипулирования людьми уже писали в научной литературе, интернет-источниках и даже в энциклопедии по языкознанию для детей и энциклопедии «Языки мира», при этом использовались различные варианты термина: *лингвистическое преступление* (П. Б. Паршина), *речевое преступление* (Ю. В. Рождественский, Е. С. Кара-Мурза), *языковое преступление* (Е. С. Кара-Мурза). Так, в статьях «Знаменитые лингвистические преступления» популярных энциклопедий [Энциклопедия для детей, 10; Энциклопедия для детей, 38] указывается на масштабное языковое манипулирование в США, Германии, СССР, России, Франции, Иране. Приводятся примеры со словами *citoyen/гражданин* (Франция, СССР), *товарищ, брат/сестра* (Иран), которые после определенных исторических событий «приобрели официальную и отнюдь не „товарищескую“ окраску». Упоминается и формулировка Максимилиана Робеспьера *враг народа*, неоднократно использовавшаяся в различных вариациях: *враг народа* (Франция, СССР), *враги рейха* (Германия), *враги ислама* (Иран).

В указанных статьях пишется, что в Германии в период нацизма министерство пропаганды издало распоряжение именовать погибших

немецких солдат не *gefallenen* — ‘павшие’, а *ermordeten* — ‘убитые’, «дабы подчеркнуть, что они не пали в битве с честным врагом, а были злодейски убиты; отступление называлось не иначе как *Frontbegrädigung* — „выравнивание линии фронта“».

В США пик языкового манипулирования, по мнению П. Б. Паршина, приходится на времена войны во Вьетнаме, когда появился так называемый вьетнамский английский — язык публикаций, изобиловавший эвфемизмами. Ср.: *умиротворение* — «полное уничтожение», *защитная реакция* — «бомбардировка», *дружественный огонь* — «стрельба по своим или по мирным объектам» [Энциклопедия для детей, 10: 688; Энциклопедия для детей, 38: 465].

Термин *речевые преступления* впервые употребил Ю. В. Рождественского в работе «Теория риторики», в которой речевые преступления фигурируют в связи с тремя ограничениями свободы слова в разных странах (запрещается диффамация, высказывания, которые могут нанести вред «народному здравью», а также высказывания, наносящие вред общественному и государственному строю). Эти запреты по-разному регулировались в разных странах. Так, «в XVI в. в Англии существовал суд „Звездной палаты“, который судил речевые преступления и проступки. Одним из законов, на основании которых действовал данный суд, было запрещение говорить, писать и печатать что-либо (плохое, хорошее или нейтральное) о короле и его семье. В России XVII в. запрещению по закону подвергались речи против православной веры, ереси, которые понимались как словесные действия против общественного

спокойствия и порядка управления» [Рождественский 1997: 185].

Е. С. Кара-Мурза определяет *речевые преступления* как «правонарушения, состоящие в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т. е. текстов, распространяемых в средствах массовой информации» [Кара-Мурза 2009: 48]. К *речевым (языковым) преступлениям* Е. С. Кара-Мурза относит диффамацию, клевету, оскорбление, словесный экстремизм, угрозу насилия и убийств. Речевые преступления совершаются в нематериальной области смыслов, сущностное свойство которых — множественность интерпретаций [Кара-Мурза 2009: 48].

Можно подвести определенные итоги. Во-первых, в разных источниках используются как синонимические выражения *языковое преступление, лингвистическое преступление, речевое преступление*. Во-вторых, у обозначаемых ими понятий выделяются следующие общие признаки: 1) манипулятивный характер; 2) масштабность; 3) нанесение вреда обществу (разрушительный характер); 4) тиражируемость в СМИ. В-третьих, возникает необходимость выбора наиболее удачного термина для данного явления. Поскольку такого рода *преступления* совершаются одними носителями языка против других, на наш взгляд, самым точным обозначением для данного явления общественно-политической жизни будет термин **языковое преступление**. Прежде чем дать дефиницию этому термину, необходимо разграничить такие парные понятия, как *языковое преступление / языковая манипуляция* и *преступление языковое / преступление* вообще.

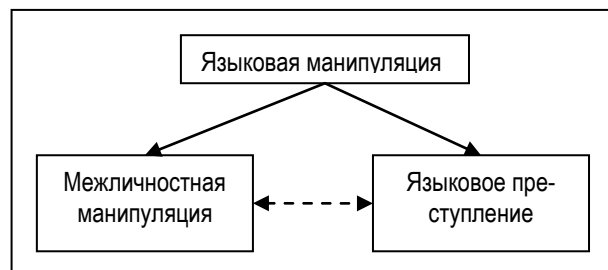
Языковое преступление / языковая манипуляция. Под языковыми манипуляциями нами понимаются вербально выраженные манипуляции. Напомним, что манипуляция — это «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 185].

Из принятого определения манипуляции следует, что она может быть как вербальной, так и невербальной. Иллюстрация невербальной манипуляции содержится, например, в книге А. Б. Добровича «Воспитателю о психологии и психогигиене общения» [Добрович 1987: 149]. Анализируя странный поступок Валерия Петрова: спуск на землю по водосточной трубе с четвертого этажа школы, — учитель физики, на уроке которого это произошло, вспоминает, что «носилось в воздухе», когда Петров сел на подоконник. Анализ приводит его к выводу, что Петров подвергся манипулятивному воздействию особого ухмыляющегося взгляда главаря мальчишеской «клики» Кости Р.: «В памяти начинают всплывать лица других учеников в тот момент. На большинстве лиц — естественное

удивление и испуг. Но вот лицо Кости Р., оно выражало что-то другое... То ли торжество, то ли досаду... И несколько мальчишеских глаз следили не только за Валеркиным безумством, но еще и поглядывали в сторону... Куда? Да на Костю! Будто искали у него подтверждения чему-то либо выражали ему неуверенный упрек... Стоп! Костя Р. Что он такое в классе? Ученик посредственный, хотя и неглуп. Явно лидирует в кругу отстающих и разболтанных подростков. Они и „острят“, и разные выходки позволяют себе на уроках — с оглядкой на Костю, в ожидании его одобрительной ухмылки».

С точки зрения известной оппозиции «материально выраженный знак / нулевой знак / отсутствие материально выраженного знака» [см., напр.: Соссюр 1977: 119; Энциклопедия для детей, 10: 14; Пузырёв 2002: 57] невербальные манипуляции можно определить как вербальные манипуляции нулевого характера. Поскольку языковое преступление — это манипуляция разрушительного характера, распространяемая средствами массовой информации, служащая формированию необходимого мышления и поведения у большого количества людей, языковые преступления правильнее всего рассматривать как вид языковых манипуляций.

Как известно, в основе понятийной организации терминов лежат родо-видовые отношения, или отношения субординации и суперординации. Напомним, что отношения субординации в языке — это подчиненность вида роду, а отношения суперординации — это отношения вида к роду. Таким образом, понятие языковая манипуляция включает в себя и языковое преступление, и межличностную манипуляцию, которые могут соотноситься друг с другом в приеме персонификации. Например: *Готова ли ты к летнему роману-приключению? Безумная круговерть из экзаменов и репетиторов кончилась. Значит ли это, что ты наконец-то расслабишься и позволишь себе увлечься чем-то?* [Готова ли ты...: 26]. При помощи подобного приема СМИ выстраиваются доверительные отношения с читателем, в результате чего журналы могут восприниматься как близкие друзья, которые влияют в первую очередь на мировоззрение читателя, формируя тот или иной характер поведения, принципы жизни.

Поскольку «определение термина раскрывает его понятийное содержание и выявляет место определяемого понятия среди других понятий данной тематической области» [Ковя-

зина 2003: 118], мы, указывая место определяемого понятия *языковое преступление* среди других понятий данной тематической области, должны сделать вывод о родо-видовых отношениях понятий: понятие *языковое преступление* является видовым по отношению к родовому понятию *языковая манипуляция*.

Преступление языковое / преступление вообще. В словаре под редакцией А. П. Евгеньевой приводится следующая дефиниция слова «преступление»: «Преступление, -я, ср. 1. Общественно опасное действие, нарушающее существующий правопорядок и подлежащее уголовной ответственности. *Преступление против государства. Уголовное преступление* <...>. 2. Неправильное, вредное поведение. *В глазах Гордея Карпыча это большое преступление: матери деньги посылает человек, а себе сюртука нового не сошьет!* <...>» [МАС, 3: 385].

Языковое преступление, конечно, не преступление в правовом смысле этого слова. Языковое преступление — это «переступание» такой нормы существования текста, как его соответствие правилам языка, мышления и действительности [Рябцева 1986: 99]. Тиражирование этого «переступания» в средствах массовой информации и составляет содержание языковых преступлений.

Строго говоря, языковое преступление — это частный вид социальных языковых манипуляций. Легко представить случай, когда перед выборами муниципального или областного уровня собственник завода, не поддерживающий действующую администрацию, отправляет всех своих рабочих в неоплачиваемый вынужденный отпуск под предлогом того, что городская администрация не заплатила за выполненную коллективом завода работу. Ясно, что рабочие в таком случае проголосуют на выборах против действующего мэра (этот пример приводится в книге: [Конфисахор 2004: 62—63]). Языковая манипуляция в подобном случае носит социальный характер, но не становится языковым преступлением в силу отсутствия такого важного дифференцирующего признака, как тиражируемость в средствах массовой информации.

В качестве примера элемента языкового преступления последнего времени можно назвать словосочетание *Invasion of Iraq*, использовавшееся в средствах массовой информации Америки во время вторжения США в Ирак: *The 2003 invasion of Iraq (March 19—May 1, 2003), was the start of the conflict known as the Iraq War or Operation Iraqi Freedom in which a combined force of troops from the United States, the United Kingdom and smaller contingents from Australia and Poland invaded Iraq and toppled the regime of Saddam Hussein in 21 days of major combat operations* [2003 invasion of Iraq]; *The invasion*

of Iraq was strongly opposed by some traditional U.S. allies, including the governments of France, Germany, New Zealand, and Canada [2003 invasion of Iraq]. В выделенном словосочетании соблюдены нормы грамматики, но при этом нарушено соответствие между обозначаемой в словосочетании ситуацией и внеязыковой действительностью. Предлог *of* в английском языке заменяет родительный падеж в русском, а соответственно, отвечает на вопросы «кого? чего?», поэтому при прочтении вышеуказанных предложений мы получаем «вторжение Ирака», но, как известно, не Ирак напал на Америку, а Америка подвергла бомбардировкам эту страну. Искажение предметного уровня текста — типичный признак языковых преступлений.

Исходя из вышесказанного, можно дать определение понятию *языковое преступление*. Языковое преступление — это манипуляция разрушительного характера, тиражируемая средствами массовой информации с целью повлиять на массовое сознание.

ЛИТЕРАТУРА

Готова ли ты к летнему роману-приключению? // Лиза Girl. 2011 № 6 (июнь). С. 12—13.

Добрович А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. — М.: Просвещение, 1987.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. — М.: ЧеРо, 1997.

Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 47—71.

Ковязина М. А. Экология: наука и терминология // Языки профессиональной коммуникации : материалы междунар. науч. конф. — Челябинск, 2003. С. 116—121.

Конфисахор А. Г. Психология власти. — СПб.: Питер, 2004.

Пузырёв А. В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности : сб. ст. / А. В. Пузырёв ; ПГПУ им. В. Г. Белинского. — Пенза, 2002.

Рождественский Ю. В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997.

Рябцева Н. К. Информационные процессы и машинный перевод: лингвистический аспект. — М.: Наука, 1986.

МАС = Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1985 — 1988. Т. 3 : П — Р.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.

Энциклопедия для детей. Т. 10 : Языкознание. Русский язык. — М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2007.

Энциклопедия для детей. Т. 38 : Языки мира. — М.: Мир энциклопедий Аванта + ; Астрель, 2009.

2003 invasion of Iraq. — URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Gulf_war_2 (дата обращения: 17.06.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. В. Пузырёв

О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

O. N. Kondratyeva
Kemerovo, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ВНУТРЕННЕГО МИРА
КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ
ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВНИКА
(образ Ивана Грозного
в интерпретации Андрея Курбского)**

**METAPHORICAL MODELLING
OF THE INNER WORLD
AS THE WAY OF CREATION
OF THE IMAGE OF POLITICAL OPPONENT
(an image of Ivan Grozniy
in Andrey Kurbskiy's interpretation)**

Аннотация. Рассматриваются языковые особенности создания образа политика в средневековом политическом дискурсе на примере анализа образа Ивана Грозного, созданного Андреем Курбским. Описаны основные метафоры, репрезентирующие внутренний мир Грозного, установлен их прагматический потенциал.

Ключевые слова: метафорическое моделирование; концептуальная метафора; образ; политик; внутренний мир.

Abstract. In the given article language features of creation of an image of the politician in a medieval political discourse are considered. The given problem is solved on the example of the analysis of an image of Ivan the Terrible created by Andrey Kurbskiy. The basic metaphors, representing inner world of Ivan the Terrible are described, their pragmatic potential is established.

Key words: metaphorical modeling; conceptual metaphor; image; the politician; the inner world.

Сведения об авторе: Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

About the author: Kondratyeva Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of General Linguistics and Slavic Languages.

Place of employment: the Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, каб. 6420.
e-mail: kondr25@rambler.ru.

Статья заняла 3 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная политическая лингвистика» (2011 г.) в номинации «Язык — политика — культура»

Метафора имеет длительную историю изучения. Как объект философской и теоретической рефлексии метафора была вычленена еще в античности, с тех пор теоретическое знание постоянно возвращается к осмыслению этого феномена языка и сознания человека. Метафора, по образному выражению В. В. Петрова, представляет собой золотую жилу, в которой «много самородков, и самые крупные еще не найдены» [Петров 1990: 143].

Каждое направление в лингвистике предлагает свое понимание метафоры, свою классификацию ее функций, новые методики изучения. Лингвокогнитивный подход, сформировавшийся в рамках антропоцентрической парадигмы, выдвинул в фокус исследовательского внимания миромоделирующую функцию метафоры. Как отметил А. П. Чудинов, «метафорическое моделирование — это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки действительности в народной ментальности» [Чудинов 2001: 47]. Целый ряд лингвистов в рамках данного подхода также видит в метафоре «важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» [Резанова 2010: 26].

В современной лингвистике активно изучается миромоделирующая роль метафоры в различных видах дискурса, однако особое распространение получили исследования, посвященные рассмотрению в подобном аспекте политического дискурса (см. работы А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, Т. С. Вершининой, А. А. Касловой, А. Б. Ряпосовой, А. М. Стрельникова и др.). И это вполне закономерно, поскольку именно в политической коммуникации концептуальная метафора имеет особое значение: она позволяет сделать образ более ярким, емким, выявить существенные стороны характеризуемого объекта, кроме того, обладает мощным прагматическим потенциалом, оказывает сильное воздействие на адресата, формирует определенное отношение к изображаемому.

В настоящий момент сложилось несколько основных направлений изучения метафоры в политической коммуникации: это исследование концептуальных метафор в рамках национальных политических дискурсов, сопоставительное межкультурное рассмотрение политической метафористики, выявление специфики использования концептуальных метафор в идиостилиях отдельных политиков, анализ роли метафор в создании образа отдельной страны (России, Америки, Германии, Франции и т. д.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кондратьева О. Н., 2011

Достаточно новым направлением является изучение роли метафоры в создании образа политика. Как отмечает И. В. Иванова, «когнитивные способы и собственно лингвистические средства создания образа (имиджа) политического деятеля ... не подвергались до настоящего времени специальному изучению в лингвистическом аспекте» [Иванова 2004]. Действительно, подобные работы на настоящий момент единичны, и выполнены они преимущественно на материале германских языков [Иванова 2004; Лапшина 2006]. Фундаментальных исследований такого плана, выполненных на русском материале, насколько нам известно, на данный момент предпринято пока не было.

Кроме того, вполне очевидно, что «российская политическая метафора нуждается в историческом изучении, что только такой подход позволит правильно оценить современное состояние политического языка, проследить за динамикой метафоры, обнаружить истоки (они же корни) многих современных феноменов» [Чудинов 2001: 219]. Следовательно, ретроспективный взгляд на метафорические механизмы, создающие образ конкретного политика, является свежим ракурсом изучения политической метафоры, что и определяет **актуальность и новизну** предлагаемого исследования.

Цель работы состоит в выявлении и лингвокультурологическом описании концептуальных метафор, создающих образ политического противника в средневековом политическом дискурсе. Для иллюстрации избран образ одного из наиболее ярких средневековых правителей — Ивана Грозного, создаваемый его политическим оппонентом князем Андреем Курбским.

Выбор данных политических персонажей не случаен. Грозный и Курбский были крупнейшими фигурами на общественно-политической арене своего времени, выразителями характернейших политических взглядов: первый — приверженцев сильной царской власти, второй — оппозиционных слоев населения, и в первую очередь боярства. Эпоха правления Ивана Грозного характеризовалась укреплением централизованного государства, реформами, появлением государственных деятелей широкого размаха. Это период авторитаризма: никто не смел высказывать суждений, не согласных с тем, что утверждал Грозный, только бежавший из России Курбский решился сформулировать свою позицию.

Князь Андрей Михайлович Курбский принадлежал к знатному княжескому роду Рюриковичей. Долгое время он являлся ближайшим соратником Грозного, влиятельным царским воеводой, входил в Избранную раду, участвовал в Казанских походах. В 1564 г., опасаясь опалы, Курбский бежал в Литву под покровительство польского короля Сигизмунда-Августа. Стремясь обосновать свой поступок, он написал Грозному три послания (положившие нача-

ло известной переписке между ним и царем), в которых обвинил его в жестокости и неоправданных казнях. В 1573 написал «Историю о великом князе Московском» — политический памфлет, в котором отразилась идеология крупной аристократии, выступавшей против усиления самодержавной власти.

По уровню образованности Андрей Курбский не уступал Ивану Грозному. Он получил хорошее образование (изучал грамматику, риторику, астрономию и философию), был связан с московскими книжниками, им были выполнены многочисленные переводы произведений таких авторитетных христианских писателей, как, например, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Дионисий Ареопагит, Григорий Богослов, Василий Великий, а на его мировоззрение серьезно повлияла деятельность Максима Грека. Соответственно, Андрей Курбский был не только выдающимся политиком, но и писателем, обладавшим ярким индивидуальным метафоричным стилем изложения. В его произведениях впервые в центре внимания русской литературы оказалась государственная деятельность и *личность* первого русского царя.

Основной задачей политических произведений Андрея Курбского было оправдание своего бегства в Литву и дискредитация Ивана Грозного, претендовавшего на польскую корону [Цеханович 1996: 96]. Для достижения этой цели он создает яркий, метафорический образ своего политического оппонента.

Следует отметить, что обращение к древнерусскому материалу при анализе политической метафоры сразу же позволило установить специфические особенности данной языковой эпохи. В частности, наше внимание привлекло следующее обстоятельство: если при создании образа современного политика метафоры используются для описания его внешности, манеры поведения и речи, используемых им политических стратегий и тактик, принятых решений, результатов его политических преобразований и т. д., то в древнерусских текстах прежде всего представлена метафорическая характеристика внутреннего мира политического персонажа, его души, сердца, ума и совести.

В древнерусских текстах аргументами в споре политических противников в борьбе за власть становятся не только политические программы и идеология, но и нравственный облик политика, его моральные качества, совершенство/несовершенство внутреннего мира, соответствие нравственно-религиозным нормам своего времени. Данная особенность объясняется свойственным древнерусской культуре вниманием к внутренней сущности, скрытой от взгляда, но определяющей ценность человека. Так, уже в «Молении» Даниила Заточника было сказано: *Господине мои! Не зри на внешняя моя, но возри внутренняя моя. Азь бо, господине, одеваемъ оскуденъ есмь, но разумомъ обилень; унь възрасть имею, а старь смыслъ во мне.*

Именно метафорическое моделирование внутреннего мира становится в произведениях Андрея Курбского основным способом создания образа идеологического противника — Ивана Грозного. При этом наиболее активно Курбский обращается к таким концептуальным оппозициям, как *жизнь/смерть* и *здоровье/болезнь*, *праведное/греховное*, *чистое/грязное*, каждая из которых порождает значительное количество метафор и вносит свои краски в образ первого российского царя.

1. СФЕРА «ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ». Лексика жизнедеятельности биологических организмов на протяжении всего периода развития языка становилась источником метафоризации самых разнообразных сфер действительности, в том числе и внутреннего мира человека. Как отмечает Л. В. Балашова, «в центре этой когнитивной модели лежит представление о жизни как о бытии чего-либо» [Балашова 1998: 122].

В древнерусской культуре «жизнь» души связывается с Богом, вне Бога существование души невозможно. Также прослеживается четкое различие судьбы праведных и неправедных людей: не подвержены смерти только души праведников. Показательно, что Грозный, много рассуждая в своих посланиях к Курбскому о жизни и гибели души, воспринимает свою душу как живую, действующую, при этом он цитирует фрагмент Священного Писания: *аще убо сие от отца твоего, диявола, восприимь, много ложными словесы своими сплетаеши, яко вгры ради избъжалъ еси — и сега ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя* (И. Грозный. «Первое послание Курбскому»).

Князь Курбский, напротив, уже с первого послания последовательно создает образ «погибающей» души Грозного: *аще и тмами хвалишися в гордости своей и при временном сем скоротекущем въце умышляеши на христианский род мучительныя сосуды, паче же наругаешися, попирающе аггелский образ, согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы, бесогласным твоим боляром и губителем души твоей и тѣлу, и детми своими паче же Кроновых жерцов дѣйствуют* (А. Курбский. «Первое послание Ивану Грозному»). Причиной «гибели» души становится гордыня, неправедный образ жизни, прислушивание к словам коварных советников, нежелание покаяться в совершенном.

Для поддержания «жизни» души, как и любое живое существо, необходимо питать. Но если истинной «пищей» души является молитва, слова святых отцов, то Грозный насыщает свою душу «пищей» вредной, ядовитой — светлыми развлеченьями и пением скоморохов: ***вмѣсто богодухновенных книг и молитвъ священных, имиже душа твоя бессмертная наслаждалася и слухи твои царские освящались, — скоморохов со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснями, ко осквернению и затворению слуха входу ко***

феологии? (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»). Такая «пища» разрушает душу, ведет к ее гибели.

Таким образом, метафоры смерти при характеристике души используются для указания на духовную гибель, утрату нравственных или идеологических ориентиров Иваном Грозным.

2. СФЕРА «ЗДОРОВЬЕ/БОЛЕЗНЬ». Данная оппозиция основана на представлениях о нормальной и нарушенной жизнедеятельности организма. В. В. Колесов отмечал, что «древний русич до XVI в. здоровьем считал не физическое, а душевное, моральное благополучие; состояние, противоположное недугу, он понимал как благо, как дар и награду за душевное свое здоровье» [Колесов 2000: 103]. Поэтому вполне закономерно, что в произведениях Андрея Курбского «больным» предстает не только сам политический противник, но и его центральные «внутренние органы», отвечающие за духовную жизнь человека, а именно: ум, душа и совесть [подробнее см. Кондратьева 2010].

Прежде всего в изученном материале представлено метафорическое восприятие противника как человека с нарушением интеллектуальной деятельности (безумие, слабоумие, дебилность). По мнению Курбского, только умственной ущербностью Грозного можно объяснить многие нелогичные и даже абсурдные политические поступки и решения: *не срамляешися писати к нам, аки бы ти, воинствующую сопротиву врагов своих, сила животворящаго креста помогала! И тако непишуеши или мниши? О безумие челоуѣческое, наипаче же развращенные души от похлѣбников, или от любимых маньяков твоих!* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Душа и совесть Ивана Грозного страдают, с точки зрения Курбского, тяжелым кожным заболеванием — проказой. Уже в Библии существовала специфическая метафора «нечистоты» как заболевания кожного покрова. Своим возникновением названная метафора обязана евангельскому сюжету об исцелении (очищении кожи) прокаженного. Итоговое напутствие «Иди и больше не греши», «по существу, является метафорой нравственного очищения» [Яковлева 2000: 204].

В сознании верующего существовала устойчивая метафора «проказа = нравственная нечистота», и «прокаженные» душа и совесть являются показателями нравственной деградации человека. А. Курбский характеризует своего противника как человека с «прокаженной совестью», что сильно задает Грозного, который несколько раз, приводя свои аргументы, упоминает несправедливо, по его мнению, поставленный ему диагноз: *царю, от Бога препрославленому, паче же во православии пресвятлу явльшуся, ныне же грѣх ради наших сопротивне обрѣтесе, разумеваа да разумѣет, совесть прокаженну имуща, якова же ни в без-*

божных языцех обретается (А. Курбский. «Первое послание Ивану Грозному»); и сие ли „супротивно разуму и совесть прокаженна“, еже не вьгжу възустити и злодѣйственныхъ человекъ възразити, и от Бога данному царю воцаритися? (И. Грозный. «Первое послание Курбскому»).

Поражена «проказой», по мнению Курбского, не только совесть, но и душа Грозного: ему негли подобно и он блаженный, лстець истиннь, умыслил, яко и послѣдовало дѣло, иже **душу его от прокаженныхъ ран исцелил и очистилъ был и разращенный умъ исправил, тѣмъ и овимъ наставляюще на стезю правую** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»); и вкратце рекше, целит недужных, **очищает прокаженных, не телесы, но душами, возвращает заблудших, подъемлюще на рамена и приводяща ко Христу, первому пастырю, уловивши воистину от сетей дяволских** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Кроме того, душа Грозного страдает от другого, не менее страшного заболевания — «чумы»: *ибо того ради славные и нарочитые исправление великихъ мужей от мудрыхъ человекъвъ исторіями описавшеса, да ревнують им грядущие роды, а презлыхъ и лукавыхъ пагубные и скверные дѣла того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались от нихъ человекъцы, яко от смертоносныхъ ядовъ или поветрѣя* (чумы — О. К.), *не токмо телесного, но и душевнаго* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Показательно, что Курбский акцентирует внимание именно на «заболеваниях» души и совести оппонента, деятельность которых скрыта от взгляда и непостижима, соответственно вылечить их гораздо сложнее, а с учетом тех страшных болезней, которые им приписываются (проказа и чума), и вовсе невозможно.

Основным средством избавления от болезни является искреннее покаяние в грехах и молитва, это лучшее «лекарство» от недуга: *прими божественный антитод ... егда же кто того лекарства внутреннимъ человекомъ вкусит, яко рече Златоустый, пишучи во первомъ слове страстномъ о Петра апостола покаянію: по вкушенію того посылаются молитвы ко Богу умиленныя „чрезъ послы слезныя“* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Как уже было отмечено, в большинстве случаев «заболевания» души и совести политического противника являются крайне тяжелыми, по мнению Курбского, они давно перешли в хроническую запущенную форму, и потому практически неизлечимы. У больного началась «гангрена», поэтому попытки лечения, которые могут дать хоть какой-то шанс на положительный результат, должны быть только хирургическими, необходимо вырезать больные ткани: *то же воистинну и врачеве премудрыя*

творятъ: дикіе мяса и неудобь цѣлимые гагрины бритвами рѣжутъ аж до живаго тѣла и потомъ наводятъ помалу и исцѣляютъ недужныхъ. Тако же и онъ творилъ, презвитеръ блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіяся и неудобны ко исцѣленію (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Таким образом, используемые А. Курбским морбиальные метафоры отличаются наиболее сильным воздействием. В результате перед нами предстает образ И. Грозного как человека не просто тяжелобольного, но обреченного, внутренний мир которого совершенно разрушен болезнью, а потому шансов на исцеление и адекватное руководство государством практически нет.

3. СФЕРА «ПРАВЕДНОЕ/ГРЕХОВНОЕ». Не вызывает сомнений, что праведность — неотъемлемая характеристика истинного христианина, тем более обязательна праведность души и сердца для человека, стоящего во главе государства: *Царь, аще и почтень царствомъ, а даровании, которыхъ от Бога не получил, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всеродныхъ человекъ, понеже даръ духа даеця не по богатеству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной, ибо не зритъ Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную и даетъ дары, сирѣчь елико хто вместитъ добрымъ произволениемъ* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Грозный не соответствует данному эталону. Его душа развращена его советниками и приспешниками: *О безуміе человекское, наипаче же разращенные души от похлѣбников, или от любимыхъ маньяковъ твоихъ!* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному».)

Ежедневно неправедными поступками Грозный попирает свою совесть — голос Бога в человеке: *о сопослѣшниче перваго звѣря и самого великаго дракона, якоже искони сопротивляется Богу и ангеломъ его, погубити хотяще всю тварь Божию и все человекское естество! Поколь такъ долго не насытишися крови христіанскіе, попирающее совѣсть свою?* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»); *и взялъ еси на ся пресквернымъ произволениемъ фараоническое непокорение и ожесточение сопротивъ Богу и совѣсти, отнюдь поправши совѣсть чистую, во всякого человекъа от Бога вложенную и яко недреманное око и неусыпнаго стража всякому человекъу душѣ и уму безсмертному подану и поставлену стражи ради и храненияя?* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Именно как утрату праведности, отступление от православия, поправление Христовыхъ заповѣдей трактовал Андрей Курбский злодеяния Ивана Грозного.

4. СФЕРА «ЧИСТЫЙ/ГРЯЗНЫЙ». В средневековой культуре чистота являлась одной из наиболее значимых характеристик, которой придавалось сакральное значение. Чистота мыслилась в древности как «одна из конкретных реализаций „хороших“, „идеальных“, требуемых — эталонных, образцовых — качеств предмета, а именно как его „первозданность“: неиспорченность, незамутненность, незагрязненность посторонним — внешним — вмешательством. *Чистый X* — это X как он есть и как он должен быть по некоему идеальному замыслу: *...чистое сердце, чистое житие* естественно могли быть проинтерпретированы по этому же типу ‘свободы от порчи’ [Яковлева 2000: 210].

В церковнославянском переводе Библии *чистота* предстает не только в своем прямом значении, но и как свобода от греха, праведность, и очищение связывается именно с избавлением от бремени грехов. Таким образом, первичное значение слова *чистый* — ‘не имеющий пыли, грязи или пятен’ — переносится на абстрактные понятия и становится одним из наиболее значимых параметров в характеристике образа жизни человека и его внутреннего мира [подробнее см.: Кондратьева 2005].

Андрей Курбский в ряде своих произведений сравнивает образ Грозного на начальном этапе его правления, в период завоевания Казани, с его позднейшим состоянием, используя оппозицию «чистый/грязный». Первоначально душа Грозного была чиста. Для иллюстрации этого Курбский использует метафору «тело — это церковь, а душа Грозного — голубица»: ***в нгъже*** (телесной церкви — О. К.) ***нгкогда Духъ Святой пребывал, яже по прехвальном покаяню была вычищена и чистыми слезами измыта, от неяже чистая молитва, яко благоуханное миро или фимияна, ко престолу Господню возходила; в нейже, яко на твердом основании правовърные вѣры, благочестивые дѣла созидашася, и царская душа в той церкви, яко голубица крылы посребренными, между же рамя ея блисталася, пречистѣйши и пресвѣтлѣйше злата, благодатию Духа Святого преукрашенна дѣлами укрѣпления ради и освящения тѣла Христова и надражайшия его крови, еюже нас откупил от работы дияволи! Се такова твоя прежде бывала церковь телесная!*** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»). Апелляция к образу голубицы не случайна, голубь с древнейших времен выступал как символ чистоты и непорочности.

В дальнейшем Грозный, по мнению Курбского, попадает под влияние плохих советников, отдаляется от праведной жизни, увязает в пучине грехов, что приводит к «загрязнению» бессмертной души и его телесной церкви нечистотами: *егда же развращенныи и прелукавыи развратиша тя, сопротив обрелся еси и*

по таком покаяню возвратился еси на первую блевотину за советом и думою любимых твоих ласкателей, егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, ноипаче же пятоградные гнусности пропастию и иными бесчисленными и неизреченными злодѣйствы (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

«Очищение» души и ума возможно только после осознания собственной греховности и покаяния, возвращения на истинный путь: *и послѣдовало дѣло, иже душу его от прокаженных ран исцелил и очистил был и развращенный умъ исправил, тѣмъ и овимставляюще на стезю правую* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Таким образом, именно внутренняя чистота становится фактором, детерминирующим существование человека. «Загрязненные» душа и ум являются нарушением нормы, отклонением от эталона, и соответственно создают отрицательный образ политического деятеля.

Проведенное исследование привело нас к следующим выводам.

1. При создании образа политического противника А. Курбский в качестве одного из основных способов использует метафорическое моделирование внутреннего мира, т. е. описывает состояние души, ума, сердца и совести Ивана Грозного, оценивая их с точки зрения соответствия/несоответствия некоему эталону, обязательному для правителя Руси, избранного Богом и являющегося образцом для своих подданных.

2. В качестве основных сфер-источников метафорической экспансии задействованы концептуальные оппозиции «здоровье/болезнь», «жизнь/смерть», «праведное/греховное», «чистое/грязное».

3. В интерпретации Курбского внутренний мир Грозного может быть охарактеризован исключительно отрицательными членами каждой из оппозиций, что создает негативный образ самодержца всея Руси.

4. Все метафоры прямо либо косвенно связаны с идеей греховности: например, метафоры «грязной», «больной» души репрезентируют ее испорченность, порочность, «погибель» души — это следствие прегрешений, утраты нравственных ориентиров, удаления от Бога. Грешный человек не достоин быть правителем, вершить на земле суд Божий. Следовательно, создавая образ Грозного, Курбский постоянно демонстрирует его несоответствие эталону истинного правителя.

5. Используемые А. Курбским метафоры вызывают эмоциональное отторжение, а значит, отрицательный образ правителя становится особенно действенным. Перед нами предстает образ И. Грозного как человека греховного, безумного, не просто больного, но обреченного, внутренний мир которого деформирован и совершенно разрушен болезнью, поэтому бес-

полезно ожидать от него разумных действий в управлении государством.

Вместе с тем следует отметить, что, используя концептуальные метафоры, отрицательно репрезентирующие внутренний мир Грозного, Курбский не имеет цели исключительно оскорбить своего оппонента или оправдать собственное бегство в Литву. Подобные метафоры обусловлены наличием у автора представлений о несправедливости и недопустимости существующего положения вещей в России того времени, тревогой за Российское государство, желанием изменений и ощущением собственного бессилия.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX вв. / Л. В. Балашова ; Саратов. ун-т. — Саратов, 1998.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.

Вершинина Т. С. Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002.

Иванова И. В. Концептуальная метафора как средство формирования образа политического деятеля в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004.

Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.

Кондратьева О. Н. Формирование структуры концепта «чистота» в древнерусской культуре // *Welt im der Sprache* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. — Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. S. 93—102.

Кондратьева О. Н. К истокам формирования морбиальных метафор в политической коммуникации (на материале произведений А. Курбского) // *Политика в зеркале культуры и языка: сб. науч. ст., посв. 60-летию юбилею проф. А. П. Чудинова* / отв. ред. М. В. Пименова. — М.: ИЯ РАН, 2010. С. 266—272.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербурга. гос. ун-та, 2000.

Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.

Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // *Вопросы языкознания*. 1990. № 3. С. 135—138.

Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // *Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. «Филология»*. 2010. № 1 (9). С. 26—43.

Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы» (1999—2000 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Цеханович А. А. Курбский Андрей Михайлович // *Литература Древней Руси : библиографический словарь* / под ред. О. В. Творогова. — М.: Просвещение, 1996. С. 95—98.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // *Логический анализ языка: языки этики* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 200—216.

ИСТОЧНИКИ

Курбский А. История о великом князе Московском // *Библиотека литературы Древней Руси* / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 310—480.

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // *Библиотека литературы Древней Руси* / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 14—102.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова

С. Л. Кушнерук
Челябинск, Россия

S. L. Kushneruk
Chelyabinsk, Russia

МАКРОСТРУКТУРЫ ДИСКУРСИВНЫХ МИРОВ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
РЕКЛАМЫ

MACRO-STRUCTURES OF DISCURSIVE
WORLDS OF THE RUSSIAN AND ENGLISH
ADVERTISEMENTS

Аннотация. С позиций когнитивистики описывается макроструктура дискурсивных миров англо- и русскоязычной рекламы, анализируются их сходства и различия, обусловленные как лингвистическими, так и общекультурными факторами.

Abstract. The macro-structure of the discursive worlds of English and Russian advertisements is described from the point of view of cognitive linguistics. Their similarities and differences, caused by linguistic and cultural factors, are analyzed.

Ключевые слова: дискурсивный мир; текстовый мир; фрейм; макрофрейм; фреймо-слотовая структура; реклама.

Key words: discursive world; textual world; frame; macro-frame; frame-slot structure; advertisement.

Сведения об авторе: Кушнерук Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет.

Place of employment: the Chelyabinsk State Pedagogical University.

Контактная информация: 454080 г. Челябинск, пр. Ленина, 69.
e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Осмысление языковой деятельности как одного из видов когнитивной активности человека приводит к выводу о том, что факты языка должны рассматриваться в контексте важнейших когнитивных процессов, обуславливающих восприятие и понимание дискурса. Когнитивная обработка дискурса, по Т. ван Дейку, является стратегическим процессом, в результате которого с целью интерпретации дискурса в памяти конструируется его ментальное представление, или репрезентация.

Идея о том, что любое знание существует в виде ментальных репрезентаций, находит все больше сторонников. В. З. Демьянков и Е. С. Кубрякова полагают, что репрезентации составляют важную часть нашего сознания: «...мы всегда, когда нам это кажется нужным, можем представить себе на внутреннем „экране“ любой объект, любую ситуацию — как из числа реальных окружающих нас предметов или лиц, так и из числа воображаемых событий» [Кубрякова, Демьянков 2007: 14—15].

Исследования дискурса в терминах репрезентационных структур активно ведутся в рамках теории текстовых миров (П. Верт, Д. Гевинс, Л. Идальго Даунинг, Э. Лахей, Е. Семино, П. Стоквелл). Согласно данной концепции, в процессе совместной языковой деятельности продуцент и реципиент выстраивают «миры», или ментальные репрезентации, — осознаваемые ментальные образования, воспроизводящие реальность человеческого представления через образы предметов и явлений в процессе порождения и понимания речи.

«Мир» иерархичен по структуре. Его высший уровень представлен дискурсивным ми-

ром, в котором есть участники, «различные аспекты перцепции ими непосредственной ситуации и общие предпосылки» [Лозинская 2007: 23]. Участники далее создают «мир второго уровня» — текстовый. Оба являются ментальными конструктами, поскольку формируют концептуальные репрезентации отдельных сторон действительности. Если *дискурсивный мир* — это контекст ситуации вокруг речевого события, то *текстовый мир* мыслится как концептуальный сценарий, представляющий существующее положение дел [Werth 1995, 1999].

Настоящая статья продолжает цикл работ, выполненных в русле обозначенной теории [Кушнерук 2008, 2009, 2010]. *Объектом* исследования являются дискурсивные миры русскоязычной и англоязычной рекламы, *предметом* — макроструктуры дискурсивных миров и их коммуникативная характеристика. *Цель* статьи — проанализировать макроструктуры с точки зрения их фреймо-слотовой организации в сопоставительном аспекте. Достижению поставленной цели способствует применение *описательно-сопоставительного метода*, включающего приемы наблюдения, обобщения, статистической обработки и когнитивной интерпретации.

Эмпирическим материалом послужили корпусы рекламных слоганов, доступных в Интернете. Считаем, что они являются репрезентативной выборкой современной рекламной коммуникации, так как объединяют тысячи слоганов, предназначенных для работы специалистов по рекламе. Ресурс русскоязычных слоганов сформирован на основе данных сайтов со следующими адресами: <http://sloganbase.ru;>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кушнерук С. Л., 2011

<http://textart.ru>. Подборка англоязычных слоганов включает материалы, доступные на сайте британских рекламистов [URL: <http://adslogans.co.uk>].

Думается, что понятие *дискурсивного мира* П. Верта помещает на первый план актуальную сторону дискурсивных исследований — явления, находящиеся вне речевых произведений, посредством которых происходит общение. На этом уровне (будем называть его *макро-уровнем*) осуществляется выход за пределы внутривербальных отношений, прослеживаются связи с иными дискурсивными и общественными практиками.

В настоящей работе, вслед за Т. ван Дейком, мы рассматриваем дискурс как функциональную часть коммуникативных и более общих общественных и культурных целей. Идеи голландского ученого имеют для нас большую эвристическую ценность, поскольку подсказывают необходимость выработки методики, которая бы учитывала, что пользователи языка конструируют представление не только соответствующего текста, но и социального контекста.

Понятие *макроструктуры* было введено Т. ван Дейком для абстрактного семантического описания основного содержания дискурса. Макроструктура дискурса соотносится с концептуальным глобальным значением, которое ему приписывается [Van Dijk, Kintsch 1983]. По нашему мнению, макроструктуры являются определяющими как для производства рекламных произведений, так и для их интерпретации. Формой организации макроструктур выступают базовые фреймы, или *макрофреймы* [ср. Данишина 2010], которые распадаются на более мелкие единицы.

М. Л. Макаров определяет фрейм следующим образом: «когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов» [Макаров 2003: 153]. В структурном плане фрейм состоит из вершины (темы) и слотов. Фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому способны описывать наиболее «характерное» или «типичное» в конкретном обществе.

Опираясь на достижения интерпретативного дискурс-анализа, считаем, что сопоставление макроструктур дискурсов позволит выявить макрофреймы, определяющие наиболее важные семантические характеристики русскоязычной и англоязычной рекламы. С одной стороны, это важно установить для выявления однотипных способов реализации дискурсивных практик рекламы; с другой — интересно очертить круг феноменов, несовпадение которых отражает национально-культурную специфику способов влияния на потенциальных потребителей, и попытаться спрогнозировать последующее развитие рекламной практики.

На первом этапе анализа мы выделяем **макрофреймы, сходные по способам концептуализации**, которые конституируют дискурсивные миры русскоязычной и англоязычной рекламы. Сходство интерпретируется нами как актуализация соотносимых элементов, представляющих содержание макрофреймов, которые демонстрируют общность тематического репертуара (см. диаг.).

Диаграмма

На вертикальной оси указано совокупное количество фреймов, субфреймов и слотов, составляющих макрофреймы. Как видно из приведенных данных, 15 макрофреймов оказываются сходными по способам концептуализации. Сопоставим фреймо-слотовые структуры, с тем чтобы охарактеризовать специфику обозначенных макрофреймов в двух дискурсивных мирах.

[1]. Макрофрейм «АВТО, МОТО» / «AUTOMOTIVE»

Соотносимые фреймы: *Автомобили / Cars, Автомобильные бренды / Car brands, Автотовары / Auto goods, Автоуслуги / Auto services, Мотоциклы / Motorcycles*. В англоязычных слоганах выделяются фреймы *Car dealers* и *Commercial vehicles*. *Car dealers* — торговцы автомобилями, обычно выступающие как агенты по продаже автомобилей определенной компании. В русскоязычной рекламе зафиксирован фрейм *Торговля автомобилями*, объединяющий слоты *Автосалоны* и *Автомобильные рынки*. Автосалоны в большинстве случаев продают новые автомобили, авторынки чаще всего предлагают поддержанные модели из Европы и США.

[2]. Макрофрейм «БИЗНЕС» / «BUSINESS»

Макрофрейм «БИЗНЕС» состоит из фреймов *Бюро переводов, Кадровые агентства, Канцтовары, Оценочные компании*. По материалам англоязычных сайтов, макрофрейм «BUSINESS» структурируется похожим образом и включает фреймы *Translation services, Office supplies, Business consulting*. Концептуализация бизнеса как деятельности, связанной с оказанием услуг по переводу, обеспечением рабочих условий, является общим основанием выделения макрофреймов в русскоязычной и англоязычной рекламе. Акцент на деловой активности в связи изучением эффективности какого-либо проекта с целью определения направлений улучшения (*business consulting*) отличает англоязычную рекламу. Сфера бизнеса в отечественной рекламе также связывается с подбором персонала и оценочными организациями, специализирующимися на оценке недвижимости, оборудования, интеллектуальной собственности, акций и пр.

Важно подчеркнуть, что семантическое наполнение лексемы *бизнес* в русском языке охватывает широкий спектр значений, связанных с предпринимательской деятельностью, коммерцией, производством и реализацией товаров, а также оказанием услуг населению. В английском языке *business* в первом значении — *дело, занятие, работа*: 1) *a person's regular occupation, profession, or trade*. Значение коммерческой активности актуализируется вторым лексико-семантическим вариантом: 2) *commercial activity* [ABVYU Lingvo x3]. Именно в этом мы видим причину того, что британские рекламисты не выделяют макрофрейм «BUSINESS» как таковой. Вместо этого в структуре дискурсивного мира обособлен макрофрейм «OFFICE

SUPPLIES» (отчасти соответствующий фрейму *Канцтовары*), который репрезентирован фреймами *Copier & Printers, Furniture, Office equipment, Presentation equipment, Stationery*.

[3]. Макрофрейм «БЫТОВАЯ ТЕХНИКА И ЭЛЕКТРОНИКА» / «DOMESTIC APPLIANCES»

Макрофрейм в русскоязычной рекламе включает фреймы *Бытовая техника* (*кухонные плиты, микроволновые печи, пылесосы, стиральные машины, холодильники, кондиционеры*) и *Электроника* (*аудиотехника, батарейки, видеотехника, DVD-техника, телевизоры*). Англоязычная реализация макрофрейма происходит на двух уровнях — *Domestic appliances, large* и *Domestic appliances, small*. Набор конституирующих слотов в первом случае — *cookers, hobs, microwave ovens, vacuum cleaners, washing machines, fridges, freezers, dishwashers, tumble dryers*. Второй фрейм распадается на слоты *air conditioning, fans, coffee/tea makers, electric shavers/depilators, electric toothbrushes, food mixers/blenders/juicers, hair-dryers/stylers, irons, kettles, toasters, sandwich makers*.

Как видно из примеров, наполнение макрофреймов существенно отличается. Следует отметить, что фрейм *Электроника*, выделенный в русскоязычных слоганах, отсутствует в англоязычной рекламе. Вместо этого в структуре дискурсивного мира различается макрофрейм «AUDIO VISUAL», представленный следующими элементами: *camcorders, CD players/burners, DVD players/burners, Hi-fi equipment, personal stereos, photographic equipment, radios, recordable media, satellite TV equipments, TV/home cinema*.

[4]. Макрофрейм «ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО» / «HOUSEHOLD GOODS»

Макрофрейм «ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО» объединяет фреймы *Бытовая химия* (*освежители воздуха, средства для мытья посуды, средства для стирки, средства от насекомых, уход за обувью, чистящие средства*) и *Домашние животные* (*корм, наполнители для туалетов*), а также отдельные слоты (*матрасы, постельное белье, посуда, фильтры для воды, батарейки*). Соответствующий макрофрейм в англоязычной рекламе включает следующие предметы домашнего обихода: *air fresheners, dishwasher products, laundry, insecticides & repellents, cleaning products, pet accessories, batteries, paper products*. Фигурируют фреймы, не зафиксированные в русскоязычной рекламе: *Food hygiene, Mobility aid & push-chairs, Pest control, Waste disposal*.

Фрейм *Food hygiene* (*гигиена питания*) открывает тему безопасности на кухне, связанную с обеспечением условий правильной организации питания, направленных на избежание риска пищевого отравления. *Mobility aids* — механические устройства, помогающие передвигаться инвалидам, людям с проблемами опорно-двигательного аппарата, слепым, получившим трав-

мы и т. п. Фрейм *Pest control* (борьба с вредителями) отчасти соотносится с субфреймом *средства от насекомых*, выделенным в русскоязычной рекламе, но имеет более широкое семантическое наполнение.

Наглядным примером бережного отношения европейцев к окружающей среде является фрейм *Waste disposal* (утилизация отходов). Примечательно, что использование мусородрибликов как явление не закрепилось в российской культуре настолько, чтобы оказаться в центре внимания отечественных рекламистов.

[5]. Макрофрейм «КОМПЬЮТЕРЫ» / «PERSONAL COMPUTERS»

Макрофрейм в русскоязычных слоганах состоит из фреймов *Компьютерные программы, Мониторы, Настольные компьютеры, Ноутбуки*. Англоязычный аналог представлен более разветвленно. Выделяются фреймы *Software/IT, Computer brands, Desktops, Laptops, Handheld, Hardware, Printers, Scanners, Accessories*. Концептуальное пространство макрофрейма «PERSONAL COMPUTERS» также включает представления о сопутствующих устройствах, таких, как принтеры, сканеры и аксессуары, которые предназначены для работы одного пользователя дома или на работе.

[6]. Макрофрейм «КРАСОТА» / «HEALTH & BEAUTY»

Красота в значении внешней привлекательности обособляется как самостоятельная сфера в русскоязычной рекламе. В зарубежных слоганах красота и здоровье сосуществуют, дополняют друг друга.

В русскоязычной рекламе макрофрейм «КРАСОТА» репрезентирован следующим набором фреймов: *Салоны красоты, Косметологические клиники, Личная гигиена, Косметика*. Фрейм *Личная гигиена* далее включает слоты *бритвенные станки, дезодоранты, детские подгузники, мыло, гель для душа, предметы женской гигиены, средства для ухода за полостью рта, туалетная бумага, шампуни*.

Макрофрейм «HEALTH & BEAUTY» представлен фреймами *Beauty, Personal care, Cosmetics, Health care*. Фрейм *Beauty* имеет слоты *beauty salons, eye makeup, mascara, lip cosmetics, lipstick, lip gloss, makeup brands*. Субфреймы и слоты *shaving & depilators (razors, deodorants), baby care / nappies (diapers, soaps & body wash), sanitary protection (sanitary towels, panty liners, tampons, skincare, female, skincare, male, slimming aids, plasters & bandages, fragrance, hair care, anti-smoking aids)* образуют фрейм *Personal care*. Фрейм *Health care* объединяет субфреймы и слоты *pharmacies, vitamins & minerals, contraceptives, eyecare, pharmaceutical corporate, drugs (pain relief)*.

Показательно, что из всего легкодоступного в российской действительности списка медикаментов в британской рекламе есть только один — болеутоляющее (*pain relief*). Европейца, наверное, обескуражил бы список лекарств,

находящихся в свободной продаже в России. В связи с этим следует констатировать, что фрейм *Лекарства* сформирован субфреймами *болеутоляющие средства, желудочные препараты, от кашля и боли в горле, от насморка, от простуды и гриппа, лечение аллергии, лечение диареи, повышение иммунитета, повышение потенции, противогрибковые препараты, средства для заживления ран и ожогов, успокоительные средства*.

В русскоязычной рекламе существует самостоятельный макрофрейм «МЕДИЦИНА И ЗДОРОВЬЕ». Вполне логично, что данная область концептуализируется в связи со следующими понятиями: *Лекарства, Аптеки, Фармацевтические компании, Медицинские клиники (гинекологические, косметологические, отоларингология, офтальмология, стоматология), салоны оптики, пищевые добавки, витамины и минералы, презервативы, контактные линзы*.

Важным отличием сопоставляемых дискурсивных миров является разная категориальная принадлежность субфрейма *Медицинские клиники*. В англоязычной культуре он осознается как элемент фрейма *Healthcare services*, который, в свою очередь, является компонентом макрофрейма «PUBLIC SERVICES» (*услуги для населения*). Последний входит в макроструктуру дискурсивного мира британской рекламы и формирует область, объединяющую фреймы *Charities, Education/Training, Government, Healthcare services, Military, Public information*. Аналогии в русскоязычных слоганах не зафиксировано. Можно полагать, что в британском обществе рекламе отводится более значимая социально-экономическая роль. Это проявляется в том, что реклама является крупной отраслью хозяйствования, которая воздействует на людей, определяет стандарты их поведения, способствует росту общей активности населения.

[7]. Макрофрейм «НАПИТКИ» / «BEVERAGES»

Данные макрофреймы составляют следующие фреймы: *Алкогольные напитки / Alcoholic drinks; Слабоалкогольные коктейли / Low alcohol; Безалкогольные напитки / Non-alcoholic drinks*. Более мелкие компоненты-слоты демонстрируют расхождения актуальной тематики в двух дискурсах. Так, фрейм *Алкогольные напитки* в русскоязычной рекламе имеет четыре слота: *вино, водка, коньяк, пиво*. В англоязычной рекламе он представлен значительно шире: *wines, vodka, cognac, beer, spirits, port wines, rum, sherry, tequila, liqueur, gin, whisky, bourbon, vermouth*. Наличие ограниченного количества слотов вовсе не означает, что русские люди не знают и не употребляют других напитков. Тем не менее вербальная реализация, как нам кажется, напрямую соотносится с установленной отечественной культурой практикой приема спиртного.

Аналогичным образом фрейм *Безалкогольные напитки* репрезентирован более

разветвленно в англоязычных слоганах: *water, carbonated drinks, coffee, juice, sport drinks, tea, energy drinks, chocolate, colas, malted drinks, mixers, nutrition drinks, squash, cordials, vegetable drinks*. В отечественных слоганах фигурируют *вода, газировка, кофе, соки, квас, спортивные напитки, чай, энергетические напитки*.

[8]. Макрофрейм «ОДЕЖДА, ОБУВЬ, АКСЕССУАРЫ» / «FASHION & LIFESTYLE»

Семантическое наполнение макрофрейма в русскоязычной рекламе оказывается близким содержанию макрофрейма «FASHION & LIFESTYLE» (*мода и стиль*). В первом случае тема задана набором существительных, которые обозначают основные и вспомогательные предметы гардероба. Активизируются фреймы *Одежда, Обувь, Белье, колготки, Аксессуары для мобильных телефонов, Часы, Ювелирные изделия*. Тематическую область моды и стиля в британской рекламе описывает более детальная фреймо-слотовая структура: *Apparel, Footwear, Ladies clothing (lingerie, hosiery, clothing brands), Childrenswear, Menswear, Outdoorwear, Sportswear, Fur clothing, Jeans, Swimwear & beachwear, Uniform & workwear, Watches, Jewellery, Accessories, Luxury goods, Luggage/handbags*. Как видно из примеров, явно разграничиваются одежда для мужчин, женщин и детей, сделан акцент и на функциональном использовании — для улицы, занятий спортом, отдыха на пляже, работы и пр. Кроме того, рекламируются предметы роскоши, часы, сумки, чемоданы для переноски ручной клади и пр.

Понятия моды и стиля, существующие и в отечественной культуре, функционируют как абстрактные представления, не ассоциируемые со сферой рекламы. Хотя российский рекламный бизнес неустанно продвигается по пути развития, вступил он на эту дорогу значительно позже европейских стран. Нужно помнить, что сам термин «*Lifestyle*» с большим успехом используется в рекламе и маркетинге США. Разработаны системы VALS и VALS2, которые классифицируют потребителей в зависимости от демографических факторов и жизненного стиля. Таким образом, термин, прочно соотносимый с устойчивыми моделями потребления и использования товаров, понятен и высоко информативен для англоязычных потребителей.

[9]. Макрофрейм «ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ» / «FOODS»

Человек — «существо биосоциальное» [Литвинов 2006]. Его жизнь физиологически протекает как непрерывное производство и расходование энергии. А энергию, как известно, человек получает с пищей. Именно в этом мы видим причину, по которой структуры макрофреймов «ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ» и «FOODS» оказываются самыми разветвленными.

Макрофрейм «ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ» содержит фреймы: *Детское питание, Жевательная резинка, Замороженные продук-*

ты, Каши, Кондитерские изделия, Консервы, Макароны, Маргарин, Молочные продукты, Мороженое, Мука, Мясо, Пельмени, Пицца, Полуфабрикаты, Приправы, Продукты быстрого приготовления, Растительное масло, Рыба, морепродукты, Сахар, Супы, Сухие готовые завтраки, Чипсы, снеки, Яйца. Внутри фреймов выделяются слоты: *Кондитерские изделия* (вафли, драже, жевательные конфеты, зефир, пастила, карамель, леденцы, конфеты, печенье, торты, шоколад), *Мясо* (колбасные изделия, курица, мясопродукты, паштеты).

Макрофрейм «FOODS» имеет сходную, но не совпадающую реализацию: *Baby food / milks, Frozen foods, Baking products / confectionery, Canned foods, Pasta, Margarine & Spreads, Milk & Cream, Ice-cream, Meat, Meat products, Jams / Spreads / Toppings, Pizza, Convenience meals, Seasoning / Condiments, Cooking oils, Fish products, Sugar & sweeteners, Soups, Breakfast cereals, Chips & savory snacks, Eggs, Rice, Pet food, Sauce, Slimming / Low fat, Vegetables, Vegetarian, Yellow fats, Yoghurts, mousses, Desserts, Fruit, Food companies*. Фрейм *Baking products* представлен слотами *baking ingredients, biscuits, bread, cakes, pastries, cookies, crackers, crisp bread, wafers*.

В англоязычной рекламе различаются такие фреймы, как *Slimming/Low fat, Vegetarian*, соответствующие передовым представлениям о жизни. Так, стройность культивируется как насущная потребность, символ успеха современного человека. Избавление от лишнего веса часто связывают с диетой, основанной на употреблении продуктов с малым содержанием жиров (*Low-fat diet*). Тема имеет широкий резонанс в европейских странах, что в полной мере отражается в рекламной коммуникации.

Концептуализация вегетарианства как образа жизни отличает англоязычную рекламу. Известное в России еще со времен Л. Н. Толстого, вегетарианство было надолго забыто как «буржуазный пережиток» в советские времена. Хотя в наши дни многие соотечественники считают себя вегетарианцами, русскоязычная реклама пока не приобщает к стилю жизни, который пропагандируется как духовная и физическая необходимость британцев (фрейм *Vegetarian*) [<http://www.vegsoc.org/page.aspx?pid=600>].

Демонстрирует отличия и фрейм *Yellow fats*, который можно передать на русском языке как *бутербродные пасты*. В широком понимании к ним относятся любые продукты, которые можно намазать на ломтик хлеба, — арахисовое масло, маргарин, паштеты, плавленые сырки, джемы. В сознании британцев и американцев бутербродная паста — это прежде всего арахисовое масло (*peanut butter*) или густая паста, изготовленная из перемолотых обжаренных зерен арахиса.

В свою очередь, в отечественной рекламе выделяются фреймы *Пельмени, Каши*, отсутствующие в структуре сопоставляемого англоязычного макрофрейма. Пельмени (ср. англ. *meat dumplings*) и каши издревле пользуются популярностью у русских людей. Семантическое наполнение лексемы *kasha* ограничивается представлениями о продукте из гречневой крупы (ср. словарное соответствие *гречневая каша* — *boiled buckwheat, kasha*). Другая лексема (*porridge*), переводимая как *каша*, ассоциируется с овсяной кашей. Стоит сравнить и другие словарные соответствия, чтобы убедиться в несовпадении способов концептуализации феномена: *манная каша* — *cooked semolina, cream of wheat, рисовая каша* — *cream of rice* [ABVYY Lingvo x3].

[10]. Макрофрейм «СВЯЗЬ, ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ» / «TELECOMS»

У людей всегда существовала необходимость обмениваться информацией на расстоянии. Для этого изобретали и внедряли самые разные средства, такие как почта, телеграф, телефон, телетайп, радио, телевидение. В современном мире появилась еще одна форма связи — компьютерные телекоммуникации. Новая реальность обусловила специфику концептуализации макрофрейма «СВЯЗЬ, ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ», который включает фреймы *Интернет* (*интернет-кафе, интернет-провайдеры*), *Салоны сотовой связи, Сотовые операторы, Тарифы сотовой связи, Телефоны, Хостинг*. Объем макрофрейма «TELECOMS» заполняется фреймами *Internet services, Mobile service provider, Corporate, Hardware, Landline service provider, Telephone directories*.

[11]. Макрофрейм «СИГАРЕТЫ» / «ТОВАССО»

В отличие от макрофрейма «СИГАРЕТЫ», нераспространенного в структурном отношении, соотносимый англоязычный аналог имеет более широкое семантическое наполнение. Разграничение фреймов *Cigarettes, Cigars, Smoking accessories, Loose tobacco* свидетельствует в пользу того, что степень номинативной дробности выше. Это значит, что в сознании европейцев макрофрейм объединяет более разнообразные представления о способах курения.

[12]. Макрофрейм «СМИ» / «MEDIA & PUBLISHING»

Макрофрейм «СМИ» включает фреймы *Газеты, Журналы, Радиостанции, Телеканалы*. Англоязычный макрофрейм концептуализируется аналогично: *Magazines, Newspapers, Online publishing, Radio stations, TV channels*. Исключение составляет фрейм *Online publishing*. Последний предполагает возможность публикации электронных книг, статей, а также размещение материалов авторов в цифровых библиотеках и каталогах.

[13]. Макрофрейм «ТОРГОВЛЯ» / «RETAILING»

В отечественной рекламе торговля прежде всего концептуализируется как деятельность по купле и продаже товаров через специализированные магазины, в том числе интернет-магазины, рынки, ярмарки и торговые компании. Опорными точками для формирования макрофрейма «ТОРГОВЛЯ» являются фреймы *Интернет-магазины* (*книги, пресса*), *Магазины, Рынки, ярмарки, Торговые компании*.

Многокомпонентностью отличается фрейм *Магазины: алкоголь, вино, бытовая техника и электроника, детские товары, магазины одежды, магазины косметики, книжные магазины, компьютерные магазины, мебельные магазины, обувные магазины, продуктовые магазины, салоны техники*. Детальная квалификация характеризует фрейм *Торговые компании: продажа дверей, продажа каминов, продажа канцтоваров, продажа строительных материалов, торговля климатической техникой, торговля сантехникой*.

В плане проводимого сопоставления важно подчеркнуть, что макрофрейм «RETAILING» предполагает не только деятельность по продаже товаров в магазине, но и предоставление услуг потребителям, а также продажу по каталогам. Соотносимый аналог тематизируется следующими фреймами: *Business equipment, Catalogue / Mail order, Department stores, Electrical stores, Fashion stores, Multi product stores, Off-license, Health & Beauty, Home & Garden, Leisure & Entertainment, Restaurants, Telecoms, Utilities*.

Совокупность передаваемых смыслов составляет представления о предметах и способах торговли, осуществляемой как по почте, так и через магазины. Включение самостоятельных макрофреймов — *Health & Beauty, Home & Garden, Leisure & Entertainment, Telecoms, Utilities* — в структуру «RETAILING» является следствием развитости англоязычной рекламной коммуникации, которая осуществляется по каналу виртуального пространства Интернет и открывает способ «горизонтального» поиска, то есть перехода к содержанию макрофрейма, имеющего отнесенность к тематической области торговли.

Другим знаковым отличием можно считать фрейм *Off-license*. Сопоставим номинации *Алкоголь, вино* и *Off-license*, призванные обозначить похожие элементы в структурах двух макрофреймов. Представляется, что номинативная функция осуществляется с акцентом на разных признаках.

В русскоязычной рекламе объективируется значение предметности — вообще вино, спиртные напитки как рекламируемые товары. В англоязычной рекламе прозрачна внутренняя форма номинации. Упор делается на то, что заведение ведет деятельность в рамках закона, имеет необходимое разрешение (*license*) на

продажу спиртного навынос (*off-*), а значит, несет ответственность перед потребителем за качество алкогольной продукции.

Еще одно яркое отличие — фрейм **Restaurants**, который осознается британцами как элемент макрофрейма «RETAILING». Лексема *restaurants* обозначает заведения, которые посещают, чтобы пообедать или поужинать. Сюда входят и дорогие, и дешевые места. Ср.: *a la carte restaurant, fast-food restaurant, buffet restaurant, family restaurant, organic restaurant, commercial restaurant, noncommercial restaurant, gastronomical restaurant* [ABBYY Lingvo x3]. К ресторанам в англоязычной традиции также относятся заведения меньшей площади (*café, cafeteria, coffee bar, coffee house*).

В дискурсивном мире российской рекламы фрейм *Рестораны* входит в макрофрейм «ОБЩЕПИТ». Он представлен фреймами **Доставка еды, Доставка пиццы, Кейтеринг, Кафе, фастфуд, Кофейни** и **Рестораны**. По нашим наблюдениям, лексема *ресторан* имеет более узкую коннотативную семантику по сравнению с английским словом *restaurant*. Для русских людей ресторан — это место, где можно заказать дорогие блюда, закуски и напитки. Именно поэтому в структуре макрофрейма параллельно выделяются фреймы **Кафе, фастфуд, кофейни**, которые в отечественной культуре ассоциируются с относительно дешевыми предприятиями общепита.

Как видно из приведенных примеров, внутри обсуждаемого макрофрейма различается фрейм **Кейтеринг**. Лексема *catering* (англ. *cater* — *поставлять, обслуживать*) используется для обозначения предприятий общественного питания за рубежом. Возникнув в США в ответ на необходимость обеспечения мобильного питания для строителей небоскребов, индустрия получила быстрое распространение в других странах. В русском языке заимствование *кейтеринг* специфицируется в значении. Судя по рекламе, новомодное слово понимается отечественными рекламистами как «*организация выездного банкета*». Поэтому специалисты склонны ставить в один ряд такие номинации, как **Доставка еды, Доставка пиццы, Кейтеринг**, отграничивая простую (и, следовательно, недорогую) услугу снабжения от услуги комплексной, предполагающей, что клиенту придется раскошелиться.

[14]. Макрофрейм «ТУРИЗМ» / «TRANSPORT & TRAVEL»

Макрофрейм «ТУРИЗМ» репрезентирован фреймами **Гостиницы, отели, Страны, Туристические фирмы**. Очевидно, что туризм как вид активного отдыха не концептуализируется в отечественной рекламе в зависимости от средств, обеспечивающих оптимальные маршруты передвижения.

В англоязычной рекламе макрофрейм «TRANSPORT & TRAVEL» объединяет два семантических блока — *транспорт* и *путеше-*

ствия. Выделяются фреймы **Airlines, Airports, Hotels, Holiday parks & resorts, Locations (business), Public transport, Shipping lines, Tourist boards / Travel destinations, Travel agents**. Концептуальная сфера «TRAVEL» детализируется. Приоритетными способами перемещения для путешественников являются авиаперевозки, общественный транспорт, морские перевозки.

Рекламируемыми местами отдыха, кроме гостиниц, оказываются национальные ландшафтные территории (фрейм *Holiday parks*). Предлагается провести отпуск по-семейному, в палатках, передвижных фургонах и оборудованных легких домиках. С фреймом *Туристические фирмы* соотносятся фреймы, содержащие информацию о туристических управлениях, местах отдыха и агентствах путешествий (*Tourist boards / Travel destinations, Travel agents*). Рекламируются места не только для отдыха, но и для проведения деловых мероприятий (*Locations*).

[15]. Макрофрейм «ФИНАНСОВЫЕ УСЛУГИ» / «FINANCIAL SERVICES»

Концептуализация финансовых услуг в дискурсивном мире русскоязычной рекламы демонстрирует совокупность смыслов, содержащих представления о банках, банковских продуктах, торгово-комиссионных операциях, долгосрочной аренде, различных видах страхования. Другими рубриками опыта являются представления о целевых фондах, выплачивающих пенсии гражданам, а также о денежных переводах и платежах. Выделяются фреймы **Банки, Банковские продукты, Денежные переводы, Дорожные чеки, Лизинг, Пенсионные фонды, Страхование, Факторинг**.

Соответствующая понятийная область в дискурсивном мире англоязычной рекламы опирается на знания о финансово-кредитных учреждениях, их деятельности, а также о сбережениях и инвестициях, страховании, ипотеке, кредитных и платежных картах. Макрофрейм содержит следующие элементы: **Banks & Building societies, Business Finance, Credit / Debit cards, Insurance, Mortgages, Personal loans, Savings & Investments**.

Итак, мы рассмотрели те макрофреймы, содержание которых демонстрирует общность тематического репертуара. Следующим логическим шагом в анализе макроструктур дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы является выявление несовпадения способов концептуализации понятийных областей (см. табл. 1).

Согласно приведенной ниже таблице, в дискурсивном мире русскоязычной рекламы различимы самостоятельные концептуальные области, нераспространенные в структурном отношении, то есть представленные одной номинацией, — «АВИАКОМПАНИИ», «ИГОРНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ», «КИНОТЕАТРЫ», «МЕБЕЛЬ». Даже поверхностный взгляд на показатели, обозначающие количество конституирующих

фреймов/слотов, свидетельствует в пользу условности присвоения некоторым перечисленным рубрикам статуса макрофреймов. Однако мы принимаем во внимание не только семантический критерий, но и формально-лингвистический, отражающий композиционную организацию рекламных материалов, в частности предлагаемых пользователям отечественными специалистами.

Таблица 1.

Макрофреймы, различные по способам концептуализации

Макрофреймы, зафиксированные в структуре дискурсивного мира русскоязычной рекламы	Макрофреймы, зафиксированные в структуре дискурсивного мира англоязычной рекламы
1. Авиакомпании (1) 2. Безопасность (3) 3. Игровые заведения (1) 4. Кинотеатры (1) 5. Мебель (1) 6. Недвижимость (6) 7. Образование (3) 8. Общепит (7) 9. Рекламные, PR-, маркетинговые агентства (3) 10. Спортивные товары (4) 11. Строительство и ремонт (14)	1. Audio visual (12) 2. Home & Garden (12) 3. Industry & Commerce (11) 4. Leisure & Entertainment (14) 5. Office supplies (5) 6. Public services (6) 7. Utilities (6)

Проведенные наблюдения свидетельствуют о том, что тематизация слоганов в дискурсивном мире британской рекламы чаще направлена в сторону обобщения смыслов. Фреймы *Airlines, Airports* входят в макрофрейм «TRANSPORT & TRAVEL», совмещающий представления о транспортных услугах и путешествиях, что кажется вполне оправданным и логичным с точки зрения удобства использования. Макрофрейм «ОБРАЗОВАНИЕ» включает фреймы *Институты, Университеты*. В англоязычной традиции фрейм *Education/Training* вместе с фреймом *Healthcare services* входят в макрофрейм «PUBLIC SERVICES».

В дискурсивном мире русскоязычной рекламы отграничивается макрофрейм «НЕДВИЖИМОСТЬ», который структурируется фреймами *Агентства недвижимости, Бизнес-центры, Дома, жилые комплексы, Квартилы, жилые районы, Коммерческие поселки, Сайты по недвижимости*. Данный макрофрейм соотносится с фреймом *Property & Construction*, формирующим, в свою очередь, компонент объемной концептуальной области «INDUSTRY & COMMERCE» (*производство и коммерция*), которая отсутствует в дискурсивном мире отечественной рекламы. Макрофреймы составляют фреймы *Aerospace, Agriculture, Business services, Corporate, Courier & Removals, Environment, Manufacturing & Engineering, Property & Construction, Recruitment, Trade associations, Trade exhibitions & events*. Реализуется совокупность представлений об авиакосмической промышленности, сельском

хозяйстве, бизнес-услугах, в том числе корпоративных, а также курьерских, о защите окружающей среды, операциях в сфере производства и конструирования, найме сотрудников, торговых ассоциациях, выставках-продажах и других мероприятиях коммерческой деятельности. В англоязычной рекламе также зафиксирован макрофрейм «UTILITIES», представленный фреймами *Electricity, Gas, Water*, объединяющий слоганы коммунальных предприятий, — электроэнергетических управлений, газовых и водораспределительных служб.

В европейском обществе любая деятельность по производству товаров и оказанию услуг немыслима без рекламирования. Реклама не только устанавливает отношения между производителями и потребителями товаров, но налаживает связи между субъектами хозяйствования. В России, как нам представляется, реклама до сих пор не является показателем деловой активности общества, по крайней мере в аспекте оказания конкретных услуг населению, которые воспринимаются как само собой разумеющийся феномен, не нуждающийся в рекламировании.

Вместе с тем в русскоязычной рекламе существуют такие понятийные области, как «ИГРОВЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ», «КИНОТЕАТРЫ», «СПОРТИВНЫЕ ТОВАРЫ» (*роликовые коньки, спортивная одежда и обувь, спортивные тренажеры, фитнес-клубы*), которые можно объединить на основании способов и средств проведения свободного времени.

В отличие от русскоязычной рекламы, свободное время представляется одним из важнейших атрибутов в европейской культуре. Досуг, приносящий интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение, формирует обширную концептуальную область, которая гармонично вписывается в дискурсивный мир англоязычной рекламы. Макрофрейм «LEISURE & ENTERTAINMENT» (*досуг и развлечения*) детально структурирован. Его конституируют фреймы *CD & DVD (pre-recorded), Cinema & Movies, Exhibitions, Health & fitness centers, Lotteries / gambling, Musical instruments, Sports equipment, Sports events, Theme parks, Toys, Video games, Video / DVD rental*. Англоязычная реклама культивирует навыки проведения досуга, предлагая разнообразно тратить денежные средства на отдых. Сфера досуга и развлечений охватывает представления о компакт-дисках, которые можно не только купить, но и взять напрокат, а также кинотеатрах, фильмах, выставках, фитнес-центрах, лотереях и игровых заведениях, музыкальных инструментах, спортивном инвентаре, спортивных мероприятиях, тематических парках, игрушках, видеоиграх.

К другим обособленным макрофреймам в русскоязычной рекламе относятся «БЕЗОПАСНОСТЬ» (*охранные предприятия, сейфы*), «МЕБЕЛЬ», «СТРОИТЕЛЬСТВО И РЕМОНТ». Последний оказывается наиболее распростра-

ненным: *Двери и перегородки, Окна, Потолки, Сантехника, Строительные компании, Строительные и отделочные материалы* (краски, керамическая плитка, клей, кровельные материалы, обои, отделочный камень, напольные покрытия, сухие строительные смеси).

Сопоставление свидетельствует, что в англоязычной рекламе фигурирует макрофрейм «**HOME & GARDEN**». В структуре макрофрейма выделяются фреймы *Cookware & tableware, Fittings & furnishings, Floor coverings, Furniture, Garden products, Heating & Electrical, Home security, Lighting, Ornamental, Tools & DIY, Windows & Conservatories*. Организация домашнего уюта и оттачивание приемов садового дизайна немислимы без кухонной утвари и столовой посуды, мебели, покрытий для пола, садового оборудования, отопления, электричества, освещения, систем безопасности, окон, зимних садов, а также элементов декора. Понятийные области *дом* и *сад* сосуществуют: дом предполагает наличие сада. Известно, что дом в Великобритании достаточно прост в архитектурном отношении, а прилегающий сад является главной гордостью англичан, которые любят радовать взгляд ландшафтными ансамблями. Если учитывать, что английское садовое искусство имеет многовековую историю и сложившиеся традиции, можно предположить, что *GARDEN* — культурно-значимый концепт. Уникальные ландшафтные шедевры туманного Альбиона признаются национальным достоянием страны, которая неслы и продолжает нести миру садово-парковое искусство.

Мы видим, что анализ внутренней структуры дискурсивных миров выходит за рамки лингвистики, требует обязательного обращения к культуре народов, заставляет отказаться от редуционизма, «выносящего за скобки» социально-культурные явления. Описание макроструктур дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы в том виде, в каком оно представлено выше, является попыткой практического применения достижений когнитивной и коммуникативной лингвистики, «построенной на дискурсивной онтологии» (по М. Л. Макарову). Такой подход предполагает многостороннее, комплексное изучение феномена языкового общения.

В системе координат настоящего сопоставительного исследования конструируется уровень глобального представления, макроуровень, или дискурсивный мир. Каркасы дискурсивных миров обнаруживают структуры, которые реализуются набором макрофреймов разной значимости. Иерархия фреймов, субфреймов и слотов, выполняющих функцию опорных точек в процессе обозначения структурных элементов макрофреймов, делает возможным качественный и количественный анализ компонентов, участвующих в формировании специфики данного типа социального взаимодействия.

Устройство дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы имеет много общих, повторяющихся черт. Однотипность проистекает из общности сущности, целей, задач и функций, характеризующих данную сферу приложения дискурсивной практики. В дискурсивных мирах русскоязычной и англоязычной рекламы репертуар тем упорядочен. Макрофреймы, сходные по способам концептуализации, демонстрируют совпадение глобального содержания по 15 топикам, формирующим ядро семантической тематики. При внешнем сходстве выделенных макрофреймов, набор единиц их фреймо-слотовой реализации оказывается разным, что объясняется как собственно языковой спецификой, так и особенностями коммуникативного контекста, уникального для каждого национально-культурного сообщества.

Наличие макрофреймов, различных по способам концептуализации, демонстрирует идиотические особенности. Категоризация в сторону конкретизации отличает русскоязычную рекламу, в то время как тематизация слоганов в дискурсивном мире британской рекламы чаще направлена на обобщение смыслов.

Максимальная расчлененность денотативных сфер ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ / FOODS свидетельствует о важности репрезентируемых ими понятий в сознании представителей двух лингвокультур, что подтверждает представления о биосоциальной обусловленности рекламного взаимодействия, которое осуществляется в данный период, на данном этапе развития обществ.

Подводя итог, подчеркнем, что набор предлагаемых рекламой благ невозможно исчерпать по причине того, что социальная обеспеченность, изобилие становятся императивами общества потребления, не поощряющего пассивность и экономность. Тематический репертуар расширяется в ответ на постоянное развитие жизни, применение современных технологий, изобретений и всего того, что ставит перед рекламистами новые цели. Хочется надеяться, что специальные наблюдения за организацией опыта зарубежного рекламирования подскажут отечественным специалистам оптимальные пути для выстраивания собственных смыслов, которые бы отвечали потребностям экономической активной населения нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Данюшина Ю. В. Англоязычный сетевой бизнес-дискурс: когнитивно-семантический обзор // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 97—103.
- Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8—16.
- Кушнерук С. Л. Личные местоимения как языковые маркеры пересечения текстовых миров в рек-

ламе // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2008. № 36 (137). Вып. 27. Филология. Искусствоведение. С. 85—89.

Кушнерук С. Л. Методологический потенциал теории текстовых миров в исследованиях дискурса // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры : материалы Междунар. конф. (19—21 июня 2009 г.). — М., Ярославль: Ремдер, 2009. С. 254—258.

Кушнерук С. Л. Образ президента — визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 87—92.

Литвинов В. А. Потребление продуктов питания // Человек. 2006. № 2.

Лозинская Е. В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX—XXI веков : аналит. обзор. — М., 2007.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003.

Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. — СПб., 2003.

ABBY Lingvo x3 [Электронный словарь].

Gavins J. Absurd Tricks with Bicycle Frames in the Text World of *The Third Policeman* // Nottingham Linguistic Circular. 2000. № 15. P. 17—33.

Gavins J. (Re)thinking Modality: A Text-world Perspective // Journal of Literary Semantics. 2005. № 34 (2). P. 79—93.

Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. — Edinburgh University Press, 2007.

Hidalgo D. L. Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction. — Stamford, CA: Ablex Publishing Corporation, 2000.

Lahey E. “All the World’s a Sub-World: Direct Speech and Sub-World Creation in “After” by Norman Craig” // Nottingham Linguistic Circular. 2004. № 18. P. 21—28.

Pitkanen K. K. The Role of Concept-Derivable Knowledge in Constructing Space-Related Textual Meaning // GAGL. 2001. Vol. 44. P. 148—158.

Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts. — L., N. Y.: Longman, 1997.

Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. — L.: Routledge, 2002.

Van Dijk T. A. Episodic models in discourse processing // Comprehending Oral and Written Language. — N. Y.: Academic Press, 1987. P. 161—196.

Van Dijk T. A., Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. Chap. 6: Macrostrategies. — N. Y.: Academic Press, 1983. P. 189—206.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. — L.: Longman, 1999.

Werth P. “World Enough, and Time”. Deictic Space and the Interpretation of Prose // Twentieth-Century Fiction: From Text to Context. — N. Y.: Routledge, 1995.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина

И. О. Михайловский
Екатеринбург, Россия

I. O. Mikhailovsky
Ekaterinburg, Russia

«АРЦЫБАШЕВЩИНА»

«ARTSYBASHEVSHINA»

И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

AND SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с беллетристикой начала XX в. и ставшие актуальными на рубеже нового (третьего) тысячелетия: «арцыбашевщина» как явление литературы занимает место между высокой и массовой культурой, между литературой и бульварной словесностью. Образы, обозначенные в творчестве М. П. Арцыбашева, узнаваемы (к примеру, образ провинциального городка из романа «Санин») и демонстрируют процесс узнавания образа реального через художественный текст.

Abstract. The article deals with the questions state of Russian belles-lettres in the beginning of XX century that become actual at the turn of the new millennium. Works by Mikhail Artsybashev and trends caused by his activity are the line between elite and popular culture, between text of literature and pulp fiction. The images in his books are the reflection and representation of reality.

Ключевые слова: М. П. Арцыбашев; социально-культурный контекст; литература Серебряного века; массовая литература.

Key words: M. P. Artsybashev; social and cultural context; literature of Silver Age; pulp fiction.

Сведения об авторе: Михайловский Игорь Олегович, аспирант кафедры культурологии.

About the author: Mikhailovsky Igor Olegovich, Post-graduate Student of the Chair of Culturology.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: the Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: Nerdish@ya.ru.

В 1900—10-х гг. М. П. Арцыбашев (1878—1927) входил в число самых известных русских писателей, а его творчество, вызывавшее многочисленные как литературные, так и внелитературные споры, породило немалое количество подражателей, среди которых можно назвать А. П. Каменского, А. А. Вербицкую, Е. А. Нагродскую, В. К. Винниченко, Н. Санжарь, А. Мар и др., что позволило критикам поставить писателя во главу целого литературного течения. Однако сегодня эти явления отечественной словесности относятся к наименее изученной части литературного контекста эпохи начала XX в.

особенно если принимать во внимание его подражателей и последователей.

Между тем на современном этапе изучения русской литературы означенного периода большое значение приобретает реконструкция реальной картины прошлого, отражающей объективные историко-литературные закономерности. Поэтому оказываются значимы исследования, посвященные не только классикам литературы XX в., но и писателям так называемого второго ряда, не осуществивших значительных прорывов в своем творчестве, но составлявших литературную среду, обозначавшую проблематику времени, устанавливавшую ориентиры, в определенной степени задававшую направление и степень влияния литературы на духовную жизнь общества в целом (о взаимодействии социокультурного контекста и творческой личности см. подробнее: [Симбирцева 2007]). Актуальным представляется нам и обращение к личности М. П. Арцыбашева, чья фигура и судьба наследия чрезвычайно показательны,

По подсчетам М. Н. Николаева, за время, прошедшее с выхода первых произведений М. П. Арцыбашева, и до 1917 г. его творчеству было посвящено 146 книг и крупных газетно-журнальных статей [Николаев]. Большая часть этих публикаций приходится на отзывы литературной критики о романе «Санин», вышедшем в 1907 г., в котором, по общему мнению, были сконцентрированы идеи всего предшествующего творчества писателя. Чрезвычайно спорный центральный образ героя-чувственника, героя-гедониста принес роману скандальную известность и рыночный успех, поляризовав критические оценки произведения, разделившиеся, с одной стороны, на восторженные, с другой — на сугубо негативные.

Именно в это время критиками было введено в литературный оборот понятие «арцыбашевщина», фиксировавшее обостренное внимание художника к «вопросам пола», вскрытию и утверждению «животной» природы человеческих мотивов и поступков. В состав ее прежде всего попали произведения как явных, так и невольных подражателей М. П. Арцыбашева: романы «Люди» (1910) А. П. Каменского, «Дух времени» (1907) и «Ключи счастья» (1909—1913) А. А. Вербицкой, «Гнев Диониса» (1911) Е. А. Нагродской и нек. др. Однако концептуализации данного понятия тогда осуществлено не было.

Поскольку в советское время как роман «Санин», так и вышеупомянутые произведения

были под запретом, они не издавались и практически не изучались. Однако со второй половины 1960-х гг. в отечественной науке начали происходить коренные сдвиги в освоении русской литературы конца XIX—XX в., что привело к переоценке многих ценностей и сделало возможным научное рассмотрение творчества указанных писателей.

Наиболее близко к характеристике «арцыбашевщины» как феномена культурной жизни начала века подошла в этот период Ю. Бабичева, определив «арцыбашевщину» как литературные произведения, восходящие типологически к творчеству автора «Санина» и «ставшие весьма примечательным явлением пореволюционной литературы» [Бабичева 1983: 589]. Говоря об этих произведениях, созданных в подражание «Санину», как о «многочисленных санинских „дублерах“» [Там же: 589], Ю. Бабичева констатирует наличие двух тенденций в раскрытии идей, содержащихся в романе Арцыбашева: «это ряд произведений, в разных вариантах раскрывавших принцип эгоцентризма как жизненную программу „нового человека“, и ряд, где в центре внимания оказалась „проблема пола“ в ее характерном для эпохи реакции „санинском“ разрешении» [Там же: 590]. К первому типу Ю. Бабичева относит романы «В смутные дни» С. И. Фонвизина, «Чертова кукла» З. Гиппиус, «Люди» А. Каменского, ко второму — «Крылья» М. Кузьмина, «Тридцать три уroda» Л. Зиновьевой-Аннибал, «Миллионы» Ф. Сологуба, «Флейта Вафила» С. Ауслендера, «Марево» Ю. Слезкина, «Мертвая зыбь» О. Миртова, «Ключи счастья» А. Вербицкой и др. Как можно заметить, список этот весьма неоднороден и неоднозначен, что вызвано, на наш взгляд, репродуцированием устойчивых предрассудков и дискриминационных клише, распространенных как в дореволюционной, так и в советской критике по отношению к упомянутым литературным явлениям.

Являлся ли феномен «арцыбашевщины» отражением определенных общественных идей и настроений начала XX в. или же авторы произведений, относимых критикой к данному литературному явлению, сами пытались формировать их? Для этого, наряду с раскрытием тех причин, по которым именно роман М. П. Арцыбашева «Санин» стал объектом для подражания других названных нами авторов в соответствующей нише литературного процесса начала XX в., следует обратить внимание на проблему востребованности подобных явлений отечественной словесности, т. е. рассмотреть основные характеристики читательской аудитории и читательских предпочтений указанного периода и выявить особенности статусного своеобразия произведений представителей «арцыбашевщины».

Вместе с тем в контексте проблемы востребованности художественного произведения невозможно не учитывать влияние на восприятие

читательской аудиторией того или иного текста периодической печати, публицистических и литературно-критических изданий. По словам В. Е. Красовского, «журналисты (критики и публицисты), используя свои „дирижерские“ возможности, способны превратить факт литературы в злободневный факт духовной жизни общества, актуализировать или заострить полемический потенциал, заложенный в художественном тексте» [Красовский 2009: 202]. Именно такими текстами во второй половине 1900-х — нач. 1910-х гг. стали романы М. П. Арцыбашева, А. П. Каменского, А. А. Вербицкой, Е. А. Нагродской и др.

Появление этих произведений во многом было связано с новым этапом развития русской культуры. Для начала XX в. было характерно значительное увеличение интереса к чтению в средних и «низовых» слоях общества, чему способствовала в том числе революция 1905 г., прямо или опосредованно повлиявшая на мировоззрение широких масс, а также снятие прежних жестких цензурных ограничений.

В 1900—10-х гг. читательская аудитория не представляла собой единого целого. Это был сложный конгломерат разных социокультурных групп, имеющих свои читательские пристрастия [см., напр.: Чтение в дореволюционной России]. Для анализа интересующей нас проблемы важно то, что каждый пласт литературы имел своего читателя. «Идейную», «серьезную» литературу преимущественно читали широкие слои интеллигенции (учителя, врачи, инженеры и др.), учащаяся молодежь (студенты, курсистки, гимназисты). «Легкое» же чтение было, как правило, интересно «низовым» читателям: служащим невысокого ранга, приказчикам, грамотным рабочим и т. п. (при всей условности подобного разделения). Значительную массу читателей составляли женщины, принадлежавшие к разным социальным слоям, но во многом объединяемые специфическими «женскими» запросами.

Многие популярные писатели начала века учитывали психологию своего читателя, увлекавшегося чтением романтической литературы (прежде всего низкокачественными переводами А. Дюма, Сю, Понсон дю Террайля и др.) и в то же время желавшего соприкоснуться с актуальными художественными идеями. Например, А. Вербицкая в романе «Ключи счастья» точно определила, какому читателю адресовано не только ее произведение, но и, шире, беллетристика начала XX в.: «Тот, кто думает, будто рабочему и мастерице не нужна красота, тот совершенно не знает этого читателя. Дайте ему очерки из фабричной жизни, которая ему осточертела <...> быт деревень, который он знает лучше того, кто пишет, <...> — ничего этого он читать не станет. Ему скучно. <...> Он романтик, этот читатель <...>. И от литературы они ждут не фотографии, не правды нашей маленькой, грязенькой, будничной правды, а <...> прорыва

в вечность. <...> Литература должна быть не отражением жизни, а ее дополнением» [Вербицкая 1993: 340].

Связана подобная позиция писательницы была со специфическим статусом подобного рода явлений отечественной словесности, который состоит, по выражению Е. Дьяковой, «в средостенном, промежуточном их положении — между высокой и массовой культурой, между литературой — и бульварной словесностью» [Дьякова 2000: 669], причем исследовательница акцентирует внимание на исходящие из этой черты разнородность и разнокачественность рассматриваемых культурных артефактов: «...между лучшими произведениями Арцыбашева и популярнейшими книгами Вербицкой — дистанция огромного размера» [Там же: 669].

Зависимость от высокой традиции, наличие которой, например в форме связи ранних произведений М. П. Арцыбашева с тематикой творчества ряда писателей-современников, отмечает Н. Зоркая («Социально обличительные, обращенные к жизни «низов» арцыбашевские рассказы 1902-1905 гг. в той же степени, как к чеховской прозе, примыкали к кругу «Знания», испытывали на себе влияние тематики, материала, стилистики М. Горького, <...> а также имели прямую, точнее прямолинейную связь с идеалами толстовства» [Зоркая 1976: 143]), сочеталась здесь с использованием мифов и штампов литературного бульвара. Об актуальности творчества М. П. Арцыбашева и его подражателей и последователей для «низовой» городской культуры начала XX в. свидетельствовал и грандиозный успех у российского массового зрителя фильмов «Ревность», «Мститель», «Закон дикаря», «У последней черты», снятых по мотивам произведений М. П. Арцыбашева; не меньшим успехом пользовались и экранизации романа А. А. Вербицкой «Ключи счастья», а также киноленты по сценариям А. Каменского.

Последнее обстоятельство вкупе с обозначенными нами ранее тенденциями развития читательской аудитории в начале XX в. позволило некоторым исследователям [см.: Грачева 2000; Красовский 2009] отнести вышеобозначенные романы к категории романов-бестселлеров, новой для русской литературы начала XX в. Однако и здесь в качестве причин читательского успеха бестселлеров называется их промежуточный статус: между высоким искусством и искусством бульвара, их способность устанавливать диалогические отношения между двумя этими крайностями.

Отсюда и проистекают характерные черты творческого метода рассматриваемых авторов: мифологическая основа образа главного героя, полемичность с русской классической литературой и др. [Там же] В романе «Санин», например, главный герой принадлежал именно к этому мифологическому по своей основе типу: все персонажи произведения, кроме главного ге-

роя, сформировались под влиянием среды и обстоятельств, и их действия были подвластны этим силам; только о Санине сразу же сообщалось, что «никто не следил за ним, ничья рука не гнула его, и душа этого человека сложилась свободно и своеобразно, как дерево в поле» [Арцыбашев 2002: 3]. Санин в трактовке М. П. Арцыбашева не просто цельная, абсолютно лишённая противоречий личность. Реалистические принципы изображения героя автором демонстративно отброшены. Это нарочито плакатный герой-ницшеанец, созданный с использованием средств экспрессионистской поэтики. Санин элементарен в своих поступках, намеренно депсихологизирован М. П. Арцыбашевым, но в его пространственных монологах сразу заметен стержень его мировоззрения — «гедонизм как доминирующий принцип отношения к жизни, возникший на почве нравственного и социального нигилизма» [Красовский 2009: 205]. М. П. Арцыбашев, вероятно, видел его вероучителем, способным породить волну подражателей и последователей среди той части читателей, которая могла воспринимать философские идеи только в яркой оболочке любовно-интеллектуальных «приключений» романтических героев.

Не меньшее значение в творческом методе авторов играет и полемичность с художественным сознанием XIX в., поскольку и Арцыбашев в «Санине», и Каменский в «Людах» используют и пародируют привычную сюжетную схему «тургеневского романа», сознательно и подчеркнуто вызывая трансформируя проблему личности и общественной борьбы в сексуально-физиологическую историю жизни «борца».

Так, в романе «Люди» Каменского главный герой — бывший студент Виноградов — вселялся в чужие квартиры и проводил своеобразные «психологические эксперименты» над их обитателями, пробуждая подсознательные желания, инстинкты и добываясь полной естественности, искренности человеческих отношений. К классическим пластам романов Арцыбашева и Каменского относятся спокойно эпическая манера изложения, конструирование сюжета соединением приемов семейного романа с интригой любовного романа и (в «Санине») с конфликтом романа общественно-политического. Но и в «Санине», и в «Людах» начисто опровергает эту диалогическую с XIX в. форму лишь один пласт произведений. Их аморализм находится в преднамеренно антидиалогических отношениях с любовью классического образца.

Книги А. Вербицкой «Ключи счастья» и Е. Нагродской «Гнев Диониса» тоже были произведениями о женском варианте «нового человека» — героине, освободившейся от «старых» норм в любви. Примечательно, что в «Ключах счастья» типологическая преемственность образа главной героини была декларативно подчеркнута [см.: Вербицкая 1993: 49]. Однако поскольку читательская аудитория жен-

ских романов имела свою специфику, А. Грачева применительно к романам Вербицкой вводит термин «стаффаж» (от «staff» — штукатурный раствор), обозначающий множество привычных для российской действительности персонажей, бытовых реалий, возникающих на периферии повествования и как бы аранжирующих центральный сюжет произведения [Грачева 2000: 72].

Например, поэтика повседневности, изображение исторического и культурного фона (подготовка революции 1905 г.) совпадает в романе «Ключи счастья» с юностью Мани Ельцовой и формированием ее внутреннего мира; окружающие Маню персонажи служат для автора олицетворением тех или иных идейных, политических, эстетических позиций. Те же художественные приемы были использованы в более скромном по масштабам романе Нагродской «Гнев Диониса», в котором история любви художницы Татьяны к двум мужчинам — мужественному Илье и женственному Старку — разворачивалась то на фоне привычных российских пейзажей, то в экзотической Италии. Читатель, и прежде всего читательница, таким образом, могли найти в произведениях Вербицкой и Нагродской массу полезных сведений, популярное изложение разного рода модных теорий и концепций, текущих исторических событий, на фоне которых происходило разворачивание яркого мелодраматического сюжета.

Большинство критиков связывало появление романов Арцыбашева, Вербицкой, Каменского, Нагродской и других подобных им авторов с психологическим состоянием низовых социокультурных групп и слоев русского общества после поражения революции 1905 г. Причина успеха произведений такого рода заключалась в точном угадывании авторами «больных вопросов», волновавших их читателей.

Так, романы Арцыбашева и Каменского были адресованы в первую очередь молодому поколению — студентам, курсисткам, гимназистам. Не случайно, что в их произведениях значительное место было отведено, как говорили тогда, «половому вопросу», или «проблеме пола». Последняя, естественно, существовала всегда, но приобрела особую остроту в момент разочарования молодежи в социальных способах переустройства окружающей действительности. Атмосфера скандала, возникшая после выхода романа «Санин», была спровоцирована именно этим необычным для русской литературы тех лет вниманием автора к сексуальной жизни героев. Более того, на фоне простых и ясных жизненных принципов Санина его взгляды на секс казались некоторым критикам не просто «идейной порнографией», но и камуфляжем обычной распущенности. Скажем, упрощением действительно серьезной проблемы считал санинское отношение к женщине А. И. Куприн: «Как фигура — Санин бледен и несложен. Его приняли за решителя половой

проблемы — но это недоразумение. <...> Он безнравственен и паразит, не индивидуалист, а распущенник» [Куприн 2007: 305].

Однако, по замечанию современных исследователей [Грачева 2000: 71], несмотря на обвинения в порнографии, романы Арцыбашева и Каменского были написаны с учетом возрастных этических запросов молодого читателя. При жизни авторов это обстоятельство также было отслежено наиболее «проницательными» критиками. Так, В. Г. Короленко в одном из своих писем отмечал: «И тут тоже есть <...> неистовство пола в данных обстоятельствах и условиях <...> Мы совсем не трогаем этой области, предоставив ее Саниным и героиням Винниченко и Вербицкой. И они имеют громадный успех. Почему? Потому что они тронули *живое*» [Короленко 1956: 10]. Произведения упомянутых писателей, насыщенные беллетризованным изложением злободневных проблем и теорий, утверждающие утопический образ «нового человека», с легкостью преодолевавшего противоречия современности, давали молодежному читателю возможность путем самоотожествления с всеильным героем погрузиться в иллюзию - ощутить в себе силу и возможность решить волнующие его «больные проблемы» времени.

Таким образом, феномен «арцыбашевщины» в рамках литературного процесса начала XX в. был представлен разнородными и разнокачественными явлениями, книгами М. П. Арцыбашева, А. П. Каменского, А. А. Вербицкой, Е. А. Нагродской и др., катализировавшими широкое общественное обсуждение «проблемы пола», прежде всего таких ее аспектов, как пол и личность, пол и общественность, пол и культура и др. То обстоятельство, что именно творчество Арцыбашева, в частности его роман «Санин», стало объектом для подражания остальных упомянутых нами писателей и писательниц, мы склонны объяснить не только эротической составляющей романа, впервые введенной в публичную сферу русской литературы, не имевшей традиций эротического изображения, но и доступностью образа Санина как «сверхчеловека», лишённого сомнений и колебаний, выдающего за результат коренного морального преображения личности всего лишь умение бездумно наслаждаться жизнью. Роман Арцыбашева, таким образом, предлагал простую и удобную идеологическую матрицу, суррогат мировоззрения, становясь своего рода импульсом к пересмотру практической морали и бытового поведения.

Тем не менее указанные произведения, наряду с формированием общественных идей и настроений второй половины 1900-х гг., выступили в качестве своего рода их зеркала. Громкий успех феномена «арцыбашевщины» в русской литературе начала XX в., во-первых, был обусловлен точным ответом ее представителей на духовные и эстетические запросы опреде-

ленных социокультурных слоев читательской аудитории, а во-вторых, был бы невозможен без широкого участия публицистических и литературно-критических изданий, в которых разбирается, оценивается и в конечном счете пропагандируется произведение.

ЛИТЕРАТУРА

- Арцыбашев М. П. Санин. — М.: ИД «Гелеос», 2002.
- Бабичева Ю. В. Литература в годы реакции // История русской литературы : в 4 т. Т. 4. : Литература конца XIX — начала XX века / ред. К. Д. Муратова. — Л., 1983.
- Вербицкая А. Ключи счастья : роман-дайджест : в 2 т. — СПб.: Северо-Запад, 1993. Т. 1.
- Грачева А. М. Бестселлеры начала XX в. (К вопросу о феномене успеха) // Русская культура XX века на Родине и в эмиграции: имена. Проблемы. Факты : сб. ст. — М., 2000. Вып. 1. С. 61—75.
- Дьякова Е. А. Беллетристы 1900—1910-х гг.: Михаил Арцыбашев, Анатолий Каменский, Анастасия Вербицкая и др. // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). — М.: ИМЛИ РАН, 2000. Кн. 1.
- Зоркая Н. М. М. П. Арцыбашев. Адаптация «философии жизни», идей и образов русской литературы // На рубеже столетий: у истоков массового искусства в России 1900—1910 гг. — М.: Наука, 1976.
- Каменский А. П. Микроб легкомыслия : рассказы о любви, повесть. — М.: Россмэн-Пресс, 2002.
- Короленко В. Г. Собр. соч. : в 10 т. — М.: ГИХЛ, 1956. Т. 10 : Письма (1879—1921).
- Красовский Е. В. Феномен идеологического бестселлера в литературе и газетно-журнальной критике конца 1900-х годов и роман «Санин» М. П. Арцыбашева // Из истории русской литературы и журналистики : ежегод. — М., 2009. С. 201—221.
- Куприн А. И. Новейшая литература: портреты и характеристики [Лекция, прочитанная в Ессентуках 25 июля 1908 г., в конспективном изложении опубликована в газете «Терек» (1908, 29 августа)] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. — М.: Воскресенье, 2007. Т. 11 (доп.).
- Нагородская Е. Гнев Диониса. — М.: Прогресс — Литера, 1994.
- Николаев М. Н. Особенности творчества М. П. Арцыбашева. URL: <http://www.nick.pskovtel.ru/arts/decadance/person/nikolaev1.zip>. (дата обращения: 01.19.2011).
- Симбирцева Н. А. Бытие литературно-художественного произведения: культурологический аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. № 14. С. 28—34.
- Чтение в дореволюционной России : сб. науч. тр. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина ; сост. А. И. Рейтблат. — М., 1991.

Статью рекомендует к публикации д-р культур., проф. И. Я. Мурзина

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Е. К. Мохова
Сургут, РоссияЕ. К. Mokhova
Surgut, Russia**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСЛАМА
В ДИСКУРСЕ БАРАКА ОБАМЫ
И НИКОЛЯ САРКОЗИ****METAPHORICAL INTERPRETATION OF ISLAM
IN BARACK OBAMA
AND NICOLAS SARKOZY DISCOURSE**

Аннотация. *Анализируется метафорическое представление ислама в дискурсе Б. Обамы и Н. Саркози. Рассматривается также фон устных выступлений обоих президентов, сложившиеся в сознании европейцев и американцев стереотипы относительно мусульман.*

Abstract. *Metaphorical representation of Islam in the discourse of B. Obama and N. Sarkozy is analyzed. The context of speeches of both presidents and European and American stereotypes of the Muslims are described.*

Ключевые слова: *политическая метафора, дискурс, ислам, метафорическая модель, культурный стереотип.*

Key words: *political metaphor; discourse; Islam; metaphorical model; cultural stereotype.*

Сведения об авторе: *Мохова Евгения Константиновна, аспирант.*

About the author: *Mokhova Evgenia Konstantinovna, Post-graduate Student.*

Место работы: *Сургутский государственный университет.*

Place of employment: *the Surgut State University.*

Контактная информация: *628412, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1.
e-mail: freak2005@list.ru.*

Мировой ислам переживает небывалый подъем. Его центры непрерывно развивались и накапливали духовный и интеллектуальный потенциал для ответов на вопросы бытия, его демографический и финансовый потенциал колоссально вырос и представлен сейчас нефтяными гигантами Ближнего Востока. Ислам, как подметил один из столпов современной этнополитологии Э. Гэллнер, «полон как внешнего, так и внутреннего миссионерского рвения и представляет собой нечто вроде перманентной Реформации» [Нарочницкая 2003].

Лидеры европейских государств постоянно подчеркивают в своих выступлениях, что не может быть и речи о каком-либо конфликте между исламом и христианством, а ислам не имеет никакого отношения к терроризму. Многие ведущие политики и лидеры государств США и Европы высказывают свое искреннее восхищение нравственными ценностями ислама и желание постигнуть мораль Корана.

Для того чтобы представить свое отношение к одной из самых влиятельных религий в мировой истории, президенты Б. Обама и Н. Саркози используют метафорический арсенал, передающий восприятие ислама французским и американским президентами. Метафоры призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения [Солганик 2002: 36].

Для современного президентского дискурса характерно многообразие метафорических моделей, отражающих политическую действи-

тельность и специфику ее восприятия. В данной работе мы рассмотрим метафорические модели, отражающие осмысление ислама во французском и американском президентском дискурсе.

У американского народа сложилось особое отношение к исламу. Безусловно, после совершенных терактов отношение к этой религии в западном мире резко ухудшилось. Последовавшие за этим карательные военные операции в Афганистане и Ираке, напряженность вокруг ядерной программы Ирана, карикатурный скандал и многое другое лишь только усугубили пропасть непонимания между исламским миром с одной стороны и западным миром во главе с США — с другой. Однако нынешний президент Барак Обама, в отличие от своего предшественника Дж. Буша, более терпим к мусульманской религии и признает ее силу. Он считает необходимым сгладить сложившийся конфликт с арабским миром, призывает осознать неоспоримую силу ислама и уважать ее как часть американской культуры: *I also know that Islam has always been a part of America's story* (Barack Obama's Cairo Speech).

Многие политики считают ислам врагом своего народа, однако американский президент отрицает такое противостояние. Метафорический образ «Америка и ислам — это не спортивные соперники» формирует представления о необходимости толерантности, так как обе стороны разделяют общие принципы правосудия и терпимости. Ср.: *America and Islam are not exclusive and need not be in competition. Instead, they overlap, and share common principles of jus-*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Мохова Е. К., 2011

tice and progress, tolerance and the dignity of all human beings (Barack Obama's Cairo Speech).

После военных операций в Афганистане и Ираке особую значимость приобрело выражение «Эта война не против ислама, а против террора». Ср.: *As we do, we must also reaffirm that the United States is not — and never will be — at war with Islam. I've made clear, just as President Bush did shortly after 9/11, that our war is not against Islam* (Barack Obama's speech, May 2011).

Метафоры, относящиеся к метафорическим моделям «Америка и ислам — это партнеры» и «Барак Обама — это защитник ислама» призваны расположить нейтрально настроенную часть арабского населения и склонить их на свою сторону в борьбе с террором. Б. Обама заявляет, что лично готов сражаться против негативных стереотипов, оскверняющих суть ислама: *That experience guides my conviction that partnership between America and Islam must be based on what Islam is, not what it isn't. And I consider it part of my responsibility as president of the United States to fight against negative stereotypes of Islam wherever they appear* (President Barack Obama's Speech to the Muslim World).

Выражая полное доверие к исламским странам, американский президент считает, что Иран может занять должное место в международном содружестве наций. Метафора «Право Ирана на атомную энергию — это дорога, которая открыта для страны» отражает доверие президента к стране и передает убежденность, что ядерная мощь будет использоваться исключительно в мирных целях: *We want Iran to take its rightful place in the community of nations, politically and economically. We will support Iran's right to peaceful nuclear energy with rigorous inspections. That is a path that the Islamic Republic can take* (Barack Obama Prague, Czech Republic. April 5, 2009).

Для Франции ислам играет более значительную роль, так как она является одной из наиболее «мусульманских» стран Европы. Превращение ислама во «вторую религию» Франции ознаменовалось не только формированием развитой «исламской инфраструктуры» в виде мечетей, религиозных ассоциаций, исламских мясных лавок и книжных магазинов, мусульманских кладбищ и т. п. Одновременно в эти годы французское государство предпринимало активные попытки наладить диалог с многочисленной мусульманской общиной. Сегодня главной задачей государственной политики Франции в отношении «внутреннего» ислама является его интеграция в общественную и культурную жизнь страны на условиях, не противоречащих устоям республиканского строя [Кудрявцев 2002: 155].

Нынешний президент Франции Николя Саркози успешно продвигает идею, в соответствии с которой, несмотря на различия, все нации и религии имеют общие корни. Такие установки нацелены на сплочение, объединение разных

культур. Метафорическая модель «Все религии — это части одного источника» формирует в сознании людей представление о неразрывной цепи, связывающей все культуры и религии. Ср.: *Chacun, remontant aux sources de ce qu'il est et de ce qu'il croit, retrouvera les origines communes, ce qui rapproche les religions du Livre et les civilisations qui en sont issues, et tous resouvenant de ce que nous devons à l'Egypte, à la Grèce et à Rome...* (Le discours de Nicolas Sarkozy à Riyad).

Некоторые западные специалисты считают, что для развития исламу необходимо модернизироваться и принять современные правила игры: «Для того чтобы избежать аномии, у мусульман остается единственный выбор, потому что модернизация требует вестернизации... Ислам не предлагает никакого альтернативного пути модернизации. Только когда мусульмане окончательно примут западную модель во всех деталях, они смогут провести индустриализацию и затем развиваться» [Хантингтон 2003 : 104]. Большинство исламских государств отвергает вестернизацию, но в то же время стремится наращивать экономическую и военную мощь. Во время своего визита в Саудовскую Аравию французский президент восхитился достижениями этой страны. Сочетание строгих религиозных традиций с последними технологическими веяниями выражается через метафору «Развитие арабских стран — это связь ислама с современностью». Ср.: *Ici, en Arabie Saoudite, se joue le rapport de l'Islam avec la modernité. Ici, en Arabie Saoudite l'Islam démontrera une forme de modernité qui lui est propre, qui ne viendra pas détruire son identité, qui n'entrera pas en conflit avec la foi* (Le discours de Nicolas Sarkozy à Riyad).

Французский политический лидер признает цивилизованность мусульманского народа. Метафорическая модель «Ислам — это борьба против фанатизма и терроризма» раскрывает уверенность в том, что терроризм и ислам являются двумя разными вещами. Президент поддерживает цивилизованных последователей ислама, ведущих борьбу против насилия и террора: *La politique de civilisation, c'est ce que font tous ceux qui au sein même de l'Islam - comme des autres religions - luttent contre le fanatisme et contre le terrorisme, ceux qui en appellent aux valeurs fondamentales de l'Islam pour combattre l'intégrisme* (Le discours de Nicolas Sarkozy à Riyad).

Во Франции обособилась самая большая мусульманская община в Европе. В прошлом Франция владела множеством колоний, включая такие страны, как Тунис и Алжир. Отпечаток французской культуры, безусловно, сохраняется в бывших колониях, и сейчас граждане мусульманских стран семьями едут во Францию. Такая иммиграционная политика имеет как по-

ложительные, так и отрицательные стороны. Н. Саркози говорит, что сегодня сражается в политической войне, поскольку радикальные арабские группировки не признают законов республики и являются преступниками. Президент подчеркивает, что это война не с исламом, а с преступниками. Ислам не имеет никакого отношения к жестокости и насилию: *Je me bats chaque jour contre l'amalgame (...) ce n'était pas un problème de musulmans, c'était un problème de délinquants et l'islam n'a rien à voir là-dedans*, а estimé le ministre français (Nicolas Sarkozy dans un entretien à la chaîne qatariote Al-Jazira).

Однако, принимая во внимание распространенность и значимость ислама, следует учитывать, что именно в рамках этой религии родился исламский экстремизм, или терроризм, инициирующий преступные атаки во всем мире. Трудно обвинить участников подобных преступлений в пренебрежении к Корану. Сегодня все острее встает вопрос: действительно ли в исламе можно обнаружить оправдание терроризма? И для некоторых ответ очевиден. На протяжении веков исламская политическая и правовая мысль накопила огромный набор внешне противоречивых идей и представлений, имеющих прямое отношение к современному терроризму. Например, оправдывая терроризм против немусульман, исламские экстремисты обращаются к Корану, в котором, в частности, говорится: «Убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили... О Пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь беспощаден к ним». Сторонники бескомпромиссной борьбы за утверждение ислама приводят также высказывание пророка Мухаммада, которое открывает путь к насилию над неверными: «Мне было приказано сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад Его посланник, не станут совершать молитву и вносить закят (милостыню); если же они сделают это, то их жизнь и имущество окажутся под моей защитой, в противном случае с ними надлежит поступать по праву ислама, а суд над ними в руках Всевышнего Аллаха» [см. Сюкияйнен 2006: 28].

Для многих американцев связь ислама и терроризма стала очевидной после трагедии, произошедшей в США 11 сентября 2001 г. С этого времени приоритетом внешней политики США стала война с терроризмом. Метафорическая модель «Аль-Каида — это зло» в дискурсе Барака Обамы показывает непоколебимое желание политического лидера США уничтожить крупную ультрарадикальную исламскую террористическую организацию, лидеры которой заявляют, что исполняют волю Аллаха. Ср: *For make no mistake: Evil does exist in the world. Negotiations cannot convince al-Qaidas leaders to lay down their arms* (Barack Obama's Nobel Acceptance Speech).

Явление терроризма образно представляет морбиальная метафора «Терроризм — это ра-

ковая опухоль», возникшая в Пакистане и поражающая остальные страны. Ср.: *But this same cancer has also taken root in the border region of Pakistan* (Obama's Address on the War in Afghanistan). Главная опасность заключается в том, что «раковая опухоль» разрастается с большой скоростью. Основной задачей американского правительства является попытка остановить заражение всех регионов. Ср.: *We're in Afghanistan to prevent a cancer from once again spreading through that country* (Barack Obama, Address to the Nation on the Way Forward in Afghanistan and Pakistan).

Яростные попытки США разгромить экстремистскую группировку представляет метафорическая модель «Политика США — это охота». Ср: 2) *We are targeting the same al Qaeda terrorists who have struck from New York to London, and helping the Afghan people take responsibility for their future* (Barack Obama, speech in Prague).

В современной американской идеологии борьбе с терроризмом соответствует клише «war on terror». Ср: *It is time to change our policy. It is time to give Iraqis their country back, and it is time to refocus America's effort on the wider struggle against terror yet to be won* (Barack Obama, Floor Statement on Bush's Decision to Increase Troops in Iraq).

Многие специалисты уверены, что именно мусульман отличает повышенная политизированность, склонность к экстремизму и терроризму во имя веры. На рубеже 70-80-х гг. мусульмане во Франции, как и в других западных странах, попадают под влияние радикального исламизма как в его суннитском варианте («Братья-мусульмане» и близкие к ним группы), так и в форме хомейнистского революционаризма. Французы нередко становились свидетелями жестоких потасовок между сторонниками и противниками хомейнистского режима. Естественно, подобные инциденты не способствовали формированию у французов положительного образа ислама и мусульман, тем более что они происходили на специфическом внешнеполитическом фоне: война в Ливане, взятие в заложники французских граждан. Все это «работало» на закрепление во французском общественном мнении негативных стереотипов, связанных с восприятием ислама как «угрозы» [см. Кудрявцев 2002: 54].

Н. Саркози не оправдывает радикальные исламские группировки, наоборот, видит в них серьезную угрозу для Франции. Действия организаторов террористических атак не вписываются в понятия о современном культурном человеке. Террористы метафорически представляются *варварами, с которыми ведется война*. Ср.: *Le peuple algérien, au cours des années 90, a eu à livrer un terrible combat contre la barbarie terroriste. Les terroristes sont des barbares* (Algérie : le texte intégral du discours de Nicolas Sarkozy devant les hommes d'affair). Борьба французского правительства против

организаторов террористических атак представляется метафорическими словоупотреблениями модели «Политика демократического государства — это борьба с варварами»: *Les démocraties ne peuvent pas accepter cela. Les démocraties, c'est leur honneur et c'est leur noblesse, doivent lutter pied à pied contre ces barbares venus d'un autre âge, qui veulent terroriser le monde entier* (Le discours des vœux du Président à la France d'Outre-mer).

Н. Саркози возмущен попыткой радикально настроенных группировок осуждать политику страны в отношении мусульман. Например, бывший лидер террористической группировки «Аль-Каида» Усама бен Ладен предупредил, что считает необходимым мстить Франции за принятие законов, притесняющих, по его мнению, мусульман. Если раньше Усама бен Ладен угрожал в основном США, то теперь он изменил себе и обрушился на Францию. Французский президент не изменил своего решения поддерживать закон, запрещающий ношение хиджабов в общественных местах, что противоречит исламской религии. Метафорическая модель «Франция — это противница диктатуры терроризма» отражает яростную реакцию Н. Саркози на условия, выдвигаемые исламистами для его страны. Ключевая фраза «Франция не позволит никому диктовать политику» отражает убежденность президента в продолжении политического курса, выраженного в законах для му-

сульман: *La France ne se laissera dicter sa politique par personne et certainement pas par les terroristes* (Nicolas Sarkozy. Le discours à Bruxelles).

Таким образом, во Франции и США наблюдается двойственное отношение к исламу. С одной стороны, представители этой религии обозначаются как друзья и союзники Запада. С другой стороны, трудно не заметить появления радикальных группировок, устраивающих террористические акты по всему миру якобы во имя Аллаха.

ЛИТЕРАТУРА

Кудрявцев А. В. «Вторая религия» Франции // Независимая газета. 2002.

Нарочницкая Н. Исламский мир: геополитическое и цивилизационное соперничество // Аналитической обозрение. 2003. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/islammir.htm>.

Солганик Г. Я. О специфике газетно-публицистической метафоры // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 2.

Сюкияйнен Л. Р. Ислам и терроризм: союзники или противники? // Независимая газета. 2004.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Э. В. Будаев

М. В. Терских
Омск, Россия

M. V. Terskikh
Omsk, Russia

РЕЧЕВОЙ ЖАНР УГРОЗЫ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ТОРГОВОЙ РЕКЛАМЫ

SPEECH GENRE OF THREAT IN A DISCOURSE OF POLITICAL AND TRADING ADVERTISING

Аннотация. Описываются и систематизируются прагматические и языковые особенности речевого жанра угрозы в коммерческой рекламе и в дискурсе политической агитации. Автор определяет дифференциальные признаки речевого жанра угрозы: комплекс коммуникативных целей, специфику использования прямой и косвенной коммуникации, характерных для жанра языковых ресурсов и т. п. — и соотносит данный речевой жанр со смежными жанровыми образованиями.

Abstract. The article focuses on the description and systematization of pragmatic and language features of a speech genre of threat in advertising and in a discourse of political propaganda. The author reveals differential signs of a speech genre of threat: a complex of the communicative purposes, specificity of use of direct and indirect communications, characteristic for a genre of language resources, etc.

Ключевые слова: реклама; политический дискурс; речевой жанр; медиадискурс; теория речевых актов.

Key words: advertising; political discourse; a speech genre; media discourse; the theory of speech acts.

Сведения об авторе: Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Terskikh Marina Viktorovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General and Applied Linguistics, Faculty of Philology and Media Communication.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: the Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, Омск, проспект Мира, 55-а.
e-mail: terskihm@mail.ru.

Статья заняла 1 место на Международном конкурсе публикаций молодых ученых «Современная лингвистика» (2011 г.) в номинации «Язык — политика — культура»

Реклама, как принято считать, формирует собственную модель мира — мира душевности и беспроблемности, создавая в ментальной сфере адресата обширное информационное поле успеха. Во многих работах, посвященных составлению рекламного текста, можно найти утверждения следующего плана: «Установлено, что человек не стремится запоминать информационный материал, который вызывает негативные эмоции... Положительные эмоции стимулируют субъект достичь цели, отрицательные — избегать объектов, вызывающих неприятные состояния» [Мокшанцев 2000: 35]. Поэтому бытует мнение, что копирайтеры стараются использовать в рекламном тексте исключительно позитивную информацию, что и формирует специфическую модель мира рекламы. Между тем такого рода утверждение по сути не является вполне корректным: реклама не только успокаивает, воодушевляет реципиента, гармонизируя его состояние и формируя ощущение безмятежности, но и пугает, создает чувство дискомфорта. В основе значительной части рекламных сообщений лежат именно негативные эмоции, избавиться от которых можно лишь в случае совершения определенного действия. Страх подсказывает человеку верную стратегию поведения.

У данной особенности рекламного дискурса есть вполне рациональное объяснение. По

мнению психологов, отрицательные эмоции более надежны с точки зрения мотивации, так как положительные зачастую воспринимаются как норма и не требуют дальнейшего действия.

Зарубежные рекламисты пользуются термином *fear appeal* (вызывающий беспокойство, страх) для обозначения рекламы, стремящейся спровоцировать (с помощью угроз) у потребителя беспокойство или опасения, преодолеть которые он может, купив рекламируемый продукт или воспользовавшись предлагаемой услугой. Апелляция к страху, таким образом, выступает маркетинговой и рекламной стратегией, в основе которой лежит стремление адресанта добиться своей цели (в широком смысле — обеспечить потребление «продукта» любого типа) посредством провоцирования тревожного, беспокойного состояния реципиента.

Наиболее часто к стратегии *fear appeal* прибегают в социальной рекламе; в торговой и политической рекламе обычно используется более мягкая форма, и в рамках данной статьи мы остановимся на двух последних видах рекламного дискурса, более подробно рассмотрим специфику жанра угрозы в политической коммуникации.

Термин *fear appeal* обычно используется применительно к коммерческой рекламе, однако данная технология востребована и в политическом дискурсе. За последние двадцать лет

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Терских М. В., 2011

политическая ситуация в России претерпела серьезные изменения. Распад союзного государства, смена политического направления развития повлекли изменения и в ментальном мире россиян. Это не могло не отразиться на языке: язык советской пропаганды, «деревянный язык», как назвал его П. Серио, преобразовался сегодня в нечто новое — расширилось информационное пространство, изменился тематический и жанровый репертуар политической коммуникации, исчезли цензурные барьеры. При этом теоретиками политологии и политиками-практиками стало уделяться больше внимания персуазивности политической речи и воздействию потенциалу языка.

Практика показывает, что в ситуации возникшей конкуренции в политической коммуникации оказывается недостаточным применение лишь кооперативных речевых тактик. В современном политическом дискурсе активно используются и агрессивные приемы, в частности в агитации находят применение дисгармонические жанры. Так, весьма востребованным оказался речевой жанр *угрозы* — один из древнейших, но популярный и сегодня жанр некооперативного речевого поведения, направленный на изменение структуры сознания адресата и побуждение к желательному для политического актора действию. Наступление на сознание реципиента ведется «по всем фронтам»: многовекторное разноплановое воздействие на адресата является по сути базовым атрибутом рекламной деятельности любого типа.

В данной статье мы рассмотрим жанр угрозы в прагматическом аспекте, опираясь на методологическую и терминологическую базу теории речевых актов и современные исследования в области теории речевых жанров. В ходе анализа мы будем применять к текстам, функционирующим в сфере рекламной коммуникации и широко интерпретируемым как угроза, термин речевой жанр. Этот выбор сделан с учетом специфики объекта исследования — текстов, которые производятся не в ситуации непосредственного общения, а опосредованы и являются продуктом сложно организованной социальной практики. Кроме того, как нам представляется, при анализе такого сложного многостороннего образования целесообразно не ограничиваться одним метаязыком и использовать широкую и хорошо разработанную терминологию теории речевых актов, а именно: понятия иллокутивной силы, условий успешности, перлокутивного эффекта и т. д.

Угроза предстает, с нашей точки зрения, как универсальная тактика, актуальная для любого типа рекламы (политической, социальной, торговой/коммерческой), при этом негативные эмоции — страх, беспокойство — используются в качестве интенсивно воздействующего на сознание и поведение аудитории инструмента. Приведем несколько примеров использования угрозы в рекламном дискурсе.

- *Когда алкоголь попадает в кровь, эритроциты слипаются, в крови образуются тромбы, которые закупоривают капилляры. Капилляры раздуваются и лопаются. При употреблении ста граммов водки навсегда безвозвратно гибнут до восьми тысяч клеток мозга, при каждом застолье — десятки тысяч. Мертвые клетки мозга выводятся с мочой на следующий день. Береги себя!* (социальная реклама; антиалкогольная кампания на «Первом канале»).

- *При каждом смывании воды в унитазе микробы распространяются по всей ванной комнате. Новый Доместос — 24 часа защиты от летающих микробов!* (коммерческая реклама).

- *У тебя все получится. Только решай сам! Сходи Проголосуй Седьмого. Не решишь ты — решат за тебя* (политическая реклама; листовка СПС).

- *«Купи еды в последний раз!»* (политическая реклама; антикоммунистическая листовка 1996 г., визуальный компонент — портрет Г. А. Зюганова — вызывает негативные ассоциации, связанные с нехваткой продуктов в советское время).

Угроза, очевидно, является одним из наиболее простых и эффективных средств управления обществом, так как «страх — это фундаментальный фактор, определяющий поведение человека» [Кара-Мурза 2007: 214]. Однако подчеркнем, что в любой разновидности рекламы — потребительской, социальной или политической — эффективнее действуют сообщения, вызывающие легкое беспокойство, а не испуг. Причиной этого может быть неосознанное стремление реципиента отодвинуть мысль об угрожающей опасности. Поэтому целесообразным представляется дозированное использование *угроз*. Кроме того, их применение должно сопровождаться сообщением об эффективной стратегии защиты от опасности, что практически всегда реализуется в рекламном дискурсе.

Заметим, что автор текста в речевом жанре *угрозы*, как, впрочем, и текста любого другого речевого жанра, преследует не одну, а несколько целей. В первую очередь, конечно, это цель, общая для всех текстов агитационного характера, — побуждение сделать определенный, значимый для адресанта выбор (директивная иллокутивная цель в терминологии Дж. Р. Серля). Однако очевидно, что для «рекламной» *угрозы* характерно также наличие у говорящего и иных типов целей, названных Дж. Р. Серлем: экспрессивной и комиссивной. Еще М. М. Бахтин заметил, что одним из важнейших параметров, определяющих композицию и стиль высказывания, является экспрессивный момент, «то есть субъективное эмоционально-оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» [Бахтин 1979: 283]. Таким образом, говорящий, угрожая, стремится дать отри-

цательную оценку «неверному» решению, выразить свое эмоциональное состояние и повлиять на чувства адресата.

• *Ты чувствуешь себя привлекательной? Другие могут почувствовать запах твоего пота. Каждое утро используй антиперспирант Rexopa и будь безупречна! Rexopa. Не дай запаху пота поставить на тебе клеймо!* (Рекламный текст сопровождается изображением перечеркнутой свиньи.)

Говоря о комиссивной цели, следует подчеркнуть сходство *угрозы* с жанром *обещания*. Приведем несколько примеров. (1) *А с чиновниками мы разберемся. Это к ним обращен наш лозунг „За все ответите!“* (агитационная брошюра ЛДПР); (2) *Что будет, если омичи не пойдут на выборы? — Омск не получит 1 миллиард рублей из бюджета на ремонт и реконструкцию дорог, а также строительство, ремонт и реконструкцию жилья в 2008—10 гг.* (агитационный плакат «2 декабря 2007 года сделай свой выбор!»); (3) *Поддержав курс Президента Путина, мы сохраним политическую и социальную стабильность в стране* (агитационная листовка «Омичи за Путина»); (4) *В России каждые 30 секунд из-за накипи ломается одна стиральная машина. Риск растет ежеминутно. Выбор за вами: ждать поломки или использовать Calgon при каждой стирке... Calgon.*

Близость данных речевых жанров очевидна. С точки зрения формальной логики во всех случаях мы имеем дело с условными суждениями. Их общая формула такова: *если X, то Y* — в случае, если речь идет о полных, некосвенных, эксплицитных речевых жанрах. В ситуации реальной речевой практики условие *X* часто реконструируется адресатом через контекст. Так, в примере (1) имплицитное условие *X* — это голосование за партию ЛДПР, оно ясно аудитории, потому что данное высказывание расположено в агитационной брошюре соответствующей партии. В примере (4) имплицитным условием можно считать отказ от использования средств от накипи или предпочтение для смягчения воды иного продукта (не Calgon).

Очевидно, что *угроза* и *обещание* являются смежными речевыми жанрами, их сходство можно обнаружить, в частности, воспользовавшись методом словарных дефиниций. «Малый академический словарь русского языка» дает следующие определения:

Угроза — *обещание причинить какое-л. зло, неприятность.*

Обещание — *добровольное обязательство выполнить что-либо.*

Различие между ними состоит, во-первых, в полярности будущих действий говорящего: отрицательная оценка в угрозе и положительная в обещании. Соответственно различаются и эмоциональная тональность высказываний (агрессия и благожелательность, настроенность на кооперацию), и образ автора (роль «карате-

ля» или «благодетеля»), его отношение к адресату.

Чтобы полнее показать сходство жанров *угрозы* и *обещания*, мы попробуем, оперируя терминами Дж. Серля, Д. Вандервекена и Г. П. Грайса, реконструировать условия успешности, инвариантные для них.

1. Требования к пропозициональному содержанию. Осуществляя речевой акт, говорящий 1) принимает на себя обязательство осуществить в будущем линию действий, репрезентированных в пропозиции *Y*, в случае невыполнения условия *X*; и/или 2) совершает попытку побудить слушающего выполнить условие *X*, и/или 3) выражает свои чувства по поводу положения дел, репрезентированного в пропозиции.

2. Предварительные условия. По Дж. Серлю и Д. Вандервекену, «чтобы определить предварительные условия иллюкутивной силы *F* для каждого произнесения *i* и пропозиции *P*, зададим, какое положение дел говорящий должен предполагать имеющимся в мире произнесения» [Серль, Вандервекен 1986: 256].

Предварительное условие *угрозы* и *обещания*: линия действий, репрезентированная пропозицией, является физически возможной в данном мире произнесения, в данном контексте, т. е. в будущем при выполнении/ невыполнении слушателем условия *X*, реализация *Y* возможна (или говорящий способен реализовать *Y*).

3. Условие искренности. По словам Дж. Серля и Д. Вандервекена, чтобы определить условия искренности, необходимо выяснить, какие психологические состояния выражает человек, совершая речевой акт. При этом речь идет о «серьезном», по Дж. Остину, использовании языка в противовес «паразитическому» или «стертому». Итак, обещая что-либо или угрожая чем-то, говорящий должен быть уверен, что при выполнении *X* скорее всего наступит *Y*. При этом условии возможно достижение иллюкутивных целей, т. е. иллюкуция и перлокуция совпадут.

Из вышеперечисленного следует, что речевые жанры *обещания* и *угрозы* действительно можно назвать двумя сторонами одной медали. Более того, в рекламном дискурсе они чаще всего являются компонентами одного макрожанра. Приведем пример из торговой рекламы.

• *Большинство микробов попадает в организм с воздухом, пищей и водой. Оказавшись в кишечнике, они пытаются проникнуть через его стенки в организм и вызвать заболевания. Но им мешает наша иммунная система. Ведь в кишечнике находится 70 % иммунной системы. Это наиболее сильный защитный барьер. Негативные факторы ослабляют защитный барьер организма, и в нем появляются бреши, через которые могут проникнуть микробы. Поэтому иммунитет надо укреплять. Как же в этом может помочь Актимель? Он содер-*

жит уникальные лактобактерии *L. Casei* *Itunitass*, которые помогают укрепить защитный барьер при ежедневном употреблении. Иммуитет становится сильнее. И мы лучше защищены! Актимель. Доказанная ежедневная помощь иммунитету.

В данном рекламном сообщении репрезентированы неблагоприятные для адресата последствия для части угрозы (ослабление иммунитета, вызванное проникновением бактерий) и соответственно благоприятные последствия для обещания (сильный иммунитет, потребитель лучше защищен).

Более подробно остановимся на примерах политической рекламы. Рассмотрим текст политической листовки, распространявшейся перед выборами в Государственную думу.

Заголовок: *2 декабря 2007 года сделай свой выбор!* Далее текст располагается в двух колонках: слева — подзаголовок *Что будет, если омичи не пойдут на выборы.* Под ним — 7 пронумерованных предложений:

1. *Россия вернется во времена 90-х годов, когда без сильного централизованного управления олигархические группировки разрывали страну на части, и на улицах царил криминальный беспредел.*

2. *Россию перестанут уважать в мире и попытаются организовать цветную революцию по типу украинской или грузинской, что приведет к гражданской войне.*

3. *Исчезнет стабильность в экономике, а потому прекратится рост пенсий и зарплат.*

4. *Темпы строительства жилья снизятся, и квартиры подорожают.*

5. *Цены на продукты станут бесконтрольными и резко вырастут.*

6. *Омск не получит 1 миллиард рублей из бюджета на ремонт и реконструкцию дорог, а также строительство, ремонт и реконструкцию жилья в 2008—10 гг.*

7. *Политический кризис приведет к банковскому кризису и дефолту.*

Правый столбик начинается подзаголовком *Что будет, если омичи пойдут на выборы.*

1. *Поддержав курс Президента Путина, мы сохраним политическую и социальную стабильность в стране.*

2. *Мы сохраним сильную Россию, способную защитить свои позиции в современном мире.*

3. *Продолжится стабильный рост пенсий, будет гарантирована достойная жизнь в любом возрасте.*

4. *Города-миллионники ежегодно будут получать по 1 миллиарду рублей на капитальный ремонт и реконструкцию городских магистралей, средства на ремонт и реконструкцию жилья.*

5. *Жилье станет доступным каждой семье.*

6. *По решению Президента государство компенсирует родителям расходы за пользо-*

вание детским садом в размере 20 % за первого ребенка, 50 % — за второго и 70 % — за каждого последующего.

7. *Сильное стабильное государство гарантирует сохранность банковских вкладов.*

Как видим, в тексте листовки объединяются угроза и обещание. В качестве общего условия здесь выступает предложение «2 декабря 2007 года сделай свой выбор!». Дальнейший анализ показывает, что данное условие нельзя интерпретировать только буквально, так как значительная часть его смысла подается имплицитно. Первое предложение правого столбца начинается словами «Поддержав курс Президента Путина...», то есть синонимичными представляются действия «проголосовать» и «проголосовать за „Единую Россию“». Этот смысл поддерживается, если адресат обладает знанием о том, что В. В. Путин незадолго до появления плакатов стал лидером партии «Единая Россия», другими словами, ориентируется в социальном контексте. Таким образом, мы можем сформулировать условие приблизительно следующим образом: «2 декабря приди на выборы и проголосуй за „Единую Россию“». Далее в высказывании репрезентированы неблагоприятные для адресата последствия для части угрозы и соответственно благоприятные последствия — для обещания.

Подчеркнем, что в рекламной коммуникации применение прямых угроз сводится к минимуму. Однако можно отметить два случая прямого использования речевого жанра угрозы в политическом дискурсе. Во-первых, это вариант, когда у сообщения два адресата: реальный и мнимый. Тогда в качестве объекта прямой угрозы выступает мнимый адресат, как правило, персонифицированное Зло, а реальный адресат — потенциальный избиратель — оказывается заинтересованным «свидетелем» этого акта.

• *Мы будем наказывать коррупционеров — до 25 лет тюрьмы в камере-одиночке с конфискацией всего имущества. Фактически это будет означать смертную казнь для осужденного коррупционера и полное разорение его семьи* (В. В. Жириновский о будущем законе против коррупции).

• *Ответственности без наказания не бывает! Мы замочим террористов!* (оппозиционная листовка газеты «Дуэль», 2005 г.).

Как видим, мнимым адресатом этих высказываний являются коррумпированные чиновники, правительство, террористы и т. д., агрессия по отношению к которым предположительно не провоцирует отторжения, а напротив, обычно вызывает сочувствие у аудитории.

Вторым случаем использования прямой угрозы можно назвать ситуацию применения технологий «черного пиара», когда автор сообщения называет себя именем своего оппонента и, угрожая, пытается его тем самым дискредитировать. Примером такого использования пря-

мой угрозы является выпуск в преддверии президентских выборов 16 июня 1996 г. стикеров антикоммунистической направленности, расклеенных в общественных местах и содержащих следующий текст:

- *Открыто до 16 июня 1996 года. Взято на учет.*

Подлежит — национализации.

В данном примере псевдоавтором сообщения является партия КПРФ. Реципиент легко идентифицирует его по символике (красный цвет фона, стилистика коммунистических лозунгов, идеологически нагруженная лексика). Условие можно выразить так: «если 16 июня 1996 года победит Зюганов», неблагоприятное последствие — «заведение/публичное место будет национализировано и закрыто». Таким образом, авторы провокационной листовки спекулируют на «эмоциональной памяти» аудитории, используя экспрессивную лексику, отсылающую к прецедентным событиям.

В листовке «НБП (Национал-большевистская партия) меняет молодость на тюрьму», распространяемой движением «Россия молодая», частично приведены цитаты из высказываний лидера НБП Э. Лимонова: *О пожилых людях (свыше 60 лет): „... неразумно, что сегодня именно они, как активно действующая избирательная группа, в значительной степени навязывают стране парламент, президента и всю выборную власть... Разумным представляется вместе с пенсионной книжкой вручать гражданину, ушедшему на пенсию, уведомление о прекращении его права участвовать в выборах“. „... Будем ли мы производить оружие? Конечно, будем. Будем вести войны, добивать несогласных. Люди будут погибать молодыми, но это будет весело“.*

Повторим, что в рекламной коммуникации в целом применение прямых угроз минимально. Это объясняется желанием авторов, завуалировав агрессивность угрозы, не испортить отношения с адресатом и сделать сообщение более эффективным. В данном случае интенция адресанта не должна быть эксплицирована, если говорящий избегает коммуникативного провала. Как правило, мы не можем найти в текстах, соответствующих речевому жанру угрозы, перформативных глаголов: их употребление было бы сродни «иллокутивному самоубийству» по З. Вендлеру.

Таким образом, лишенный возможности угрожать напрямую, говорящий вынужден, по выражению Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997], «маскировать» этот речевой жанр под другой или, пользуясь термином Дж. Серля, осуществлять один иллокутивный акт посредством другого, т. е. производить косвенные речевые акты [Серль 1986].

Иллокутивные цели угрозы таким образом могут быть выражены посредством языковых ресурсов, традиционно используемых в других речевых жанрах. Самым популярным жанром,

под который «маскируется» угроза, можно назвать жанр *предостережения*.

В «Малом академическом словаре русского языка» дано следующее определение: *Предостерегать — предупреждать о возможной опасности, давать совет быть осторожным, избегать чего-л.* Данная дефиниция позволяет нам выделить компоненты, сближающие угрозу и предостережение: вероятность наступления в будущем неблагоприятной для адресата ситуации и наличие «условия» — «избегать чего-либо». Однако для предостережения характерны, с нашей точки зрения, специфические условия успешности. Совершая речевой акт *предостережения*, говорящий информирует адресата о возможности наступления неблагоприятной ситуации в случае невыполнения определенного условия.

Таким образом, субъектом действия здесь является 3-е лицо, происходит конструирование образа врага. Эмоциональная тональность предостережения положительная, предполагается *бескорыстная* забота автора об адресате. В рекламной коммуникации мы можем наблюдать завуалированную интенцию — желание получить выгоду скрыто под маской незаинтересованного предостережения, в основе которого — якобы искренняя забота о потребителе, желание не позволить ему совершить ошибку.

Различия между жанрами угрозы и предостережения выявляет также А. Вежбицка, пользуясь методом семантических примитивов. В рамках своего подхода исследователь полагает целесообразным моделировать каждый речевой жанр «при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания» [Вежбицка 1997: 103]. Речевые жанры *угрозы* и *предостережения* автор интерпретирует следующим образом:

«Угроза

говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X».

«Предостережение

говорю: если ты сделаешь X, то с тобой может случиться нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы это случилось

говорю это, потому что хочу, чтобы ты мог сделать, чтобы этого не случилось» [Вежбицка 1997: 104].

Как видим, во-первых, метод семантических примитивов подтверждает наше предположение о том, что у угрозы и предостережения различаются субъекты действия. Во-вторых, для автора угрозы характерна установка на собственную выгоду, в то время как «предостерегающий» настроен на кооперацию с адресатом,

искренне не хочет, чтобы с ним случилось нечто плохое.

Таким образом, модель речевого жанра угрозы, функционирующая в рекламной (в широком смысле) коммуникации, маскируется под менее категоричное предостережение, субъектом действия называя 3-е лицо. Примерами «переодетой угрозы» могут служить рекламные тексты, представляющие «Данакор» от «Данон».

• *Содержание холестерина в ежедневном рационе россиян превышено на 50 %.*

— *А это такой риск для сердца и сосудов. Поэтому я начала питаться правильно. А еще пью Данакор. Данакор уменьшает всасывание холестерина в кишечнике и помогает выводить его из организма. Уровень холестерина понижается. Данакор. Одобрено Всероссийским научным обществом кардиологов.*

Приведем примеры из текстов политического дискурса.

• *Представьте себе, что придут люди, которые не дорожат принятыми решениями. Очень легко раздать всем сестрам по серьгам, снизить, допустим, золотовалютные резервы ... и мы разрушим весь тот позитивный набор инструментов, который позволяет нам развиваться и который является залогом развития страны (из агитационной брошюры перед парламентскими выборами 2 декабря 2007 г. «В. Путин. Ответы на вопросы россиян»).*

• *В Измайлово проходит съезд так называемой „другой России“! ... Их цель — государственный переворот с помощью „мягких технологий“ одурачивания русского народа. Их цель — установление проамериканского режима в нашей Стране. Они готовы нагадить у себя дома. Так поступают только свиньи! Другоросы — политические свиньи. Хватит пачкать Россию! Нет съезду политических Свиней!* (листовка «Молодежь России против съезда „Политических Свиней“» прокремлевского движения «Россия молодая», направленная против оппозиционного движения «Другая Россия»).

Подчеркнем, что объектом нашего исследования являются такие сложные многоуровневые единицы, как высказывания, которые не ограничиваются пределами одного предложения и одной иллокутивной целью. Очевидно, что приведенные высказывания преследуют несколько целей, тактических и стратегических.

На наш взгляд, основными тактическими целями приведенных высказываний являются цели, присущие именно речевому жанру угрозы. Несмотря на то что данные примеры имеют совершенно разную идеологическую направленность, с формальной точки зрения они построены по одному принципу: репрезентированы отрицательные последствия для адресата сообщения, другими словами, присутствует основной конституирующий компонент угрозы.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать приведенные высказывания именно как косвенные угрозы, а не «искренние» предостережения,

во-первых, на основании того, что в них легко вычленишь эгоистические мотивы авторов, наличие которых характерно скорее для угрозы. Во-вторых, мы хотим обратить внимание на то, что в реальной речевой практике носители языка интуитивно идентифицируют высказывание так или иначе, исходя из контекста в широком смысле. Решающим фактором здесь является, как нам представляется, отношение к говорящему: настороженное и недоверчивое к автору угрозы и дружеское — к предостерегающему. Мы предполагаем, что для рекламы, и коммерческой, и политической, характерно первое, поэтому адресат сообщения воспринимает любое высказывание, инициированное рекламодателем и содержащее указание на возможные негативные для него последствия, именно как угрозу.

Таким образом, наиболее распространенным вариантом косвенного выражения угрозы в политическом дискурсе является «переодетое» в предостережение, однако часто речевой жанр угрозы реализуется посредством использования языковых маркеров, характерных и для других речевых жанров. Например, в ситуации имплицитных условий и побуждения к действию при помощи форм будущего времени угроза приобретает вид предсказаний, или прогнозов.

• *Вокруг тебя провокаторы „Другой России“. Они скажут тебе то, что ты хочешь услышать. Они дают тебе простые ответы на все твои вопросы. Просто иди за ними, и все будет хорошо. Они разогребут для тебя ОМОН, закидав его бутылками и камнями. А потом ты услышишь их излюбленное „Кровавый режим крадет людей“. Они спровоцируют драку. И ты получишь по голове дубинкой. А потом они скажут, что мы живем в бандитском государстве. И ты согласишься с ними. Считай, что тебя использовали (листовка движения «Россия молодая», направленная против движения «Другая Россия»).*

Кроме того, угроза может быть выражена через констатирующее высказывание, формально представляющее существующее положение дел с претензией на фактологичность и объективность. Однако из подобного утверждения легко реконструируется предварительное условие угрозы — существование неблагоприятного для адресата последствия в результате принятия определенного решения:

• *Производство генномодифицированных продуктов (ГМП) — одно из направлений капитализма в сокращении населения Мира до золотого миллиарда.*

• *Те, кто противостоит нам, не хотят осуществления нашего плана. Потому что у них совсем другие задачи и другие виды на Россию. Им нужно слабое, большое государство (листовка «Путин о врагах России»).*

Очевидно, что для достижения перлокутивного эффекта успешной угрозы создателю тек-

ста необходимо грамотное таргетирование: важно ориентироваться не на общественность в целом, а на конкретные целевые группы, т. е. отражать в тексте определенный образ адресата. Потенциальный адресат должен иметь возможность реконструировать из текста социальные, личностные черты «имплицитной аудитории» и «узнать» себя. Таким образом, от того, насколько «близки» окажутся реальный и имплицитный адресат, будет зависеть успешность угрозы.

Для рассмотрения образа адресата остановимся на анализе текстов политической агитации. Выделим несколько вариантов адресации (в зависимости от критерия выделения целевой группы), при которых возможна как прямая номинация, так и имплицитно заложенный образ. Приведем несколько примеров.

1. Адресация по территориальному признаку.

– прямая номинация («*Россиянин!*»; «*Дорогие омичи!*»);

– имплицитный адресат («*В общем, по плану власти российские ресурсы будут и дальше обмениваться на западные бумажки, а страна задыхаться от бедности*» (предполагаемый адресат — житель «страны, задыхающейся от бедности»); «*Если в день выборов не сказать власти „Нет!“, то в следующем году политика геноцида, удушения российских деревень, поселков, городов выйдет на новый виток: национальный проект, так сказать, в действии. Гибель России начинается с провинции*» (адресат — житель провинции)).

2. Адресация по социально-демографическому признаку.

Выбери себе будущее. Не решишь ты — решат за тебя (адресат — молодежь — идентифицируется визуальным компонентом (фотографии молодых людей) и неформальным обращением «на ты»); *Дальнейшая модернизация образования по Фурсенко и по тем, кто за ним стоит, ведет к деградации страны* (адресат — учащиеся и родители).

Кроме того, в политических текстах часто используется традиционные обращения, выполняющие этикетную функцию: «*Дорогие друзья!*», «*Дорогие соотечественники, товарищи, друзья!*». Популярными среди авторов текстов политической агитации являются обозначения адресата с помощью лексики с семантикой генерализации, обобщения: *Слушай, страна!* *Слушай, бедный русский народ!*

В качестве особого случая следует рассматривать ситуацию, когда в качестве псевдо-адресата выступает некий Враг, в то время как реальным адресатом является потенциальный избиратель: *За все ответите!* (лозунг президентской предвыборной кампании В. В. Жириновского, мнимый адресат — коррумпированные чиновники).

Особый тип адресации используется в прямой угрозе от лица оппонента. Это, как правило, случай агрессивного речевого поведения,

когда применительно к адресату используется лексика с негативным значением, оскорбительные номинации: *Семья: липкая, теплая навозная жижа.... Монстр с заплаканными глазами должен исчезнуть. Его надо ликвидировать* (листочка от имени Э. Лимонова). Говоря о специфической концепции автора речевого жанра угрозы, отметим, что она может варьироваться в зависимости от того, какой тип коммуникации выбирается: прямая или косвенная. Конструирование образа адресанта в случае *прямой угрозы от лица оппонента* связано с созданием образа врага: *Мелкие народы — это „мины замедленного действия“ внутри большой страны. Надо заморить все языки, кроме русского. Надо сделать все для того, чтобы латвийцы, литовцы, казахи, камчадалы какие-нибудь забыли свою историю, если она у них была. ... Изгнать неисправимые народы с советской территории* (листочка от имени Э. Лимонова) В этом случае образ автора негативно интерпретируется как прямыми адресатами угрозы (представителями различных народов), так и широкой аудиторией вследствие использования в тексте идей, противоречащих общепринятым этическим нормам.

В *прямой угрозе общему врагу* конструируется образ жесткого, но справедливого «карателя»: *Мы будем преследовать террористов везде. Если в туалете поймает, то и в сортире их замочим* (В. В. Путин).

В случае с косвенным выражением угрозы автор «надевает маски», соответствующие жанру, форму которого «заимствует» угроза. Как представляется, автор *косвенных* угроз (предостережений, предсказаний и др.) берет на себя роль «благодетеля», «защитника». Таким образом, для косвенной угрозы характерны специфические статусно-ролевые отношения между говорящим и адресатом: автор *предостережения* в политической агитации должен быть выше по статусу (так как он объективно имеет отношение к власти), компетентнее адресата, т. е. обладать неизвестной адресату информацией, наличие которой и позволяет ему «предостерегать». При этом адресату приписываются неполная информированность, даже наивность: *Объем потребления ГМП из-за неинформированности населения, особенно в бедных странах, быстро вырастет, прибыль крупной буржуазии также. Страдания, болезни и жизни людей буржуазия трансформирует в свой капитал.*

Таким образом, с точки зрения компетентности, социального статуса адресант угрозы оканчивается внешним по отношению к аудитории.

С другой стороны, автор угрозы часто стремится показать свою вовлеченность в социально-политическую группу «мы», «присоединиться» к аудитории сообщения, используя при этом когнитивную категорию «свои — чужие». Кроме возможного повышения доверия адресата к сообщению, отсутствие активного

«я» в угрозах снижает ответственность автора за свои слова: *Нас и наших детей умышленно лишают будущего* (листочка по материалам газеты «Дуэль»); *Очень легко раздать всем сестрам по серьгам, снизить, допустим, золотовалютные резервы ... и мы разрушим весь тот позитивный набор инструментов, который позволяет нам развиваться...* (листочка «В. Путин. Ответы на вопросы россиян»).

Очевидно, что каждый речевой жанр обладает определенными лексическими, грамматическими, стилистическими ресурсами, позволяющими автору добиться необходимого перлокутивного эффекта. Этот спектр языковых возможностей жанра в «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелевой описывается как языковое воплощение речевого жанра [Шмелева 1997]. Несмотря на то что речевые жанры имеют в основе общую систему языка, многие элементы на всех ярусах оказываются специфичными для определенного жанра, что и позволяет адресату идентифицировать жанр. Рассмотрим эти особенности на примере текстов политической агитации.

В структуре угрозы инвариантным компонентом оказывается репрезентация негативного последствия принятия «политически неверного» решения. При этом угроза окажется успешной, если автор угрозы заденет «нужную струну в нужное время» [Демьянков 2003: 123] и аудитория воспримет указанное последствие как «плохое». Для этого авторы агитационных текстов часто используют *идеологически нагруженную лексику*. Подобные слова-идеологемы культурно-специфичны и исторически изменчивы (символы, важные для сознания россиян сегодня, отличаются от символов, функционировавших, например, двадцать лет назад). Как представляется, для современных жителей России, уставших от социальных потрясений, приоритетным является идеологема *стабильность*, на ее основе, как правило, строится речевой жанр *обещания*: *политическая и социальная стабильность; стабильный рост пенсий и зарплат; сильное стабильное государство; социальные гарантии*. Соответственно в *угрозе стабильности* противопоставлен концепт, который можно назвать «нестабильностью» в широком смысле и который репрезентируется в агитационных текстах, авторы которых особенно активно эксплуатируют прецедентные образы из 90-х гг. прошлого века: *дефолт, обвал, банковский кризис, бесконтрольные цены, олигархический режим, коррупция, террористическая интервенция*.

Другой символ Добра, популярный в текстах политической агитации — *безопасность*, личная и национальная. В *угрозе* используется противоположный концепт, который репрезентируется следующими выражениями: *голод; нищета; геноцид русского народа; установление проамериканского режима; слабое, неуважаемое государство* и т. д.

Отметим также, что часто символы Зла (особенно репрезентанты концепта *преступник*) используются в угрозах для номинации политического оппонента в целях дискредитации: *«коррупционеры», «режим обнаглевшей бюрократии, вороватых денежных мешков и уголовщины всех мастей», «так называемые демократы, наворовавшие миллионы у трудового народа»*.

Для усиления выразительности антонимичные символы Добра и Зла часто располагаются в тексте рядом, создавая эффект контраста: *«централизованное управление», «социальная стабильность» vs «олигархические группировки», «криминальный беспредел»* (листочка «Что будет, если омичи не пойдут на выборы»).

Кроме идеологем, *угроза* активно использует лексику с ярко выраженной экспрессией. Во-первых, это слова, в которых отрицательная оценка входит в ядро лексического значения, причем часто эта лексика стилистически маркирована как разговорная или сниженная: *деградация села, грабительские реформы, развал страны, криминальный беспредел, они готовы нагадить у себя дома, террористическая интервенция, ...разбазаривание национального достояния*.

Во-вторых, для угрозы характерны слова, в лексическом значении которых присутствуют негативные коннотативные компоненты, не входящие непосредственно в словарное толкование, однако существующие в сознании носителей языка: *Еще одна шоковая терапия прозападных демократов* — здесь эксплуатируется смысловой компонент «чужие, предатели». *Медведев — это путь государства-корпорации, государства-трубы* — у нейтрального слова *корпорация* появляется негативный смысл: «функционирование только ради наживы, игнорирование народных нужд». Добавим, что в текстах, содержащих угрозу, можно встретить лексику, в которой все ядро лексического значения занимает экспрессивный компонент: *Другоросы — политические свиньи; Надоели старые паразиты?* — *Заведи себе новых*.

В соответствии с целями, преследуемыми автором *угрозы*, в данном жанре используются и специфические грамматические средства. Во-первых, следует отметить, что в основе угрозы лежит действие, поэтому особое внимание мы уделим грамматике глагола. Отметим при этом, что наиболее частотны в угрозах глаголы неблагоприятного действия: *разрушить, уморить (голодом), уничтожить* и т. д. (для репрезентации неблагоприятного действия также могут использоваться отглагольные существительные: *отмена (льгот), развал, повышение (цен)*). При этом в текстах отсутствуют экспликации перформативного глагола (*я угрожаю*) в соответствии с одним из условий успешности угрозы — сокрытием коммуникативного намерения.

Анализ эмпирического материала показал, что в речевом жанре угрозы активно используются сложные предложения. Во-первых, это сложносочиненные предложения с разделительными союзами, а именно предложения *взаимоисключения* с союзами *или, либо* и т. д., обладающие высоким речевоздействующим потенциалом: *Или в стране укрепитя диктатура нынешнего режима — режима обнаглевшей бюрократии, вороватых денежных мешков и уголовщины всех мастей, или им будет дан отпор и обеспечен хотя бы элементарный контроль над деятельностью власти со стороны оппозиции* (Г. А. Зюганов). Как известно, разделительные союзы «... вносят в предложение модальный оттенок потенциальности, значение выбора» [Белошапкина 1989: 742], создавая искусственную дихотомию в соответствии со свойством *принципиальной неполноты* политической агитации.

Частое использование в угрозе сложноподчиненных предложений с причинно-следственной семантикой направлено, вероятно, на конструирование в сознании реципиента необходимых ассоциативных связей. Наиболее активно применяются сложноподчиненные предложения *условия* (с союзом *если*) и *цели* (с союзом *чтобы*): *Если такой закон примет наша Дума, страна будет исключена из сферы международной торговли, международных коммуникаций и всех других областей международного сотрудничества, в том числе экономического и научного, связанных с измерениями, как не способная поддерживать их международное единство* (Правда. 2007. № 126 от 15.11, о законопроекте «О единстве измерений»); *В Кремле будет другой человек, но важно сохранить преемственность решений, чтобы не разрушить набор инструментов, который является залогом движения вперед* (В. В. Путин).

В заключение, опираясь на результаты проведенного анализа эмпирического материала, подведем некоторые итоги. Речевой жанр угро-

зы популярен и часто используется авторами как текстов коммерческой рекламы, так и текстов политического дискурса. При этом, с одной стороны, как показывают конкретные примеры, в речевом жанре угрозы обнаруживается сходство со всеми текстами рекламного дискурса: угрозе свойственна *персуазивная направленность, принципиальная неполнота, полемичность и стереотипность*. С другой стороны, выделение угрозы как отдельного речевого жанра в дискурсе политической агитации и торговой рекламы представляется возможным вследствие существования прагматических и языковых дифференциальных признаков, позволяющих идентифицировать определенные высказывания именно как угрозу.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- Белошапкина В. А. Современный русский язык. — М.: Высш. шк., 1989.
- Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99—111.
- Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2003. С. 116—133.
- Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. — М.: Академический проект, 2007.
- Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. — М.: Новосибирск, 2000.
- Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубеж. лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 242—263.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубеж. лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195—283.
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88—98.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина

Э. Н. Шумская
Екатеринбург, Россия

E. N. Shumskaya
Ekaterinburg, Russia

МАМБЕТ:

СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Аннотация. Анализируется приобретающее популярность прецедентное имя «мамбет», его этимология и семантические связи. Приводится широкий спектр дефиниций, свидетельствующий о незавершенности формирования семантики у данного прецедентного имени.

Ключевые слова: прецедентные имена; медиадискурс; языковая картина мира; антропонимия; мамбет; манкурт.

Сведения об авторе: Шумская Элина Николаевна, аспирант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: shed.06@mail.ru.

MAMBET:

PROCESS OF MAKING PRECEDENT

Abstract. The Precedent name «Mambet» that becomes more and more popular is analyzed in the article. Its etymology and semantic connections are revealed. A wide range of definitions of the name is given that proves that its semantic is still not formed.

Key words: precedent names; Mass Media discourse, language picture of the world; anthroponymic system; mambet; mankurt.

About the author: Shumskaya Elina Nikolaevna, Post-graduate Student.

Place of employment: the Ural State Pedagogical University.

Влияние политической лингвистики, ведущие школы которой базируются в США, Европе и России, распространяется и на Казахстан, где постепенно складывается традиция изучения политически ориентированных текстов. Казахские ученые уже внесли определенный вклад в изучение теории языковой личности (М. Р. Кондубаева, Л. Г. Саяхова), в изучение проблем лингвокультурологии и когнитивного языкознания (Л. К. Жаналина, Э. Д. Сулейменова, З. К. Ахметжанова, В. С. Ли, Г. Г. Гиздатов, Б. Касым, Л. Т. Килея, Б. А. Ахатова, Н. Г. Шаймерденова), в изучение теории метафоры и феномена прецедентности (Т. В. Валуева, Е. А. Журавлева, Т. К. Маняпова, Б. М. Мауленова, А. Ислам, Б. А. Ахатова и др.). Данная статья продолжает традицию исследования прецедентных имен на материале русскоязычного медиадискурса Казахстана [Шумская 2009, 2010, 2011].

Руководствуясь определением Д. Б. Гудкова, мы считаем прецедентные имена важнейшим элементом национальной культуры и языковой картины мира, «ярким показателем специфики народного самосознания, рефлексии нации на собственную историю и культуру» и видим в них «эффективное средство этической, эстетической, утилитарной, нормативной, эмоциональной, интеллектуальной оценки наших современников» [Гудков 2003: 108].

Наше внимание привлекло прецедентное имя *Мамбет*, которое часто употребляется в качестве оценки-характеристики в бытовом дискурсе, а в последнее время стало популярным и в медиадискурсе. Повышение интереса к этимологии, семантике и функционированию

данного прецедентного имени постоянно фиксируется на различных сайтах и форумах в Интернете. На запрос по этому имени поисковая система выдает более 117 тысяч ответов, на запрос о производных от него «мамба», «мамбик», «мамбетизм», «мамбетство», «мамбетизация» — от 991 до 9750 ответов.

Вот как обозначена проблема на сайте www.titus.kz. Под заголовком «Мамбет. Кого мы так называем?» мы находим рассуждение о природе данного языкового явления автора, подписавшегося *Алия Мамбетова*. Статья начинается с просьбы американки восстановить «status quo» данного прецедентного имени и его производных: *Слушай, объясни мне, пожалуйста, что такое „мамбетизм“? Я думала, что все „измы“ знаю, а, оказывается, — нет. Слышала, как мужик в супермаркете возмущался: „Мамбетизм неискореним!“ А таксист орал на „подрезающего“ его водителя: „Мамбет!“ Я так поняла, что это то же самое, что колхозник, или, как говорят у нас в Техасе, — redneck (красношей). Но на Зеленом базаре один колхозник, торгующий овощами, обзывал мамбетом своего же коллегу-овощника. Значит, получается, что мамбет от мамбета отличается не по классовым признакам, а по каким-то другим? У нас рэдneck — это тот, кто живет на ферме (колхозник, по-вашему). А у вас один колхозник обзывает другого мамбетом. Значит, он уверен, что сам не мамбет. Странно...* Автор делает акцент на привлекающем его внимание языковом явлении, отмечает разные аспекты в его восприятии, приводит результаты опроса алмаатинцев и подводит итог: *Давно укатила в свои Штаты лю-*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Шумская Э. Н., 2011

бопытная американка с казахскими корнями, обозначившая тему, которую, наверное, невозможно раскрыть, разъяснить до конца и поставить точку. Потому что у каждого свое понятие. И свое принятие или неприятие ее как таковой. Не выносить сор из своей избы — хорошее правило. Но куда его тогда девать в своей избе? Прятать и хранить, что ли? (А. Мамбетова // www.titus.kz. 22.10.2008).

На информационном портале www.zakon.kz со ссылкой на сайт газеты «Central Asia Monitor» размещен материал Каната Кабдрахманова «Мамбетизм как один из неизбежных путей национального культурного развития». Автор отмечает возросшую активность в употреблении анализируемого прецедентного имени и его семантическую многослойность: *В последние годы в казахском обиходе стали активными понятия „мамбетизм“, „мамбет“. Каждый „городской“ казах чувствует, что эти понятия означают, каждый „городской“ казах может сходу выделить „мамбета“ в группе соотечественников. Но спроси, что значат эти слова, разъяснить будет долго и путано.* Читатель, не знакомый с данной проблемой, на первичной фазе ее восприятия «увидит» противопоставление мамбетов «городским» казахам. Далее К. Кабдрахманов выделяет две группы, на которые можно условно разделить казахстанское общество в соответствии с обнаруженным противопоставлением: *на тех, кто преимущественно предан традиционным казахским ценностям, и тех, кто преимущественно предан универсальным ценностям. Среди первых с краю находятся те, кто исповедует действительно устаревшие ценности, среди вторых с краю те, кто исповедует изначально мертвые, космополитические ценности. И мамбетизм, и космополитизм есть крайности и извращения современной казахской культуры. При этом культурной середины не видно — в смысле культурно-организационном, в смысле доминантного культурного потока* (К. Кабдрахманов // www.titus.kz. 04.09.2006). Под носителями идей традиционализма, как правило, подразумевается старшее поколение и все, кто близок ему по духу, под «идеологами» космополитизма — молодежь. В связи с этим в сознании читателя возникают параллели: традиционализм — мамбетизм, универсализм — космополитизм, или, иначе, манкуртизм.

Тема манкуртизма, поднятая Чингизом Айтматовым, которого в равной степени считают «своим» писателем казахи и киргизы, достаточно долго остается востребованной в казахстанской публицистике, но в последнее время к ней часто обращаются как к фону, на котором становятся более отчетливыми границы мамбетизма: *И раздвоилась казахская нация. ... Трещина между двумя социумами одной нации превратилась в пропасть. Прогрессивные казахи называют патриархальных мамбетами, а патриархальных прогрессивных — манкур-*

тами. Мамбет, мамба, мамбик — значит отсталый. Манкурт — значит не желающий знать своих корней. Это из Чингиза Айтматова... (А. Мамбетова // www.titus.kz. 22.10.2008). Неоднородная семантическая природа понятия уточняется через антоним «манкурт», а смысловое варьирование дополняется еще одной оппозицией: «прогрессивность — отсталость».

Обсуждают данную тему и на форуме российского сайта www.reps.ru. Автор поста ссылается на статью Нюргуна Беляева «ШОКнутые, или Мамбетизация общества. Научный взгляд на щекотливую тему», опубликованную в еженедельнике «Молодежь Якутии» 31 мая 2005 г. Читаем: *„Мамбет — это не национальность, а состояние души“, — такое меткое определение в адрес представителей известной прослойки нашего населения прозвучало на одном из якутских Интернет-форумов.* Обзор дискуссий, возникающих в Интернете, позволяет сделать вывод, что данное прецедентное имя вызывает интерес не только у казахстанских форумчан, оно известно более широкому кругу читателей. Являясь элементом национальной языковой картины мира, прецедентное имя *Мамбет* вышло за ее пределы и стало воспроизводиться носителями языка уже вне национальной принадлежности в пределах русскоязычного пространства СНГ. Об этом процессе в свое время писала Т. В. Шмелева: «При обсуждении современных событий мировая пресса подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам...» [Шмелева 2001: 5].

Авторы, пишущие на данную тему, отмечают моральную остроту затронутой проблемы и смещение семантических акцентов и эмоциональной окрашенности: *В силу нашего восточного менталитета — не замечать за собой плохого, мы о мамбетизме вслух не говорим. И в газетах не пишем. Хотя для горожан, и в первую очередь, алматинцев, а если быть совсем точным, для алматинских казахов, мамбетская тема — предмет для кухонных излияний желчи* (А. Мамбетова); *В силу полтикорректности данное явление обсуждается в открытую очень редко, поскольку затрагивает щекотливый вопрос национализма и прочие вытекающие из него последствия* (Н. Беляев); *Когда я был школьником, слово „мамбет“ как-то не широко использовалось. Позднее заметил, что многие „неказахи“ часто воспроизводили его шепотом с целью в уничижительном смысле обозначить людей казахской национальности. Усматривая несправедливость в присвоении этому слову права быть синонимом нации, не использовал его в обиходе. Теперь продвинутая часть общества, признавая за лексемой принадлежность к разговорному стилю, в последнюю очередь понимает под ней национальность* (Р. Райфельд).

Не менее важным в понимании феномена «мамбет» является культурологический компонент, центральный в материале Н. Беляева (см. подзаголовок статьи «ШОКнутые культурой»). Автор приводит «научное объяснение» мамбетизма: *„В культурологии существует такое понятие, как кодирование, — говорит кандидат культурологии, доцент ФЛФ ЯГУ Елена Семенова. — Система дополнительных кодов есть в наличии у каждого человека. Существуют вещный, поведенческий, языковой и другие коды“. Ситуация так называемой „мамбетизации“ возникла при столкновении двух культур — традиционной и современной городской. На практике все выглядит так. Некий человек — носитель традиционной национальной культуры, приезжает в город — объект цивилизации. Тут он автоматически оказывается, что называется, „культурношокнутым“. А в ситуации культурного шока человек начинает вести себя несколько неадекватно, не так, как он привык вести себя в рамках своей культуры. Так молодой человек становится мамбетом. Однако, будучи у себя дома, мамбетом он не был. У него вырабатывается правило поведения, которое предписывает индивиду его же представление о том, как это явление должно выглядеть.*

В поисках семантической определенности мы обнаружили материал Романа Райфельда под заголовком «Все ли любят „мамбу“?» (сайт политической информации Казахстана — SPIK.KZ. URL: www.spik.kz. 26.06.2008). В нем он ссылается на «Толковый словарь русского языка в Казахстане» (Толковый словарь русского языка в Казахстане / Академия наук, Институт лингвистических исследований. 2-е изд., испр. и доп. Алматы, 2005). Его авторы — группа ученых под руководством кандидата филологических наук Булата Богданова, представители Института лингвистических исследований Академии наук Республики Казахстан, специалисты Словарного запаса Абаевского института. При составлении словаря использовались материалы картотеки Словарного запаса Института лингвистических исследований. В словаре содержится следующее определение: «МАМБЕТ — (Этиология, этимология не изв.) представитель рода казахов, вне географического надродового характера, отличающийся чванством, кичливостью, гонором, высокомерием, клиническим стремлением поругать хоть кем-чем-н. (хоть в оранжевом жилете), таким же отсутствием стремления к самосовершенствованию (сам само совершенство)... Звание м. — пожизненное, не связанное с местом рождения / проживания и образовательным цензом, научными званиями и степенями)... Р. Райфельд отмечает точность по сути, но несколько непривычную для академического издания вольность определения. Восполняя этимологический пробел словарной статьи, журналист добавляет: «...теории происхождения слова

гласят, что когда-то оно значило полную противоположность себя нынешнего — от „коренного населения“ до имени пророка Мухаммеда, искаженного». Каким же образом произошла столь разительная перемена? И почему сегодня прецедентное имя *Мамбет* используется в качестве синонима малокультурного человека?

Этимологически *Мамбет* восходит к собственному имени, созвучному с именем *Махамбет*. У тюркских народов «х» не проговаривается отчетливо, поэтому получается *Ма'амбет*. Имя же *Махамбет* берет свои корни от имени *Мухаммед*, то есть является изменившимся именем пророка Мухаммеда, или *Мухаммада*: «В казахской антропонимии заимствования из русского, арабского, персидского, а также монгольского языков подвергаются значительным фонетическим изменениям. Так, арабское имя Мухаммад в казахском языке приобретает формы *Махамбет*, *Мукамбет*, *Махмет*, *Мэмбет*». [Бельгер 2003: 6]. В русском языке также употребляются варианты *Мухаммед*, *Мохаммед*, *Магомед* (*Магомед*). Имя *Мухаммад* значит «восхваляемый», «достойный хвалы». В исламе это имя является одним из главнейших, и относится к нему с должным почтением.

На сайте мусульманских имен (www.muslimnames.ru) можно найти интересную информацию, касающуюся оценки популярности арабских имен детей, рожденных в Англии и Уэльсе в 2008 г.: *Англичане давно заметили, что среди самых популярных имен новорожденных детей у них появилось имя Мухаммад, которое в 2008 г. первый раз встречается на 16-ом месте после обычных английских имен: Jack, Oliver, Thomas, Harry, Joshua, Alfie, Charlie, Daniel, James, William, Samuel, George, Joseph, Lewis и Ethan. Однако задуматься заставляет тот факт, что если сложить вместе количество детей, которых назвали Muhammad, Muhammed, Muhamed, Muhammet, Muhmmad, Muhamad, Muhammad, Muhummad, Mohammed, Mohammad, Mohamed, Mohamad, Mohammod, Mohmmad, Mohmed, Mohmmad, Mamadou, Mohamud, Mehmet, Mahammed, Mahamad, Mahamad, Mahomed, Mahamed, да если еще прибавить сюда 20 человек, которых в 2008 году назвали Mohamedamin, Muhammad-Ibrahim, Muhammed-Ali, Mohamed-Amin и Mohamed-Farhan, то всего Мухаммадов получится 7746, и так имя Мухаммад выходит на второе место после Джека (8007 мальчиков), обгоняя Оливера (7413). Данный факт свидетельствует о трепетном отношении к имени Мухаммад, а также об исключительной ответственности родителей при выборе имени для ребенка. Принимая имя и «программу», которую оно в себе несет, человек должен будет соответствовать ей, это предписано традициями ислама (вера в пророческую миссию Мухаммада является обязательной для всех людей, в том числе для христиан и иудеев, которые должны были последовать его призыву и принять последний шариат).*

У казахов арабское имя Мухаммад (Махамбет) особой популярностью не пользуется (в казахской истории яркий след оставили только два человека с таким именем: Шокан Уалиханов, истинное имя которого Мухаммед-Ханафия и Махамбет Утемисов). Соответственно и его сакральное значение не является первостепенным при выборе имени. Герольд Бельгер, казахстанский переводчик, прозаик и публицист, немец по происхождению, в совершенстве владеющий казахским языком и свободно разбирающийся в казахской ономастике, так комментирует сложившееся положение: «...у казахов имен столько, сколько и слов. А может, даже и больше, если учитывать заимствования из арабского, персидского, монгольского, тюркского и других языков. Казахи неистощимы в придумывании имен для своих детей. Все учитывается: род, местность, время года, предки, какой-нибудь знаменательный случай, желание, мечта, намек, традиция, созвучие, благословение, житейская деталь, даже какой-нибудь казус. Все грани бытия, все проявления и параметры человеческой жизни, все аспекты нравственного и духовного бытования, все оттенки поэтического восприятия беспредельного мира, история собственная и заемная, вплоть до звукоподражания и инородных, иноязычных терминов, до сокращенных слов и аббревиатур, причудливых образований — все, все находит отражение в казахских собственных именах» [Бельгер 2003: 7]. Имея такой ономастический арсенал, можно «избежать» выбора имени, обязывающего его носителя быть «достойным хвалы», и выбрать не менее значимое и судьбоносное имя.

Вариант с развитием нарицательного значения у собственного имени *Махамбет* нам видится спорным, так как отсутствует недостающее звено, свидетельствующее о связи между именами *Махамбет* и *Мамбет*. На самом деле эти имена существуют параллельно, точнее — полярно противоположно: одно имя исполнено глубокого для верующих смысла и используется как собственное, другое — в качестве нарицательного для оценки определенного типа поведения и образа мыслей. Становление категории прецедентности у имени *Мамбет* — процесс незавершенный. Семантические очер-

тания по-прежнему размыты. Значение включает в себя и «колхозника», и невежу; так могут называть и бедного, и очень богатого человека, студента и высокопоставленного чиновника. Мамбетизм проявляется во внешнем виде, манере поведения, идеологии, роде занятий и развлечениях, географии излюбленных мест и предпочтениях при выборе собственности. Если же принимать во внимание другие характеристики прецедентности: частотность, употребляемость в заголовках, наличие массы дефиниций, способность образовывать антонимы и деривационный потенциал, — то рассматриваемое нами прецедентное имя *Мамбет* представляет собой важный компонент прецедентного арсенала современного казахстанского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельгер Г. К. Гармония духа. — М.: Русская книга, 2003.
- Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — М.: МГУ, 2003а.
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: Гнозис, 2003б.
- Толковый словарь русского языка в Казахстане. 2-е изд., испр. и доп. — Алматы, 2005.
- Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюл. Урал. лингвистического о-ва. — Екатеринбург, 2001. Т. 7.
- Шумская Э. Н. Прецедентные феномены в казахстанской печати // Политическая коммуникация : материалы Всерос. науч. шк. для молодежи (Екатеринбург, 25 авг. — 8 окт. 2009) / Урал. гос. пед. ун-т; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. С.123—125.
- Шумская Э. Н. Национальные источники прецедентности как отражение культурного кода // Концептуальные исследования в современной лингвистике : сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. — СПб., Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. С. 128—133. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 12).
- Шумская Э. Н. Динамика прецедентных имен в СМИ Казахстана // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 2 (36). С. 188—193.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. А. Нахимова

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Г. Д. Лассвелл
Нью-Хейвен, США

H. D. Lasswell
New Haven, the USA

ПРИМЕНЕНИЕ ДАННЫХ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

THE USES OF CONTENT ANALYSIS DATA IN STUDYING SOCIAL CHANGE

Перевод с английского Е. Б. Матыгиной

Translated by Matygina Ekaterina

Аннотация. Перевод на русский язык статьи знаменитого американского специалиста, впервые опубликованной на английском языке в 1968 году.

Abstract. Translation into Russian of the article by the famous American expert published in 1968 for the first time.

Ключевые слова: контент-анализ; политическая коммуникация; приоритеты; ценности.

Key words: content analysis; political communication; priorities; values.

Сведения об авторе: Лассвелл Гарольд Д., доктор философии, профессор.

About the author: Lasswell Harold D., PhD, professor.

Место работы: Йельский университет (США).

Place of employment: Yale University (the USA).

Сведения о переводчике: Матыгина Екатерина Борисовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the translator: Matygina Ekaterina Borisovna, Post-graduate Student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of Employment: the Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

e-mail: katerinamatygina@mail.ru.

В данном исследовании обсуждаются два главных вопроса: особенности контент-анализа и применимость контент-анализа в политико-управленческих науках национального развития. Акцент делается на последней теме.

явлениями, переживаемыми коммуникаторами. Поток знаков может быть частично описан с помощью понятия «бит», являющегося единицей измерения физических явлений (звуковых волн, электромагнитных колебаний и т. п.). Знаки также описываются в соответствии с содержанием передаваемого сообщения, что представляет собой субъективное отношение, опосредованное знаками. Сообщения могут быть классифицированы в соответствии с упоминаниями («менты») отдельно взятой ссылки^[1]. В краткой упрощенной форме это выглядит так:

I
Термин контент-анализ обычно используется при обращении к систематическому, эмпирическому изучению сообщений, переданных в процессе коммуникации. Когда взаимодействие происходит в первую очередь с помощью «знаков», мы определяем их последовательность как коммуникацию. Знаки — это акустические, печатные или иные физические явления, выполняющие функцию посредничества между коммуникаторами. Мы говорим о «сотрудничестве», когда взаимодействие в основном включает использование не-знаков, таких как мышечная сила (при перенесении груза) или активное сражение (при использовании оружия). Знаки служат связующим звеном между «символами», которые являются субъективными

Таблица 1. Последовательность взаимодействия
участники ↔ знаки ↔ участники (коммуникация)
участники ↔ не-знаки ↔ участники (сотрудничество)

Таблица 2 в наиболее явной форме показывает «ресурсы», вовлеченные в социальный процесс.

Таблица 2.

Социальный процесс (субъективные и несубъективные последовательности)

© Лассвелл Г. Д., 1968.

© Матыгина Е. Б., перевод на русский язык, 2011.

Участники в социальном процессе характеризуются тем, что они — это место субъективных явлений (символов), которые происходят по шаблонам, включающим соматические явления (нервы, мышцы и т. п.) Участники взаимодействуют друг с другом с помощью знаков (их определение дано выше) и с помощью управления окружающими ресурсами. Существующие знания не позволяют нам продемонстрировать, что субъективные явления могут быть заведомо основаны на соматических процессах (головного мозга, среднего мозга и спинного мозга) или что различные типы соматических процессов могут с аналогичной окончательностью основываться на символах. Пока, по крайней мере, научное исследование продолжается за счет установления частичного (и будем надеяться, всеобщего) консенсуса между учеными в отношении процедур наблюдения (включая инструменты), отчетные материалы которых будут приняты как данные в обмене информацией между учеными. Процедуры включают контент-анализ, который зависит от соглашения о категориях, используемых при классификации сообщений.

Современное изучение политической коммуникации началось в период между Первой и Второй мировыми войнами как отражение стремительного разграничения теории и метода среди всех отраслей интеллектуальной жизни. Во время Второй мировой войны количественные процедуры применялись к газетам, журналам, памфлетам, плакатам, радиотрансляциям, фильмам и другим каналам. Основная единица завершенной коммуникации — это утверждение или характеристика упоминаемого коммуникатором объекта. Не следует путать утверждение с предложением, которое является грамматической категорией, или с упомянутой единицей «символы», применяемой к «знакам».

Категории, обусловленные научными целями («словарь»), предписывают, как человеческие коды уполномочены описывать слова (или словесные эквиваленты), или как машины запрограммированы для выполнения этой задачи. Предположим, например, что мы хотим изучить «распространение концептуальных моделей, характерных для науки и техники за пределами Восточной Европы».

Первым шагом будет составление общих очертаний того, что мы понимаем под «концептуальными моделями науки». Очевидно, научный исследователь должен взять ответственность за выбор понятий или за обращение к источнику, чьи определения он использует. Конкретный пример: среди перечисленных нами понятий несомненно будет «требование получить конкретные эмпирические данные». Поскольку одна из задач предложенного исследования состоит в получении достоверных выводов о научных понятиях, и поскольку понятия не могут наблюдаться напрямую, уместная методика состоит в выборе группы слов (или сло-

весных эквивалентов), которую ученый склонен принять как обеспечивающую удовлетворительную основу для выводов о наличии или отсутствии концептуальных моделей. Для сокращения противоречий словарь в максимальной степени ограничен до «явного содержания». Мы относимся к понятию как к явному (не «скрытому»), когда слова истолковываются так, как они обычно понимаются наибольшей группой людей, знающей язык. Слова «one», «two», «three», например, понимаются как конкретные числа любым, кто владеет английским языком. Следовательно, исследователь может включить «числа» в свой словарь; поступая таким образом, он берется за описание увеличения частотности, с которой числа упоминаются как индикатор распространения научных образов мысли.

Исследователь, занимающийся контент-анализом, может сократить текст послания до «нормированного языка». Это означает, что слова оригинала заменены их эквивалентами в словаре или выпущены. Нормированный текст теперь может быть описан в соответствии с частотой, с которой слова встречаются в различных порядках. Компьютер может быть введен в исследование на раннем или позднем этапе. Если первоначальные тексты напечатаны разными размерами шрифта, то они могут быть переписаны «в нормированных знаках», которые компьютер способен сканировать и описывать (как запрограммировано), даже если язык не является нормированным (компьютер просто игнорирует слова, которые ему не задано замечать). Операторы могут быть, конечно, использованы для перепечатаывания, приведения к нормированному тексту и заполнения для компьютера перфокарт, которые регистрируют наличие словарной статьи. Машина теперь может давать отчет о частотностях в соответствии с тем способом, которым ей задана инструкция для сбора и сопоставления полученных данных.

Я мимоходом касаюсь многих вопросов относительно деталей, возникающих при выполнении программ контент-анализа, поскольку сейчас мы делаем акцент на способах, с помощью которых методика может быть адаптирована к политико-управленческим наукам развития.

II

Контент-анализ удачно применяется при задаче получения данных о фундаментальных *направлениях* в реализации политико-управленческих *целей* развития. Не предпринимая попытки составить систематизированный перечень таких целей, мы можем по крайней мере обратиться к некоторым типичным примерам изменений, которые часто искомы в подобных программах: возросший интерес всего политического сообщества к могуществу государства на мировой арене; внедрение научно обоснованных технологий производства; ускоренное знакомство с научным представлением о мире;

усиленная потребность в современной медицинской помощи; предоставление возможности получать новые умения; упор на малой, а не на расширенной семье; возрастающее уважение к личности; отказ от религиозных норм и рост этики аккомодации.

Как процедуры контент-анализа могут быть использованы для обнаружения характерных направлений? Единственное очевидное требование — проводить анализ потока коммуникации по всему обществу. Таблица 3 очерчивает всеохватывающую, весьма обобщенную карту общества в ценностно-институциональных терминах.

Таблица 3. Ценности и институты (примеры)

Ценности	Институты
Власть (В)	Государство, закон и политика
Просвещение (П)	Язык, наука, коммуникация
Достаток (Д)	Сельское хозяйство, индустрия, финансы
Благополучие (Б)	Безопасность, здоровье, комфорт
Мастерство (М)	Образование, искусство, призвания
Любовь (Л)	Семья, общины
Уважение (У)	Классы, касты
Нравственность (Н)	Религия, этика

Предположим, что задача состоит в раскрытии объема, в котором научные понятия проникли в различные секторы социального процесса. Начиная с *власти* (В), первым шагом будет определение ситуаций, ограниченных сферами правительства, закона и политики соответственно, а затем анализ коммуникаций, совершенных в этих ситуациях. Было бы уместно, например, подвергнуть контент-анализу речи глав государств (церемониальные, эффективные) и политических партий и фракций; дебаты законодательных органов; заседания исполнительных и административных органов; программы партий и ассоциаций групп давления. Словарь для проекта был бы достаточно большим для включения ссылок на науку как таковую или на предположительно научные результаты и методы; обращать внимание следует на использование пробных, гипотетических, ориентированных на факты, исследующих видов речи и т. д.

Для изучения коммуникаций, относящихся к сфере *просвещения* (П), потребуется анализ научных книг, периодических изданий и аналогичного материала и принятие к сведению всех ссылок на научные мероприятия и результаты в радио- и телевизионных передачах, в театре и других средствах информации. Язык — это основной канал коммуникации, и его можно подвергнуть анализу для обнаружения соответствующих изменений в словаре и в значении слов. Особое значение имеют изменения в рыночной коммуникации (Д), поскольку ожидается,

что язык рынка отражает появление продуктов и методов научно обоснованной технологии. Было бы уместным исследование потока коммуникации между учителем и учеником и среди учеников на каждом этапе образовательного процесса (М). Изменяющиеся критерии высокого уровня в искусстве, профессиях и специальностях также могут обнаружить сдвиги в перспективе. Подобным образом поток коммуникации в домашней обстановке и среди групп друзей (Л) укажет направление и природу изменений, равно как и перестановки, пересекающие или происходящие внутри классовых и кастовых границ (У) и в религиозных (или противоречащих моральным устоям) группах (Н).

Благодаря систематическому исследованию *инновации, диффузии и рестрикции* становится возможным осознание значимости быстрых и медленных изменений в различных частях данного общества или в его мировом окружении. Используя «миф» как термин искусства для обозначения любой до некоторой степени устойчивой системы утверждений, мы разграничиваем содержание «традиционного» (Т) и «модернизирующего» мифа (М). Миф конкретизирован для каждого ценностного сектора и состоит из всех перспектив, стабильно возникающих в отношении каждого. Мифический компонент власти, например, включает наиболее абстрактные доктрины, формулу (правовые предписания) и миранду (историю, пророчества, героев, злодеев). Посредством контент-анализа возможно выявить моменты, когда возникает новшества, и следить за границами и зонами, вдоль которых они распространяются или встречают ограничивающие их препятствия.

Для политико-управленческих наук важным является развитие научного знания факторов, помогающих объяснить направление, скорость и величину модернизирующих направлений. Для уточнения вклада, который может быть сделан контент-анализом, мы начнем с упрощенной модели процесса коммуникации:

Таблица 4. Процесс коммуникации

Участники → Перспективы → Ситуации → Базовые ценности → Стратегии → Результаты → Последствия

Таблица отражает следующий вопрос: кто, с какими намерениями, в каких ситуациях, с какими ресурсами, используя какие стратегии, достигает какой аудитории и с каким результатом?

«Участники» условно классифицируются в соответствии с их степенью специализации в коммуникации. В индустриальных обществах круг специалистов включает в себя владельцев, управленцев и сотрудников средств массовой информации; в традиционных (исторических) обществах это могут быть странствующие сочинители баллад, рассказывающие нараспев о текущих событиях и сохраняющие воспоминания о прошлом. Участники могут быть также классифицированы в соответствии с их ролью в определенных последовательностях взаимо-

действия (как инициаторы, отправители, получатели и т. п.)^[2].

«Перспективы» — это субъективные явления участников. Гипотезы о перспективах открыты множеству подтверждений со стороны коммуникативного и некоммуникативного поведения (например, со стороны враждебных слов или поступков). При развитии новой нации задача состоит в том, чтобы достичь перспектив *национального самосознания*^[3]; перспектив *потребности* в приобретении национальных ценностей в понятиях *власти* (В) на мировой арене, *просвещения* (П) при культивации науки; *достатка* (Д) в смысле самоподдерживающегося привлечения капитала, *благополучия* (Б), выраженного в возросшей свободе от смерти и истощающих заболеваний, *мастерства* (М), выраженного в профессиональном владении современной технологией, *любви* (Л), направленной на национальных лидеров и организации на службе нации, *уважения* (У), пересмотренного и переоцененного в поддержку изменяющейся классовой структуры, *нравственности* (Н) в распространении чувства собственной ответственности для служения национальным целям; перспектив *ожидания*, включающих фактические представления о вероятности национальных или личных трансформаций.

«Ситуации» — это границы контекста, в которых происходят коммуникативные взаимодействия. Территориально пограничные зоны могут быть национальными, межнациональными или субнациональными. Плюралистические параметры не обязательно сопряжены^[4].

«Базовые ценности» — это активы (или пассивы) в распоряжении участников. Мастерство в общих языках (восприятие, письмо, говорение) определенно соответствует национальным системам коммуникации. Достаток в виде соответствующих сетей передачи — еще один основной актив (остальные ценности подобным же образом вовлечены в той или иной степени)^[5].

«Стратегии» — это способы, которыми задействованы базовые ценности, они включают выбор канала коммуникации и содержание общения^[6].

«Результаты» — это отклики участников на каналы и сообщения, они включают внимание обращенное или задержанное, восприятие сообщения и модификацию (перспективных и поведенческих операций).

«Последствия» — это следствия послерезультативной фазы, они относятся к более поздним итогам в процессе коммуникации или в иных, отличных от коммуникации процессах.

Хотя технические методы контент-анализа нацелены прежде всего на описание потока содержания сообщений, необходимо подчеркнуть, что данные о сообщениях активизируют гипотезы обо всех иных компонентах всего процесса. Например, если основные понятия, лозунги и полные высказывания, появляющиеся в передовых статьях газеты, и открыто одобренные

там, являются социалистическими или антисоциалистическими, очевидна гипотеза о том, что редакторы, владельцы или лица, осуществляющие официальный контроль, отождествляются с выраженной идеологией^[7]. Исследование, использующее другие источники данных, может, однако, показать, что это не так. Возможно, избирательное использование идеологии должно объясняться желанием позаботиться о предполагаемых симпатиях аудитории; вероятно, руководители информационных средств озабочены личной популярностью или денежной выгодой. Подобно этому ошибочными могут быть заключения контент-анализа о базовых ценностях в распоряжении контроллеров сети. Они могут не финансироваться в целях пропаганды официальными или неофициальными источниками, внутренними и внешними. Более того, ошибочными могут быть гипотезы относительно результата и последствий. Даже если последние известия по радио или телевидению в одобрительной манере акцентируют внимание на партии, находящейся у власти, аудитория может не быть благосклонно расположена к ней. (Образцы интервью в целях исследования могут показать противоположный результат.) Политическое содержание данного информационного средства может быть допущено аудиторией при отсутствии альтернативного канала экстренных сообщений. Между прочим, один из наиболее важных эффектов коммуникации производится на самих коммуникаторов. Если им не удается усвоить реалистичные методы оценки воздействия средств информации, они могут быть введены в заблуждение удовольствием, полученным от звучания своих собственных голосов или от созерцания своих имен в печати. Не все выводы, выдвинутые контент-аналитиками для характеристики других областей всеобщего процесса коммуникации, являются обоснованными. Тем не менее, при изучении коммуникации важно остерегаться чрезмерного обобщения результатов методики, конкретизированной для одной фазы процесса в целом.

Далее мы обращаем внимание на то, что методики, предназначенные для прямого анализа содержания сообщения, могут быть применены в той или иной степени к измерению воздействия на аудиторию. Рассмотрим, например, вопрос, становятся ли люди, принадлежащие к различным возрастным группам, более или менее индивидуалистическими и амбициозными для участия в модернизации. Если респондентов просят закончить рассказ или сказать, как должна продолжиться карикатурная серия, то итоговые тексты (или записанные разговоры) поддаются контент-анализу. При помощи записи совещаний или конференций и последующего контент-анализа могут быть изучены взгляды издателей, корреспондентов, владельцев и сотрудников контрольно-надзорных органов.

Научная задача исследования по содержанию сообщений состоит в том, чтобы выйти за рамки направления и данных дистрибуции и объяснить причины и последствия. Руководствуясь постулатом о поиске оптимального решения, мы приходим к выводу о том, что, что бы ни содействовало суммарному ожиданию преимущества, это увеличит степень внимания скорее к модернизирующим (М), нежели чем к традиционным (Т) каналам или сообщениям, и увеличит степень включения новых перспектив.

В систематизированных терминах мы можем определить круг ценных результатов, характеристики которых (терпимые или недопускающие) влияют на перспективы и поведение («практики» «институтов»). Существует, конечно, удовлетворение любознательности (просвещение) (П), и перспектива добиться уважения (У) за полезное нововведение, и любовь (Л) к талантам и новому опыту. Мы, конечно, упускаем из виду достаток (Д) и власть (В), или благополучие (Б), или соблазн совершенствования мастерства (М). Существует также возможность достижения этического или религиозного удовлетворения (нравственность) (Н), как в развитии земельной реформы добровольческими организациями. Важнейшая задача перемен, рассматриваемая в таких терминах, состоит в культивации больших ожиданий от суммарного преимущества ценностей с усвоением нового, нежели чем с повторением старого. Когда введена новая ситуация, в которой новая практика в настоящий момент закрепляет формирование ценностей и распределение отношений между участниками, модернизация общества сделала шаг вперед.

Давайте еще сузим данное предположение, изучив роль, которую играет коммуникация, и в частности содержание сообщения. Любая попытка обеспечить динамическую теорию социальных перемен устанавливает, что существенное место должно быть отведено изменившимся ценностным требованиям и что поток сообщений в среде коммуникации — это факторы, ускоряющие модернизацию или препятствующие ей. Я выдвигаю гипотезу о том, что контент-анализ — это методика, способная раскрыть изменения ценностных ориентаций и институциональных оценок. Формальный круг возможностей перехода от Т к М может быть описан следующим образом:

1. Приоритеты среди основных ценностных ориентаций (ВПДБМЛУН) могут меняться или оставаться прежними. Например, В и Д могут быть выдвинуты вперед, в то время как Л и Н перемещены на дальние позиции. Едва ли стоит упоминать о том, что эти передвижения могут не осознаваться или, безусловно, не в полной мере осознаваться членами общества. Эти изменения могут быть продемонстрированы при изучении общего потока информации в заданном контексте. Например, преимущества

достатка могут упоминаться чаще при попытке обосновать любые требования, кроме начала М периода.

2. Ценностные требования, относящиеся к особым институциональным практикам, вводятся, устраняются или переоцениваются. Автомобили могут быть введены как объекты утвержденной потребности; использование людей как вьючных животных может быть осуждено и устранено; может быть изменена позитивная оценка, данная учеными-традиционалистами.

3. Мифические компоненты, на языке которых обосновываются конкретные требования, изменяются сложением, вычитанием или переоценкой. Например, в целях модернизации юридические формулы могут чаще использоваться для нападения или защиты определенного требования; традиционные присяги могут опускаться; возможно более частое обращение к национальному герою для обоснования утверждения о намерении достичь модернизации.

4. Объем каждой основной ценности может быть изменен устранением, переоценкой или присоединением. Объем власти, например, может измениться, если традиционный совет старейшин потеряет авторитет или контроль и превратится в церемониальный канцелярский орган, который было бы правильно отнести к учреждениям для почитания. Всенародно избранные суды, трибуналы, с другой стороны, могут перейти от церемониального статуса к роли весомых участников в принятии важных решений; поэтому объем В изменяется устранением или переоценкой. Появление нового института, такого как суд, при обращении к нему в потоке коммуникации отражает величину объема В. Объем любой ценности может быть видоизменен для включения образцов, ранее бывших частью мифа какой-либо другой ценности (будь то доктрина, формула или миранда). Поэтому вопросы, которые были частью семейных (Л) предписаний, могут появиться в границах объема общины как целого (В).

Несмотря на отсутствие окончательной демонстрации, представляющая интерес модель того, как происходят изменения в сформулированных ценностях, может быть такой:

1. Выдвигается конкретное требование, относящееся к главной ценностно-институциональной категории.

2. Это конкретное требование обосновывается с помощью компонентов традиционного (Т) мифа (доктрин, формул и миранды) или вновь представленного мифа (М). Поэтому требование о строительстве моста через реку, который необходимо пересечь, для того чтобы добраться до ближайшего торгового города, может быть оправдано на языке традиционной доктрины как новое сооружение, которое должно воздвигаться раз в несколько лет для облегчения путешествия в соседние местности. Традиционная доктрина могла быть дополнена фор-

мулой, ссылающейся на определенное соглашение, достигнутое ранее и устанавливающее правило о незатруднительном передвижении в торговый город. Может также цитироваться традиционная миранда, говорящая о том, как за строительством мостов в предыдущие годы последовали хорошие урожаи. В добавление к этим Т обоснованиям, потребность могла быть подтверждена новой доктриной модернизации, согласно которой производственные улучшения жизненно необходимы. Возможна также ссылка на подписание контракта для завершения определенных транспортных программ за три года. Новая миранда сообщала бы о том, как проекты, улучшившие торговлю внутри региона, принесли пользу другим регионам.

Обсуждение проекта строительства моста необязательно проходит в одобрительном ключе. Вероятно, компоненты Т мифа цитируются преимущественно оппозицией, в то время как сторонники приводят доводы на языке модернизации. Возможно, делается ссылка на традиционный закон, запрещающий воздвижение постоянных сооружений через ручьи.

3. Конкретная потребность обосновывается (и оспаривается) на языке каждой главной *ценностной категории*. Вышеупомянутая информация, требуемая в (2), может быть заново систематизирована в соответствии с ценностью, мифы которой были использованы. Вероятно, утверждения за и против моста имели отношение к экономике (Д) или к какой-либо другой ценности, такой как нравственность (Н), которая привносилась при обращении к богам.

4. Если конкретное требование *результативно*, все обосновывающие категории мифа и главная ценность воспринимаются как имеющие отношение к успеху. Отсюда возрастают шансы того, что к этим мифам и ценностям будут прибегать те, кто содействует распространению дальнейших требований. В этом случае успех может подтверждать или преобразовывать предрасположенности, относящиеся к приоритету ценностей и интенсивности, с которой компоненты мифа отстаиваются.

Модель может быть кратко сформулирована как подтверждающая, что *модернизация — это процесс, в котором компоненты мифа и ценностные ориентации приобщены к конкретным модернизирующим требованиям*. По мере удачной реализации этих потребностей появляется ценностный приоритет в поддержку М; различные компоненты мифа также поддерживают М. Гипотетически, исходные приоритеты среди Т ценностей могут быть продолжены или восстановлены после некоторого первоначального отклонения. Однако современные знания подтверждают ожидание того, что модернизированное общество будет, по сути, следовать главным ценностям в несколько ином порядке или с интенсивностью, отличающейся от традиционного порядка. Предположительно, некоторые Т компоненты мифа будут

успешно введены наряду с М компонентами для того, чтобы охватить идеологию нового политического сообщества. По мере того как М требования одерживают победу и приводятся в исполнение, изменяется практика эксплуатации и использования ресурсов общества; следовательно, предсказывается, что изменится весь диапазон институциональных деталей, охватываемый любой главной ценностной категорией. Выражаясь более кратко: *М требования, изначально обоснованные компонентами а, b, c Т мифа или компонентами а, b, c Т мифа и ценностями Т приоритета 1-8, или ценностями иного приоритета закрепляются как М миф или ценностный М приоритет*. Любое конкретное М требование может понести поражение; однако М процесс имеет место только тогда, когда многие М требования одерживают победу.

Строго говоря, контент-данные не могут быть использованы как окончательные указатели успеха или провала политических предложений, поскольку процесс принятия новой потребности и введения ее в действие предусматривает нечто большее, чем перемены в самой коммуникативной ситуации. Несмотря на это, уместно рассматривать данные о продолжающихся встречах сообщениях в качестве предварительных указателей успеха. Рабочее допущение состоит в том, что признаком успеха служит *повторение*. В документах политических партий, например, повторение конкретного требования (с обосновывающей его системой мифов и ценностей) свидетельствует о том, что, с точки зрения инициаторов, предыдущая коммуникация была достаточно успешной, чтобы служить основанием для ожидания более приемлемых результатов вследствие ее повторения^[8]. Поэтому, если про-М содержание продолжается, вывод состоит в том, что прошлые про-М сообщения имели результаты, подтверждающие оптимистические ожидания для продолженного или последующего М.

В наиболее общих терминах поток сообщений в сети средств коммуникации может быть описан как агитаторы внимания. Содержание *коммуникации способствует модернизации, когда внимание подвижно и вызваны ожидания в пользу М как более выгодного, чем Т, для ценностной позиции тех, чья поддержка существенна для М*.

Часто средства массовой информации обретают эффективность не столько за счет прямого воздействия на сообщество в целом, сколько за счет руководства и поддержки, которые предоставляют отдельным личностям, часто самостоятельно выбираемым, играющим роль посредников между каналом коммуникации и другими членами сообщества. Эти «коммуникационные лидеры», возможно, путешествовали больше своих соотечественников или были лучше образованны. В любом случае, они воспринимаются как заслуживающие доверие

эксперты-консультанты для соседей и сослуживцев. Контент-анализ может быть использован для краткого изложения способа, которым сообщения повторяются, видоизменяются или блокируются этими коммуникационными лидерами.

На этом этапе мы готовы соединить содержание средств массовой информации с теорией всего процесса развития, частью которого оно является^[9]. Необязательно допускать, что модернизация инициирована в неизменной манере. Иницирующим обстоятельством может быть невольное обучение местного населения иностранными торговцами, или намеренное просвещение детей миссионерами (и т. д.) Несмотря на большое разнообразие деталей, возможно обрисовать переходный период, через который должно пройти модернизирующееся общество.

Таблица 5.
Переход

Традиционный	Модернизирующий
Использование ресурсов	Использование ресурсов
Операции	Операции
Перспективы	Перспективы

На языке ситуаций, нацеленных на мобилизацию ресурсов для формирования ценностей, происходит переход от ресурсов, используемых Т стратегиями, к тем, которые используют М стратегии. Переход хотя и является более заметным в секторе достатка, оказывает влияние на все ценностные институты (ВПДБМЛУН). Меняется вооружение (В); строятся радиобашни, лаборатории или обсерватории (П); вводятся новое медицинское оборудование (Б); строятся школы (М); при воздвижении домов используются новые материалы, техника и планы (Л); места общественных собраний могут быть архитектурно изменены для того, чтобы упразднить распределение мест, отражающее кастовую принадлежность (У); упускаются из внимания или перестраиваются по М образцам старые религиозные доктрины (Н).

Такие перестановки в ресурсах сопровождаются и взаимодействуют с операциональными (поведенческими) переменами. Образцы поведения меняются по мере того как люди уезжают с ферм для работы на заводах (Д); слушают радио для того, чтобы узнать последние новости (П); участвуют в политических демонстрациях (В); получают новые медицинские практики (Б); посещают новые школы (М); заботятся о домах, выполненных в новом стиле (Л); приспосабливаются к изменившейся классовой культуре поведения (У); и обзаваются новыми церемониями (Н).

Новые операции выражают и, в свою очередь, влияют на изменяющиеся перспективы идентификации, ценностных требований и ожиданий. М образцы укореняются, поскольку они поддерживаются ожиданиями того, что они

принесут большее суммарное ценностное удовлетворение, чем Т образцы; очевидно, что такие ожидания зависят от поддержания потока операциональных и ресурсных воздействий, воспринимаемых как предоставление доказательств.

Таблица 5 кратко повторяет положение о том, что модернизация предполагает самоподдерживающийся уровень взаимодействия — в символических, операциональных и ресурсных образцах — что допускает высокую степень накопления ценностей и владения посредством М технологии. Критическую функцию выполняют средства коммуникации; их прямое воздействие приходится на мобилизацию символов, которая содействует операциональной и ресурсной мобилизации.

III

На данном этапе внимание обращено на вероятный вклад, осуществляемый контент-анализом в политико-управленческих науках, в вопросе исполнения интеллектуальных задач, отличающихся от описания тенденций или анализа обуславливающих факторов. Поскольку предоставляется информация о степени, с которой понимаются доминирующие цели, контент-данные имеют отношение к прояснению цели. Эти данные, очевидно, имеют отношение к *проектированию будущих изменений*, так как контекст взаимодействия отобран. В данный момент особый интерес для нас представляет *создание, оценивание и выбор политико-управленческих альтернатив*.

Анализ, представленный выше, содержит в себе скрытую проблему для тех, кто влияет на поток коммуникации в развивающемся обществе. *Теоретически возможно модернизировать общество, не изменяя его приоритеты, касающиеся Т ценностей*. Каждое специфическое нововведение *могло бы* быть представлено и обосновано на языке Т ценностей в их обычном порядке. Рассмотрим в рамках анализа традиционные религиозные верования и обряды. Если мы рассмотрим наиболее абстрактные доктрины, включающие традиционные верования, мы в большинстве случаев придем к заключению, что они могут быть истолкованы иначе для поддержания этики социальной ответственности; в общем все абстрактные доктрины доступны для повторных определений, благодаря которым они отделены от всяких Т практик, отвергающих или препятствующих М.

С этой позиции мы можем оценить эффективность процесса модернизации. Сложный вопрос в том, до какой степени скрытые символические ресурсы Т культуры подготовлены для преобразования.

Если мы спросим в большинстве стран, почему старые ценностные приоритеты изменяются, то ответ будет зависеть от многих переменных. Вероятно, лидеры общепринятых религиозных вер вступили в коалицию со светскими элитами, являющимися противниками

модернизации. Поэтому элитам, выступающим за модернизацию, кажется, что для того чтобы преуспеть, им необходимо критиковать традиционные верования — часто на языке «атеизма» как средства разрушения Т элементов.

Здесь также может быть упомянут еще один важный скрытый смысл контент-данных для политических лидеров. *Между символической мобилизацией с одной стороны и операциональной и ресурсной мобилизацией с другой стороны должно поддерживаться отношение роста. Существует опасность инфляции или дефляции, а не роста* ^[10].

Лучше всего мы информированы об этом взаимоотношении в материальном секторе. В сделках с материальными ценностями денежная единица чрезвычайно символична; и если количество денег увеличивается при отсутствии соответствующей ресурсной (или операциональной) мобилизации, мы говорим об инфляции. И наоборот, дефляция происходит, когда символические компоненты недостаточны для сохранения данного уровня операциональной или ресурсной мобилизации. Один компонент из всех ценностей символичен (другие компоненты — это специфические операции и ресурсы, приспособленные к носителям данного символа). Инфляция происходит по отношению к власти, например когда потребность в демократии (разделенной власти) увеличивается, но операциональной и ресурсной мобилизации не происходит. Дефляция власти происходит, когда перемены в деятельности и ресурсах, требуемые для поддержания роста современной политической системы, не готовы к появлению.

Вывод из вышеприведенного обсуждения состоит в том, что контент-анализ представляет инструмент, обладающий огромным потенциалом для политико-управленческих наук развития, вращается ли рассматриваемая проблема вокруг формулирования целей, описания направлений, анализа обуславливающих факторов, проектирования будущих событий или создания, определения и выбора политико-управленческих альтернатив.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. «Биты» — это термин из теории информации; термин «менты» взят из теорий коммуникации, он делает акцент на сути сообщений. См.: С. Cherry. *On human communication: A review, a survey, and a*

criticism. — Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1957; *The science of mass communication: Four essays* // L. Smith, H. D. Lasswell, and R. D. Casey (eds.) *Propaganda, communication, and public opinion: A comprehensive reference guide.* — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1946.

[2]. См.: Н. Passin. Writer and journalist in the transitional society, ch. 6. // L. W. Pye (ed.) *Communication and political development.* — Princeton: Princeton University Press, 1963.

[3]. Контент-анализ, например, углубил наши знания того, когда и как перспективы общей идентичности возникли у 13 английских колоний, вышедших из союза и образовавших США. Обратитесь к следующему источнику: R. L. Merritt. *Symbols of American community, 1735—1775.* — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966.

[4]. Взаимодействие национального самосознания и коммуникативных зон — это главная тема для К. Deutsch. *Nationalism and Social communication: An inquiry into the foundation of nationality.* — Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1953.

[5]. Многие текущие данные в W. P. Davidson. *International political communication.* — New York: F.A. Praeger, 1965; также: В. М. Russett, H. R. Alker, Jr., W. Deutsch and H. D. Lasswell. *World handbook of political and social indicators.* — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1964.

[6]. См., в частности: I. de Sola Pool. The mass media and politics in the modernization process, ch. 14 // L. W. Pye (ed.). *Communications and political development.* — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963.

[7]. См.: H. D. Lasswell. Detection: Propaganda detection and the courts, ch.9 // H. D. Lasswell, N. LEites, et.al., op.cit.

[8]. Многие из вопросов, о которых здесь идет речь, рассматриваются Z. Namenwirth и автором этой статьи в “Changing language in American party-platforms: A computer analysis of political values” (готовится к выпуску).

[9]. По вопросу общей теории о терминах самоподдерживающегося накопления ценностей и владения см.: H. D. Lasswell and A. Holmberg. *Toward a general theory of directed value accumulation and institutional development* // *Comparative theories of social change.* — Ann Arbor, Mich.: Foundation for Research on Human Behavior, 1966. P. 12—58.

[10]. Данная формулировка была взята из анализа «дефляции» ценностей в: К. W. Deutsch. Some quantitative constraints on value allocation in society and politics // *Behavioral science.* 1966. № 11. P. 245—252.

Перевод рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Э. В. Будаев

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'373.2(049.32)

ББК Ш141.2-314

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Kod BAK 10.02.19

**В. И. Карасик,
Г. Г. Слышкин**
Волгоград, Россия

**V. I. Karasik,
G. G. Slyshkin**
Volgograd, Russia

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ В СМИ

PRECEDENT ONYMS IN MASS MEDIA

Аннотация. Рецензия на монографию Е. А. Нахимовой «Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования» (Екатеринбург, 2011).

Abstract. The review of the monograph by E.A. Nakhimova «Precedent onyms in the contemporary Russian mass communication: theory and methods of cognitive-discursive research» (Ekaterinburg, 2011).

Ключевые слова: прецедентный оним; прецедентный феномен; теория номинации; антропоним; урбоним; прецедентный мир.

Key words: precedent onym; precedent phenomenon; nomination theory; anthroponym; urbonym; precedent world.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Place of employment: the Volgograd State Social Pedagogical University.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, к. 4-33.
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

Сведения об авторе: Слышкин Геннадий Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе.

About the author: Slyshkin Gennady Gennadievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-director for Scientific Work.

Место работы: Российский государственный торгово-экономический университет, волгоградский филиал.

Place of employment: the Russian State Trade-economical University, Volgograd branch.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, ул. Волгодонская, д. 11.
e-mail: mail@rsute.ru.

Рецензируемая монография посвящена актуальной проблеме современной антропологической лингвистики — когнитивно-дискурсивному моделированию прецедентной информации в значении имен собственных, используемых в современном российском массово-медиаальном дискурсе.

Работа состоит из предисловия, введения, четырех глав, посвященных соответственно традиционному и когнитивному направлениям в изучении имени собственного, характеристике прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации, истории России как гиперсфере-источнику таких онимов, прецедентным ономам в текстах постсоветской массовой коммуникации, и заключения. Монография включает представительную библиографию.

Во введении к книге автор справедливо отмечает: «В последние годы количество прецедентных имен, используемых в средствах массовой коммуникации, стремительно увеличивается, растет и частотность их употребления, что во многом связано с особенностями постмодернистской парадигмы, в высшей степени характерной для современной коммуникативной ситуации» (с. 6). Вместе с тем специфика использования соответствующих имен собственных в прессе с учетом социальных перемен

в современной России еще недостаточно освещена в лингвистической литературе.

Впечатляет масштабность предложенного читателям теоретического анализа прецедентных онимов. Автор критически анализирует подходы к изучению имен собственных, разработанные в рамках традиционной лексико-грамматической теории, классической и современной риторики, лексикографии, литературной ономастики, теорий интертекстуальности и вертикального контекста, межкультурной коммуникации и текстовых реминисценций, метафорологии. Особое внимание уделяется когнитивно-дискурсивному подходу к исследованию культурно значимых онимов, в этом разделе анализируются достижения теорий концептуальной метафоры, брендинга, жесткой и нежесткой референции, прецедентности, концептологии, когнитивной дефиниции и профилирования.

Заслуживает внимания тезис автора, касающийся теоретической значимости изучения прецедентных онимов: «К числу наиболее перспективных направлений исследования имени собственного на данном этапе развития науки относятся, в частности, проблемы классификации образных смыслов, специфика метафорического и метонимического использования имен собственных, относящихся к различным смысловым сферам, группам и разрядам, законо-

мерности реализации прецедентных имен в тексте и дискурсе, соотношение смысловых сфер-источников и сфер-мишеней метафорических преобразований» (с. 77).

Обсуждая вопрос о систематизации и классификации анализируемых имен, Е. А. Нахимова обоснованно предлагает рассматривать их в трех аспектах: 1) с позиций ономастики (антропонимы, зоонимы, топонимы, хрононимы и др.); 2) с точки зрения исторической динамики словарного состава (неологизмы, окказионализмы, архаизмы, историзмы); 3) с точки зрения принадлежности онимов к общеупотребительной и необщеупотребительной (регионализмы, профессионализмы) лексике.

В работе детально анализируются различные классы ономастических единиц, отмечается, что наиболее распространенный вид прецедентных имен — это прецедентные антропонимы, далее по частотности следуют прецедентные топонимы. Другие виды прецедентных имен (названия художественных и не только художественных произведений, событий, кораблей, бизнес-структур и др.) встречаются значительно реже (с. 99). Рассматривая ключевые слова текущего момента (термин Н. А. Кузьминой), автор доказывает целесообразность включения в этот класс и имен собственных, таких, как, например, *Березовский* и *Абрамович*, *Кондопога* и *Пикалево*. Как показал проведенный исследователем анализ, в составе таких ключевых антропонимов выделяются четыре класса слов: имена известных всем олигархов, политиков, преступников и тележурналистов. Это наблюдение, бесспорно, заслуживает внимания не только лингвистов, но и представителей других областей гуманитарного знания.

Наряду с антропонимами высокую степень прецедентности в современной российской прессе получили и определенные топонимы: *Кондопога*, *Пикулево*, *Кущевская*. В этих местах произошли, как известно, трагические события, повлекшие человеческие жертвы, причем причины трагедий были разными: столкновения на этнической почве, волнения в связи с экономическим кризисом или разгулом преступности. Но важно то, что имена этих населенных пунктов стали эмблемами неблагополучия современной России. Суммируя результаты изучения функционирования прецедентных онимов, Е. А. Нахимова делает важные выводы: «Исследование позволило выделить несколько типовых этапов, характерных для преобразования имени собственного в прецедентный оним: 1) повышенная частотность функционирования имени собственного в стандартном значении, которая объясняется важными событиями, связанными с соответствующим населенным пунктом; 2) использование топонима в качестве образного обозначения событий, которые произошли в этом населенном пункте (*Кондопога* — события в *Кондопоге*); 3) использование данного имени собственного для обозначения

событий, которое произошло в другом населенном пункте (*уральская Кондопога*, *Кондопога на Волге* и др.)» (с. 132). Специфика массово-информационного дискурса состоит в том, что прецедентные онимы быстро теряют значимость и переходят в разряд архаизмов, как это случилось, например, с топонимом *Фергана* (столкновения между узбеками и турками-месхетинцами в Фергане в начале перестройки).

История России изобилует именами, символизирующими величие страны и концентрированно выражающими достижения и испытания народа. К числу лингвистически релевантных характеристик исторических прецедентных онимов в современной прессе автор относит следующие признаки: 1) высокая, средняя или низкая частотность, свидетельствующая о роли соответствующего концепта в национальном сознании; 2) многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества); 3) преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования; 4) широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования; 5) использование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса; 6) принадлежность к центральной зоне поля прецедентности или же к периферии» (с. 154). В качестве иллюстраций в монографии анализируются мифологема *Александр Невский*, прецедентный хрононим *Смутное время*, аксиологема *Керенский*, идеологема *Сталин*. Термин «аксиологема» заслуживает особого внимания, поскольку в данном случае уточняется категориальный аппарат когнитивной лингвистики. Приведем авторскую дефиницию: «Аксиологему можно охарактеризовать как когнитивный феномен (концепт), включающий аксиологический компонент (позитивный или негативный), который предопределяет особенности использования репрезентантов соответствующей аксиологемы. Следует различать аксиологемы со стабильным оценочным модусом (позитивным или негативным) и с вариативным модусом» (с. 179). Солидаризируясь с автором в том, что некоторым концептам свойственна оценочная стабильность, а некоторым — вариативность, мы полагаем, что наличие ценностного компонента есть необходимый признак концепта, его системообразующая характеристика. Вероятно, здесь можно было бы акцентировать не факт наличия оценки (аксиологичность), а аксиологический вектор — оценочный знак и стабильность либо вариативность оценки.

Обсуждая дискурсивные функции прецедентных онимов, автор говорит об оценочной, моделирующей, прагматической, эстетической, парольной, людической, эвфемистической функциях. Соглашаясь с тем, что когнитивно-дискурсивные функции слова весьма многооб-

разны, мы предложили бы в дальнейшем установить иерархию этих функций (например, при широком понимании прагматики оценка, паролльность, игровой эффект и эвфемистичность выступают в качестве разновидностей прагматического смысла).

Интересен проведенный в работе анализ ментальных полей прецедентных феноменов со сферами-источниками «Театр» и «Литература». Автор отмечает, что эти поля «проникнуты концептуальными векторами, представляющими политическое событие как что-то вторичное, неподлинное, как своего рода игру, имитацию настоящей жизни. Использование названных полей для характеристики политической ситуации часто носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам политической борьбы и политической ситуации в стране в целом, а также многие иные концептуальные смыслы» (с. 226). Заслуживает внимания и вывод о том, что «на современном этапе развития для отечественной массовой коммуникации (а возможно, и для

русской культуры в целом) особенно характерно обращение к ресурсам детской литературы и иным наиболее доступным источникам. Особенно часто аллюзии связаны с литературными текстами, популярность которых поддерживается хорошими инсценировками, популярными песнями или римейками» (с. 234—235). Этот вывод характеризует специфику коллективного сознания в условиях современной массовой культуры. В книге показаны также и коммуникативные неудачи в выступлениях политиков, старающихся использовать прецедентные онимы для повышения собственного статуса.

Выполненное исследование является развернутым доказательством справедливости тезиса автора: «Система прецедентных онимов — это национальная лингвокультурная ценность, отражающая как историю языка и общества, так и их современное состояние» (с. 254). Рецензируемая монография — это солидный вклад в развитие когнитивной лингвистики, теории дискурса, политической лингвистики и ономастики.

УДК 811.161.1:81'27

ББК Ш100.3(049.32)

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

O. N. Kondratyeva
Kemerovo, Russia

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ

Аннотация. Рецензия на монографию Е. В. Дзюбы «Концепт „ум“ в русской лингвокультуре». — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. — 224 с.

PROBLEMS OF CONCEPTUAL LINGUISTIC

Abstract. The article presents a review of the book by E. Dzyuba "Concept «mind» in Russian linguoculture", Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2011. 224 p.

Ключевые слова: лингвоконцептология; концепт; лингвокультура; языковая картина мира; национальное мировидение.

Key words: conceptual linguistic; concept; linguoculture; language world picture; national worldvision.

Сведения об авторе: Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

About the author: Kondratyeva Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General Linguistics and Slavic Languages.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, каб. 6420.
e-mail: Kondr25@rambler.ru.

Одной из наиболее ярких особенностей современного языкознания является возникновение и интенсивное развитие новых лингвистических направлений в рамках антропоцентрической парадигмы. Безусловным «лидером» в этом плане являются концептуальные исследования, находящиеся на пересечении двух новых лингвистических направлений — когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Когнитивная лингвистика фокусирует свое внимание на когнитивной функции языка, которая реализуется в процессе концептуализации действительности, на механизмах формирования концептуальной картины мира и отдельных концептов, а также способах их объективации в языке. В свою очередь, лингвокультурология сосредоточена на культурной функции языка, выявлении национального своеобразия концептов. В последнее время все больше лингвистов стремятся интегрировать в своих исследованиях достижения этих двух направлений, подобный подход соответствует закономерностям антропоцентрической парадигмы и детерминирован ее экспансионизмом, тенденцией к объединению усилий смежных дисциплин в достижении единой цели. Результатом подобной интеграции является возникновение лингвоконцептологии.

Одним из первых на возникновение нового направления указал С. Г. Воркачев, отметивший, что «процесс «внутреннего деления» антропологической лингвистики отнюдь не завершен ... и на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики можно прогнозировать становление лингвистической концептологии (лингвоконцептологии), в задачи которой войдет, прежде всего, определение своего объекта и разработка методологической базы исследова-

ния. О возможности подобного развития ситуации в области макролингвистики свидетельствует появление соответствующих работ» [Воркачев 2002: 79].

Лингвоконцептология достаточно быстро оформилась в самостоятельную научную дисциплину. Ярким свидетельством этого стал выход в 2005 г. в Волгограде первого выпуска уникального издания — «Антологии концептов», редакторами которого выступили В. И. Карасик и И. А. Стернин. Позднее книга была переиздана в Москве в издательстве «Гнозис», а в последующие годы увидели свет новые тома. «Антология» объединила под своей обложкой труды, созданные на основе диссертаций, посвященных особенностям концептов в разных лингвокультурах. Как отмечают В. И. Карасик и И. А. Стернин, при всех различиях в методах и приемах исследования, эти работы объединяет одна цель — дать описание концепта. Следовательно, лингвоконцептология — это «наука, ставящая своей целью описать названные в языке концепты лингвистическими средствами» [Карасик, Стернин 2005: 7]. Основой для «Антологии» послужили работы представителей четырех крупных лингвоконцептологических школ — Волгоградской, Воронежской, Кемеровской и Краснодарской, — постулаты каждой из которых представлены в первом томе «Антологии».

С течением времени круг участников «Антологии концептов» расширился, как и расширилось число лингвистов, выполняющих лингвоконцептуальные исследования. Появились учебные пособия, посвященные данной тематике (см., напр., [Пименова, Кондратьева 2006, 2011]), прошел цикл Летних школ (в Кемерово в 2006, 2009 гг., в Севастополе в 2009, в Омске

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кондратьева О. Н., 2011

в 2010, в Горловке в 2011 г.), появились и монографии.

Настоящая рецензия касается одной из наиболее интересных работ подобного плана — монографического исследования Е. В. Дзюбы, посвященного специфике концепта «ум» в русской лингвокультуре. Следует отметить неуклонно возрастающий интерес лингвистов к анализу языковых средств, с помощью которых вербализованы важнейшие понятия интеллектуальной деятельности, и стремление установить их национальные особенности. Данное обстоятельство во многом определяет актуальность выполненного Е. В. Дзюбой исследования, научная новизна которого заключается в комплексном описании центрального концепта интеллектуальной концептосферы — концепта «ум».

Композиция монографии определяется целью работы и в полном объеме отражает логику движения научной мысли и основные этапы исследования. *Первая глава* «Теоретические основы лингвоконцептологии» посвящена описанию основных постулатов данного направления, автором выстроен обзор основных интерпретаций термина *концепт*, рассмотрено соотношение терминов *концепт*, *понятие* и *значение*, представлены современные классификации концептов, описаны существующие методики концептуального анализа. Полнота и четкость (как внутренняя, так и композиционная) делают главу не только обоснованной базой дальнейшего исследования, но и введением для тех, кто только начинает знакомство с проблематикой лингвоконцептологии.

Вторая глава посвящена непосредственно описанию концепта «ум» в русской лингвокультуре. В современной лингвистике уже вполне устоялось разведение двух картин мира — научной и наивной (см. работы Ю. Д. Апресяна, Е. В. Урысон и др.). Внимания заслуживает тот факт, что свое исследование Е. В. Дзюба начинает с описания концепта «ум» именно в научной картине мира, и это становится прекрасным фоном, оттеняющим наивно-языковой образ данного концепта, воссозданный в последующих разделах монографии.

В частности, в работе представлен лексикографический портрет изучаемого концепта. Поскольку ментальные единицы формируются на протяжении веков, вполне логичным является обращение автора в первую очередь к историко-этимологическим словарям, позволяющим выявить наиболее ранние представления об интеллектуальной концептосфере, а затем уже к словарным источникам XX и XXI вв.

Таким образом, автору интересны не только те значения, которые являются универсальными, но и характерные для определенной эпохи, так как для понимания специфики национальной ментальности не менее важны компоненты смысла, заложенные в исторической памяти народа. Это проявляется и в следующем раз-

деле, в котором концепт «ум» рассматривается на материале паремий. Паремиологический фонд русского языка, фиксирующий и передающий от поколения к поколению культурные установки, архетипы и стереотипы, является богатейшим материалом для установления базовых представлений об уме в русской культуре, а также для выявления его национально-специфических особенностей.

Современный слой знаний о концепте «ум» представлен в главе данными ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов Уральского государственного педагогического университета. Стоит отметить, что комплексная методика, применяемая автором, и выбор в качестве источников материала исследований психологов, лексикографических данных, паремиологического фонда и данных ассоциативного эксперимента дают возможность получить достаточно полное представление об изучаемом концепте. Однако анализ художественных и публицистических текстов позволил бы выделить не только ядро концепта, но и его «интерпретационное поле» [Попова, Стернин 2002: 134]. Безусловно, привлечение названного материала является перспективой дальнейшего исследования.

В *третьей главе* концепт ум предстает уже объектом сопоставительной лингвоконцептологии. Общеизвестно, что наиболее отчетливо национальное своеобразие обнаруживается при сопоставлении разных языков. Для определения специфики этнокультурной составляющей концепта использовался метод компаративного анализа, при котором сопоставлению подвергался паремиологический фонд трех языков (русского, французского и английского) в рамках единого смыслового поля «Интеллект». Это позволило определить место концепта «ум» в ментальности каждого народа, указать смысловую близость этого концепта с другими компонентами национальных концептосфер, вывить этноспецифические компоненты смысла, актуальные для каждой конкретной лингвокультуры.

В *заключении* автор делает вывод, что «концепт ум в русской лингвокультуре представляет собой уникальное явление, которому трудно подобрать аналог в другой культуре. Это „константная“ ментальная единица, непрерывно формирующаяся на протяжении многих веков и прирастающая все новыми смыслами, которые нуждаются в описании и осмыслении» [Дзюба 2011: 122].

Проведенное исследование имеет, на наш взгляд, серьезные перспективы, автор планирует в дальнейшем представить комплексное описание интеллектуальной концептосферы, специфику ее структурирования в синхронии и диахронии, что, безусловно, вызовет интерес лингвоконцептологов.

Завершая рецензию, следует отметить: Е. В. Дзюбой собран и проанализирован интеле-

реснейший языковой материал, интерпретация примеров в тексте работы аргументированна и непротиворечива. Проведенное исследование дает комплексную характеристику феномена ума в русской культуре, также оно вносит определенный вклад в развитие идей лингвоконцептологии. Тот факт, что рецензентами монографии, помимо автора данной статьи, выступили такие авторитетные ученые, как В. И. Карасик и А. П. Чудинов, также свидетельствует о высоком научном статусе рецензируемого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Антология концептов / под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1—6. Волгоград: Парадигма, 2005 и сл.

Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и приклад-

ная лингвистика. — Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 79—95.

Дзюба Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.

Карасик В. И., Стернин И. А. Предисловие // Антология концептов / под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 4—7.

Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Введение в концептуальные исследования. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006.

Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение. — М.: Флинта ; Наука, 2011.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2002.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции. Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии. Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно.);
- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.